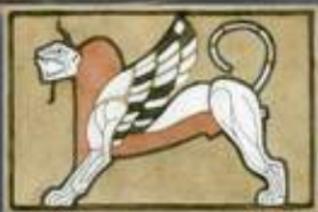
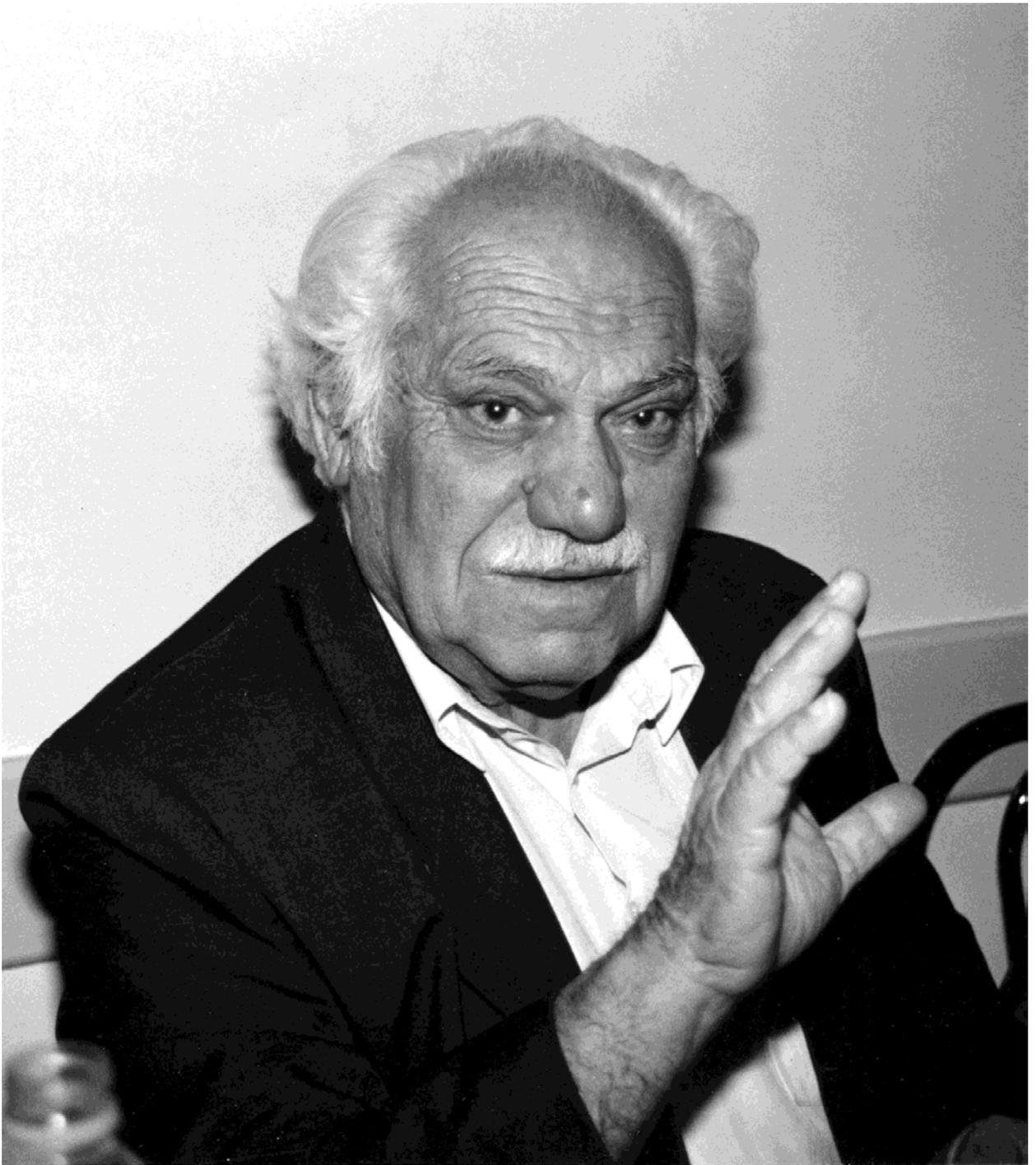

У истоков цивилизации

Москва 2004

Bob

Margiana Archaeological Expedition

Near the Sources of Civilizations

*The Issue in Honor of the 75-Anniversary
of Victor Sarianidi*

Moscow
2004

Маргианская археологическая экспедиция

У истоков цивилизации

*Сборник статей к 75-летию
Виктора Ивановича Сараниди*

**Москва,
2004**

УДК 902/904
ББК 63.4(3)
У11

Редакционная коллегия

Косарев М.Ф.
Кожин П.М.
Дубова Н.А.

*Работа подготовлена при частичном финансировании в рамках
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»*

У 11 У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди
/ Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. – М., Старый сад, 2004 - 470 с. –
ISBN 5-89930-081-7

В сборнике на основании археологических и лингвистических данных обсуждаются проблема прародины индоевропейцев, пути и направления миграций эпохи бронзы, публикуются новейшие результаты изучения архивных материалов, раскопок и антропологических исследований на территории Евразии. Специальное внимание уделяется вопросам охраны и реставрации памятников истории и культуры.

ISBN 5-89930-081-7

© Коллектив авторов, 2004
© М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова, 2004

ВИКТОР ИВАНОВИЧ САРИАНИДИ — ЛЕГЕНДА АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Середина XX в. ознаменовалась значительными изменениями в археологии Средней Азии. В 50–60-е гг. продолжали трудиться, возглавляя экспедиции и археологические отряды, многие из тех, кто являлся основоположниками среднеазиатской археологической науки, но их ряды постепенно таяли. В науку вливалась и набирала силу поросль молодежи, поколения тех, кто прошел или пережил Великую Отечественную войну. Среди них был и Виктор Сарияниди — выпускник кафедры археологии Средней Азии САГУ — Среднеазиатского (теперь Ташкентского) государственного университета. В те годы кафедра давала очень основательную подготовку в области археологии Средней Азии. Наряду с общеисторическими курсами, студентам читали целый цикл специальных дисциплин. Основатель и заведующий кафедрой проф. М. Е. Массон являлся археологом очень широкого профиля. История, археология, нумизматика, архитектура, историография древней и средневековой Средней Азии — все это входило в круг его интересов. Организованные им экспедиции внесли серьезный вклад в изучение среднеазиатских древностей. В это время он возглавлял Южно-Туркменистанскую археологическую экспедицию (ЮТАКЭ), в которой участвовали студенты и аспиранты кафедры. Вместе со всеми В.И. Сарияниди слушал курсы А.А. Семенова по истории Средней Азии, Л.В. Ошанина по этнической антропологии, изучал всеобщую историю. На кафедре читались курсы общей археологии, археологии Средней Азии, исторической топографии среднеазиатских городов, среднеазиатской нумизматики, архитектуры Средней Азии, искусства Востока, четвертичной геологии и другие. Главные курсы вел сам М.Е. Массон, а также Г.А. Пугаченкова. Они обладали фундаментальными знаниями и были прекрасными лекторами. Отдельные курсы читали аспиранты кафедры Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, которые

также проводили студенческую практику в Самарканде и Бухаре. М.Е. Массон считал, что студенты с самого начала обучения должны вовлекаться в исследовательскую работу. Он организовал СНАК — студенческий научный кружок, на котором считали за честь выступить специалисты разных научных учреждений Ташкента, историки и археологи, приезжавшие из Москвы и Ленинграда. Строжайшая дисциплина (шеф был очень строг) сочеталась с атмосферой общей увлеченности археологией и культом научных исследований. Каждый знал, что нужно научиться не только раскопчной технике, ибо процесс раскопок — это одновременно процесс исследования памятника. М. Е. Массон требовал от своих учеников усвоения обширного запаса знаний, активного знания множества фактов. Он повторял, что в экспедиционных условиях нет возможности обратиться к книгам, справочникам; надо владеть знаниями активно, чтобы использовать их для исследования памятников в полевых условиях.

Именно такую школу прошел В.И. Сарияниди и именно в процессе этих занятий и первых экспедиций он получил сильнейший импульс к будущим археологическим изысканиям. Он уже много знал и умел, но еще не представлял, чем, собственно, будет заниматься, в какой области археологии будет работать.

Через три года после окончания учебы В.И. Сарияниди переезжает в Москву и становится сотрудником Института истории материальной культуры (теперь — Институт археологии Российской Академии наук). Здесь выходец из Средней Азии попадает в совсем иную научную среду, где господствовала другая иерархическая система, чем на кафедре археологии САГУ. В Москве вместо одного корифея он оказался среди целой плеяды корифеев. То же самое было в Петербурге, где находилось тесно связанное с головным институтом Ленинградское от-

деление. Рядом с корифеями трудились сотрудники среднего поколения и совсем молодые сверстники В.И. Сарияниди. Научная жизнь была ключом: научные заседания, симпозиумы, конференции, доклады о новых открытиях и исследованиях. Почти сразу выяснились пробелы в университетском образовании. Последние открытия в Южном Туркменистане вынудили В. И. Сарияниди обратиться к археологии эпохи бронзы. В Москве стало очевидно, что для понимания памятников бронзового века Южной Туркмении одного труда Р. Пампелли и тощей стопки статей советских авторов было недостаточно. Нужно было знать все об энеолите, бронзе и раннем железе не только всех районов Средней Азии, но и Афганистана, Ирана, Месопотамии, одним словом — Переднего Востока. А это многие десятки томов публикаций, исследований, каталогов, сотни статей. Многие из них были в московских и ленинградских библиотеках, и начинающий ученый день за днем проводил за письменным столом, читая, комментируя, осваивая огромный материал, накопленный в мировой науке. Так В. И. Сарияниди самостоятельно прошел второй цикл университетского образования, на этот раз специализированного, под руководством крупнейших специалистов мира в области передневосточной археологии.

Все это чередовалось с частыми и продолжительными экспедициями в Южную Туркмению. В Геоксюрском оазисе (былая дельта реки Теджен) он изучает энеолитические памятники. Их исследование завершилось в 1963 г. защитой кандидатской диссертации. Через пару лет на базе этой диссертации в 1965 г. он издал книгу «Памятники позднего энеолита юго-восточного Туркменистана». Институт издал эту книгу в очень солидной серии «Свод археологических источников» в качестве отдельного тома. Можно представить себе радость автора — это была первая его книга. Сейчас, когда В.И. Сарияниди опубликовал множество (более трех десятков!) научных и научно-популярных книг, об этом своем первенце он вспоминает с нежностью и налетом грусти («Как молоды мы были, как бешено любили, как верили в себя...»).

Кандидатская диссертация, первые четыре десятка статей, первая книга возвести-

ли, что в археологии появился новый исследователь, вступающий в пору научной зрелости. К тому времени он прекрасно знал всю Южную Туркмению, от Мисрианского плато на западе до Амударьи на востоке. Больше всего его влекла юго-восточная Туркмения, низовья Теджена и особенно Мургаба. Он понимал, что в засыпанных песками Каракумов старых дельтовых руслах Мургаба могут, могут скрываться остатки древнейшей цивилизации. Пустыня манила его и, как ясно из серии его прекрасных научно-популярных книг, он влюблен в нее. В мареве жгучего солнца он изъездил и исходил сотни и тысячи километров. Ни изнурительная жара, ни пыльные бури, ничто не могло остановить его неустанный поиск. Взбираясь на гряды барханов, он видел впереди новую гряду — его окружало песчаное море с торчащими кривыми ветвями саксаула, море, кое-где прерывающееся островками — гладкими лужайками такыров, чью поверхность образовывала корка вековых натеков, покрытых причудливой вязью трещин. Охраняли это безмолвие песков лишь огромные ящерицы — вараны, но опасаться следует не их, а змей и каракуртов, чей укус нередко смертелен. Но мысленному взору археолога открывался совсем другой пейзаж: с протоками, наполненными водой, селениями и городами, окруженными зеленью полей и садов, среди которых проступали силуэты храмов и дворцов. И Виктор Иванович продолжил поиск, выявляя все новые и новые следы древних поселений и целые микрооазисы, исследовал и раскапывал их. И безжизненный мир пустыни наполнялся новыми ландшафтами: раскопанными поселениями, с их жилыми и монументальными зданиями, здесь действительно были храмы, дворцы, фортификационные сооружения, некрополи. Многие считали это фантазией, но на самом деле это было замечательное научное предвидение. Проходили годы, а затем десятилетия напряженного экспедиционного труда, появлялись все новые данные и новые факты и, отменяя сомнения и скепсис, В.И. Сарияниди вот уже полстолетия трудится на окраине пустыни Каракумы, делая открытия, которые потрясли мир ученых и позволили Виктору Ивановичу внести новые идеи и гипотезы в концепцию древ-

невосточных цивилизаций.

Это стало возможным еще и потому, что В.И. Сарияниди не ограничился Маргианой, а одновременно стал изучать и другой важнейший регион древней Центральной Азии — овеянную крылатыми греческими легендами Бактрию. Ее северная часть располагалась к северу от Амударьи, в южных областях современных Таджикистана и Узбекистана, а южная часть — к югу от Амударьи, в северных провинциях Афганистана. Ситуация с археологическим изучением обеих частей была совершенно различна. На севере российские, узбекские и таджикские археологи планомерно исследовали территорию и проводили раскопки на памятниках различных эпох — от каменного века до позднего средневековья. В Афганистане с 1922 г. работали Французская археологическая миссия, вначале монополично, затем работы стали производить также японские, американские, германские, итальянские исследователи. Все они, за редким исключением, проводили полевые исследования в восточной половине Южной Бактрии, сделав там замечательные открытия, среди которых были памятники мирового значения, в частности Ай-Ханум и Сурх-Котал. Северо-западная полоса Бактрии при этом оставалась малоисследованной. Образованная в 1969 г. Советско-Афганская экспедиция сосредоточила свои усилия именно в этой части Бактрии. Ядро экспедиции составляли сотрудники Академии наук СССР, особенно Института истории материальной культуры; в экспедиции также работали археологи из Академий наук среднеазиатских республик. В.И. Сарияниди возглавил один из отрядов экспедиции.

Его сразу же привлекла широкая полоса, прилегающая к Амударье. Вдоль великой реки на протяжении 250 км тянется широкий пустынный пояс — своеобразный «песчаный залив» Великих Каракумов на теле Бактрийской долины. Попав сюда, Виктор Иванович был потрясен: он записал в своем дневнике: «Ландшафт левобережья Амударьи или древней Бактрии, где нам предстояло работать, до удивления напоминал полупустынный пейзаж соседнего Туркменистана. Те же ровные глади такыров, перемежающиеся с небольшими барханными грядами

песка, за которыми опять идут “пятна” такыров» (Сарияниди, 1993, с. 55). Свирепые ветры, настоящие песчаные бури, затягивали горизонт, сужали его до нескольких десятков метров, сквозь пылающую жаром мглу, мутным пятном едва просвечивало солнце. Когда-то через эти пески с трудом прошли греко-македонские фаланги Александра Македонского, и все сложности этого похода описали его летописцы; уже в XIX в. то же самое писали пересекавшие эту пустыню русские путешественники. Но все предстоящие трудности не пугали В.И. Сарияниди, у него за плечами были годы работы в «больших» Каракумах. Судя по публикациям, он думал совсем о другом. Несмотря на сходство ландшафтов, природные условия низовьев Мургаба и Южной Бактрианы имели определенные, причем существенные, отличия: В.И. Сарияниди учитывает их, и его разведки быстро приводят к новым открытиям. В Давлетабадском, Фарабадском и Дашлинском оазисах он обнаружил и исследовал множество памятников эпохи бронзы. Среди них были могильники и поселения двух типов: неукрепленные и с крепостью, окруженные жилой застройкой. Особенно интересными оказались планировка и фортификация поселений Дашлы-1 и Дашлы-3. На первом поселении были мощные стены, окружавшие прямоугольную площадь и снабженные угловыми и прямоугольными башнями и воротами, также фланкированными башнями.

Большие раскопки были проведены на Дашлы-3, где вскрыта часть дворцово-культурного комплекса. В центре находилось круглое сооружение с двойным рядом стен и галерей между ними, причем они были разделены на отсеки. Внешняя стена была снабжена девятью небольшими полыми башнями. В центре круглого двора имелось многокомнатное здание. Укрепленная круглая центральная часть была обведена тремя кольцами застройки, разделенными полигональными стенами. Весь комплекс был обведен мощной внешней стеной.

На этом же памятнике, неподалеку от круглого сооружения, которое, судя по облику очагов (часть из них — алтари) было культовым, возможно храмом. Другое прямоугольное сооружение, которое В.И. Сария-

аниды назвал дворцом, построено по сложной планировочной схеме, помещения были тщательно отделаны, в некоторых применялась для украшения алебастровая мозаика. Проводились и раскопки погребений, особенно на Дашлы-3. Кроме того, В.И. Сариниди сумел зафиксировать обширный массив изделий из разграбленных могил Бактрии. В распоряжении исследователя оказался огромный комплекс керамики, бронзовых изделий, металлических печатей и других артефактов. Все это дало возможность охарактеризовать бронзовый век Южной Бактрии. Это было колоссальным открытием Виктора Ивановича Сариниди — Южная Бактрия обрела целую эпоху своего существования. Как тогда заключил исследователь, «...является бесспорным, что материальная культура Бактрии и Маргианы второй половины II тысячелетия до н. э. тождественны». Он даже добавил, что целесообразно «обозначить материальную культуру Маргианы и Бактрии как бактрийско-маргианскую археологическую культуру» (Сариниди, 1977, с. 106). Этот термин и его сокращение — БМАК прочно вошли в науку, а некоторые западные ученые предлагают называть этот комплекс иным, географическим, не вполне удачным термином «цивилизация Окса». Но это, безусловно, был один из типов древневосточной цивилизации, и его открытием и определением наука обязана именно В. И. Сариниди.

Работы в Маргиане и Бактрии, приведшие к открытию БМАК, дали ответ на один важный исторический вопрос. Из Бехистунской надписи (VDB, III, 10–21) явствовало, что Маргиана в конце VI в. до н. э. входила в состав Бактрии. Историки не могли понять причину этого. Но теперь стало ясно, что политические события имели историко-культурный фон, и что такое объединение имело очень древние историко-культурные предпосылки.

Античные авторы донесли до нас сообщения о величии Бактрии, несметных богатствах, о неведомом плодородии ее земель, множестве городов. В столице области, городе Бактра, находилась резиденция сатрапа, который обычно был родственником ахеменидского царя. Как сообщает ахеменидский царь Дарий I в своей Бехистун-

ской надписи, в провинции Маргиана произошло восстание. По приказу царя, бактрийский сатрап Дадаршиш выступил с армией против мятежников, и они были разбиты (это произошло 10 декабря 522 г. до н. э.). В конце рассказа об этом восстании и его разгроме Дарий I добавил: «Вот что сделано мною в Бактрии» (VDB, III, 10–21). Абсолютное большинство ученых на основании этого свидетельства считает, что Маргиана в ахеменидское время входила в состав Бактрии.

Французская археологическая миссия не нашла подтверждений того, что Бактрия ахеменидского времени была богатейшей страной с очень высокой культурой. Посвятивший многие годы поиска археологических свидетельств былого величия Бактрии основатель Французской археологической миссии в Афганистане А. Фуше в конце концов в сердцах изрек ставшую популярной фразу о «бактрийском миреже». Но уже во второй половине XX в. сквозь завесу неудачных поисков стали проступать отдельные величественные контуры: сначала Д. Шлюмберже осуществил раскопки замечательного памятника кушанской эпохи — Сурх Котал, а затем П. Бернар открыл миру великолепие эллинистической культуры Афганистана. Но ахеменидская эпоха по-прежнему оставалась «черной дырой» в истории Бактрии. И тут, наряду с названными выше великими археологами, на сцене бактрийской археологии на рубеже 60 и 70-х гг. XX в. появился Виктор Иванович Сариниди, который в археологии Бактрии был новичком. Мало кто из зарубежных специалистов знал, что у этого «новичка» пятнадцатилетний опыт успешных экспедиций в песках Каракумов, множество открытий. Тогда еще никто не подозревал, что В.И. Сариниди обладает необычайным археологическим чутьем и прозорливостью, которые не могут быть заменены никакой книжной эрудицией. Именно эти качества позволили В.И. Сариниди обнаружить ранее неизвестные памятники эпохи бронзы на севере Афганистана. За ними последовала целая серия новых открытий — были обнаружены и исследованы памятники ахеменидского времени.

В Фурукабадском оазисе В.И. Сариниди обнаружил и обследовал поселение

Кутлуг-тепе. Вытянутая почти на километр, площадь поселения частично засыпана песком. На поверхности — много фрагментов ахеменидской керамики, выделяются остатки гончарных печей. В южной части поселения находился небольшой холм (40x40 м, при высоте около 4 м). Внутреннее чутье подсказало В.И. Сарияниди, что этот холм надо раскопать. Действительно, раскопки открыли монументальное здание — первое монументальное сооружение ахеменидского времени в Бактрии. Сооружение имело необычайный — круглый план. В центре был круглый двор, он был окружен двумя кольцевыми галереями, стены этих галерей рассечены частыми щелями, служившими для освещения. Круглое сооружение вписано во внешнюю ограду сложной формы с очень массивными стенами. Внутри центрального круглого двора были прямоугольные помещения. У одного из них стены были покрыты белой штукатуркой; имелись алтари.

Монументальное сооружение на Кутлуг-тепе В.И. Сарияниди считает сакральным. Действительно, сама планировка сооружения совершенно необычна для архитектуры ахеменидского времени. До раскопок В. И. Сарияниди к числу таких построек относилась лишь хорезмийская Кой-Крылган-кала, которая, безусловно, является культовым сооружением. На Тахти-Сулеймане (северо-западный Иран) комплекс храма заключен в круглую ограду. На территории Бактрии имеется значительно более древнее, эпохи средней бронзы, культовое сооружение — храм Дашлы-3, что прямо свидетельствует о наличии традиции возведения многих таких сакральных сооружений. Была ли эта связь лишь архитектурно-типологической или же существовала преемственность и в культово-религиозных представлениях, — однозначный ответ на этот вопрос пока дать трудно. О культовой природе Кутлуг-тепе свидетельствует многослойная изоляция от внешнего мира. Наиболее сакральным является, очевидно, внутренний двор с алтарями и зданием с белой штукатуркой (белый цвет в зороастризме был связан с выражением принадлежности к религии). Как показал В. Н. Топоров, «жертвоприношение совершалось не только

в максимально сакральном месте, но и в максимально сакральном времени, точнее — на стыке старого и нового года (если говорить о главном жертвоприношении), когда Хаос одолевает Космос. Понятно, что благополучие данного социума зависит от умения царя-жреца найти эту сакральную точку в пространстве и времени. Лишь найдя ее, можно было определить место и время жертвоприношений и через него — всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом — алтарь, храм, поселение, его границы (четыре стороны света) и его временные координаты» (Топоров, 1974, с. 13). Невольно хочется сделать примечание, перефразируя слова знаменитого ученого: «Виктор Иванович Сарияниди на безбрежной равнине Южной Бактрии нашел в нужное для науки время самую сакральную точку, нашел поселение, храм и алтарь!»

Сама форма Кутлуг-тепе — круг, находит аналогию в авестийской Var (Vara) (Bartholomae, 1961, Sp. 1363–1364). Такой термин применен в «Видевдате» (Vd., 2, 25) при описании построенного Йимой по повелению Ахура-Мазды сооружения для рогатого и мелкого скота, людей, собак, птиц и для «горения красных огней». И Йима выполнил повеление, сообщаются размеры этого Var. Х. Бартоломе переводил этот термин как «Burg» — «замок», переводчики «Авесты» считали, что Var был квадратным или прямоугольным сооружением. С. П. Толстов, опираясь на эти переводы, связывал с авестийским Var некоторые хорезмийские прямоугольные сооружения (Толстов, 1948, с. 81–82). Однако специальный лингвистический анализ соответствующих авестийских пассажей, проведенный выдающимся иранистом И. М. Стеблин-Каменским, привел его к заключению, что в авестийских текстах Var — круглое сооружение. Он пишет, что «Var Йимы не был квадратом или прямоугольником, а состоял из трех концентрических кругов с девятью проходами во внешнем круге (кольце), с шестью проходами в среднем и тремя во внутреннем круге». При этом И. М. Стеблин-Каменский указал на наличие таких сооружений в Северном Афганистане, открытых раскопками В.И. Сарияниди. И. М. Стеблин-Каменский указал и на другие культовые

сооружения древних и современных зороастрийцев, имеющие круглый план (Steblin-Kamensky, 1995, p. 307–310)¹.

Многослойная ограда отделяла сакральные мир храма от окружающего профанного мира. Отголоски этих представлений вошли в похоронный ритуал современных зороастрийцев — парсов. По свидетельству Д. Моды, у парсов труп кладут на каменную плиту, вокруг которой пальцем или каким-либо острием проводят три круга — и никто не может войти в этот круг (Modi, 1922, p. 56–58). В Кутлуг-тепе три ограды преграждали доступ в иное сакральное пространство, но суть дела от этого не меняется.

Но В.И. Сарианиди открыл еще ряд ахеменидских памятников. На одном из них — Алтын 10 (Дашлинский оазис) он обнаружил и раскопал два монументальных сооружения. Оба сооружения на окраине большого поселения эпохи поздней бронзы. Первый объект имеет прямоугольный план (50 x 85 м) и обведен стеной. Дворы отделены друг от друга цепочкой помещений. Во внешних углах каждого из дворов по меньшему квадрату помещены с опорным столбом в центре. Вдоль стены дворов также находятся опорные столбы, на которых есть следы обгорелости. Ясно, что по периметру имелся айван с деревянным перекрытием. В центральном помещении срединной группы помещений — следы лестницы (второй этаж?). В. И. Сарианиди считал это сооружение летним дворцом. Светское назначение этого сооружения бесспорно, но конкретное назначение, на наш взгляд, уточнить сложно.

Второй комплекс имеет квадратный план. Это комплекс (36 x 36 м), окруженный стеной и с центральным двором. В углах комплекса — два прямоугольных помещения с двумя подпорными столбами и два меньших по размеру подквадратных, со столбами. Двор с трех сторон окружен обходным коридором, в котором открываются примыкающие к наружной стене узкие прямоугольные помещения. Все помещения изнутри имеют двух-

слойную алебастровую штукатурку. В одном из угловых помещений на полу — слой золы, а стены частично закопчены. Над слоем золы — система трехступенчатых, квадратных в основании, гипсовых пирамидок, покрытых слоем алебастра.

Данных для определения назначения этого комплекса почти нет. Возможно, это была жилая усадьба с домашним храмом огня. Вблизи располагались остатки еще двух монументальных сооружений.

Так произошло открытие ахеменидских памятников Южной Бактрии. Огромная лакуна в бактрийской истории была заполнена!

В 1975 г. В. И. Сарианиди защитил докторскую диссертацию на тему «Афганистан в эпоху бронзы и железа», а в 1977 г. она с дополнениями была опубликована под названием «Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.». Главную часть этой книги занимает публикация материалов и исследование памятников эпохи бронзы и раннего железа — тех памятников, о которых (очень кратко и неполно) говорилось выше. Поразительно уже то, что, получив колоссальный материал, В.И. Сарианиди, работая над его осмыслением параллельно с раскопками, сумел подготовить его через пару лет после завершения этого цикла своих полевых исследований. Это явилось результатом удивительной целеустремленности в сочетании с невероятной работоспособностью. Обычно разработка материалов такого объема растягивается на многие годы, а то и десятилетия.

Появление этого замечательного труда стало знаменем того, что В.И. Сарианиди не только «счастливчик», как многие специалисты до того считали, но и первоклассный исследователь, свободно оперирующий материалами не только Средней Азии, но всего Ближнего и Среднего Востока, от Леванта и Малой Азии до границ Индостана, человек, выдвигающий и обосновывающий новые гипотезы и идеи. Книга до сих пор является одним из основополагающих трудов в археологии Центральной Азии.

Здесь нет возможности даже кратко охарактеризовать хотя бы главные идеи и итоги этой публикации. Помимо того, что

¹ О других примерах круглых культовых сооружений на Переднем Востоке см.: Мамедов, 2003, с. 89–95.

уже говорилось выше, отметим, что открытие и изучение памятников эпохи бронзы позволило более глубоко исследовать процесс появления и расселения носителей культуры эпохи бронзы как в Южной Бактрии (Северный Афганистан), так и на территории Северной Бактрии (Южный Узбекистан и Южный Таджикистан). В.И. Сарияниди опубликовал и многие материалы, в том числе печати, орудия и оружие, из грабительских раскопок в Северном Афганистане. Все это создало предпосылки для более глубокого понимания культуры БМАК (бактрийско-маргианского археологического комплекса), ее сложения, распространения и содержания.

Памятники ахеменидского времени оказались чрезвычайно важными и для решения проблем генезиса культуры этой эпохи в Бактрии. Автор книги исследовал их с глубоким знанием соответствующих публикаций по Афганистану и Ирану. Он высказал мнение, что монументальная архитектура этой эпохи генетически связана с архитектурой эпохи бронзы, в частности, с культурой Маргианы. Значительно позднее опубликованные исследования историков древней архитектуры Г.А. Пугаченковой и Д. Хуфа во многом покоятся на материалах и исследованиях В.И. Сарияниди (Pugachenkova, 1982; Huff, 2001).

Вместе с тем исследователь отмечает наличие определенных переключек между архитектурой ахеменидской Бактрии и архитектурой того же времени иранского Сисстана. В своих сопоставлениях В.И. Сарияниди использовал лишь данные, содержащиеся в первом предварительном отчете о раскопках Дахани-Гуламан и в соответствующем разделе книги К. Шиннмана «Иранские храмы огня». Последующие публикации этих раскопок подтвердили идею об определенной связи бактрийской и систанской монументальной архитектуры (Scerrato, 1966, 1970, 1972, 1979 и др.; см. также труды по истории зороастризма в Иране, особенно G. Gnoli, M. Boyce, F. Grenet и др.).

Открытые В.И. Сарияниди монументальные архитектурные сооружения принципиально отличаются от монументальных памятников ахеменидской эпохи в Западном

Иране и являются, как выяснил автор раскопок, продолжением архитектурного эволюционного ряда, восходящего к бактрийско-маргианским памятникам зодчества эпохи бронзы. Однако теперь в Северной Бактрии открыт Храм Окса, построенный в самом конце ахеменидской эпохи — начале эллинизма. Этот храм демонстрирует синтез местных бактрийских и западноиранских элементов, как в архитектурной композиции, так и в архитектурных формах и деталях. Сложение и развитие бактрийско-маргианской архитектуры шло из нескольких источников и осуществлялось непростыми путями (Литвинский, 1996; Литвинский, Пичикян, 2000). Исследование этого процесса было положено открытиями В.И. Сарияниди.

Но череда замечательных открытий продолжилась. В свой первый полевой сезон в Афганистане в 1969 г. В.И. Сарияниди начал изучать небольшой памятник Тиллятепе («Золотой холм»). Затем он, с перерывами, вновь и вновь возвращался к нему. С одной стороны, были получены подробные сведения об этом холме. Шурфы позволили выяснить его стратиграфию, удалось раскопать монументальное здание, по-видимому, храм раннежелезного века и выяснить историю существования этого храма, обнаружить фортификацию, сделать много находок. И все же во время экспедиции осенью 1978 г., он вновь направился на Тиллятепе, словно какая-то мистическая сила, несмотря на все опасности и трудности, влекла его именно туда.

Приведу отрывок из записей, сделанных В.И. Сарияниди во время этой находки:

«Работа предстояла необычная, так как страна [Афганистан — *Б. Л.*] в это время переживала бурные события. Нередко на горизонте за песчаными барханами мы видели силуэты вооруженных всадников. Недоброжелатели, настроенные против новой власти, распускали о нас всевозможные слухи, стараясь всячески помешать нормальной работе экспедиции. Но как бы то ни было, мы успешно продолжали начатое дело.

С первых чисел ноября погода начала с каждым днем ухудшаться. С Пянджа потянуло сыростью, низкие тучи принесли моросящие дожди. Промозглый ветер и пони-

жившаяся температура воздуха наводили нас на мысль о завершении работ. Особенно испортилась погода к 12 ноября. Начавшийся еще ночью холодный, мелкий дождь заставил нас к середине дня прервать раскопки.

...Весь следующий день 13 и отчасти 14 ноября опять шел проливной дождь, и ни о каких раскопках не могло быть и речи. Утром 15 ноября погода немного улучшилась, и, хотя еще было пасмурно и очень сыро, мы возобновили работы на холме. Как только под лопатами рабочих мелькнули первые желтые диски золотых бляшек, раскопки на этом месте были приостановлены, рабочие переведены на другой участок, а археологи принялись осторожно зачищать площадку, на которой были найдены золотые вещи. Уже вскоре под их щетками, кисточками и совками появились плохо сохранившиеся кости, а затем и полуразрушенный человеческий череп. Стало ясно, что здесь в древности находилось захоронение с незаурядными погребальными приношениями.

...Расчистка первого захоронения некрополя Тилля-тепе еще только началась, а широкая молва уже разнесла по окрестностям слухи о находке золотого человека, погребенного в золотом гробу, о пудовых золотых слитках, о кувшинах, доверху наполненных драгоценностями. Так рассказывали «очевидцы» на улицах, базарах и дома в кругу семьи. Пешком и на велосипедах, верхом на ослах и лошадях, в фаэтонах и машинах люди толпами устремились к месту раскопок. Началось настоящее столпотворение. Временами около Тилля-тепе собирался целый автопарк из пассажирских автобусов, легковых и грузовых машин, и уже вскоре от асфальтированного шоссе в сторону холма протянулась хорошо накатанная грунтовая дорога.

...Между тем приближалась зима. Холодный дождь начал заливать глубокие могильные ямы. Через щели фанерных «домиков» и палаток, возведенных над каждым захоронением, капала вода. И в этих условиях археологам надо было расчистить и зафиксировать на чертежах каждую золотую бляшку или жемчужину, а их были сотни и даже тысячи. В конце ноября начались снежные вьюги. Озябшие, красные от холода пальцы с трудом держали пинцет для расчистки скелета

или карандаш для нанесения находок на план. Но нужно было довести работу до конца. Почти полгода дружный коллектив экспедиции трудился с энергией и энтузиазмом, порой на пределе своих физических сил. Всего было обнаружено семь, а раскопано шесть таких захоронений, в которых было найдено двадцать тысяч золотых изделий» (Сарианиди, 1983, с. 142–143; см. также: Sarianidi, 1985, р. 9–12).

Было обнаружено семь погребений, шесть из них раскопаны. Погребения совершались в простых могильных ямах глубиной ок. 2 м. В яму ставили деревянный гроб без крышки, в котором находился покойник (покойница), лежащий на спине с вытянутыми ногами и положенными вдоль тела руками. Гробы не имели деревянных крышек, а были завернуты в погребальный полог, украшенный огромным числом золотых бляшек, или же вставлены в кожаный футляр. Сверху могильная яма была перекрыта деревянными плахами, напольное сооружение отсутствовало.

Могильные ямы были впущены в культурный слой и, следовательно, захоронения были совершены позже прекращения жизни на холме, которое произошло в сер. I тыс. до н. э. Инвентарь же погребальный (см. ниже) относится к кушанскому времени. Всего в полукилометре находится город кушанского времени Емши-тепе. В.И. Сарианиди высказал остроумную и довольно правдоподобную догадку, что это захоронение представителей кушанской знати, чьей резиденцией был город на Емши-тепе, причем захоронения, совершенные тайно, дабы уберечь богатейшие погребения от грабителей. Погребенные были одеты в многослойные парадные одежды, украшенные множеством золотых орнаментальных бляшек, дисков, полосок и т. д. В гробах лежали различные золотые и серебряные предметы и украшения.

В процессе раскопок был получен огромный комплекс погребального инвентаря, включающий около 20 тысяч ювелирных украшений, большинство из которых были золотыми, небольшая часть серебряными, с большим количеством инкрустаций (бирюза, сердолик, лазурит), каменные бусы, два китайских зеркала, монеты и др.

Для датировки некрополя были очень важны монеты, а также китайские зеркала. Описание и определение нумизматических находок было опубликовано в специальной статье В.И. Сарияниди и Г.А. Кошеленко. Согласно их определению, монеты и, соответственно, погребения датируются временем I в. до н.э. — I в. н.э. (Сарияниди, Кошеленко, 1982). Эта датировка приводилась В. И. Сарияниди в последующих публикациях некрополя. Затем к анализу некрополя обратился Е.В. Зеймаль, который привлек для датировки и китайские зеркала. Согласно его исследованию, монеты и зеркала должны относиться ко второй и третьей четверти I в. н.э. (Zeimal, 1999). Разумеется, так датируются именно монеты, зеркала и сами погребения, что же касается всего массива находок, вопрос обстоит значительно сложнее (см. ниже).

Раскопки некрополя вызвали огромный интерес не только у населения Северного Афганистана, но и у мировой масс-медиа. Телевидение, самые крупные и авторитетные газеты и журналы помещали репортажи, статьи, фотографии. Это был подлинный триумф!

В.И. Сарияниди сразу же после возвращения из экспедиции начал упорно трудиться над изучением найденных сокровищ. До этого он занимался памятниками эпохи энеолита-бронзы-раннего железа. Сейчас же предстояло войти в иной мир — мир кушанской культуры, ее связей с эллинистической, римской и индийской культурами, с одной стороны, со скифами и сибирско-скифской культурой — с другой стороны. И В.И. Сарияниди погрузился в дебри кушанской культуры, греческой мифологии, античного искусства. Конечно, много дало тесное общение с коллегами-античниками, также работавшими в Институте археологии в Москве, особенно с выдающимся знатоком античности Г.А. Кошеленко. В 1979 г. оба автора готовили совместный доклад «Царский некрополь античного времени на поселении Тилля-тепе» (были опубликованы лишь тезисы), а в 1982 г. была напечатана важная совместная статья о монетах из некрополя. Следует упомянуть совместную с Е.Е. Кузьминой статью о типах головных уборов и несколько отчетных статей, напи-

санных вместе с участниками Советско-Афганской экспедиции. Вместе с тем, уже в 1979 г. Виктор Иванович публикует в «Вестнике Академии наук СССР» большую и весьма информативную статью о своих раскопках некрополя Тилля-тепе и еще шесть своих единоличных статей в СССР, Афганистане, США, Италии, ГДР, Франции. В 1982 г. увидела свет изданная в Кабуле на русском и языке дари, небольшая, но обильно иллюстрированная книжка «Сокровища кушанской Бактрии». Большой материал был приведен в вышедших в 1983–1984 гг. в Москве двух научно-популярных книгах «Афганистан: сокровища безымянных царей» (1983; в 1988 г. опубликована в Токио в переводе на японский язык) и «Бактрия сквозь мглу веков» (1984). Одновременно готовилось и полное издание материалов некрополя. В 1985 г. в Ленинграде издательство «Аврора» издало большой, выполненный на самом высоком полиграфическом уровне роскошный том «Bactrian Gold. From the Excavations of the Tilla-tepe Necropolis in Northern Afghanistan». В этом томе В.И. Сарияниди дал полное описание раскопок погребений и опубликовал все находки с великолепными цветными иллюстрациями. Не ограничиваясь детальным описанием всех предметов погребального инвентаря, В.И. Сарияниди предложил их атрибуцию и привел определенные аналогии. Этот фундаментальный труд заложил основу для дальнейшего исследования комплексов некрополя Тилля-тепе. Он сам продолжил это исследование, выпустив книгу «Храм и некрополь Тилля-тепе». Здесь, помимо ряда дополнительных данных в описательной части, излагаются взгляды автора на происхождение той группы ранних кушан, которые оставили некрополь, выявляются связи погребального инвентаря с изделиями пазырыкской культуры, ставится проблема кочевников в истории Бактрии, специально исследуется бактрийское златоделие и т. д. Ценный материал собран в приложенных к книге статьях научно-технического содержания. Именно в этой книжке воспроизводятся части графической фиксации погребений, воспроизведены реконструкции костюмов.

Уже после первых публикаций воз-

ника дискуссия, которая расширилась после появления фундаментальных публикаций. Вначале со своими замечаниями и трактовками выступили некоторые советские ученые (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель и др.), но они не были достаточно обоснованными. Затем в дискуссию включились и западные ученые, в частности такие выдающиеся исследователи как Д. Боардман (J. Boardman), М. Пфроммер (M. Pfrommer) и др., но и их выводы не дают ответа на многие сложнейшие проблемы тилля-тепинского комплекса.

Автор этой заметки не имеет здесь возможности даже кратко охарактеризовать свое понимание этой проблемы — это потребовало бы слишком много места. Отмечу лишь, что остается неясным происхождение всего комплекса драгоценных предметов. Возможно, они были изготовлены бактрийскими ювелирами для новых правителей, но не исключено, что это награбленные пришельцами богатства, ранее хранившиеся в местных сокровищницах, в том числе храмовых. Никак нельзя исключить, что часть их была привезена с Алтая или близких к нему регионов. Вместе с тем мощный пласт эллинистическо-римских влияний указывает на возможность не только местного изготовления, но и далекого импорта. Изучать эту проблему можно лишь в широком евразийском контексте, как в области искусства, культуры, погребального обряда, так и этно-лингвистической истории и верований. Так, например, погребенные были сплошь покрыты золотыми украшениями, это были «золотые люди». Мне уже приходилось писать об индо-иранских представлениях, связанных с погребенными «золотыми людьми» (Литвинский, 1982). Тилля-тепе, а теперь курганы Иссык и Аржан-2 заставляют вспомнить и об этой стороне проблемы.

Одним словом, В.И. Сарианиди, открыв некрополь Тилля-тепе, представил мировому научному сообществу великолепную публикацию и глубокое исследование. Сейчас ссылки на издания «Bactrian Gold», «Храм и некрополь Тилля-тепе» появляются чуть ли не в каждой работе, посвященной распространению эллинистического и римского искусства на восток, истории и культуре Центральной Азии и кочевого мира.

Конечно, исследование материалов тиллятепинского некрополя будет продолжаться многие десятилетия, а их фундаментом всегда будут оставаться труды В.И. Сарианиди.

Проводя раскопки в Бактрии, В.И. Сарианиди продолжал экспедиционные работы и в Маргиане. О начале этих исследований уже говорилось выше. Поворотным пунктом стала организация в 1972 г. Маргианской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР, позже к этой экспедиции присоединились и ашхабадские археологи. Эту экспедицию, естественно, возглавил В.И. Сарианиди. Именно тогда началось планомерное изучение археологии памятников низовий Мургаба. Были продолжены исследования уже известных памятников и в процессе разведок обнаружены ранее неизвестные памятники и даже целые древние оазисы, в 1974 г. были открыты Гонурский и Тоголокский оазисы и проведены пробные раскопки некоторых памятников. С 1977 г. экспедиция трудилась в Тоголокском оазисе, где было сосредоточено свыше 30 древних поселений. Здесь в 80-е гг. были осуществлены раскопки Тоголок-1 и Тоголок-21. Тогда же были начаты крупномасштабные раскопки на цитадели Гонур-1. Работы на этом памятнике усиливаются в 1988 г. и продолжаются вплоть до настоящего времени.

Неподалеку от гряд песчаных барханов В.И. Сарианиди обнаружил и описал городище Гонур-депе в виде огромного неправильного овала (или подтреугольной) полосы, вытянутой с юга на север, площадью свыше 40 га. На поверхности выделялся центральный бугор высотой ок. 4 м, много более мелких всхолмлений и впадин. Был снят глазомерный план. Тщательным образом собрали подъемный материал. Эта работа, на первый взгляд, легкая, на самом деле требует невероятного напряжения и упорства, неиссякаемой веры в удачу. Но нельзя было забывать о главном: наносить находки на план городища или его участка. Так было и на Гонуре. В.И. Сарианиди опубликовал замечательную зарисовку нескольких часов этой работы и своих переживаний.

«Третий час, не присаживаясь, крутился я на Гонуре, петляя по склонам его бугров, не находя ничего стоящего. Все те же

обломки керамики и ничего больше. Но бывало и среди них мы находили фрагмент чайника, носик которого оформлен был в виде рогатой головы быка, или стенку сосуда, сохранившую нацарапанный рисунок, то в виде козлов, стоящих у дерева, то в виде каких-то знаков. Ну, на худой конец пусть обычный, но целый сосуд из развеянного погребения.

Ничего! Под ногами все те же бездарные, однотипные черепки и ничего более. Я вздохнул, сдаваясь судьбе, и двинулся по направлению к машине. И вот тут-то оно и произошло. Шагая к машине, я в тоскливой надежде машинально продолжал смотреть под ноги, отмечая в уме опостылевшие невзрачные черепки, куски шлаков от разрушенных керамических печей. Прошел еще несколько шагов и почему-то вернулся назад. Темный, ноздреватый обломочек керамического шлака, чем-то неуловимым вызвал особое к нему внимание. Я до сих пор не знаю, чем же он отличался от сотен таких же кусочков, что в изобилии были разбросаны вокруг каждого гончарного горна. Оплывшие от сильного жара, почерневшие кусочки глины — они всегда сопутствуют древнему гончарному производству и в изобилии валяются на месте керамических отвалов.

Я вернулся, поднял заинтересовавший меня кусочек и только тогда понял, чем он отличается от своих многочисленных собратьев. Он имел четкую прямоугольную форму с ровными краями, что не было характерно для обычных кусочков шлака. Но убедился я в этом окончательно, когда стал внимательно рассматривать обе плоскости, лежащей у меня на ладони маленькой пластины. Сначала я ничего не мог разобрать в извилистых бороздках, образующих какой-то замысловатый узор, и, лишь перевернув на другую сторону, убедился, что это не игра природы и — даже не моего воображения, а специальный рисунок, выгравированный на стеатитовой пластине. На меня спокойно смотрел то ли бык, то ли овце-бык в окружении змей и драконов!

Я не стал рассматривать вторую сторону. Значение находки стало мне очевидным: это амулет с сюжетной композицией, единственное вещественное свидетельство

духовной жизни людей, письменность которых не сохранилась или вообще не существовала. Мое состояние может понять только тот, кто испытал эти захватывающие дух мгновения, ради которых, наверное, и живет археолог» (Сарианиди, 1993, с. 83–84).

Один из участников экспедиции ассириолог И. Клочкин написал: «Несколько недель, проведенных в бесплодных песках на руинах древнего города, создали то психологическое настроение, которое заставляет особенно ярко представлять и воспринимать прошлое» (Клочкин, 1983, с. 4). Но В.И. Сарианиди работал на древних поселениях Маргианы не несколько недель, и даже не несколько месяцев, а многие и многие годы. Он целиком погрузился в мир древних людей и, глядя на безжизненные руины, он как бы видел древних людей и перед его мысленным взором то и дело возникали неясные силуэты стен, башен, алтарей.

В результате В.И. Сарианиди решил начать раскопки — и чутье не обмануло его и на этот раз. Раскопки продолжаются и в настоящее время. Результаты оказались не просто богатыми, но ошеломляющими. Их общее описание опубликовано в нескольких книгах В.И. Сарианиди, с которыми специалисты и все интересующиеся древностью хорошо знакомы. Поэтому ограничусь самыми краткими сведениями.

Раскопки выяснили, что центральный бугор городища Гонур является цитаделью города, по выражению В.И. Сарианиди, «своеобразным кремлем». Это очень крупный (115 x 120 м) архитектурный комплекс, подквадратной формы, заключенный в мощную фортификационную систему: двойной ряд стен с 6 прямоугольными башнями на каждой стороне, причем внешние стены пронзали бойницы. Внутренняя планировка была очень сложной; она включала комплекс площадей, жилых, служебных, церемониальных и ритуальных построек. Самое крупное двухчастное сооружение являлось, согласно В.И. Сарианиди, «тронным залом», к нему примыкала жилая резиденция, две части которой могли быть «мужской» и «женской» половинами. Кроме того, имелось и несколько культовых микрокомплексов, в одном из них на возвышении

установлен очаг, служивший для жертвоприношений.

В целом комплекс зданий «кремля» обнаруживает строго продуманную планировочную схему, вписанную в квадрат оборонительных стен и представляющую систему столь же строго разработанных схем отдельных зданий и дворов. Это настоящая монументальная архитектура, храмов.

К оборонительной стене с внешней стороны принаикал комплекс храма огня, возможно, возведенный одновременно с дворцом. Храм имел очень большой двор, с трех сторон окруженный рядами узких параллельных камер, а с четвертой — группа помещений. Одно из них, двухкомнатное, стены и пол покрыты белым алебастром, как и примыкающий внутренний двор. Имеется еще одно помещение с алебастровой обмазкой стен и пола. Его особенность — «слепые окна». В углу храмового комплекса, за высокой глухой стеной, во дворе — на кирпичной платформе пять алтарей огня, а против них — два кирпичных хранилища чистой золы, сверху «запечатанные» кирпичом. Публикуя материалы раскопок храма огня Гонура, В.И. Сариниди привел ряд аналогий помещению со «слепыми окнами» из древних памятников Северной Месопотамии, связанных с митани, для которых засвидетельствованы индо-иранские языковые связи.

К этому можно добавить, что в древнейшем из обнаруженных религиозных центров западных иранцев Тепе Нуш-и Джал (750–600 гг. до н. э.), также имеются «слепые окна». Наличие же специальных устройств для хранения священной золы внутри храма или теменоса — неременный атрибут зороастрийского храма огня (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 265, 357–359).

Вдоль каждой стороны оборонительной стены находилась полоса построек. Они были заключены во внешнюю (одинарную) оборонительную стену с башнями. Впрочем, постройки имелись и снаружи этой внешней оборонительной стены. В целом, это был крупный храмово-дворцовый комплекс.

Кроме того, на Гонуре был раскопан священный участок — теменос. Это огромный участок, имеющий в плане форму параллелограмма и обведенный мощной обо-

ронительной стеной с круглыми башнями на всех фасадах и большой прямоугольник в середине северной стороны. Размер теменоса — около полутора гектаров.

Внутренняя планировка и застройка теменоса пережила длительную историю. Было выявлено три этапа (первый — с двумя фазами). На первом этапе в середине северной половины был вырыт большой, диаметром ок. 20 м, круглый водоем (глубиной 2 м), окруженный кирпичной стеной. Воду для его заполнения набирали рядом, в глубоким, 10 м, колодце, спуск к которому был снабжен кирпичными ступенями. Предполагается, что вода из водоема применялась при религиозных церемониях и для приготовления священных напитков.

В юго-западном углу был возведен храм. Это многокомнатная постройка очень четкой и правильной планировки. В центре храма находится квадрат, с четырех сторон окруженный обводным коридором. Целла связана с ними проходом в каждой из стен. Полы и стены помещений этого комплекса оштукатурены слоем белого алебаstra. Алтари, кирпичные контейнеры с чистой золой, сосуды, в которых, судя по химическим анализам, содержалась галлюциногенная жидкость (сок), специфическая композиция, покрытые белым алебастром помещения — всё это делает неоспоримым, что это был комплекс храма.

На позднем этапе почти в центре северной половины теменоса был возведен еще один храм, по плану напоминающий Тоголок-21. Этот «поздний» храм ограничен необычно массивной стеной прямоугольной формы с круглыми башнями по углам.

Из других культовых сооружений отметим наличие храмов воды.

На территории Гонура, к западу от дворцово-храмового комплекса располагается обширный некрополь, площадь которого превышала 10 га. Судя по частоте могил, здесь было погребено свыше 2500 гонурцев (по оценке В.И. Сариниди, опубликованной в 2001 г.). Погребения располагались небольшими группами. Погребальные сооружения разнообразны. Преобладают шахтные с подбоем (75%) и простые ямные (14%). Имеются кирпичные цисты и камерные (с кирпичной постройкой внутри) — по 2,5%.

Особые покойники (карлики, иногда дети) хоронились в ямных обожженных могилах. Более трех четвертей и, особенно, камерные погребения были ограблены в древности. Тем не менее, некрополь, а также раскопки жилых и сакральных сооружений дали огромный материал. Обильны находки керамической посуды, имеются керамические антропоморфные статуэтки, в том же числе композитные каменные статуэтки, чрезвычайно многочисленные украшения (бусы, амулеты, ожерелья, браслеты, булавки и др.), предметы малой металлической пластики, торевтики, глиптики и др. Есть много предметов совершенно уникальных, в частности великолепные золотые и серебряные сосуды с изображениями. В камерных гробницах найдены мозаичные панно, изображения на которых поражают своим зрелым совершенством. Упомянем, что наряду с обнаружением конского захоронения, в камерных гробницах найдены части деревянных повозок и многое другое.

Помимо Гонура поразительных успехов В.И. Сарияниди достиг при раскопках и ряда других поселений, в частности, ценнейшие материалы были получены при раскопках храмов на Тоголок-1 и Тоголок-21, которые во многом дополняют результаты раскопок Гонура.

Раскопки Гонура В. И. Сарияниди освещал во многих заметках, статьях, сборниках и книгах¹. В этих книгах ярко проявляется стремление В.И. Сарияниди, наряду с информацией и обзором полученных при раскопках новых материалов, также изложить все те новые идеи и гипотезы, которые у него сформировались в процессе раскопок. При этом стремление довести до сведения коллег свои обобщения и гипотезы заметно опережают детальную публикацию собственного материала. Превосходные архитектурные планы и аксонометрия не сопровождаются археологическими разрезами, а бесчисленные раскопанные помещения не описаны, не приведены даже их размеры.

¹ Перечислим лишь научные сборники и монографии: Sarianidi, 1998; Сарияниди, 2001, 2002; Margiana, 2002. Последняя доступная мне печатная информация: Сарияниди, 2004. Для архитектуры см. также: Мамедов, 2003.

По-видимому, за этими обзорными (иногда, как «Некрополь Гонура» — суммарными) книгами последуют серии томов, где все материалы раскопок, в том числе и целый музей замечательных артефактов будут детально изданы.

Собственно говоря, один том такого описания и анализа уже появился. Я имею в виду книгу В.И. Сарияниди о печатах и амулетах (Sarianidi, 1998)². Этот фундаментальный труд — плод многолетних поисков и исследований автора. В процессе археологических раскопок в Бактрии и Маргиане было обнаружено много печатей и амулетов. В афганистанской части Бактрии в связи с археологическими открытиями возник подлинный бум любительских, т. е. хищнических, раскопок, особенно древних монет. При этом находили, в частности, печати и амулеты. Они поступали на базар Кабула, в лавки антикваров Пакистана, откуда попадали в музейные и частные коллекции Западной Европы и Америки. Множество таких печатей В.И. Сарияниди зафиксировал в лавках антикваров Кабула, а затем предпринял поездки по многим странам и обработал все печати и амулеты, которые хранились в крупнейших музеях мира, а также очень большие собрания частных коллекционеров. Каталог, представляющий основную часть книги, содержит описание свыше 1800 объектов, причем все описания сопровождаются фотографическим воспроизведением. Вначале идут печати и амулеты из Бактрии (их абсолютное большинство), затем из Маргианы. Исследовательский текст содержит классификационное описание всего материала с анализом мотивов, аналогиями, заключениями о происхождении многих из них, а также с разбором стоящих за ними мифологических представлений. Я считаю, что этот великолепный корпус является огромным вкладом в изучение искусства и

² В 2000 г. были опубликованы две большие статьи, посвященные анализу печатей БМАК: Winkelmann, 2000; Salvatori, 2000. Авторы этих работ в момент их написания еще не были знакомы со сводом печатей БМАК, опубликованным В.И. Сарияниди. Вместе с тем, их интерпретация и подходы представляют безусловный интерес.

мифологии, культуры древних жителей Бактрии и Маргианы, а также важным источником для решения ряда кардинальных историко-этногенетических проблем.

Итак, раскопки В.И. Сарияниди в Бактрии и Маргиане привели к открытию новой, ранее неизвестной цивилизации — Бактрийско - Маргианского археологического комплекса. Когда археолог открывает новый памятник или группу памятников, то он сам и коллеги говорят о «везении». Если же при раскопках обнаруживаются обильные и интересные находки, говорят об «удаче». Но В.И. Сарияниди обнаружил целую цивилизацию! И это было, пожалуй, самым значительным открытием в его столь богатой открытиями жизни.

Следует отметить, что и в Маргиане, и в Северной Бактрии успешно работали и другие археологи, но вклад В.И. Сарияниди был решающим.

В своих трудах В.И. Сарияниди не раз обращался к вопросу о границах культуры БМАК, выдвигал доводы в пользу тесных связей с культурой и архитектурой обнаруженных при раскопках синхронных памятников Ирана и Белуджистана. К этому же склоняются и такие крупные исследователи иранской археологии, как К. Ламберг-Карловский и М. Този (Tosi M., Lamberg-Karlovsky, 2003).

В. И. Сарияниди считает Гонур-депе городом, столицей «царства Маргуш». В Бехистуанской надписи Дария I упоминается в качестве области Marguš — одно из древнеперсидских названий этой страны. В эламском оно звучит как mar-ku-iš, в аккадском — mar-gu. Греки называли ее Μάρυος, Μάρυιαν (Kent, 1993, p. 202). Персы ахеменидского времени под термином «Маргуш», конечно, подразумевали долину Мургаба со столицей в Мерве. Гонур существовал по крайней мере за 1000 лет до этого и о языковой ситуации тех времен можно лишь строить догадки. Поэтому говорить о существовании «царства Маргуш» с центром в Гонуре можно лишь в переносном, а не в буквальном смысле.

Но это лишь деталь. Я понимаю, что обозначение «царство Маргуш» звучит куда более загадочно и привлекательно, чем «царство в сухой дельте реки Мургаб». Воз-

можно, именно поэтому его предпочел В.И. Сарияниди.

Был ли древний Гонур городом? По своим размерам, по местоположению и по обилию монументальной архитектуры, по количеству жителей, относящихся к высшему элитарному слою, Гонур, безусловно, был столицей — исследователь В.И. Сарияниди показал это с абсолютной убедительностью. Подтверждают это картографическая система поселений низовьев Мургаба и некоторые зарубежные исследователи (Tosi, Lamberg-Karlovski, 2003, p. 349–350).

В.И. Сарияниди говорит «о древневосточном» царстве Маргуш. Было. Раскопки некрополя ясно показывают степень социально-общественной дифференциации в обществе Гонура. Монументальные архитектурные сооружения свидетельствуют о наличии централизованного управления и социальной стратификации общества.

Присутствие вокруг Гонура целой серии более мелких поселений, как показал анализ, проведенный С. Салватори с применением статических методов, указывает и на наличие нескольких градаций поселений (Salvatori, 1998).

Трудно представить, что такое общество находилось на догосударственной стадии развития. Мне кажется, что В.И. Сарияниди прав — в II тыс. до н. э. в дельте Мургаба существовало небольшое, но высоко-развитое общество, которое создало один из вариантов древневосточного государства.

Идеи В.И. Сарияниди о происхождении этого населения, отнесение их к ранним индоиранцам — ариям во многом очень привлекательна и находит основания по ряду направлений. До сих пор широко распространена теория, что арийцами, пришедшими в Среднюю Азию, а также Иран и Индию, были андроновские племена. Я сам много лет придерживался и развивал эту теорию (Литвинский, 1981). Но материалы раскопок и исследования В.И. Сарияниди поколебали мою убежденность и заставили задуматься о более сложном процессе, в котором участвовали и племена БМАК. Ведь ни в Иране, ни в Индии нет следов андроновской культуры, а многие общие черты с БМАК там присутствуют. Есть еще ряд доводов в поддержку этой теории, но есть и

сложные проблемы, которые еще предстоит решить.

Теоретической базой, на которой В.И. Сарианиди строит свою теорию, является известная теория о происхождении и распространении индоевропейцев, выдвинутая Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым (Гамкрелидзе, Иванов, 1984), которая, несмотря на огромную эрудицию и талант авторов, не стала общепринятой. В определенной связи с этой теорией находится и гипотеза В.И. Сарианиди о распространении в «царстве Маргуш» протозороастризма. Раскопки в Гонуре значительно увеличили количество доводов в пользу этой теории, появился целый спектр новых данных. Однако, как мне кажется, для конца III — сер. II тыс. до н. э. корректнее была бы попытка связывать все эти факты не с зороастризмом (тогда он еще даже не маячил на горизонте истории), а с древнеиранскими или даже индоиранскими верованиями, которые впоследствии вошли в зороастрийский пантеон и ритуалы. То есть вести речь не о «протозороастрийских», а о «протоиранских» представлениях и церемониях и, соответственно, храмах (Литвинский, 1989).

Это лишь терминологический вопрос. В слове «протозороастрийский» первая его составная никак хронологически не определена, и термин в этой связи имеет право на существование, хотя определение «протоиранский» кажется более предпочтительным.

Но я не собираюсь здесь заниматься дискуссией. Мне хочется хотя бы предельно кратко рассказать о научном пути Виктора Ивановича Сарианиди, начиная с того далекого (55 лет назад!) времени, когда на кафедре археологии Среднеазиатского Государственного университета я, тогда совсем молодой преподаватель, учил Виктора азам археологии, и до настоящего времени, когда Виктор Иванович стал всемирно известным ученым, одним из столпов археологии Центральной Азии.

Главным направлением его работы было изучение бронзового века Бактрии и, особенно, Маргианы. Несколько лет назад он изложил свое собственное понимание результатов своего труда и отношения к нему многих коллег. Речь идет об «Эпилоге» к книге: «Некрополь Гонура и иранское язы-

чество»:

«Эта моя книга подводит итог почти 30-летних полевых работ и кабинетных исследований по изучению “иранского язычества” и протозороастризма на археологических материалах Маргианы и Бактрии.

Еще четверть века назад я был единственным, кто считал, что Маргиана обязана своим происхождением приходу сюда нового населения не столько из южного Туркменистана, сколько из много более западных областей, расположенных в передовых центрах Ближнего Востока и, в первую очередь, из района современного Курдистана. Понадобилось почти тридцать лет, чтобы эта гипотеза стала аксиомой, археологической реальностью.

Много сложнее стоит вопрос об индоиранской принадлежности пришлых племен. Тем не менее, почти сразу же с началом археологических исследований в Маргиане я выдвинул и сформулировал гипотезу о возможной принадлежности племен БМАК к индоариям, что затем неоднократно подтверждал на примере новых археологических данных, происходящих из Маргианы [Сарианиди, 1987. С. 52–65; Sarianidi, 1994, р. 667–680 и др.]. И хотя до самого последнего времени эта новая гипотеза не получила своей поддержки со стороны других специалистов, для меня представляет большое значение, что уже никто не может игнорировать фактические данные БМАК при рассмотрении индоарийской проблемы. В этой связи весьма важно, что в последнее время к этой точке зрения склоняется проф. Д. Маллори (ELEC, 1997). И это притом, что мы придерживаемся диаметрально противоположных точек зрения по проблеме «степного» или «земледельческого» происхождения индоиранцев.

Раскопки последних пяти лет некрополя Гонура дали новые доказательства, свидетельствующие, что БМАК представляет собой культуру подлинного «иранского язычества», в среде которого, в свою очередь, только и могла появиться зороастрийская религия. Впервые в храмовых церемониях и погребальных обрядах населения БМАК, как ни в одной другой археологической культуре Евразии, в таком концентрированном виде прослеживаются индоиран-

ские и протозороастрийские корни будущей зороастрийской религии.

В настоящей работе я не ставил своей целью убедить кого-либо в правоте своей теории, а хотел лишь объективно показать те новые археологические факты и наблюдения, которые я считаю возможным интерпретировать в свете новой теории по индоиранской проблеме и протозороастризму. Общеизвестно, что сила старых традиций и представлений намного сильнее, чем логика нового мышления. Для меня почти нет сомнений, что я не смог убедить многих своих коллег в правоте предложенной мной теории. Но столь же очевидно, что уже нельзя игнорировать археологические данные, приведенные в этой и в других моих работах по индоиранской проблеме, полученные в ходе многолетних и крупномасштабных раскопок в Маргиане. Ни один из моих нынешних и будущих критиков не сможет пройти мимо фактов, выявленных в ходе многолетних работ в Маргиане и Бактрии, которые заставляют заново оценить и исторически интерпретировать этот во многом новый и огромный материал.

Дворцы и храмы Маргианы, посвященные культу огня и галлюциногенному ритуальному напитку типа сома-хаома, вместе с описанными в этой книге погребальными обрядами некрополя Гонура с его ярко выраженным культом не осквернить “чистую” стихию землю разлагающимся трупом, не могут быть подвергнуты сомнению. Может быть только дана их другая историческая интерпретация, что вполне нормально.

Ни одно будущее исследование, посвященное «иранскому язычеству» и «протозороастризму» не сможет не учитывать материалов БМАК, а этот «феномен» еще долго будет служить темой многих исследований. И не нужно быть Клитемнестрой, чтобы предвидеть, что новые идеи и концепции будущих авторов будут радикально отличаться от предложенной в этой работе. Но точно также очевидно, что старая теория о кочевом происхождении индоариев должна быть пересмотрена в свете вышеприведенных фактических данных и заменена принципиально новой, первое приближенное пред-

ставление о которой дано в этой книге» (Сарианиди, 2001, с. 97).

Все прекрасно охарактеризовано, но сколько меланхолии и даже горечи в процитированном «Эпилоге». Мне представляется, что в этом В.И. Сарианиди, как говорится, «сгустил краски». Коллеги признают огромный вклад В.И. Сарианиди в изучение археологии Маргианы и всего БМАК — даже те из них, которые высказывают иные взгляды или выступают с критическими замечаниями. Так, К. Ламберг-Карловски и М. Този, высказав некоторые иные, чем В.И. Сарианиди, предположения о происхождении и судьбах населения БМАК, пишут: «Тем не менее, за примерно тридцать лет неутомимого труда (*undefatigably labor*) он [Сарианиди] представил нам культуру [БМАК], которая являлась глубоким импульсом на бронзовый век Азии» (Tosi, Lanberg-Karlovski, 2003, p. 350).

Что касается новых теорий, то, как показывает история науки, их признание, тем более признание единственно верными, длится порой столетия. Возникновение представлений об индоевропейской языковой общности относится к концу XVIII в. Написаны сотни томов, сотнями и сотнями ученых были проведены лингвистические, источниковедческие, археологические, палеоантропологические, палеоэкологические исследования. Тем не менее, общепризнанных идей о месте ее сложения, ее характере, путях распространения индоевропейских народов еще нет. Столько же времени продолжается исследование древних иранцев и зороастризма (как и древних индийцев). Опять горы книг. И все же нет единого мнения о времени и путях их расселения. До сих пор ученые гадают: где, в какой области, сложился зороастризм, когда и где жил его пророк. Называются Бактрия, Согдиана, Хорезм, Маргиана, Систан, Фарс и др. Сложение древнейших частей «Авесты» и жизнь Заратуштры помещают во временной интервал от XV до VII вв. до н. э. Этот перечень можно продолжать очень долго.

В каждой из этих проблем есть много звеньев, и появление нового звена, даже важные открытия в Маргиане, сами по себе не решают проблему, а только выдвигают необходимость нового осмысления всей цепочки звеньев. Открытия в Маргиане —

безусловно, эпохальны, но их полная интерпретация в широком евразийском контексте еще потребует дальнейших исследований как самого В.И. Сарияниди, так, вероятно, и многих поколений исследователей.

Обозревая научную деятельность В.И. Сарияниди в целом, поражаешься, как много открытий мирового класса он сделал. Иногда коллеги называют его «счастливчиком», говорят, что ему сопутствует «удача», — и это действительно так. Так как В.И. Сарияниди занимается происхождением зороастризма, то можно подумать, что имеющийся у каждого зороастрийца персональный фарн (в зороастризме Фарн — божество удачи, судьбы, благоденствия) на протяжении многих десятков лет действовал очень активно. Действительно, среди археологов есть очень немногочисленная группа «счастливчиков», которые делают поразительные открытия. Но в случае с В.И. Сарияниди, кроме благоволения Фарна, я бы открытия В.И. Сарияниди связал с вполне «земными» факторами: поразительная работоспособность и упорство, умение преодолевать все трудности, организационный талант. Прекрасное понимание всей системы жизни древнего человека, в сочетании с особым археологическим «чутьем» порождало то необъяснимое предвидение, которое заставляло В.И. Сарияниди упорно, я бы сказал — фанатично — продолжать работы на тех памятниках, которые иные коллеги считали бесперспективными. Но он работал — и добивался успеха.

Надо также отметить большой объем раскопок. Это стало возможным благодаря тому, что в экспедициях В.И. Сарияниди последние полтора десятка лет, кроме ученых из России, принимают участие исследовате-

ли из Туркменистана, США, многих стран Западной Европы, а экспедиция получает финансовую поддержку правительства Туркменистана, Греции, ряда западноевропейских стран и США. В Туркменистане В.И. Сарияниди пользуется огромной известностью и всеобщим уважением. Указом президента С. Ниязова он стал гражданином Туркменистана, получил премию Махтум Кули.

Разумеется, не все безоблачно в отношениях В.И. Сарияниди с коллегами. Были конфликты, в которых он не всегда выступал в роли ангела. Но все это не прерывало его работу. Именно работа, экспедиция были главной целью его жизни.

Я попытался понять сам и осветить основные этапы научной биографии В.И. Сарияниди. За свои полстолетия упорнейшего труда он сделал колоссально много, в том числе целую серию эпохальных открытий. Им открыты новые эпохи, ранее неизвестные царства, новые цивилизации; великолепные памятники архитектуры, огромное собрание предметов искусства. Это была длинная эпопея триумфальных открытий и целая библиотека выпущенных им книг, сборников, статей.

Сейчас Виктор Иванович Сарияниди — один из ведущих мировых археологов, подлинная легенда центральноазиатской археологии.

Академик Академии наук
Таджикистана, иностранный член
Accademia Nazionale dei Lincei (Италия),
профессор

Б.А. Литвинский

Литература

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.

Клочков И. Духовная культура Вавилона. М., 1983.

Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этническая история Средней Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.

Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // СЭ. 1982. № 4.

Литвинский Б.А. Протоиранский храм в Маргиане? // ВДИ. 1989. № 1.

- Литвинский Б.А.* К генезису архитектурно-планировочных схем восточного эллинизма // ВДИ. 1996. № 4.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эллинистический Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
- Мамедов М.* Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди В.И.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1983.
- Сарианиди В.И.* В поисках страны Маргуш. М., 1993.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 81–82.
- Топоров В.Н.* Славянские комментарии к нескольким архаизмам // Этимология, 1972. М., 1974.
- Сарианиди В.И.* Храм Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас, 2004, № 3, Ашгабат.
- Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. 2 Auflage. Berlin, 1961.
- Huff D.* Die bronzezeitliche Monumental Architektur in Zentralasien und Kulturtransfer. Der Wandel Vorder- und Zentralasiatische Kulturen im Umbruch von 2. zum 1. vorchristliche Jahrtausend. Bonn, 2001 (Kolloquien zur For- und Frühgeschichte, Bd. 6).
- Kent R.* Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. Second edition. New Haven, Conn., 1993 (American Oriental Series. Vol. 33).
- Margiana.* Gonur-depe Necropolis. II Punto Edizioni, n.d. Venice, 2002.
- Modi J. J.* The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay, 1922.
- Pugachenkova G.A.* К типологии монументального зодчества стран среднеазиатского региона // Iranica antiqua. Vol. XVII. Gent, 1982.
- Salvatori S.* The Bronze Age in Margiana // Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. (Eds) The archaeological map of the Murghab delta. Preliminary Report (1990–1995). Roma, 1998.
- Salvatori S.* Bactria and Murghab Seals. A new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. Vol. 50. N 1-4. Roma, 2000. P. 97-145.
- Sarianidi V.I.* Bactrian Gold from the excavations of the Tilla-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi V.* Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998a.
- Scerrato U.* L'Edificio sakro di Dahan-i Gulaman (Sistan) // Atti del Convegno sul tema «La Persie e il mondo greco-romano». Roma, 1966.
- Scerrato U.* La Missione archeologia Italiano nel Sistan Persano // Il Veltro Revista della civiltà Italiano. Vol. II. Anno XVI, 1970.
- Scerrato U.* Missions archaeologiques Italianes au Sistan // The Memorial Volume. VI International Congress of Iranian art and Archaeology, 1968. I. Teheran, 1972.
- Scerrato U.* Evidence of religious life at Dahan-i Gulaman, Sistan // SAA. Vol. 2. Naples, 1979.
- Steblin-Kamensky I. M.* Avestan kəmčit safrušanam // EW. Vol. 45. № 1–4. Roma, 1995.
- Tosi M., Lamberg-Karlovsky K.* Pathways across Eurasia // Art of the first cities. The Third Millenium B. C. from Mediterranean to Indus valley \ Aruz E (Ed.). New York, 2003
- Winckelmann S.* Intercultural relations between Iran, the Murgabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northern Iran in the field of Seals // EW. Vol. 50. N 1-4. Rome, 2000. P. 43-95.
- Zeimal E.V.* Tilla-tepe with in the context of the Kushan chronology // Alram, Klimbung-Saltee (Eds). Coins, art, and chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian borderland. Wien, 1999.

СЛОВО О ЮБИЛЯРЕ

Удивляясь ежегодным экспедиционным удачам Виктора Ивановича, я долгое время не мог понять: что это – везение или особый исследовательский дар? Однажды, не помню в какой связи, пожаловался ему на трудности археологических разведок в таежном Обь-Енисейском междуречье: гиблые болота, кровососущий гнус, лихой бродяжничий люд и пр., и пр. Виктор Иванович, сочувственно выслушав меня, признался: «А я в Туркмении так памятники ищу: встану пораньше и брожу босиком по окрестной пустыне. Случается, на черепок наступлю, кремешок голой ногой нацупаю. Ближе к вечеру, когда жара чуть спадет и песок немного остынет, опять прежним манером на промысел выхожу»...

И я понял: основа его научного «везения» - не только талант искателя, но еще истинное подвижничество, настоящая преданность науке и здоровый исследовательский азарт. А что касается удачи, то она сопутствует тем, кто ее ищет и кто ее достоин.

В кругу близких Виктор Иванович обычно избегает бесед о науке. Больше любит поговорить о текущем житье-бытье, рассказать какую-нибудь поучительную житейскую притчу, вспомнить об ушедших друзьях-товарищах, посетовать по поводу утраты нынешним поколением ученых многих высоких человеческих качеств, свойственных нашим покойным учителям. Эти «старосветские» свойства и качества в полной мере присущи дорогому юбиляру. Среди них: верность избранному пути, простота, доступность, постоянная готовность прийти на помощь.

Вспоминаю, как пятнадцать лет тому назад, когда я вдруг тяжело заболел, и потребовалось неотложное хирургическое вмешательство, он сразу же оказался рядом, вывел меня из состояния растерянности, чуть ли не силою сопроводил в Бакулевскую больницу и затем неустанно опекал на всех этапах последующей госпитализации.

В последние годы Виктор Иванович, несмотря на все возрастающую полевую и исследовательскую активность, не обременяет отечественный бюджет просьбами и заявками о финансировании своих экспедиционных и издательских затрат, а старается изыскать необходимые средства более щадящими для государственного кармана способами. Он зарабатывает их сам – в промежутке между осенней и весенней экспедициями, в основном путем научно-просветительской и лекционной деятельности за пределами России, а также за счет субсидий и премий со стороны зарубежных научных сообществ, где заслуженно котируется как крупнейший ученый с мировым именем. В результате возглавляемая им Маргианская археологическая экспедиция (Туркменистан) продолжает функционировать в полную силу, ежегодно даря миру новые блестящие открытия и новые сенсационные находки.

Но недаром говорят: «Нет пророка в своем отечестве». В своем отечестве Виктора Ивановича, похоже, не очень жалуют. В 2003 г. он к великому удивлению и недоумению отечественных и зарубежных коллег был неожиданно вычеркнут из числа штатных научных сотрудников Института археологии РАН, каковым актом, видимо, дано понять, сколь опасна и чем чревата для российского ученого попытка поднять планку исследовательских возможностей выше среднего уровня.

М.Ф. Косарев
Институт археологии РАН

В наш век, когда на археологической карте, казалось бы, не осталось белых пятен, В.И. Сарианиди, быть может, последний, кому удалось открыть новую цивилизацию. Прекрасно помню, как он появился в нашем секторе и началось его победное шествие от лаборанта до академика. В течение многих лет я наблюдала, как объектом его исследований становились все новые и новые памятники, как расширялся его кругозор и как совершенствовалось его профессиональное мастер-

Гонур 2002

терство. Широта его интересов и хронология исследованных им памятников огромны: от неолитического Геокюра до царских погребений Тилля-тепе. В археологических кругах его принято называть счастливым - и вполне справедливо: золото и редчайшие находки прямо плывут ему в руки! Но только тот, кто, как я, видел Сарияниди в поле, мог оценить порядок на раскопе, идеальную организацию лагеря и каторжную работу в тяжелейших условиях пустыни. В приложении к Сарияниди фраза «человек без-

гранично преданный науке» не кажется выпендренным преувеличением. Древние страны Бактрия и Маргиана, разгадка истории которых он посвятил свою жизнь, только из кабинетного кресла выглядят готовыми раскрыть свои тайны. На деле пустыня не терпит дилетантов и отдает свои дары только за долгий целеустремленный труд и еще – за большое мужество.

Помню, как во время международного полевого семинара на Гонуре, в котором участвовали ученые из разных стран, Виктор повез нас на памятники соседних оазисов. Дорог в Каракумах, как известно, нет, а проложенный экспедиционной машиной путь оказался перекрыт вновь открытой трассой будущего канала. Мы долго искали объезд и, наконец, заблудились... И воды, и бензина мало... Пустыня абсолютно безжизненна, только слышно, как пересыпается песок на бархане. Слева – скелет верблюда, вдали – остов американского самолета-разведчика времен второй мировой войны, а рядом с обломками – черепа двух летчиков... Как по-разному ведут себя испуганные люди в машине! Кто-то говорит, что надо остановиться, кто-то истерически кричит, чтобы его выпустили идти искать дорогу пешком... Только спокойная уверенность Сарияниди и замечательная интуиция шофера позволили нам ночью благополучно вернуться в лагерь... Никогда вода и плов не казались мне такими вкусными, свет костра таким уютным, а мужество – заслуживающим такого уважения. Но, может быть, еще важнее мужество другого рода: Виктор никогда не лебезил перед начальством, а, зная, что я не в фаворе, не побоялся пригласить меня в Гонур. Этот семинар для его участников был истинным открытием страны Маргуш. Мы все читали о памятниках, но когда мы увидели их воочию, нас поразили их величественность и огромный размах проведенных Виктором Ивановичем исследований. А работоспособность? Как он смог регулярно и быстро публиковать все свои многочисленные материалы, какой поток книг стремительно выходит из под его пера!

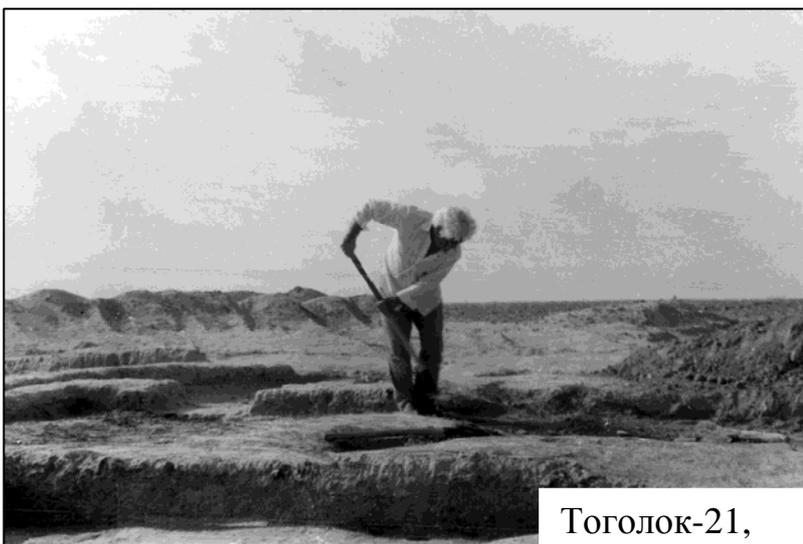
А в жизни – Сарияниди человек яркий и нестандартный. О романтических приключениях Виктора ходят легенды. Он гурман и любитель хорошего хмельного застолья. Помню вечер, когда с Виктором и Виталием Волковым, впервые попав в Париж, отправились на прогулку. Я рассказала мальчишкам эпизод из «Фиесты» Хемингуэя, когда молодые американцы идут по улице, заходя подряд в каждые бар и ресторанчик. Идея понравилась, и мы тронулись в путь. Они пили, а я ела мороженое... В наш век всеобщего меркантилизма в Викторе поражает его широта и верность в дружбе. Его товарищ погиб в автомобильной катастрофе, в Ашхабаде осталась семья с детьми. И вот, годами Виктор посылал им деньги ежемесячно из нищенской зарплаты научного сотрудника. Такой вот адамчылык (в переводе с туркменского – человечность).

Е.Е. Кузьмина
Российский институт культурологии
Министерства культуры РФ

Профессиональное владение предметом и аналитический подход к рассмотрению ключевых вопросов, касающихся центрально-азиатских древностей, позволяют Сарияниди В.И. убедительно аргументировать и смело делать научные выводы, раскрывающие совершенно новые страницы в истории древневосточного мира. Изящные керамические сосуды, произведения глиптики, бронзовые и серебряные печати, ювелирные украшения из золота и серебра, тонкая резьба по ко-

сти... Вот не полный арсенал древностей, пришедших к нам из небытия благодаря подвижничеству и таланту прозорливого ученого.

И, как результат, - его ёмкие и яркие публикации о древнемаргианской культуре. Часто приходится слышать от археологов - коллег Виктора Ивановича: вот, мол, везёт Сарияниди! Удача сопутствует ему! И тут же добавляют: «А он – трудяга». Да ещё какой! Только благодаря титаническому трудолюбию, упорству в достижении цели, исключительной самоотверженности добивается он таких результатов. А госпожа Удача это ценит...

Тоголок-21,

И ещё на одной черте характера Сарияниди В.И. нельзя не остановиться: это его благородная душа и обаятельная, располагающая к себе личность. Каждый, знакомый с ним, подтвердит: в общении он очень прост, по характеру коммуникабелен, открыт и чистосердечен, готов всегда пойти навстречу, помочь, поддержать. Дорожит дружбой. А друзей у него только в Туркменистане предостаточно. Именно благодаря своим человеческим качествам он самый желанный гость во многих туркменских домах. В городах и селах и даже в отдаленных чабанских кошарах всегда рады Виктору Ивановичу, высоко ценящему в людях, как он сам любит выражаться, «адамчылык». Вот почему каждый раз, когда прилетает Виктор Иванович Сарияниди в Туркменистан, в ашхабадском аэропорту его встречают всё новые и новые друзья и знакомые. Приезжают в аэропорт, чтобы просто позжать руку и в очередной раз, сказав слова приветствия, пожелать успехов в новом полевом сезоне.

М.А. Мамедов
Архитектор, кандидат исторических наук,
Туркменистан

Открытие и изучение во второй половине XX века древнеземледельческих культур эпохи неолита — энеолита и цивилизаций бронзового века юга Средней Азии является одним из выдающихся достижений российской археологической науки. Фактически был извлечен из небытия целый пласт истории древней культуры и создано новое направление науки — доантичная археология Средней Азии. «Отцы-основатели» этого направления — В.И. Сарияниди, В.М. Массон и И.Н. Хлопин — давно стали фигурами почти легендарными. И тем более изумительно, что «живые легенды» В.И. Сарияниди и В.М. Массон являются бесспорными лидерами в нашей науке по сей день.

Так случилось, что автору этих строк последние 30 лет посчастливилось заниматься изучением культуры позднего энеолита — ранней бронзы Южного Туркменистана, начало исследованию которой было положено В.И. Сарияниди в 50-е — 60-е гг. XX века (раскопки на Геоксюр 1, Чонг-депе, Хапуз-депе, Алтын-депе, Улуг-депе). Его наблюдения и выводы, сделанные в то время на сравнительно небольшом по объему материале (Сарияниди, 1960, 1964, 1965, 1969, 1976), не теряют своей актуальности до сих пор, а гипотезы (например, о формировании геоксюрского комплекса в результате взаимодействия с памятниками юго-западного Ирана) находят все новые подтверждения. Громадный опыт и потрясающая интуиция Виктора Ивановича Сарияниди — вот основа блестящих исследований в Северном Афганистане и в древней дельте Мургаба, в результате которых им была открыта цивилизация страны Маргуш, а каждый сезон работы на Гонуре приносит все новые сенсационные находки.

Л.Б. Кирчо
Институт истории материальной
культуры РАН

Имя Виктора Ивановича Сарияниди связано с яркими археологическими открытиями в Средней, Центральной Азии, начиная с 60-х гг. XX в. Особое значение приобрели его работы в Геоксюрском

оазисе близ города Теджена. Здесь он исследовал грандиозное энеолитическое поселение Геоксюр I с очень специфическими и сложными могилами-толосами, возведенными из сырцовых кирпичей в виде круглоплановых конусовидных ячеек, где последовательно хоронили либо лиц, принадлежавших к одной малой семье, либо группы родственников, возможно, более широкого охвата (Сарианиди, 1965)

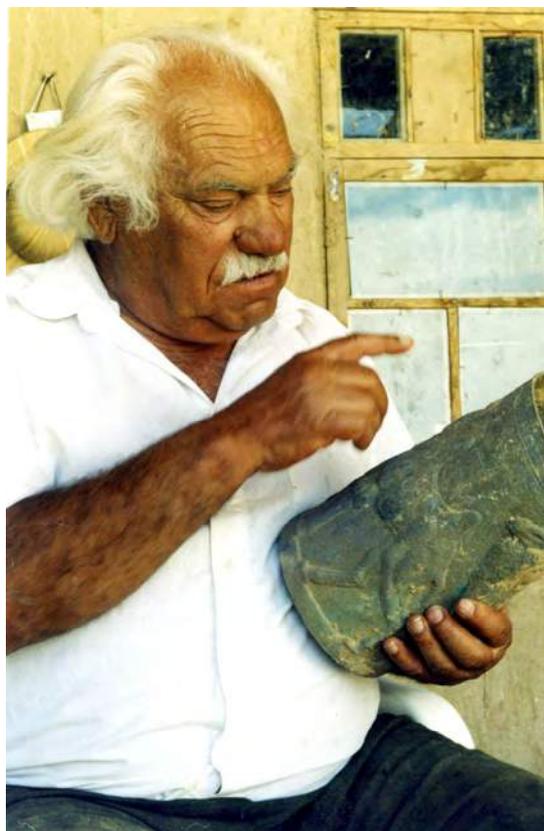
Работы Сарианиди в Афганистане связаны с открытием богатейших могил рубежа нашей эры, принадлежащих неведомым по письменным источникам представителям «сарматской» кочевнической знати. Одновременно им и его коллегами в афганских степях была вскрыта целая серия протогородских поселений эпохи бронзы, где, в частности, культовые сооружения формировались в значительных круглоплановых архитектурных структурах, которые, как выясняется, играли весьма значительную роль в строительных традициях Средней и Центральной Азии в бронзовом и в начальных этапах раннего железного века (Сарианиди, 1978, 1983 и множество других публикаций и художественных альбомов).

Изучение В.И. Сарианиди в Каракумах в 1990-х и 200-х гг. огромного комплекса памятников Гонура, относящихся к рубежам III-II тыс. до н.э., представляющего собой регулярную монументальную городскую планировку и сопровождающуюся масштабным (исследовано почти 3 тыс. погребений) городским некрополем, явилось, в свою очередь, одним из крупнейших достижений современной археологической науки.

Когда смотришь на обложку блестящей научно-популярной работы В.И. Сарианиди «Маргуи» и видишь фигуру автора на фоне бесконечной перспективы вскрытых его усилиями, волей, инициативой новых горизонтов древней цивилизации, то понимаешь, что творческий путь его в расцвете, а собратьев-специалистов и заинтересованных читателей ждет еще длинная череда и полевых и кабинетных открытий, совершаемых непрерывно этим неутомимым тружеником науки.

П.М. Кожин
Институт Дальнего Востока РАН

Экспедиции В. Сарианиди

1948 г.

Раскопки на «обсерватории Улугбека», г. Самарканд, Узбекистан.

1949 г.

ЮТАКЭ. Раскопки на Нисе. Маршрутные разведки на юго-западе Туркменистана (Мешеди-Мисриан)

1950-1954 гг.

Ниса и Султан-Кала., Туркменистан.

1955-1956 гг.

Тахирбай и Яз-депе, Туркменистан.

1957-1959 гг.

Геоксюр, Туркменистан.

1960-1965 гг.

Раскопки Бамутских курганов, Чечено-Ингушетия.

1966-1969 гг.

Туркменистан. Улуг Деде, Алтын Деде, Хапуз Деде.

1969-1979 гг.

Афганистан. Дашлы, Алтын, Тиля Тепе.

С 1972 г. по настоящее время

Туркменистан, Маргиана – Тоголок-1, Тоголок-21, Южный Гонур (теменос), Северный Гонур, некрополь Гонура.

Bibliography of the publications of Victor Sarianidi

The published books, clauses(articles), notes and reviews (except articles and interview in mass media and Internet) are included in the list. In the works prepared in the co-authorship, a surname of co-authors are resulted in that sequence which has been accepted in the publication.

© Muradov R.G., Udeumuradov B.N., drawing up, 2004.

1953

1. Керамические печи городищ древнего Мерва // Сб. студенческих работ САГУ. Вып.V. Ташкент. С.82-91.

1956

2. К истории древнего гончарства на территории Южного Туркменистана // Изв. АН Туркменской ССР. №6. С. 67-76.

1957

3. Керамические печи древней Маргианы // КСИИМК. Вып.69. Л. С.72-78.

1958

4. Керамическое производство древнемаргианских поселений // ТЮТАКЭ. Т.VIII. Ашхабад. С.313-348.
5. Новая матрица Самаркандского музея // Эпиграфика Востока. Т. XII. М. С. 107-110.
6. Рец. на: Литература по археологии Таджикистана в изданиях Академии наук Таджикской ССР (1951-1956) // СА. №2. С.321-326 / В. Сарианиди, В. Массон.

1959

7. Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр // КСИИМК. Вып.76. Л.
8. Рец. на: «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 2» // СА. № 1. С. 306-308 / В.И. Сарианиди, И.Н. Хлопин.
9. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении // СА. №2. С. 235-238.

1960

10. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау // СА. №3. С. 141-152.

1961

11. Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. Т. X. С. 225-318.
12. Охрана памятников Туркменистана // СА. №2. С. 322-324.

1962

13. Культовые здания поселения анауской культуры // СА. №1. С. 44-45.
14. Археология Туркменской ССР (Обзор статей в Изв. АН ТССР за 1951-1959 гг.) // СА. №2. С.262-267. / В.И. Сарияниди, И.Н. Хлопин.
15. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геокюрского оазиса // КСИА. Вып. 91. М. С.22-29.
16. Раскопки поселений Геокюрского оазиса // Древности Теджен-Мургабского Междуречья (Препринт).

1963

17. Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР. М. 32 с.
18. Керамические горны восточно-анауских поселений // КСИА. Вып. 93. М. С. 80-85.

1964

19. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98. М. С. 60-65.
20. Бамутские курганы // КСИА. Вып. 98. М. С. 90-99 / Р.М. Мунчаев, В.И. Сарияниди.
21. О работе сектора неолита и бронзы // КСИА. Вып. 101. М. С. 90-99.

1965

22. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении \ Отв. ред. М.Е. Массон. М., Наука. 81 с., XXVII табл. (Археология СССР. Свод археологич. источников, БЗ-8, 4.IV).
23. Геокюрский некрополь (раскопки 1963 г.) // Новое в советской археологии. М. С. 102-105.
24. Итоги археологического и палеографического изучения Геокюрского оазиса (1956-1962 гг.) // СА. №1. С. 9-23. / Г.Н.Лисицына, В.М. Массон, В.И. Сарияниди, И.Н. Хлопин.

1966

25. За барханами — прошлое. М., Наука. 187 с., ил. / Г.А. Кошеленко, В.И. Сарияниди.
26. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. // КСИА. Вып. 106. М. С. 74-80 / Р.М. Мунчаев, В.И. Сарияниди.
27. Работа сектора неолита и бронзы в 1964 г. // КСИА. Вып. 106. М. С. 115-117 / В.И. Сарияниди, П.М. Кожин.
28. К 60-летию Валерия Николаевича Чернецова // СА. №1. С. 111-112 / П.М. Кожин, В.И. Сарияниди.
29. Раскопки могильников на Геокюре и Алтын-депе // АО 1965 г. М. С. 70-72.
30. Раскопки в Юго-Восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. Вып. 108. М. С. 89-95.

1967

31. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М. 107 с., ил.
32. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции — двадцать лет // СА. №1. С. 314-317 / В.И. Сарияниди, З.И. Усманова.

33. Раскопки на Алтын-депе и Хапуз-депе // АО 1966 г. М. С. 333-335.
34. Древние связи Афганистана и Средней Азии // «Ariana», Kabul / Н.О. Бадер, В.И. Сарианиди, И.Т. Кругликова.

1968

35. Змея в культовой символике анауских племен // Сб. в честь С.П.Толстова. М. / П.М. Кожин, В.И. Сарианиди.
36. Новая художественная школа на Древнем Востоке // Проблемы археологии Средней Азии. Л. С. 38-42.
37. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке / КСИА. Вып. 114. М. С. 3-9.
38. Раскопки на Улуг-депе // АО 1967 г. М. С. 342-345 / В.И. Сарианиди, К.А. Качурис.

1969

39. Рец. на: Pakistan Archaeology. 1965. No 2. // СА. № 1. С. 300-304.
40. Новые раскопки на Хапуз-депе // КСИА. Вып. 115. М. С. 116-123.
41. Продолжение работ на Улуг-депе // АО 1968 г. М. С. 434-435.
42. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы // ВДИ. №1. С. 86-99 / В.М. Массон, В.И. Сарианиди.
43. Прикладное искусство Средней Азии и Ирана в V-II тыс. до н.э. // Тез. докладов. М.
44. Терракотовая головка с Улуг-депе и ее месопотамские прототипы // СА. № 3. С. 243-246.
45. Afghanistan in the Ancient East // Afghanistan. Vol. XXII. No 2. Kabul.

1970

46. Рец. на кн.: Массон В.М. «Средняя Азия и Древний Восток». М.-Л., 1964 // ВДИ. №1. С. 155-163.
47. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА. №4, 1970. С.19-32.
48. Рец. на: Изв. АН Таджикской ССР. Отд. Обществ. наук. Вып. 3. 1968 // СА. № 4. С. 262-264 / Г.А. Кошеленко, В.И. Сарианиди.
49. Итоги работ Советско-Афганской экспедиции // 2-ая Всесоюзная конференция по проблемам искусства народов Закавказья, Средней Азии и восточных республик РСФСР. Тез. Докладов. М., 1970 / В.И. Сарианиди, И.Т.Кругликова.

1971

50. Земледелие и аграрные отношения в Туркменистане в эпоху первобытно-общинного строя // Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад. С. 8-32. / Сарианиди В.И., Лисицына Г.Н.
51. Рец. на кн.: Investigations at Tal-i-Ibis. M. Coldwell (Ed.). Illinois, 1967 // СА. № 1. С. 274-280 / В.И. Сарианиди, С.А. Панарин.
52. Погребения Гиссар III. Новые материалы и наблюдения // История Иранского государства и культуры. М. С. 170-179.
53. Рец. на: Archaeologia Viva. Vol. 1. № 17. Tehran, 1968 // СА. № 3. С. 292-294.
54. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. 1971. № 4. С. 165-177 / В.И. Сарианиди, И.Т.Кругликова.
55. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970 г. М. С. 433-434.

56. Археологические исследования в Северном Афганистане // АО 1970 г. М. С. 457-459 / И.Т. Кругликова, В.И. Сарианиди.
57. Советские археологи в Афганистане // Вестник Академии наук. № 9. М. С. 72-76 / В.И. Сарианиди, И.Т. Кругликова.
58. Эпоха бронзы Северного Афганистана и его среднеазиатские связи // Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси. С. 107-108.
59. La Bactriane ancienne dans l'optique des nouvelles recherches archeologiques // Kushan Culture and History. No 2. Kabul. P. 25-45.
60. Southern Turkmenia and Northern Iran // EW. №4.
61. The Lapis Lazuli Route in the Ancient East // Archaeology. Vol. 24. № 1. P. 12-15.

1972

62. Каракумы: заря цивилизации. М. 168 с., ил. (сер. «Из истории мировой культуры») / В.М. Массон, В.И. Сарианиди.
63. Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. NY-L. 219 p. (Ancient Peoples and Places. Vol. 79) / V.I. Sarianidi, V.M. Masson
64. Раскопки Тилля Тепе в Северном Афганистане. М. 95 с., ил.
65. Рец. на: Lamberg-Karlovsky. Excavations at Tepe Yahya. Iran, 1967-1968 // СА. № 1. С. 282-283.
66. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геокюрского некрополя) // УСА. Вып. 1. Л. С. 22-26.
67. Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // УСА. Вып. 1. Л. С. 53-55.
68. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане // КСИА. Вып. 132. М. С. 16-22.
69. Советско-Афганская археологическая экспедиция // АО 1971 г. М. С.560-561 / И.Т. Кругликова, В.И. Сарианиди.
70. Археологические исследования в Северном Афганистане в 1971 году // УСА. Вып.2. Л. С. 53-43.
71. The Most Ancient Art of South Turkmenia and the Iranian parallels // The Memorial volume V International Congress Iranian art and archaeology. Vol. II. Tehran.
72. North Afghanistan in Bronze Period // Afghanistan. Vol. XXIV. Kabul.

1973

73. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. (Культура народов Востока; материалы и исследования) М. 208 с., 23 ил., XLIV табл. / В.М. Массон, В.И. Сарианиди.
74. Восточнохорасанская культура расписной керамики Афганистана // КСИА. Вып. 136. М. С. 17-22.
75. Древности низовий Мургаба // АО 1972 г. М. С. 483-484.
76. Становление городской жизни в Южной Бактрии // Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов. Л. С. 6-9.
77. Статуэтка лошади с Алтын-депе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С. 113-117.

1974

78. Советско-Афганская экспедиция // АО 1973 г. М. С. 537-539 / И.Т. Кругликова, В.И.

Сарианиди.

79. Рец. на кн.: Fairervis W. The pools of ancient India. New York, 1971 // СА. №1. С. 242-244.
80. Бактрия в эпоху бронзы // СА. № 4. С. 49-71.

1975

81. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук / Ин-т археологии АН СССР. М. 55 с.
82. Новые открытия в низовьях Мургаба // АО 1974 г. М. С. 528-529.
83. Советско-Афганская экспедиция // АО 1974 г. М. С. 559-560 / В.И. Сарианиди, И.Т. Кругликова, Г.А. Пугаченкова
84. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. № 2. С. 20-29.
85. Северный Афганистан в эпоху бронзы // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. Киев.

1976

86. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад. С. 82-111.
87. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. № 1. С. 42-68.
88. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. М. С. 3-20 / В.И. Сарианиди, И.Т. Кругликова.
89. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М. С. 21-86.
90. В поисках страны Маргуш // Природа. № 9. С. 92-103.

1977

91. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг. \ Отв. ред. И.Т. Крутликова. М. 172 с., ил.
92. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Тезисы докладов советских ученых на Международном симпозиуме по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. М. С. 30-32.
93. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. №1. С. 203-224.
94. О ранней металлургии и металлообработке Древней Бактрии // СА. № 2. С. 35-42 / В.И. Сарианиди, Н.Н. Терехова, Е.Н. Черных.
95. Открытие страны Маргуш // Памятники Туркменистана. № 2. С. 13-17 (на рус. и туркм. яз.).
96. Ancient Horasan and Bactria // Le Plateau Iranien et L'Asie Centrale des Origines a la Conquete Islamique. Paris. P. 129-142.
97. Bactrian Centre of Ancient Art // Mesopotamia. Vol. XII. Firenze. P. 97-110.

1978

98. Древнейшие топоры Афганистана // СА. № 2. С. 186-194.
99. Работы в Тоголокском оазисе Мургаба // АО 1977 г. М. С. 549-550.
100. Советско-афганская экспедиция // АО 1977 г. М. С. 576-577 / И.Т. Кругликова, В.И. Сарианиди, В.С. Долгоруков, Т. Ходжаниязов и др.

1979

101. К вопросу о культуре Заман-баба // Этнография и археология Средней Азии. М. С. 23-28.
102. Страна Маргуш и её международные связи // Памятники Туркменистана. № 1. С. 1-4.
103. То же, на туркм. яз.
104. Косметические флаконы из Бактрии // СА. № 1. С. 255-261.
105. Об одной группе культовых изделий Бактрии // СА. № 3. С. 262-265.
106. Царский некрополь в Северном Афганистане // Вестник АН СССР. № 7. С. 76-88.
107. Царский некрополь античного времени на поселении Тилля-тепе // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (Тезисы докладов) / В.И. Сарияниди, Г.А. Кошеленко. Ташкент. С. 74-75.
108. Сокровища холма Тилля-тепе // Памятники Туркменистана. № 2(28). С. 13-17 / В.И. Сарияниди, Т. Ходжаниязов (на рус. и туркм. яз).
109. Работы Советско-Афганской экспедиции // АО 1978 г. М. С. 601-602.
110. New finds in Bactria and Indo-Iranian connections // Taddei M. (Ed.) South Asian Archaeology 1977. Vol. 2. Naples. P. 643-659.
111. On Eady Trade // Current Anthropology. 1979, March.
112. Die Schatze der Kuschanen Konige // Afghanistan Journal. № 4. Graz.
113. Ancient Gold from the Melting-pot of Central Asia // The Courier the UNESCO. December.

1980

114. Продолжение работ на Тилля-тепе // КСИА. Вып.162. М. С. 109-118 / В.И. Сарияниди, Т. Ходжаниязов.
115. Раскопки царского некрополя в древней Бактрии // Изв. АН Туркменской ССР, сер. обществ, наук. № 4. С. 41-51 / В.И. Сарияниди, Т. Ходжаниязов.
116. Культовый сосуд из Маргианы. СА. № 2. С. 167-179.
117. The Treasure of Golden Hill // Am. J. of Archaeology. Vol. 84. № 2. P. 125-131. Pl. 17-21.
118. Le Tombe Regali della «Collina d'oro» // Mesopotamia. Vol. XV. P. 5-18. Fig. 1-59.
119. Die Schatze des «Golden Hugel» // Das Altertum. Bd 26.

1981

120. Зеркала древней Бактрии // СА. № 1. С. 288-293.
121. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М. С. 180-191.
122. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане // Afghanistan Archaeological Review. Vol. 4, No 2. Kabul.
123. Margiana in the Bronze Age // The Bronze Age civilization of Central Asia: recent Soviet discoveries \ Kohl P.L. (Ed.). NY. P.165-193.
124. The study of Bronze Age sites in the lower Murghab // The Bronze Age civilization of Central Asia: recent Soviet discoveries \ Kohl P.L.(Ed.). NY. P. 194-220.
125. Seal-Amulets of the Murghab style // The Bronze Age civilization of Central Asia: recent Soviet discoveries \ Kohl P.L. (Ed.). NY. P. 221-255.
126. Сокровища Золотого холма (на греч. яз.) // Antropos. №4.

1982

127. Сокровища кушанской Бактрии. Кабул.
128. Два головных убора из погребений Тилля-тепе и их семантика // КСИА. Вып. 170. М. С. 19-27 / Е.Е. Кузьмина, В.И. Сарияниди.
129. Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового Света. М. С. 68-88.
130. Об одной группе древнебактрийской глиптики // Древняя Индия. М. С. 297-306.
131. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. М. С. 307-318 / В.И. Сарияниди, Г.А. Кошеленко.
132. Особенности развития культуры эпохи бронзы в дельте Мургаба // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тезисы докладов. Ереван. С. 51-53.
133. Традиции и инновации в культуре бронзового века Южной Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи (Тезисы I Советско-Французского симпозиума). Душанбе. С. 33-35.

1983

134. Афганистан: сокровища безымянных царей. М. 159 с., ил.
135. Монументальная архитектура Гонур-депе // АО 1981 г. М. С. 478-479.
136. Сокровища Золотого холма // Наука и человечество. 1983. М. С. 64-80.
137. Антропоморфные божества древней Бактрии // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М. С. 76-77.
138. Традиции и инновации в культуре Южной Бактрии // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 4. М. С. 55-57 (на рус. и англ. яз.).
139. Anthropomorphic Divinities of Ancient Bactria // Ethnologic und Geschichte / Snoy P. (Ed.). Wiesbaden. P. 515-526.
140. The pottery of Shahr-I-Sokhta I and its Southern Turkmenian connections // Prehistoric Sistan. No 1. Tosi M. (Ed.). Rome. P. 183-190.

1984

141. Бактрия сквозь мглу веков. М. 160 с., ил.
142. Раннежелезный век Маргианы // Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Тезисы докладов I Советско-Индийского симпозиума. Ашхабад. С. 20-21.
143. Раскопки монументальных зданий на Дашли-3 // Древняя Бактрия. Вып. 3. М. С. 5-32.
144. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 7. М. С. 5-17 (на рус. и англ. яз.).
145. Zur Kultur der Fruhen Kushana // Aus der Osten des Alexander Reiches. Berlin.
146. Tillya Tepe: The Burial of a Noble Warrior // Persica. No XI.
147. Two Crowns found at Tillya-Tepe and their significance // Cultura antique. Vol. 36. No 3. Kyoto. P. 27-34 / V.I. Sarianidi, E.E. Kuzmina.

1985

152. Bactrian Gold. From the excavations of the Tillya-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad. 260 p., 166 colour plates and 260 black-and-white ill.
153. Средняя Азия в раннем железном веке // Древнейшие государства Кавказа и Средней

- Азии. М., 1985. С. 178-203. (Археология СССР) / В.И. Сарианиди, Г.А. Кошеленко.
154. Культура расписной керамики раннежелезного века Юго-Западной Азии // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 9. М. С. 5-23.
155. То же, на англ. яз.
156. Les origines de la culture agricole primitive de la Bactriane // L'Archeologie de la Bactriane Ancienne. Paris. P. 125-133.
157. Monumental Architecture of Bactria // De L'Indus Oux Balkans. Paris.

1986

158. Die Kunst des Alten Afghanistan: Keramik, Siegel, Architektur, Kunstwerke aus Stein und Metall. Leipzig. 348 p.
159. Бронзовый век Маргианы // КСИА. Вып. 188. С. 83-91.
160. Монументальный комплекс Тоголок 21 в Маргиане // АО 1984 г. М. С. 473-474.
161. Древнебактрийский пантеон // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 10. М. С. 5-20.
162. То же, на англ. яз.
163. Рец. на кн.: Potter M. Materiel Funerare de la Bactriane // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып.10. М. С. 5-20.
164. То же, на англ. яз.
165. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М. С. 66-71
166. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА, № 2. С. 34-46.
167. Кочевнические традиции в раннекушанском искусстве // Тезисы докл. Алма-Ата, 1986.
168. Открытие страны Маргуш // Наука в СССР. № 1. С. 52-59.
169. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane // Art Asiatiques. T. XLI. P. 5-21.

1987

170. Тилля-тепе и ювелирное искусство ранних кушан // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М. С. 168-181.
171. Бактрийский центр златоделая // СА, №1. С.72-83.
172. Юго-Западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып.13. М. С. 52-65.
173. То же, на англ.яз.

1988

174. Афганистан: сокровища безымянных царей. Токио. 277 с., ил. (Пер. на японский № 13).
175. Протозороастрийский храм в Каракумах // Природа. № 11. С. 117-118.
176. Ювелирное искусство ранних кушан // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 15. М. С. 100-109.
177. То же, на англ.яз.
178. Cult symbolism of Bactrian and Margiana amulets // Orientalia. Iosephi Tucci memoriae dicata / G.Gnoli, L. Lanciotti (Eds.). ISMEO. Serie Orientale. Roma. XVI. No 3. P. 1281-1294.
179. Рец. на кн.: Amiet P. L'Age des echanges inter-Iraniens 3500-1700 avant J.C. Paris, 1986 // Информационный бюллетень МАИКЦА, Вып. 14. М. С. 97-100.
180. То же, на англ. яз.

1989

181. Древние цивилизации Афганистана // Древние цивилизации. М. С. 211-217 / Г.А. Кошеленко, В.И. Сарияниди.
182. Где родился Зороастр? // Будущее науки. № 22. М. С. 253-271.
183. Археологическая проблема и новый археологический материал // Наука и человечество. М. С. 82-89.
184. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. № 1. С. 152-169.
185. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2. С. 178-181
186. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // СА. № 4. С. 17-24.
187. Храм огнепоклонников в сердце Каракумов // Памятники Туркменистана. № 1(47). С. 13-15.
188. То же, на туркм. яз.
189. Soviet excavations in Bactria: the Bronze Age / Bactria an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan \ G. Ligabue, S. Salvatori (Eds). Venezia. P. 107-123.

1990

190. Древности страны Маргуш / Отв. ред. А.А. Росляков. Ашхабад. 316 с., 36 ил., CVIII табл.
191. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане // ВДИ. № 2. С. 161-167.
192. Геоксюр // Брей У., Трампл Д. Археологический словарь. М. С. 58.
193. Маргиана // Брей У., Трампл Д. Археологический словарь. М. С. 151.
194. Намазга-депе // Брей У., Трампл Д. Археологический словарь. М. С. 169-170.
195. Новое открытие в Каракумах // Новое о Древнем Востоке. М. (На араб, яз.)
196. Ein Ausergewoehlicher Tempel Komplex von Togolok in Turkestan // Das Altertum. Bd. 36. Berlin.
197. Togolok-21: an Indo-Iranian Temple in the Karakum // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 4. P. 159-165.
198. The Golden Hoard of Bactria // National Geographic. Vol. 177. No. 3. P. 50-75.

1991

199. Temples of Ancient Margiana // Pakistan Archaeology. № 26. P. 175-187.
200. И здесь говорил Заратуштра. М. 248 с., 58 ил.
201. Рец. на кн.: Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989 // ВДИ. № 3. С. 177-179.

1992

202. Древнейший Мерв. М. 48 с., 52 ил.
203. Два уникальных флакона из Бактрии // ВДИ. № 3. С. 81-89.
204. Оттиск цилиндрической печати «миттанийского стиля» из Маргианы // ВДИ. № 3. С. 90-93.
205. Food-producing and other Neolithic communities in Khorasan and Transoxania: Eastern Iran, Soviet Central Asia and Afghanistan // History of civilizations of Central Asia. Vol. 1 \ A.H. Dani, V.M. Masson (Eds). Paris. P. 109-126.

206. Рец. на кн.: ΒΕΛΙΣΣΑΡΟΠΥΛΟΖ. Δ.Κ. «Ελληνες . και 'Ινδοί. Η συνάντηση δύο κόσμων. Τ. 1-2 'Αθήναι. «'Εστίαζ ». 1990 // ВДИ. 1992. № 2. С. 201-205. / Г.А. Кошеленко, В.И. Сарианиди.

1993

207. В поисках страны Маргуш. М. 362 с., 36 ил.
208. Ахейская Греция и Центральная Азия (Вновь к постановке проблемы) // ВДИ. № 4. С. 137-149.
209. Excavations at Southern Gonur // Iran. Vol. XXXI. L. P. 25-38.
210. Reperti inediti da tombe Battiane depredate // Mesopotamia. Vol. XXVIII. P. 5-20.
211. Recent finds in Margiana and Aryan problem // SAA 1992. Helsinki. P. 218-229.
212. Un temple de Zoroastre au coeur du Karakoum // Les dossiers d'Archeologie. № 185. P. 52-59.

1994

213. Маргиана на древнем Востоке // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19. М. С. 6-32.
214. То же, на англ.яз.
215. Полевой Международный семинар в Маргиане // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19. М. С. 271-272.
216. То же, на англ.яз.
217. Preface // Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis civilization in Central Asia. Cambridge, MA. P. XXII-XXXIV.
218. Aegean-Anatolian motifs in the glyptic art of Bactria and Margiana // Bulletin of the Asia Institute. № 8. P. 27-36.
219. Margiana and the Indo-Iranian world // SAA 1993. Helsinki. P. 667-680.
220. Temples of Bronze age Margiana: Tradition of ritual architecture // Antiquity. Vol. 68. № 259. P. 388-397.

1995

220. Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. № 1. С. 75-79.
221. New discoveries at ancient Gonur // Ancient Civilization. Leiden. P. 145-169.

1996

222. Βασιλική Ταφος Στην Βακτρινη. Θεσσαλονικη. 186 p.
223. Происхождение иранских храмов огня // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma. P. 319-329.
224. The Biblical lamb and the funeral rites of Margiana and Bactria // Mesopotamia. Vol. XXXI. P. 33-48.
225. The Zoroastrian Problem, Bactria and Margiana // Turkmenistan: Environment. History. Monuments. Ethnography\ G. Rossi-Osmida (Ed.). Venezia. P. 50-67.

1997

226. Маргуш юрдуныч гезлегинде. Ашгабат. 186 с., ил. (Перевод на туркм.яз. № 21).
227. Теменос Гонура // ВДИ. № 1. С. 148-168.
228. Il problema zoroastriano, Battriana e Margiana // Turkmenistan. «Esplorazioni e ricerche». Vol. XVI. \ G. Rossi-Osmida (Ed). Venezia. P. 78-95. (Пер. на итал. № 212).

1998

229. Margiana and Protozoroastrism. Athens. 192 p., 76 fig.
230. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M. 335 p., 1802 fig.
231. Позднебактрийские печати из коллекции Рона Гарнера // КЦ 1996. СПб. С. 181-184.
232. Раскопки дворца на Гонур-депе // Археология и этнология в Туркменистане. Новые исследования и актуальные проблемы. Тез. докл. Ашхабад. С. 17-18 / В.И. Сарияниди, Т. Ходжаниязов

1999

233. Сиро-хеттское происхождение Бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. № 1. С. 53-73.
234. Le tresor de Tilia Tepe // Dossiers d'Archeologie. № 247. P. 75-80.

2000

235. Дворец Северного Гонура // ВДИ. № 2. С. 248-259.
236. Neo-Assirian parallels in late Bactrian glyptics // Iranica Antiqua. Vol. XXXV. P. 21-32.

2001

237. Некрополь Гонур-депе и иранское язычество (на рус. и англ. яз.). М. 246 с., 27 табл., ил.+ карта.
238. Погребальные обряды Маргианы эпохи иранского язычества // КЦ 1999. СПб. С. 35-50.
239. Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение древнего населения Евразии. М. С. 257-318.

2002

240. The Fortification and Palace of Northern Gonur // Iran. Vol. XL. L. P. 75-85.
241. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ashgabat, Turkmenowlethabarlary. 360 с., ил. (на туркм., рус., англ. яз.)
242. Протозороастрийские традиции древней Маргианы // Miras. № 2. Ашхабад. С. 87-90. (на туркм, рус., англ. яз.)
243. The Palace and Necropolis of Gonur // Margiana. Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue study and research centre. Venice. P. 17-49.

2003

244. Город царей и богов // Miras. № 3. Ашхабад. С. 44-54, 92-104, 142-152 (на туркм., рус., англ. яз.)

2004

245. Социальный и политический строй древневосточного царства Маргуш // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. С. 318-334
246. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // *Miras*. № 3. Ашхабад. С. 38-51, 84-97, 130-143 (на туркм, рус., англ. яз.).
247. Η Βασιλική πόλη των Θεών και των ναών // *Αρχαιολογία & Τεχνεζ*. 91. Ρ. 99-109.

В печати

248. 'Nurogaeum' type burials in the Gonur necropolis // SAA 1999.
249. Necropolis of Gonur-depe and Iranian paganism. Second edition. Athens, 2006
250. Царский город богов и храмов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова. Сборник статей. 2006. С.68-93. М.,
251. Царский Некрополь на Северном Гонуре // ВДИ.
252. Маргуш. Т. 2. Город царей и богов. Ашхабад

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
РЕКОНСТРУКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
ДРЕВНОСТИ**

Вяч. Вс. Иванов, академик РАН
(Россия, Москва)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
О ДОВОДАХ В ПОЛЬЗУ РАССЕЛЕНИЯ
НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ
ИЗ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Задача статьи.

Отмечая этой статьей юбилей выдающегося археолога В.И. Сараниди, мне хотелось бы в ней вернуться к обсуждению вопроса, в дискуссии вокруг которого юбиляр деятельно участвовал, с полным основанием рассматривая открытые его экспедицией факты как подтверждающие точку зрения, выдвинутую Т.В. Гамкрелидзе и мной. Мы предположили, что диалекты индоевропейского праязыка вместе с их носителями (в дальнейшем называемыми индоевропейцами) распространились по Евразии из области, находившейся в сфере древнеближневосточных культур, скорее всего, из *ареала Северной Месопотамии, пограничного с Восточной Анатолией - Исторической Армении (юго-восточной частью современной территории Турции) и Северо-Восточной Сирийей*. Эта гипотеза была обоснована нами в совместной монографии, впервые изданной в 1984 г.¹ (Гамкрелидзе, Иванов, 1984 / Gamkrelidze, Ivanov, 1995). Поэтому представляется целесообразным обозреть основные сделанные с тех пор открытия и обнаруженные за последние 20 лет (1984-2004) факты, которые могут учиты-

ваться как дополнительные доводы по поводу местонахождения индоевропейской прародины и путей миграции из нее. Поскольку эти данные не были известны авторам книги, те из них, которые с ней согласуются или ей не противоречат, могут использоваться для фальсификации (Поппер, 1983; Иванов, 2004, с. 131-134) нашей теории или ее подтверждения (если говорить в менее современных терминах).

*Индоевропейская конфедерация и ее распад,
языковая семья и языковой союз.*

При соотнесении лингвистических реконструкций с археологическими, касающимися истории культуры, представляется необходимой историко-социологическая конкретизация представления о том обществе, членов которого можно рассматривать как индоевропейцев – носителей индоевропейского языка и его диалектов. Моделью, которая наиболее адекватно описывает подобную ситуацию для периода перехода от неолитической революции к более продвинутым формам хозяйства (у индоевропейцев – начало выплавки металлов, использование колесного транспорта, в который впрягают быков, а потом и коней), можно признать понятие союза племен «*конфедерации*» (confederacy), как оно было сформулировано Л.Г. Морганом на материале таких исторических объединений в Северной и Центральной Америке, как ирокезское и астекское. Конфедерация, по Моргану, была четвертой и высшей ступенью иерархической организации, три первых последовательных ступени которой образуют род, фратрия и племя. Описывая ирокезскую конфедерацию как первый из двух глав-

¹ Книга была в основном закончена в мае 1977 г., после чего ее содержание было изложено в серии статей, опубликованных до ее выхода. Позднейшая литература и открытия, ставшие известными в последующее время, были по мере возможности учтены в авторском послесловии и лишь отчасти в тексте самой книги.

ных примеров, им рассмотренных, Морган замечает, что общение между отдельными частями конфедерации было возможно благодаря наличию лингвистической общности. Конфедерация ограничивалась «границами диалектов общего языка. Если бы этот естественный барьер был перейден, то гетерогенные элементы по необходимости включились бы в организацию» (Morgan, 1877, p. 125-126, ср. p.128)².

Переходя затем к опыту характеристики предполагаемой им аналогичной конфедерации у астеков, Морган замечает: «Традиция включала один многозначительный факт такого рода, который исключает возможность его изобретения, а именно то, что семь племен имели непосредственное общее происхождение, факт, подтверждаемый чертами их диалектов... Это показывает, что они первоначально были одним народом, который распался на семь, если не больше, племен благодаря естественному процессу расчленения. Более того, именно этот самый факт и был тем, что сделало атекскую конфедерацию возможной (как и вероятной), так как общий язык является существенной основой такой организации»³ (Morgan, 1877,

p. 195). Другие племена не могли быть включены в конфедерацию, потому что это противоречило бы принципу, запрещавшему вхождению в нее племени, говорившего на языке, не родственном диалектам других племен конфедерации (Morgan, 1877, p. 199)⁴. Если принять эту идею Моргана и приложить ее к результатам индоевропейской реконструкции, то можно было бы предположить, что в период, непосредственно предшествовавший распаду индоевропейского праязыка, на его, уже сформировавшихся диалектах говорили племена, входившие в индоевропейскую конфедерацию. В нее не включались соседние племена, языки которых входили в другие семьи или макросемьи («надсемьи»), контактировавшие, как следует из рассмотренных ниже фактов, с праиндоевропейским (например, северокавказскую, картвельскую, семитскую). Контакты праиндоевропейского с этими неиндоевропейскими языками, по-видимому, благодаря частичному двуязычию (праиндоевропейско-прасеверокавказскому, праиндоевропейско-пракартвельскому, праиндоевропейско-западно-семитскому) в особенности в пограничных ареалах приводили к образованию языковых союзов, отличавшихся (прежде всего, отсутствием правил фонетического перекодирования и единой грамматической наддиалектной системы)⁵ от

² "The bounds of the dialects of a common language. If this natural barrier had been crossed it would have forced heterogeneous elements into the organization." Хотя в нашей недавней действительности в ходу были упрощенные схемы, частично основанные на выводах Моргана, отрицание этой позднейшей вульгаризации несколько не умаляет роли одного из основателей современной антропологии. Приводимые выводы основаны на серьезных оригинальных исследованиях Моргана, результаты которых никем не были опровергнуты (Radcliffe-Brown, 1987, p. 10-12).

³ "The tradition embodies one significant fact of a kind that could not have been invented, namely, that the seven tribes were of immediate common origin, the fact being confirmed by their dialects... It shows that they were originally one people, who had fallen into seven and more tribes by the natural process of segmentation. Moreover, it was this same fact which rendered the Aztec confederacy possible as well as probable, a common language being the essential basis of such organization". У астеков предполагается структура, основанная на чифд-

оме - вожаческой организации (Дьяконов, 1994, с. 26, 358, ср. замечания об индоевропейцах: там же, с. 25).

⁴ Морган думал, что этническая раздробленность исконного населения Америки объясняется этим принципом, делавшим невозможным создание конфедерации носителей неродственных языков. Но принятие вероятной гипотезы Сепира, Мейтсон и Гринберга о родстве всех америндейских языков привело бы к необходимости восстановления более сложной картины их циклического объединения и распада, растянутого на много тысячелетий.

⁵ Понятие наддиалектной системы, введенное в русскую диалектологию В.Н. Сидоровым и Р.И. Аванесовым, и сходное с «общей моделью» (over-all pattern), как ее понимал в американской диалектологии Дж. Трейджер, представляется целесообразным использовать при истолковании междиалектных отношений в реконструируемой языковой семье: в праязык, как в наддиалектную модель, включаются

языковой семьи, в которую входили все индоевропейские диалекты. После *распада индоевропейской конфедерации* и прекращения совместного функционирования всех диалектов индоевропейского праязыка, осуществившегося по данным глоттохронологии *около V тыс. до н.э.* (С.А. Старостин, устное сообщение)⁶, часть племен могла оставаться внутри конфедерации, другие же от нее могли отъединиться в составе осколка бывшей большой конфедерации. Такую ситуацию можно предположить, в частности, для вторичной (дочерней) конфедерации, условно именуемой *анатолийской*. Она раньше других (скорее всего *не позднее, чем в начале IV тыс. до н.э.*)⁷ могла выделиться из состава общеиндоевропейской («индо-хеттской»), и входившие в нее диалекты существенно отличались друг от друга. Но в период составления древнехеттского варианта законов (около 17 в. до н.э.) их составитель – хетт осознавал еще единство объединения, включавшего страну хеттов (говоривших на «несийском» языке древней столицы Несы - Каниша староассирийских документов), Пала (где говорили на палайском языке, продолжавшем, как и хеттский, североанатолийский диалект индоевропейского) и Лувию (где говорили на лувийском языке, продолжавшем южноанатолийский диалект

правила соотнесения отдельных диалектов друг с другом.

⁶ Результаты предшествующих вычислений Старостина совпадают с выводами, полученными мной при лексико-статистическом определении степени близости и времени расхождения североанатолийского и южноанатолийского индоевропейских диалектов: (Ivanov, 2001. Там же – соответствующие таблицы).

⁷ Глоттохронология определяет время формирования отдельных друг от друга диалектов (для индоевропейского V тыс. до н.э. по Старостину). Эти диалекты, уже отличные друг от друга, могли сосуществовать в пределах языков еще не распавшейся конфедерации, затем их носители выходят из нее - сперва северо- и южноанатолийский (не позднее начала IV тыс.), потом тохарский и затем, возможно, кельтский (по лексикостатистике Старостина).

индоевропейского) (Ivanov, 2001; Melchert, 2003, p. 10; Bryce, 2003, p.28-30).

В ходе последующих членений на некоторое время единство типа конфедерации могли продолжать образовывать друг с другом диалекты, развившиеся потом в тохарские языки, далее восточно-индоевропейские диалекты (индоиранские, греческий, армянский⁸, фригийский) и часть западно-индоевропейских или «древнеевропейских». Решительное изменение ситуации отмечается тогда, когда стали уже образовываться единства, включающие неиндоевропейские языки, как хурритский в симбиозе с месопотамским арийским⁹ (индоиранским в Митанни к середине II тыс. до н.э.) или как вероятный лувийско-хурритский и палайско-хаттский (ср. Soysal, 2004, s. 11) билингвизм во второй половине II тыс. до н.э. – времени поздней Хеттской империи (уже не конфедерации!)¹⁰.

Задача исторического исследования состоит, в частности, в том, чтобы проследить пути распада первоначальной большой индоевропейской (индо-хеттской) конфедерации и

⁸ Близость к этой группе албанского и исторически ему предшествовавшего палеобалканского-фракийского возможна, но не доказана.

⁹ См. обзор данных и литературу вопроса: Иванов, 2002. Особая близость этого диалекта к древнеиндийскому подтверждается такими вновь открытыми заимствованиями из него в хурритский, как *wadura-nni*: Mayerhofer, 1996; Wegner, 2000, s. 20, 170.

¹⁰ Различие империи и конфедерации (которое Морган обсуждает, отрицая возможность применения к астекам первого термина) можно пояснить сопоставлением с Римской империей: единый латинский язык в качестве суперстрата наслаивался на языки местного населения. Если в некоторых случаях (например, у кельтов и германцев) эти языки и были исторически родственны латинскому, степень расхождения была настолько велика, что это родство не ощущалось носителями. Из диалектов навязанного завоевателями – римлянами их языка – суперстрата возникли романские языки. Поэтому принятое в учебниках сопоставление возникновения романских языков из диалектов народной латыни и образования индоевропейской семьи языков с исторической точки зрения неверно, как ошибочно и предположение В. Пизани о том, что праиндоевропейский как стандартный общий язык типа санскрита мог быть навязан отдельным группам индоевропейцев.

трансформации предполагаемых дочерних конфедераций (анаатолийской, пратохарской, восточно-индоевропейской, преддревнеевропейской) и дальнейшей миграции племен, в них когда-то участвовавших, а также параллельное развитие языков, входивших в древнюю языковую семью и в названные языковые союзы.

*Проблема свидетельств нахождения
индоевропейцев на Древнем
Ближнем Востоке*

Среди аргументов, говорящих в пользу древнеближневосточной локализации индоевропейской прародины (в восточноанаатолийско – северносирийско – северномесопотамском ареале) или в предложенных выше терминах места обитания всех племен, входивших в индоевропейскую конфедерацию, за последние два десятилетия существенно продвинулось изучение фактов двойного рода: данных, подтверждающих ранние контакты праиндоевропейского и его диалектов с соседними языковыми группами, расположенными в то время на Ближнем Востоке или близко к нему и вошедшими в один языковой союз с праиндоевропейским, и вероятных письменных свидетельств раннего нахождения индоевропейцев в этом ареале.

Лексические свидетельства контактов праиндоевропейского и его диалектов с картвельским (южнокавказским) были систематически рассмотрены выдающимся картвеловедом Г.А. Климовым в его книге (Климов, 1994), вышедшей незадолго до безвременной смерти ученого.¹¹ Климову удалось продемонстрировать вероятное индоевропейское происхождение целого ряда лексических единиц пракартвельского языка¹² (значительно большего, чем ранее от-

меченное в нашей книге, где были учтены и предыдущие работы Климова). Для таких слов, как числительные – картв. **eks*₁w «б»: и.-е. *(s)*weks*-, картв. **otxo*-«4»: авест. *ašti*- «ширина в четыре пальца» (Климов, 1994, с. 59-63; Klimov, 1998, pp. 145-146) – несомненно, отражение в факте заимствования культурного влияния, обычно шедшего от индоевропейского источника. Некоторые слова безусловно связаны с новой технологией сельского хозяй-

можности признания картвело-индоевропейского родства, поэтому кроме слов, объявляемых заимствованиями из индоевропейского в картвельский, как, например, общекартв. **γwed*- «ремень», в древнегрузинском и в современном джавахском диалекте «привязь на ярме, пояс»: праи.-е. [H]*wedh* – (Климов, 1994, стр. 74-75, Klimov, 1998, p. 225), он говорит и о родстве некоторых слов, например, и.-е. **c₁ero* «журавль», груз. *m-cero* (Rogava, 1988, Klimov, 1998, p.309). Расстояние во времени между двумя этими типами общих слов огромно. Поэтому поставленная еще Боппом и нашедшая разрешение в ностратической теории проблема исходного родства картвельского с индоевропейским прямо с эпохой индоевропейских заимствований в картвельском не связана, хотя отличить эти два типа совпадений по фонетическим критериям (как пробовал делать Климов) нелегко. К праностратическому восходят не только известное число лексем (таких, как личные местоимения, совпадающих в разных ветвях ностратического), но и некоторые специфические картвело-индоевропейские изоглоссы, как название «сердца», и.-е. **k'erd*- : картв. **m-k(e)rd*- “грудь” (Климов 1994, с. 57-59; Klimov, 1998, p. 123), которые по времени намного старше позднейших заимствований из праиндоевропейского и древних его диалектов, в частности, анаатолийских, из которых могло быть заимствовано, например, сохраненное в мегрельском и лазском *ška*-«поясница», сванском *isg(a)* «между» (Klimov, 1998, p. 252 с другим объяснением) древнее название «спины», использующееся в хеттск. *iški-š*- с суффиксом \square -š- (Zeilfelder, 2001, s. 202). Некоторые изоглоссы, признаваемые анаатолийско-картвельскими, как название «луга» - хет. *wellu*-, и.-е. *wel*- (Klimov 1998, p. 51), можно распространить на общеиндоевропейский (ср. родственное название Елисейских полей в греческом, балто-славяно-германские имена бога того света и названия его местонахождения на небе: др.-рус. *Вол-ос-о-жары* «Большая Медведица»).

¹¹ В посмертно изданном новом английском варианте его этимологического словаря картвельских языков (Klimov, 1998) особое внимание обращено на индоевропеизмы.

¹² По Климову, речь идет именно о заимствованиях. В момент редактирования английского варианта своего словаря он явно задумывался о воз-

ства: картв. **berg-* «мотыжить, дробить землю»: диалектн. и.-е. **bh(e)r-g'* - «дробить» (Климов, 1994, 49-50 с.; Klimov, 1999, р. 11), или с обрядами, совершаемыми в связи с домашними животными: картв. **usxo-* «бык (жертвенный)» - и.-е. **uks-on-* (Климов, 1994, с. 63-68; 1994а; Klimov, 1998, р. 195 -196).

Прародина картвельского в период 4200 – 2600 гг. до н.э. предположительно определяется в Закавказье к юго-западу от теперешней области расселения народов, говорящих на картвельских языках (Klimov, 1998, pp. IX, XII). Поэтому наличие этих заимствований во всяком случае исключает ограничение праиндоевропейской прародины только Северным Причерноморьем в духе традиционной шрадеровской гипотезы, на время с успехом возрожденной М. Гимбутас и ее последователями (Меллори, 1997; Mallory, 1989), и предполагает возможность прямого контакта праиндоевропейского и пракартвельского в ареале, близком к предполагаемой нами территории распространения индоевропейцев.

Очень существенный пласт культурных терминов, связанных с неолитической революцией и ее продолжением, объединяет праиндоевропейский с *прасеверокавказским*. После того, как С.А. Старостин установил наличие этой значительной группы слов (Старостин, 1985, 1988), остается, по меньшей мере, два существенных вопроса, с этим связанных. В каком направлении шло заимствование? Старостин в статье, где он выявил слова этого типа и дал их семантическую и фонетическую классификацию, предложил считать их заимствованиями из северо-кавказского в индоевропейский (Старостин, 1988). Однако, во всяком случае, для тех слов, в фонетический состав которых входили в индоевропейском палатальные смычные, по фонетическим и конкретно-этимологическим причинам вероятнее обратное направление (Ivanov, 1998; 2002). Основным доводом служит то, что в прасеверокавказском отражены формы со свистящими и шипящими спирантами и аффрикатами, соответствующими рефлексам

палатальных в индоевропейских диалектах *satdm*.¹³ Следовательно, ко времени, когда осуществились данные заимствования, древние палатальные в этих диалектах (в восточноиндоевропейском кроме греческого, а также в праалбанском палеобалканском и прабалтославянском) уже изменялись в такие спиранты и аффрикаты. И прасеверокавказский должен был заимствовать эти слова именно из диалектов, где осуществилось такое развитие. Значит, восточноиндоевропейские диалекты (за вычетом прадревнегреческого, который был диалектом *sentum* и поэтому не может быть локализован по этому фонетическому признаку) находились на территории, близкой к прародине носителей северокавказского. Судя по тому, что к этой последней семье принадлежат хурритский и хаттский языки, на которых потом говорили в Малой Азии и на севере Сирии и Месопотамии, северокавказская прародина могла быть близкой к ареалу, предположенному нами для индоевропейцев (ср.: Старостин, 1985).¹⁴ В таком случае предполагаемый контакт между ними и говорившими на прасеверокавказском и осуществился в этой области.

Другим сходным кругом лексических явлений, который, как и выше отмеченные, упоминался в нашей книге, но без подробного перечисления всех многочисленных заимствований, является значительный пласт вероятных индоевропейских заимствований в *западносемитском*, уточненный и расширенный в не-

¹³ С фонетической точки зрения изменение палатализованных заднеязычных смычных в спиранты и аффрикаты нормально и наблюдается во множестве языков. Обратное же направление развития крайне маловероятно.

¹⁴ Эта гипотеза согласуется с давно записанными фольклористами легендами носителей северо-западно-кавказских языков, по традиции веривших, что некогда они обитали гораздо южнее, но тысячелетия назад в ходе войн и исторических катастроф были оттеснены на север другими народами. Термин «северокавказский», который и раньше не годился для убыхского и абхазского, явно не подходит для семьи, в которую входили хаттский и хурритский (и скорее всего также этрусский), но менять традиционные названия в лингвистике нелегко.

давной работе С.А. Старостина (устное сообщение).

Такие изученные им слова исконного индоевропейского словаря, как название «земли» (индоевропейское **dheg'h-om*> хеттск. *tekan/dagn-*, тохарск. *A tkam*, др.- греч. *χθών*) и фонетически близкое к нему название «рыбы»,¹⁵ бесспорно, связаны по происхождению с западно-семитским именем бога *Dagan*¹⁶ и сходным по звучанию западно-семитским словом для рыбы. Отсутствие соответствий в других семитских и афроазиатских языках кажется серьезным основанием для того, чтобы предположить заимствованный характер слов в западно-семитском. Массивность этой группы слов служит веским доводом в пользу предположения о существенности раннего индоевропейского воздействия на ту часть носителей семитских языков, которые в это время должны были находиться на Ближнем Востоке – скорее всего в Сирии.

Ранний этап диалектных индоевропейско-западно-семитских языковых контактов можно было бы предположить и в *Эбле* (*Сев. Сирия, середина III тыс. до н.э.*), если принять высказанную Гельбом в его последней предсмертной работе о языках *Эблы* гипотезу о том, что среди этих языков были и индоевропейские. В *Эбле* представлено и только что названное вероятное имя индоевропейского происхождения, относимое к самому главному (Pettinato, 1999, pp. 313-315) богу города - Дагану (Romponio, Xella, 1997, p. 376-377; Tånberg, 1994, s. 25, Fn. 105), но его заимствование следует отнести к более раннему времени. В письменных текстах середины III тыс. до н.э. из

¹⁵ Кажется возможным, что «рыба» в древней мифологической картине мира осмыслялась как хтоническое существо, связанное с подземными водами.

¹⁶ К числу индоевропеизмов в картвельском относится связываемое с тем же словом название «чернозема» с первым элементом **diy-* (Klimov, 1998, p. 41), значение которого, как и функция семитского бога зерна Дагана, позволяет думать о возможном сельскохозяйственном первоначальном значении и природе заимствования.

Эблы наиболее очевидное свидетельство сравнительно поздних контактов этого рода относится к анатолийским языкам:¹⁷ неоднократно упоминаемый в *эблаитских* текстах город *Haš(š)uwa/Haz(z)uwa* можно отождествить с одноименным городом в древнехеттских документах (Tånberg, 1994, s. 54, 70)¹⁸. Он также сопоставим с названием города *Šalla-Haššuwa*, встречающимся в староассирийском тексте из Малой Азии (рубеж III и II тыс. до н.э.). Название бесспорно понимается как «великоцарский»: ср. хеттск. *šall-i-* «большой, великий, царский» с индоевропейскими (Kimball, 1999, p. 413) и семитскими (Ivanov, 2001) параллелями и *hass-u-* «царь», родственное санскрит. *asu-ra* «господин, демон», авест. *Ahura*, др.-исландск. *as-* «Бог».

Возможно, что к этого рода свидетельствам ранних древнеближневосточных контактов праиндоевропейского относятся и отмеченные в недавнее время Каммерцеллем совпадения с *древнеегипетским*. Но в этом случае конкретное пространственно-временное приурочение затруднительно и остается проблематичная вероятность гораздо более ранних ностратическо-афро-азиатских связей.

К числу возможных, но пока еще не достаточно аргументированных косвенных лингвистических свидетельств местонахождения диалектов, на которых говорили индоевропейцы, в Передней Азии, могут относиться и некоторые *структурные типологические* характеристики, объединяющие праиндоевропейский с древними языками этого ареала. По отношению к праиндоевропейскому и праязыкам основных семей Западной Евразии этот вопрос

¹⁷ Возможно, что к следам контактов с анатолийским нужно отнести и встречающееся в *эблаитских* текстах личное имя *Zida*; слово с такой основой в лувийском значит «человек». Но наличие созвучных слов и в северокавказском позволяет думать, что речь идет о миграционном термине, исходный пункт распространения которого еще не установлен. См. также ниже о собственном имени, вероятно образованном от названия «коня».

¹⁸ В *эблаитском* тексте ТМ .75. G. 1560 v. VI 14 VI 3 упомянут Бог Хассувы ^dbe ha-šu-wa-an^{ki}, что можно истолковать как название местного Бога Грозы (Romponio, Xella, 1997, p. 97).

(главным образом в связи с фонологической типологией) был поставлен еще князем Н.С.Трубецким, чьи идеи (в частности, в связи с *глотальной теорией*¹⁹) мы развивали в своей книге с Т.В. Гамкрелидзе. Возможно, что к общим типологическим чертам всех языков *древнепереднеазиатского языкового союза* относились такие представленные в праиндоевропейском (праиндохеттском) и его анатолийских диалектах грамматические особенности, как эргативная конструкция и эргативный падеж²⁰, позднее в праиндоевропейском трансформировавшийся в именительный, энклитические частицы со сходными функциями, например, частицы прямой (чужой) речи (Иванов, 2004, стр. 47, прим. 52), релятивные имена существительные в конструкции с притяжательными местоимениями, функционирующие потом как предлоги или послелогии (Иванов, 2004, с. 72-74). Сходные грамматические черты можно предположить не только в древнеписьменных языках Передней Азии, но и в анатолийских прадиалектах (северном и южном), в праиндоевропейском и соседних с ним праязыках (картвельском, северокавказском, семитском).

Когда в 1970-х - 1980-х годах мы выступили с нашим предположением о древнеближневосточной прародине индоевропейцев, наши оппоненты, и, прежде всего, выдающийся специалист по Древнему Востоку И.М. Дьяконов возражали, ссылаясь на то, что при наличии там письменности следовало бы ждать *отражения присут-*

ствия индоевропейцев в письменных текстах.

Речь шла о периоде, более близком ко времени начала письменности на рубеже IV и III тыс. до н.э., тогда как первые достоверные письменные данные об одном из индоиранских диалектов – *месопотамском арийском* - на Ближнем Востоке относятся ко II тыс. до н.э., когда с ним взаимодействуют языки касситов и хурритов. По недавно уточненной (на основе дендрохронологии и списков эпонимов по работе Венхофа) датировке к самому началу того же II тыс. до н.э. и двум последним векам предшествующего III тыс. относятся многочисленные *анатолийские (хеттские и лувийские) собственные имена, топонимы* (см. выше о городе *Šalla-Naššuwa*) и *заимствования*²¹ в *староассирийских документах из ассирийских колоний в Малой Азии* – Каниша, Пурусханды (самое название которой содержит анатолийское слово - *handa*). Эти данные с очевидностью доказывают, что носители северно- и южноанатолийских индоевропейских языков к концу III тыс. до н.э. уже составляли основную массу населения городов Анатолии, при этом оба диалекта сильно отличались друг от друга, что (как и упомянутые выше соответствующие лексико-статистические данные) делает маловероятным их отделение друг от друга и от других родственных языков конфедерации позже, чем в начале IV тыс. до н.э.

Другая гипотеза, которая могла бы заставить думать о раннем появлении следов индоевропейцев в древнеближневосточных письменных источниках, основана на предположенном знаменитым иранистом Хеннингом отражении *предков тохар* в письменных свидетельствах о *кутиях* (2200 г. до н.э.). В статье, написанной вместе с Т.В. Гамкрелидзе после издания книги, мы попробовали развить эту гипотезу, привлекая и толкование немногих известных имен царей династии кутиев (Гамкрелидзе,

¹⁹ О князе Трубецком как предшественнике глотальной теории см. в моем комментарии к его «Мыслям об индоевропейской проблеме» (в томе русских текстов его лингвистических работ). Несмотря на серьезную критику по отношению к самому раннему периоду со стороны ностратики (см. в дополнениях к книге: Иванов, 2001), такие новые работы, как упомянутые сравнения Каммерцелля а также исследования армянских диалектов, говорят в пользу нашей гипотезы.

²⁰ Отмечено в трудах И.М. Дьяконова (Дьяконов, 1967), чьи идеи развивает М. Хачикян (Хачикян, 2002).

²¹ Кроме анатолийских слов и имен, выявленных еще Балканом и Ларошем (ср. Иванов, 2001, 2001а), в текстах, недавно опубликованных Гарелли (Michel, Garelli, 1997), есть кальки с анатолийского: так, на староассирийский диалект аккадского переведено характерное для хеттских и лувийских обрядов сочетание «злой (плохой) язык (=злоречие)».

Иванов, 1989; Gamkrelidze, Ivanov, 1990-1991).²²

Но по отношению к предшествующему времени, когда диалекты индоевропейского праязыка должны были еще сохранять черты близости, письменные данные до недавнего времени отсутствовали.

С этой точки зрения исключительный интерес представляет гипотеза, которую в последнее время пробует обосновать Уиттакер. Он предполагает, что в самых ранних памятниках месопотамской письменности представлены слова весьма *архаичного «евфратского» индоевропейского диалекта*²³ (Wittaker, 1998). Их фонетический облик был сохранен в позднейшей шумерской традиции, где у ряда клинописных знаков, наряду с собственно шумерскими (по Уиттакеру - более поздними) чтениями, были и древние (предположительно индоевропейские). Не все предложенные им этимологии удачны, но из примерно сотни им указанных несколько десятков могут быть кандидатами на принятие в гипотетический словарь «евфратского» индоевропейского диалекта. Объяснение Уиттакера не вызывает сомнений в таких случаях, как «евфратское» *hurin* «орел»,²⁴ родственное хеттскому архаическому гетероклитическому (и поэтому бесспорно заимствованному) *hara-/haran* -

«орел» (такое же значение в балто-славянском и других диалектах, поэтому древнегреческое *ὄρνις* «птица» с обобщенным значением признается результатом позднейшего семантического развития). С представлением об архаичности «евфратского» как индоевропейского диалекта согласуется свидетельствуемое этим словом сохранение ларингального в начальной позиции, где, как и в анатолийских языках, он выступает в форме *h-*. В других случаях предположения Уиттакера остаются вероятной гипотезой, как этимология шумерск. *eren* «кедр», сравниваемого с индоевропейским названием «можжевельника» (ср.: Иванов, 2003, с. 41, прим. 129).²⁵ Если в целом языковая сторона гипотезы Уиттакера (вызывающая одобрение скорее у шумерологов, чем у индоевропейцев) будет принята, то из нее следует, что одно из племен, входивших в индоевропейскую конфедерацию, к концу IV тыс. до н.э. обитало в Южной Месопотамии – к югу от предположенной нами территории индоевропейской прародины, откуда оно должно было сместиться, выделившись из единства. Более сильное утверждение вытекало бы из проблематичного понимания Уиттакером некоторых древнейших таблиц как целиком написанных на «евфратском» индоевропейском диалекте: в этом случае можно было бы думать, что хотя бы в части индоевропейской конфедерации рано началось распространение письменности (древней предклинописи).

*Миграции индоевропейцев и
проблема транспорта:
конь, колесница, мореплавание*

В целом ряде исследований последнего времени было предположено, что миграции индоевропейцев осуществлялись в основном посредством *колесных повозок*, в которые впрягались *лошади*; в военных предприятиях главную роль играли *боевые колесницы*. Соответственно история этих транспортных средств и связан-

²² При всей трудности оперирования племенными названиями можно отметить интригующую близость имени одного из народов моря египетских текстов к последующему названию тохар.

²³ В нашей книге с Гамкрелидзе мы отметили некоторые шумеро-индоевропейские сходства, но их число было невелико, и направление заимствования из индоевропейского не было очевидно. Мелчерт (Melchert, 2003, p.12, fn.27) ошибочно полагает, что такие слова на индоевропейскую прародину могли проникнуть из-за торговых связей (по отношению к принимаемой им северопричерноморской прародине и сами морские пути маловероятны, см. ниже о Черном море).

²⁴ См. об этом слове в шумерском словарном списке из Эблы: Picchioli 1997, p. 17 (A 11/620), 160, n. 90 (с библиографией). Клинописное [u], как в хурритском, могло передавать фонему [o], в клинописных знаках не имевшую прямого соответствия.

²⁵ В работе Уиттакера есть и некоторые другие приемлемые сопоставления (Ivanov, 2001): в частности, в свете недавних работ Э. Барбер об индоевропейском использовании текстиля вызывает интерес предположение о наличии в «евфратском» индоевропейского корня «прясть».

ные с ними вопросы, такие, как *одомашнивание лошади*, заняли внимание многих ученых. Хотя окончательное общепризнанное мнение не было достигнуто, сформулированы две противоположные точки зрения, выбор между которыми в дальнейшем определит направление исследований.

Первая из них связана главным образом с работами Энтони. Он примыкает к тому течению, которое вслед за Гимбутас (в свою очередь развивавшей точку зрения, задолго до того обосновывавшуюся Шрадером) искало колыбель индоевропейцев в Северном Причерноморье (ср. выше об аргументах против этого, в частности, в заимствованиях из соседних языков). Энтони свои усилия сосредоточил на исследовании многочисленных остатков коней в Деревке на Днепре, где он и следовавшие за ним ученые видели следы древнего центра коневодства. В работе, вызвавшей бурную полемику, Энтони пробовал показать, что на зубах одного коня из Деревки можно видеть следы повреждений, нанесенных человеком. Позднее, после открытия еще большего количества костных остатков лошадей в Ботае в Казахстане, Энтони склонился к точке зрения, согласно которой древнейшую область одомашнивания лошади и ранней верховой езды нужно искать в Северном Казахстане, где на зубах многих коней ему видятся аналогичные следы грубой дрессировки (Anthony, 1995).

Отвергая выводы Энтони, Марша Левин считает Волго-Казахстанские степи в IV и III тыс. до н.э. областями охоты за лошадьми, но не их одомашнивания (Levine, 1999, 1999a, 2003; Levine, Boyle, Renfrew, 2003). Левин участвует в большой коллективной работе с генетиками по выявлению следов одомашнивания посредством методов молекулярной биологии. Установлено, что лошадь была одомашнена несколько раз в разных местах (Vilà, Leonard, Götherström, Marklund, Sandberg, Lindén, Wayne, ELEGREN, 2001; Jansen, Forster, Levine, Oelke, Hurles, Renfrew, Weber, Olek, 2002). В этом, в частности, можно видеть биологическое соответствие лингвистическому выводу о наличии не меньше, чем двух древних евразийских

названий лошади – одного, общего у индоевропейского – **ek'wo-s* (Ivanov, 1998; 2002) с енисейским **qus* и заимствованного с изменением палатального в семитский и вероятно в северокавказский, и другого, заимствованного из сино-тибетского – **kumrang* в алтайские языки – японский – **uma* и монгольский – **mórin* и в некоторые индоевропейские языки: англ. *mare*²⁶ с соответствиями в других германских языках и в кельтском. Даты многократного одомашнивания определяются как лежащие в интервале между началом неолитической революции (9000 лет до н.э.) и тем периодом около 2000 лет до н.э., когда *о ритуальном захоронении одомашненной лошади вместе с колесницей говорит находка в культуре Синташты* (см. ниже). Все исследователи проблемы, включая и представителей противоположных взглядов на начальный период одомашнивания, сходятся на том, что начиная с рубежа II и III тыс. до н.э. одомашненный конь в сочетании с колесной повозкой и колесницей, в которые он впрягается, с удивительной быстротой распространяется по всей Евразии от Европы до Китая и проникает в Египет (Anthony, 1995; Jansen, Forster, Levine, Oelke, Hurles, Renfrew, Weber, Olek, 2002). Для начала этого поразительного по скорости и всеобщности процесса в научной литературе последних лет отмечаются два свидетельства: *изображения колесниц на печатях из староассирийских документов в Канише*, что можно сопоставить с ролью лошади в начинающихся несколькими веками позже *древнехеттских*²⁷ и *лувийских* (Haas, 1994)²⁸ *текстах*, в том числе и в связи с культом *божества Пурва*, изображаемого на лошади,²⁹ и уже

²⁶ Наличие в германских языках слова, соответствующего восточно-азиатским названиям лошади, было одним из лингвистических открытий Лейбница. Форма, близкая к исходной сино-тибетской, могла лечь в основу славянского заимствования, представленного в древнерусском КОМОНЬ > конь.

²⁷ Значение упоминания коней и колесниц в древнейшей хеттской надписи царя Анитты было отмечено 75 лет назад в статье Грозного.

²⁸ Лувийский бог грозы (как и его соответствия в других индоевропейских традициях) связан с конем (Hutter, 2003, p. 222, 269).

²⁹ Имя, образованное от этого индоевропейского названия Бога, принадлежит одному из жителей

названное захоронение в культуре Синташты. Поскольку последняя часто связывается с индоиранцами, а в Канише использование колесниц (вероятно, в сочетании с конями, хотя эти последние реконструируются только по косвенным данным) можно соотносить с местным населением,³⁰ говорившим по-несийски. В обоих случаях можно было бы думать о том, что ранние свидетельства появления одомашненных лошадей вместе с колесницами встречаются там, где есть следы индоевропейцев.

Для более полного изучения этой проблемы большое значение могут иметь недавние открытия руководимой Дж. Буччеллати археологической экспедиции, исследующей древнехурритскую столицу Уркеш (Мозан) в северо-восточной Сирии неподалеку от турецкой и иракской границ.³¹ Во дворце, датируемом 22 в. до н.э. найдено значительное число миниатюрных фигурок лошадей. По оценке специалистов изображения относятся к одомашненной лошади (Buccellati, Kelly-Buccellati, 1998). По хронологии они близки к печатям из Каниша. Особый интерес представляет относящаяся к несколько более раннему времени скульптура головы лошади. Такие изображения встречаются в нескольких культурных центрах второй половины III тыс. до н.э. и начала II тыс. до н.э. К ним относится в Маргиане бронзовое навершие в виде головы

лошади в Гонур-депе (Сарианиди, 2002, с. 237, рис. 239-240). Кажется возможным соотносить такого рода изображения с уже произошедшим одомашниванием. В Уркеше можно думать о его времени, близком к середине III тыс. до н.э. Данные о коневодстве в Уркеше представляется целесообразным сопоставить с фактами, ставшими известными о Маргиане. В Маргиане, где одомашнивание для рубежа III и II тыс. до н.э. доказывается, кроме упомянутого навершия, обрядовым захоронением жеребенка и находкой рожков, использовавшихся при тренинге лошадей, предполагается ранняя дата начала одомашнивания.

Хотя (в отличие от Митанни середины II тыс.) в Уркеше (как и в письменных древнехурритских текстах) достоверных данных о симбиозе хурритского с арийским диалектом в сфере коневодческой лексики не обнаружено,³² о контакте хурритов с коневодами, говорившими на одном из диалектов *satdm*, возможно свидетельствует само предполагаемое хурритское название «лошади» *ešše* (Laroche, 1980; Wegner, 2000, s. 170), заимствованное из такого диалекта (Ivanov, 1998). Таким образом, перечисление ранних центров коневодства, связываемых с индоевропейцами (предположительно преимущественно индоиранцами - ариями), можно построить в таком приблизительном хронологическом порядке: древнехурритская столица Уркеш; староассирийский Каниш с анатолийским (древнехеттским и лувийским) населением, для которого двумя веками позже достоверно использовано боевое колеснице вместе с конями; Синташта (где есть основания предполагать иранский слой населения); Маргиана (Гонур), для которой предположен также древнеарийский (иранский) пласт населения (Sarianidi, 1998). Несколькими веками раньше возможное свидетельство индоевропейского культа лошади можно предположить в Эбле.

Каниша в тех же староассирийских документах; сходное имя было и у одного из самых ранних хеттских царей, реконструированное время царствования которых относится ко времени староассирийских текстов. Пирва упоминается в хеттско-лувийском стихотворении, представляющем собой один из древнейших текстов, восходящих к литературе Каниша (Несы), т.е. к тому же древнейшему периоду.

³⁰ Для перевозки товаров (в частности, олова) староассирийские купцы там пользовались ослами, что документировано письменными памятниками.

³¹ Пользуясь случаем принести благодарность Дж. Буччеллати, на протяжении последних десяти лет постоянно державшего меня в курсе своих замечательных открытий.

³² Словом (индо-) арийского происхождения в старохурритско-среднехеттской билингве было вероятно *matī* «мудрость» (= хет. *hattatar*), в том же тексте есть уже слово *tarri-* «огонь» возможного иранского происхождения (Иванов, 2003, с. 19, прим. 33; Ivanov, 2002). Но терминов, связанных с коневодством, в этих текстах нет.

Среди вызвавших интерес образцов *эблаитских* писем есть одно, упоминающее князя соседней области, носившего имя *Zizi*. Возможно, оно образовано от того названия коня, которое из индоевропейского диалекта *satdm* было заимствовано в семитские языки и в шумерский.³³ Личные имена, включавшие такое имя лошади, известны в разных древних индоевропейских традициях.

Если нанести на карту так или иначе связанные с индоевропейцами места, где для этой ранней поры отмечаются прямые или косвенные следы одомашнивания лошади, ее использования в сочетании с колесницей, ее культ и ее (скульптурные) изображения, то можно увидеть, что наиболее ранние из только что перечисленных (Эбла, Уркеш, Каниш) группируются вокруг сирийско-малоазийско-анатолийского ареала. На рубеже III и II тыс. до н.э. можно видеть результаты предполагаемого движения на восток – на севере в Синташте-Аркаиме, на юге – в Маргиане. Лошадь в этой части Евразии не обязательно должна была быть одомашнена (только) индоевропейцами. По лингвистическим данным, на эту роль могли бы претендовать, например, и носители распространенных (по проведенным А.П. Дульзоном исследованиям гидронимии) на севере Средней Азии енисейских диалектов, откуда древнее название могло проникнуть в праиндоевропейский. Но откуда бы ни пришло это новшество, индоевропейцы быстро и успешно его внедрили (быть может, усовершенствовав выведение определенных пород коней³⁴ и способов их тренировки, чем славились месопотамские арийцы из Митанни). Складывается представление, что после освоения лошадей и колесных повозок и колесниц на рубеже III и II тыс. до н.э., некото-

рые группы индоевропейцев стали распространяться с большой скоростью из предполагаемой нами прародины. Но остается вопрос: а как передвигались индоевропейцы до этого? Достоверных данных об использовании индоевропейцами одомашненных лошадей до середины III тыс. до н.э. пока нет. Предположение о том, что основные ранние миграции индоевропейцев осуществлялись с помощью еще примитивных колесных повозок, в которые впрягались быки,³⁵ не кажется правдоподобным. Представляется вероятным, что надежных сухопутных средств быстрого передвижения на большие расстояния у индоевропейцев в период, близкий к распаду их праязыка, еще не было.

Этому выводу не противоречат и данные, касающиеся истории *колесных повозок*. Наиболее древние из них, известные в ямной культуре Евразии IV тыс. до н.э., еще не могли быть достаточно мобильными для предполагаемых больших миграций. Как и по отношению к лошади, за периодом подготовительных проб, которые в III тыс. до н.э. осуществлялись в основном в пределах Ближнего Востока, окончательный успех по отношению к этому виду транспорта был достигнут только к началу II тыс. до н.э., после чего начинается триумфальное шествие боевой колесницы и ее мирного аналога по Евразии (Горелик, 1985; ср.: Кожин, 1985; Littauer, Crowell, 1996; Anthony, 1995).

Сопоставление терминов, относящихся к *повозке*, показывает, что только основные были в ходу уже в ранний период распада праязыка: к ним относятся названия колеса, ярма и дышла, упряжи в целом. Большинство остальных терминов варьирует по группам диалектов, что можно использовать для их группировки, возможно соотносимой с хронологией миграций (Ivanov, 2002). Как и по отношению к названиям коня и жеребенка, обнаруживаются особые древние связи праиндоевропейского с северокавказским.

Поскольку ко времени распада индоевропейского праязыка у его носителей еще не было развитых средств передвижения по суше, возни-

³³ Предположением о таком объяснении этой «лошадиной фамилии» я обязан Р. Энглунду, с которым мы обсуждали этот вопрос на его семинаре по эблаитским текстам в университете Калифорнии в Лос Анджелесе в феврале 2004 г.

³⁴ Ср. об этом аспекте типологически важные замечания В.П. Алексеева относительно уникальности исключительных качеств конницы Чингисхана (Алексеев, 1989, с.80).

³⁵ Такое предположение в свое время высказывал О.Н. Трубачев, исследовавший этимологию названий домашних животных.

кает вопрос, осуществлялись ли в этот ранний период миграции на большие расстояния или же индоевропейцы только «перетекали» (Дьяконов, 1994, с. 39) с одного места на другое, относительно близкое?

Остается неясность в отношении *средств передвижения по воде*, которые могли у них быть. Индоевропейский термин для *судна*, принадлежащий к числу слов, общих с семитским (Иванов, 2000), и получающий особый ритуальный смысл в северо-западно-индоевропейской диалектной группе, показывает, что необходимо продолжить поиск пока еще неизвестных археологам средств плавания и перевозки грузов по воде, которые можно было бы с ним соотнести. Исходя из этих языковых данных и типологии развития мореплавания в эпоху ранней бронзы и непосредственно следующий за ним период (Meyer, 2001; Вгусе, 2002), можно было бы допустить, что часть передвижений индоевропейцев могла совершаться по морю и рекам. Особый интерес представляет бассейн Черного моря и впадающих в него рек (Дунай, Днепр, Дона); в последние годы все больше проясняется и значение для ранних переселений Каспийского моря, Волги и Урала, возможно и водоемов Центральной Азии. В ходе обсуждений проблем, поставленных в нашей с Т.В. Гамкрелидзе монографии, многие археологи подчеркивали, что речь идет о циркумпонтийской области (Мерперт, 1988). Возможны два допущения. Если исходить из картины среды, близкой к современной, то можно задуматься, в какой степени движение по Дунаю могло способствовать проникновению и усилению значимости индоевропейцев в Юго-Восточной и Центральной Европе. Установлено, что в Черном море в эпоху ранней бронзы действовал значительный по величине местный флот, что удостоверяется, в частности, многочисленными находками древних каменных якорей в портах (Stanimirov, 2003; Porojanov, 1999). С 16 в. до н.э. начинаются интенсивные морские контакты черноморских портов со средиземноморскими. К последним векам II тыс. до н.э. корабли широко используются теми группами индоевропейцев, которые

находились у побережий Средиземного моря, в восточной (Эгейской) его части: греками (начиная с микенского завоевания Крита³⁶) и хеттами.³⁷ С возможностями флота связана победа греков-ахейцев (Аххиявы хеттских текстов) в реконструируемой Троянской войне и последующее движение на юг и юго-восток Средиземного моря ахейцев и других, говоривших преимущественно на индоевропейских языках (в частности, ликийском), народов моря, документируемое египетскими источниками. Для северной зоны, примыкающей к Черному морю, древние письменные свидетельства, относящиеся ко II тыс. до н.э., отсутствуют, но ничто не мешает предположить, что морские и речные экспедиции индоевропейцы могли предпринимать и в этом направлении. Если первая половина II тыс. до н.э. связана с распространением индоевропейцев при использовании колесниц и коней, то во второй половине тысячелетия можно учитывать и возможную роль морских и речных судов.

Но проблема роли циркумпонтийской области становится более серьезной, если принять популярную гипотезу, предполагающую, что по времени к распаду праиндоевропейского языка была близка катастрофа, которая около 5500 г. до н.э. привела к прорыву вод Средиземного моря к тому пресному озеру, которое было на месте Черного моря (Ryan, Pitman, 1998). Можно было бы предположить, что распространение индоевропейцев в циркумпонтийском ареале было результатом этой катастрофы, затопившей часть их поселений. Проверку этой гипотезы можно ждать от морской археологии (Ballard, Hiebert, Coleman, Ward, Smith, Willis, Foley, Croff, Major, Torre, 2001 - с подробной библиографией). Пер-

³⁶ Принятие предположения о переселении греков из Анатолии в Грецию (ср. Carruba, 1995) предполагает наличие у них флота уже к концу III тыс. до н.э.

³⁷ Отмечается, что у хеттов не было своей мощной морской силы, и они обращались за помощью к соседним морским державам и вассальным странам (Угарит). Но в последних сражениях за Кипр (Аласию) речь идет о собственно хеттском военном флоте. Технология его могла быть чужеземного происхождения, но это не мешало хеттам им пользоваться (ср. сказанное выше об одомашненной лошади).

вые обследования дна Черного моря (у берегов Болгарии) показали наличие поселений, затонувших в III тыс. до н.э. или на ребеже IV и III тыс. (Stanimirov, 2003a; Porojanov, 1999a; Nikolova, 1998). Наиболее древние из них соотносятся с древнебалканской культурой Варны, этническое приурочение которой остается загадочным.

*Расселение индоевропейцев
и распространение культурных нововведе-
ний. Возможные пути миграций.*

В нашей монографии с Т.В. Гамкрелидзе был предпринят опыт соотнесения результатов реконструкции индоевропейской культуры с тем, что известно о Центральной и Западной Европе и другим областям Запада Евразии по археологическим данным. Отсутствие в Европе тех культурных черт, которые нами предполагаются у индоевропейцев, и вело с необходимостью к признанию их прихода с Ближнего Востока. Вскоре после выхода нашей монографии, где был сформулирован этот результат, появилась книга Колина Ренфрю (Renfrew, 1987), где приход индоевропейцев в Европу из прародины, которую он помещал в Анатолии, связывался напрямую с распространением достижений неолитической революции (в особенности использования злаков и домашних животных). Они появляются сперва на Ближнем Востоке, а затем двигаются в направлении на северо-запад по Европе. В своих последних выступлениях и публикациях (Belwood, Renfrew, 2002) Ренфрю склоняется к приурочению индоевропейской прародины к югу Балкан - Греции, которая по многим параметрам развития к началу бронзового века примыкала к Ближнему Востоку, или же к юго-западной Анатолии - области Чатал-Гююка. Во время обсуждения этой проблемы на конференции в Ричмонде в 1999 году Ренфрю высказывал удовлетворение совпадением этого варианта своей теории с тем, что в последний период жизни начинал предполагать И.М. Дьяконов (по отношению к периоду VII-V тыс. до н.э.). В своей завершающей исторической книге Дьяконов в осторожной форме связывал ин-

доевропейцев с культурой Чатал-Гююка (Дьяконов 1994, стр. 25 и 358).

Здесь (как, впрочем, и в более восточных областях Малой Азии, примыкающих к Закавказью), можно видеть один из тех центров одомашнивания растений, которые намечал еще Н.И. Вавилов (Вавилов, 1967).³⁸

При наличии, несомненно, веских аргументов для того, чтобы связать распространение индоевропейцев с движением одомашненных злаков, есть и несколько вопросов, которые следует еще обсудить. Во-первых, та же неопределенность в отношении первого этноса, совершившего одомашнивание (ср. выше о лошади). Из того, что ячмень, вероятно, был одомашнен в Анатолии, и из наличия его индоевропейского названия еще не следует, что он был обязательно одомашнен индоевропейцами: они могли перенять эту сельскохозяйственную культуру у одного из соседних народов. Из того, что, как говорилось выше, многие термины, обозначающие новые культурные достижения, являются общими для индоевропейского, западно-семитского, картвельского и северокавказского (а также и для других древних языков этого ареала), можно сделать вывод, что в это время осуществлялся интенсивный обмен новыми открытиями.

Во-вторых, для того, чтобы определенный элемент сельского хозяйства был воспринят одной культурой из другой, не обязательно должно осуществляться переселение носителей этой последней на новую территорию. Распространение технических (в широком смысле) изобретений могло происходить и путем ознакомления с ними без сопутствующей миграции. По отношению к сельскому хозяйству народов Западной, Центральной и Восточной Европы, стоит заметить, что, хотя у них культурные злаки и другие новшества появляются значительно позднее,

³⁸ О роли Крита Вавилов говорит в своих письмах. Палеоботанические данные о юго-западе Малой Азии были получены значительно позднее, после гибели Вавилова, и потребовали внесения дополнений в намеченную им (в том числе и в тюрьме, где последний вариант его работы был сожжен по окончании следствия) карту ранних центров одомашнивания растений.

чем в Передней Азии, но, тем не менее, это происходит, начиная с периода, близкого ко времени распада индоевропейского праязыка, и выглядит не как результат движения отдельных групп индоевропейцев, а скорее как развитие активности одной из частей предполагаемой древней конфедерации.

Из содержащих обсуждение этой проблемы работ, вышедших вскоре после появления нашей монографии и почти одновременно с книгой Ренфрю, наиболее глубокий анализ вновь обнаруженных соответствующих фактов был предложен в статье Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1988), подводящей итоги серии его предшествующих публикаций на ту же тему. В этом цикле исследований (отчасти выполненных вместе с болгарскими археологами³⁹) было показано, что в IV тыс. до н.э. усиливается роль центрально- и восточноевропейских групп населения. Они усваивают производящую экономику и взаимодействуют с древнеземледельческими культурами раннебалканского ареала, по своему уровню до этого в V тыс. значительно опережавшими более северные группы населения и обнаруживавшими вероятное влияние анатолийского сельского хозяйства (Мерперт, 1988, с. 27).

В свете данных о характере контактов балканских культурных центров с более северными представляется наиболее вероятным движение индоевропейских диалектов через балкано-дунайский ареал: вопреки теории Гимбутас, следы переселений индоевропейцев из восточных областей не кажутся убедительными.

Проведенные на протяжении последних десятилетий исследования соотношений между индоевропейскими диалектами позволяют наметить следующую возможную картину их передвижений. Индоевропейские диалекты группы *centum*, включающие вероятно рано отделившийся от других (ср. выше) пракельт-

ский (сохраняющий целый ряд ранних архаизмов, общих с индоиранским) и позднее с ним взаимодействовавшие на территории Европы другие западно-индоевропейские (в других терминах древнеевропейские) диалекты, выработали общий словарь, включавший и терминологию сельского хозяйства. Можно предположить, что к этому времени носители языков предполагаемой предзападно-европейской конфедерации еще до их передвижения в Центральную Европу (предположительно из балкано-дунайского ареала) находились в интенсивном контакте с индоевропейским диалектом, который позднее развился в греческий язык (принадлежавший к той же диалектной группе *centum*, что и западноевропейские диалекты). Продвинувшееся за последние годы исследование названий злаков в тохарском также позволяет выявить термины, общие с западно-индоевропейским и указывающие на диалектные связи еще до распада конфедерации или ее части.

Из социальных терминов этого рода особенно любопытно обозначение предводителя **wel-*, объединяющее западноевропейские диалекты и балто-славянский с тохарским и позволяющее думать, что их союз мог отличаться от того, в который ранее входили пракельт-италийский (позднее присоединившийся к западно-индоевропейской группе) и праарийский (возможно также палеобалканский фракийский), где в сходном значении использовалось название (священного) **reg'*-, и анатолийские диалекты, где, как и в арийском, сохранялось архаичное **H(e/o)ns-* (ср. выше об этой основе и ее отражении в топонимике).

Во II тыс. до н.э., когда число письменных данных о странах Восточного Средиземноморья растет, в этих источниках нет никаких данных о западно-индоевропейских диалектах. К этому времени они уже находятся в Европе, скорее всего Центральной, где реки и некоторые другие географические элементы получают общие древнеевропейские названия, источник которых может быть реконструирован. К востоку от древнеевропейской конфедерации, куда могли входить кельтские языки, после своего раннего обособления далеко продвинувшиеся в Центральную Европу, и сблизившиеся с ними в пределах этого пространственно-временного эпи-

³⁹ Пользуюсь случаем принести благодарность Н.Я. Мерперту, в августе 1989 г. познакомившему меня на месте с деталями производившихся им в Болгарии раскопок, благодаря которым я мог оценить значимость открытых им аспектов этнокультурного сдвига IV тыс. до н.э.

зода италийские и германские языки, можно предположить наличие балто-славянского. Некоторые общие черты западноевропейских (древнеевропейских) языков обнаруживаются в балтийском. Германские, балтийский и славянские языки образовали северозападно-индоевропейскую подгруппу. О балканском пути прабалтийских (или балто-славянских) диалектов позволяют думать выявленные В.Н. Топоровым и другими лингвистами многочисленные следы их связей с палеобалканским (фракийским). Диалекты этого типа позднее распространились на огромной территории от Эльбы до Волги. Они находились в контакте с раннефинно-угорским.

В недавних работах Ренфрю, выполненных совместно с генетиками, значительный интерес представляет наблюдение, согласно которому с точки зрения молекулярной биологии состав населения Европы за последние десять тысяч лет относительно мало изменился. Следовательно, распространение индоевропейских языков в Европе произошло не путем массовой миграции их носителей, а благодаря медленному проникновению новых средств общения, на которые переходили потомки древнего населения. Особенно существенны два основных слоя - северо-восточный, близкий к *саамскому типу*, и юго-западный, сопоставимый с *баскским типом*. Как уже приходилось отмечать, есть основания для соотнесения древнеевропейского населения (в частности, Иберии до прихода туда кельтов) с мегалитическими культурами типа Стоунхенджа; археологические находки последних лет удревнили эти культуры (показательно обнаружение деревянного предшественника каменного Стоунхенджа с шаманистским мировым деревом, направленным корнями вверх) и подтвердили их широкое распространение в Центральной Европе (аналог Стоунхенджа и первая модель звездного неба из Галле, Германия). Здесь тоже не обойтись без привлечения морской археологии, потому что *астрономические* познания и обсерватории носителей этой культуры, скорее всего, указывают на ее связи с *мореходством*. Поэтому возможные

языковые связи басков с северокавказским населением могут быть объяснены и достаточно ранним перемещением по морю.

При поиске же возможных языковых параллелей саамскому типу стоит учесть недавние исследования, показавшие, что индоевропейские языки Европы на протяжении очень значительного периода времени взаимодействовали с финно-угорским (Koivulehto, 1999).

К тому времени, когда западно-индоевропейские диалекты перемещаются с Балкан на север и северо-запад, относится последовательная смена населения южной части Балканского полуострова. В начале распространения анатолийских диалектов за пределы территории предполагаемой прародины в III тыс. до н.э. основным языком юга Балканского полуострова становится южно-анатолийский, из которого потом развиваются лувийско-ликийские языки. В это время на Балканах говорят на языках *satəm-* на южно-анатолийском в Греции, на палеобалканском (фракийском) к северу от нее (место фригийского, относившегося к языкам *centum*, к этому времени неясно).

Восточнее, в Анатолии, в III тыс. до н.э. говорят на языках *centum*: северно-анатолийском, породившем хеттский и палайский, и греческом, носители которого только во II тыс. до н.э. пересекают Эгейское море, двигаясь на Запад.

По той (сейчас оспариваемой многими) версии истолкования Троянской войны, когда она предстает в виде столкновения ахейцев с лувийцами-трояняцами, в этом конфликте столкнулись две группы индоевропейцев, чьи языки далеко разошлись между собой. Если в конфликте (как полагал покойный Л.А. Гиндин) на стороне троянцев участвовали палеобалканские (фракийские) обитатели Трои и окрестных областей, можно было бы думать о конфедерации, выступавшей против ахейцев. Если предположить, что в этой борьбе на стороне троянцев принимали участие и этруски, говорившие на северокавказском языке (возможно близком к хурритскому, то это был военный союз нового типа, в который могли входить носители языков разных семей. Такой же военный союз, скорее всего, привел к сосуществованию месопотам-

ских арийцев и хурритов в государстве Митанни.

В то время, когда греки обитали на западе Анатолии, на ее востоке можно предположить местонахождение арийцев. Греческий язык располагался между южно-анатолийским и северно-анатолийским. Следовательно, первоначальное соотношение языков *satəm* с Востоком, и диалектов *centum* – с Западом, оказалось полностью нарушенным, и близкие первоначально восточно-индоевропейские языки, как греческий и индоиранские, стали противостоять друг другу по этой изоглоссе. Из восточно-индоевропейских языков *satəm* сравнительно близко к исходной территории оставались индоиранские и праармянский.

Открытия последних десятилетий, в частности, касающиеся культуры Аркаима и Синташты (подробнее см. ниже), заставляют предположить раннее движение через Кавказ части иранских племен, отделившихся к тому времени от других арийских. Эта датировка согласуется с наличием иранизмов в пракартвельском и прасеверокавказском.

Можно предположить, что иранцы могли уже в этот ранний период разделиться на две группы, из которых одна двинулась в волго-донские степи, а затем и дальше на запад, где их потомки выступают как скифы-аланы (позднее осетины, оказавшиеся на Кавказе после вторичной миграции с севера). Другая группа, вероятно, была в составе рассматриваемых ниже этнических общностей, создавших в Южном Зауралье культуру Аркаима и Синташты, а также Петровки и более поздних восточных продолжений этих культур. С этим движением групп населения, часть которых могла говорить на индоевропейских языках, можно гипотетически соотносить генетические данные об европеоидных чертах населения Алтая и Саян.

Для скифской группы (с которой по предложенной схеме, в конце концов, можно связать и алтайских скифов) восстанавливается язык, относившийся к согдийско-аланской подгруппе восточно-иранских языков.

Но этим автоматически еще не решается вопрос о пути попадания согдийцев в Среднюю Азию и Восточный (Китайский) Туркестан. Они могли придти туда с севера, как, вероятно, и предки тохар, которые, судя по фонологической типологии и словарным заимствованиям, по дороге контактировали с финно-уграми (скорее всего с носителями праугорского диалекта), что было возможно на севере Средней Азии. Но нельзя исключать и возможности того, что часть носителей восточно-иранских языков, отделившаяся от аланской группы, ушедшей через Кавказ, и от месопотамских арийцев, оставшихся в Митанни, в составе дочерней арийской конфедерации двинулась через Иранское плоскогорье на восток вместе с предками тех племен, которые после переселения будут говорить на западно-иранских, нуристанских, дардских и других индоарийских языках. К ним теоретически могли примкнуть предки тохар, но для последних более вероятен северный вариант будущего Шелкового Пути, а не южный. Некоторые из этих индоиранских племен приходят в Маргиану, для которой В.И. Сарияниди указал на многочисленные убедительные (архитектурные и другие) параллели с сиро-анатолийскими культурами. Возникающие в связи с этим вопросы рассматривались мной отдельно в специальной статье (Иванов, 1989). Остановлюсь более подробно только на одной стороне, связанной с методологически важным пересечением лингвистических, археологических, палеоботанических, биохимических и наркологических подходов. Последние раскопки В.И. Сарияниди в Гонуре обнаруживают наличие внушительных сооружений, в которых приготавливалось наркотическое вещество типа древнеиранской хаомы и ведийской сомы. Лингвистическое тождество названий и обрядов, отраженных в «Авесте» и «Ригведе», не позволяет сомневаться в том, что употребление этого вещества встало в центре комплекса основных религиозных ритуалов еще в общеарийский период.

С точки зрения изучения методов химической стимуляции поведения, индоевропейцы делятся на три группы. В одной, к которой относились носители южно-анатолийских языков вместе с северо-западными индоевропейскими, главным названием «сладкого опьяняющего

напитка, вина» было слово, в других диалектах обозначающее «(пчелиный) мед»: лувийск. *matu-sa* < **medhu-so* «вино»⁴⁰ (скорее всего, так обозначался напиток, приготовлявшийся из меда). В архаичных диалектах типа северно-анатолийского хеттского «вино» называлось словом **we/oi-n-o-*, заимствованным из индоевропейского в семитский, картвельский и некоторые северокавказские языки (в том числе древние – хаттск. *win-du*). Это общеиндоевропейское название было первоначальным названием виноградного вина, которое делали в области одомашнивания винограда. В индоиранских языках этого слова нет, и основным химическим возбуждающим средством, существенным для религии в целом, становится изготавливаемая из эфедры хаома-сома (*haoma* < **soma*). Ее археологические следы можно считать маркерами миграции индоиранцев. В этом, в частности, состоит и значение последних открытий В.И. Сарияниди в Маргиане, где размер соответствующих частей здания в храме Тоголок-1 (Сарияниди, 2002, с. 162-163) и обилие пифосов с остатками эфедры в хозяйственной части крепости, примыкающей к храму Тоголок-21, ритуальных сосулук и цедилок в самом храме (там же, с. 175, 177) указывает на значимость культа. Кроме эфедры, в этом храме найдены мак и конопля, также использовавшиеся для изготовления наркотических напитков. Сосуды для напитка, части давлен и камнитолкушки, связанные с культом сомы-хаомы и его изготовлением, найдены и в погребениях в Синташте (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 214), чем подтверждается параллелизм обычаев северной и южной групп, двигавшихся на восток. Наличие иранцев внутри этих групп весьма вероятно, но нельзя исключать и присутствия носителей других индоевропейских (в частности, тохарских⁴¹)

⁴⁰ Недавно найденные факты лувийского языка подтвердили историю слова, намеченную нами вместе с Гамкрелидзе в совместной книге.

⁴¹ В тохарском Б основное название опьяняющего напитка, как предположили А. Лубоцкий и С. Старостин, заимствовано из древнекитайско-

языков, а также взаимодействия с другими лингвистическими общностями (ср. ниже об Аркаиме и Синташте).

Индоиранский культ сомы-хаомы, параллели которому найдены в Маргиане и Синташте, примыкает к северо-восточной шаманистской зоне использования наркотиков в шаманском ритуале. С точки зрения палеоботаники может представлять интерес замена винограда (изготовлявшегося из лозы, одомашненной близко к индоевропейской прародине) эфедрой, которая, по-видимому, была более доступна ариям в той (горной?) местности, где они могли находиться все вместе в момент, когда отказались от употребления вина, заменив его эфедриновым напитком. Описываемые миграции они совершат, покинув это промежуточное место обитания.

Та часть иранцев, которая пришла в Среднюю Азию, основалась на «арийском просторе» (Эран-Веж < **Airyānām Vaežō*) - в области Хорезма, где прежде ошибочно видели прародину всех иранцев. К движению прануристанцев и праиндо-ариев Средняя Азия отношения не имеет, если они прошли более южной дорогой, где частично пересеклись с иранцами (судя по данным экспедиций В. Сарияниди из Маргианы), шедшими в Бактриану. Дальнейшее движение на восток приводит иранцев на Памир и вдоль будущего Шелкового Пути в Восточный Туркестан (ишкашимо-сакские диалектные связи внутри восточно-иранского явственно свидетельствуют об этом восточном пути). Нашумевшие находки восточно-туркестанских мумий, обнаруживающих (в согласии с последними генетическими исследованиями) европеоидный (кавказоидный) тип древнего населения, с равным успехом могут относиться к тохаро-язычному или ираноязычному слою местных жителей. В недавних работах специалистки по

го. Но близость его формы к общеазиатскому названию «рисовой водки» (и японского sake) делает возможным предположение об отражении во всех этих словах одного старого миграционного термина. Индоевропейский термин для «вина, меда» сохранился в тохарском во втором значении, в котором заимствован в древнекитайский в первых веках до н.э.

древнему текстилю Э. Барбер было показано, что особый тип тканья *tweel*, основанный на сплетении и сложном переплетении разных (в том числе и разноцветных) нитей, обнаруживается в тканях, в которые завернуты восточно-туркестанские мумии, а также в ранних образцах текстиля на Кавказе и в Центральной Европе. Кажется возможным сопоставить эти выводы и с многочисленными хеттскими текстами, где говорится об использовании нитей разного цвета в обряде.

*Вероятные миграции к Северу
от Прикаспийской области
и культура Аркаима - Синташты
(Южное Зауралье, ок. 20-17 вв. до н.э.)*

Предположение о миграциях индоевропейцев в Европу и в Среднюю Азию в нашей книге было основано на сопоставлении не отдельных изолированных явлений (например, одомашненных растений), а целых типов культуры, которые мы пробовали реконструировать. Проверка этой реконструкции должна опираться на системный анализ различных аспектов культуры в их взаимодействии.

Ниже суммированы возможности привлечения разных сторон материальной культуры для реконструкции миграций с учетом предпринятой С.А. Григорьевым попытки рассмотреть индоевропейскую проблему и подтвердить предложенную нами точку зрения в свете открытий, сделанных в отношении культуры Синташты-Аркаима. Здесь и далее использованы, наряду с работами других археологов, данные из книги С.А. Григорьева о культуре Аркаима-Синташты и об индоевропейской проблеме (Григорьев, 1999). Однако в выводах мы с ним иногда расходимся.

На примере недавно широко исследованных поселений вдоль раннего прототипа северного «Шелкового Пути», соединявшего западные традиции Евразии (в частности, Волго-Донского и Средневожского археологических ареалов) с восточными (в том числе, культурой Петровки, связанной с областью Аркаима-Синташты) можно изучать

проблемы культурных контактов, культурной инновации и ее связи с вероятным распространением языков мигрировавшего населения в его взаимодействии с другими этническими группами.

Обнаруженная в Южном Зауралье за последние десятилетия нашими археологами «Страна городов» (Геннинг В.Ф., Зданович, Геннинг В.В., 1992; Jones-Bley, Zdanovich, 2002) включает более 20 раскопанных (прото) городов.

1. Структура поселений. Форма поселений или (прото) городов представлена следующими разновидностями (Григорьев, 1999): овальные (6-7 поселений, в том числе Аландское), круглые (8-9 протогородов, включая Аркаим, Синташту, Сакрым-Сакла, Куйсак, Исинея II; возможно, что первоначально к этому подтипу примыкали также Журунбай, Устье и другие) и более поздние прямоугольные (10 городов). В диаметре сохранившиеся протогорода были 150-160 м (в Синташте 136-140 м, Геннинг В.Ф., Зданович, Геннинг В.В., 1992, с. 23), что делает возможным типологическое сравнение с вероятным (но остающимся дискуссионным) размером Трои VI, судя по раскопкам последних лет.

Оборонительные сооружения включали круглую *стену* (высота ~5м), построенную из земли, насыпанной в бревенчатые клетки (Там же, с. 32-33), и *цитадель* — *второй круг укреплений*. Цитадели (укрепленные внутренние стены) в Аркаиме и Синташте имеют 85-90 м в диаметре. Возможно, что иногда, как в Аркаиме, они представляют собой результат перестройки. Но ввиду архаичности концентрической структуры города с типологической точки зрения кажется вероятным и сохранение в этом случае ранней формы поселения.

Каждое из (обычно четырех, что опять-таки представляет интерес для типологического исследования) городских ворот содержало привратные сооружения, необходимые для обеспечения безопасности. Входы были защищены башнями и оградами. Полностью раскопанные северные ворота в Аркаиме представляют собой сложное лабиринтообразное сооружение, сходное с обнаруженным в привратном комплексе у южных ворот в Синташте (Там же, с. 34).

Укрепленный центр города приобретал характер острова, благодаря наличию искусственного канала или *рва* шириной в 2,5-4 м, глубиной - 1,5 м. В Синташте ров представлял собой круг с диаметром по внешней стенке 145-146 м (Там же, с. 24). Система каналов для *искусственного водоснабжения* и остатки древних дамб, которые могли регулировать эту систему, были найдены у Синташты, Аркаима, Саркын-Сакла, Исинея. Этот факт представляется исключительно значимым, так как он позволяет включить культуру Аркаима-Синташты в круг древних «гидравлических» (термин Витфогеля, предшественником которого был Мечников⁴²) цивилизаций. Явные параллели обнаруживаются на Древнем Ближнем Востоке и в Средней Азии (несколько позднее в Закавказье). Безусловно, такая технология в Южном Зауралье отсутствовала до появления носителей культуры Аркаима-Синташты. Одной этой черты достаточно для признания прошлого характера носителей этой культуры и определения двух возможных путей их миграции из областей ирригационных культур Ближнего Востока – через Кавказ или через Среднюю Азию.⁴³

Внешний круг домов разделен на *четыре* сектора радиальными стенами. Эти последние имели оборонительное назначение. Но они использовались также для коммуникации особенно между стеной цитадели и внешней укрепленной стеной. Параллели, особенно очевидные по отношению к обнаруженным в Аркаиме лазам на кровлю (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 56), можно было бы видеть в данных о хурритских архитектурных сооружениях, в том числе и в упоминаниях о них в хурритском эпосе и его хеттских переводах. Радиальные стены (так же как и 4 входа) расположены по четырем сторонам света, что имеет широкий спектр типологических параллелей.

⁴² Ср.: Иванов, 2004, с. 162.

⁴³ Второй вариант по отношению к Синташте был предположен нами (Гамкрелидзе, Иванов, 1984), но он не кажется теперь самым вероятным в свете других приводимых данных.

Дома ориентированы по длинным осям по направлению к центру. Те из них, которые принадлежат к внешнему кругу, построены так, что их тыльная сторона (та, где находятся спальни и хозяйственные помещения) примыкает к укрепленной стене поселения. Вход в дом обращен к улице, по кругу опоясывавшей дома и покрытой деревянной мостовой.

В центре поселения находилась круглая (в некоторых поселениях возможно прямоугольная) площадь, по-видимому, использовавшаяся как место для сходов. Входы в дома внутреннего круга смотрят на эту внутреннюю площадь. В Аркаиме было около 40 (4.10) домов во внешнем круге и 27 (4.6?) во внутреннем.

Площадь всего поселения составляла 25 000 м² (Сакрын – Сакла – 6 500 м²) с населением порядка 500-700 (Сакрын – Сакла – 3 000 человек).

Высказывалось мнение, согласно которому схема протогорода в области Аркаима-Синташты делает его похожим на авестийский *var*, который мог быть круглым.

Площадь каждого дома 100-140 м²; хозяйственное помещение, содержащее колодец и плиту(печь) занимало примерно одну треть площади всего здания, в котором могло находиться 20-30 человек. Плиты-печи использовались также для производства металла; крытые колодцы служили также для хранения пищи. Вместе с тем с их помощью можно было получать дополнительно воздух, потребность в котором возникала в случае использования плиты как печи для выплавки металла.

Вход в дом примыкал к коридору, который вел к легкому зданию, сходному с греческим и анатолийским мегароном, параллели которому есть также в Маргиане (Сарианиди, 2002, с.204). Из него можно было выйти на круговую улицу или на площадь.

Для истолкования круглой концентрической структуры города можно использовать сравнения с конкретными индоевропейскими, в частности, иранскими традициями (Jettmar, 1997) или же общие типологические соображения. Если идти по первому пути, то можно опираться на предложенное на индоиранском и римском материале Дюмезилем и на древнегреческом Вернаном функциональное различие круглой и прямоугольной

структур храмов, алтарей, огней. Но возможно и допущение универсального характера круглой структуры поселения или города, как это следует из моделей дуальной организации, рассмотренных Хокартом (Hocart, 1936) и Леви-Стросом (Леви-Строс, 2001). Из этих моделей легко объясняется и четырехчленная структура, выводимая из последовательной дихотомии внутри дуальной.

Еще более широкие типологические объяснения в свете кибернетических и биологических аналогий предлагаются упомянутой выше общей теорией коллектива автоматов, расположенного на поверхности шара, внутри которого располагаются линии связи между ними согласно модели акад. А.Н. Колмогорова, имевшего ввиду параллели со структурой мозга, что допускает изучение геометрии города в свете общей теории коллектива автоматов (Иванов, 1998).

2. Некоторые черты погребальных обрядов в области Аркаима-Синташты: Следы *колесных повозок* выявлены в захоронениях. С одной стороны, это дает возможность реконструировать их ритуальную функцию (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992). С другой же стороны, продолжая линию рассуждений работ Чайлда, выполненных еще в 1950-е годы, полезно было бы исследовать возможности производства таких повозок, наличие необходимых для этого пород деревьев, дающих твердую древесину: березы для изготовления колес и осей и вяза и ивы для остова колесницы. Для потенциальной обработки деревьев нужны металлические орудия, которые в культуре Аркаима-Синташты могли быть реальностью. Системный подход к этой проблеме, предполагающий сравнение данных палеоботаники, истории металлургии и истории транспорта, теоретически представляет большой интерес. Трудность заключается пока в скудости имеющегося археологического материала: речь идет об отпечатках колесниц и в редких случаях - о тлене, оставшемся от сгнивших частей повозки. Это не позволяет конкретизировать характер повозок в данной культуре.

Жертвоприношения лошадей представляют собой одну из черт погребального обряда Аркаима-Синташты, наиболее существенную в свете многочисленных упомянутых параллелей. Следы других животных в могилах важны как для восстановления деталей обряда, так и для палеозоологической реконструкции, о чем ниже.

Принесение в жертву частей расчлененного животного принадлежит к числу тех сторон аркаимско-синташтинского погребального обряда, для которых можно найти убедительные сравнения в разных архаичных индоевропейских традициях (Gening 1977). Развивая мысли, высказанные еще основателями науки об индоевропейских древностях, исследователи индоиранских и родственных им заговорных и заклинательных текстов пришли в последнее время к выводу (отчетливо сформулированному С. Джемисон), согласно которому в них отражена стандартная схема тела животного (Ivanov, 1999a, там же - библиография), выявляемая и в соответствующих обрядах (в том числе и в жертвоприношениях).

Возможно, и существование в культуре Аркаима-Синташты *человеческого жертвоприношения* (оставаясь в пределах вероятных индоевропейских аналогий, можно было бы упомянуть санскритск. *puruṣa-medha* «человеческое жертвоприношение», замененное *aśva-medha* «принесение в жертву коня»; типологически санскритск. *Puruṣa* как «приносимый в жертву» и «расчленяемый Первочеловек» сопоставим с др.-иранск. *Yima* с теми же функциями).

3. Домашние животные в стаде и в обряде. Судя по остеологическим следам крупный рогатый скот (быки и коровы) составляли ~ 40-50%; овцы и козы (и козлы) - ~30-40%. Доля костей лошади (10% в Синташте и 17% в Аркаиме) отличалась от ее преобладающей роли в стаде, вычисляемой по данным аэрофотосъемки и топографии загонов для скота. Среди возможных объяснений этому несоответствию предлагалось и допущение об экспорте лошадей, которых разводили в количестве большем, чем было нужно для местных потребностей. Если принять его, то можно было бы думать, что для некоторых групп степных кочевников

(будущих скифов?) Аркаим-Синташта были не только источником, откуда они получали металлическое оружие, но и их коневодческим арсеналом.

Согласно Гайдученко (приходящего к выводам, отличающимся от данных Козинцева) *одомашненные свиньи* отсутствуют в стаде как в Аркаиме, так и в Синташте. В этом заключалось бы важное отличие от всех других культур этого ареала, кроме иранских (и культур семитских народов Ближнего Востока).

4. Обнаружены следы одомашненных злаков. Зерна проса, пшеницы и перловой крупы найдены в Аркаиме и Аландском в остатках пищи в керамических сосудах, а также в углублении в полу дома. Как было предположено в нашей книге с Гамкрелидзе, а затем подробно изложено Ренфрю, может быть установлена корреляция между распространением этих и некоторых других злаков в Евразии и миграциями индоевропейцев.

5. Физическая антропология указывает на **смешанный характер населения** Аркаима-Синташты. Оно представляется отличным от таких соседних групп, как известная культура Абашева, с археологической точки зрения имеющего много общего с Аркаимом и Синташтой. Возможны сопоставления с результатами новых генетических исследований населения Сибири, Алтая и Саян, Средней Азии. Главным итогом этих работ является обнаружение в областях к Востоку и Юго-Востоку от Аркаима-Синташты южного кавказоидного элемента (Деренко, Малярчик, Захаров, 2002; Comas, Calafell, Mateu, Perez-Lezaun, Bosch, Martinez-Arias, Clarimon, Facchini, Fiori, Luiselli, Pettener, Bertranpetit, 1998; Perez-Lezaun, Calafell, Comas, Mateu, Bosch, Martinez-Arias, Clarimon, Fiori, Luiselli, Facchini, Pettener, Bertranpetit, 1999).

6. Металлургия Аркаима-Синташты. Металлурги Аркаима-Синташты выплавляли **мышьяковистую бронзу**. Возникает вопрос: выплавляли ее потому только, что по близости были медные рудники с высоким содержанием мышьяка, или же это был искусственный метод, возникший потому, что от-

сутствовало олово, которое и заменили мышьяком? Последнее объяснение обычно принимается по отношению к кавказской мышьяковистой бронзе, которая исторически могла быть прообразом для того, что получали древние металлурги Южного Урала. Но в таких рудниках, как Ишкининский, обнаружены залежи арсенопирита (его состав Cu 0,7; As 0,1) (Wipfler, Bushman, Zaykov, 1999; Zaykov, Bushmakin, Yuminov, Zaykova, Zdanovich, Tairov, Harrington, 1999). Поэтому высказано предположение, что, поскольку в руде был мышьяк, использование такой руды сделало возможным выплавку мышьяковистой бронзы.

Изготовление металлического оружия и орудий представляло важнейшую часть экономической жизни Аркаима-Синташты, определявшую и значимость этого района для соседних или более удаленных племен, зависевших от вещей, в нем производившихся.

Температура, которой удавалось достичь при выплавке металла в Аркаиме, оценивается как 1300-1400° С. На основании этого можно оценить температурный потенциал той цивилизации, к которой принадлежали металлурги этой культуры. Понятие температурного потенциала (нужного, например, и для производства металлов и изготовления керамики) представляется существенным как для оценки технологических возможностей культуры, так и для выяснения того, как в ней соотносятся энергетические возможности и информационные потребности. Отсутствие равновесия между ними ведет к внутренним конфликтам.

7. Некоторые другие стороны материальной культуры представляют интерес для обнаружения аналогий (иногда разительных) в соответствующих подробностях других традиций Евразии.

Архаичность и традиционность некоторых видов **каменного** оружия делает его особенно благодарным материалом для таких сопоставлений. Каменные наконечники стрел находят соответствие в культурах Западной Сибири, с одной стороны, в Бактрии (Дашлы-3), с другой.

Особенно интересны параллели, обнаруживаемые по отношению к массивным каменным топорам. Близкие параллели можно найти в Древней Анатолии и в Сирии (Эбла). На их основании можно было бы сделать заключения

о возможной социальной функции таких топоров, на Древнем Ближнем Востоке выступавших в качестве знака царской власти. Но соответствующие данные о социальной структуре и символике Аркаима и Синташты пока гадательны.

Из предметов, сделанных из кости и глины, интерес представляет найденное в Каменном Амбаре корыто, сходное с ритуальными вещами индоиранских, в том числе ведийских групп населения. Так же в Каменном Амбаре найдены маленькие костяные кружки для рыбной ловли с дыркой посередине.

Сведения о текстиле получены, благодаря его роли в керамическом производстве.

Доводы в пользу пришлого характера основного населения Аркаима-Синташты: отсутствует преемственность по отношению к местным предшествующим традициям; новые элементы культуры, такие, как металлургия бронзы, искусственное водоснабжение, использование одомашненных злаков; вызванная, очевидно, опасениями нападения местных жителей необходимость построения укрепленных поселений (в последнем случае, однако, можно думать и о боязни новых пришельцев).

Большинство приведенных Григорьевым и другими авторами параллелей, частично суммированных выше, относятся к вероятным сравнениям с Древним Ближним Востоком и Кавказом (прежде всего Южным, но также и с майкопской культурой). По отношению к более позднему времени возникает также проблема восточных и юго-восточных связей и параллелей.

В какой мере приемлемыми кажутся принятые многими индоиранские параллели, на которые указали уже первые открыватели Синташты, в частности, Геннинг?

Исследование гидронимии позволяет предположить наличие иранского слоя в таких ключевых названиях рек, как *Ур-ал* (*ur-/we/or>var «вода» в индоевропейских и енисейских языках + al- < *arya- «индоиранцы = арийцы» с фонетическим развитием скифо-аланского типа, как в названии *Дарь-яла* из

иранского аланского «ворота алан = скифов» (Иванов, 1999; Ivanov, 2002. Едва ли сходное объяснение может быть дано для Арала).

Структура протогородов напоминает авестийский var,⁴⁴ индоиранские параллели указывались для погребальных обрядов, с иранскими фактами согласуется и состав стада (обилие коней, в том числе и вывозимых на экспорт, возможное отсутствие свиней), некоторые отмеченные выше другие особенности материальной культуры, хотя в других отношениях больше параллелей находится на Древнем Ближнем Востоке.

Сравнение культуры Аркаима-Синташты с другими евразийскими указывает на далеко идущие взаимосвязи и на возможное распространение похожих предметов, мотивов и орудий среди разных этнических групп. Это явление можно соотнести с заимствованием и миграцией соответствующих терминов в различных соседних лингвистических семьях (иногда образующих один языковой союз). Возможное объяснение для времени после «городской революции» по Чайлду могло бы быть найдено в урбанистических исследованиях и в социолингвистических универсалиях, указывающих на мультикультурный и мультилингвистический характер городских центров.

Это обнаруживается, начиная с достаточно раннего времени (Ivanov, 1998). В частности, в староассирийских торговых колониях в Малой Азии (таких, как Каниш рубежа III – II тыс. до н.э., где выводы можно основывать на тысячах напечатанных писем и множестве еще неопубликованных клинописных таблиц) ассирийская торговая и политическая элита сосуществовала с местным населением, говорившим на анатолийских индоевропейских языках (хеттском и лувийском), а также на некоторых языках так называемой северокавказской семьи (хаттском, хурритском). Типологическая параллель между этими староассирийскими колониями и Аркаимом-Синташтой кажется оправданной, потому что они близки хронологически и соответствуют периоду выплавки ме-

⁴⁴ О других предполагаемых авестийских обозначениях строительных комплексов см. в данной связи: Steblin-Kamensky, 1995. Ср.: Jettmar, 1997.

талла, позволяющему предположить развитие социальных институтов, которых еще могло не быть в III тыс. до н.э. Можно предположить, что весь ареал, в котором находились металлопроизводящие центры Южного Урала, характеризовался сосуществованием и контактами членов различных не связанных между собой по происхождению этнических групп и носителей языков разных семей. Только в редких случаях оказывается возможным определить первоначальный источник той или иной культурной инновации, например, меди, бронзы, железа (которое уже начали выплавлять в хаттской среде - у «халибов», греческое название которых происходит от хаттск. *hapalki*- «железо») и других металлов и их названий. Но для исследования вероятной языковой характеристики аркаимско-синташтинской культуры существенна не столько точная локализация первоначального места изобретения и источника соответствующего термина, сколько функционирование явления в то время, к которому относятся археологические его следы. Кажется возможным, что, по меньшей мере, часть населения протогородов области Аркаима-Синташты (и/или) могла принадлежать к различным этническим и языковым группам и говорить на разных языках, например, на восточно-иранском диалекте скифской (аланской) группы и финно-угорском и (пра)енисейском языке (Иванов 1999; Ivanov 2002). В этом случае совпадение в соответствующих традициях некоторых культурных новшеств и терминов, их обозначавших, могло быть вызвано культурными и социально-экономическими связями между разными слоями населения. Но возможна и альтернативная картина, при которой внутри поселений население было гомогенно, но оно контактировало с местными племенами, отличными от него по происхождению. В этом последнем случае можно принять предположение о восточно-иранском характере основной части населения Аркаима-Синташты.

Некоторые выводы о возможном продолжении исследований.

Факты и гипотезы, обозреваемые выше, представляются совместимыми с основной идеей, которая была высказана нами в 1984 г. Те допущения, которые могли бы ей противоречить, как предположение Энтони о приволжско-северо-казахстанском ареале раннего индоевропейского одомашнивания лошади, по существу касаются технической проблемы одомашнивания в гораздо большей степени, чем вопроса о прародине. Если общее предположение о месте прародины на северо-восток от Месопотамии подтверждается, в особенности совокупностью всех фактов заимствований (в картвельский, северо-кавказский, западно-семитский), и, может быть, найдет дальнейшую поддержку при анализе форм «евфратского» и других возможных индоевропейских диалектов, на которых говорили близко к этой первоначальной территории, то в картину движения из этой области нужно будет внести уточнения. Исследование ареалов одомашнивания и раннего использования лошади в связи с распространением колесницы заставляет отнести основные передвижения индоевропейцев ко времени, более позднему, чем расхождение между диалектами, датированное V тыс. до н.э. Роль водного транспорта, как и вся проблема катастрофы Черного моря и припонтийских областей, должна быть еще изучена методами морской археологии. Если правдоподобным для IV тыс. до н.э. и позднее кажется балкано-дунайский путь, по которому приходит в Европу основная часть носителей западно-индоевропейских и балто-славянского диалектов, то роль северно-причерноморских степей возрастает лишь к следующему периоду, когда во II-I тыс. до н.э. здесь можно говорить преимущественно о восточно-иранских и балто-славянских племенах. Наибольший интерес представляет уточнение движения индоевропейцев (главным образом индоиранцев, но также и тохар) на восток к северу и югу от Каспийского моря, с чем можно соотнести хотя бы отчасти создание культуры Аркаима и Синташты, с одной стороны, Маргианы, с другой. Представляется неотложным сопоставление тех городов и поселений, где можно предполагать ли-

бо преимущественно индоевропейское (возможно древнеиранское) население, как в Маргиане и Синташте-Аркаи́ме, либо его интенсивный контакт с другим этническим слогом (ассирийцами в Канише, хурритами в столице Митанни Вашуканни, до сих пор не найденной), либо отдаленные следы таких контактов (в Уркеше и Эбле).

Находка в Маргиане письменного текста III-го тыс. до н.э. (Сарианиди, 2002, с. 330-331 и рис. на с. 326 и 329), пока единичная (найденные до этого знаки - Клочков, 1995 - пока не поддаются однозначной интерпретации)

открывает перспективы возможного изучения письменности в новых возникающих центрах, но эта область исследований еще находится в стадии становления. Особое значение могло бы сулить изучение тех видов письма, которые (как позднейшее лувийское иероглифическое) возникли внутри определенной индоевропейской традиции. С этой точки зрения еще предстоит изучить пока недешифрованную письменность Крита и Эгейского мира, как и более раннюю древнебалканскую (в том числе и таблетку Винча, близкую к раннемесопотамским образцам).

Литература

- Алексеев В.П.* О некоторых аспектах изучения производительных сил в империи Чингисхана // Всемирная история и Восток \ Пиотровский Б.Б. (Отв. ред.) М., 1989. С. 73-81.
- Вавилов Н.И.* Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Избранные произведения. В двух томах. Т.1. Л., 1967.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.1-2. Тбилиси, изд. Тбилисского ун-та, 1984 (Без уведомления авторов переиздано без изменений в 3 томах: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998). Англ. пер.: Gamkrelidze, Ivanov 1995.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Первые индоевропейцы в истории: предки тохар на Древнем Ближнем Востоке // ВДИ. 1989. N 1 (франц. пер.: Gamkrelidze, Ivanov, 1990-1991).
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
- Горелик М.В.* Боевые колесницы Переднего Востока III-II тысячелетий до н.э. // Древняя Анатолия. М., 1985.
- Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- Деренко, М.В., Малярчик Б.А., Захаров И.А.* Происхождение специфически кавказоидных митохондриальных линий ДНК в этнических группах населения областей Алтая-Саян // Генетика. Т. 38 (9). 2002. С. 129-197.
- Дьяконов И.М.* Языки Древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И.М.* Пути истории. М., 1994.
- Иванов Вяч. Вс.* О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (На материале комплекса Тоголок-21) // ВДИ. 1989. №2. С. 171-175.
- Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. 1998. С. 379-602.
- Иванов Вяч. Вс.* К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. \ Материалы Международной конференции, 25 августа - 2 сентября 1999 г. Челябинск, 1999. С. 45-47.
- Иванов Вяч. Вс.* Лексические данные о древнем мореходстве // Проблема изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия \ Старостин Г.С., Старостин С.А. (Сост.). М., 2000. С. 235-241.
- Иванов Вяч. Вс.* Хеттский язык. 2 изд., испр. и доп. М., 2001.
- Иванов Вяч. Вс.* Древнейшие индоевропейские собственные имена из Анатолии // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч.1. М., 2001. С. 42-48.

- Иванов Вяч. Вс.* Славянско-арийские (=индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением \ Николаева Т.М. (Отв. ред.) М., 2002. С. 17-51.
- Иванов Вяч. Вс.* Евразийские эпические мифологические мотивы// Евразийское пространство: звук, слово, образ. \ Иванов, Вяч. Вс. (Отв. ред.) М., 2003. С. 14-53.
- Иванов Вяч. Вс.* Наука о человеке. Введение в современную антропологию. Курс лекций. М., 2004.
- Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М., 2004.
- Климов Г.А.* Древние индоевропеизмы в картвельских языках. М., 1994.
- Климов Г.А.* Картвельское *uxho-* «бык жертвенный» - индоевропейское **uks-on-* // Этимология 1990 - 1993. М., 1994а. С. 154-158.
- Клочков И.С.* Знаки на черепке из Гонура (к вопросу о маргианской письменности) // ВДИ. 1995. № 2. С. 54-60.
- Кожин П.М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 169-182.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология (пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова). М., 2001.
- Меллори Дж.* Индоевропейские прародины // ВДИ. 1997. № 1.
- Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. Т. LXXX. М., 1988. С. 7-36.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983
- Сарианиди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском культурном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985, С. 74-94.
- Старостин С.А.* Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Вып. LXXX. М., 1988.
- Хачикян М.Л.* Историко-типологический анализ эламского, хурритского и урартского языков: параллели и расхождения // История и языки Древнего Востока: Памяти И.М. Дьяконова. \ Серия *Orientalia*. СПб., 2002.
- Anthony D.* Horse, wagon and chariot: Indo-European languages and archaeology // *Antiquity*. September, 1995.
- Anthony D.* The opening of the Eurasian steppe at 2000 BC // *The Bronze age and early Iron age people of Eastern Central Asia* \ Victor Mair (Ed). Vol.1 (*Journal of the Indo-European studies*. Monograph 26). Washington DC, 1998.
- Ballard R., Hiebert F.T., Coleman, D.F., Ward C., Smith J.S., Willis K., Foley B., Croff K., Major C., Torre F.* Deepwater archaeology of the Black sea: the 2000 season at Sinop, Turkey // *Am. J. of Archaeology*. Vol. 105. 2001. P. 607-623.
- Belwood, P., Renfrew C.* Examining farming. Language dispersal theory. 2002
- Boyl, K., Renfrew C.* (Eds.) *Archaeogenetics. DNA and the population prehistory of Europe*. 2000.
- Bryce T.* *Life and society in the Hittite world*. Oxford, 2002.
- Bryce T.* *History* \ Melchert Cr. H. (Ed.) 2003. P. 27-127.
- Buccellati G., Kelly-Buccellati M.* (Eds.) *Bibliotheca Mesopotamica*. Vol. 26 // *Urkesh. Mozan Studies 3. Studies in Honor of Lloyd Cotzen*. Malibu, 1998.
- Carruba O.* L' arrivo dei greci, le migrazioni indoeurpee e il «ritorno» degli Eraclidi// *Athenaeum*. 85. 1995. P. 5-44.
- Cline E.* *Sailing the Wine-Dark Sea: International trade and the Late Bronze Aegean* // *BAR International Series*. 591. Oxford,
- Comas A., Calafell F., Mateu E., Perez-Lezaun A., Bosch E., Martinez-Arias R., Clarimon J., Facchini F., Fiori G., Luiselli D., Pettener D., Bertranpetit J.* Trading genes along the Silk Road: mtDNA sequences and the origin of Central Asian populations // *The Am. J. of Human Genetics*. 63. 1998. P. 1824-1838.
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. V.* Les premiers Indo-Européens de l'histoire: les ancêtres des Tokhariens en Asie Mineure ancienne // *Revue des études caucasiennes et georgiennes*. Vol. 6-7. 1990-1991. P. 265-296
- Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. V.* *Indo-European and Indo-Europeans*. Berlin-New York, 1995.
- Gening V.F.* The cemetery at Sintashta and the early Indo-European peoples // *JIES*. N 7 (1-2). 1977. P. 1-29.
- Haas V.* Das Pferd in der Hethitischen Religiösen Überlieferung // *DIuP*. S. 77-90.
- Hocart A.M.* *Kings and Councilors*. Cairo, 1936 (reed. Chicago 1971).
- Hutter M.* Aspects of Luwian Religion \ Melchert Cr. H. (Ed.). 2003. P. 210-280.

- Ivanov Vyach. V.* Multilingual communication and large urban centers. Diachronic Principles of urban linguistics and semiotics // *Plurilinguismo*. A cura di R. Gusmani. Urbino, 1998.
- Ivanov Vyach. V.* The Horse symbols and the Hurrian name of the horse // Buccellati G., Kelly-Buccellati M. (Eds.). *Bibliotheca Mesopotamica*. Vol. 26. \ Urkesh. *Mozan Studies 3. Studies in Honor of Lloyd Cotzen*. Malibu, 1998. P. 145-166.
- Ivanov Vyach. V.* Traces of Indo-European magic in an old English charm // *Interdigitations. Essays for Irmengard Rauch* \ Carr G.E., Harbert W., Zhang L. (Eds). N.Y, 1999. P. 1-24.
- Ivanov Vyach. V.* Southern Anatolian and Northern Anatolian as separate Indo-European dialects and Anatolian as a late linguistic zone // *Greater Anatolian and the Indo-Hittite family* \ Drews R. (Ed.) (JUES. Monograph series. N 38). Washington, D.C., 2001. P. 131-183.
- Ivanov Vyach. V.* Towards possible linguistic interpretation of the Arkaim-Sintashta discoveries // *Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st millennium BC. Regional specifics in light of global models*. JIES Monograph N 46. Jones-Bley K., Zdanovich D.G. (Eds.) Washington, DC, 2002. Vol. 1. P. 36-41.
- Ivanov Vyach. V.* Comparative notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // *Languages and their Speakers in Ancient Eurasia. Dedicated to Prof. A. Dolgopolsky on his 70th birthday* \ Shevoroshkin V., Sitwell P. (Eds.) Association for the history of language. Monograph Series 1. AHL Studies in the science and history of language. Vol.5. Canberra, 2002. P. 143-234.
- Janse Th., Forst P., Levine M.A., Oelke H., Hurler M., Renfrew C., Weber J., Olek K.* Mitochondrial DNA and the origins of the domestic horse // *Proceedings of the National academy of sciences of the United States of America*. Vol. 99. 2002. N 16. P. 10905-10910.
- Jettmar K.* Bemerkungen zu Arkaim // *Eurasia Antiqua*. Bd.3. Mainz, 1997. S.249-254.
- Jones-Bley K., Zdanovich G.B.* (Eds.) *Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional specifics in light of global models* \ JIES Monograph N 42. Vol. I-II. Washington, D.C., 2002.
- Kimball S.E.* Hittite Historical Phonology // *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*. Bd. 95. Innsbruck, 1999.
- Klimov G.A.* Etymological dictionary of Kartvelin. Berlin/New York, 1998.
- Koivulehto J.* *Verba mutata* // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. N 237. Helsinki, 1999.
- Laroche E.* *Glossaire hourrite*. Paris, 1980.
- Lazarov M.* La navigation le long du littoral trace d'un Pont Euxin avant la colonization Grecque // *Dritter Internationaler Thrakologischer Kongreß* \ Peshev A., Popov D., Jordanov K., Bredov I. von (Eds.). Sofia, 1984. P. 63-68.
- Levine M.A.* Botai and the origin of horse domestication // *J. of Anthropological Archaeology*. Vol. 18. 1999. P. 29-78.
- Levine M. A.* The Origins of horse husbandry in the Eurasian steppe // *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe* \ Levine M.A., Rassamakin Y., Kislenko A.M., Tatarintseva N.S. (Eds.) Cambridge, 1999.
- Levine M. A.* Domestication, breed diversification and early history of the horse // *Havemeyer Foundation*, <http://WWW2.VET.UPENN.EDU/LABS/EQUINEBEHAVIOR/HYNWKSHP/HV02/Levine.htm>
- Levine M. A., Bailey G.N., Whitwell K.A., Jeffcott L.B.* Paleopathology and horse domestication // *Human ecodynamics and environmental archaeology*. Bailey G., Charles R., Winder N. (Eds.) Oxbow, Oxford.
- Levine M.A., Boyle K., Renfrew C.* Prehistoric steppe adaptation and the horse. 2003.
- Littauer M.A., Crowell J. H.* The origin of the true chariot // *Antiquity*. December, 1996. P. 934-939.
- Mallory J.P.* *In Search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth*. London, 1989.
- Mayerhofer M.* Ein Indo-Arischer Rechtsterminus im Mitanni-Brief // *Historische Sprachforschung*. 109. 1996. S. 161-162.
- Melchert Cr. H.* (Ed.) *The Luwians. Handbook of Oriental studies. Section 1. The North and Middle East*. Vol. 68. Leiden, 2003.
- Melchert Cr. H.* Prehistory // *Melchert Cr. H.* (Ed.) *The Luwians. Handbook of Oriental studies. Section 1. The North and Middle East*. Vol. 68. Leiden, 2003. P. 1-26.
- Melchert Cr. H.* Language // *Melchert Cr. H.* (Ed.) *The Luwians. Handbook of Oriental studies. Section 1. The North and Middle East*. Vol. 68. Leiden, 2003. P. 170-210.

- Meyer J.-W.* Zur Bedeutung der Bootsmodelle aus dem Alten Orient // *Kulturgeschichten. Altorientalistische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag.* Saarbrücken, 2001. S. 267-283.
- Miche C., Garelli P.* *Tablettes paleo-Assyriennes de Kültepe.* Vol. I. Paris, 1997.
- Morgan L.D.* Ancient society of researches in the lines of human progress from Savagery through barbarism to civilization. Chicago, [1877] (В американском издании, которым я пользовался, нигде не было даты выхода, я условно поставил дату, которой Морган пометил свое предисловие).
- Nikolova L.* Data about sea contacts during the Early Bronze Age in Southern-Eastern Europe (3500/3400 - 2350/2250 BC) // *Thracia Pontica.* Vol. 5. Les portes dans la vie de la Thrace Ancienne \ M. Lazarov M., Angelova C. (Eds.) Sozopol, 1984. P. 57-86.
- Perez-Lezaun A., Calafell F., Comas A., Mateu E. Bosch E., Martinez-Arias R., Clarimon J., Fiori G., Luiselli D., Facchini F.G., Pettener D., Bertranpetit, J.* Sex-specific migration patterns in Central Asian populations, revealed by analysis of Y-chromosome short tandem repeats and mtDNA // *Am. J. Human Genetics.* Vol. 65(1). 1999. P. 208-219.
- Pettinato G.* *La città sepolta. I misteri di Ebla.* Milano, 1999.
- Pomponio F., Xell, P.* Les dieux d'Ebla. Étude analytique des divinités éblaïtes à l'époque des archives royales du IIIe millénaire // *Alter Orient und Altes Testament.* Bd. 245. Münster, 1997.
- Porojanov K.* The submerged Western Pontic civilization in the 3rd Millennium BC // *Thracia.* Vol. 12. 1999. P. 15-21.
- Porojanov K.* The ancient stone anchors from the Bulgarian Black sea coast // *Tropis V. 5th International Symposium on ship construction in Antiquity \ Nauplia, Athens,* 1999a. P. 329-336.
- Radcliffe-Brown A.R.* Introduction // *African systems of kinship and marriage \ Radcliff- Brown A.R., Forde D.* (Eds.). L., N.Y., 1987. P. 1-85.
- Renfrew C.* *Archaeology and language: The puzzle of Indo-European origins.* L, 1987.
- Rogava G.* Zog kartvelur da indoevropul pudzeta urtiertobis saqitxisatvis // *Iberiol-kavkasiuri enatmecniereba.* T. 27. 1988. C. 58-61.
- Ryan W., Pitman W.* *Noah's Flood: The new scientific discoveries about the Event that changed the History.* Simon and Schuster, 1998.
- Sarianidi V.* *Margiana and Protozoroastrianism.* Athens, 1998.
- Soysal O.* Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung // *Handbook of oriental studies. Section one. The Near and Middle East.* Vol. 74. Leiden, 2004.
- Stanimirov S.* The western Black sea coast in the Eneolithic and Bronze ages. Survey methods of underwater archaeology and site findings // *Athena Review.* Vol. 3. 2003. N4 .
- Stanimirov S.* Underwater archaeological sites from the ancient and Middle ages along the Bulgarian sea coast-classification // *Archaeologica Bulgarica.* 1. 2003. P. 1-34.
- Steblin-Kamensky I.M.* Avestan *kamāciṭ paiti čaprušanam* // *East and West.* 45(1-4). 1995a. P. 307-310.
- Tänberg A.* Der geographische Horizont der Texte aus Ebla. Untersuchungen zur eblaitischen Toponymie // *Münchener Univesitätsschriften. Philosophische Fakultät Altertumskunde und Kulturwissenschaften. Arbeiten zu Text und Sprache im Alten Testament.* St. Ottilien. Ottilien, 1994.
- Vilà C., Leonard J.A., Götherström A., Marklund S., Sandberg K., Lindén K., Wayne, R.K., Elegren H.* Widespread origin of domestic horse lineages // *Science.* Vol. 291. 2001. P. 474-477.
- Wegner I.* *Hurritisch. Eine Einführung.* Wiesbaden, 2000.
- Wipfler E.L., Bushman B.B., Zaykov V.V.* The mafic-ultramafic-hosted massive Sulphide deposit of Ishkinino, Southern Urals // *Process to processing \ Stanley A.O. (Ed.).* Rotterdam, 1999. P. 613-616.
- Wittaker G.* Traces of an early Indo-European language in Southern Mesopotamia // *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft.* Heft 1. 1998.
- Zaykov, V.V., Bushmakina A.Ph., Yuminov A.M., Zaykova E.V., Zdanovich G.B., Tairov A.D., Harrington R.J.* Geoarchaeological Research into the Historical Relics of the South Urals: Problems, Results, Prospects // *Geoarchaeology: exploration, environment, resources \ Pollard A.M. (Ed.) Special Publications.* Vol. 165. L., 1999. P. 165-176.
- Zeifelder S.* *Archaismus und Ausgliederung. Studien zur sprachlichen Stellung des Hethitischen.* Heidelberg, 2001.

М.Ф. Косарев
(Россия, Москва)

О ФАКТОРАХ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ (ПО СИБИРСКИМ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Дорогой юбиляр – мой добрый старый друг, не раз приходивший мне на помощь в трудные моменты моей жизни. Виктор Иванович Сарияниди – человек нелегкой судьбы, многократно испытывавший на себе превратности и невзгоды, сопутствующие большому ученому, *обреченному* на высокую творческую предназначенность. Надеюсь, что настоящий юбилейный сборник отдаст должную дань его научным заслугам и хотя бы в малой мере компенсирует то, что ему не *додано* в отечественной археологической науке. Виктор Иванович всегда интересовался урало-сибирской археологией и отмечал важное историческое значение взаимоотношений между древнеземледельческими цивилизациями Средней и Передней Азии, с одной стороны, и древними сибирскими культурами, с другой. Тема настоящей статьи во многом навеяна нашими беседами о состоянии российской археологии и о ее дальнейших судьбах.

Археология как историческая наука призвана изучать прошлые (минувшие) этапы истории человеческих обществ, не отраженные или недостаточно отраженные в письменных источниках. При этом важно иметь в виду, что археология – не просто историческая наука, но еще и средство, позволяющее вывести из забвения спасительную человеческую память, вобравшую в себя удачу и неудачу человечества на путях его становления и развития. Археология не только учит видеть тенденции и причинно-следственную направленность исторического процесса, но также помогает учитывать отрицательный и усваивать положительный опыт наших далеких предков, не раз отворачивавший племена и народы от, казалось бы, неминуемой гибели.

Из-за беспрецедентно затянувшегося «источниковедческого этапа» археологических исследований и возрастающего рассредоточения накапливающегося источникового фонда по бесчисленным «научным центрам» становится все труднее ориентироваться в увеличивающемся потоке древних артефактов. Гонясь за вещевым археологи-

ческим валом, мы уже многие годы бездумно погребаем в завалах полевого материала много важных исторических фактов, где они, теряя свое место в системе связей, все более перестают быть полноценными историческими источниками. Нередко мы забываем о том, что археология, если она не работает на историю, вообще бессмысленна. Обязанность историка, как писал в свое время С.М. Соловьев, состоит не в том, чтобы дробить историю на отдельные факты и события, а в том, чтобы «соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин» (Соловьев, 1988, с. 51).

Сам термин «история» часто употребляется археологами некстати, всуе. Значительная часть вышедших в последние десятилетия сибирских археологических сборников (в том числе посвященных очередным итогам полевых исследований в том или ином районе) озаглавлен-

на: «Древняя история» ... или чуть скромнее, но тоже достаточно претенциозно: «Вопросы истории»..., «Из истории»... и пр., что свидетельствует об известном непонимании характера и истинной значимости исторического уровня археологических исследований.

Ранее я уже отмечал (см. например: Косарев, 1993, с. 176), что отечественная археология в последние годы переживает состояние, близкое к кризисному. Это выражено: 1) в возрастающем разрыве между неоправданно быстрыми темпами накопления полевых материалов и крайне медленными темпами его исторического осмысления; 2) в прогрессирующем снижении способности (желания?) ученых-археологов исследовать историко-археологические целостности в их динамическом единстве, во взаимосвязи и соподчиненности, на уровне систем и системных блоков; 3) в недостаточном внимании к проблемам методологии историко-археологического исследования, к целенаправленному поиску новых путей извлечения исторической информации из археологических источников; 4) в утрате широких исследовательских перспектив – в частности, в ослаблении интереса к разработке узловых теоретических проблем – таких, как этногенез и этническая история древних народов, факторы и движущие силы исторического процесса в первобытности, сущностные смыслы древнего миропонимания и т.д.

Ниже мне хотелось бы высказать некоторые соображения, касающиеся в основном последнего из четырех названных исследовательских направлений. Ранее я в той или иной связи затрагивал отдельные аспекты данного блока проблем, однако эти частные замечания оказались разбросанными по разным статьям и заметкам, опубликованным в основном в малодоступных провинциальных изданиях. Здесь я попытаюсь объединить некоторые из этих высказываний в единый концептуальный блок, надеясь, что в системной подаче они прозвучат более весомо и убедительно.

К сожалению, многие археологи, в том числе сибирские, продолжают считать, что сейчас мы переживаем источниковедческий этап археологического исследования, и пока

еще не пришло время для широких исторических обобщений. Логика подобной позиции примерна такова: источниковая база пока недостаточна, давайте продлим полевые работы еще на 15-20 лет, накопим побольше фактов, тогда, может быть, приступим и к историческим экскурсам. Если следовать этой логике, напрашивается лукавая мысль: а не лучше ли продлить «источниковедческий этап» на 100 или даже на 200 лет (фактов станет еще больше!), и так – до бесконечности...

Между тем, совершенно очевидно: источниковедческий и исторический уровни археологического исследования должны представлять собою в сущности параллельный процесс, где каждому шагу накопления археологических источников должна сопутствовать соответствующая ступень его исторического осмысления. Более того, исторический уровень исследования должен не просто сопутствовать источниковедческому, а и несколько опережать его – в виде предположений, исследовательских версий, научных гипотез. В противном случае мы утратим исследовательскую перспективу, и это опасное состояние ныне, мне кажется, уже достигло критической точки.

В связи с этим приведу интересное высказывание Ф. Энгельса: «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза. Наблюдение открывает какой-нибудь новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к этой самой группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения, опирающихся сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановку до тех пор мыслящего исследования, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 20, с. 555).

* * *

С концом последнего ледникового (позднеплейстоценового) периода и началом голоцена, отмеченного потеплением и перестройкой ландшафтно-климатической зональности, углубляется хозяйственная дифференциация населения, явившаяся следствием неодинаковой хозяйственно-бытовой адаптации к неоднозначно меняющимся в разных районах природным условиям. Конечным итогом этого процесса стало сложение нескольких параллельно существующих, но качественно несходных форм хозяйственной деятельности.

К началу эпохи железа в Сибири и на сопредельных территориях окончательно утвердились семь основных хозяйственных укладов: 1) кочевое оленеводство, которому предшествовала и которое сопровождала подвижная охота на северного оленя (главным образом тундровая зона); 2) оседлое рыболовство (в основном северотаежное Приобье, юг Дальнего Востока); 3) комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство (преимущественно таежная зона); 4) многоотраслевое хозяйство, соединявшее охоту и рыболовство с пастушеством и земледелием (южнотаежные и предтаежные районы Сибири); 5) кочевое скотоводство (южная лесостепь, степь, полупустыня, горно-альпийская луговая зона Алтае-Саян); 6) оседлое земледелие с развитыми городскими торгово-ремесленными центрами (среднеазиатские оазисы); 7) пастушеско-земледельческое хозяйство (окраинные области Средней Азии, отчасти западносибирская лесостепь, Хакасско-Минусинская котловина и некоторые другие районы).

По археологическим свидетельствам, названные хозяйственные уклады складывались неодновременно, нередко взаимно смешивались, не имели четких границ, при этом локализация их в зависимости от эпохи и конкретных экологических обстоятельств не была постоянной. Так, на рубеже неолита и бронзового века в Западной Сибири, до освоения в рыболовческом отношении крупных рек, оседлое рыболовство тяготело к проточным озерам южнотаежного и предтаежного Приобья, а в железном веке и в новое время оно было привязано в основном к северотаежному Приобью.

Семь вышеперечисленных хозяйственных укладов группируются в три главные экономические системы: 1) систему присваивающего хозяйства (таежная и тундровая зоны); 2) систему производящего хозяйства (области, лежащие к югу от таежного и северо-лесостепного поясов); 3) систему многоотраслевого хозяйства, сочетающую присваивающие промыслы и производящие отрасли. Многоотраслевое хозяйство играет здесь роль промежуточной, «буферной» системы.

Присваивающая и производящая экономические системы, в свою очередь, состоят каждая из трех основных хозяйственных укладов, выступающих в данном случае на уровне структурных блоков. В присваивающей системе это: а) подвижная охота на северного оленя (позже кочевое оленеводство); б) оседлое рыболовство; в) комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство. В рамках данной системы роль «буферного» структурного блока играет комплексное охотничье-рыболовческое хозяйство.

В системе производящей экономики основными структурными блоками являются: а) кочевое скотоводство; б) оседлое земледелие; в) комплексное пастушеско-земледельческое хозяйство. Здесь роль «буферного» структурного блока выполняет комплексное пастушеско-земледельческое хозяйство.

Если присваивающую и производящую экономические системы сопоставить между собой по отдельным структурным блокам, т.е. по конкретным хозяйственным укладам, то по месту, занимаемому последними в той и другой системах, наиболее сопоставимыми окажутся: а) оседлое рыболовство и оседлое земледелие; б) кочевое скотоводство и кочевое оленеводство; в) комплексный охотничье-рыболовческий и комплексный пастушеско-земледельческий уклады.

Трехблочность присваивающей и производящей экономических систем, наличие в обеих промежуточного, «буферного», звена, сходная структурная организация той и другой систем и ряд других сопоставимых признаков говорят о том, что поиск людьми наиболее рацио-

нальных путей выживания на севере и на юге исследуемой территории шел в сходных логических направлениях, но реализовывался на уровне тех возможностей, которые в конечном счете определяла местная ландшафтно-климатическая среда. В этом хочется видеть проявление механизма общих и региональных тенденций исторического развития.

Хозяйственные уклады, выступающие на уровне структурных блоков, состоят в свою очередь из более мелких структурных подразделений, которые археологически фиксируются с большим трудом, но этнографически различаются достаточно четко. Так, в начале XIX в. у народов Северо-Западной Сибири зафиксировано четыре вида рыболовства: тундровый сетевой, низовой неводной, таежный неводно-запорный и таежный запорно-сетевой (Головнев, 1986, с. 10). В равной мере наблюдается нестабильность названных хозяйственных типов, случаи их «гибридизации», дифференциации и т. д.

Судя по сибирским археолого-этнографическим материалам, наибольший потенциал социально-экономического развития был заложен в промежуточных («буферных») блоках и системах. Они являлись аккумуляторами хозяйственно-бытового и социокультурного опыта разных этносов, удобным экспериментальным полем для отработки наиболее рациональных путей хозяйственной адаптации, генераторами новых производственных идей. Скорей всего именно поэтому в пограничье лесостепной и таежной зон Западной Сибири сложились и стабильно существовали, начиная с эпохи металла, такие богатые и колоритные культуры, как самусьская, черкаскульская, еловская (бронзовый век), саргатская, кулайская (период раннего железа), потчевашская, релкинская (раннее средневековье) и др. В начале освоения Западной Сибири русскими жившие здесь тобольно-иртышские татары хорошо владели торгово-ремесленными навыками, в том числе кузнечным ремеслом, занимались, наряду с охотой и рыболовством, скотоводством и земледелием, достигли в политическом отношении уровня государственности. Весьма примечательно, что столица сибирского ханства Искер (Кашлык, Сибирь) находилась не в степи

и даже не в лесостепи, а на юге таежной зоны, где, видимо, существовала наиболее подходящая социальная среда для возникновения центра политического объединения.

Вообще области, расположенные в пограничье природных зон (степной и таежной, равнинной и горной и др.) во все времена были особенно привлекательны для человека, ибо давали большой простор для маневра при выборе тех или иных вариантов системы жизнеобеспечения. Касаясь этой проблемы, К. Маркс в частности писал: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей и способов труда» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 23, с. 552).

Из вышесказанного следует, что наиболее быстрые темпы социально-экономического развития в древности имели место не в районах с чрезмерно суровой или с чрезмерно щедрой природой, а там, где отрицательные и положительные качества природной среды как бы уравновешивали друг друга. Отрицательные факторы стимулировали поиск новых путей к выживанию, положительные – способствовали успеху этих поисков.

Проблема неравномерности исторического развития имеет две стороны или, может быть, точнее два ракурса – региональный и эпохальный. *Региональный* ракурс проявляется в неодинаковой способности природной среды разных районов обеспечить равноценную материальную основу процесса производства. *Эпохальный* ракурс состоит в том, что один и тот же фактор природной среды в разные исторические периоды мог иметь несходные, а то и прямо противоположные результаты. «Внешние природные условия, - писал К. Маркс, - экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное бо-

гатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, металлы, уголь и т. д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких – второй род естественного богатства» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 23, с. 552).

Вышеприведенное высказывание подтверждается многими историческими, в том числе археологическими свидетельствами. Так, если в эпоху камня наиболее привлекательными для человека были места, богатые доступным каменным сырьем и промысловой фауной, то с переходом к эпохе металла все большее значение приобретают районы, имеющие месторождения меди, железа и других металлов, а также удобные пастбищные и земледельческие угодья.

Неравномерность производственно-экономического и социокультурного развития разных географических районов Российской Азии имела место с палеолитической эпохи, что отражено в частности в эпизодических «забеганиях вперед», случавшихся время от времени в палеолите тех или иных районов Старого Света (Вишняцкий, 1993). С конца плейстоцена, знаменующего финал палеолитической эпохи, и позже такие «забегания» происходят чаще. В азиатской части России это проявилось, например, в распространении на юге Дальнего Востока около рубежа плейстоцена и голоцена (13-12 тыс. л. н.) керамической посуды местного производства (Гарковик, 2000), хотя на остальной территории Сибири и Дальнего Востока она появилась не ранее 8-7 тыс. л. н. Не менее интересно открытие в Нижнем Приобье неолитического городища Амня 1 (Морозов, Стефанов, 1998), хотя до сих пор самые древние таежные сибирские городища датировались не раньше периода поздней бронзы.

Вполне возможно, что некоторые из таких «забеганий» были обусловлены спонтанным внедрением на территорию Сибири отдельных групп пришлого южного населения, находившихся на более высокой ступени культурного развития. В частности я имею в виду приход в таежное Приобье и далее на север, в местное «неолитическое пространство», населения боборыкинской культуры, стоявшего, судя по всему, на

энеолитической ступени развития. Таким же чужеродным явлением следует считать вторжение в Саяно-Алтайский регион в местную неолитическую и энеолитическую среду населения афанасьевской культуры с медно-бронзовым комплексом и ритуально-обрядовой атрибутикой, сопоставимыми с одноименными материалами ямной культуры периода ранней бронзы восточноевропейских степей. В том же интерпретационном ключе следует, видимо, оценивать появление в период средней бронзы синташтинской (аркаимской) культуры в Челябинском Зауралье и самусьской культуры в низовьях Томи.

Такие чужеродные внедрения должны рассматриваться не только в плане нарушения пришельцами традиционной направленности развития, но и в свете влияния подобных вторжений на неравномерность исторического процесса в той или иной природной зоне.

Неравномерность исторического развития особенно усугубилась с переходом к энеолиту и бронзовому веку. Дело в том, что к этому времени явственней, чем прежде, обозначилась роль географического фактора в выборе тех или иных форм хозяйственной деятельности, нагляднее проявились пределы адаптивных возможностей человеческих коллективов в той или иной ландшафтно-климатической ситуации. Это было связано в первую очередь с оформлением на юге Сибири производящей экономики (скотоводства и земледелия), давшей новые стимулы развития, но вместе с тем привязавшей человека лишь к определенным разновидностям природной среды. Такой поворот поставил разные группы людей в неравноправные условия и обусловил неодинаковые перспективы выбора дальнейших путей развития.

Сибирские археологи, воспитанные в большинстве своем на шестиступенчатой археологической периодизации (палеолит, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, железный век), принятой для Европы, долгое время пытались безоговорочно распространить эту схему на азиатскую часть России. Однако формальное проецирование европейской археологии на сибирскую

ныне выглядит не вполне оправданным. Особенно спорной оказалась степень приложимости к сибирско-дальневосточному суперрегиону таких историко-археологических понятий, как «мезолит» и «энеолит».

Если применительно к Уралу и Западно-Сибирской равнине мезолит понимается как более или менее полноправная историко-археологическая эпоха, то чем дальше на восток Азиатской России, тем он занимает все более мелкие номенклатурные ступени в археологической понятийной субординации, фигурируя то как переходный этап между эпохами палеолита и неолита, то как «эпипалеолит», то как «голоценовый палеолит», то как «бескерамический неолит» и т. д., а то и вообще исчезает из системы историко-археологической периодизации, и тогда получается (как, например, в ряде районов Дальнего Востока), что за верхним палеолитом сразу же следует неолит – без археологически фиксируемого особого «переходного состояния» эпохального уровня.

Та же самая понятийная неопределенность имеет место в оценке сибирского и в особенности дальневосточного энеолита. Чем дальше на восток от Урала и чем далее на север, тем термин «энеолит» становится все менее соответствующим пониманию энеолита в его приднестровском, кавказском, среднеазиатском и иных «классических» проявлениях. В ряде сибирских регионов «энеолит» практически неотчленим от позднего неолита и от раннего периода бронзового века (Хакасско-Минусинская котловина, Прибайкалье, Якутия и др.), а к Приохотью, Камчатке, Берингии и др. термин «энеолит» неприложим даже в условном варианте – прежде всего потому, что там практически вплоть до нового времени существовал т. н. пережиточный неолит.

К культурам «пережиточного неолита» большинство дальневосточных исследователей относят охотскую культуру на Сахалине и отчасти в материковом Приохотье, «древнекорякскую» на Камчатке, «древнеэскимосскую» на Чукотке и др., несмотря на то, что на протяжении всего времени их существования использовались порою привозные металлические орудия. Так, для обработки кости носители древнеэскимосской культурной традиции, судя по материалам IV-X вв. н.

э., применяли иногда железные резцы (Днепровский, 2001, с. 21). К.А. Днепровский безоговорочно относит древнеэскимосские памятники этого времени на Чукотке к *развитому неолиту* (Там же). Между тем, ни по уровню производства, ни по характеру духовной культуры, предполагающей весьма сложный комплекс миропредставлений, ни по своим социокультурным и адаптивным возможностям «древнеэскимосское» население, оставившее памятники бирнирского и раннепунукского типов (IV-X вв. н. э.), не укладывается, на мой взгляд, в прокрустово ложе неолитической эпохи в ее привычном понимании.

Я думаю, что традиционная схема историко-археологической периодизации, принятая в свое время для Европы (кстати, изначально не очень удачная), не должна формально налагаться на Северо-Восточную Азию, развивающуюся в особых экологических, исторических и этнопсихологических условиях, со своими особыми путями и способами взаимоотношения с внешней средой. Видимо, для этого региона есть смысл разработать свои особые принципы и критерии историко-археологической периодизации, иначе застывшая терминология станет все более подавлять содержательную динамику археологических понятий, и мы перестанем понимать друг друга.

Не вполне соответствует общеевропейской схеме и историко-археологическая периодизация юга Дальнего Востока. Р.С. Васильевский, рассматривая эпохальное место памятников рубежа плейстоцена и голоцена в названном регионе, пришел к выводу, что материалы этого времени здесь вызывают не столько палеолитические (и мезолитические), сколько неолитические ассоциации, и предложил, вслед за А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым, отнести местные финально плейстоценовые и раннеголоценовые памятники к «начальному неолиту» (Васильевский, 1998. С. 111, 112). Таким образом, в то время как в Западной Сибири неолит начался около 8/7 тыс. л. н., на юге Дальнего Востока он (если учесть, что начало неолита традиционно совмещается с началом производства глиняной по-

суды) обозначился около 13/12 тыс. л. н., т.е. на несколько тысяч лет раньше – по существу сразу после финала палеолитической эпохи. Конец же неолита в Приморье и Нижнем Приамурье наступил на 1- 1,5 тыс. лет позже, чем в Западной и Восточной Сибири, – около XIV- XIII вв. до н. э. (Кузьмин, 1998).

Соответственно бронзовый век на юге Дальнего Востока (Приморье, Нижнее Приамурье) начался на несколько веков позже, чем в более западных областях Азиатской России – с XIII-XII вв. до н. э., в рамках карасукского времени и карасукской бронзолитейной традиции, т.е. соответствует по западносибирским и восточноевропейским меркам периоду поздней бронзы (примерно XIII/XII - IX/VIII вв. до н. э.). Ранний и средний периоды бронзового века здесь археологически по существу не фиксируются.

Всестороннее изучение феномена неравномерности исторического развития, особенно зримо проявившегося на территории Сибири и Дальнего Востока, поможет в будущем глубже проникнуть в причины и факторы (экологические, этнопсихологические, социально-политические), влиявшие на темпы исторического процесса и не вполне укладывающиеся в известный тезис об общих закономерностях исторического развития.

* * *

Для понимания качественных проявлений исторического процесса в первобытности важно уделять приоритетное внимание изучению *переходных* историко-археологических состояний (между присваивающим и производящим хозяйством, между оседлым и кочевым укладом, между каменным веком и эпохой металла и др.). Эти сравнительно короткие, но бурные периоды отличаются наиболее упорными и целенаправленными поисками новых путей социально-экономической адаптации, упадком одних и бурным расцветом других культур, ускорением темпов социально-экономического развития, активизацией миграционных процессов, рождением новых этносов. Для проникновения в стимулы и механизм таких качественных «скачков» очень важно учитывать, что в Южной Сибири переход от неолита к бронзовому веку (и одновременно от охотничье-рыболовческого хо-

зяйства к пастушеско-земледельческо-му), равно как переход от бронзового века к эпохе железа (и одновременно от пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству) произошли в условиях тяжелых экологических кризисов.

Согласно археологическим и палеоэтнографическим данным, накопленным для юга Западно-Сибирской равнины и изложенным в ряде опубликованных работ (см. например: Косарев, 1976, 1979, 1988, 2003а,б), переход от охотничье-рыболовческого хозяйства к пойменному пастушеско-земледельческому обеспечили, по крайней мере, три совместно действующих фактора: 1) развитие производительных сил (не случайно переход к производящему хозяйству шел здесь в общем параллельно с освоением медной, а затем бронзовой металлообработки); 2) подходящие экологические условия степной и лесостепной зон для разведения копытных и выращивания культурных злаков; 3) кризис присваивающей экономики в условиях прогрессирующей засушливости климата, катастрофического сокращения охотничье-рыболовческих угодий и обострения проблемы перенаселенности.

Переход от пойменного пастушеско-земледельческого хозяйства к кочевому скотоводству в Южной Сибири был обусловлен совместным действием по существу тех же самых трех факторов, хотя они проявились в новых исторических условиях и на ином естественно-географическом фоне: 1) развитие производительных сил (примечательно, что переход к кочевому скотоводству на юге Западно-Сибирской равнины в общем совпал с освоением железа); 2) достаточно благоприятные экологические условия степной и лесостепной зон для существования здесь кочевого образа жизни; 3) кризис пойменного пастушеско-земледельческого хозяйства, вызванный увлажнением климата, затоплением пойменных угодий, резким сокращением пищевых ресурсов и обострением проблемы перенаселенности.

Исторические и этнографические данные говорят о том, что кочевое скотоводство в южносибирских и казахстан-

ских степях проявляло постоянную тенденцию к переходу на оседлость, но эта тенденция вплоть до середины XIX столетия так и не была по-настоящему реализована, хотя здесь то и дело возникали временные мелкие локальные очажки оседания на землю. Собственно каждый «куянжил», повторявшийся в среднем раз в 12/13 лет, стимулировал очередную малую волну оседлости. В результате бескормицы и массового падежа скота, чем собственно и характерны куянжилы, резко обострялась проблема перенаселенности. Семьи и отдельные родовые группы, потерявшие весь скот или большую часть стада, переставали кочевать и оседали при озерах или в пойме малых рек, пробавляясь сначала рыболовством, затем земледелием, а потом, через несколько лет, если судьба была достаточно благосклонна, обзаведясь необходимым скотом, опять возвращались к кочеванию. Эта хозяйственная микростратиграфия отражает закономерную и логичную последовательность крупных эпохальных вех в развитии экономики Южной Сибири и степного Казахстана: рыболовство с охотой (неолит), земледелие с пастушеством (бронзовый век), кочевое скотоводство (эпоха железа).

Поскольку переход от традиционной формы хозяйства к иной системе жизнеобеспечения сопровождался закономерным усилением борьбы между старым и новым, периоду становления иного хозяйственного уклада почти неизбежно сопутствовали временное ослабление социальной сплоченности общества, снижение его боеспособности и т. д. Другими словами, рождение нового образа жизни, как и рождение живого организма, проходило в муках и нередко было чревато гибельными исходами. Вряд ли случайно, что неоднократно возобновлявшийся в железном веке переход восточноевропейских степных кочевников к оседлости всякий раз прерывался опустошительным вторжением чужеродных кочевых племен (Хазанов, 1975, с. 13).

В кочевой среде, к северу от районов сплошного традиционного земледелия, было чрезвычайно трудно утвердиться в роли земледельцев – прежде всего потому, что оседлое население здесь было совершенно беспомощно перед лицом необузданной ко-

чевой стихии. Описывая превратности и напасти, которые испытывали казахи северной части Тургайской обл., переходившие в 60-х гг. XIX столетия к земледельческим занятиям, А.К. Гейнс отмечал: «Можно думать, что переходная эпоха, в которой теперь живет часть илецких и николаевских киргизов (казахов – М.К.), кончилась бы скорым и решительным торжеством оседлости, если бы промежутки между их зимовками не наполнялись летом прикочевывающими с юга киргизами. Кочуя со своими стадами около зимовок илецких и николаевских киргизов, пришельцы с юга травят луга и пашни, истребляют накошенное сено и лесные заросли» (Гейнс, 1898, с. 581.) Попытки вынужденных земледельцев защитить свое имущество были, как правило, обречены на поражение. «Побежденная сторона, - констатировал один из свидетелей таких стычек, - отступает, разбитая, с поломанным и разрушенным имуществом, разграбленным скотом и сожженными посевами, лесами и травами» (Тилло, 1873, с. 81).

Психологическая сторона переходного состояния в процессе оседания кочевника на землю была в свое время тонко подмечена и оценена известным сибирским историком и этнографом Н.М. Ядринцевым. «В этой переходной стадии, - писал он в конце XIX столетия, - при перемене занятий и образа жизни мы сталкиваемся с оригинальным явлением из культурной жизни человечества. Мы видим человека как бы бессильным, подавленным новой природой и физической обстановкой. Он как бы потерял преимущества предыдущей культуры, давшей ему известное довольство. Ничего мы не видим того, что придает богатство, силу и гордость кочевнику-скотоводу. Киргиз обыкновенно насмехается над принявшим оседлость... Нет ничего в этой новой метаморфозе привлекательного, эффектного, напротив – прежнее рыцарство и воля исчезли. Это уже не «батырь», воспетый в песнях кочевника. Оседлого человека на первом шагу жизни встречает только нищета. Мы застаем его как ребенка, бессильного и слабого, в тот момент, когда он

бросил одну обстановку и не воспитал еще сил, не научился крепко держаться на ногах в другой.

Но это только видимая слабость и, так сказать, момент неокрепшей культуры и культурной борьбы. Достаточно немного присмотреться, чтобы увидеть, что здесь произошел переворот в способе жизни, в наблюдениях, в применении жизненных условий, в самой логике, и переворот столь важный, что он дает толчок ко всей истории человечества» (Ядринцев, 1891, с. 119).

Приведенные примеры говорят о том, что помимо названных ранее трех основных факторов перехода к более развитой форме хозяйства (должный уровень производительных сил; подходящие экологические условия для нового вида хозяйственной деятельности; кризисная ситуация, вызванная обострением проблемы перенаселенности), был необходим еще один – благоприятная историческая обстановка. Отсутствие таковой, даже при наличии трех остальных условий, не гарантирует перехода на новый уровень экономики. В этой связи примечательно, что успешный переход ряда сибирских кочевых групп к оседлости совершился лишь в середине XIX столетия, когда русская военно-гражданская администрация сумела нормализовать и стабилизировать социально-политическую ситуацию на юге Сибири и в казахстанских степях.

* * *

Сказанное выше совсем не означает, что экономическое развитие в древности являло собою череду «скачков», приуроченных лишь к переходным историко-археологическим периодам. Производительные силы и все, что с ними связано (социум, культура, мировоззренческий комплекс и пр.), развивались и в рамках историко-археологических эпох, и в рамках определенных производственных традиций, и в рамках конкретных хозяйственных типов.

Отсюда, логичен вопрос: каковы стимулы развития того или иного человеческого сообщества на обычных, «повседневных» уровнях? Приступая к разработке этой задачи, трудно избежать соблазна вновь адресоваться к проблеме перенаселенности и к

фактору «давления избытка населения на производительные силы» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 46, с. 483), толкавшего людей либо к миграции (пассивный вариант выхода из кризисного состояния), либо к переходу на иную, более рациональную систему жизнеобеспечения. Однако такое рассмотрение было бы правомерным лишь применительно к отдельным проявлениям исторического процесса, в целом же оно сузило бы наши исследовательские возможности. На самом деле, какую связь с обострением проблемы перенаселенности можно усмотреть, например, в изобретении гончарства (неолит), колесного транспорта (энеолит), стремян (железный век)?

Вместе с тем, скажем, изобретение степняками колодцев, сенокосения, ирригационных приспособлений было в значительной мере продиктовано ситуациями, в общем сопоставимыми с эффектом давления избытка населения на производительные силы, хотя эти открытия, наверное, все-таки правомернее толковать как результат *разумного стремления к удовлетворению текущих хозяйственно-бытовых нужд*. Природу этого стимула убедительно выразил К. Маркс: «Пока потребность человека не удовлетворена, он находится в состоянии недовольства своими потребностями и самим собой» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 19, с. 378). В то же время К. Маркс оговаривал, что сами потребности, их содержание и возможности реализации зависят от экологических условий региона и от уровня развития общества. «Сами естественные потребности, - считает он, - как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д. различны в зависимости от климата и других природных особенностей той или иной страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны» (Маркс, Энгельс. Соч. Т. 23, с. 182).

Вышеприведенные рассуждения К. Маркса можно проиллюстрировать на примерах из жизни населения южносибирских и казахстанских степей, пред-

принимавшего в разное время те или иные меры для интенсификации скотоводческих занятий. Самая древняя из этих мер - выжигание степняками весной сухой прошлогодней травы. «Дело состоит в следующем, - объясняет необходимость весеннего «пала» известный ученый-природовед Э.А. Эверсманн: «Сухая трава и стебли, оставшиеся еще с осени, покрывают плодородные степи так густо, что частью не дают пробиться молодой траве, а частью мешают пастбе скота, который из-за ветоши не может достать зелени и принужден поедать то и другое вместе. По сей причине не только народы кочевые, но и хлебопахотные зажигают степи ранней весной, лишь только снег сойдет, и погода начнет теплеть. Прошлогодняя трава, или ветошь, быстро загорается, и пламя течет по ветру, доколе находит себе пищу... Там, где пал обошел случайно некоторые места, последние с трудом прорастают травой, между тем как выжженное пространство давно красуется роскошно и густою зеленью» (Эверсманн, 1949, с. 218).

Видимо, этот способ повышения продуктивности пастбищ был изобретен еще в эпоху камня охотниками на степных копытных животных. Этнографически известно, что улучшение травостоя для привлечения кенгуру путем выжигания практиковали австралийские аборигены, жившие на стадии каменного века. Одно из самых ранних письменных свидетельств о степных палах содержится в «Истории» Геродота, где упоминается о выжигании скифами степей во время знаменитого похода в Скифию персидского царя Дария I Гистаспа в 512 г. до н. э. (Геродот, 1972, с. 217). Правда, эти меры были предприняты не с целью улучшения пастбищ, а для затруднения продвижения персидской армии, но сам факт выжигания травы говорит о том, что идея степного пала была скифам хорошо известна.

Еще одним важным шагом в реализации большей «комфортности» жизнедеятельности степняков было изобретение колодцев. Они стали особенно необходимы со второй половины бронзового века, когда в связи с прогрессирующей засушливостью климата в степях сократилось количество естественных водных источников. Поначалу, когда в степной зоне доминировали пас-

тушеско-земледельческие занятия, колодцы делали на поселениях, нередко прямо в жилищах (поселения Тасты-Бутак, Чаглинка, Трушниково и др.), но с переходом кочевничеству их переместили главным образом в безводные междуречья с целью расширения удобных для эксплуатации пастбищных пространств. Скифы, по Геродоту, во время войны с персами, отступая, «засыпали колодцы и источники» (Геродот, 1972, с. 217).

Существенным вкладом в рационализацию степного скотоводства явилась заготовка кормов на зиму, получившая развитие еще в эпоху бронзы, в условиях пастушеско-земледельческого хозяйства. Со становлением кочевого образа жизни летняя заготовка трав была почти забыта, но время от времени, особенно после тяжелых зимних бескормиц, когда погибало много домашнего скота, степняки опять вспоминали о сенокосении. Западные казахи-кочевники, например, очередной раз обратились к нему после страшного джута 1827 г. «С тех пор, - комментирует это событие И.П. Корнилов, - киргизы, наученные горьким опытом, ... стали запасать на зиму сено, и некоторые делают для скота особые загоны» (Корнилов, 1859, с. 4).

В некоторых степных районах Южной Сибири этнографически отмечены попытки интенсифицировать животноводство путем введения в него элементов земледельческой культуры. «Чтобы увеличить урожайность трав на зимниках, - писал более ста лет назад И. Каратанов, - инородцы искусственно орошают поля посредством канав, выведенных из речек; эти канавы называются мочагами» (Каратанов, 1886, с. 619). Отдельные группы бурят применяли не только ирригацию, но и удобрение сенокосов. Речка или ручей перегораживались плотиной, вода отводилась по магистральному каналу, идущему вдоль реки краем невысокой террасы; от него проводились канавы, подающие воду на сенокосные угодья. Эти обильно унавоженные и орошенные участки позволяли получать со сравнительно малой площади большое количество сена. Любопытно, что с помощью «чудских борозд», действовавших до не-

давних пор на территории Хакасии, было удобнее орошать пастбища, а не пашни (Кулаков, 1898).

Вполне возможно, что мы проявляем неоправданную односторонность, воспринимая во всех случаях следы древней ирригации в степях, как безусловное доказательство наличия здесь в прошлом орошаемого земледелия. Не исключено, что присутствие таких археологических следов может являться свидетельством не только земледельческих занятий, но и эпизодических опытов интенсификации скотоводства, практикуемых в степях с поздних этапов бронзового века.

Одним из условий выживания кочевников-скотоводов в южносибирских и казахстанских степях было использование ими особой системы зимнего выпаса скота, которая, по описанию очевидцев, заключалась в следующем: «На сии замеченные пастбища выпускают сначала лошадей, которые копытами разрывают снег и едят верхушки. За ними на том же самом месте выгоняют рогатый скот и верблюдов, продолжающих есть начатую лошадьми траву и съедающих средину стеблей. Но низшей части оных, близ корня находящейся, верблюды глотать не могут по природному устройению органов питания, потому и овцы, выпускаемые на пастьбу после всего прочего скота, на одном и том же месте находят себе пищу, Сей образ продовольствия стад и табунов называется тебеневкою» (Левшин, 1832, с. 127).

Степные скотоводы, в отличие от оленеводов (и тем более охотников), сумели выработать особые способы регулирования численности и состава стада, увеличения приплода, сохранения молодняка. Жеребят, родившихся в весеннюю пору, казахи начинали отучать от маток в сентябре, надевая им на морду деревянные рогатки. Это заблаговременно приучало их к подножному корму и повышало выживаемость в зимнее время. Интересны меры, принимаемые степняками для сохранения ягнят. «Баранов спускают в октябре, - сообщал об омских казаках в 1827 г. сотник Махонин, - весной же и летом удерживают от того, подвязывая под брюхо баранам кошмы для того, чтобы к зиме ягнят не было, ибо большого количества оных в холодное время года не имеют, где сохранить. Овцы ягнятся по теплу так,

что к зиме ягнята бывают полугодовые и зимуют на подножном корму без всякой нужды» (Махонин, 1827, с. 9).

Перечень новаций, призванных удовлетворять текущие потребности общества, можно приводить до бесконечности.

Из вышеизложенного следует, что развитие производительных сил в прошлом обеспечивалось в основном двумя разноуровневыми факторами.

Первый фактор, будирующий производственно-экономический потенциал на уровне *повседневности*, - это стремление к удовлетворению текущих нужд, что выражалось обычно в совершенствовании конкретного хозяйственного типа в рамках определенной хозяйственно-бытовой традиции. Здесь в основе развития производительных сил лежит *противоречие* между возрастающими разумными потребностями и недостаточным для их удовлетворения уровнем производства.

Второй фактор, срабатывающий на уровне *переходных периодов*, это - давление избытка населения на производительные силы. Здесь в основе развития, как и в основе большинства миграционных процессов прошлых эпох, лежит *противоречие* между относительно медленными темпами развития производительных сил и сравнительно быстрыми темпами роста численности населения.

Первый фактор отражает количественное накопление положительного производственного опыта, тогда как второй фактор реализует этот накопленный опыт в новое качественное состояние. Но между этими двумя уровнями развития нет четкой границы. Внедрение, например, в кочевое скотоводство таких элементов оседлой культуры, как сенокосение, ирригация пастбищных угодий и др. можно, с одной стороны, воспринимать как накопление положительного производственного опыта в рамках традиционного кочевого хозяйства, а с другой стороны, упомянутые достижения можно квалифицировать и как начало перехода к качественно новому экономическому состоянию.

Продолжая рассмотрение концептуального сюжета о противоречивом характере исторического процесса в далекой и

недавней действительности, нельзя не затронуть еще одну проблему. В археологии нередки случаи, когда естественные различия в системных уровнях воспринимаются как непримиримые взаимоисключающие противоречия, хотя в рамках обыденной, здоровой, «ненаучной» («обывательской») логики представляются понятными и объяснимыми. Так, если рассматривать поздний неолит, энеолит и ранние периоды бронзового века Западной Сибири в целом, можно говорить об одновременном существовании здесь нескольких орнаментальных (этнокультурных) традиций – отступающе-накольчатой, печатно-гребенчатой и гребенчато-ямочной; если же обратиться к отдельным районам этого суперрегиона – Тюменскому Приоболью, Среднему Прииртышью, северотаежному Приобью и др., то там одна из названных этнокультурных традиций сменяется другой, другая третьей, и они предстают как разновременные, причем последовательность культурных напластований на одновременных памятниках разных районов может носить обратный характер.

Разные варианты стратиграфического соотношения одних и тех же культурных комплексов особенно часты в контактных зонах, где тесно взаимодействовали два или несколько культурных ареалов. Это не раз вызывало у исследователей недоумение, порождая споры о том, какая стратиграфия определена корректно, а какая ошибочно – вследствие неопытности или недобросовестности автора раскопок (например, многолетняя дискуссия о стратиграфическом и хронологическом соотношении федоровской и алакульской культур в рамках андроновской историко-культурной общности). Между тем, если бы такая стратиграфическая неоднозначность рассматривалась в связи с общей историко-культурной стратиграфией Сибири, т. е. системно, с учетом особенностей микро- и макростратиграфии, с желанием видеть не только отдельные «деревья», но и «лес» в целом, перед исследователями предстала бы действительная стратиграфическая картина во всей ее сложности и противоречивости.

Стремление к выдаче «на гора» непротиворечивых концепций особенно негативно сказывается при разработке проблем, связан-

ных с этнической интерпретацией древних археологических культур. Дело в том, что в процессе палеоэтнических реконструкций, как правило, не учитывается, что здесь должны быть одновременно задействованы по крайней мере три *совершенно разных этногенетических ракурса* – историко-археологический, лингвистический и антропологический, которые далеко не всегда выступают в «непротиворечивом единстве», а если и выступают, то это скорее исключение, чем правило. Упорное стремление некоторых археологов во что бы то ни стало «непротиворечиво» совместить эти три этногенетические ретроспекции в большинстве своем есть не что иное, как «подгонка под ответ», тем более, что среди разнородных и разноречивых лингвистических и антропологических исследовательских версий и рабочих гипотез всегда можно выбрать самую удобную, объявить ее наиболее соответствующей археологическому видению проблемы и тем самым «совместить» все, что угодно. Похожим путем нередко идут в своих этногенетических реконструкциях лингвисты и антропологи. Хотелось бы заметить в этой связи, что любое многоуровневое историко-культурное и этнокультурное построение *просто обязано быть противоречивым*, иначе оно окажется неспособным адекватно отражать объективную противоречивость исторического процесса.

«Видимо, в каждом отдельном случае, пытаясь выявить ретроспективным путем предковые культуры современных народов, мы должны особо оговаривать, какую линию преимущества следует считать ведущей – лингвистическую, историко-культурную или антропологическую, т.е. во избежание разночтений необходимо заранее решить, какие предки интересуют нас прежде всего: предки по языку, предки, оставившие в наследство определенный набор традиционных черт культуры, или предки, передавшие потомкам специфический комплекс антропологических особенностей (предки «по крови»). Во всех трех вариантах – это этнические предки, но представленные в трех разных ипостасях» (Косарев, Кузьминых, 2000, с. 394).

Поскольку считается, что археология – это по существу то же самое, что история материальной культуры, задачи, связанные с археологическим изучением древней духовной культуры, вольно или невольно оказались отодвинутыми на задний план. Между тем в общей системе древнего и традиционного жизнеобеспечения «культово-обрядовые действия и церемониалы отнимали у наших далеких предков гораздо больше физической, психической и интеллектуальной энергии, чем повседневная социально-экономическая жизнедеятельность. Об этом свидетельствует в частности обилие и многообразие «ритуальных» археологических объектов – погребальных комплексов, жертвенных мест, святилищ, культовой архитектуры, наскальной живописи и др. Если социально-экономический уклад был формой материального функционирования общества, то верования, культы, духовная культура в целом, являли собою душу общества. Поэтому подлинная история древних народов может быть по-настоящему воссоздана лишь в том случае, когда материальная культура и социально-экономические процессы будут изучаться в неразрывной связи с историей духовной культуры» (Мировоззрение древнего населения, 2001, с. 3). Это прекрасно понимали такие крупные археологи, как А.А. Спицын, Б.А. Рыбаков, А.П. Окладников, В.Н. Чернецов и др., в работах которых воссозданию духовного мира древних обществ всегда уделялось первостепенное внимание.

Главным источником реконструкции древних мировоззренческих комплексов является традиционная жертвенная и погребальная обрядность, длительная преемственность которой позволяет обоснованно предполагать, что сакральные смыслы задействованных там обычаев и ритуалов во многих своих проявлениях сохранялись с древнейших времен до этнографической современности. Особенно богатые возможности в этом отношении дают материалы погребальных памятников. К сожалению, в изучении могильных древностей у нас до сих пор господствуют т. н. формализационные подходы, ориентированные на индексацию, типологи-

зацию, корреляцию и систематизацию обрядовых признаков, которые уже в значительной мере исчерпали свои возможности, превращаются в самоцель и начинают питать сами себя, не порождая ничего существенного и не суля более сколько-нибудь обнадеживающих исследовательских перспектив.

При рассмотрении традиционной погребальной практики ныне необходимо учитывать по крайней мере три ее главных смысловых ракурса.

1. Структурный ракурс. Могильный комплекс являет собой модель Мироздания. Подземная часть (могильная яма) ассоциируется с Нижним миром, надземная (надмогильный столб-лестница, дерево, погребальный домик с изображением птицы наверху, курганная насыпь и пр.) демонстрирует связь с верхней (небесной) сферой. Случаи захоронения в могильной яме – без надмогильного сооружения (иногда вниз лицом), устройство умершего на земной поверхности, водружение покойника на дерево или вообще на высоту, трупосожжение и т. д., выявленные этнографически и, отчасти, археологически, видимо, свидетельствуют о наличии ритуалов, способствующих акцентированному приобщению души покойника (одной из душ?) к какому-либо определенному пространству Вселенной – в зависимости от возраста, образа жизни, обстоятельств смерти, социального положения и пр.

2. Мировоззренческий ракурс. В традиционной погребальной обрядности закодированы основные концептуальные сюжеты языческого миропонимания: представление о мире, о душе, о пространстве-времени, о добре и зле, о жизненном круговороте и т. д.

3. Функциональный ракурс. По существу все элементы традиционного сибирского погребального комплекса – во всяком случае, начиная с неолита-энеолита – так или иначе, направлены на обеспечение благополучного достижения темной (нижней) и светлой (верхней) душами покойника мест их загробного обитания – во имя будущих реинкарнаций (подробнее см. об этом: Косарев, 2003б, с.

93-115, 179-194). Земная смерть понимается здесь как потустороннее рождение, тогда как потусторонняя смерть (или исчезновение) соответствует появлению новой земной человеческой жизни. Засвидетельствованное этнографически (и, отчасти, археологически) помещение останков покойника в дупло дерева, в долбленную колоду, в *обласок* (легкую лодку-долбленку), в зыбку, в сосуд или в иное вместилище символизирует возвращение в материнское лоно для нового рождения. Вероятно ту же самую смысловую роль на каких-то этапах языческого миропонимания выполняла могильная яма, воспринимаемая как детородное место Земли-Матери. Не случайно в те или иные эпохи покойнику в могиле стремились придать скорченную (эмбриональную?) позу, на что обращали внимание многие исследователи.

Вне трех вышеперечисленных семантических ракурсов формализованные методы исследования древней погребальной обрядности теряют свой эвристический потенциал, что чревато формально-логическими выводами и заключениями.

Существующие в нынешней археологии научные методы реализуются преимущественно на уровне обязательных правил, ориентированных на археологические раскопки, последующую камеральную обработку добытого материала и их своевременную качественную публикацию. Накопление и разработка источниковедческой базы в археологии – естественный и закономерный процесс, тем не менее, этот (совершенно необходимый) момент археологической деятельности нельзя абсолютизировать. Давно настала пора переходить на *исторический уровень* археологического исследования. Однако методологические аспекты, касающиеся путей и способов извлечения исторической информации из археологических источников, разрабатываются весьма вяло и малоэффективно. Поэтому сибирская археология, как впрочем, и отечественная в целом, во многом продолжает оставаться не столько исторической, сколько вещеведческой наукой.

Литература

- Васильевский Р.С.* Некоторые вопросы генезиса и эволюции дальневосточного неолита // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск, 1998.
- Вишняцкий Л.Б.* «Забегание вперед» в развитии палеолитической индустрии: явление и интерпретация // Петербургский археологический вестник. № 4. СПб., 1993.
- Гарковик А.В.* Архаические керамические комплексы Приморья // Вперед в Прошлое. Владивосток, 2000.
- Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. В двух томах. Т. 2. СПб., 1898.
- Геродот.* История в девяти книгах. М., 1972.
- Головнев А.В.* Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII – начало XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Днепровский К.А.* Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху Бирнирка и раннего Пунука. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Дэвлет М.А.* От редактора // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
- Каратанов И.* Черты внешнего быта качинских татар // Изв. ИРГО. Т. XX1. Вып. 6. СПб., 1886.
- Корнилов И.П.* Заметки об Астраханской губернии // Изв. РГО. № 27. Кн. 9-12. СПб., 1859.
- Косарев М.Ф.* Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
- Косарев М.Ф.* Экологические аспекты социально-экономического развития Западной Сибири в эпоху бронзы // Вопросы археологии Приобья. 2. Тюмень, 1979.
- Косарев М.Ф.* Некоторые методологические и теоретические проблемы урало-сибирской археологии // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.
- Косарев М.Ф.* Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция. М., 1993.

- Косарев М.Ф.* К поиску нетрадиционных путей исторической интерпретации археологических источников // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003а.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания (по сибирским археолого-этнографическим материалам). М., 2003б.
- Косарев М.Ф., Кузьминых С.В.* К проблеме поисков уральской прародины // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Том I. Тверь, 2000.
- Кузьмин Я.В.* Геохронология палеолита юга Дальнего Востока России: современное состояние и перспективы // Палеогеография плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.
- Кулаков И.* Ольхон, хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомства Верхотурского округа Иркутской губ. // Изв. ВСОИРГО. Т. XXVI. № 4-5. СПб., 1898.
- Левшин А.* Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. В трех частях. Ч. 3. СПб., 1832.
- Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Маркс К.* Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46.
- Махонин О.* О состоянии и хозяйстве верноподданных киргиз // ЗЖ. 1827. № 19.
- Мировоззрение древнего населения Евразии.* М., 2001.
- Морозов В.Н., Стефанов В.И.* Амня 1 – древнейшее городище в Северной Евразии? // ВАУ. Вып. 21. Екатеринбург, 1998.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Сочинение в восемнадцати томах. Т. 1-2. Кн. I. М., 1988.
- Тилло А.А.* Первая перепись в Киргизской степи, проведенная в Николаевском уезде Оренбургского края // Изв. ИРГО. Т. IX. Вып. 2. СПб., 1873.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975.
- Эверсманн Э.А.* Естественная история Оренбургского края // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсманна, С.С. Неустроева. М., 1949.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
- Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб, 1891.

П.М. Кожин
(Россия, Москва)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, УТОНУВШАЯ В ПЕСКАХ ВЕЛИКОЙ ПУСТЫНИ

Имя Виктора Ивановича Сарияниди связано с яркими археологическими открытиями в Средней, Центральной Азии, начиная с 60-х гг. XX в. Особое значение приобрели его работы в Геоксюрском оазисе близ города Теджена. Здесь он исследовал грандиозное энеолитическое поселение Геоксюр I с очень специфическими и сложными могилами-толосами, возведенными из сырцовых кирпичей в виде круглоплановых конусовидных ячеек, где последовательно хоронили либо лиц, принадлежавших к одной малой семье, либо группы родственников, возможно, более широкого охвата (Сарияниди, 1965)

Работы Сарияниди в Афганистане связаны с открытием богатейших могил рубежа нашей эры, принадлежащих неведомым по письменным источникам представителям «сарматской» кочевнической знати. Одновременно им и его коллегами в афганских степях была вскрыта целая серия протогородских поселений эпохи бронзы, где, в частности, культовые сооружения формировались в значительных круглоплановых архитектурных структурах, которые, как выясняется, играли весьма значительную роль в строительных традициях Средней и Центральной Азии в бронзовом и в начальных этапах раннего железного века (Сарияниди, 1978, 1983 и множество других публикаций и художественных альбомов).

Изучение В.И. Сарияниди в Каракумах огромного комплекса памятников Гонура (рубеж III-II тыс. до н.э.), представляющего собой регулярную монументальную городскую планировку и сопровождающуюся масштабным (исследовано почти 3 тыс. погребений) городским некрополем, явилось, в свою очередь, одним из крупнейших достижений современной археологической науки. Многие моменты,

связанные с этими открытиями уже неоднократно освещались в научной литературе (Сарияниди, 2001, 2002 и др.).

Так уж повелось, что все открытия, которые делаются в течение последних десятилетий (а может быть даже и последнего столетия) в ближневосточном регионе, так или иначе ассоциируются с индоевропейской проблемой.

До недавнего времени, особенно большое значение, в плане выяснения начальных этапов формирования и распространения индоевропейских языков придавалось значительному комплексу памятников в районе Свата в Пакистане. Они отличались характерной погребальной (а, наверное, и бытовой) керамикой, определенным погребальным обрядом, большим количеством археологических объектов, указывающих на скопление в этом регионе в конце III и первой половине II тыс. до н.э. значительных масс населения. Это был обильно и стабильно заселенный район. В некотором роде этот район стал считаться эталонным для культур, изначально связанных с индоевропейскими языками (Stacul, 1987). Однако открытия в Туркменистане оказали трансформирующее воздействие на общую систему представлений о раннем расселении, интенсивности заселения внутренних районов юго-западной Азии «индоевропейскими» племенами. Представляется, что поле для острой обостренной полемики еще не подготовлено, и приоритеты первооткрывателя, не завершившего пока полевых работ, а тем более не представившего окончательной итоговой публикации всех исследованных комплексов, должны быть неприкосновенны. Поэтому ограничусь рассмотрением лишь отдельных частных моментов, которые не затрагивают существа авторских

концепций, но могут иметь значение в разработке общерегиональных палеокультурологических проблем, оценка которых может быть основана на самом археологическом материале и не требует общетеоретического пересмотра ни взглядов самого В.И. Сарияниди, ни его предшественников и оппонентов на «гонурских индоевропейцев», на «гонурский зороастризм» и многие другие междисциплинарные проблемы. Возможно, когда закончатся работы на Гонуре, исчезнут и сами причины, которые сегодня возбуждают сомнения и будто бы требуют новых подходов для разрешения противоречий.

Ограничусь фиксацией тех положений, которые прямо восходят к самому археологическому полевому материалу. Конечно, у каждого специалиста, и у меня в том числе при знакомстве с предварительными, теперь уже многочисленными публикациями, возникает масса соображений общего плана, но нельзя же побивать сырцовыми кирпичами специалиста только за то, что он умеет не только «взнуздать удачу», но при этом, ведя раскопки, способен еще оригинально их оценивать и оригинально осмысливать проделанную работу.

Прежде всего, приходилось подвергнуть пересмотру вопрос о племенном характере заселения Южного Туркменистана. Южнотуркменские памятники типа Алтын-тепе (Масон, 1981), а теперь и Гонура, - это поселения городского типа, с регулярной гражданской застройкой. Эта застройка (вне зависимости от характера возможных подстилающих слоев), по всей видимости, подчинялась каким-то муниципальным установлениям, ибо остатки домов образуют достаточно четко размеренные и сравнительно правильные геометрические структуры. Это особенно ярко становится заметно, при просмотре планов таких поселений, как Хараппа, тот же Геоксюр 1, и памятники бактрийско-маргианского круга. Собственно, регулярность застройки подсказывается самим фактом создания стационарной оборонной сети вокруг поселения. Уже этих, как бы случайно выбранных данных, достаточно для того, чтобы говорить о том, что здесь, на территории современных среднеазиатских

пустынь и полупустынь, бурно развивалась ранняя городская ближневосточная жизнь, связанная (этому ничто не противоречит) с какими-то значительными государственными образованиями, которые уже тогда, в глубокой древности, оказались способны организовывать быт и социальную структуру значительных по демографическим параметрам и территории популяций, сложных по этнической структуре.

Действительно, все то, что известно о новых памятниках в пустыне, показывает, что мы имеем дело не с первобытной культурой, осуществляющей хозяйственную деятельность в рамках отдельных мелких автаркических поселений, а с огромным хозяйственно-государственным организмом, управляемым единой властью, единой волей (деспотизм) и ведущим строго размеренную культурно-хозяйственную жизнь, типичную для последующих тысячелетий и веков ближневосточной истории. Фактически, комплексы, открытые Сарияниди и его коллегами, знаменуют один из ранних этапов организации государственной жизни ближневосточных популяций. Регулярная застройка, стандартные дома и дворцы. Несколько устойчивых видов погребальных памятников, набор однородных керамических изделий, выполненных преимущественно на гончарном круге. Однообразные наборы каменных (часто исполненных на токарном станке!) и металлических украшений и орудий, типичных для значительных территорий в течение III-II тыс. до н.э. Все это подтверждает представления о вполне устойчивом быте и хозяйстве населения. Распространение достаточно сложных форм украшений и изделий на очень большие пространства указывает на наличие постоянных культурно-хозяйственных устойчивых связей в пределах региона в этот период. Т.е. археологическая картина жизни региона в течение второй половины III и первой половины II тыс. до н.э. свидетельствует о существовании какого-то грандиозного культурного единства, которое периодически преобразовывалось в политическое.

Состояние культуры, выявляемое для этого периода, настолько устойчиво и однородно, что фактически не дает основа-

ний говорить о каком-то движении и тем более развитию этой культуры. Мы видим результат некоего развития, можем выстраивать от этого периода перспективу будущего развития, но ретроспективы, позволяющей опуститься от этого периода в глубь времен, выявить местные культурные, социальные и этноантропологические истоки этого своеобразного мира, на основании всего комплекса существующих находок, пока не возможно. Все предшествующее развитие, как и ранее, остается в рамках предположений. Отсюда следует несколько моментов, связанных с исторической, лингвистической и антропологической интерпретацией этих материалов.

В.И. Сарианиди убежден (и это убеждение исследователя подтверждается определенным набором идей и фактов), что в этой части данного культурного единства мы наблюдаем картину существования иранских языковых группировок индоевропейской общности, находящихся в фазе зрелого единства. Причем, в представлениях исследователя это единство, еще до стадии его активного распада, сопровождается и довольно устойчивыми культурными проявлениями, охватывающими все сферы жизнедеятельности, как самих государственных образований, так и основной массы включенных в них популяционных групп. Конечно, произнося привычные лингвистические и этнокультурные термины «иранские языки», «индоевропейская этнокультурная популяция» и т.п., каждый вспоминает весь почти 250-летний опыт индоевропейских исследований, где безупречно заслуженные лучи славы вечно сияют над памятью первооткрывателя единства сэра Уильяма Джонса (Cannon, 1990; Penny Cyclopaedia..., 1839, p. 135, 136), чьи работы оставались незамеченными современниками и ближайшими потомками в течение более чем полусотни лет. Заслуженную высочайшую оценку они получили лишь в трудах ранних специалистов по индоевропейским грамматикам, которые задались целью осветить **всю совокупность существующих индоевропейских языков**, чем также заслужили незыблемое признание (Mallory, 1989; Renfrew, 1987). «Распад единства индоевропей-

истов» начался тогда, когда появились первые трактовки возникновения, формирования и расхождения языков индоевропейской семьи, основанные уже не на фактическом базисе лексики, семантики, синтаксиса, фонетики известных языков, а с началом поиска праязыка, праязыковых состояний, прародины, путей распространения и попыток решения огромной (и все нарастающей) суммы проблем, связанных не только с языком, но и с индоевропейцами как народом, популяцией, этносом.

Решение этих проблем исключительно в лингвистическом ключе породило массу противоречащих друг другу и противоборствующих школ, гипотез и направлений. Но самый катастрофический переломный момент наступил в индоевропейских исследованиях, когда усилиями М. Муха, О. Шрадера, а затем Г. Косины и других специалистов к решению лингвистической проблемы, оказались привлечены немые, причем тогда немногочисленные, часто несистематизированные археологические свидетельства. Хуже этого оказалась лишь та фаза современной истории, когда лингвистическая и «этнокультурная» проблема стала знаменем воинствующего национализма, шовинизма. И ныне можно понять скепсис и опасения специалистов, когда где-то открывается «новая индоевропейская или индоиранская прародина». Раньше это становилось сенсацией для зевак и папарацци, теперь у них, кажется, заботы другие и другие «зрелища» влекут их. Но лучше все же не держать перед ослом морковку, если не знаешь, как он ею может распорядиться. А потому должно вернуться к объективной картине.

Специалистами совершено открытие гигантского масштаба: обнаружены памятники **развитой цивилизации** в местностях, где, казалось бы, и ожидать такого было невозможно. И как всегда в таких ситуациях возникают множественные разносторонние противоречия между учеными, чьи интересы затрагивают новые открытия, между теми, кого новые данные могут вынудить сменить свои подходы к тематике, изменить оценки ранее утвержденные в ставших уже классическими монументальных трудах, искать новые пути сопостав-

лений, утверждений и отрицаний, и этим новым, еще недостаточно широко и глубоко внедрившимся в специальную литературу, материалам. И вот, вместо того, чтобы рассматривать, изучать, суммировать фактические данные, глубже вникать во вновь открытые факты, начинаются опыты приспособления вновь обретенных знаний к сложившейся уже научной традиции.

Отсюда следует особое внимание к таким «ключевым словам», как зороастризм, язычество, индоевропейцы, как будто бы эти символы сами по себе что-то проясняют и помогают разъяснить возникшую, благодаря новым фактам, историко-культурную коллизию, прямо касающуюся методологии науки и существования исторических реалий. Как всегда, причины и характер такого подхода предельно ясны и не требуют серьезного исследования: каждому ученому хочется разрешить давние противоречия, используя новые, лишь ему известные факты. К тому же такой путь – работа в пределах устоявшейся проблематики и идей – значительно проще, короче и кажется перспективнее и эффективнее, чем погружение в новый материал и изучение его непредвзято, независимо от прежних выводов и с перспективой получения непредсказуемых, неведомых результатов. Причем акценты, особенно в критических оценках, делаются на свежих, еще не устоявшихся идеях первооткрывателя, еще полностью поглощенного тем чудесным многообразием новых данных, которые впервые, после многих веков забвения, оказались в гуще истории, а не на стремление оценить всю масштабность сделанных открытий, не на желании идти вместе с удачливым исследователем-практиком к новому более высокому уровню познания исторических реалий, а тем самым к высшим истинам истории.

Учитывая, что сейчас обнаруженные в регионе памятники находятся в таком состоянии изучения, которое связано с систематизацией фактического материала в первую очередь, а также с практической постановкой исследовательских задач на новой стадии научной обработки вновь обретенного материала, сопоставлением его с ранее установленными фактами и тем кру-

гом идей, который сформировался на основе систематизации тех, прежних, фактов, необходима строгость, непредвзятость и желание осмыслить совершённый **материальный прорыв в древнюю историю.**

Именно такой подход требует формулирования некоторых общих принципов подхода к изучаемому материалу. Первый вопрос, который следует поставить, касается степени самобытности вновь обозначившейся цивилизации. Хотя на сегодня определить с полной достоверностью, имеют ли особенности вновь выявленной цивилизации местные истоки мы не можем, весьма существенно отметить имеющиеся косвенные показатели – отсутствие многих видов сырья, на которых могла бы самобытно и самостоятельно развиваться первичная местная цивилизация, отличия предшествующей местной культуры, несводимые к одним лишь временным изменениям и т.п. Таким образом, можно смело констатировать, что в данном регионе появилась достаточно быстро **мощная вторичная цивилизация.** Как следствие этого вывода возникает вопрос об исходной территории, особенностях движения населения, о причинах его, о культурной и языковой принадлежности населения исходной цивилизации, о причинах ее подъема и упадка на новых территориях. Все это вопросы будущих исследований, они требуют скорейшего принципиального разрешения. Иначе трудно будет с уверенностью говорить о таких, казалось бы, определенных уже вещах, как зороастризм, языковая среда, государственное устройство и т.п. на изучаемой территории.

Итак, прежде всего, необходимо обозначить материальные особенности данной цивилизации:

1. Прямоугольные городские структуры, создающиеся по единому плану с массой хозяйственных и культовых построек и помещений, не имеющих бытового внутрисемейного использования, а предназначенные для каких-то коллективных акций.

2. Улицы, имеющие четкую сквозную трассировку и пригодные для проезда не только вьючного, но и колесного транспорта. Использование в конструкциях

склепов конструктивно однообразных арочных сводов, да и устойчивость планировок самих склепов, небольшое число их типичных разновидностей.

3. Стандартизация большинства видов бытовых изделий, с целью обеспечения их массового производства; очевидное проявление деятельности ремесленных корпораций. Широкое распространение различных стандартных изделий, производившихся, очевидно, в каких-то отдаленных от Гонура центрах, что указывает на неслучайное их проникновение в данный район, а, скорее всего, на наличие устойчивых торгово-обменных связей.

4. Функциональные комплексы изделий, далеко не всегда поддающиеся надежной правдоподобной расшифровке. Единство эстетических принципов для производимой продукции. Позволю себе высказать предположение, что широкие плоские лезвия на слабых пружинящих черешках-ручках могли являться чем-то вроде примитивных праобразов греческих стригилей, служивших для снятия с тела втертого в него масла, а это уже один из явных показателей общественной коллективной физической культуры; туалетные коробочки (так называемой «почковидной формы») могли воспроизводить отпечаток бычьего копыта, что, не вдаваясь в подробности, выводит на широкий круг параллелей в индоевропейском фольклоре, где отпечатки копыта любого животного могут иметь сложную культовую нагрузку.

5. Создание стандартных, но специфических форм украшений и ритуальных предметов, отличных от изделий ближневосточных и переднеазиатских мастеров.

6. Появление предметов, имеющих формальные и технологические соответствия с ремесленными изделиями ближневосточного мира: в частности, печатей и т.п.

7. Четкие внешние связи, прослеживаемые по наличию достоверных импортов на памятниках, по распространению стандартных форм грузового колесного транспорта, по трассам протяженных древних дорог, связанных с поставками определенных видов сырья и промышленной продукции из первичных культурных центров на перифе-

рии цивилизаций или на территории вторичных цивилизаций.

8. Условием объективным, но достаточно трудно уловимым, является распространение на территориях вторичных цивилизаций того набора художественных изделий первичного культурного центра, которые в своей семантической и ритуальной специфике сохраняют сущность духовных представлений, присущих популяционной среде первичных центров.

Видимо, с распространением и укреплением этой цивилизации связана организация систем каналов, которые, очевидно, изначально были необходимы для того, чтобы создавать комфортные условия проживания и достаточную аграрную базу для огромного в пределах своего времени популяционного урбанизированного демографического массива, а затем уже по мере убывания плодородия и аридизации региона, чтобы еще некоторое количество времени поддерживать умирающую цивилизацию. Я не считаю закономерным привлечение случайных полумифологических параллелей, но обратить внимание на то, что раскопками среднеазиатских специалистов приоткрывается картина, рисующая совершенно особый уровень развития доисторической культуры прошлого на территории большей части Среднего Востока, крайне необходимо еще и потому, что в исторической научной мифологии такая умирающая и умершая цивилизация известна – это Атлантида. И абсолютно неважно, что у Платона речь идет об острове! Островом часто именовалось замкнутое обособленное пространство среди суши, а вовсе не обязательно пространство суши среди волн. Неважно, по сути, и то, что у Платона речь идет об уничтожении цивилизации водной стихией: ведь это миф, прошедший века бесписьменной традиции, и изменения в нем деталей на привычные в определенной среде – это естественный процесс мифотворчества.

Однако состояние публикаций пока еще не отвечает тем условиям, которые необходимы для того, чтобы специалисты, непосредственно не участвующие в работах, могли на равных с первооткрывателя-

ми вести обсуждение подобных наиболее принципиальных моментов.¹ Моя задача более частная и конкретная.

Уже в течение последнего десятилетия сравнительно характерной находкой в ближневосточных и туркменских памятниках стали каменные составные статуэтки и подражания им, выполненные из глины (Сарианиди, 2001, рис. 3, 4-6; 2002, с. 142). Находки образцов подобных статуэток в могилах некрополя Гонура несомненно являются перспективным материалом для специального рассмотрения. Тип изображения, одежда, поза, составные части, вставные элементы, особенности портретного изображения, способ соединения его с корпусом статуэтки, индивидуализация портрета – все это черты культового портрета предка, который становится частью в традиционном развитии культовых образов и представлений от индивидуального реального изображения предка к его обобщенной передаче. Что в дальнейшем, при следовании Эвгемеровой традиции, может превратить предка в божество.

Эти статуэтки, изготовленные обычно из мягкого камня или отлитые из тонко отмученной глины, представляют собой статуарные изображения сидящей фигуры в типичных для месопотамской цивилизации III тыс. до н. э. одеждах. Это широкая юбка, обозначенная несколькими рядами горизонтально расположенных крупных клиньев из неизвестного материала. Предположений о том, какой это был материал, делалось достаточно много. Подозревали, что это баранье руно или пальмовые листья или еще какой-то, так и не опознанный грубый текстильный материал. Часто изображения мужских фигур, одетых в такие юбки, не несут на себе никаких иных одеяний, однако на вышеуказанных статуэтках аналогичной же одеждой покрыта и верхняя часть тела фигур. Представляется, что это некий изготовленный из того же материала джемпер, на который сверху сзади наброшена накидка из того же мате-

риала. Фигуры сами по себе составные (иногда бывают и монолитные). Одна часть передает ноги и сидалище, а поставленная на нее сверху часть обозначает торс фигуры. Впереди с боков под накидкой оставлены отверстия, в которые с помощью штифтов вставляются соразмерные модельки рук. В верхней части такой фигуры между плеч проделано глубокое отверстие, окруженное несколько углубленной в тело фигуры закраиной. Полностью сохранившиеся статуэтки завершаются специально выполненной головкой, которая на длинном продолжении шеи вставляется в тело основной фигуры. Количество подобных находок на некрополе Гонура невелико, однако именно они связывают эти небольшие статуи с периодом конца III - начала II тыс. до н. э. (Winkelman, 1999). К сожалению могилы, в которых они обнаружены, обычно разграблены. Но это не уменьшает значимость таких фигур, чьи лица напоминают классические образцы шумерийского, южномесопотамского портрета и явно связаны с другими видами маргианского и бактрийского искусства. Это т.н. бронзовые ажурные печати, достаточно широко представленные в случайных находках и в отдельных захоронениях Гонура. На одной печати изображена сидящая богиня со стерегущими ее двумя крупными хищниками. На другой передана сцена, где такая крупная сидящая, по всей видимости, женская фигура противостоит маленькому изображению мужчины-прислужника, протягивающего ей типичный гонурский кубок, и более мелкой женской фигуре в аналогичном же одеянии, которая, является изображением прислужницы. Вопрос о степени сакральности указанной сцены в некотором роде зависит от понимания назначения данных изделий. Печать – понятие условное. На оборотной стороне всех таких печатей, которые отличаются очень небольшим размером, не превышающим, обычно, 3 см, представлена петелька из согнутой металлической пластинки. Отчетливо определить место печатей в убранстве могилы или в составе одеяния соответствующих погребенных почти не удается. Однако антропологические данные позволяют говорить (Сарианиди, 2001,

¹ Достаточно просмотреть статьи В.И. Сарианиди и Н.А. Дубовой в данном томе, чтобы понять, как много нового, неожиданного, непредсказуемого вносит в формирующуюся общую картину каждый сезон раскопок.

с. 63), что эти печати встречаются исключительно в захоронениях женщин условно половозрелого возраста (от 12 лет и до старости). Допустимо высказать предположение, что эти и аналогичные им печати являлись медальонами-застежками верхней одежды, быть может, только накидки, которая изображена на статуэтках. Если это так, то вряд ли следует особенно активно выпячивать сакральный характер этих изображений и особенно в тех случаях, когда рельеф передает бытовую сцену. Это не исключает возможность использования таких предметов как печатей-личных знаков их владельцев (или владелиц). Характерно, к примеру, что в гончарстве катакомбной культуры южно-русских степей оттиски бронзовых пуговиц образуют целые орнаментальные ряды.

Очень трудно без соответствующего могильного антуража, который почти полностью нарушен грабителями, реконструировать даже отдельные части могильного убранства или древнего костюма. Вообще вопрос о древнем костюме ближневосточного, месопотамского, древнеиранского и туркменского населения привлекает активное внимание исследователей. Однако характерно, что изображение костюма служит сейчас чаще всего в качестве основы для структурирования неких манекенов, снабженных очень условным одеянием, которое специалистами не анализируется с точки зрения как его материала, так кроя и деталей убранства. Этим особенно грешат тома по истории Древнего Востока, изданные под редакцией И.М. Дьяконова (1988-1989), а также небольшая книжка И.В. Богословской (1993), посвященная одежде населения ближневосточных народов в эпоху их активных культурных контактов с Древним Египтом. Впрочем, в этом последнем случае, такой подход оправдан тем, что конструкция одежды передается на иллюстрациях в соответствии с изображениями ее на древнеегипетских рельефах Нового царства, на которых очень аккуратно и скрупулезно фиксируются внешние особенности чужеземных одеяний. Однако «печати», как и соответствующие статуи и статуэтки, судя по разнообразию набора образов, изготовленные внутри той

культурной среды, в которой данные одеяния по всей видимости в какое-то время использовались, заслуживают более углубленного внимания и анализа. Характерно, что в шумерийском искусстве юбки из неизвестного материала и какие-то одежды, производящие впечатление кожаных, являются практически единственной формой либо обыденных стандартных, либо ритуальных одеяний. Несколько иной характер носит изображение раннеаккадского семитического круга, где персонажи выступают либо в ниспадающих сплошных, видимо, тканых одеждах или кожаных одеяниях, столь же сплошных и закрытых, либо в одеждах, изготовленных из узких полос материи, ниспадающих друг из-под друга от шеи до пят (так представляют обычно древнеаккадских божеств).

Таким образом, традиция изготовления одежд в некотором роде увязывается с историей древнеаккадского производства тканей. Можно полагать, что разница в передаче одежд имеет достаточно глубокий сакральный смысл. А именно, изображение богов и богинь в «многоэтажных» длиннополых платьях появились еще тогда, когда ткацкое производство в соответствующих месопотамских областях еще не получило полноценного развития. Ткали, по всей видимости, достаточно узкие в 35-40 см длинные дорожки из материи и потом сшивали их одну с другой так, чтобы смоделировать одежду по фигуре. Когда же появились широкие в 1 м и более льняные, хлопковые и, возможно, шерстяные ткани (которые, как мы знаем, древнемесопотамский центр экспортировал в большом количестве через пустыни в страны Передней Азии и Ближнего Востока) бытовые одеяния были уже настолько повсеместны, что их моделировали по современным бытовым образцам, тогда как наряды богов оставались традиционно архаичными. Во всяком случае, распространение на территории Туркмении именно месопотамского типа одежды свидетельствует о круге связей, которые имели эти страны в момент утверждения своей культуры и ее стабилизации. Конечно, остается гипотетичным вопрос об изготовлении соответствующих предметов именно на территории бактрийско-маргианской общно-

сти. Но, пожалуй, изобилие здесь аналогичных предметов даже при отсутствии находок соответствующих производственных мастерских скорее свидетельствует в пользу наличия автохтонного производства. Не исключено, что вскоре и мастерские будут найдены. Нельзя исключить, что создание самой по себе гонурской маргиано-бактрийской цивилизации связано именно с периодом, когда в Месопотамии идет активная борьба между изначальным шумерийским населением и активными группами кочевых племен аккадо-семитских культур. Очевидно к этому же времени относится и крупное передвижение шумерийских групп в районы Закавказья, документированное как распространением в этом регионе месопотамско-ближневосточных серебряных художественных изделий, так и некоторых видов шумерского вооружения и боевых повозок-колесниц, ставших в дальнейшем частью закавказских культурных комплексов эпохи бронзы.

Однако эти вопросы сами по себе требуют очень пристального рассмотрения. Мое же внимание привлекло именно сочетание стандартной фигурки – безразлично составной или монолитной – с индивидуальным портретным изображением.

Недавно в печати была представлена гипотеза, ничем абсолютно не обоснованная, будто бы две основные разновидности андроновской культуры восходят к бактрийско-маргианским, гонурским памятникам. Обычным явлением в производстве таких гипотез в наше крайне невежественное время является полное пренебрежение реалиями, фактическими данными, оперирование исключительно пустыми бессодержательными понятиями. Как, почему, каким образом культура оседло-земледельческого населения с развитыми типичными особенностями производственной деятельности, в частности, с круговой крайне разнообразной керамикой, вдруг «раздваивается» и порождает две весьма различных по материальной культуре формы андроновского развития. Такая эквилибристика вполне в духе марровского «учения о языке» с его стадиями культуры и о «палеонтологии речи», когда между соприкасающимися эпохами могут полностью отсутствовать

какие бы то ни было материальные и духовные связи, или постмодернистских научных установок, но совершенно неприемлема в серьезной научной работе.

Однако, для эпохи бронзы не приходится при этом отрицать весьма протяженные и разнонаправленные культурные связи. И вот для Гонура можно найти весьма показательную прямую параллель в сибирских материалах. В окуневских памятниках Хакасии неоднократно обнаруживаются столбчатые стеатитовые и агальматолитовые стержни, один из концов которых оформлялся в виде скульптурной человеческой головы с весьма индивидуализированными портретными чертами лица (Вадеев, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 1-10; Окуневский сборник, 1997, с. 281, 293). Сам стержень имеет легкую полировку, но часто на нем видны следы лезвия, которым вырезывался портрет и оформлялась вся фигурка. Т.е. большого значения этой части стержня резчик не придавал, не обрабатывал ее столь же тщательно, как голову и лицо изображения. Лишь в одном случае на противоположном от головы конце стержня имеется ушко для подвешивания. Обычно же стержень заканчивается скруглением или даже сломом. Все это позволяет думать, что стержень вставлялся в какую-то полость, из которой выглядывала лишь головка фигурки. Имея гонурские аналогии вставных деталей, правомерно реконструировать в целом составной предмет, для которого изготавливались окуневские стержни с головками: это могла быть **составная статуэтка**, но выполненная из какого-то тленного материала. Высказывалось предположение, что это могла быть тряпичная кукла.

Эти головки на стержнях встречаются при детских захоронениях и, как я уже отмечал, вместе с портретными изображениями на плоских костяных пластинах, могли попадать в захоронения детей, с которыми пресекался родовой культ, когда его некому было уже наследовать из-за прекращения прямой нисходящей линии родства (Кожин, 1973, с. 14; 1987, с. 102, примечание 13.11). Конечно, приведенные аналогии разделяет гигантское расстояние, но в подвижной кочевой среде большие

расстояния не играли такой обособляющей, изолирующей роли, какую им порою приписывают. Достаточно вспомнить быстрое распространение на большие территории и даже в неродственной по культуре и языку среде различного рода мистических тайных культов среди туземного населения Африки и Северной Америки. Приведенная здесь аналогия может быть тем более убедительной потому, что окуневская культура является в Южной Сиби-

ри единственной, где оказывается известно **серебро**, а, кроме того, в ней встречаются отдельные захоронения черепов и безголовых скелетов, что также связывает ее со специфическими формами культа предков, чуждыми основным популяциям этого региона (Кожин, 1987, с. 92, 93). Полагаю, что этот практический вопрос вскоре решится, благодаря ведущимся в Сибири интенсивным полевым работам.

Литература

- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
- Кожин П.М.* Археологические обоснования палеодемографических реконструкций. М., 1973.
- Кожин П.М.* Значение материальной культуры для диагностики процессов доисторического этногенеза // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987.
- Массон В.М.* Алтын – дөпө. Л., 1981.
- Окуневский сборник.* СПб., 1997.
- Сарианиди В.И.* Геоксюрский некрополь // Новое в советской археологии. М., 1965, С. 102 – 105.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1978.
- Сарианиди В.И.* Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Cannon G.* The Life and Mind of Oriental Jones. Sir William Jones, the Father of Modern Linguistics. Cambridge, 1990.
- Jones Sir William* // The Penny Cyclopaedia of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge. Vol. 13. L., 1839.
- Mallory J.P.* In Search of Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. L., 1989.
- Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European origins. L., 1987.
- Stacul G.* Prehistoric and protohistoric Swat, Pakistan. Roma, 1987.

OXUS CIVILISATION CULTURAL VARIABILITY IN THE LIGHT OF ITS RELATIONS WITH SURROUNDING REGIONS: THE MIDDLE BRONZE AGE

The Oxus Civilisation¹, whose impressive geographic expanse is now widely accepted², needs to be carefully analysed under the lenses of production variability. The aim of this paper, offered to Victor Sarianidi who let me firstly work in his Margiana «kingdom» in spite of the distance between the respective archaeological approaches, is to provide some analytic tool to face convergence and divergences inside the wide regional cultural system between Middle and Late Bronze Age (2350-1500 BC). We will also try to understand differentiated regional involvement in the many relationships, attested by the archaeological record, with the Iranian plateau, Elam, the Indus Valley, and the Gulf coast of the Arabian Peninsula.

¹ We are using here the label “Oxus Civilisation”, but with some caution because it implies a geographic barycentre shifting to the expense of the southern Turkmenistan piedmont and, at a lesser extent, of the Murghab area. In both these areas large urban centres developed between Early and Middle Bronze Age. On the contrary we are not in favour to use the BMAC (Bactrian-Margiana Archaeological Complex) label because emphasising regional names it produces an even stronger marginalisation of the southern Turkmenistan piedmont and moreover because its current use favours a perception of the cultural integration of the area only as a Late Bronze Age phenomenon.

² Since the Middle Bronze Age it encompasses the southern Turkmenistan piedmont (Altyn-depe, Namazga-depe etc.), the Murghab river upper course and deltaic fan, southern Uzbekistan and Tajikistan facing the Amu Darya and its right tributaries, and northern Afghanistan (Daulatabad, Dashly, Nichkin and Farukhabad oases).

Prospecting activities and colonisation policies already involved Chalcolithic communities of the southern Turkmenistan piedmont and the Tedjen delta. Since Middle Chalcolithic times discrete groups moved from the Tedjen to the middle Zeravshan river course and settled there possibly looking for mineral resources in the upriver mountainous area (Isakov *et al*, 1987). A.I. Isakov (Исаков, 1991) excavations at Sarazm, brought to light, in the oldest site layers (Period I), potsherds strictly related to the pottery production of late Middle and early Late Chalcolithic of the Tedjen delta and the southern Turkmenistan piedmont (Lyonnet, 1996).

Southern Turkmenistan piedmont Middle-Late Chalcolithic groups seem to be responsible for the presence of Late Chalcolithic materials both at Shahr-i Sokhta (Bonora *et al*, 2000; Sarianidi, 1983), in Iranian Sistan, and at Mundigak (Casal, 1961) in Afghanistan. Unexpectedly this Chalcolithic wave leaves no traces in some agriculturally suitable areas like the Murghab delta which is on the route to Sarazm. Two possibilities can be envisaged to explain the gap. A first one can be related to the basic metal prospecting character of the Sarazm colonisation which would exclude the Murghab delta were no mineralization deposits can be found. A second possibility may be linked to a bias in the archaeological research: more than thirty years of intensive archaeological exploration of the area failed to find the evidence of the Chalcolithic and Early Bronze Age exploitation of the Murghab floodplain, but it could still be buried under the sea of sand which covers the northern sector of the delta. Indeed, very few but meaningful findings can be claimed to support such an hypothesis: the Chalcolithic pottery figurine collected

by Emil Masimov in the Kelleli area (Kohl, 1984, Pl. 14a at the centre of the lower row) and some Early Bronze Age painted potsherds found in the same north western sector of the delta (Udeumuradov, personal communication).

The lack of Chalcolithic and Early Bronze Age evidence in Margiana rises a good deal of questions on the origin of the peopling of the area. Not much different is the case of southern Bactria where, apart from a well attested presence of Mesolithic-Neolithic groups (Виноградов, 1979), the first settlement in the area can be dated to the Middle Bronze Age thanks to the archaeological evidence brought to the attention of the scientific community by the materials coming from the looted graves of the area (Pottier, 1984; Amitet, 1978, 1988). Inadequately planned survey strategies and old fashioned excavation methods are possible explanations for southern Bactria archaeological data biases³. Waiting for future researches to be conducted in northern Afghanistan, we can use the available C¹⁴ dates from Sarianidi (Сарианиди, 1977) and Askarov (Аскарлов, 1973, 1977) excavations to hypothesise the presence of an Early Bronze age cultural phase and to suggest a Middle Bronze Age date for the Sapallitepe and Dashly 3 «palaces».

There is no doubt about the picture of a strong Middle Bronze Age cultural homogeneity embracing the southern Turkmenistan piedmont, the Murghab delta, the northern Afghan deltas and southern Uzbekistan and Tajikistan drainage systems facing the Amu Darya.

Nevertheless, at a careful analysis such a cultural homogeneity hides differences we interpret as regional cultural developments while other researchers ascribe to chronologi-

cal scaling. With the present contribution we will analyse discontinuity on selected classes of the material production in a regional variation perspective.

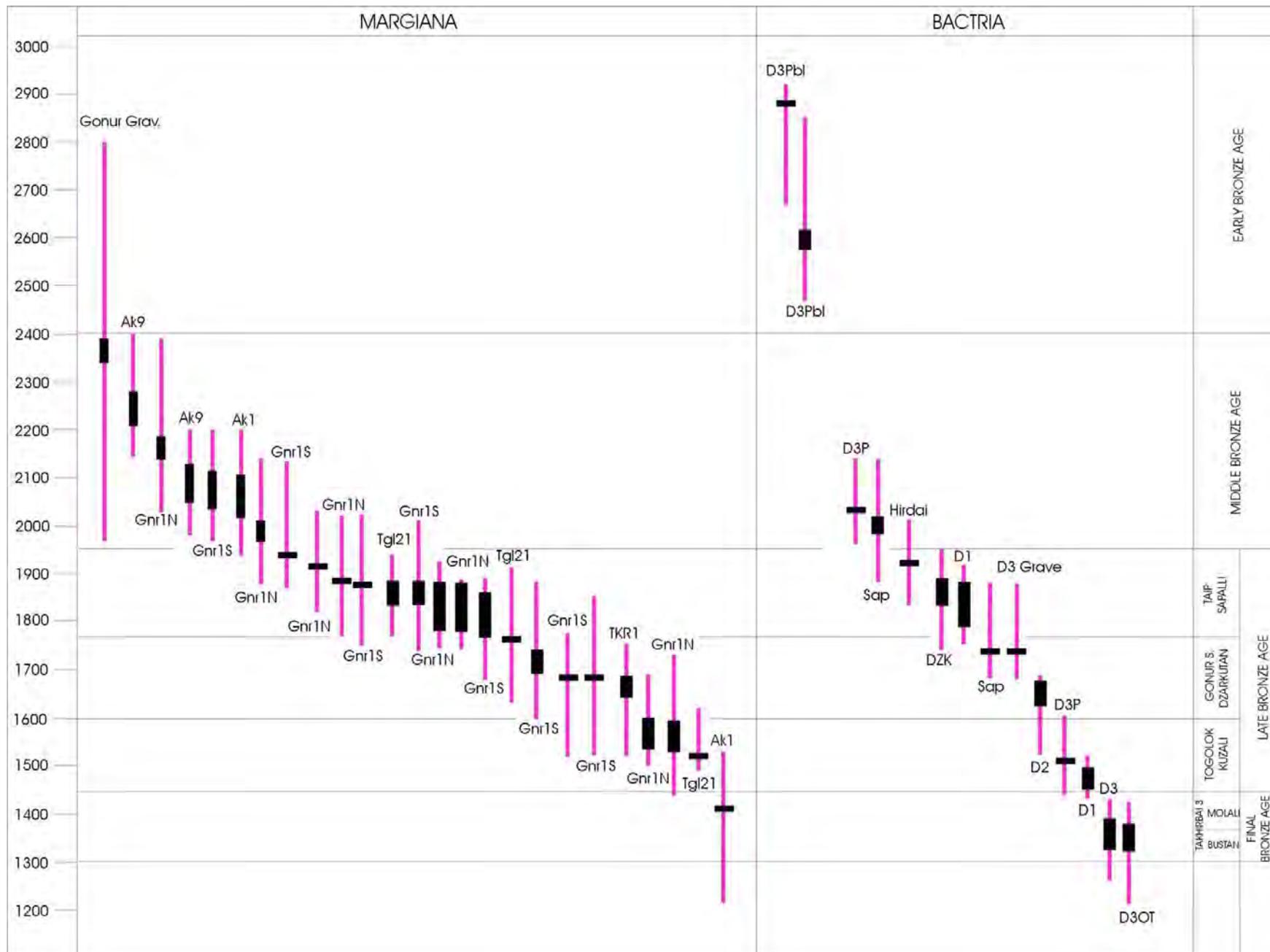
Pottery production. An overview.

The problem of Middle Bronze Age pottery production in Margiana and the southern Turkmenistan piedmont has been studied in a conclusive way by V. Udeumuradov in a book published in 1993 (Удеумурадов, 1993)⁴. The typological convergence of the pottery production from Altyn-depe Namazga V period, and various sites of the Murghab delta like Kelleli, the Middle Bronze Age graveyard at Gonur (Salvatori, 1993, 1994a, 1994b, 1995) and the Adzhi Kui 9 settlement (Salvatori, 2002) is very strong. Nevertheless, regional specific traits have to be highlighted. We refer to the high presence of biconical carinated beakers at Altyn (Masson, 1988, Pl. XXXI), a type almost absent in Margiana and on the contrary to the absence at Altyn of high necked jars with long vertical spout known from the Gonur Middle Bronze Age graveyard (Sarianidi, 2001, Pl. 14 upper row). Unfortunately, the lack of quantitative data in the excavation reports prevents any statistical approach to be used describing convergence and divergence in pottery production from the two regions. We can even tell less about Bactria. Indeed, Bactrian Middle Bronze Age is only known through the materials coming from looted graves of northern Afghanistan.

Unfortunately as the antiquary market was mainly interested on metal and stone artefacts, very few pottery vessels coming from the plundered Bactrian graves have been published yet. Indeed, some European private collection includes unpublished Bactrian pottery vessels which share strong affinities with Middle Bronze Age Margiana specimens, with

³ As well substantiated by Ph. Kohl, northern Afghanistan Soviet surveys had no systematic character. Large open *takyrs* well visible from satellite imageries has not been visited at all. Such dreadful limits which affect the archaeological record concerning population dynamics in the region does not allow to use it "...to prove the thesis that emigration from southern Turkmenistan alone was responsible for the emergence and development of Bronze Age communities in north-western Afghanistan" (Kohl, 1984, p.160).

⁴ Only the publication of a pottery sequence from the Gonur 1 North settlement could add new information superseding Udeumuradov work. Unfortunately the more recent Sarianidi' publications (Sarianidi, 1998) on his excavations of this key site show a very low attention to stratigraphic features.

differences concerning almost exclusively clay types and firing and a prevalence of unslipped oxidised bodies. When slip is present it conforms to the white slip recurrent on the Margiana production.

The most probable corridor connecting Margiana to southern Bactria seems to be the Murghab river course. Midway along this road the Takhta Bazar graveyard (Удеумрадов, 1993) yielded a material assemblage which shows the most characteristic features of the Margiana Middle Bronze Age cultural phase.

Differences in pottery production of the three above mentioned areas of the Oxus Civilisation seem at present very limited and could be considered as a physiological response to regional adaptation of the production system.

Clay anthropomorphic figurines.

Female terracotta figurines provide a measure of regional diverging developments. The general layout of the figurines is the same in the southern Turkmenistan piedmont and in Margiana, but in each region very peculiar lexical traits developed which allow to easily divide the two productions as firstly noticed by V.M. Masson (1988, pp. 92-3; 1996, pp. 40-41). The Altyn-depe production is characterised by the use of long hairs arranged in a flowing plait along the back and two plaits along the breast (Masson, 1988, Pls. VIII, IX). Margiana female figurines are on the contrary characterised by a triangular head, often with two holes on the larger side and no traces of applied rolls to portrait the hair (Сарианиди, 1990, Pls. XVI-XXII; 2001: Pl. 3:7-9). Contemporaneity of the two productions is proved by the recovery of few Margiana types at Altyn-depe (Masson, 1988, Pl. IX.3, 7; Удеумрадов, 1993, Fig. 21).

No one female terracotta figurine is presently known from southern Bactria. It can be tentatively explained by the fact that Middle Bronze Age material from the last region is coming exclusively from graves and that terracotta female figurines have been rarely found in graves both in Margiana and the southern Turkmenistan piedmont sites.

The lack of this specific class of materials from Bactria is unfortunately restrictive in

any attempt to measure its variability inside the borders of the Oxus Civilisation.

Cylinder seals

We have discussed the metal stamp compartment seals in a previous work (Salvatori, 2000) and thus we limit ourselves to the otherwise very important class of cylinder seals. As well known, cylinder seals are rarely found to the east of Mesopotamia during the second half the 3rd millennium BC, except for the Elamite area. We have clearly here the frontier line between two different traditions spatially dividing a cylinder seal area from a stamp seal one.

The few known cylinder seals from Central Asia and dating to this period come from southern Bactria (Winkelman, 1997, Fig. 1a-c) and Margiana (Gonur graveyard, 2 specimens: Sarianidi, 2001: 197 and Pl. 10.7; 2002: fig. at p. 278). Surface finds: 1) Gonur graveyard: Sarianidi, 1998, Fig. 27.3; 2) Site 1220: Salvatori, n.d.; 3) Togolok 1 (2 specimens): Сарианиди, 1990, Pl. LXXXV.12; 3; 7.

One of the Gonur seals bears a cuneiform inscription and from a stylistic point of view denounces it being an import from Elam dating to the post-Sargonid Akkadian period⁵. The other two specimens pertain to a well known group from Yahya IVB (Pittman, 2001, Figs. 10.46, 48-49, 51; Lamberg-Karlovsky, 2001, p. 273), Shahdad (Hakemi, 1997, Graves 163, 166, 193), and, more generally, from south-eastern Iran (Amiet, 1986, Figs. 133, 134, 137). A seal from Bactria recently published by S.Winkelman (1997) must be attributed to the same group.

The two cylinder seals from Gonur are surely coming from Middle Bronze Age graves and are dating to a period between 2350 and 2100 (the publication of grave contexts would help much in a more precise chronological span). Such a chronological attribution fits pretty well with a recent analysis of the Yahya specimens offered by C.C. Lamberg Karlovsky (2001, p. 271-3).

The importance of these seals is mainly on their distribution. The seal is a functional ob-

⁵ A first reading attempt of the inscription has been provided by T. Sharlach (Sarianidi, 2002, p. 334).

ject which encapsulated the notation of the user/owner identity⁶ and thus we can conclude that the group of seals we referred above could denote individuals operating inside a same cultural and activity sphere. The distribution of these seals from Susa to Yahya and Shahdad, from Margiana to Bactria describes a route along which specific commercial transactions have been conducted under the umbrella of a well fixed trading network. An analysis of the small cosmetic chlorite pots lead to the same conclusions (Salvatori, 2003)⁷.

Stone miniature columns and stone long rods.

A further element connecting the Oxus Civilisation with Iranian plateau, the Elamite area, southern Afghanistan and the Pakistani Baluchistan is provided by stone miniature columns and stone long rods.

Miniature stone columns, whose practical and/or ideological and/or ritual use and meaning is still a matter of discussion, seem to be distinctive symbolic objects acting as a link among political and/or commercial élite of the different urban centres of the above described areas. We think it is necessary to put forward their analysis taking into account not only the archaeological contexts but also the different value contexts assume to describe both their chronology and meaning.

Miniature columns.

Primary contexts:

Specimens from the Margiana Middle Bronze Age Gonur graveyard (some of these have been published in Sarianidi, 2002) and from the Shahdad graveyard are included in this group. Twenty-one specimens have been

found at Shahdad⁸. The association with other materials in the Shahdad and Gonur graves suggests a date between 2350 and 2100 BC.

A single column has been apparently found at Togolok 24, Grave 30 (Сарианиди, 1990 Tab. LXXXIX.19). Only a rough plan of this grave have been published (*Ibidem*, Tab. LV) and only one of the vessels from the grave furniture have been illustrated (*Ibidem*, Tab. LVII.16). This grave would be the only Late Bronze Age primary context for this kind of object.

One more miniature column was found at Dashly 3, but we have only very undetailed information about the finding context (Сарианиди, 1977, p.101; Deshayes, 1977, p. 101, note 6).

Other 3 specimens come from Excavation 9 at Altyn-depe dating, for their stratigraphic position and cultural context, to the Namazga V period (Masson, 1988, Pl. XXXV.1-3) and another one comes from Grave 362, dating to the same period (Алекшин, Кирчо, 1997: Fig. 60).

Uncertain is the place to assign to the specimen from Excavation 7, Room 7, at Altyn (Masson, 1988, figs. 21-22, pp. 65-68). The contextual location could be classified both as a primary and as a secondary context of the type of the Treasure Hill at Tepe Hissar (see below).

Finally a miniature stone column was found at Kara-depe in a Namazga IV(?) context (Hiebert, 1994, p. 154).

A number of miniature columns were found at Tureng Tepe «..tant en place au sommet de la terrasse que dans le couche d'écroulement du monument...» (Deshayes, 1977, p. 99, fig. 4) and there dated to the beginning of period III C1.

Secondary contexts:

The specimens from Togolok 21 must be included into this group. V.Sarianidi (Сарианиди, 1990) has unearthed around 29 entire and fragmentary miniature columns in the central building of Togolok 21. Some of them were surely in a process of re-shaping to produce other kind of stone objects (Hiebert, 1994, p. 154)

⁶ We do not need to emphasise that in the Mesopotamian world the user/owner identity is often borrowed by mean of short inscriptions on the seal.

⁷ Not much different, except for the chronological layout, was the picture emerging from Pierre Amiet analysis. Furthermore the French scholar described the Sapalli and Dashly 3 architectures as trading compounds not different from the Assyrian *karum* and *wabartum* in Cappadocia (Amiet, 1986, pp. 194, 206).

⁸ Graves 57, 60, 75, 80 (2 specimens), 104, 134, 139, 176, 188a, 192, 201, 206, 211, 214, 277 (2 specimens), 280, 286, 294, 371.

which means that in the Togolok context the columns were used as a raw material for a secondary production activity.

A different context is that represented by the Tepe Hissar findings. Six specimens were found in Hoard I of Treasure Hill (Schmidt, 1937, figs. 96-97); at least one in Hoard II (*Ibidem*, figs. 98-99); and three more in the CF 37 building remains (*Ibidem*, fig. 132, pp. 216-219). The stratigraphic context of the findings has been dated to the Hissar III C period, but being «hoards» they could contain older materials (possibly Hissar III B) as usual for this kind of archaeological features.

Four miniature columns come from the Quetta hoard or «cenotaph»⁹ (Jarrige, Hassan, 1989, p.153, figs. 4-5). The Bactrian-Margiana pottery vessels from this deposit are typologically dating to the Late Bronze Age. Nevertheless, the archaeological feature and the presence of golden lamina scrap (Jarrige, 1987, fig. 2) point to a hoard context. The other materials from the Quetta deposit have a clear mixed character with different period objects like the older sub-cylindrical bowls on high stand and pieces from a composite Bactrian stone figurine.

*De-contextualised or not determined
finding contexts:*

Susa: 2 specimens (Amiet, 1986, figs. 97.4, 101, 102).

Southern Turkmenistan piedmont: one miniature column from Tekkem-depe (Kohl, 1984, p. 141, Pl. 20a); unpublished context.

Surface finds in archaeological sites.

Iranian Sistan:

Shahr-i Sokhta: Square XLM (4 specimens) (Tosi, personal communication).

Tepe Abdali: 2 specimens from the site surface (Tosi, personal communication).

Surface finds from clearly

non-prehistoric sites:

Southern Afghanistan:

Godar-i Shah, Shela Rud (Besenval, Francfort, 1994, fig.1.9);

Chah Ismail: (Balsan, 1972, fig. at p. 207).

Antiquary market:

Southern Bactria:

(Pottier, 1984; Sarianidi, 1977; 1993a fig. 6; Amiet, 1986, figs. 157-158)

As it seems clear from the above reported list, the archaeological contexts in which miniature columns were found of different kind and of intrinsically different on the chronological as well as on the explicative ground. Problems raised by these specific objects will be discussed together with those connected with the long stone rods. Miniature columns and long stone rods are, in fact, often associated in some primary context.

Sub-cylindrical stone rods:

Primary contexts:

Middle Bronze Age Gonur graveyard (sometime in association with miniature columns as in the case of Grave 1500: Sarianidi, 2002, fig. at pg. 228).

Altyn-depe: Grave 362 dating to the Namazga V period and associated with a miniature column (Алекшин, Кирчо, 1997, fig. 60).

Shahdad graveyard (sometime associated with miniature columns)¹⁰.

Secondary contexts:

At least two specimens are recorded from Tepe Hissar, Treasure Hill Hoard I (Schmidt, 1937, figs. 96-97), together with miniature columns and stone disks.

Numerous fragmentary specimens from the Quetta hoard or «cenotaph» (Jarrige, 1987, fig. 4; Jarrige, Hassan, 1989, fig. 4) together with four miniature columns, a stone disk and a stone «sceptre» similar to that found in Room 7, Excavation 7 at Altyn-depe (Masson, 1988, Pl. XXXV.5).

Antiquary market:

Southern Bactria (Pottier, 1984, Pl. 5).

⁹ The disk-shaped object from the same context can be compared with similar items from Shahdad graves (Grave 203: Hakemi, 1997); from Hoards I and II, CF 37 sector and from a III B period room at Tepe Hissar (Schmidt, 1937); from the de-contextualised materials from the Shela Rud in southern Afghanistan (Besenval, Francfort, 1994, fig. 1.9).

¹⁰ Graves 75 (with miniature column), 142, 193, 206 (with miniature column), 211 (with miniature column), 267, 274: Hakemi, 1997.

When we consider primary contexts, it turns out that miniature columns and long stone rods are dating to the second half of the 3rd millennium BC and are often found together in graves. Their relatively high frequency in burial contexts is likely to denote the individuals as involved in an international trade network more than characterise them as members of a political *élite*. These objects could be part of ritual paraphernalia attached to a specialised group of people involved in commercial transactions. Their intrinsic value was clearly high even after their decontextualisation during the Late Bronze Age. They were collected and saved in hoards together with other precious objects or materials like golden objects and fragments in the Quetta Hoard or bronze objects in Hoard I at Tepe Hissar. Their reuse as raw material, as at Togolok 21, imply a change in social organisation of trade and possibly in the political order of the Oxus Civilisation which produced a lesser control on raw material sources.

Concluding remarks.

The data at hand, though different in quantity and quality according to the areas involved, allow us to isolate three specific phases of the Oxus Civilisation each characterised by proper assemblages both on a typological and stylistic grounds and by very peculiar socio-economic and political organisation models.

Leaving aside the first phase (Ancient Bronze Age) which at present is known only in the western regions of the Oxus Civilisation (Kohl, 1984), during the Middle Bronze Age we assist at the rising of protostate developments along lines of a centralised political and administrative organisation at a sub-regional level. The settlement pattern we observed in Margiana during this period (Salvatori, 1998) was centred on the Gonur 1 North site, the larger and better fortified town and palace of the region. Around it a series of second level fortified sites is placed according to a modular pattern which fits well the rules of the Christaller's theory. Second hierarchical level site distribution of the Middle Bronze Age and their fortification structures leave no doubt about the chiefdom-like structure of human aggregates involved in a innovative at-

tempt toward an higher and more centralised system based on the presence of a larger, coordinating centre.

This new territorial framework controlled by a central place whose political and administrative role is highlighted by the huge palace placed at the centre of the Gonur 1 North town is for us a clear symptom of an ongoing process toward a protostate organisation level. We can consider the presence in the Gonur 1 North archaeological assemblage of clay tokens (Sarianidi, 1998, fig. 41), usually thought to be an index of embryonic administrative and accounting systems (Schmandt-Besserat, 1992) and of a developed writing system (Клочков, 1995)¹¹ as a confirmation of an ongoing process toward a protostate organisation.

A strong political integration produces a feasible capacity to mobilise new organisational forms on different key production compartments like primary production (ascertained presence of artificial canals around Gonur and elsewhere in Margiana), luxury items production (bronze, gold, silver metallurgy; stone and semiprecious stone craftsmanship) and involvement in trading networks. Protostate organisation seems to promote the entrance of the Oxus Civilisation into an "international" network which encompass the Indus Valley, the Iranian plateau, Elamite Khuzistan, though in a period of Akkadian political and cultural dominance, and possibly Sumerian-Akkadian Mesopotamia¹². Merchants from the Oxus Civilisation centres are surely present at Shahdad where they seem to be a well integrated group together with tradesmen from Susa and the Zagros (as

¹¹ We can add the presence at Altyn-depe, Khapuz-depe and Taichanak-depe, on the southern Turkmenistan piedmont, of a *corpus* of signs which can be considered writing or better a proto-writing system (Masson, Sarianidi, 1972, fig. 31).

¹² The cylinder seal we found on the surface at site 1220 in the Murghab delta (Salvatori, n.d.) is an unequivocal prove of a direct contact with Mesopotamian prototypes even if we cannot be sure that the contact occurred in Mesopotamia or in western Elam.

evidenced by Susa IVa and Godin III.6 pottery vessels in the Shahdad graveyard: Hake-mi, 1997, grave 116) and possibly from the southern shore Gulf. Moreover, the “Iranian” cylinder seals found in Margiana and Bactria, prove a presence of Iranian merchants in the Oxus Civilisation towns. It also suggests that the two-way trade network was more stable and effective. The same can be said about the trading network linking the Oxus centres with the Indus Valley towns. Compartmented bronze stamp seals of Bactrian-Margiana type and manufacture have been found at Mohenjodaro (During-Caspers, 1994a, 1994b), while Harappan seals and other Indus Valley ivory objects have been found in Middle Bronze Age contexts at Altyn-depe and Gonur 1 North (Masson, 1988; Sarianidi, 1998). Further on a direct link between Oxus Civilisation and the Indus Valley is confirmed by the monkey recurrent motif on southern Bactria compartmented bronze stamp seals (Tanabe, 1983).

As largely proved by regional variability of specific material productions, Middle Bronze Age Oxus Civilisation is still a variegated world showing more or less fixed regional demarcations evidenced by craftsmanship productions and stylistic markers. The trade flux from and to the Iranian plateau which involves all the sub-regions of the Oxus Civilisation developed with a certain degree and possibly uneven regional autonomy such

to produce selective and discrete good flows (Salvatori, 2003).

The collapse of the centralised system between the Middle and the Late Bronze Age in the Oxus Civilisation areas, around or shortly after 2000 BC, seems to be a consequence of the protostate model failure with a revival of local chiefdoms political control. Late Bronze Age seems to open a new period marked by a political conservative upheaval which reaffirms tribe segments power on reduced territorial units. At the same time we see a strong change in defensive systems with the spread of new fortification architectures with circular towers and more powerful walls including a palace, dwelling and storage buildings and productive installations.

Apparently similar phenomena seem to be at work in others areas like Mesopotamian, the Iranian Plateau and the Indus Valley inducing macroscopic political changes or, at least, territorial reassessments. A main and archaeologically well visible consequence of the general political crisis is the loss of meaning of Middle Bronze Age material symbols of the international trading network. They are now de-functionalised both through hoarding and recycling processes. At the same time the residual trade flux mainly sustained by Bactrian centres seems to be diverted to the Indus Valley and from there to the sea route of the Gulf (Crawford, Al Sindi, 1995; Potts, 1993) with a significant detriment of the Iranian plateau routes.

Literature

- Алекшин В.А., Кирчо Л.Б.* Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии. С.-Пб., 1997.
- Аскарлов А.А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Виноградов А.В.* Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. М., 1979. Т. 2. С. 7-62.
- Исаков А.И.* Саразм. Душанбе, 1991.
- Клочков И.С.* Знаки на черепке с Гонура. К вопросу о маргианской письменности // ВДИ. 1995. №2. С. 54-60.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Удеумурадов Б.Н.* Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашхабад, 1993

- Amiet P.* Antiquités de Bactriane // La Revue du Louvre et des Musées de France. T. XXVIII. Paris, 1978. S. 153-164
- Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. Paris, 1986.
- Amiet P.* Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre Collection // Ligabue G., Salvatori S. (Eds.) Bactria. An ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venezia, 1988. S. 159-180.
- Balsan F.* Au Registan Inexploré (Sud-Afghan). Paris, 1972.
- Besenval R., Francfort H.-P.* The Nad-i Ali «Surkh Dagh»: A Bronze age monumental platform in Central Asia? // Kenoyer J.M. (Ed.) From Sumer to Meluhha. Contributions to the archaeology of South and West Asia in memory of George F. Dales. Madison, 1994. P. 3-14.
- Bonora G.L., Domanin C., Salvatori S., Soldini A.* The oldest graves of the Shahr-i Sokhta graveyard // Taddei M., De Marco G. (Eds.). SAA. 1997. Rome, 2000. P. 495-520.
- Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. I-II. Paris, 1961.
- Crawford H., Sindi K.A.I.* A Seal in the Collections of the National Museum, Bahrain // Arabian Archaeology and Epigraphy. 1995. N 6. P. 1-4.
- Deshayes J.* A propos des terrasses hautes de la fin du IIIe millénaire en Iran et en Asie Centrale // Gardin J.-C. (Ed.) Le plateau Iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. Paris, 1977. S. 95-111.
- During-Caspers E.C.L.* Widening horizons; contacts between Central Asia (the Murghabo-Bactrian culture) and the Indus Valley Civilization towards the close of the third and the early centuries of the second millennium B.C. // *Annali*. Vol. 54(2). 1994a. P. 171-198.
- During-Caspers E.C.L.* Non Indus Glyptic in a Harappan Context // *Iranica Antiqua*. 1994b. Vol. XXIX. P. 83-105.
- Hakemi A.* Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age centre in Iran. Rome, 1997.
- Hiebert F.T.* Origins of the Bronze age oasis civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.
- Isakov A.I., Kohl Ph.L., Lamberg-Karlovsky C.C., Maddin R.* Metallurgical analysis from Sarazm, Tadjikistan SSR // *Archaeometry*. Vol. 29. 1987. P. 90-102.
- Jarrige J.-F.* A Prehistoric elite burial in Quetta // *Newsletter of Baluchistan Studies*. 1987. Vol. 4. P. 3-9.
- Jarrige J.-F., Hassan M.U.* Funerary complexes in Baluchistan at the end of the Third Millennium in the light of recent discoveries at Mehrgarh and Quetta // Frifelt K., Sørensen P. (Eds.) SAA. 1985. Copenhagen, 1989. P.150-166.
- Kohl P.L.* Central Asia. Palaeolithic beginnings to the Iron age, Paris, 1984.
- Lamberg-Karlovsky C.C.* The Bronze age khanates of Central Asia // *Antiquity*. 1994. Vol. 68 (259). P. 398-405.
- Lamberg-Karlovsky C.C.* Excavations at Tepe Yahya: reconstructing the past // Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D.T. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millennium. Cambridge, 2001. P. 269-80.
- Lyonnet B.* Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris, 1996.
- Masson V.M.* Altyn-depe. Philadelphia, 1988.
- Masson V.M., Sarianidi V.I.* Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. London, 1972.
- Pittman H.* Glyptic Art of Period IV // Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D.T. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975. The Third Millennium. Cambridge, 2001. P. 231-68.
- Pottier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. Paris, 1984.
- Potts D.T.* A New Bactrian find from Southeastern Arabia // *Antiquity*. 1993. Vol. 67 (256). P. 591-595.
- Salvatori S.* The discovery of the graveyard of Gonur-depe 1 (Murghab Delta, Turkmenistan): 1992 campaign preliminary report // *Rivista di Archeologia*. T. XVII. 1993. P. 5-13.
- Salvatori S.* A late Third Millennium graveyard at Gonur Tepe 1 (Murghab delta, Turkmenistan) // Parpola A., Koskikallio P. (Eds.) SAA. 1993. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Series B, Vol. 271). Helsinki, 1994a. P. 657-666.
- Salvatori S.* Excavations at the Namazga V Late Graveyard of Gonur 1 (Murghab Delta, Turkmenistan). Preliminary Report on the 1993 field season // *Rivista di Archeologia*. T. XVIII. 1994b. S. 15-39.
- Salvatori S.* Gonur-depe 1 (Margiana, Turkmenistan): the Middle Bronze Age Graveyard. Preliminary Report on the 1994 Excavation Campaign // *Rivista di Archeologia*. T. XIX. 1995. S. 5-37.
- Salvatori S.* Margiana Archaeological Map: The Bronze Age Settlement Pattern // Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. (Eds.) The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95. Roma, 1998. P. 57-65.
- Salvatori S.* Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and a Typological Survey // *EW*. Vol. 50. 2000. P. 97-135.

- Salvatori S.* Project «Archaeological Map of the Murghab Delta» (Turkmenistan): Test Trenches at the Bronze Age Sites of Adzhi Kui 1 and 9 // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 8(1-2). 2002. P. 107-178.
- Salvatori S.* Spunti per una definizione dei sistemi di relazione tra l'Iran orientale e l'Asia Centrale meridionale. I flaconi per cosmetici in clorite: distribuzione e variabilità // *Studi in onore di U. Scerrato*. Napoli, 2003 (Forthcoming).
- Salvatori S.* Un nuovo sigillo cilindrico dalla Margiana: comunicazione e sincretismo nel circuito degli scambi // *Tra Oriente e Occidente*. Studi in onore di Elena Di Filippo, Padova, n.d. (forthcoming).
- Sarianidi V.I.* The Pottery of Shahr-i Sokhta I and its Southern Turkmenian Connections // *Tosi M. (Ed.) Pre-historic Sistan*. T. 1. Rome, 1983. P. 183-98.
- Sarianidi V.I.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi V.I.* Necropolis of Gonur and Iranian paganism. Moscow, 2001
- Sarianidi V.I.* Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab river. Ashgabat, 2002.
- Schmandt-Besserat D.* Before Writing. From Counting to Cuneiform. Vol. 1, 2. Austin, 1992.
- Schmidt E.F.* Excavations at Tepe Hissar (Damghan). Philadelphia, 1937.
- Tanabe K.* Animals in the Arts of the Ancient Orient. Tokyo, 1983.
- Winkelmann S.* Ein neues Trans-Elamisches Siegel // *AMIT*. 1997. Bd. 2. N 9. S.135-146.

A. Parpola
(Finland, Helsinki)

GANDHĀRA GRAVES AND THE GHARMA POT,
THE NĀSATYAS AND THE NOSE:
IN PURSUIT OF THE CHARIOT TWINS

Introduction

In September 2004, the veteran Greek-Russian archaeologist Viktor I. Sarianidi is 75. I am grateful to Professor Nadezhda A. Dubova for giving me this opportunity to congratulate my respected and dear friend on his jubilee day. Disregarding his age, Viktor Sarianidi continues his labour of love, indefatigable research into the past of Central Asia. During his long career, Viktor Sarianidi has made many remarkable discoveries, including the royal cemetery of the Kuṣāṇas at Tillya Tepe in Afghanistan, but above all he will be remembered for his disclosing the Bronze Age oasis culture in northern Afghanistan and southern Turkmenistan, “the Bactria and Margiana Archaeological Complex (BMAC)”, as he chose to call it. In 1990, I had the pleasure of visiting Viktor Sarianidi’s excavations at Gonur, the ancient capital of Margiana, where he has continued digging all these past 15 years, the last years exposing thousands of graves in the necropolis of Gonur.

The spring season of 2004 culminated in yet another triumph, when Viktor Sarianidi unearthed a royal vehicle burial, the first of its kind in Viktor’s career.¹ The vehicle found is a four-wheeled waggon, not yet completely exposed when this paper was finished (in July 2004). It has a seat built of at least four but possibly five planks each measuring 20 x 90 cm. This seat is largely placed over the rear axle. The length of the axle is at least 1,8 m, and the distance between the two axles is 1,1 m. The wheels have a diameter of 70 cm. They were made of wooden planks and the whole surface of the rim was covered with 3 cm broad and (including the ‘ears’) altogether 5 cm high ‘shoes’ made of bronze (each covering 1/6 of the circle). Each shoe had three ‘ears’ on either side, these ‘ears’ measuring 3,5 cm in height and 3 cm in breadth; for fixing the ‘shoe’ to the wooden wheel, each ‘ear’ accommodated a bronze rivet 1 cm thick and 8 cm long, including the bronze ‘hats’ on either side with a diameter of 1,8 cm. Just behind the waggon, with its head on one of the wheels, was the skeleton of a young horse, and next to

another wheel was the complete skeleton of a camel. There were skeletons of three people: a woman over 60 years old and two youths aged around 14-16 (Sarianidi 2004.)

A wheel with the diameter of 105 cm and the rim covered with six such bronze ‘shoes’ and another wheel with the diameter of 75 cm and four such ‘shoes’ have previously been discovered at Susa, but apparently nowhere else, and they are assumed to date from the end of the third millennium (cf. Nagel 1986: 22, with further references on p. 361). The new waggon find from Gonur thus agrees with a large amount of other evidence pointing to Elam and Susa as one of the principal sources of cultural influence upon the BMAC (cf. Amiet 1986; also Potts 2001 suggesting that the name of the goddess Nanâ worshipped by the Kushans in Afghanistan came to BMAC via Susa at the end of the third millennium BC).

As noted by Sarianidi (2004), the vehicle now found in a royal grave at Gonur is not a chariot used for war or sport, but a more archaic type of conveyance that may have survived to the second millennium in the funeral function. Sarianidi himself, believing that the BMAC people spoke an Indo-Iranian language, had rather expected a chariot with spoked wheels to be found in Gonur, for he recently enumerated evidence of various kind to show that the BMAC knew the domesticated horse and the chariot (Sarianidi 2001: 434-5). Particularly important in this connection are (1) a grave in Gonur containing the body of a headless young horse and (2) the aristocratic grave that came to light at Zardcha Khalifa near the site of Sarazm in the Zeravshan Valley of Tajikistan a few years ago (cf. Bobomulloev 1997). The Zardcha Khalifa grave contained typical BMAC pottery and other artefacts of the Sapalli-Dzharkutan phase of the BMAC on the one hand, and a horse-topped bronze scepter, two horse-bits of bronze, and fragments of four cheek-pieces made of bone on the other hand. Sarianidi (2001: 430) thinks that the Aryans of the BMAC came from the Near East. But the linguistic evidence consisting of Proto-Indo-European and (Pre-) Proto-Aryan loanwords in Finno-Ugric languages rather suggests that the Proto-Aryan homeland was in southern Russia (see Carpelan & Parpola 2001; Parpola 2002a: 79ff.).

¹ I am grateful to Viktor Sarianidi for sending me his draft description of this find in Russian, together with several photographs.

Whether the light spoke-wheeled chariot drawn by two horses was first developed in the ancient Near East or in the South Russian steppes is still a debated issue. Stuart Piggott (1983: 27; 1992: 48-49), pointing to the fact that the natural habitat of the wild horse was on the Eurasian steppes and that it was first domesticated there, suggested that the steppes were also the area where the horse was first used to pull light spoke-wheeled vehicles, while organized chariotry and chariot-warfare was developed in the sophisticated political setting of the ancient Near East. The cheek-pieces of Zardcha Khalifa are of the same type as the bone cheek-pieces found in situ upon horse skulls in chariot burials at Sintashta in the southern Urals (cf. Gening et al. 1992: I, photo 20 and 133: fig. 57). This seems to indicate that the Zardcha Khalifa chariot came from the Sintashta-Arkaim culture (c. 2200-1800 calBC)² (cf. Carpelan & Parpola 2001: 95-98, 131-132, 136-138; Parpola 2002b: 242-3).

A well-known cylinder seal with the image of a horse-drawn chariot from Tepe Hissar III B suggests that these Uralic type chariots simultaneously spread to northern Iran as well; the following III C phase of Tepe Hissar (c. 1900-1750 BC) is nowadays considered to represent a BMAC extension from Bactria-Margiana to northern Iran, and Tepe Hissar III C in turn has been considered as the source of those Proto-Indo-Aryan speaking nobles who took over the rule of the Hurrian-speaking Mitanni kingdom of Syria c. 1500 B.C. as masters of chariotry (cf. Parpola 2002a: 74-79, 86-90, with further material and references).

Though I disagree with my friend in the question of the "Aryan homeland", I agree with Viktor Sarianidi in thinking that at least a part of the BMAC people spoke an Indo-Iranian language during the first half of the second millennium and that these Aryan speakers went from Margiana and Bactria further to South Asia. In this respect, Sarianidi (2001: 430-3) has recently drawn attention to close connections between the BMAC and the Gandhāra Grave culture of Swat, including "similar ceramic complexes which represent the late variation of the BMAC". Sarianidi noted in this connection that "the Swat Valley is unanimously considered to be the only suitable

² The calibrated radiocarbon dates from Krivoe Ozero, a site of the Sintashta-Arkaim culture with the earliest known chariot burial, center around 2000 BC; the dated samples were taken from the skulls of the horses buried along with the chariot (see Anthony 1998; cf. also Anthony and Vinogradov 1995).

way through which the Indo-Aryans could have reached the Indus Valley". The paper with which I would like to felicitate my friend on his 75th birthday deals with these two themes that have interested him recently: the horse-drawn chariot and the Andhra Graves of the Swat Valley. It also deals with the common past of the Proto-Aryans and the Proto-Greeks. In my view, the speakers of Proto-Greeks lived as the western neighbours of the Proto-Aryans in the Pontic steppes (cf. Carpelan & Parpola 2001: 68-70) -- yet another association with Viktor Sarianidi who hails from the 'Pontic Greeks'.³

The Gandhāra Grave Culture, the domesticated horse, and the coming of the R̥gvedic tribes

The Gandhāra Grave culture⁴ has been found from Buner, Chitral, Dir and Indus Kohistan in the north down to the Salt Range⁵ in the south,

³ The following paragraph was included in the abstract and oral version of my paper "From archaeology to a stratigraphy of Vedic syncretism" read at the Third International Vedic Workshop held at Leiden in May, 2002, but it was excluded from the printed version of the paper, which is more limited in its scope (Parpola, in press). The present paper is the first detailed presentation of this thesis of mine.

"The 'Proto-R̥gvedic' phase is reflected not only in Mitanni but also in the Kāṇva hymns of the R̥gveda, which differ from the family hymns in their strophic structure and in their agreement with Mitanni onomastics. It is the Kāṇva hymns that most often speak of the early R̥gvedic tribes Yadu and Turvaśa, and of the northern areas of Pakistan, where the first wave of R̥gvedic Aryans entered around 1600 BC with the Ghalegay IV culture, the first in Swat to have the domesticated horse. The Atris and Kāṇvas, both settled in Swat, have the closest connection with the Aśvins and their gharma offering. The heated gharma pot is called "great hero" and identified with the sun and the cut-off head of the sacrifice, that is, the sacrificial victim. The gharma implements are discarded after laying them out in a human image, as if for a funeral. The pot should have a nose (*nāsa*) — apparently because it represents the 'saving' (*nas-*) Nāsatyas, allegedly born from the nose. The prominent nose of the funeral 'face urns' of the Ghalegay IV culture thus seems to connect them with the Nāsatyas capable of reviving the dead."

⁴ On the Gandhāra Grave culture, see especially Silvi Antonini & Stacul 1972 and Stacul 1987; Müller-Karpe 1983; Dani 1967; 1988: 70-76.

⁵ The Salt Range sites have been recently discovered by the Department of Archaeology in

and from the Panjkora River on the Afghan border in the west to Hathial at Taxila in the east. The Gandhāra Grave culture is divided into two phases, named according to the corresponding layers at the rock shelter of Ghalegay in Swat. These two phases date from about 1600-1300 BC (Ghalegay IV) and from about 1300-800 BC (Ghalegay V). The intrusive black-grey, burnished pottery is related to the late phase of the BMAC culture (cf. Stacul 1987: 121-2).

The grave burials have been compared to those of the graveyards of Bishkent and Vakhs in south Tajikistan (cf. Müller-Karpe 1983). In Viktor Sarianidi's opinion, however, "the Swat monuments should be compared with the BMAC ones rather than with the sites of the Bishkent culture (as the old theory proposes). As a matter of fact, the Bishkent culture can be taken as a late spreading of the BMAC farther up to the north and its further assimilation with the local steppe tribes of the Andronovo type. Equally, the Swat culture is a result of the late spreading of the BMAC farther towards the east where it partly assimilated with the local population of the Harappa culture, the latter having the 'H' type necropolis on the Indian subcontinent" (Sarianidi 2001: 433).

Giorgio Stacul (1987: 122-3), the principal excavator of the Gandhāra Grave sites, principally agrees in both respects: "The hypothesis that these new features in the Swat Valley may have been the result of immigrations, could be supported by the evidence from the Kherai graveyard in Indus Kohistan, where the inhumed bodies are placed on their sides with the knees drawn up in pronounced hocker position, a burial custom very similar to that characteristic around the mid 2nd millennium in graveyards of Southern Bactria (... Sarianidi 1976: figs. 41, 44) and in Margiana (Askarov 1981: 262)... the painted-red pottery appears alongside the grey-burnished ware (Late [Ghalegay IV] Period, c. XVI-XV centuries B.C.). This context links the valley with the plains area, as is shown by the emergence of objects and iconographic motifs which, in some cases, are derived from the tradition of the Indus urban civilisation, and in some others more specifically recall the culture of Cemetery H of Harappā". In the course of the Ghalegay V period, the cremation burial inspired by the Cemetery H culture of the Punjab plains became the dominant mode

of burial in the Gandhāra Grave culture, while in the beginning inhumation was the rule.⁶

The Gandhāra Graves are rectangular pits, often surrounded by a ring of stones. About two thirds of them are internment burials with the bodies in a flexed position, men lying on their right sides and women on their left sides. There are skeletons in an anatomically intact position, but also a large number of graves where the bones were secondarily placed in heaps, yet with the head always in the upmost position. These inhumation graves are covered with stones. Both inhumation and cremation burials -- and there are even some graves mixing the types of disposal of the dead -- contain both single individuals and -- quite often -- two individuals, usually couples that mostly seem to have been buried at different times. (Cf. Müller-Karpe 1983: 29-51.)

There is some evidence for a violent introduction of the Ghalegay V phase at Birkōt-ghwandai. A new type of plain pottery, with a grey or red surface and a characteristic button base spread in both Swat and Dir. "The new course of events brought stability and uniformity to a wide area (in the Swat Valley, local differences tend to diminish or disappear), and led to a further increase in settlements and a growth in farming activities. Yet, at the same time, 'one has the impression of observing a gradual process of isolation' (Tusa 1979: 693), which set in as a result of this same course of events, progressively sealing off this area from its surrounding regions, particularly the western plains of the subcontinent" (Stacul 1987: 126).

The subsequent Ghalegay VI phase of Swat belongs to the Iron Age and wheel-turned red and grey ceramic with remarkably thin walls becomes the dominant type of pottery. This cultural change, after which Swat becomes rather isolated, is almost certainly connected with the introduction of iron and the Painted Grey Ware into the plains of the Punjab and the Doab. Some archaeological links between the Ghalegay V-VI culture and the Painted Grey Ware culture have actually been recorded. The culture characterized by the Painted Grey Ware (c. 1000-400 BC) had both iron and the domestic horse. Its temporal, geographical and cultural horizons strongly suggest equation with the Middle Vedic culture

⁶ Müller-Karpe (1983: 29-51) has misunderstood the sequence. According to him, the oldest Gandhara Graves are predominantly cremation burials, in the middle phase cremation and inhumation burials are about equal in numbers, and the last phase consists predominantly of inhumations.

Lahore (personal communication of J. M. Kenoyer in July 2004).

of the post-Rgvedic Samhitā, Brāhmaṇa and Sūtra texts and the appearance of the Kuru dynasty (cf. Parpola 2002a: 48 & 67f.).

The Ghalegay IV culture is the very first in the northern Indus Valley known to have had the domesticated horse. The horse is attested in motifs on several sherds of painted on pottery (cf. Stacul 1987: 106-9; and fig. 1), in sculpted terracotta figurines (fig. 2) and metal objects (fig 3) as well osteological finds: at Kātelai (Swat), on the surface of stratum (3) were found two well-preserved skeletons of a horse (Silvi Antonini & Stacul 1972: I, 288, T. 40 and pl. CLIV b & c; and 291, T. 45 and pl. CLIV a = fig. 4).

Fig. 1: A fragment of black-on-red painted pottery (BKG 500) of the Ghalegay IV period from Bir-kōṭ-ghwaṇḍai (Swat), representing a horse attacked by a monster. After Stacul 1987: 106, fig. 46 h.

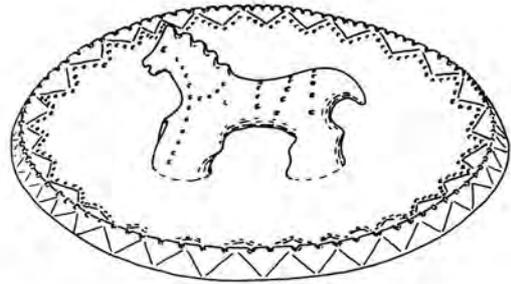

Fig. 2: A concave terracotta lid with the figurine of a horse as its handle, found in situ closing a cinerary vase (T. 19/1), from the graveyard of Loebanr (Swat). Diameter of the lid 31 cm, height of the handle 10 cm. After Müller-Karpe 1983: 111, Abb. 39: 1 (based on Silvi Antonini & Stacul 1972: I (2), pl. LII c; cf. I (1), p. 78).

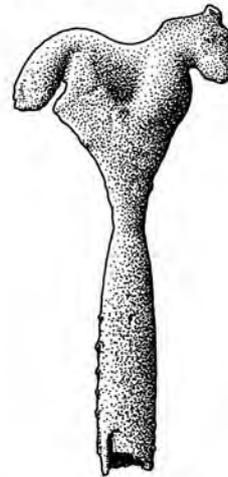

Fig. 3: Horse as the top of a small conical capsule made of bronze (T. 242/32) from the graveyard of Kātelai (Swat). Height 3,6 cm. After Müller-Karpe 1983: 111, Abb. 39: 3 [wrongly said to come from Butkara] (based on Silvi Antonini & Stacul 1972: I (2) pl. LIII a; cf. I (1), p. 422).

Fig. 4: Skeleton of a horse (T. 45) from the surface of stratum (3) from the graveyard of Kātelai (Swat). After Silvi Antonini & Stacul 1972: I (2), pl. CLIV a; cf. I (1) p. 291.

Sir Aurel Stein (1927: 424) and Giuseppe Tucci (1977: 47) assumed that the archaic Dardic group of Indo-Aryan languages still spoken in northern Pakistan and Kashmir has its roots in the languages of the people who lived in these regions in the times of classical antiquity, called Dadikai by Herodotus (3,91) and Darada 'mountain people' in the Indian Purāna texts. Bridget and Raymond Allchin (1982: 303) in turn assumed that the ancestors of the Dardic speakers came with the Ghalegay IV culture. (Cf. Stacul 1987: 13; 122f.).

Traces of the specifically R̥gvedic Sanskrit gerund in *-tvī* in the Gāndhārī Prakrit and in Modern Dardic strongly suggest that the Indo-Aryan tribes which introduced the R̥gvedic poetry to the Punjab entered the subcontinent through Gandhāra, and that some of these early tribes remained in these regions and in their relative isolation preserved their language with remarkable archaisms. I have proposed connecting the Gandhāra IV phase with the coming of the first wave of R̥gvedic tribes. The early Yadu and Turvaśa tribes are associated with the poetic tradition of the Kāṇva family (Books VIII and I of the R̥gveda, connected with the beginnings of the Sāmaveda). Part of this first wave would have continued to the plains, some eventually settling in the Mathurā region (the Yādava tribe of the epics) and some in the Gangetic Valley (the Kāṇva school of White Yajurveda and the Kāṇva dynasty of Magadha). The Kāṇva hymns of the R̥gveda are the only ones to preserve proper names (such as Mitrāthī) that agree with eight Mitanni Aryan proper names of the type 'having god X as his guest'. It is true that the Kāṇva hymns of the R̥gveda have been codified relatively late, but this does not prevent their tradition from having arrived in Gandhāra before the second wave, which in my opinion is connected with the poems of the 'family books' (R̥gveda II-VII) and with the Ghalegay V phase. Geographic names, economic circumstances and dialectal features combine to show that the poets of one family book -- the Atri family of R̥gveda V -- stayed in Gandhāra and became associated with the Kāṇva family. (See Parpola 2002a: 72 and 57-61 with further references.)

Among the singer families of the R̥gveda, the Kāṇvas and the Atris are very prominent worshippers of the Aśvins, the divine horseman twins who drive the heavenly chariot around the sky. "Next to Indra, Agni, and Soma, the twin deities named the Aśvins are the most prominent in the R[̥g]-[V][eda] judged by the frequency with which they are invoked. They are celebrated in more than fifty entire hymns and in parts of several others,

while their name occurs more than 400 times" (Macdonell 1897: 49). Out of the 54 complete hymns addressed to the Aśvins, 16 are in Book I, 12 in Book VIII, 6 in Book V and 5 in Book X; of the family books, there are 8 complete Aśvin hymns in Book VII, but only 1 hymn in Book II, 1 in Book III, 3 in Book IV, and 2 in Book VI (cf. Zeller 1990: 1; also 163f. for a detailed listing of hymns, verses and references). The early importance of the Aśvins is underlined by the fact that Mitra-and-Varuṇa, Indra and the Nāsatyas are the only Proto-Indo-Aryan gods mentioned among the Mitanni oath deities in the treaty between the Mitanni king Sātivāja and the Hittite king Shuppiliuma c. 1380 BC. Their worship of the Aśvins is thus a further point connecting the Kāṇvas and the 'late' books of the R̥gveda with the Mitanni Aryans (cf. Parpola 2002a: 61). Even the Yādavas of Mathurā seem to have preserved their worship of the Aśvins (associated with the day and night sides of the sun, see below) until epic times in their special deities Baladeva and Kṛṣṇa -- brothers of whom one is white and the other black: these two heroes can be connected with the horse chariot through what seem to be their epic hypostases: the 'white' chariot warrior Arjuna and his 'black' charioteer Kṛṣṇa (cf. Parpola 2002c).

The archaeological evidence cited above demonstrates the importance of the horse in the Gandhāra Grave culture. From Alexander's historians (Arrian, Anabasis 4,25-28; Indica 1 & 4-5; Strabo 15,1,8 & 27; Curtius 8,9-10) it is clear that this importance of horse continued until the historical times. In 327-6 BC, Alexander met in the valley of the Swāt river (Sóastos in Greek, corresponding to Suvāstu in the R̥gveda) a fiercely fighting tribe, whose name Assakēnoi corresponds to the Sanskrit proper name Āśvakāyana 'descendant of the horse' (mentioned in the Gaṇapāṭha on Pāṇini 4,1,99). Alexander's troops conquered their capital Massaga and the towns Ora and Bázira. Near Bázira was the enormous rock fort of Aórnos, mostly taken to be Pir-Sar. The name Mássaga (variants Mássaka, Masóga, and Mazagae as the name of the people) has been compared to Sanskrit Māsakāvāṇī (mentioned as a river in the Mahābhāṣya on Pāṇini 4,2,71). Bázira is the excavated Bīr-kōṭ-ghwaṇḍai 'mound of the Bīr fort', where Bīr < *Baira < *Bayira < Bázira < Vajīra-sthāna⁷ (mentioned in an inscription of King Jayapāladeva found in the village of Barikot situated next to the mound, Epigraphia Indica XXI, p. 301, cf.

⁷ Vajīra might stand for Prakrit *vājīra- < Sanskrit vājī-kara- 'which makes potent'.

Stein 1927: 426ff.; Tucci 1963: 27-28). At this site Indo-Greek coins, pottery sherds inscribed with Greek letters and western-style pottery has been found (cf. Karttunen 1997: 49, with further references.)

Even after Alexander, the horse remained important in Gandhāra and the rest of the Indus Valley. "For the Indo-Aryans, the horse was important, and as far as the literary evidence is concerned, Indians have always employed horses. However, India proper has always been unable to breed good horses, and therefore depended on import. But the northwestern country, for a long time known in the West as *the India*, was famous for its horses. This Indo-Iranian borderland was for a long time the main supply of horses for India; only in the second half of the first millennium A. D. did Arabian competition come to

overshadow it, at least in the Deccan (Gupta 1984, 198f.). According to the Arthaśāstra, the best horses came from the countries Kāboja, Sindhu, Aratṭa and Vanāyu. The horse-dealers, too, were known as Northerners or Northwesterners" (Karttunen 1997: 178).

The 'face urn' of the Gandhāra Graves and the gharma vessel of the Aśvin cult

One artifact very characteristic of the Gandhāra Graves is the 'face urn', also called 'visage urn', a cinerary vessel with decoration imitating the human face (figures 5-8). This face urn functions as an ossuary into which select bones were collected in cremation burials -- these constitute about one third of the Gandhāra Graves.

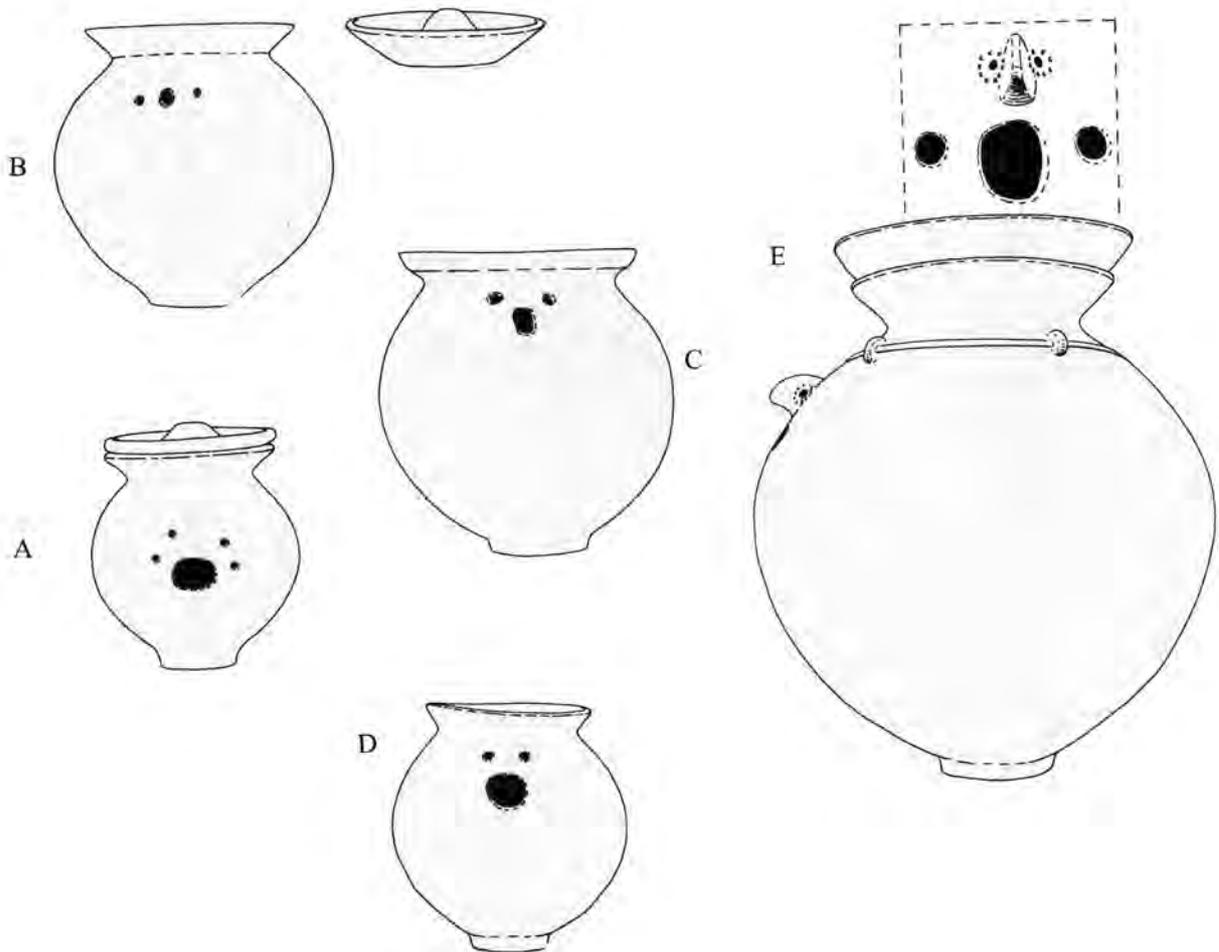

Fig. 5. Face urns of the Gandhāra Graves from the Ghalegay IV period. A, C, D from Kätelai (Swat), B, E from Loebann (Swat). After Müller-Karpe 1983: 53, Abb. 21 (based on Silvi Antonini & Stacul 1972)

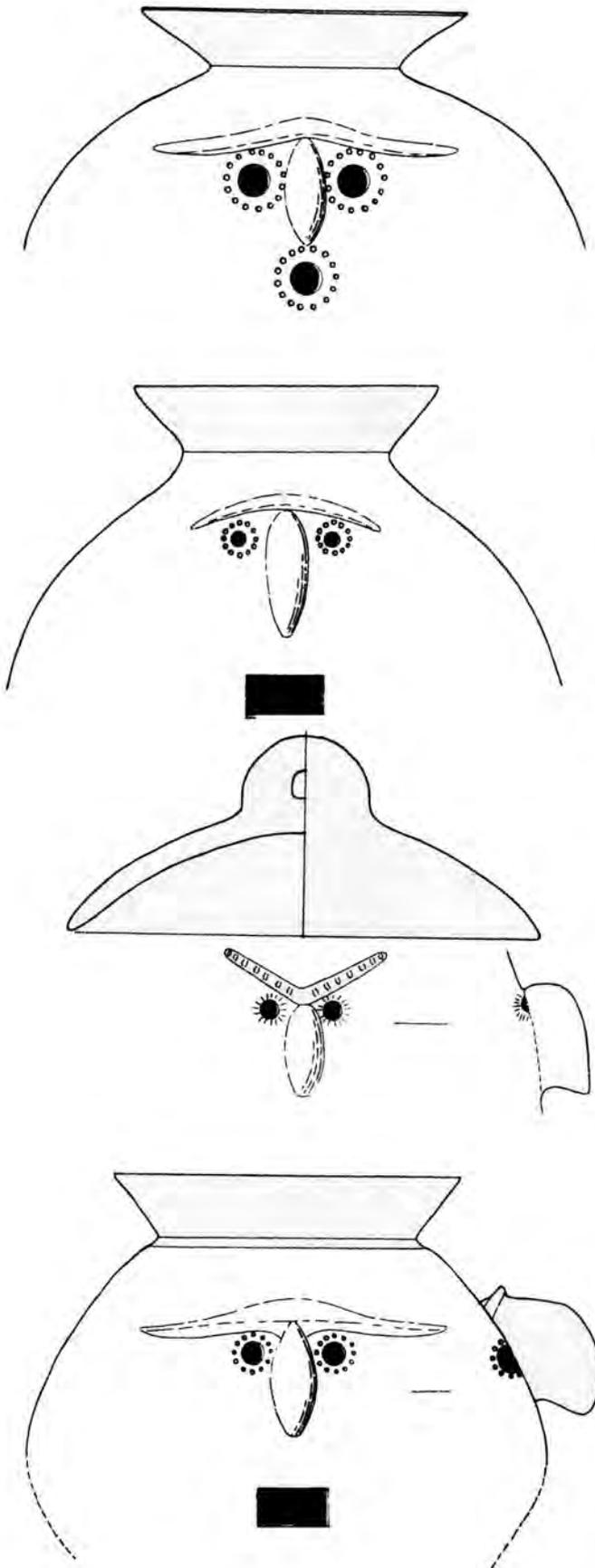

Fig. 6. Face urns from Timargarha. After Müller-Karpe 1983: 109, Abb. 38 A 1 & 7, C 8, D-F (based on Dani 1967). Scale 2 : 5.

Fig. 7. A face urn from Zarif Karuna near Peshawar (c. 1000 BC). After Stacul 1979: pl. 51.

Attempts have been made to trace parallels to this distinctive artifact from other archaeological cultures in Eurasia, particularly by Giorgio Stacul (1971). Stacul suggested a connection with the anthropomorphically inspired 'face urns' with cremation remains that have been found in the final phase of the Middle Danubian culture of Baden-Pécel (c. 2000 BC). However, he is careful to note that "we should not underestimate the fact that in the area of the Balkans and the Middle Danube the use of anthropomorphic vases traditionally goes back to the late Neolithic period, when the use of this kind of container does not as yet seem to have been related to burial rites" (Stacul 1971: 12). In spite of the several other parallels between the Gandhāra Graves and the cultures of the Great Hungarian Plain noted by Stacul, it has not been possible to confirm their historical relationship. Could the 'face urns' of Swat owe their existence to a local development? Their great variation is an argument in favour of such a hypothesis. The face urns of the Ghalegay IV phase (see fig. 5) usually have just perforated 'eyes' and 'mouth', but not a protruding 'nose', which is characteristic of the Ghalegay V phase (cf. figs. 6-7, 10). In fact, a parallel to the face urns of Swat can be found in the gharma vessel. The texts call this vessel "Makha's head" and it plays a central role in the Vedic cult of the Nāsatyas alias Aśvins, the divine horseman twins who drive a heavenly chariot around the sky and who are worshipped in the morning together with the goddess of Dawn.

The Vedic pravargya rite centres on an earthen pot called *mahāvira* ‘great hero’ or ‘Makha’s head’. The principal acts of this rite consist of making the pot, heating it in fire until it glows red-hot, pouring milk of a goat and a cow into it, offering this heated “gharma of bee’s honey” to the Aśvins (especially in the morning at sunrise), and finally disposing of the pot.⁸

The Śatapatha-Brāhmaṇa (14,1,2,17) describes the preparation of the gharma vessel thus:

“He then takes a lump of clay and makes the Mahāvira (pot) with [the mantra], ‘For Makha thee! for Makha’s head thee!’ ... a span high, for the head is, as it were, a span high; -- contracted in the middle, for the head is, as it were, contracted in the middle. At the top he then draws it out [*unnayati*] (so as to form) a spout [*mukham* ‘mouth’]⁹ of three thumb’s breadths (high): he thereby makes a nose [*nāsikām*] to this (Mahāvira, or Pravargya)” (transl. Eggeling 1900: V, 453f.)

⁸ For the ‘classical’ pravargya rite described in the Śrautasūtras, see Buitenen 1968 with corrections by Kashikar (1973), the Śrautakośa (1970: II SS 1, pp. 9-17, 71-130, 137-138, 140-141, 145-155, and 1973: II ES 1, pp. 28-47, 166-213, 229-231, 234-236, 242-266), and, for the ninth book (pravargya) of the Baudhāyana-Śrautasūtra, Kashikar 2003: II, 474-543. For the older sources, see Eggeling 1900: V (Śatapatha-Brāhmaṇa 14), Witzel 1974 (Kaṭha-Araṇyaka 2-3) Houben 1991 (Taittirīya-Araṇyaka 5 or 8) and Houben 2000a; 2000b (Rgvedic hymns). Of the other literature dealing with the pravargya I mention here just Lüders (1959: II, 339-374); Kramrisch (1975); Gonda (1979); Kashikar (1982); and especially Rönnow (1929) and Heesterman (1967).

⁹ Kashikar (1973: 4) points out that “by the word *mukha* we have to understand the opening (= *āsecana* of Āp[astamba] and *pinvana* of Bodh[āyana]).” In fact, Eggeling himself (1900: V, 454 n. 3) notes: “‘Mukha’, for which Kāty[āyana] XXVI, 1, 16 has ‘āsecana’ explained by the commentator as a hole (*garta*; comm. on Aśv. Grhyas. IV, 3 bila), apparently serving as the mouth, or open part of the vessel which seems to be otherwise closed. The edge of the hole would seem to protract sufficiently from the surface to suggest a similarity to the nose...” Wilhelm Rau (1972: 66-67) translates this passage as follows: “Weiter setzt er [die Zutaten] auf einen Erdhaufen. Für Makha dich! Für Makha’s Kopf dich! ... Weiter trennt er [von der Gesamtmasse] einen Tonklumpen ab und formt den mahāvira. Für Makha dich! Für Makha’s Kopf dich! ... Spannengross [ist er], -- der Kopf ist ja ungefähr spannengross --, in der Mitte zusammengezogen, -- der Kopf ist ja in der Mitte etwas zusammengezogen. Weiter zieht er oben an ihm eine dreifingerbreite Tülle hoch. Dabei setzt er eben eine Nase an ihm.”

This pot is singular among all the vessels described in the Vedic literature in having a protruding ‘nose’ (*nāsikā*) expressly called so.¹⁰ It offers a striking counterpart to many of the face urns of the Gandhāra Grave culture, which have a prominent three-dimensional nose, mainly in the Ghalegay V phase (fig. 5-7, 10). The Ghalegay V phase seems to correspond to the time when the Atri family of the R̥gveda had settled in Gandhāra. It must be noted, however, that the Śatapatha-Brāhmaṇa is the only Vedic text mentioning the nose of the mahāvira or gharma vessel. Although the Śatapatha-Brāhmaṇa in its present two redactions is younger than the Black Yajurveda, it goes back to an earlier version, and its contents “in some respects ... differ entirely from all the other texts” (Caland 1926: I, 93), and in such cases it may have preserved very archaic traditions. The Kāṇva redaction of the Śatapatha-Brāhmaṇa belongs to the priestly family of R̥gveda VIII and I, which is likely to have prevailed in the Ghalegay IV phase of the Gandhāra Grave culture.

In the R̥gveda, Sage Atri is the person most closely connected with the *gharma* or ‘hot offering’ of milk and ghee to the Aśvins. Later called *pravargya*, this offering became a part of the *soma* sacrifice connected with the cult of Indra, but was originally an independent rite. The oldest evidence related to the *gharma* / *pravargya* found in the R̥gveda has been recently examined by Jan Houben (2000a; 2000b). Houben finds the mythical origin of the *gharma* rite in the legend of RV 1,180,4 and 5,73,6, in which the Aśvins, who generally are the *recipients* of the gharma drink, *give* the gharma to Atri, whom they rescue from the hot pit called *rbīsa*: in commemoration of this

¹⁰ Buitenen (1968: 9-12) has discussed the descriptions of how the mahāvira vessel is prepared. However, his discussion contains many mistakes which have been corrected by Kashikar in a review article (1973). Plate 3: 1 in Buitenen (1968) shows “the mahāvira pot as it appears now-a-days”: it “looks as if three spherical bowls were kept one upon another with a all-through vacuum” (Kashikar 1973: 1). But as Kashikar (1973: 2) notes: “The three spherical bowls, which form the chief characteristic of the present-day Mahāvira, have no authority in the Sūtras. It is not known since what time, and how, the three-bowl-shaped Mahāvira came to be used in the Pravargya rite.” An answer to Kashikar’s question ‘how’ might be sought in the prescription of the Sūtras that in addition to the Mahāvira vessel actually used, two spare ones are to be prepared; perhaps all the three were initially kept together, one above the other, and at some time the whole complex started being considered as the Mahāvira.

rescue, Atri and his descendants offer the Aśvins this hot and sweet drink. Further on I shall try to substantiate my suspicion that Atri's hot pit might be the place of funeral cremation.

The earliest development of the *gharma* rite takes place in the Atri clan of the fifth book of the R̥gveda. At this stage, when a metal vessel was used, the rite was already associated with the soma sacrifice. "After the development in the Atri clan, the Gharma ritual apparently spread to other families as well, and remained in connection with a sacrificial worship to the Aśvins" (Houben 2000a: 17). This "late-R̥gvedic form is already quite similar to the Pravargya of the Śrauta Sūtras", "with clay-implements, with a developed milking ritual, closely associated with both the Soma-offering and the horse-sacrifice" (Houben 2000a: 17).

The cult of the Aśvins has become fully accepted in the R̥gveda. This is proved by the fact that hymns or at least some verses addressed to them, or at least some references to them are found in all the ten books of the collection (cf. Zeller 1990: 163f.). Yet there are clear indications that the cult of the Aśvins is an intruder in the religion of the Indra worshippers: the Aśvins were originally excluded from the *soma* sacrifice, which centers on the preparation and offering of *soma*, the drink sacred to Indra. Post-R̥gvedic texts relate that the Aśvins asked to get a share of the *soma* sacrifice, but Indra refused this; finally, however, the Aśvins got the Aśvina cup of *soma* (offered in the morning outside the actual place of sacrifice) as a reward for healing the originally 'headless' *soma* sacrifice. (Cf. Zeller 1990: 123, 126.) The Aśvins healed the sacrifice by providing it with a head in the form of the *pravargya* rite, which originally belonged to them and was not liked by Indra. In accordance with this "historical" model, the Vedic sacrificer is not supposed to perform the *pravargya* rite in his first *soma* sacrifice, but only from his second sacrifice onwards (cf. Śatapatha-Brāhmaṇa 14,2,2,44; Kauṣītaki-Brāhmaṇa 8,3).

The gharma vessel as the head of the decapitated hero Makha and the sun

There are several preserved versions of the myth of origin associated with this pot. That of the Śatapatha-Brāhmaṇa (14,1,1) may be summarized as follows (cf. Kramrisch 1975: 222-3):

The gods -- including Agni, Indra, Soma, Makha-Viṣṇu, and the Viśve Devāḥ, but excluding the two Aśvins -- performed a sacrificial session in Kurukṣetra in order to attain excellence, win glory and become eaters of food. They agreed that whoever amongst them through austerity, fervour, faith, sacrifice and oblations would first encompass the end of the sacrifice would be the most excellent among them and the glory should then be common to them. Viṣṇu obtained it, and became the most excellent of the gods (1-5).

Viṣṇu is the sacrifice and the sun. But Viṣṇu was unable to contain his love of glory (6). Taking his bow with three arrows he stepped forth and rested his head on the bow. The gods did not dare to attack him. Then the ants, receiving a boon from the gods, gnawed the bowstring. When it was cut, the ends of the bow, springing asunder, cut off Viṣṇu's head (7-9). It fell and became the sun. The rest of the body lay stretched out with the top part towards the east (10).

The gods said: Our all-encompassing great hero (*mahān vīraḥ*) has fallen. Therefrom the Mahāvīra vessel was named, and the vital sap (that flowed from him) they wiped up with their hands (*sam-mṛj*), whence the Mahāvīra is the Samrāj (the emperor) (11). The gods rushed forward to him, eager to gain his glory. Indra reached him first, applied himself to him, limb to limb, encompassed him and became possessed of his glory (12). Makha 'sacrifice' is Viṣṇu, hence Indra became Makhavat 'possessed of Makha', which is mystically the same as Indra's epithet Maghavat 'possessed of booty'. (13) The gods gave the ants food, as they had promised (14), divided Viṣṇu's body. i.e. the sacrifice (of Soma) into three parts among themselves (15-16) and went on worshipping with that headless sacrifice (17). [However, they did not succeed, because the sacrifice was headless.]

Dadhyañc Ātharvaṇa knew this *śukra* [i.e. the secret knowledge of the Pravargya], how the head of the sacrifice is put on again, how the sacrifice becomes complete again (18). Indra threatened to cut off the head of Dadhyañc if he divulged the secret to anyone else [for Indra had obtained only the glory of the headless body] (19). The Aśvins heard that Dadhyañc Ātharvaṇa knew this secret knowledge and offered themselves as his disciples (20-21), but Dadhyañc refused them, telling of Indra's threat (22). The Aśvins, however, promised to protect Dadhyañc by the following scheme: when Dadhyañc has received them as pupils, they shall cut off his head, set it aside elsewhere, and put a horse's head on Dadhyañc instead; Dadhyañc will teach them through this horse's head, which Indra will cut off, whereafter the Aśvins will put Dadhyañc's own head back again (23). This scheme was then realized (24), as told in R̥gveda 1,116,12 (25).

The version of the Taittirīya Āraṇyaka (5,1) is closely parallel: here Makha Vaiṣṇava is beheaded, but in the Kāṭha Āraṇyaka (3), it is Rudra whose head is cut off. Houben

(1991: 27), who has called attention to this “remarkable difference”, reminds us “in this connection that the twin gods that are intimately connected with the Pravargya, the Aśvins, are closely related to Rudra”.¹¹

Makha = Rudra

The reference to the horse-headed Dadhyañc Ātharvaṇa whose head was cut off in the myth about the origin of the pravargya suggests that this rite and the horse sacrifice may have been closely linked with each other.¹² Ṛgveda 1,162,9 speaks of the blood of the sacrificial horse sticking to the sacrificial post (*svāru*) and to the slaughtering knife (*svādhitī*), which means that in Ṛgvedic times, the horse victim was decapitated and not strangled as in the later horse sacrifice. On the other hand, the Vādhūlasūtra (11,21 ed. Chaubey) testifies that in olden times it was the custom to let the sacrificial horse be slaughtered by a son of a noble bard (*sūta*); when this virginal (*asiktaretas*) youth (*kumāra*) was brought to the place, decorated with a garland, people used to lament (*rud-*) him, because he was to die: the head of him would fall off who first cut into pieces the sacrificial horse. As the Brāhmaṇa texts derive Rudra’s name from the verb *rud-* ‘to cry, lament’, and as Kumāra ‘youth’ is another name for Rudra, I have suggested that this slaughterer of the horse represents Rudra. The Dadhyañc legend further hints to an exchange of the heads of the human and equine victim as a part of their ritual revival, “putting the head of the sacrifice (= sacrificed victim) back again”. (Cf. Parpola 1983: 62-65.) Such a ritual seems to be attested in a culture which had the horse-drawn chariot and where Pre-Proto-Indo-Aryan may have been spoken (cf. Carpelan & Parpola 2001: 93-98), for a grave belonging to the Sintashta-Arkaim related Potapovka culture in the mid-Volga region, dating from about the beginning of the second millennium BC, contained a human skeleton provided with a horse’s skull (fig. 8) (cf. Anthony & Vinogradov 1995).¹³ As noted

above, the Gonur cemetery contained a BMAC grave with a headless young horse.

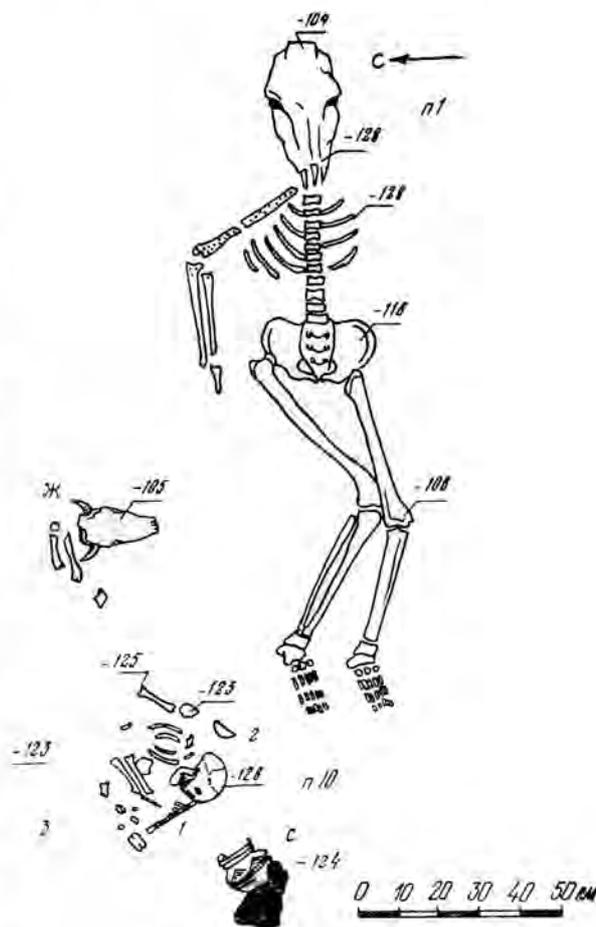

Fig. 8. A human skeleton provided with a horse’s skull in a grave of the Potapovka culture near Samara in the mid-Volga region, from about the beginning of the second millennium BC. After Vasil’ev, Kuznetsov & Semēnova 1994: 115, ris. 11.

An exchange of equine and human heads generates the two kinds of classical Hindu demigods mentioned by Māgha in his Śiśupālavadhā (4,38): the *kimpuruṣa* with a horse’s head and a human body, and the *kinnara* with a man’s head but a horse’s body, famed for being divine musicians and playboys. In Baudhāyana-Śrautasūtra 2,5, weeping or lamenting (*roda*) (often connected with Rudra, cf. above) is asked to leave the sacrificer and to enter a *kimpuruṣa*. In descriptions of the Vedic fire altar rite, the human victim (*puruṣa*) among the five ‘domestic animals’ corresponds to the *kimpuruṣa* among the five ‘wild animals’ connected with the forest (*araṇya*). The wilderness is often associated with violence,

¹¹ Houben refers to Geldner 1951: IV (index edited by Johannes Nobel), p. 43a.

¹² This is suggested also by the fact that Dīrghatamas, the poet who composed the important pravargya hymn Ṛgveda 1,164, is also the author of the aśvamedha hymns Ṛgveda 1,162-163 (cf. Houben 2000b, para 9.2).

¹³ The possibility is not excluded that the horse skull has fallen in this position from an upper layer of the grave (personal communication of Pavel F. Kuznetsov in Samara in 2003).

robbery, and Rudra. If the kimpuruṣa was a bard, he could be compared to the war bard (*māgadha*), who followed the vrātya band worshipping Rudra to their warring expeditions, and had sexual intercourse with a prostitute in the mahāvratā festival, just as the sacrificial horse or human victim united with the queen in the horse or human sacrifice. (Cf. Parpola 1983: 62-65.)

In one of the principal Vedic myths connected with Rudra (for its different variants see Deppert 1977), creator god Prajāpati lusts after his own unwilling daughter, who flees the father by changing her shape into a female deer (*rohita*), to be pursued by Prajāpati in the shape of a male deer, and the two take on the shape of many animal couples until all the species have come into existence. From the seed emitted by Prajāpati is instantly born the fierce god Rudra, who punishes his father for the sin of incest by shooting Prajāpati with a three-parted arrow. In Aitareya-Brāhmaṇa 3,33, Prajāpati, Rudra and the daughter are equated with three constellations, the daughter with the 'red' (*rohini*) New Year star Aldebaran, but the same text also equates the daughter with the Dawn (*uṣas*). Rudra could be the rising sun, which with its arrow-like rays¹⁴ kills the dark night (or the night aspect of the sun) at dawn. (Cf. Parpola 1992; 1998: 225-6, 229-231.) There is a partial Greek parallel to this myth. According to the Kupria (fragm. 7), Helene was born by Nemesis, the daughter of Zeus and the night, with whom her own father Zeus united after chasing the unwilling Nemesis. In her flight over the sea, rivers and land, Nemesis assumed in turn the shape of a fish and various other animals. Other sources tell that finally Nemesis took the shape of a goose and was fructified by swan-Zeus. The egg laid by Nemesis was found by Leda, who adopted Helene born out of it as her own daughter. Later even the Dioskouroi (Horatius, Ars p. 147) or just Poludeukes were thought to have been born out of the same egg as Helene, or Leda is said to have laid two eggs. (Cf. *Der kleine Pauly* 1979: III, 531.)

Rudra's name seems to have been influenced by Indra's name and the desire to connect it with the verb *rud-* 'to cry, lament', but it is probably derived from **rudhra* like Sanskrit *rudhira* 'red' and cognate with Greek *e-ruthrós* 'red'. Rudra's red colour and his fiery anger that the Rudra hymns of the Rgveda try to avert and pacify, heighten the likelihood that the red-hot gharma vessel originally

represented Rudra. The association of the gharma offering with the morning further suggests Rudra's identity with the rising sun, praised as *rohita* 'ruddy' in the hymns of the 13th book of the Atharvaveda.

Rudra seems to be personified also by Rohita the first-born son of King Hariścandra in the Śunaḥśepa legend (Aitareya-Brāhmaṇa 7,13-18). When this youth has reached the age of a warrior -- the Hindu war god Skanda, a double of Rudra, is Sanatkumāra 'eternal youth', always 16, which is the ideal age of the warrior -- his father intends to offer him to Varuṇa as a human victim, because Varuṇa has granted the king offspring. But Rohita takes his bow and flees to the forest, where he eventually catches 1000 cows and with them buys the brahmin boy Śunaḥśepa who is to be a substitute victim. (Cf. Parpola 1998: 293-298.) The Śunaḥśepa legend is recited at the royal consecration (*rāja-sūya*), which also comprises a chariot-drive: the crown-prince (*pratihita*) is presented with a bow and arrows as his patrimony by his father the king, and thereafter he drives off in a chariot to capture a 100 cows or more by symbolically touching a cow with the end of his bow (cf. Heesterman 1957: 129f.). The bow and arrows connect Rohita and the crown prince not only with Rudra who has the bow and arrows as his characteristic weapon but also with Makha, the 'great hero' of the pravargya myth. The name Makha and the crown prince's chariot drive further connect these figures with one of the Aśvins, namely the one called "the victorious son of Sumakha" in the Aśvin hymn Rgveda 1,181,4, where the other Aśvin is called "son of the Sky" (*jīsnūr vām anyāḥ sūmakhasya sūrīr divó anyāḥ subhāgaḥ putrá ūhe*). In the chariot team, Makha-Rudra would be the chariot warrior. A little wider discussion of the Aśvins is in order now to back up this identification.

Horse-chariot and its team as a model of the Aśvins and the Dioskouroi

The Nāsatya alias Aśvin twins of the Indo-Aryans -- who are called *divo nāpātā* 'the two sons or descendants of the Sky' three times in the Rgveda (1,117,12b; 3,38,5c; 4,44,2b) --, have a counterpart in the Greek *Dióskouroi* or *Diós koûroi* 'the youths of the Sky (Zeus)' and in the *Dieva dēli* 'sons of the God' of the Latvian folksongs (*daina*). In all three cases,¹⁵

¹⁴ "But the sun also slays. The warrior kills with arrows, 'like Savitṛ' and 'like Aditya' (Hopkins 1915: 85).

¹⁵ The 'divine twins' of several other Indo-European peoples (Celtic, Germanic, Slavic) have been compared with these three (cf. Güntert 1923: 262-3; Wagner 1960; O'Brien 1997), but these twins are not

the deities are young and beautiful horsemen, who woo or wed the Sun's daughter or the goddess of Dawn -- in the case of the Indo-Aryan and Greek twins she is also their sister. In Greece and India, as elsewhere in the world, twins are thought to result from a double impregnation, of which one is human, the other divine.¹⁶

The Aśvins form a trio with the dawn, and their "chariot goes around the heaven and earth in one day (*sadyáh*)" (RV 3,58,8) just like the chariot of the sun (RV 1,115,3) and the chariot of the dawn (RV 4,51,5) (cf. Hillebrandt 1927: I, 59). The Aśvins circle around in the atmosphere continuously, without intermission: the starting point of all their activities is this *vartís-* 'turning around': in all but one of the 28 occurrences of this word in the R̥gveda it denotes the circular movement of the Aśvins or their chariot (cf. Zeller 1990: 45-47). The Greek Dioskouroi were chiefly conceived of as heroes riding horses, sometimes even as (riders of) winged horses or birds: with whirring wings they fly through the air (Homeric hymns 33,13).

As a natural phenomenon on which the concept of these youthful twins wooing the Dawn is based, the evening and morning star have often been mentioned ever since the suggestion was made by Mannhardt (1875) on the basis of the Baltic evidence.¹⁷ This identification is recommended especially by the Greek evidence, which connects the Dioskouroi with stars since the 5th century BC,¹⁸ and it continues being endorsed (cf.

associated with both horsemanship and the Dawn, or one may suspect an influence of the Graeco-Roman Dioscuri.

¹⁶ For the Nāsatyas, see Muir 1874: V, 234-257; Myriantheus 1876; Bergaigne 1883: II, 431-510; III, 5-20; Macdonell 1897: 49-54; Oldenberg 1917: 207-215; Güntert 1923: 253-276; Hillebrandt 1927: I, 54-70; Geldner 1928: 21-23; Lüders 1959: II, 339-374; Renou 1967: XVI, 1-76; Gonda 1974: 34-58; Zeller 1990; Oberlies 1993; 1998: 178-183; Pirart 1995-2001. -- For the Dioskouroi, see Eitrem 1902; Bethe 1905; Farnell 1921; Nilsson 1955: I, 406-411; Burkert 1985. -- For the Baltic 'God's sons', see Mannhardt 1875; Biezais 1975. -- For the Indo-European divine twins, see Wagner 1960; Ward 1968; O'Brien 1997.

¹⁷ However, in Lithuanian, the Venus as the evening star is called *wakarínė* and as the morning star *auszrinė*: these words are of the feminine gender, and the Lithuanian folk songs therefore sing of them as maidens of the sun; the morning star lights the fire for the sun and the evening star prepares the bed for him (cf. Mannhardt 1936: 64).

¹⁸ Euripides in his drama *Helene*, asks: "Are the sons of Tundareos alive or not? They are dead and

Nagy 1990: 258; Gotô 1991). However, serious objections have been raised against this identification, particularly the fact that the twins are mostly invoked and thought to appear together, whereas the morning and evening star are separate from one another, sometimes for months (cf. Hillebrandt 1927: I, 60-62; Zeller 1990: 96-99; Oberlies 1993: 171 n. 6).

As primary images from the natural world, I prefer the young (red) sun and the moon, which often appear together at sunrise and offer a beautiful sight. However, on occasion the bright day sun and the dark night sun, or simply day and night (or the sun and moon) seem to be meant (cf. Hillebrandt 1927: I, 65-67). Later Vedic texts actually equate the Aśvins with day and night (cf. Maitrāyaṇī Saṃhitā 3,4,4 *ahorātre vā aśvinā*; Zeller 1990: 7-8). In the R̥gveda (3,55,11), the day and night are spoken of as twin sisters (*yamyā*), who have assumed different colours: of these two (colours) one shines bright (*tāyor anyād rōcate*), the other is black (*kṛṣṇām anyāt*). In RV 10,37,3, the sun-god Sūrya drives a chariot yoked with winged horses¹⁹; his one side,

yet not dead -- report is diverse -- which is the prevailing story? Men say that they are gods, fashioned like unto stars" (137-140). Later in *Helene* (1499), they are "sons of Tundareos, who dwell in the regions of heaven beneath the whirling orbits of the stars". In the *Elektra* of Euripides, "the good Sons of God... dwell in the gleaming aether among the stars, having honour as saviours of men in the billows of the main" (990) (tr. Farnell 1921: 185). "The later writers explicitly identify them with the constellation known as 'the Twins', or even with the morning and evening stars ... the popular art from the fourth century onwards, on many coins and other monuments, displays ... two stars above their heads or above their caps, or in other close association with them" (Farnell 1921: 186). In Athens the Dioskouroi were worshipped as 'light-bringers' (*phōsphōroi*); they were called stars and represented with stars as their attributes. This astral aspect was associated with mystery cults: "In the *Odyssey* it is said that 'the corn-giving earth holds both living ... now they are living, day and day about, now they are dead.' ... The Dioskouroi ... were also said to have been initiated at Eleusis and were seen as guiding lights for those hoping to break out of the mortal sphere into the realm of the gods" (Burkert 1985: 213). In *Iliad* 23,226-7, the light is heralded by the morning star: "But at the hour when the star of morning goeth forth to herald light over the face of the earth -- the star after which followeth saffron-robed Dawn and spreadeth over the sea..." (tr. Murray 1924: II, 511).

¹⁹ The words *étaṣa-* and *étagva-* are used as attributes of divine horses; *éta-* in them is a colour term meaning something like 'variegated'; in the

darkness (*rājas*), rolls along (or pursues) the east, while the other side, the light (*vyotis*), the sun goes up.²⁰ In RV 10,39,12, the two Aśvins are prayed to come with their chariot that is speedier than the thought, made for them by the Ṛbhus: when it is yoked, the daughter of the Sky is born, and so are both sides of (the sun-god) Vivasvat, the bright day and the night.²¹

Arjuna and Kṛṣṇa. The two colours white and black associated with the two sides of the sun (and with day and night) were probably associated with the Aśvin twins, too. In the Mahābhārata the greatest chariot warrior is called Arjuna, whose name means 'white', while his charioteer is the king of the Yādavas called Kṛṣṇa 'black'. Kṛṣṇa is a great trickster and a clever and wise negotiator and advisor. I have argued that although the epic tradition in its present shape is post-Vedic, it goes back to Vedic origins. The Vaiṣṇava trio of the 'white' elder brother Bala-Rāma and the 'black' younger brother Kṛṣṇa and their sister-wife likewise seems to go back to the Vedic trio of the Aśvins and their sister-wife Uṣas. (Cf. Sen 1976: 124-127; Parpola 2002c: 366).

The chariot and the age of the divine horseman twins. Apart from the heavenly bodies and cosmic phenomena, a basic model for the concept of divine horseman twins who daily circle the racecourse of the sky is supplied by the horse-drawn chariot. In fact, these mythic figures shared by the Indo-Aryan, Greek and Baltic speakers evidently go back to the last quarter of the third millennium BC, when the Proto-Indo-European community had already dispersed, but the ancestors of all these three peoples still lived relatively close to each other and obtained the light and speedy horse-drawn chariot (newly developed from the heavier and slower ox-drawn chariot). Most probably this happened in the steppe and forest steppe of Eastern Europe. The Sintashta-Arkaim culture (c. 2200-1800 calBC) was one of, if not the very first centre(s) from which this important innovation in transport and war

technology diffused.²² By that time, more than a millennium had elapsed since the ox-drawn waggons and carts with solid wheels had started rolling in these regions.²³

Honey and mead. The antiquity of the Aśvin worship is supported by the fact that an essential part of their cultic drink is the honey (*madhu*). Even though the hot drink offered in the pravargya rite consists of goat's and cow's milk, it is still called "honey" or "bee's honey" in the accompanying mantras. (Cf. Lüders 1959: II, 339-374.) The Vedic ritual knows however also a drink called *madhu-mantha*²⁴ or *madhu-parka*²⁵ which usually consists of a mixture of honey (*madhu*) and curds (*dadhi*) and offered to a worthy guest in Vedic rites, mainly the domestic ones which seem to go back to the Atharvavedic rather than the Rgvedic tradition.²⁶ *Medhu* 'honey' meant also 'honey-drink, mead' in Proto-Indo-European, and remained the principal alcoholic beverage in Russia until the times of Peter the Great. The word was borrowed from early Proto-Aryan into Proto-Finno-Ugric as **mete* 'honey'.

The pair of horses. Probably the pair of horses yoked to the chariot was the most ancient prototype of the Aśvins. The Greek Dioskouroi are often said to possess white

²² The evolution of the horse-drawn chariot required longer experimentation: earlier mono-axle chariots with solid wheels have found in the graves of the North Pontic Catacomb culture (c. 2800-2200 calBC) (cf. Klochko & Pustovalov 1994: 205 fig. 6; 208; Pustovalov 1994: 99; 102 fig. 11; Parpola 2002b: 237 fig. 2). These early one-man chariots were probably drawn by oxen, like the similar chariots depicted on a silver drinking vessel of the BMAC (cf. Amiet 1989: fig. 6; Parpola 2002b: 240 fig. 5).

²³ The earliest known evidence of wheeled vehicles anywhere in the world seems to be a drawing of a wagon on a clay vessel of the Funnel Beaker culture found at Bronocice in southern Poland, with a calibrated radiocarbon date of 3470-3210 BC (cf. Piggott 1983: 40-42, 62-63; Carpelan & Parpola 2001: 59-60).

²⁴ *Lāṭyāyana-Śrautasūtra* 1,2,7; *Kauśikasūtra* 29; 35; 66; 83; *Āśvalāyana-Gṛhyasūtra* 2,5,2-4. *Mantha* means 'churning' and 'mixed beverage'.

²⁵ *Lāṭyāyana-Śrautasūtra* 1,2,1-2. *Parka* comes from the verbal root *prc-* 'to mix'.

²⁶ The cult of Kṛṣṇa and Bala-Rāma was current particularly among the Yādavas of the Mathurā region. The Yādava tribe is descended from the early Rgvedic Yadu tribe connected with the cult of the Aśvins and their wife/sister Uṣas. The city of Mathurā was originally called Madhurā (this form in Patañjali c. 150 B.C.) according to the 'demon' Madhu, who was the first ruler of the city. Madhu, whose name means 'honey, honey-drink, mead, wine', may have been the prototype of Bala-Rāma, the great wine-drinker. (Cf. Parpola 2002c).

Avesta, the cognate word *aēta-* is used of camel. Cf. Mayrhofer 1992: I, 265-6.

²⁰ According to Rgveda 1,115,5, the Sun makes one to see the colours of Mitra and Varuṇa in the sky: his horses bring together his two appearances, one infinitely white, the other black. This verse belongs to those recited at the twilight praise addressed to the Aśvins (*āśvina-śāstra*) in an over-night Soma sacrifice, and in that context the Aitareya-Brāhmaṇa (4,10,9) comments: "Mitra is the day, Varuṇa the night".

²¹ Further evidence of this kind e.g. in Atharvaveda 12,3,54; see Bergaigne II, 423.

horses (*leúkippoi*), and in the *Odyssey* (23,246), the chariot of the goddess of Dawn, *Eōs* (whose name is cognate with Sanskrit *uṣas* and Latin *aurora*) is pulled by two young horses (*póloi*) called *Lámpos* ‘bright, shining’ and *Phaéthōn* ‘bright, shining’. The *Odyssey* (12, 132) also mentions the feminine equivalents *Lampetiē* and *Phaéthousa* as the names for the daughters of the sun-god *Hēlios*. In the *Ṛgveda* (7,77,3), the sun-god *Sūrya* (whose name is cognate with *Hēlios*) is called “the white horse” of the goddess of Dawn, *Uṣas*; in *RV* 7,78,4 well-yoked horses pull the chariot of *Uṣas*. *Uṣas* is also frequently called “daughter of Sky” in the *Ṛgveda* (*divó duhitár-* or *duhitár- diváh*), which corresponds to “the daughter of Zeus” in Homeric Greek (*Diòs thugátēr* or *thugátēr Diós*), used of Helene the sister of the *Dioskouroi* (*Odyssey* 4, 227) and of other goddesses (though not directly of *Eos*). (Cf. Nagy 1979: 198-200.)

The chariot team. However, as soon as the one-man chariot gave way to a wider chariot, its two-man team became the primary model for the divine twins. The two men had specialized tasks: the chariot-warrior concentrated in using weapons in fighting or hunting, and his charioteer took care of driving and assisted in other ways as well. (The Sanskrit word *sūta* means both ‘charioteer’ and ‘bard’, and in ancient Indian epics the charioteer often encourages the warrior by singing about the heroic deeds of his ancestors or gives him advice.) This ‘division of labour’ is exactly reflected in the earliest Greek references to the *Dioskouroi* in Homer: *Poludeukes* the boxer represents the warrior of the chariot team, *Kastor*²⁷ ‘the tamer of horses’ the charioteer.²⁸ As a rule, both men came from the high elite (cf. Piggott 1992: 47). In the probably Proto-Aryan speaking *Sintashta-Arkaim* culture, burials exhibiting the highest status contain a warrior lying fully armed in his chariot, accompanied by his charioteer lying between the chariot and the horses (fig. 9).

²⁷ The name *Kástōr* is derived from the Proto-Indo-European root *kʷad-* or rather **kʷend-* ‘to excel, surpass, triumph’. This root is supposed to be originally identical with **skʷend-* / **skend-* ‘to appear, to shine’ (cf. Pokorny 1959: I, 516-7, 526; LIV 1998: 289-290; 494-5, 501-2).

²⁸ Reflecting these different tasks and qualifications, the Vedic tradition makes some distinctions between the two *Aśvins*: the elder one is a ‘victorious’ (*jīṣṇú-*) warrior, a mortal king (*rājan-*) as the son of a human father, while the younger brother is more peaceful and of divine origin, an ‘intelligent, wise, skilful’ (*dasrā-*) and ‘trickful’ (*māyāvin-*) charioteer (cf. Zeller 1990: 36f.).

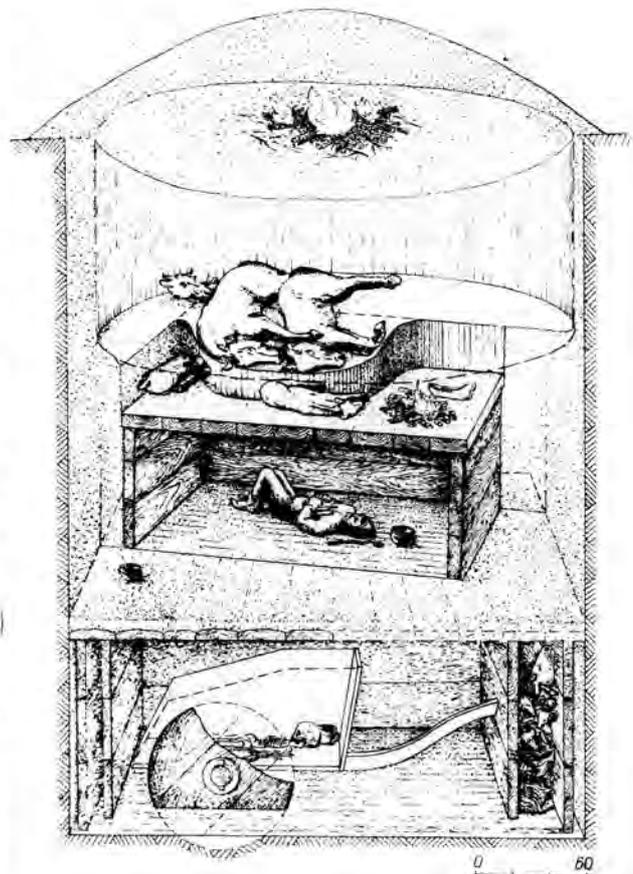

Fig. 9. An aristocratic burial at Sintashta in the southern Urals (c. 2200-1800 calBC). The chariot in this grave still has plank-wheels. After Gening, Zdanovich & Gening 1992: 154, fig. 72.

The royal status associated with the horse-drawn chariot is evidenced by the names of the *Mitanni* kings and nobles, which are derived from the appellations of the chariot warrior (cf. Parpola 2002a: 77-78). *Mitanni*-related documents use the word *mārya-* (*ma-ri-ia-an-nu*) ‘young man, warrior’ of the Proto-Indo-Aryan nobility, whose status was related to the use of war-chariots (cf. Mayrhofer 1996: II, 329-30).

Chariot team and dual kingship

Dual kingship in Sparta. In Sparta the *Dioskouroi* were worshipped as national gods, and they served as a model for a dual kingship.

In actuality the *Dioskouroi* are to a large extent a reflection of the body of young men capable of bearing arms. They invent the war dances, and as mounted warriors they ride out in search of adventure, rustling cattle and stealing brides, but they also rescue

their sister. The dual kingship of Sparta bears a special relationship to the Dioskouroi. The Tyndaridai are invoked when the army marches into battle, and if one of the kings remains behind, then so does one of the Tyndaridai." (Burkert 1985: 212)

The basis of the last sentence is Herodotus (5,75), who reports what happened during the Persian wars when the two Lacedaemonian kings were not of one mind:

"On account of this rupture between the kings, a law was passed at Sparta, forbidding both monarchs to go out together with the army, as had been the custom hitherto. The law also provided, that, as one of the kings was to be left behind, one of the Tyndaridae should also remain at home; whereas hitherto both had accompanied the expeditions, as auxiliaries." (Tr. Rawlinson p. 406).

The dual kingship of Sparta associated with the Dioskouroi may be an ancient survival. According to the Greek tradition, it goes back to the Herakleidai, when they 'returned' to Peloponnesos, i.e. to the coming of the Dorians (around the 12th-11th century BC). In Argos, the Dioskouroi were called *Anakes* 'the kings' as early as the sixth century BC, and their shrine (with images of the twins, their horses, wives and son in ebony and ivory) as the *anakeion*. They were *Anaktes* 'kings' in many other parts of Greece including Athens (*to anake* in the dual) and Boeotia (cf. Farnell 1921: 186, 188, 203-5, 217-8; Nilsson 1955: I, 407).

The cult of the Dioskouroi was specifically associated with Sparta and the Dorians. By the time the Dorians arrived in Greece, around 1200 BC, riding had already displaced chariotry, but the two-man team of the chariot remained associated with horses even in the riding era. Some reminiscences of divine horseman twins from the Mycenaean times of chariotry survive, however. Nestor the king of Pylos tells that he once had a chariot-fight with the twin sons of Molione (their mother) and *Aktor*²⁹, who is their human father, but the twins were saved by Poseidon, their divine father (cf. Iliad 11, 750-2). In Iliad 23, 638-642, Nestor boasts that in the funeral games of the Epeian king, he won every contest but the chariot-race: "In the chariot race alone the twain sons of Actor outstripped me by force of numbers ... Twin brethren were they -- the one drove with sure hand, while the other plied the goad" (transl. Murray 1925: II, 541). "Aristarchus held that the Actoriones derived an advantage from their composite form -- one body with two heads, four arms

²⁹ *Aktor* 'driver, leader' is also an epithet of the horse-related sea god Poseidon, the divine father of these "Siamese" twins.

and four legs -- but that Nestor's protest against this was overruled" (Murray 1925: II, 540, n. 1).³⁰

Dual kingship in India. In his study of kingship in the Rgveda and Atharvaveda, Bernfried Schlerath (1960: 108) finds 'divine' evidence for dual kingship in the dual deity Mitra-and-Varuna, but misses corresponding evidence in secular life: "Nach dem Vorbild von Mitra und Varuna sollte man auch ein irdisches Doppelkönigtum gelegentlich erwarten." In my opinion, however, such 'mundane' evidence can be found in the integral connection between the *ksatra*- 'royal power' and *brahman*- 'sacred power' in ancient Indian kingship (cf. Gonda 1966: 62ff.; Rau 1957: 117ff.; Scharfe 1989: 112ff.). "King and purohita are, for the sake of the well-being of the kingdom, an inseparable pair; they are each other's complement" (Gonda 1966: 66). The *Śatapatha-Brāhmaṇa* (4,1,4,1-2) actually compares the relationship between the king and his purohita to that between Mitra and Varuna (cf. Scharfe 1989: 114).

Mitra and Varuna: a transformation of the Aśvins? Mitra-and-Varuna are the most important among the Proto-Indo-Aryan divinities whose names denote abstract social concepts (cf. Brereton 1981). These *Āditya* gods seem to have come into being under the influence of the Assyrian religion during the tin-trade in 1920-1850 BC, for according to the glyptic evidence, the BMAC was clearly involved in this trade (cf. Parpola 2002a: 87-91). That this creation of gods of a new type took place in southern Central Asia or northern Iran is suggested by the fact that Mitra-and-Varuna, Indra and the *Nāsatyas* are mentioned as oath deities³¹ by the Mitanni king in his

³⁰ The authority on which Aristarchus' explanation is based is Hesiodus, according to whom these twins had a single body (Fragm. 13 (32), Rzsch 1958: 137). Ibukos in the sixth century BC "describes 'the two sons of Molione' as 'youths who ride (or drive) white horses [*leúkippoi*], equals in age and height and one in body, both born within a silver egg'" (Farnell 1921: 208). (Cf. also Eitrem 1902: 11-12.)

³¹ In the Mitanni-Hittite treaty of 1380 BC, the *Nāsatyas* are summoned to punish the breaker of the treaty. Theognis (verse 1087) reveals that the Greek Dioskouroi had this function, too: "Kastor and Poludeukes, who dwell in holy Lakedaimon by the fair-flowing stream of Eurotas, if ever I plot evil against my friend, may it fall on my own head" (transl. Farnell 1921: 228). The Lacedaemonian oath *vai to sid* is commonly interpreted to mean 'by the two gods', referring to the Dioskouroi (cf. Farnell 1921: 193). An ancient Indian etymology for the name

horses with the hymn RV 6,75 (this hymn is used in the horse sacrifice as well, to bless the warriors who are protecting the sacrificial horse during its year-long expedition). Mounting the chariot, the *purohita* makes the king repeat the ‘overrolling’ (*abhivarta*) hymn (RV 10,174), with which the king asks Brhaspati to make him roll over his rivals; according to Atharvavedic texts, this hymn is recited while binding on the king an amulet (*mani*) made of the rim of the chariot wheel. The king is also to pray Mitra and Varuṇa with RV 8,101,3-4. Now the *purohita* is to look at the king and to recite the *apratiratha* hymn (RV 8,103), the *sāsa* hymn (RV 10,152) and the *sauparna* hymns. Geldner in his RV translation (1951: III, 320) characterizes the *apratiratha* hymn as “ein urwüchsiges, ganz im Atharvastil gehaltenes Schlachtlid”. In verse 4, Brhaspati (who as Indra’s *purohita* accompanies Indra to the battle, cf. Schmidt 1968: 100) is asked to “fly around” in his chariot, killing and warding off enemies, and, victorious in battle, to be “a helper of our chariots” (*br’haspate pári dīyā ráthena rakṣohāmītrān apabādhamānaḥ / prabhañján sēnāḥ pramṛṇó yudhā jáyann asmákam edhy avitā ráthānām*).

In ritual formulae belonging to the chariot race of the royal rite *vājapeya*, Brhaspati is said to be the divine charioteer who won the race (Taittirīya-Saṃhitā 1,7,8a ... *brhaspatinā vājajitā vājam jeṣam*, cf. Sparreboom 1983: 38f.). In the hymn RV 2,24, reference is often made to Brhaspati as an excellent charioteer and race winner (cf. Schmidt 1968: 230-237). In the *vājapeya* rite, the brahman priest ascends the chariot-wheel that is turned around³⁵ while the king and the *adhvaryu* win the chariot race. The *adhvaryu* priest functions as the king’s charioteer in this race, consecrating the horses, the chariot and the king in the same way as the *purohita* does in *Āśvalāyana-Grhyasūtra* 3,12. The sacrificing king hands over his kingship to the *adhvaryu* priest for the duration of the horse sacrifice (cf. *Āpastamba-Śrautasūtra* 20,2,12-20,3,2).

The *adhvaryu* priest and his team mate *pratiprasthātr* are identified with the *Ásvins*, who are the two *adhvaryu* priests of the gods (Taittirīya-Āraṇyaka 3,3 *ásvínādhvaryú*; cf. Zeller 1990: 178; Parpola 2002a: 78). This is undoubtedly connected with the fact that these two are the main priests performing the *pravargya* rite. In the priestly title *pratiprasthātr*, the component *prasthātr* apparently

denotes ‘chariot fighter’: *Prasthātr*, written Parsatattar in the cuneiform script, is the proper name of an early Mitanni king, whose son and successor was called Sauštattar = **savyesthātr* ‘chariot-fighter’, literally ‘one who stands on the left side [of the chariot]’ (cf. Parpola 2002a: 74-78). The prefix *prati-* in *pratiprasthātr* seems to come from *prati-hita* ‘crown prince’,³⁶ who makes a chariot drive in the royal consecration.

Nāsatya: the charioteer and the saviour function

The saviour function of the *Nāsatyas* is ancient, for both they and the *Dioskouroi* were prayed for help and often came to people’s rescue. In Greece, the *Dioskouroi* as *sōtēres*, ‘saviours’, helped in all kinds of trouble, particularly in peril at sea, in battle-field, and in illness (cf. Eitrem 1902: 4-5; Bethe 1905: 1094-1097).

That charioteers were saviours in the battle-field is understandable from the function of the early war chariot:

“the massed chariot charge is a fiction, and ostentatious parade and intimidation, mobile commanding posts and flanking actions seem the chariot’s main function, with bow and arrow or light throwing spear as mobile missiles: if swords and heavy spears and body armour were involved, earlier chariotry provided a quick delivery and rescue service to and from the battle field” (Piggott 1992: 57)

“in the *Iliad*... the rôle of the chariot seems to be chiefly as a means of transport to and from the battlefield. Generally the warrior leaps down to fight – his charioteer standing by to carry him out of danger if things go badly” (Wace & Stubbings 1962: 521).

The rescue function thus belonged especially to the charioteer, and the word *nāsatya / néstōr* is likely to have originally denoted just this member of the chariot team.

The names *Nāsatya* and *Ásvin*, used in the dual of both of the divine twins, seem to have originally denoted just one of them, the ‘charioteer’. As elliptic duals, they mention explicitly only one member of the pair, as do the Vedic duals *mitrā* (= *mitrā-vāruṇā / mitrā-vāruṇau*) ‘Mitra-and-Varuṇa’ and *dyāvā* (= *dyāvā-prthivī*) ‘heaven and earth’. A similar use of elliptic dual is found in Greek (*Alante* ‘Aias & Teukros’); Latin (which lacks the dual) has the elliptic plural *Castores* ‘Castor et

³⁵ This ‘turning of the wheel’ seems to be behind the title *cakravartin* ‘wheel-turner’ which in ancient India denoted the ‘ruler of the whole world’.

³⁶ *Prati-hita* literally means ‘put in place’: specifically, it is used of an arrow adjusted to the bowstring (the crown prince receives bow and arrow in the royal consecration and uses them during his chariot drive).

horses with the hymn RV 6,75 (this hymn is used in the horse sacrifice as well, to bless the warriors who are protecting the sacrificial horse during its year-long expedition). Mounting the chariot, the *purohita* makes the king repeat the ‘overrolling’ (*abhivarta*) hymn (RV 10,174), with which the king asks Brhaspati to make him roll over his rivals; according to Atharvavedic texts, this hymn is recited while binding on the king an amulet (*mani*) made of the rim of the chariot wheel. The king is also to pray Mitra and Varuṇa with RV 8,101,3-4. Now the *purohita* is to look at the king and to recite the *apratiratha* hymn (RV 8,103), the *sāsa* hymn (RV 10,152) and the *sauparna* hymns. Geldner in his RV translation (1951: III, 320) characterizes the *apratiratha* hymn as “ein urwüchsiges, ganz im Atharvastil gehaltenes Schlachtlid”. In verse 4, Brhaspati (who as Indra’s *purohita* accompanies Indra to the battle, cf. Schmidt 1968: 100) is asked to “fly around” in his chariot, killing and warding off enemies, and, victorious in battle, to be “a helper of our chariots” (*br’haspate pári dīyā ráthena rakṣohāmītrān apabādhamānaḥ / prabhañján sēnāḥ pramṛṇó yudhā jáyann asmákam edhy avitā ráthānām*).

In ritual formulae belonging to the chariot race of the royal rite *vājapeya*, Brhaspati is said to be the divine charioteer who won the race (Taittirīya-Saṃhitā 1,7,8a ... *br’haspatinā vājajitā vājam jeṣam*, cf. Sparreboom 1983: 38f.). In the hymn RV 2,24, reference is often made to Brhaspati as an excellent charioteer and race winner (cf. Schmidt 1968: 230-237). In the *vājapeya* rite, the brahman priest ascends the chariot-wheel that is turned around³⁵ while the king and the *adhvaryu* win the chariot race. The *adhvaryu* priest functions as the king’s charioteer in this race, consecrating the horses, the chariot and the king in the same way as the *purohita* does in *Āśvalāyana-Grhyasūtra* 3,12. The sacrificing king hands over his kingship to the *adhvaryu* priest for the duration of the horse sacrifice (cf. *Āpastamba-Śrautasūtra* 20,2,12-20,3,2).

The *adhvaryu* priest and his team mate *pratiprasthātr* are identified with the *Ásvins*, who are the two *adhvaryu* priests of the gods (Taittirīya-Āraṇyaka 3,3 *ásvínādhvaryú*; cf. Zeller 1990: 178; Parpola 2002a: 78). This is undoubtedly connected with the fact that these two are the main priests performing the *pravargya* rite. In the priestly title *pratiprasthātr*, the component *prasthātr* apparently

denotes ‘chariot fighter’: *Prasthātr*, written *Parsatattar* in the cuneiform script, is the proper name of an early Mitanni king, whose son and successor was called *Sauštattar* = **savyesthātr* ‘chariot-fighter’, literally ‘one who stands on the left side [of the chariot]’ (cf. Parpola 2002a: 74-78). The prefix *prati-* in *pratiprasthātr* seems to come from *prati-hita* ‘crown prince’,³⁶ who makes a chariot drive in the royal consecration.

Nāsatya: the charioteer and the saviour function

The saviour function of the *Nāsatyas* is ancient, for both they and the *Dioskouroi* were prayed for help and often came to people’s rescue. In Greece, the *Dioskouroi* as *sōtēres*, ‘saviours’, helped in all kinds of trouble, particularly in peril at sea, in battle-field, and in illness (cf. Eitrem 1902: 4-5; Bethe 1905: 1094-1097).

That charioteers were saviours in the battle-field is understandable from the function of the early war chariot:

“the massed chariot charge is a fiction, and ostentatious parade and intimidation, mobile commanding posts and flanking actions seem the chariot’s main function, with bow and arrow or light throwing spear as mobile missiles: if swords and heavy spears and body armour were involved, earlier chariotry provided a quick delivery and rescue service to and from the battle field” (Piggott 1992: 57)

“in the *Iliad*... the rôle of the chariot seems to be chiefly as a means of transport to and from the battlefield. Generally the warrior leaps down to fight – his charioteer standing by to carry him out of danger if things go badly” (Wace & Stubbings 1962: 521).

The rescue function thus belonged especially to the charioteer, and the word *nāsatya / néstōr* is likely to have originally denoted just this member of the chariot team.

The names *Nāsatya* and *Ásvin*, used in the dual of both of the divine twins, seem to have originally denoted just one of them, the ‘charioteer’. As elliptic duals, they mention explicitly only one member of the pair, as do the Vedic duals *mitrā* (= *mitrā-vāruṇā / mitrā-vāruṇau*) ‘Mitra-and-Varuṇa’ and *dyāvā* (= *dyāvā-prthivī*) ‘heaven and earth’. A similar use of elliptic dual is found in Greek (*Alante* ‘Aias & Teukros’); Latin (which lacks the dual) has the elliptic plural *Castores* ‘Castor et

³⁵ This ‘turning of the wheel’ seems to be behind the title *cakravartin* ‘wheel-turner’ which in ancient India denoted the ‘ruler of the whole world’.

³⁶ *Prati-hita* literally means ‘put in place’: specifically, it is used of an arrow adjusted to the bowstring (the crown prince receives bow and arrow in the royal consecration and uses them during his chariot drive).

Pollux' (from the Greek dual *tō Kástore*, cf. Eitrem 1902: 6 n. 3). In the R̥gveda, the two members of the pair are often both explicitly mentioned, and both can be in the dual, sometimes separated by other words (RV 6,51,1 *cákṣur máhi mitráyora ām eti priyám várūṇayora*). From a similar tmesis occurrence of two duals in RV 1,184,1cd (*nāsatyā kūha cit sántāv aryó divó nápātā*) Geldner has concluded that one of the Aśvins was called Nāsatya, the other 'Son of the Sky' (*divó nápātā*).³⁷

Among the ancient Proto-Indo-Aryan deities (*daiva*) of Iran, who became 'demons' (*daēva*) for Zarathustra, the Avesta (in Vidēvdāt 19,43 and 10,5-6 and 10,9-10) mentions just one Nāhathya, using the singular number,³⁸ Thieme (1960: 315b) has called attention to the fact that immediately after Nāhathya, the Vidēvdāt mentions in the same way the demon Saurva. Avestan Saurva corresponds to post-R̥gvedic Śarva (derived from *śaru* 'arrow'), another name of Rudra. Thieme adds that Rudra is collocated with Nāsatya also in that one and single verse of the R̥gveda (4,3,6), which speaks of the Nāsatya in the singular³⁹ (here Nāsatya the epithet *pari-jman-* 'round-driving'). This agrees perfectly with the above argued identification of Rudra as one of the Aśvins. In the post-Vedic texts Harivaṃśa (8,39), Mahābhārata (12,201,17) and Bṛhaddevatā (7,6), the two Aśvins have Nāsatya and Dasra as their individual proper names (cf. Tokunaga 1997: 266-7).

The name *Nāsatya-* 'effecting safe homecoming, rescuer, saviour' is derived (with the *vrddhi* lengthening of the root) from **nas-ati-* 'safe homecoming, happy return', which has been formed (like Vedic *vas-ati-* 'dwelling' from the root *vas-* 'to dwell') from the root *nas-* 'to (come home and) unite happily' (past participle **ns-tā-* > **as-tā-* > noun *āsta-* n. 'home', *astam-ayā-* m., *astam-āyana-* n.

³⁷ Cf. Geldner 1901: III, 72; Wackernagel 1905: II (1): 151-2; Konow 1921: 37; Gotō 1991; Mayrhofer 1996: II, 39.

³⁸ Pirart (1995: I, 18-22) discusses and analyzes the Avestan evidence in detail. Departing from the traditional interpretation, according to which the Avesta knows only one Nāhathya (in the singular), Pirart suggests an emendation into the dual and takes the names of the following two Daēvas Taurvi and Zairica (not otherwise known, but Taurvi corresponding to Vedic *tūrvi* 'superior, overpowering', which occurs only once, in RV 9,42,3) as the names of the two Nāhathyas.

³⁹ Geldner (1951: I, 420) suggested an emendation into the dual, which would be metrically better.

'homecoming; sunset', cf. Mayrhofer 1992: I, 149-150), from the Proto-Indo-European root **nes-* 'to come safely home', Greek *néomai* 'to return home, arrive happily, escape into safety', *nóstos* 'homecoming, return', Gothic *ga-nisan* 'be saved', *nasjan* 'to save, rescue', German *genesen* 'be healed') (cf. Frame 1978: 125ff.; Mayrhofer 1996: II, 30 & 39 with further references; also Oberlies 1993: 172 n. 6).

Nāsatya- is cognate with Greek *Néstōr* 'rescuer, saviour'. Alone of all the Homeric heroes, Nestor has the standing epithet 'horseman' (*hippóta*). For the chariot race at Patroclus' funeral, Nestor in a lengthy passage (Iliad 23,301-350) gives counsel to his son Antilochus, one of the competitors, even though Zeus and Poseidon had taught the son "all manner of horsemanship" (*hipposúnas ... pantolás*).

Douglas Frame (1978) has argued that "the essential part of Nestor's story in Iliad 11 descends from an original myth of the sun. This would imply that Nestor himself came to be viewed as 'historical' only when his myth had first been historicized. The trend of modern scholarship since the discovery of Pylos has been to historicize Nestor even more, and a pivotal argument in this trend has to do with the interpretation of Nestor's name" (96) Frame leaves open the possibility that there has been a real King Nestor (p. 99), but concludes: "even if a good possibility remains that Nestor was originally a god, we may rest content with what clearly emerges from Iliad 11 -- namely, that he was at least mythological... Nestor does not belong entirely either to the world of gods or the the world of men" (p. 99). Frame's thesis is most relevant for the present paper, not least because Nestor's name is cognate with Sanskrit Nāsatya, and these mythical figures have a closely similar function.

The Nāsatyas as funerary deities

Odysseus describing his visit to the Netherworld says (Odyssey 11,298-304): "And Leda I saw, the spouse of Tundareos,⁴⁰ who bore to Tundareos two sons of mighty heart, Kastor the tamer of horses and Poludeukes good at the fist-play, both of whom being still alive lie 'neath the life-giving earth; who have this honour from Zeus, albeit in the nether world, they pass from death to life

⁴⁰ Tundáreos or Tundáreōs was a mythical king of Sparta.

and life to death on alternate days,⁴¹ and enjoy equal honours with the Gods.” (tr. Farnell 1921: 181) Corresponding to the conception that one of the Dioskouroi is among the celestials and the other in the netherworld, sometimes one is provided with a white horse and the other with a black horse in the monuments (cf. Eitrem 1902: 6; Bethe 1905: 1091-2).

The Greek Dioskouroi were also connected with the burials of the dead:

“As they were the conspicuous examples of the mortal attaining a blessed immortality, their personalities came to support the later faith in a blessedness attainable by the individual soul after death; hence their frequent presence on Roman sarcophagi. The dead might therefore occasionally be committed to their care [as in the second century BC grave inscription on a tomb in Thessaly: *Sōpuros Parmeniōnos Dioskouōis*]” (Farnell 1921: 227, with further references).

Douglas Frame (1978) has convincingly argued that *nóstos* ‘homecoming, return’ in early Greek religion primarily meant ‘return from (darkness and) death’, ‘coming back to (light and) life’. He has presented a lot of material -- which I cannot repeat here for reasons of space and time -- to the effect that the miracles performed by the Dioskouroi and the Nāsatyas as saviours largely denote revivals from death.

Indeed, the Atri legends seem to reflect the mysticism of rebirth involved in Vedic funerary rituals. The Aśvins saved Atri from the heated *rbīsa*.⁴² Atri had descended into this *rbīsa*, but the Aśvins warded off the fire so that it did not burn Atri. The Aśvins brought enlivening nourishment to Atri, the honey-sweet hot drink *gharma*, which Atri afterwards gave back to them in the form of *gharma* offering. The secret which the Aśvins received from Dadhyañc is called *madhu-vidyā*, ‘knowledge of the honey-drink’, and apparently the *gharma* is this nectar of immortality, which revives dead persons and rejuvenates old people who are falling apart. The Aśvins released Atri from distress

⁴¹ A coin type of Istros on the Black Sea dated to c. 300 BC shows two young male heads, the one on the left upwards, the one on the right downwards. They have been interpreted to symbolize the dual nature, celestial and chthonia, of Poludeukes and Kastor, or the rising and setting sun. Cf. Farnell 1921: 220.

⁴² The word *rbīsa* seems to come from the non-Indo-European language originally spoken in the BMAC culture (cf. Lubotsky 2001; Parpola 2002a: 92-94). -- On Atri and the *rbīsa*, see Jamison 1991.

(*amhas*), which is comparable to an embryo’s confinement in the womb (cf. Heesterman 1957: 18, n. 15a). The Aśvins brought old Atri up and made him young again. (See Zeller 1990: 68-76 and Macdonell 1897: 145.) The Aśvins help also other protégés by ‘freeing’ (*muc-*) them from distress (*amhas-*) and by bringing them up with their chariot, which is drawn by winged horses, often “to see the sun” (*svār drśé*). Thus Rebha and Vandana were saved when they had been bound up by enemies and lied in a pit as if dead: the Aśvins came, released their bonds, brought them up and made them alive again (cf. Zeller 1990: 75f.).

Funerary urns, the *gharma* and *ukhā* pots, and death rites

The ‘face urns’ of Swat, filled with collected post-cremation bones, had a funerary function, while the ‘nosed’ *gharma* vessel of the pravargya rite was used to offer hot milk to the Aśvins. The mantra texts, however, suggest that the pouring of milk into the vessel symbolizes impregnation with seed (cf. Buitenen 1968: 94, 105). This symbolism is very much there in the parallel rite of *agnihotra*, the offering of milk into sacred fire at sunrise and sunset (cf. Bodewitz 1976; Parpola 1998: 226-228) -- one is tempted to think that the *agnihotra* is an ancient variant of the *gharma* rite. After the offering, the pravargya vessel has funerary associations: the pravargya rite ends in the disposal (*udvāsana*) of the ritual equipment, in which the implements are laid down in the shape of a human body (or the sun) (cf. Buitenen 1968: 130), just as in the cremation funeral of the Veda the collected bones of the dead are to be laid down in the shape of a human being, so that the dead person gets his or her body back and can be revived (cf. Caland 1896: 154). The ritual equipment of a śrauta sacrificer is to be laid down on the different parts of the body of the deceased immediately before the cremation (cf. Caland 1896: 49-54). A similar putting together of cut-off pieces of the slaughtered primeval man takes place at the rite of *agnicayana*, ‘piling of the fire altar’, in which the *ukhā* vessel plays an important role and which is paralleled by the piling of the funeral monument (*śmaśāna-cayana*).

Already from an inspection of the rules concerning pottery (see Rau 1972),

“it is clear that the pravargya ritual is closely related to the rites of the brick altar with which it shares the proceedings of fetching the clay, the

manufacture of the fired clay pot and the concern with the 'head of the sacrifice' (real ones under the brick altar, an imaginary head represented by the *mahāvira* pot of the *pravargya*)." (Heesterman 1993: 168)

The brick-built fire altar (*agni-citi*) is related to the funerary tumulus (*śmaśāna-citi*) made of lumps of earth (*loṣṭa-citi*); according to some ancient ritualists, only a builder of the *agni-citi* was entitled to be buried in such a tumulus. The two structures were largely parallel as well (cf. Caland 1896: 129ff.). The word *citi* is used also of the pyre of wood in the ordinary cremation funeral (cf. Caland 1896: 36).

Prajāpati, the 'Lord of Creation', fell apart (i.e. died) as a result of his creating the world. His disintegrated body is put together again in the ritual of the fire altar. Its 10,800 bricks correspond to the body parts of Prajāpati, who among other things is equated with the year (which has 360 days of 30 'moments', altogether 10,800 'moments'). "The year is considered the full term of pregnancy" (Heesterman 1957: 28, referring to *Pañcaviṃśa-Brāhmaṇa* 6,1,3 and 10,1,9). According to the *Śatapatha-Brāhmaṇa* (7,2,1,5), "When the gods made Prajāpati, who had fallen asunder, fit again, they poured him in the form of seed in the fire pot (as) in a yoni [i.e. womb]. The fire pot, verily, is yoni." In the fire altar rite,

"the *ukhā*, 'fire pot', in which the fire is to be carried during the year preceding the actual building of the brick construction ... [and] which is identical with the milk pot used in the *pravargya* ritual, is also a form of the 'head of the sacrifice' ... Finally when the fire altar is built, the human head is put in the *ukhā* in the center of the first layer." (Heesterman 1985: 53)

In the funerary ritual, the bones, starting with the skull, are collected after the cremation (cf. Caland 1896: 103ff.) into a pot. This pot is called *kalaśa-* in the *Kauśikasūtra* (82,31), *kumbha-* or *sata-*⁴³ in the *Baudhāyana-Pitṛmedhasūtra* (11: ed. Caland p. 17,4).

The *Baudhāyana-Śrautasūtra* (8,3) mentions a wooden vessel or a vessel of bell-metal⁴⁴ for the heating of the so-called *dadhi-*

⁴³ The etymologically unclear term *sata-* is interesting, as it is otherwise known only as the name of a wooden vessel for beer (*surā-*) in the *sautrāmaṇī* rite: in the legend connected with the *sautrāmaṇī*, Indra with the help of the *Aśvins* won the *surā-* drink from the *Dāsa* demon *Namuci* whose head Indra cut off (cf. Rönnow 1929).

⁴⁴ Taking into consideration that the cult of the *Aśvins* apparently survived in *Mathurā*, perhaps not only *Madhu* as the name of an earlier local ruler or demon can be related to this cult, but also *Kaṃsa*

offering, which consists of heated curds (*dadhi*) and ghee. The *dadhi-gharma* is important for understanding "earlier, pre-classical forms of the *Pravargya*, and its conservation of archaic features for which the classical *Pravargya* also contains indications" (Houben 2000a: 18; this has been emphasized already by Buitenen 1968: 1-5). Thus, *Śatapatha-Brāhmaṇa* 14,2,2,53-54 suggests that wooden and metal vessels were once used as *pravargya* vessels, but they were later replaced by earthen vessels because wooden vessels were burnt and metal vessels melted; the older but "already developed" practice of using a metal vessel in the *gharma* ritual is actually referred to in *R̥gveda* 5,30,15 (cf. Houben 2000a: 6-7, 17-18). The *dadhi-gharma*, which is referred to as early as *RV* 10,179, is offered to *Indra* during the midday service of a *soma* sacrifice; it has undoubtedly originated from the desire of *Indra* worshippers to compensate for the *gharma* offered to the *Aśvins* (cf. Buitenen 1968: 3; Houben 2000a: 18).

Another offering that has preserved features of an earlier form of the *pravargya* rite is the *pr̥ṣātaka* ceremony that the *Grhyasūtras* prescribe to be performed at the full moon of the *Āśvina* or *Āśvayuja* month (in September-October): the name of the month connects it with the *Aśvins*, who are also among the deities mentioned as its receivers (*Śāṅkhāyana-Grhyasūtra* 4,16 enumerates the *Aśvins*, the *Āśvayuj*, the *Āśvayuja* full moon, the autumn and *Paśupati*, while *Pāraskara-Grhyasūtra* 21,6 enumerates *Indra*, *Indrāpī*, the *Aśvins*, the *Āśvina* full moon, and the autumn). Here the oblation (from which the ceremony has got its name, which denotes 'spotted ghee' like *pr̥ṣad-ājya-*) consists of a mixture of milk or sour milk and ghee, according to the *PGS* also honey (cf. Houben 2000a: 19).

Sour milk (*dadhi*) and honey (*madhu*) appear to have been among the ingredients of the original *gharma* offering, for the word *dadhi* is part of the name of the demon *Dadhyañc*, who taught the *Aśvins* the secret *madhu-vidyā* 'honey-knowledge'. According to the *Gautama-Pitṛmedhasūtra* (1,6), the funerary urn is to be filled with sour milk, ghee, honey and water, and in addition a piece of gold; then the bones are put in (cf. Caland 1896: 107). A great feast for the ancestors on the 13th day of the dark half of the *Āśvayuj* and in the *Maghā* month in the rainy season must contain honey (cf. Caland 1888: 44-46).

'vessel of bell metal' and the name of *Mathurā*'s 'evil' ruler.

The funerary pot with the bones and ashes is dug and buried in a pit dug in the forest and more specifically at the root of a tree. According to a(n admittedly late) manual of the Kāṭha school, a cloth made of the kuśa grass is wrapped around the funerary urn⁴⁵ and this is placed inside another earthen vessel and then put down in the forest, at the root of a tree or a permanent reliquary placed in a clean location (*kauśavastrena pariveṣṭyānyasmin mṛnmaye pātre nidhāyārāṇye vṛkṣamūle vā śucau deśe vā abhramśinyām aiḍūkāyām samsthāpya*) (cf. Caland 1896: 107f.). When a funerary tumulus is built, also a big pot with a hundred holes (*kumbhīm ca śatātrṇṇām*, Baudhāyana-Pitṛmedhasūtra 14: 19,10), according to the Atharvavedins also another one with a thousand holes (*śatātrṇṇa-sahasrātrṇṇau*, Kauśikasūtra 83,3), is needed to sprinkle the ready tumulus with water, after it has been covered with stones (cf. Caland 1896: 157-159). Can this represent the ‘cooling’ of Atri’s *rbīsa* by the Aśvins?

The Nāsatyas and the nose

The prominent ‘nose’ on the pravargya pot and on the face urns of the Gandhāra Graves is connected with the Aśvins in their function as Nāsatyas, ‘saviours’. In Ṛgveda 2,39,6, they are asked to be “protectors of our body like the nose (with its two nostrils)” (*nāseva nas tanvō rakṣitārā*). On some of the Gandhāran face urns the ‘nose’ resembles the beak of an eagle or some other bird: according to the Ṛgveda, the flying chariot of the Aśvins is drawn by winged horses (RV 6,63,7 *vāyō śvāsah*), geese or swans (RV 4,45,4 *hamsāsah*) or eagles or hawks (*śyenāsah*). A connection between the face urns and the Aśvins is suggested even by the horse shaped handle on the lid of one of these Gandhāra Grave funerary pots (fig. 2). The word *nās-* ‘nose’ occurs only twice in the Ṛgveda. One occurrence is the above-quoted verse RV 2,39,6, where the two Aśvins are compared to the nose with its two nostrils (*nāsā* in the dual) -- note that the nose of one face urn has the detail of the two nostrils (see fig. 10). The other reference is RV 5,61,2c, addressed to the Maruts, the gods of storm and battle, who later

⁴⁵ I cannot here go into the important symbolism of this funerary wrapping, which symbolizes embryonic covers and is very much involved in the Atri myths; see -- also for many other aspects of the Atri mythology -- Jamison 1991 (especially pp. 234-237).

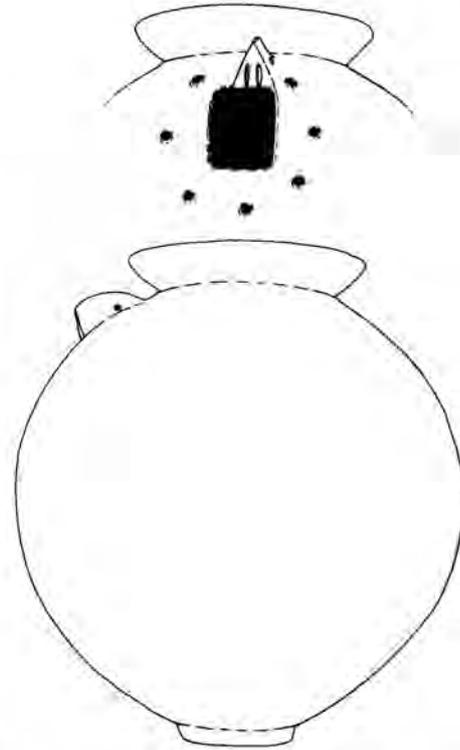

Fig. 10. A face urn from Loebanr (Swat) (T. 67/1). After Müller-Karpe 1983: 112, Abb. 40: 4 (based on Silvi Antonini & Stacul 1972: I (2), pl. XXXIX: c-d).

in the hymn (in verses 12-13) are represented as driving a chariot, but in the verse 6 apparently as riders (cf. Falk 1994: 93): *pr̥sthé sádo nasór yámah* ‘(where is) the saddle (literally, the seat) on the back (of the horse), (where) the rein (literally, restrainer) of the two nostrils (of the horse)?’ This verse is important, because it shows that the Sanskrit words *yama-* meaning ‘twin’ as well as ‘rein’ and *nás-* meaning ‘nose’ as well as ‘to save’ -- both associated with the Aśvins / Nāsatyas in the Ṛgvedic language -- had connotations definitely linked with a key skill in horsemanship, the control of the horse through its nostrils.

The Nāsatyas exerted their saviour function primarily as regenerators and psychopomps. In a Ṛgvedic prayer for the birth of a son, the two Aśvins, the lotus-garlanded gods, are asked to place an embryo in the wife (RV 10,184,2).⁴⁶ In the next verse of this

⁴⁶ A Greek inscription found at the Laconian colony of Akrai in Sicily contains the words Kalligenían Kást[ora kai Poludeúkēn]. Here the divine twins are associated with “the goddess of ‘beautiful birth’, a child-birth goddess whom we know from other sources”. Farnell (1921: 225-6) suggests that a woman had given birth to twins and therefore invoked this set of gods, denying any particular connection between the twin gods and childbirth.

hymn, the embryo is equated with the fire, the embryo of the waters, who is hidden in the aśvattha wood (cf. Krick 1982: 158-9): "The embryo, whom the Aśvins create with the golden fire quirl, him we call hither for you, so that he may be born in the tenth month." According to the Atharvavedic Kauśika-Sūtra (35,6-10), the life cycle rite of *pumsavana* aiming at the birth of a son is performed as follows. Fire is rubbed with a fire quirl, which consists of a female plank of śamī wood and a male stick of aśvattha wood (the fire stood [*sthā-* 'to stand'] in the shape of an *aśva* 'horse' one year in the aśvattha, cf. Krick 1982: 174-6); then the fire quirl is ground into powder and mixed with butter coming from a cow that has born a male calf; the mixture is put with the thumb of the right hand into the right nostril of the wife. The powder of the ground fire quirl can also be mixed with a honey-drink (*madhu-mantha*) that the wife is made to eat. We have seen that the honey-drink is connected with the Aśvins.

Smearing substance that symbolizes 'manly seed' into the nostril corresponds to becoming pregnant from smelling the seed, which is found in the myth the Aśvins' birth. According to the Bṛhaddevatā (7,3-6), Saranyū who had assumed the shape of a mare was covered by the steed-shaped Vivasvant, but on account of their speed the seed fell on the ground. After Saranyū had merely smelled the seed she immediately gave birth to the two 'nose-born' Nāsatyas. The myth is hinted at in RV 10,17,2 and told also by Yāska in Nirukta 12,10, in the Harivaṃśa (8,1-39) and in several Purāṇas (cf. Krick 1982: 211-2; Tokunaga 1997: 119 and 266-7). One of the etymologies mentioned by Yāska (and endorsed by Lommel 1951: 29-31) derives the name of the Nāsatyas from their nose-birth (Nirukta 6,13 *nāsatyau cāśvīnau / ... nāsikāprabhavau babhūvatur iti vā*).⁴⁷

The 'nose-birth' of the Nāsatyas is ritually included also in the pravargya rite. When the clay out of which the gharma pot is to be fashioned has been collected, at the moment when a goat is milked so that its milk

flows over the clay, a stallion is made to sniff at the clay while the adhvaryu recites: "Grant life, grant prāṇa, apāna and vyāna, sight, hearing, mind, voice, body, strength, mass -- grant me all this!" (cf. ĀpSS 15,2,2-3 and Buitenen 1968: 58).

In the establishment of the sacred fires (*agnyādhāna*), the new fire generated by means of the fire quirl is carried eastwards behind a horse led by the adhvaryu priest, followed by the fire-kindler priest with the fire, flanked on the left by the sacrificer and on the right by the brahman priest who makes a chariot or a chariot wheel roll forwards. As noted by Hertha Krick, the pair of the sacrificer and the brahman corresponds to the king and his house priest, and to the chariot warrior (*savyaṣṭha-* 'who stands on the left') and the charioteer (*sārathi*). The procession takes the fire from the gārhapatya hearth (which symbolizes the earth or the human world) to the āhavanīya hearth (which symbolizes the heavenly world), where it is placed upon the hoofprint of the horse; the horse snorts off the demons of darkness and tramples the enemies under its hoofs (cf. Krick 1982: 301-307). The fight between the solar horse and the demons of darkness seems to be depicted on the painted pottery of the Gandhāra Graves (cf. fig. 1). The whole procession is very similar to that in which the hot milk offering of the gharma rite is taken to the āhavanīya: "while the Adhvaryu brings forward the Mahāvīra, the Pratiprasthātar brings the southern rauhiṇa cake" (Buitenen 1968: 107) and a little later the northern rauhiṇa cake (p. 115): these cakes are made in the shape of a horse.

In the fire altar ritual, the *ukhā* pot symbolizes the earth as the maternal womb, into which part of the old fire had been placed as an embryo; after the *ukhā* vessel with this fire embryo had been carried around for one year marking the gestation period, it was reborn when laid down in the middle of the fire altar at the beginning of the new year (cf. Krick 1982: 115). The gharma pot, made exactly like the *ukhā* pot, has similar symbolism.

⁴⁷ In the Mahābhārata (12,347,42 and 12,348,39 Bombay ed.), the fifth birth of the god Brahmā from the nose of Nārāyaṇa is called *nāsatyam janma*.

References

- Васильев И.В., Кузнецов П.Ф., Семенова Ф.П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей. Челябинск, 1992. Т.1.
- Сарианиди В.И.* Исследования памятников дашлинского оазиса // Древняя Бактрия \ Кругликова И.Т. (Ред.) М., 1976. P. 21-86.
- Сарианиди В.И.* Царская гробница Северного Гонура (Рукопись). 2004. С. 1-10.
- Amiet P.* L'age des echanges inter-iraniens, 3500-1700 av. J.-C. Paris, 1986.
- Amiet P.* Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre collection // Bactria: An oasis civilization from the sands of Afghanistan \ Ligabue G., Salvatori S. (Eds.). Venice, 1989. P. 159-180.
- Anthony D.W.* The opening of the Eurasian steppe at 2000 BC // The Bronze Age and Early Iron Age peoples of eastern Central Asia \ Mair V. (Ed.). Washington, D.C., 1998. Vol. I. P. 94-113.
- Anthony D.W., Vinogradov N.B.* Birth of the chariot // Archaeology. Vol. 48. 1995. P. 36-41.
- Askarov A.A.* Southern Uzbekistan in the second millennium BC // The Bronze Age civilization of Central Asia \ Kohl Ph.L. (Ed.) Armonk, New York, 1981. P. 256-272.
- Bergaigne A.* La religion védique, d'après les hymnes du Rig-veda. Paris, 1878-1883. Vol. I-III.
- Bethe E.* Dioskuren // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertums-wissenschaft, Neue Bearbeitung \ Wissowa G. (Ed.) Stuttgart, 1905. Vol. 5, col. 1087-1123.
- Biezais H.* Baltische Religion // Ström Å.V., Biezais H. Germanische und Baltische Religion. Stuttgart, 1975. P. 307-391.
- Bloomfield M.* The Atharva-Veda and the Gopatha-Brāhmaṇa. Strassburg, 1899.
- Bobomullov S.* Ein bronzzeitliches Grab aus Zardča Chalifa bei Pendžikent (Zeravšan-Tal) // AMIT. Vol. 29. 1997. P. 121-134.
- Bodewitz H.W.* The daily evening and morning offering (agnihotra) according to the Brāhmaṇas. Leiden, 1976.
- Brereton J.P.* The Ṛgvedic Âdityas. New Haven, 1981.
- Buitenen J.A.B.van.* The Pravargya: An ancient Indian iconic ritual described and annotated. Poona, 1968.
- Burkert W.* Greek religion, archaic and classical. Oxford, 1985.
- Caland W.* Über Totenverehrung bei einigen der indo-germanischen Völker. Amsterdam, 1888.
- Caland W.* Die altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche. Amsterdam, 1896.
- Caland W.* 1926. The Śatapatha Brāhmaṇa in the Kāṇvīya recension edited. Vol. I. Lahore, 1926.
- Carpelan Ch., Parpola A.* Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective // Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations \ Carpelan Ch., Parpola A., Koskikallio P. (Eds.). Helsinki, 2001. P. 55-150.
- Dani A.H.* Timargarha and Gandhara Grave culture II Ancient Pakistan. Vol. 3. 1967.
- Dani A.H.* Recent archaeological discoveries in Pakistan. Paris, 1988.
- Deppert J.* Rudras Geburt: Systematische Untersuchungen zum Inzest in der Mythologie der Brāhmaṇas. Wiesbaden, 1977.
- Der kleine Pauly:* Lexikon der Antike \ Ziegler K., Sontheimer W. (Eds.). München, 1979. Vol. I-V.
- Eggeling J.* The Śatapatha- Brāhmaṇa according to the text of the Mādhyandina School translated. Oxford, 1882-1900. Vol. I-V.
- Eitrem S.* Die göttlichen Zwillinge bei den Griechen. Christiania, 1902.
- Falk H.* Das Reitpferd im Vedischen Indien // Die Indogermanen und das Pferd \ Hänsel B., Zimmer S. (Eds.). Budapest, 1994. P. 91-101.
- Farnell L.R.* Greek hero cults and ideas of immortality. Oxford, 1921.
- Frame D.* The myth of return in early Greek epic. New Haven, 1978.
- Geldner K.F.* Wurzel oh // Pischel R., Geldner K.F. Vedische Studien. Vol. III. Stuttgart, 1901. P. 59-72.
- Geldner K.F.* Vedismus und Brahmanismus. Zweite Auflage. Tübingen, 1928.
- Geldner K.F.* Der Rigveda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen. Vol. I-IV. Cambridge, Mass., 1951-1957.

- Gonda J.* Ancient Indian kingship from the religious point of view. Leiden, 1966.
- Gonda J.* A propos of the mantras in the pravargya section of the Ṛgvedic Brāhmaṇas // III. Vol. 21. 1979. P. 235-271.
- Goto T.* Aśvin- to Nāsatya- // J. of Indian and Buddhist Studies. Vol. 39. 1991. No. 2. P. 977-982.
- Giintert H.* Der arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923.
- Gupta Ch.* Horse trade in North India: Some reflections on socio-economic life // J. of Ancient Indian History. Vol. 14. 1984. P. 186-206.
- Heesterman J.C.* The ancient Indian royal consecration: The rājasūya described according to the Yajus texts and annotated, 's. Gravenhage, 1957.
- Heesterman J.C.* The case of the severed head // Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens. Vol. 11. 1967. P. 22-43.
- Heesterman J.C.* The inner conflict of tradition: Essays in Indian ritual, kingship and society. Chicago, 1985.
- Heesterman J.C.* The broken world of the sacrifice: An essay in ancient Indian ritual. Chicago, 1993.
- Hillebrandt A.* Vedische Mythologie. Zweite Auflage. Vol. I-II. Breslau, 1927-1929.
- Hopkins E.W.* Epic mythology. Strassburg, 1915.
- Houben J.E.M.* The Pravargya Brāhmaṇa of the Taittirīya Āraṇyaka: An ancient commentary on the Pravargya ritual. Introduction, translation and notes. Delhi, 1991.
- Houben J.E.M.* On the earliest attestable forms of the Pravargya ritual: Ṛg-Vedic references to the Gharma-Pravargya, especially in the Atri-family book (book 5) // III. 2000. Vol. 43. P. 1-25.
- Houben, Jan E.M.* The ritual pragmatics of a Vedic hymn: The «riddle hymn» and the Pravargya ritual // JAOS. Vol. 120. 2000. No. 4. P. 499-536.
- Jamison S.W.* The ravenous hyenas and the wounded sun: Myth and ritual in ancient India. Ithaca, 1991.
- Karttunen K.* India and the Hellenistic world. Helsinki, 1997.
- Kashikar C.G.* A propos of the Pravargya // CASS Studies. Vol. I. 1973. P. 1-10.
- Kashikar C.G.* The concept of mahavira in the pravargya // Golden Jubilee Volume [of the] Vaidika Samsodhana Mandala, Poona \ Dharmadhikari T.N. (Ed.). Poona, 1982. P. 136-139.
- Kashikar C.G.* Baudhāyana Śrauta Sūtra, critically edited and translated. Vol. I-IV. Delhi, 2003.
- Klochko V.I., Pustovalov S.Z.* The warfare of the northern Pontic steppe – forest steppe pastoral societies: 2750-2000 BC (Catacomb culture) // Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC \ Kadrow S., Klochko V.I., Koško A., Pustovalov S.Z., Rassamakin Yu.Y., Videiko M.Y. (Eds.). Poznan', 1994. P. 195-215.
- Konow S.* The Aryan gods of the Mitani people. Kristiania, 1921.
- Kramrisch S.* The Mahāvīra vessel and the plant pūtika // JAOS. Vol. 95. 1975. No. 2. P. 222-235.
- Krick Ha.* Das Ritual der Feuergründung (agnyādheya) \ Oberhammer G. (Ed.). Wien, 1982.
- Lexikon der indogermanischen Verben* \ Helmut Rix (Ed.). Wiesbaden, 1998.
- Lommel H.* Vedische Skizzen [2. Nasatya] // Beiträge zur indischen Philologie und Altertumskunde. Walther Schubring zum 70. Geburtstag dargebracht von der deutschen Indologie. Hamburg, 1951. P. 25-28 [29-31].
- Luders H.* Varuna. \ L. Alsdorf (Ed.). Vol. II. Gottingen, 1959.
- Lubotsky A.* The Indo-Iranian substratum // Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations \ Carpelan Ch., Parpola A., Koskikallio P. (Eds.) Helsinki, 2001. P. 301-317.
- Macdonell A.A.* Vedic mythology. Strasburg, 1897.
- Mannhardt W.* Die lettischen Sonnenmythen // Zeitschrift für Ethnologie. Vol. 7. 1875. S. 73-104, 209-244, 281-330.
- Mannhardt W.* Letto-Preussische Götterlehre. Riga, 1936.
- Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen. Vol. I-III. Heidelberg, 1992-2001.
- Muir J.* Original Sanskrit texts on the origin and history of the people of India, their religion and institutions, collected, translated, and illustrated. Second and third ed. Vol. I-V. L., 1872-1874.
- Müller-Karpe H.* Jungbronzezeitlich-früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord-Pakistan. München, 1983.
- Murray A.T.* Homer: The Iliad, with an English translation. Vol. I-II. L., 1924-25.
- Myrianteus L.* Die Aṇvins oder Arische Dioskuren. München, 1876.
- Nagel W.* Die Entwicklung des Wagens im frühen Vorderasien // Achse, Rod und Wagen: Fünftausend Jahre Kultur- und Technikgeschichte \ Treue W. (Ed.) Göttingen, 1986. P. 9-34, 361.

- Nagy G.* The best of the Achaeans. Baltimore, 1979.
- Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. Vol. I. München, 1955.
- Oberlies Th.* Die Aśvin: Götter der Zwischenbereiche // Studien zur Indologie und Iranistik. Vol. 18. 1993. P. 169-189.
- Oberlies Th.* Die Religion des Rgveda. Vol. I. Wien, 1998.
- O'Brien S.* Divine twins // Encyclopedia of Indo-European culture \ Mallory J.P., Adams D.Q. (Ed.). L., 1997. P. 161-165.
- Oldenberg H.* R̥gveda: Textkritische und exegetische Noten. Vol. I-II. Berlin, 1909-1912.
- Oldenberg H.* Zur Geschichte des Wortes brāhman- // Nachrichten der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse. 1916. P. 715-744.
- Oldenberg H.* Die Religion des Veda. Zweite Auflage. Stuttgart, 1917.
- Parpola A.* The pre-Vedic Indian background of the śrauta rituals // Agni: The Vedic ritual of the fire altar \ Staal F. (Ed.). Vol. II. Berkeley, 1983. P. 41-75.
- Parpola A.* The metamorphoses of Prajāpati and Mahiṣa Asura // Ritual, state and history in South Asia: Essays in honour of J.C. Heesterman \ Hoek A.W. van den, Kolff D.H.A., Oort M.S. (Eds.). Leiden, 1992. P. 275-308.
- Parpola A.* Sāvitrī and resurrection // Changing patterns of family and kinship in South Asia \ Parpola A., Tenhunen S. (Eds.). Helsinki, 1998. P. 167-312.
- Parpola A.* From the dialects of Old Indo-Aryan to Proto-Indo-Aryan and Proto-Iranian // Indo-Iranian languages and peoples \ Sims-Williams N. (Ed.). L., 2002. P. 43-102.
- Parpola A.* Pre-Proto-Iranians of Afghanistan as initiators of Śākta Tantrism: On the Scythian/Saka affiliation of the Dasas, Nuristanis and Magadhans // Iranica Antiqua. Vol. 37. 2002. P. 233-324.
- Parpola A.* Pandaīē and Sīta: On the historical background of the Sanskrit epics // JAOS. Vol. 122. 2002. No. 2. P. 361-373.
- Parpola A.* From archaeology to a stratigraphy of Vedic syncretism // The Vedas: texts, language and ritual \ Arlo G., Houben J. (Eds). Gröningen, 2004 (in press).
- Piggott S.* The earliest wheeled transport. L., 1983.
- Piggott S.* Wagon, chariot and carriage: Symbol and status in the history of transport. L., 1992.
- Pirart E.* Les Nāsātya. Vol. I-II. Genève, 1995-2001.
- Scharfe H.* The state in Indian tradition. Leiden, 1989.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Vol. I. Bern, 1959.
- Potts D.T.* Nona in Bactria // Silk Road art and archaeology. Vol. 7. 2001. P. 23-35.
- Pustovalov S.Z.* Economy and social organization of northern Pontic steppe – forest steppe pastoral populations: 2750-2000 BC (Catacomb culture) // Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC \ Kadrow S., Klochko V.I., Kosko A., Pustovalov S.Z., Rassamakin Yu.Y., Videiko M.Y. (Eds.). Poznan', 1994. P. 86-134.
- Rau W.* Staat und Gesellschaft im alten Indien nach den Brāhmaṇa-Texten dargestellt. Wiesbaden, 1957.
- Rau W.* Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Mainz, 1972.
- Rawlinson G.* Herodotus: The Persian Wars, translated. New York, 1942.
- Renou L.* Études védiques et pāṇinīennes. Vol. XVI. Paris, 1967.
- Ronnow K.* Zur Erklärung des Pravargya, des Agnicayana und der Sautrāmaṇī II Le Monde Oriental. Vol. 29. 1929. P. 113-173.
- Rzach A.* Hesiodi carmina. Editio stereotypa editionis tertiae (MCMXIII), accedit Certamen quod dicitur Homeri et Hesiodi. Stuttgart, 1958.
- Sarianidi V.I.* The Indo-Iranian problem in the light of latest excavations in Margiana // Vidyārṇavavandanam: Essays in honour of Asko Parpola \ Karttunen K., Koskikallio P. (Eds.). Helsinki, 2001. P. 417-441.
- Sarup L.* The Nighaṇṭu and the Nirukta, the oldest Indian treatise on etymology, philology, and semantics. Vol. II-III. Oxford, 1921; Lahore, 1927.
- Schlerath B.* Das Königtum im Rigund Atharvaveda: Ein Beitrag zur Indogermanischen Kulturgeschichte. Wiesbaden, 1960.
- Schmidt H.-P.* Brhaspati und Indra: Untersuchungen zur vedischen Mythologie und Kulturgeschichte. Wiesbaden, 1968.
- Sen S.* The Ramayana: Its origin, authorship and early development // Indian Literature. Vol. 19. 1976. P. 122-130.
- Silvi Antonini Ch., Stacul G.* The Proto-historic graveyards of Swat (Pakistan). Vol. I (1-2). Rome, 1972.

- Sparreboom M.* Chariots in the Veda. Leiden, 1983.
- Srautakosa:* Encyclopedia of Vedic Sacrificial ritual. Vol. II. Sanskrit section. Part 1. Vol. II. English section. Part 1. Poona, 1970-1973.
- Stacul G.* Cremation graves in northwest Pakistan and their Eurasian connections: Remarks and hypotheses // EW. N.S. Vol. 21. 1971. P. 9-19, Fig. 1-15.
- Stacul G.* The sequence of the Proto-historical periods at Aligrāma (Swāt, Pakistan) // SAA 1975 \ Lohuizen J.E. van-de Leeuw (Ed.). Leiden, 1979. P. 88-90; Pl. 45-51.
- Stacul G.* Prehistoric and Protohistoric Swāt, Pakistan (c. 3000-1400 B.C.) Rome, 1987.
- Stein M.A.* Alexander's campaign in the Indian North-West Frontier // The Geographical J. Vol. 70. 1927. P. 417-439, 515-540.
- Thieme P.* The 'Aryan' gods of the Mitanni treaties // JAOS. Vol. 80. 1960. P. 301-317.
- Tokunaga M.* The Bṛhaddevatā: Text reconstructed from the manuscripts of the shorter recension with introduction, explanatory notes, and indices. Kyoto, 1997.
- Tucci G.* The tombs of the Āśvakāyana-Assakenoi // EW. N.S. Vol. 14. 1963. P. 27-28.
- Tucci G.* The Dards and connected problems // EW. 1977. N.S. Vol. 27. P. 9-103.
- Tusa S.* The Swat valley in the 2nd and 1st millennia BC: A question of marginality // SAA 1977 \ Taddei M. (Ed.). Vol. II. Naples, 1979. P. 675-695.
- Wace A.J.B., Frank H. Stubbings.* A companion to Homer. L., 1962.
- Wackernagel J.* Altindische Grammatik. Vol. II(1). Göttingen, 1905.
- Wagner N.* Dioskuren, Jungmann-schaften und Doppelkonigtum // Zeitschrift für Deutsche Philologie. Vol. 79. No.1. P. 1-17; No. 3. P. 225-247. 1960.
- Ward D.* The divine twins: An Indo-European myth in Germanic tradition. Berkeley, 1968.
- Witzel M.* Das Katha Araṇyaka: Textkritische Edition mit Übersetzung und Kommentar (Teildruck). Kathmandu, 1974.
- Zeller G.* Die vedischen Zwillings-götter: Untersuchungen zur Genese ihres Kultes. Wiesbaden, 1990.

Е.Е. Кузьмина
(Россия, Москва)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОМЕСТИКАЦИИ ЛОШАДИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОЛЕСНИЦ*

В связи с тем, что культ коня и колесницы проходит красной нитью в Ригведе и других санскритских текстах (Sparreboom, 1985), наличие коня и колесницы служит важнейшим показателем присутствия индоариев. «Поскольку конь и колесная повозка лингвистически так тесно связаны с индоевропейцами..., они могут быть ключом к тому, что мы называем "миграцией Ариев"» (Ratnagar, 1999, p. 228).

До недавнего времени была общепринятой гипотеза В. Громовой (1949), что предком домашней лошади был тарпан, водившийся в Понто-Каспийских степях, где были найдены самые ранние и самые многочисленные кости лошади (Бибикова, 1967, 1970; Цалкин, 1970), и отсюда конь был заимствован в культуры земледельцев Дуная и Балкан (Bökönyi, 1969, 1978; Necrasov, 1971; Benecke, 1993).

Этот факт рассматривался как важнейший аргумент локализации прародины индоевропейцев именно в Понто-Каспийских степях (Мерперт, 1968, 1974; Грантовский, 1970; Gimbutas, 1970; 1977; Кузьмина, 1971; Kuzmina, 1971; Даниленко, Шмаглий, 1972; Mallory, 1989; Anthony, 1986; 1995).

Подробный анализ современного состояния проблем истории коневодства содержится в книге «Prehistoric steppe adaptation and the horse» (Levine, Renfrew, Boyle, 2003). Сейчас установлено, что предположение о независимом центре доместикации коня в Казахстане в Ботае несостоятельно (Benecke, von den Driess, 2003; исследования П.А. Косинцева). Время начала доместикации лошади в Восточной Европе

остаётся дискуссионным. Широкое признание получила гипотеза Ш. Бекони (Bökönyi, 1994), согласно которой лошадь первоначально использовали как мясное животное и лишь на втором этапе ее стали применять в транспортных целях.

Гипотеза, высказанная украинскими исследователями (Даниленко, Шмаглий, 1972; Телегин, 1973) и поднятая на щит М. Гимбутас (Gimbutas, 1970; 1977) и позже поддержанная Д. Энтони (Anthony, 1986; Anthony, Brown, 1991), о воинах-всадниках степей, которые в IV тыс. до н.э. якобы совершали сокрушительные набеги на земледельцев Дуная и Балкан, разрушили их культуру и навязали им индоевропейскую речь, сейчас подвергнута серьезной критике на основании того, что предметы из Деревки, принимавшиеся за псалии, таковыми не являются (Dietz, 1992), возрастной состав животных не соответствует табу доместичированных лошадей (Levine, 1999; Rassamakin, 1999), в индоевропейских языках нет общего слова «всадник» и всадничество распространяется только в последней четверти II тыс. до н.э. (Кузьмина, 1981, 1994; Kuzmina, 1994). Однако, именно в степи от Днепра до Урала, где водился дикий предок коня, где была идеальная для него экология, где он играл огромную роль в экономике – его кости на поселениях неолита – энеолита составляют до 65% (Деревка) и даже до 80% (Хутор Репин) остеологических материалов. Там сложились наиболее благоприятные условия для его доместикации населением, уже знакомым с заимствованными у земледельцев навыками разведения

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 03-01-00064а) и РФФИ (проект 02-06-80034).

крупного и мелкого рогатого скота (Шнирельман, 1980; Sherratt, 1983).

Н. Бенеке (Benecke, 1993) изучил кости древних лошадей Европы, выделил несколько центров распространения коня и пришел к заключению, что все древние домашние лошади Европы происходят от домашних лошадей степей Восточной Европы.

Именно здесь впервые бесспорно зафиксировано формирование культа коня, столь важного в культуре индоевропейцев (Malloy, 1981). На стоянке эпохи неолита V тыс. до н.э. Варфоломеевка в Поволжье открыты жертвенники, состоящие из многочисленных лошадиных зубов с насечками, орнаментированные путовые кости лошади, костяные фигурки лошадей и древнейший каменный скипетр с головой коня.

Костяные фигурки лошадей найдены в энеолитических могильниках Съезжее и Липовый овраг, на стоянке Виловатое на Волге, каменный молот-скипетр с головой коня происходит из Новоорска на Урале, каменные зооморфные скипетры – из Волго-Уралья (Kuzmina, 2003, p. 208-214; fig. 14, 1-4).

Древнейшее в Старом Свете ритуальное захоронение черепов и ног двух коней, положенных на ритуальной площадке, посыпанной охрой, открыто в энеолитическом могильнике Съезжее самарской культуры на Волге. По традиционной хронологии оно датируется первой половиной IV тыс. до н.э.; использование калиброванных радиоуглеродных дат удревняет возраст памятников неолита–энеолита Волго-Уралья, где выявлены древнейшие следы культа коня, еще на 500-700 лет (Васильев, 1980, с. 62-70; табл. 7,1; 13, 12,15).

В следующем по времени Хвалынском могильнике в погребениях и жертвенниках найдены кости ног коня. Обряд ритуального захоронения черепа и ног коня (вместе со шкурой) от своих предков унаследовали создатели ямной культуры конца IV-III тыс. до н.э. Эти захоронения открыты по всему ареалу от Урала и Волги до Днепра и Дуная, и обычно они встречаются под насыпью больших курганов. От ямной культуры обряд унаследован генетически связанной с ней культурой Пол-

тавка; известен он и в катакомбной культуре (Кузьмина, 1977).

Своего апогея культ коня в степях достигает на памятниках типа Синташта в начале II тыс. до н.э., когда в курганах с захоронениями воинов-колесничих, положенных вместе с богатым набором вооружения и, иногда, с колесницей, под насыпью или в могиле захоронены два коня, в некоторых случаях только шкура с черепом и ногами. Эти захоронения уже сопоставлялись с арийским ритуалом Ашвамедха и погребенные в могилах колесничие – с социальной группой – ратайштар – «стоящий на колеснице», выделившейся в обществе индоиранцев (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 52-57; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, p. 170-172).

Группой, работающей под руководством автора, проведен комплексный анализ материалов из могильников синташтинского типа. Танаберген II и Восточно-Курайли на Южном Урале (раскопки В.В. Ткачева) и курганов типа Покровка Крутенький и Уваровка на Волге (раскопки О.В. Кузьминой): палеозоологом П.А. Косинцевым изучены кости лошадей. Археологами П.Ф. Кузнецовым и Е.Е. Кузьминой дана характеристика археологических комплексов, проанализированы псалии и предложена реконструкция узды. Антропологом А.А. Хохловым дана оценка антропологического типа погребенных. А.П. Бужилова и М.Б. Медникова выявлены изменения на костях в результате специфических нагрузок, позволяющих выявить предполагаемых всадников и колесничих на основе разработанной оригинальной методики, уже апробированной в Сибири (Mednikova, 1997). Комплексное изучение позволило подтвердить наличие колесничих.

Все эти факты указывают на то, что степи Восточной Европы были главным центром доместикации коня, а с рубежа III – II тыс. до н.э. здесь употреблялись боевые колесницы.

Однако, в 1994 г. была опубликована важная книга «Die Indogermanen und das Pferd» (Hänsel, Zimmer 1994), содержащая статьи ведущих индоевропейцев о коне и транспорте, а также статьи палеозоологов,

в том числе – сведения о выделении самостоятельного центра доместикиации лошади в Восточной Анатолии (Becker, 1994).

В 2002 г. Н. Бенеке (Benecke, 2002, p. 187) подтвердил существование степного центра доместикиации; на основании метрических данных он пришел к выводу, что коневодство в Германии 3300-2700 гг. до н.э. «было инициировано животными, импортированными из Восточной Европы». Но, проанализировав кости домашних лошадей из турецкой Фракии 2600-2300 гг. до н.э., учитывая новые данные, он высказал предположение, что «коневодство в Южных Балканах началось в середине III тыс. до н.э. Предположительно, использование лошадей как транспортных животных могло быть заимствовано из Анатолии» (Benecke, 2002, p. 187). Дж. Босник и А. фон ден Дриш (Boessneck, von den Driessh, 1976; Uerpman, 1990) отрицали наличие домашних лошадей в Анатолии, но Ш. Бекони (Bököney, 1991) предполагал их существование здесь. Вопрос о том, являются ли лошади энеолитических поселений рубежа V – IV тыс. до н.э. дикими или домашними, остается открытым. Существенно, что в Трое кости домашней лошади появляются только в слое VI не ранее 1700 г. до н.э., и только в слое VII становятся многочисленными, что К. Блеген объяснял миграцией из Европы первых индоевропейцев (Blegen, 1958).

Решение этой проблемы, естественно, – дело палеозоологов. Но если гипотеза независимого центра доместикиации коня в Восточной Анатолии будет подтверждена, какое это будет иметь значение для дискуссии о происхождении индоевропейцев и особенно индоиранцев?

Т.В. Гамкрелидзе (Gamkrelidze, 1994) признал, что единым центром происхождения лошади была Восточная Европа, где в Поволжье лошадь известна в V тыс. до н.э., а в Украине – в IV тыс. до н.э. Через Закавказье и Дунай во второй половине IV тыс. до н.э. она попала в Анатолию, где известна в Норсун-Тепе, Демерджи-Эйюк и в Джерымкая, а древнейшее упоминание лошади есть на табличке из Кюль-Тепе – Ассирийской колонии Карум-Каниш. Далее Т.В. Гамкрелидзе отмечает, что на древнем Востоке лошадь была инновацией,

заимствованной у индоевропейцев, от которых получено название коня. Лошадь и ее культ воспринят у индоевропейцев также алтайцами, монголами и китайцами. Гамкрелидзе (1994, с. 41) полагает, что можно проследить территорию влекомых лошадьми повозок из центра их происхождения на Ближнем Востоке на восток в Среднюю Азию и дальше на север в Фергану, Сибирь и Монголию. Это распространение «в основном совпадает с дорогой расселения, которую мы предложили, которая привела индоевропейцев с Ближнего Востока через Иранское плато в Среднюю Азию и дальше на северо-восток».

Иначе видит историю коневодства В.В. Иванов (Ivanov, 1999, 2002). Он полагает, что Передняя Азия была ареалом доместикиации коня, а центром коневодства был Нагар. Из Митанни, где были распространены колесницы, кони и колесницы были приведены с юга на север в Аркаим восточными иранцами – прото-скифами. При этом В.В. Иванов впадает в неразрешимое противоречие: установлено, что индоиранцы Митанни были уже выделившимися индоариями и даже если бы они пришли на Урал из Передней Азии они принесли бы индоарийский, а отнюдь не восточно-иранский прото-скифский язык, который в начале II тыс. до н.э. еще просто не выделился. Не подтверждается и предположение о восточно-иранском и протоенисейском билингвизме в Аркаиме: по археологическим данным в формировании культуры Аркаим решающее значение имели восточно-европейские постямные культуры Полтавка, позднекатакомбная и Абашево, а лесной – не протоенисейский, а протоугорский компонент не играл существенной роли. Разделение уральских языков на юкагирский, финно-угорский и самодийские по данным Московской лингвистической школы произошло в V-IV тыс. до н.э. (Милитарев, 2003).

Что касается Нагара, то, как показала Джоан Оутс (Oates, 2001, 2003), он был центром торговли и разведения больших ослов и кунга – гибрида осла и самки онагра, которые, наряду с волами, были транспортными животными на Ближнем Восто-

ке и изображения которых ошибочно принимались исследователями за лошадей и онагров, не поддающихся domestикации. Бронзовые псалии, которые, как считалось раньше, употреблялись для запряжки лошадей, были найдены на скелетах больших сирийских ослов в Телль-Харор и Телль-Брак рубежа III-II тыс. до н.э. (Clutton-Brock, Davies, 1993). Это, как и захоронение ослов на поселениях и свидетельства письменных источников, привело Дж. Клаттон-Брок (Clutton-Brock, 1992) к выводу о главенствующей роли осла на Древнем Востоке.

Что касается домашней лошади, то малочисленные кости найдены на поселениях конца III – начала II тыс. до н.э. в Северной Сирии (Телль-Лейлан, Брак-Нагар), в Загросе (Годин-Тепе), и позже, в Южной Палестине (Oates, 2003, 117). На табличках Jemdet-Nasr в конце III тыс. до н.э. и периода Ур III появляется шумерское слово для лошади – *anse.zi.zi*, *anse.kur.ra* – означающее «осел гор», по мнению большинства исследователей, восходящее к индоевропейскому корню, как и в кавказских языках (Herzfeld, 1968, fig.2; Gamkrelidze, 1994, p. 39; Hänsel, Zimmer, 1994, passim).

Ко времени Ур III относится шумерская басня о всаднике и его коне (Gordon, 1962) и гимн, посвященный царю династии Ур III Шульги (2094-2047 гг. до н.э.), в котором царь назван «мулом, конем, жеребцом» (Falkenstein, 1950).

Началом II тыс. до н.э. датируются изображения всадников на глиняных плакетках, происходящих из нескольких городов Передней Азии (Moorey, 1970). На некоторых плакетках, судя по экстерьеру, изображены именно лошади. Но они взнузданы при помощи наносного кольца, употреблявшегося для запряжки быков и ослов, и всадник сидит на крупе животного, как на осле. П.Р. Мури полагает, что эти всадники были жителями Малой Азии.

В документах первой четверти II тыс. до н.э. из Мари и Каниша лошади упоминаются чаще (Кузьмина, 1977; Oates, 2003; Нефедкин, 2001). В законах Хамураппи (1792-1750 гг. до н.э.) конь отсутствует, но он упомянут в его письмах (Herzfeld, 1968, p. 3).

В. Нагель (Nagel, 1966, p. 23-25, 29) приводит письменное свидетельство о колесницах около 1800 г. до н.э.: боевые повозки, возможно, – колесницы – упоминаются в надписи правителя Аниттаса из Восточной Анатолии; ассирийский царь Шамши-Адад I (1815-1781 гг. до н.э.) в письме просит прислать конные упряжки с севера Месопотамии с реки Хабур; в переписке царя Мари Зимри-Лима (1781-1759 гг. до н.э.) с царем Кархемыша говорится о доставке коней из округа на юго-востоке Анатолии; в надписи времени Хаттусилиса I (1650-1600 гг. до н.э.) упомянуты колесницы в хеттском войске; именно районы Восточной Анатолии и истоков Хабура были, видимо, той областью, из которой поступали в первой четверти II тыс. до н.э. в государства Древнего Востока редкие и безумно дорогие лошади, называвшиеся «осел чуждых горных стран» (Янковская, 1956).

Но в письме царю Мари Зимри-Лиму управляющий просит его ехать на повозке, запряженной мулами, а не на лошадях (Kurrag, 1957, p. 35-37), что свидетельствует о малой роли этого животного.

Таким образом, на рубеже III – в начале II тыс. до н.э. конь был известен на Древнем Востоке, но оставался животным экзотическим, что отражено в почти полном отсутствии костей лошади и их достоверных изображений, а также в его названии «осел горных стран». Взнуздывали коня как быка или осла, что было мало эффективно и не позволяло использовать его ни в хозяйстве, ни в военном деле (Кузьмина, 1977, p. 32).

Более многочисленные свидетельства о знакомстве с конем происходят из Малой Азии. Но по традиционной гипотезе происхождения индоевропейцев именно в III-II тыс. до н.э. происходит выделение из индоевропейской общности анатолийских языков. Хетты и лувийцы отселяются в Малую Азию, неся с собой коней, их общее индоевропейское название и их культ (Нефедкин, 2001, p. 52, 53). П.Р. Мури (Moorey, 1986: 201-203) полагает, что они приводят с собой из Понто-Каспийских степей в Восточную Анатолию колесницы.

Древнейшие колеса с четырьмя спицами датируются XIX-XVIII вв. до

н.э. Они представлены в Анатолии на изображениях четырехколесных повозок, запряженных четырьмя эквидами, на печатях и оттисках из Кюль-Тепе (Каниш) и модели из Эчем-эйюк. Повозки с двумя колесами со спицами изображены на печатях из Кюль-Тепе, слой II и сирийских цилиндрах. Повозки запряжены эквидами при помощи носовых колец, что не позволяет считать эквидов лошадьми и, вопреки М. Литтауэр, интерпретировать повозки как подлинные колесницы (Littauer, Crowel, 1979, p. 48-52, 71, 72; fig. 24; 25; 28; 29; 32).

Достоверные археологические доказательства появления культа коня на Ближнем Востоке связаны именно с хеттами. Они поклонялись конному богу Пирва (Pirva), сопоставляемому со славянским Perun и литовским Perkunas (Otten, 1951; Иванов, 1969), и совершали жертвоприношения коня при погребении царя и царицы. При их сожжении убивали лошадей, а головы животных хоронили вместе с царским прахом. Уникальные для Древнего Востока захоронения конских черепов открыты в могильниках с кремацией и ингумацией Османкаясы, Илика и Богазкей XVII-XIV вв. до н.э. (библиографию см.: Кузьмина, 1977). Этот обряд не имеет аналогов в Передней Азии, но типичен для индоевропейцев, и его истоки восходят в степи к V тыс. до н.э. (Интересно, что по заключению палеозоологов W. Herre и M. Rohrs (Bittel, 1958), лошади османкаясы появились в Анатолии с севера из степей).

Вопрос о происхождении конных колесниц в Передней Азии или в Волго-Уралье остается открытым. Хронологический приоритет пока за степями, если принимать радиоуглеродные даты. В Передней Азии известны боевые повозки, но пока нет ни псалиев, ни самих колесниц, ни достоверных изображений раньше XVII в. до н.э.

Установить приоритет Анатолии или степей в изображении колесниц пока трудно. Однако, возможно, что развитие колесного транспорта после распространения из Передней Азии четырехколесных повозок с бычьей запряжкой в III тыс. до н.э. дальше шло независимо. На Древнем Востоке упряжными животными стали мулы и ослы, и для них были выработаны бронзо-

вые удила и псалии. В степи же делались попытки запрячь лошадей и интенсивно шло развитие типов роговых псалиев. (Если это так, то мое предположение, что бронзовые псалии Передней Азии имитируют степные, неверно, и формальное сходство обусловлено единой функцией).

В дальнейшем в Анатолии и Юго-Восточной Европе был выработан свой тип роговых стержневидных псалиев, а Подунавье было местом контакта со степной зоной (Mozsolics, 1953; Смирнов, 1961; Hüttel, 1978; Кузьмина, 1980a; Boroffka, 1998; Нефедкин, 2001). Соблазнительно связать сложение зоны стержневидных псалиев с расселением с Балкан индоевропейцев, хеттов и лувийцев, но это предположение нельзя доказать. Но опосредованная Подунавьем связь микенских греков со степной зоной на основании анализа псалиев кажется несомненной (Смирнов, Кузьмина, 1977; Нефедкин, 2001).

Сравнить конструкцию древнейших колесниц невозможно, так как в степи есть только фрагменты подлинных экипажей не дающие, однако, возможности для их достоверной реконструкции, а в Передней Азии – только модели и изображения. Различия отмечаются в количестве спиц: на Древнем Востоке их четыре, в северной Евразии – 8-12, но на сосудах и петроглифах этой зоны часто изображено тоже только четыре. Так что это различие может отражать стилистическую манеру (Littauer, Crowel, 1979, p. 72).

Многочисленные упоминания колесниц и коней, относятся в Передней Азии к XV в. до н.э. и связаны, прежде всего, с индоариями, приход которых в Миттани относят к XVI-XV вв. до н.э., хотя их имена зафиксированы уже в XVIII в. до н.э. в хурритских текстах. Хурриты – не индоевропейский народ, обитавший на юге Армянского нагорья, в северной Месопотамии и Сирии и бывший коренным населением государства Миттани, где установили свое господство индоарии (Herzfeld, 1968, p. 23). Именно миттанийские арии способствовали распространению навыков тренинга и запряжки коней в колесницы, что документирует коневодческий трактат хеттского конюшего Kikkuli (XIV в. до н.э.),

содержащий индоарийскую коневодческую терминологию, имена царей и описание отрядов колесничих. С XV в. до н.э. на всем Древнем Востоке утверждается колесничная тактика боя.

Заслуга индоариев Митанни не в том, что они познакомили народы Древнего Востока с лошастью (она уже была там известна), а в том, что они привели высокопородных лошадей, выведенных для колесничной запряжки, и научили их лечить, тренировать и запрягать в колесницы. И это дало возможность впервые эффективно использовать лошадь и совершить инновацию в военном деле, сделав колесничную тактику боя древневосточным обыкновением.

В XV-XIV вв. до н.э. колесницы появляются в Закавказье, что доказывают бронзовые модели древневосточного типа (Pogrebova, 2003).

Иран и Бактрия, видимо, не были зоной изобретения колесниц. Говоря о лошадях в Иране, обычно ссылаются на кости эквидов между слоями I-II из Суз и на изображение на фрагменте сосуда из Суз начала III тыс. до н.э., но там явно изображен дикий эквид (Potratz, 1938, p. 35; Nançar, 1955, p. 14, 405). Кости двух эквидов (не ясно, диких или домашних) найдены в Телль-и-Иблиз в I слое (3500 г. до н.э.) и в IV слое (3000 г. до н.э.) (Moorey, 1986, p. 197), интересна находка в Телль-и-Малаян на юге Ирана (2100-1800 гг. до н.э.) челюсти эквида со следами действия бронзовых удил (Azzaroli, 1985, p. 21, 38). Но в свете сирийских данных вероятнее, что это мул. Большинство палеозоологов не включают Иран, Афганистан и Индию в зону доместикации коня¹.

На печати из Гиссар III представлена не колесница, как думал R. Ghirshman (1977, p. 14-16), а повозка с cross-bar wheels (Littauer, Crouwel, 1977, p. 99-100). Но P. Мури (Moorey, 1969, p. 430) счел, что колеса этой повозки принадлежат к архаичному типу, использовавшемуся в Сузах. Колесо состоит из трех соединенных сек-

ций – планок. Вид эквида на печати не определим.

На сосуде из Бактрии в музее Лувра изображены четырехколесная повозка с cross-bar wheels и экипаж с цельными колесами, сбитыми из сегментов. Каждая повозка запряжена парой волов (Schmidt, 1937, p. 158, fig. 118; Amiet, 1988, p. 161, fig. 6). Дата печати и сосуда конца III – начало II тыс. до н.э.

В Туркмении в эпоху Намазга IV, V, судя по глиняным моделям, существовала такая же четырехколесная повозка, запрягавшаяся парой волов или верблюдов. По любезному сообщению В.И. Сарияниди (май, сентябрь 2004 г.) в некрополе Гонура была найдена повозка с цельными деревянными колесами в богатой могиле. Только в эпоху Намазга VI появились две важнейшие инновации: колесо со спицами и лошадь. Глиняные модели колес с нарисованными спицами найдены в Намаздепе, Теккем-депе, Елькен-депе, а кости лошади – в Намазга, Теккем, Тахирбай 3 и Келлели (Кузьмина, 1980б; Кузьмина, Ляпин, 1980; Kuzmina, 1983).

Как доказательство раннего распространения в Иране и Бактрии боевых колесниц Р. Гиршман и В.И. Сарияниди рассматривали серебряные и бронзовые трубы (Amiet, 1988, p. 173; fig. 19a,b; Ghirshman, 1977, p. 31; Sarianidi, 1998a, p. 55, 56, p. 23; Pl. 22:15-18). Акустический анализ показал, что они издают очень слабый звук, похожий на голос самки оленя, и не могли употребляться в шуме боя, а использовались как манок на охоте на оленя².

Как говорилось, на юг Средней Азии лошадь вместе с колесницей попала с Урала в начале II тыс. до н.э., что бесспорно документирует находки в Зардча-Халифа (Бобомуллоев, 1993) и Джаркутан (Бостонгухар 1998; Teufer, 1999) специфического типа псалиев, найденных в Синташте, Каменном Амбаре и Кривом Озере (Kuzmina, 1999; 2001, fig. 2; Виноградов, 2003, рис. 35). Таково же вероятно, появление лошади в Бактрии и Маргиане (БМАК), выяв-

¹ Приношу благодарность А.von den Drisch, R.Meadow, N.Benecke за консультации.

² Приношу благодарность проф. Bolawergren из лаборатории Acoustics and Archaeology of Music of the city University of New York за сообщение.

ленное погребениями жеребенка без головы в могильнике Гонур, лошади на поселении Дашлы 19 (Сарианиди, 1977. р. 148; 2001, р. 37, табл. 12, 7) и изображений лошадей или их голов на церемониальных бронзовых топорах начала II тыс. до н.э. (Pittman, 1984: fig. 32; Amiet, 1988: fig. 9b; Ligabue et al., 1988, fig. 98) и из коллекции Махбубяна (Collection Mahbubyan, 2000, fig. 15).

Распространителями конных колесниц в Китае во второй половине II тыс. до н.э. были андроновские племена. Это дополнительно подтверждает находка бронзовых удил с псалиями с шипами, восходящими к более ранним андроновским прототипам, в могильнике Наньшаньгэнь, могила 1; датирующемся вещами сибирских типов концом II тыс. до н.э. (Wagner, Parzinger, 1998, р. 72; abb. 14, 12).

Таким образом, предположения Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова о появлении конных колесниц в Аркаиме и Сибири через Кавказ или Иран и Среднюю Азию с Ближнего Востока не подтверждаются археологическими материалами.

Каковы же следы лошади и колесницы в Индии?

В культуре Хараппа с середины III тыс. до н.э. известны глиняные модели цельных колес и фигурки упряжных быков и глиняные и бронзовые модели четырехколесных и двухколесных повозок. Хараппские колеса имеют одностороннюю ступицу, чем отличаются от переднеазиатских. Аналогичный тип колеса известен в южной Туркмении в эпоху Намазга III и в северном Пакистане в долине Гомал на поселении Хатхала в хараппском слое IV (Dani, 1971, р. 77, 78, pl. 34). Тип четырехколесных повозок реконструируется на основании глиняных фигурок быков-зебу на четырех колесах и фрагментов изогнутого дышла и глиняных прямоугольных платформ из хараппского слоя (II) поселения Банавали в Хариане (Bisht, 1993, р. 119, pl. 10, 23, 24). Они сопоставимы с моделями Намазга V в Туркмении, но имеют отверстие для вертикальных стоек по краям платформы, а не сплошные борта. Двухколесные повозки двух типов: I – с изогнутой платформой, с отверстиями для вертикальных стоек

(Мохенджо-Даро и Чанху-Даро); II – с сиденьем, расположенным на оси (бронзовая модель из Чанху-Даро) (Mackay, 1951, 97, pl. XXI, 13; XIX, 1; Piggott, 1983, р. 200-202; Allchin, 1973, fig. 30). Традиционные типы транспорта, восходящие к хараппским, сохранились в Индии до сих пор.

Вопрос о времени появления коня и колесницы в Индии дискуссионен. Сторонники гипотезы *Indigenous Aryans* настаивают на том, что лошадь была domesticiрована в культуре Хараппа на основании находок на поселении Суркотада ее костей (Pusalker, 1963), что отвергнуто палеозоологами (Meadow, Patel, 1997).

Как изображения коня рассматриваются глиняные фигурки из Мохенджо-Даро (Lal, 2002, р. 71, 72; fig. 3, 26, 27) и Лотхала (Pusalker, 1963). Доказательством появления колесниц являются глиняные модели колес с односторонней ступицей из поселений Калибанган, Банавали и Ракхигархи. Колеса украшены 10-12 линиями, выполненными краской или рельефом, изображающими спицы (Lal, 2002, р. 72, fig. 3.28 - 3.30), против чего выступает Р.С. Шарма (Sharma, 1999, р. 72), видящий здесь орнамент. Дискуссию вызвала бронзовая модель из Даймабада на реке Гадавари, представляющая двух быков-зебу, припряженных при помощи ярма и дышла к платформе с двумя цельными колесами, на которой стоит обнаженный мужчина, держась за поручень; на дышле помещена фигура животного (лошади), еще две зооморфные фигурки находятся по краям платформы. Благодаря раскопкам установлено, что клад Даймабад, включающий повозку и фигуры слона, носорога и быка-буффало, связан с позднехараппским комплексом, в который входят керамика, печати и их оттиски (Joshi, Bisht 1994:42, pl. XX). Экипаж не является колесницей и по типу напоминает повозку на бактрийском сосуде из Лувра. Крайне спорна интерпретация изображения, нарисованного на черепке из Банавали периода I как колесницы с колесами со спицами (Bisht, 1993, р. 116, pl. 10, 7).

Знакомство населения Хараппы с лошадей в начале II тыс. до н.э. в принципе нельзя исключить, ввиду активных связей с БМАК, но Индия не может быть ро-

диной ни коня, ни колесницы, поскольку не входит в ареал дикого предка коня. Откуда же здесь распространились кони и колесницы? Ответ на этот вопрос однозначен: из Казахстана и Средней Азии. Это аргументируется тем, что изображение колесниц в Индостане выполнено в северо-евразийском стиле.

В Старом Свете сложилось две зоны изображения колесного транспорта: переднеазиатская, где повозка или колесница была представлена на печатях, сосудах, в монументальном искусстве в профиль; и северо-евразийская, распространенная от Скандинавии до Монголии и Китая, где изображение на сосуде или петроглифе выполнялось в фас, распластанным (Bussagli, 1955; Anati, 1960; Кожин, 1969; Шер, 1980; Кузьмина, 1980б; Littauer, 1977; Новоженев, 1994; Frankfort, 2002). В этой стилистической манере колесницы представлены на петроглифах Индии второй половины II тыс. до н.э. Выделено более двадцати районов, содержащих более ста памятников, состоящих каждый из нескольких гротов, украшенных выполненными краской или гравированными рисунками. Три четверти памятников сосредоточено на севере страны. В ряде из них изображены колесницы и кони: например, в Chibbarnala, Chatur-bhu-Nash, Dharamपुरи (Новоженев, 1994, р. 22, 23, fig. 9; Brooks, Wakankar, 1976, р. 1-32), в Tekkalakota (Щетенко, 1979, с. 105, рис. 15, 10), а также в Центральной Индии, и более поздние: колесница с четверкой коней – в Morhana Pahar в Mirsapur и четырехколесный экипаж с парой лошадей в Mirsapur, датируемый 800 г. до н.э. (Касамби, 1968, с. 123; Lal, 1961, fig. 5, 6; Allchins, 1973, fig. 3). Двухколесная повозка, запряженная парой быков-зебу есть на сосуде поселения Inamgaon культуры Jorve (Центральная Индия), датируемой XVI – XI вв. до н.э. (Щетенко, 1979, р. 159, 176, рис. 39). На этом памятнике и в Навдатоли найдены также кости лошади.

Колесницы Chibarnalla относятся к III варианту двухколесных экипажей Казахстана, у которых по краям дышла изображены дополнительные линии; этот вариант представлен на петроглифах южного Казахстана в Койбагар, Арпаузен и Ксан (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 162, 163, рис.

10; 36; 89; 102), в Семиречье в Каратау и Ешкиольмес (Марьяшев, Горячев, 1998, табл. 11, 6; рис. 102; 103; 106-110; 118) и на Памире в Акджилга (Жуков, Ранов, 1974, с. 63-67, рис.). Интересно, что в Chibarnalla изображен стреляющий из лука во врага солнцеголовый персонаж, аналогии которому многочисленны на указанных петроглифах, расположенных на трассах коммуникаций в центре Азии.

Путь конных колесниц в Индию отражают находки костей и изображений лошадей и колесниц на вещах и петроглифах северо-западного Индостана: в Гомале и Свате. В верховьях Инда и его притоков открыты родственные памятники. В Nathala на развалинах хараппского поселения сооружен могильник, состоящий из курганов с трупосожжениями, сопровождающимися черепом быка и костями ног быков и лошадей и глиняными фигурками этих животных, двугорбого верблюда и модели колеса (Dani, 1971, fig. 166, pl. 31: 1-4). В долине Swat в могильнике Katelai (период VI) открыты захоронения двух лошадей, фигурка коня и медная булава, в Loebanr найдена крышка урны с фигуркой коня (Silvi Antonini, Stacul, 1972, 288; 291; pl. LII:C; LIIa; LXXIIb; CLIV). На поселении Bir-Kot-ghwandai – фрагмент сосуда периода IV с конем.

Кости лошади найдены Loebanr III, Aligrama и Bir-Kot-ghwandai (Olivieri, 1998, р. 67) в скальном навесе Ghalegai и на поселениях периода IV. По заключению палеозоолога А. Аццароли (Azzaroli, 1975, р. 355) пара жеребцов из Katelai принадлежит к восточной породе.

Захоронение лошадей в могильнике – это индоевропейский и особенно индоиранский обряд, истоки и аналоги которого прослеживаются в степях. О культе колесниц в Свате свидетельствуют петроглифы. В верховьях реки Инд в Тхоре на караванном пути в Южную Азию К. Йеттмар (Jettmar, 1985: fig. 6) открыл петроглиф, представляющий колесницу с двумя колесами с четырьмя спицами и парой коней, за которой помещен мужчина с луком. Три изображения исследованы на камнях в Годара I (Olivieri, 1998, р. 67, 69, 73, 74; fig.

15). Это влекомые парой коней двухколесные экипажи. (На одном петроглифе спицы не изображены). Оба исследователя относят колесницы к протоисторической эпохе. Их дата может быть уточнена по аналогиям из Казахстана и Средней Азии. Вариант А: колесница с четким рисунком дышла, ярма, колес с четырьмя спицами и двух лошадей и иногда лучника (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, р. 162, рис. 51, I; 72,100; Шер, 1980, рис. 107, 110; Новоженев, 1994, р. 111-122, рис. 77, 78; Марьяшев, Горячев, 1998, р. 31-36, табл. II) известна на петроглифах Арпаузен, Койбагар, Габаевка, Саймалы-таш, Тамгалы.

Для уточнения даты петроглифов второй половиной II тыс. до н.э. важны изображения на сосудах, на плитах, вторично использованных в каменных ящиках, и выявление комплексов, включающих поселение, могильник и петроглифы. Комплексы в Семиречье датированы методами электронно-парамагнитного резонанса XIV-XIII вв. до н.э. (Рогожинский, 2001, с. 40-41).

Русские исследователи многократно рассматривали культ коня и колесницы в степях Евразии в связи с мифологическими представлениями индоиранцев, интерпретируя отдельные сюжеты на основе текстов Ригvedы и Махабхараты (Кузьмина, 1973; 1977а, 1986; 2001; Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Шер, 1980; Самашев, 1992). В солнцеголовом персонаже я увидела древнейшего индоиранского бога солнца и договора Митру (Кузьмина, 1986, с. 119-121).

Сходство индийских петроглифов со степными служит дополнительным аргументом в пользу их индоарийской интерпретации.

Что касается сходства с петроглифами конструкции самих колесниц, описанных в ведических текстах, то оно подробно рассмотрено (Кузьмина, 1994). Графическая реконструкция предложена С. Пигготтом (Piggott, 1950, fig. 32). Набор вооружения, описанный в Ведах, Михр-Яште Авесты и в тексте из Нузи, имеет аналогии в степях. Надежно установлен общеиндоевропейский характер ведических представлений и ритуалов, связанных с конем: Ashvamedha, Purushamedha и других и роль

коня в погребальном обряде. Литература на эту тему огромна, укажем лишь несколько работ: Levi, 1898; Nagelein, 1903; Malten, 1914; Pahvel, 1969; Pusalker, 1969; Иванов, 1969; Кузьмина, 1977; 2001; Mallory, 1981.

Таким образом, обнаружение новых наскальных изображений коней и колесниц в Северной Индии – это важный аспект ведийской археологии, а постепенное распространение наскальных рисунков в других районах страны, видимо, отражает арианизацию населения.

Что же касается перспектив найти ритуальные захоронения коней, то они не слишком велики. Когда арии пришли на субконтинент, где была крайне неблагоприятная для коней экология, эти животные болели и вымидали, цена их возросла, и их перестали употреблять в пищу. Постепенно утвердился религиозный запрет на кровавые жертвоприношения³.

В Иране после прихода иранцев Заратуштра в Гатах тоже призвал отказаться от жертвоприношений животных. Поэтому открытие гекатомб мало вероятно. Но об утвердившемся культе коня и колесницы свидетельствуют многочисленные их изображения в индуистских храмах, особенно в храме Сурьи в Konarak, и процессии с участием хранящихся в святилищах гигантских колесниц, в особенности выезд знаменитой колесницы Jagannatha в храме в Пури, которые автору посчастливилось наблюдать.

В заключение следует констатировать, что территория юга Средней Азии и Афганистана имела особое значение в истории транспорта в Старом Свете. Четырехколесные повозки появились здесь еще в эпоху Намазга III, как об этом свидетельствуют глиняные диски с односторонним выступом, - вероятно, - модели колес с односторонней ступицей, аналогичной индийским. В III тыс. до н.э. колесный транспорт был представлен здесь широко и, что следует подчеркнуть, сложился своеобразный, отличный от переднеазиатского тип четырехколесной повозки с низкими бор-

³ Tull, 1996, р. 39 (цит. по: Burney, 1999, р. 14, 15).

тами (Кузьмина, 1983). Для упряжки использовались двугорбые верблюды. Это животное было domesticiровано тут на протяжении III и большей части II тыс. до н.э., но не было известно ни в хараппской Индии, ни в Передней Азии (там известна только одна печать с изображением бактриана, на горбах которого сидит пара людей). Именно применение населением БМАК в качестве транспортного средства двугорбого верблюда способствовало установлению широких культурных связей вплоть до Индии, Элама и Переднего Востока. Выявление этих торговых и культурных контактов жителей Мургаба, Теждена и Аму-Дарьи составляет особую страницу в биографии юбиляра (Сарианиди, 2001; Sarianidi, 1998a,b).

Оставляя в стороне спорный вопрос о центре или центрах domestикации лошади,

можно уверенно говорить, что и в распространении коневодства творцы культуры Туркменистана - нынешнего центра лучшей в мире породы ахалтекинцев - сыграли выдающуюся роль.

Именно здесь осуществлялись активные контакты степного и земледельческого населения, и рано стало известно разведение коней. Как свидетельствуют новые материалы (Teufer, 1999; Виноградова, 2003), на юге Средней Азии произошло слияние и взаимовлияние двух популяций, причем это коснулось не только сферы материального производства, но и, что важнее, области идеологических представлений. В свете новейших данных давно высказывавшиеся В.И. Сарианиди идеи о раннем возникновении в Маргиане культа огня и других ритуалов, много позже известных в зороастризме, получают новые подтверждения.

Литература

- Бибикова В.И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюллетень МО-ИП. Отд. биологии. Т. XXII, вып.3. 1967. Т. XXV, Вып. 5. 1970.
- Бобомуллоев С. Раскопки погребального сооружения из Зардча-халифы // Изв. АН Таджикистана. 1993. № 3.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983
- Бостонгухар С. Верховья Зеравшана во II тыс. до н.э. Душанбе, 1998.
- Васильев И.В. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1980.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Даниленко В.М., Шмаглий М.М. Про один поворотный момент в історії енеолітичного населення південної Європи // Археологія. 1972. № 6. Київ.
- Жуков В.А., Ранов В.А. Древние колесницы на Памире // Памир. 1974. № 11.
- Иванов Вяч. В. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // ТЗС. Т. IV. 1969.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. А.-А., 1977.
- Касамби Д. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968.
- Кожин П.М. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Сб. МАЭ. Т. 25. М.-Л., 1969.
- Кузьмина Е.Е. Лошадь в Европе и на Переднем Востоке // Тезисы V Всесоюзной сессии по древнему Востоку. Тб., 1971.
- Кузьмина Е.Е. Навершие со всадниками из Дагестана // СА. 1973. № 2.
- Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях Евразийских степей // КСИА. Вып. 161. 1980а. С. 8-21.
- Кузьмина Е.Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // ВДИ. 1980б. № 4. С.11-35.
- Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.

- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев // Миф. София, 2001.
- Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А. Новые данные о распространении колесного транспорта в Туркмении // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.
- Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 1998.
- Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дисс. М., 1968.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Милитарев А.Ю. Древнее происхождение языков мира. М., 2003.
- Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н.э.). СПб, 2001.
- Новоженков В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. Алматы, 1994.
- Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Т. 2. Алматы, 2001.
- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // СА. 1961. № 1.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Телегин Д.Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Щетенко А.Я. Первобытный Индостан. Л., 1979.
- Янковская Н.Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы // ВДИ. 1956. № 1.
- Allchin B., Allchin R. Narodziny ciwilizacji indyjskiej. Warszawa, 1973.
- Amiet P. Antiquities of Bactria and outer Iran in the Louvre collection // BAOC. 1988.
- Anati E. Bronze Age Chariots from Europe // PPS. Vol. 26. 1960.
- Anthony D. The «Kurgan Culture», Indo-European origins and the domestication of the horse: a reconsideration // Current Anthropology. 1986. N 27, 4.
- Anthony D. Horse, wagon and chariot. Indo-European languages and archaeology // Antiquity. Vol. 69. N 264. September, 1995.
- Anthony D., Brown D. The Origin of the Horseback Riding // Antiquity. Vol. 265. N 6. 1991. P. 94-98.
- Azzaroli A. Two Protohistoric Horse Skeletons from Swat, Pakistan // EW. Vol. 24, N 3-4. 1975.
- Azzaroli A. An Early History of Horsemanship. Leiden, 1985.
- Becker C. Zur Problematik früher Pferdenachweise im östlichen Mittelmeergebiet // DIuP. 1994.
- Benecke N. Vortrag zur Tierdomestikationen in Europa in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Praha, 1993.
- Benecke N. Die frühbronzezeitlichen Pferde von Kirklareli-Kanlıgeçit, Thrakien, Türkei // EA. 2002a, N 8.
- Benecke N. Zu den Anfängen der Pferdehaltung in Eurasien. Aktuelle archäologische Beiträge aus drei Regionen // EAZ. 2002b. N 43.
- Benecke N., Driesch von den A. Horse Exploitation in the Kazakh steppes during the Eneolithic and Bronze Age // PSAH. 2003.
- Bisht R. Excavations at Banawali: 1974-77 // Harappan civilization \ Possehl G. (Ed.). New Delhi, Bombay, Calcutta, 1993.
- Bittel K. Die hettitischen Grabfunde von Osmanakayasi. Berlin, 1958.
- Blegen C. Troy III. Vol. 4. Princeton, 1958.
- Boessneck J., Driesch A. von den. Pferde im 4/3 Jahrtausend v. Chr. in Ostanatolien // Säugetierkündliche Mitteilungen. Bd. 24, Heft 2. Berlin, 1976.
- Bökönyi S. Archaeological problems and methods of recognizing animal domestication // The Domestication and Exploitation of Plants and Animals \ Ucko P.J., Dimbleby G.W. (Eds.). L., 1969.
- Bökönyi S. The earliest waves of domestic horses in East Europe // JIES. Vol. 6 (1-2). 1978.
- Bökönyi S. Late Chalcolithic Horses in Anatolia // Equids in the Ancient World. Vol. II. Wiesbaden, 1991.

- Bökönyi S.* The role of the horse in the exploitation of the steppes // *The archaeology of the steppes*. Napoli, 1994.
- Boroffka N.* Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // *EA*. 1998. N 4.
- Brooks R., Wakankar V.* *Stone Age Painting in India*. New Haven, L., 1976.
- Burney Ch.* Beyond the frontiers of empire: Iranians and their ancestors // *Iranica antiqua*. 1999. Vol. XXXIV.
- Bussagli M.* The «Frontal» Representation of the Divine Chariot // *EW*. 1955. Vol. 6.
- Clutton-Brock J.* *Horse Power: a History of the Horse and the Donkey in Human Societies*. L., 1992.
- Clutton-Brock J., Davies S.* More donkeys from Tell Brak // *Iraq*. 1993. Vol. 55.
- Dani A.H.* Excavations in the Gomal Valley, Ancient Pakistan. Vol. V. Karachi, 1971.
- Dietz U.* Zur Frage vor bronzezeitlichen Trensebelege in Europa // *Germania*. 1992. Bd. 70.
- Falkenstein A.* Sumerische religiöse Text // *ZA NF XVI. Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. 1950.
- Francfort H.-P.* Images du char en Eurasie Orientale des origines à la fin du 1er millenaire av. J.-C. // *Pervobytnaya arkhologiya: chelovek i iskusstvo*. Novosibirsk, 2002.
- Gamkrelidze T.* PIE «horse» and «cart» in the light of the hypothesis of Asiatic homeland of the Indo-europeans: Indoeuropean – Caucasian aspect // *DIuP*. 1994.
- Ghirshman R.* *L'Iran et la migration des indo-aryens et des iraniens*. Leiden, 1977.
- Gimbutas M.* Proto-European Culture // *Indo-European and Indo-Europeans*. Philadelphia. 1970.
- Gimbutas M.* The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe // *JIES*. 1977. Vol. 5.
- Gordon D.A.* Animals as Represented in the Sumerian Proverbs and Fables // *Древний мир*. М., 1962.
- Hanèar F.* *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*. Wien, 1955.
- Hänsel B., Zimmer S.* (Eds.) *Die Indogermanen und das Pferd*. Budapest, 1994.
- Herzfeld E.* *The Persian Empire*. Wiesbaden, 1968.
- Hüttel H.-G.* *Altbronzezeitliche Pferdetrensen*. Frankfurt am Main, 1978.
- Ivanov Vyach.V.* Comparative notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // *UCLA Indo-European Studies*. Vol. I. 1999.
- Ivanov Vyach.* Towards a possible linguistic interpretation of the Arkaim-Sintashta discoveries // *Complex societies of central Eurasia from the 3-rd to the 1-st millennium B.C*. Washington, 2002.
- Jettmar K.* Non-Buddhist Traditions in the Petroglyphs of the Indus Valley // *SAA*. 1983. Istituto Orientale. XXIII. 1985.
- Joshi J.P., Bisht R.* *India and the Indus civilization*. New Delhi, 1994.
- Kupper J.R.* *Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari*. P., 1957.
- Kuzmina E.E.* The earliest evidence of horse domestication and spread of wheeled vehicles in connection with problem of time and place of formation the Indo-European unity (VIII Congress international des sciences préhistoriques et protohistoriques). Belgrade, 1971.
- Kuzmina E.E.* Stages in the development of wheeled transport in Central Asia during the Eneolithic and Bronze Ages // *Soviet studies in history*. Vol. XXII. N 1-2. 1983.
- Kuzmina E.E.* Horses, chariots and Indo-Iranians: Archaeological spark in the historical dark // *SAA*. 1993. Helsinki, 1994.
- Kuzmina E.E.* Chariot-warriors on their way from East Europe to India // *XV International conference of South Asian archaeologists*. Leiden, 1999.
- Kuzmina E.E.* The first wave of Indo-Iranian migration to the south // *JIES*. Vol. 29. N 1, 2. 2001.
- Kuzmina E.E.* Origins of pastoralism in the Eurasian steppes // *PSAH*. 2003.
- Lal B.B.* Expeditions and excavations since independence // *Central Forum*. Vol. 4, N 2. 1961.
- Lal B.B.* *The Sarasvati flows on. The continuity of Indian culture*. New Delhi, 2002.
- Levin M.* The origins of horse husbandry on the European Steppe // *Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe*. Cambridge, 1999.
- Levine M., Renfrew C., Boyle K.* (Eds.) *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge, 2003.
- Ligabue G., Salvatori S.* (Eds.) *Bactria an ancient oasis civilization from the Sands of Afganistan*. Venezia, 1988.
- Littauer M.* Rock carvings of chariots in Transcaucasia, Central Asia and Outer Mongolia // *PPS*. Vol. 43. 1977.
- Littauer M., Crouwel J.* The origin and diffusion of the cross-bar wheel? // *Antiquity*. Vol. 51, N 202. 1977.
- Littauer M., Crouwel J.* *Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East*. Leiden, Köln, 1979.

- Mallory J.* The ritual treatment of the horse in the early kurgan tradition // JNES. 1981. N 9.
- Mallory J.* In search of the Indo-Europeans. language, archaeology and myth. L., 1989.
- Meadow R., Patel A.* A comment on «Horse remains from the prehistoric site of Surkotada, Kutch» // South Asian Studies. N 13. 1997.
- Mednikova M.* On the social status of chariot-men among the population of the Karasuk culture // EA. 1997. N 3.
- Moorey P.R.* The earliest Near Eastern spoked wheels and their chronology // PPS for 1968, 1969. 1969. Vol. XXXIV.
- Moorey P.R.* Pictorial evidence for the history of horse-riding in Iraq before the Kassite Period // Iraq. Vol. 32. Pt. 1. 1970.
- Moorey P.R.* The emergence of the light horse-drawn chariot in the Near East. 2000-1500 BC // World Archaeology. Vol. 18. Pt. 2. 1986.
- Mozsolics A.* Mors en bois de cerf sur la territoire du Bassin de Carpathes // AAH. T. 3. 1966.
- Nagel W.* Der Mesopotamische Streitwagen und seine Entwicklung im Ostmediterranen Bereich // Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 10. 1966.
- Necrasov O.C.* Die Neolithischen Equiden Rumäniens und das Problem der Domestikation des Pferdes // Résumés des communication présentées III Congrès internationale des musées d'agriculture. Budapest, 1971.
- Oates J.* Equid figurines and chariot models // Excavations at Tell Brak. Vol. 2. Cambridge, 2001.
- Oates J.* A Note on the early evidence for horse in Western Asia // PSAH. 2003.
- Olivieri L.M.* The rock-carvings of Gogdara I (Swat) // EW. 1998. Vol. 48. N 1-2.
- Otten H.* Pirva – der Gott auf dem Pferde // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. II, H. 1. Heidelberg, 1951.
- Piggott S.* Prehistoric India to 1000 B.C. Harmondsworth, 1950.
- Piggott S.* The earliest wheeled transport from the Atlantic coast to the Caspian sea. L., 1983.
- Pittman H.* Art of the Bronze Age. NY., 1984.
- Pogrebova M.N.* The emergence of chariots and riding in the South Caucasus // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 22. N. 4. 2003.
- Potratz J.* Der Pferdetext aus dem Keilschrift. Rostock, 1938.
- Pusalker A.* Horse in Protohistoric India // Munshi Indological felicitation volume. Bombay, 1963.
- Rassamakin Y.* The Eneolithic of the Black sea steppe: dynamics of cultural and Economic Development 4500-2300 BC // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge, 1999.
- Ratnagar Sh.* Does Archaeology hold the answers? // Aryan and non- Aryan in South Asia. Cambridge, 1999.
- Sarianidi V.I.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998a.
- Sarianidi V.I.* Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. M., 1998b.
- Schmidt E.* Excavations at Tepe Hissar. Damghan. Philadelphia, 1937.
- Sharma R.S.* Advent of the Aryans in India. New Delhi, 1999.
- Sherratt A.G.* The secondary exploitation of animals in the Old World // World Archaeology. 15 (1). 1983.
- Silvi Antonini C., Stacul G.* The Proto-historic graveyards of Swât (Pakistan). ISMEO. Vol. 1, 2. Rome, 1972.
- Sparreboom M.* Chariots in the Veda // Memoirs of the Kern Institute. N 3. Leiden, 1985.
- Teufer M.* Ein Scheibenknebel aus Dzarkutan (Südzbekistan) // AMIT. N 31. 1999.
- Tull H.* The killing that is not killing: men, cattle and the origins of non-violence (Ahimsa) in the Vedic sacrifice // IJ. 1996.
- Uerpmann H.-P.* Die Domestikation des Pferdes im Chalkolithikum West- und Mitteleuropas // Madrider Mitteilungen. N 31. 1990.
- Wagner M., Parzinger H.* Bemerkungen zur inneren Gliederung der spätbronzezeitlichen Kulturoberes Xiajiadian und deren Bedeutung für die Südsibirische Kulturentwicklung // EA. 1998. N 4.

Л. Б. Кирчо
(Россия, Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПРОТОГОРОДСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА СРЕДНЕЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТЫН-ДЕПЕ)

Многолетние исследования поселения эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе в Южном Туркменистане показали, что здесь в эпоху средней бронзы (период Намазга V [далее — НМЗ], конец III — начало II тыс. до н. э.) находился крупный центр протогородского типа (площадью более 25 га) с развитой коммуникационной сетью (юго-западный въезд на поселение, транспортные и пешеходные улицы и проходы), дифференцированной застройкой, монументальным культовым центром (рис. 1). Экономическую основу поселения, помимо земледелия и скотоводства, составляли высокоразвитые специализированные ремесла (гончарство, металлургия и металлообработка, камнеобработка и др.). Кроме экономического блока, высокий уровень развития и начало социальной дифференциации общества нашли свое отражение в сложных идеологических представлениях (культ луны в образе быка, культ Богини-Матери — покровительницы домашнего очага, заупокойный культ) и зарождающейся знаковой системе (Массон, 1981). В это время Южный Туркменистан и, в частности, Алтын-депе входит в систему целого ряда «цивилизаций второго порядка» на периферии древневосточного мира — между Месопотамией, Эламом и цивилизацией долины Инда (Массон, 1967). Об этом свидетельствуют как уровень развития массовой культуры, так и яркие аналогии в элитарной субкультуре (предметы из золота, лазурита, стеатита и слоновой кости).

Для изучения генезиса культурного комплекса древнего протогорода были проведены целенаправленные стратиграфические исследования, в результате которых на Алтын-депе получены новые, принципиально важные массовые матери-

алы периода позднего энеолита — ранней бронзы.

Стратиграфия Алтын-депе

Анализ данных стратиграфии метровых напластований Алтын-депе (рис. 2), а также лазерная топоъемка и новое обследование поверхности памятника (Кирчо, 1999) позволили уточнить этапы культурно-хронологического развития поселения и их синхронизацию с другими памятниками Южного Туркменистана.

Поселение Алтын-депе было основано, как минимум, на позднем этапе периода раннего энеолита (вторая четверть IV тыс. до н. э., позднее НМЗ I; мощность мусорных напластований с керамикой дашлыджинского типа в шурфе на раскопе 11 – 3 м). В период среднего энеолита (середина — вторая половина IV тыс. до н. э., период НМЗ II) поселение увеличилось в размерах (3,2 м мусорных напластований с керамикой ялангачского типа в шурфе на раскопе 11 и 2,5 м напластований в шурфе раскопа 1, включая строительные остатки 15 горизонта) и резко разрослось на позднем этапе среднего энеолита (последняя четверть IV тыс. до н. э., позднее НМЗ II — строительные остатки с керамикой раннегеоксюрского типа на раскопах 1, 8, 11 и в шурфе 3). В период позднего энеолита (первая треть III тыс. до н. э., время Намазга III — слои с керамикой геоксюрского и позднее геоксюрского типа) обжитая площадь увеличивается еще по крайней мере в 1,5 раза (рис. 3) и в конце периода (около 2800-2700 гг. до н. э., позднее НМЗ III —

Рисунок 1. Алтын-депе, комплекс периода Намазга V (по В. М. Массону с дополнениями).

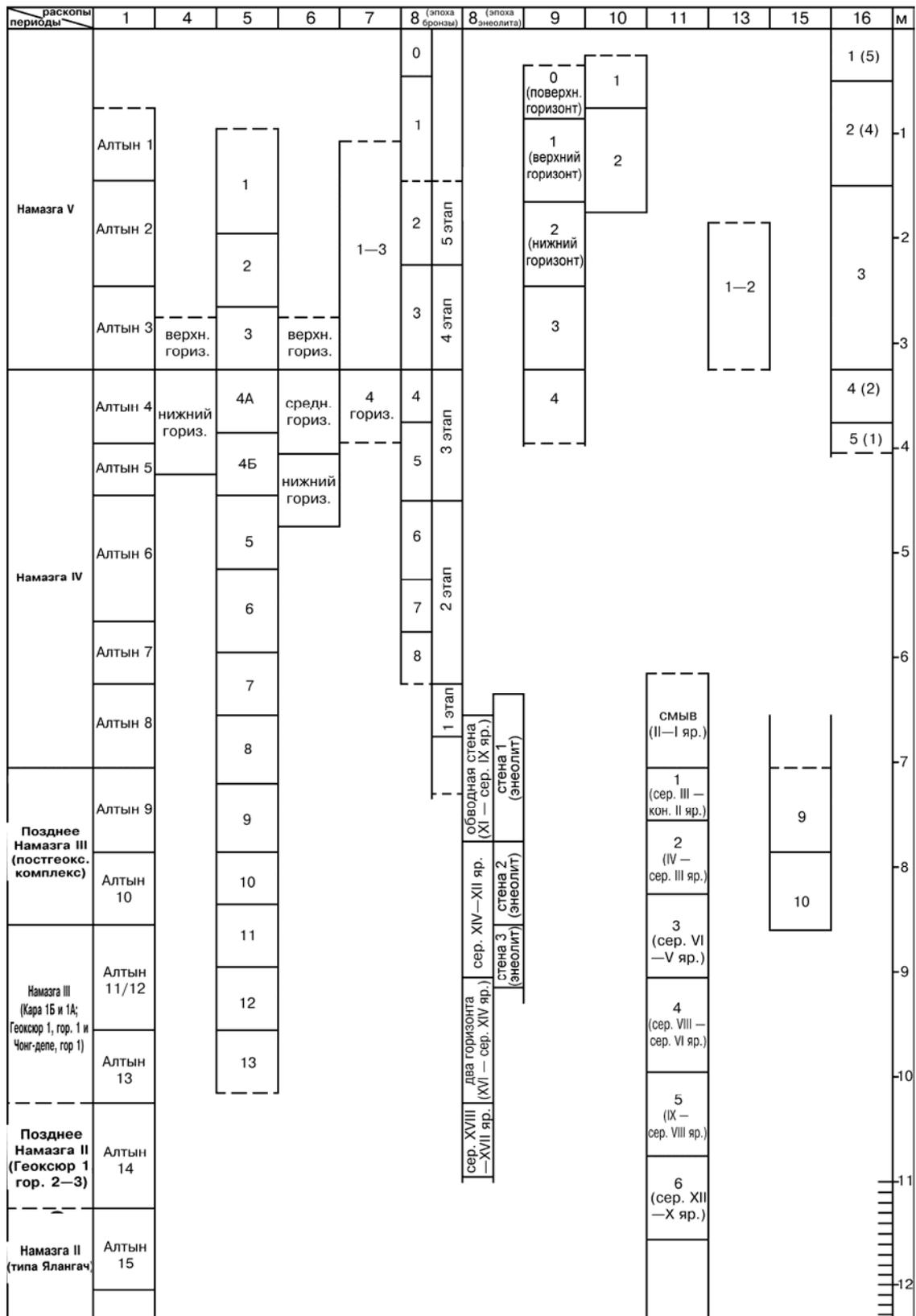

Рисунок 2. Алтын-депе, сводная стратиграфия исследованных строительных остатков.

Для раскопа 8 даны две колонки. В графе «раскоп 8 (эпоха бронзы)» сверху приведены данные стратиграфии планиграфического раскопа 8 (исследования 1971—72 гг.); ниже, в левой части — строительных остатков внутри поселения, в правой части — 5—1 этапы строительства и существования монументальных обводных сооружений (исследования 1969 и 1975 гг.; Массон, 1981а, с. 31—33). В графе «раскоп 8 (эпоха энеолита)» в левой части приведена стратиграфия напластований внутри поселения по данным шурфа 1979 г., а в правой части — обводных стен эпохи энеолита, изученных в 1980 г.

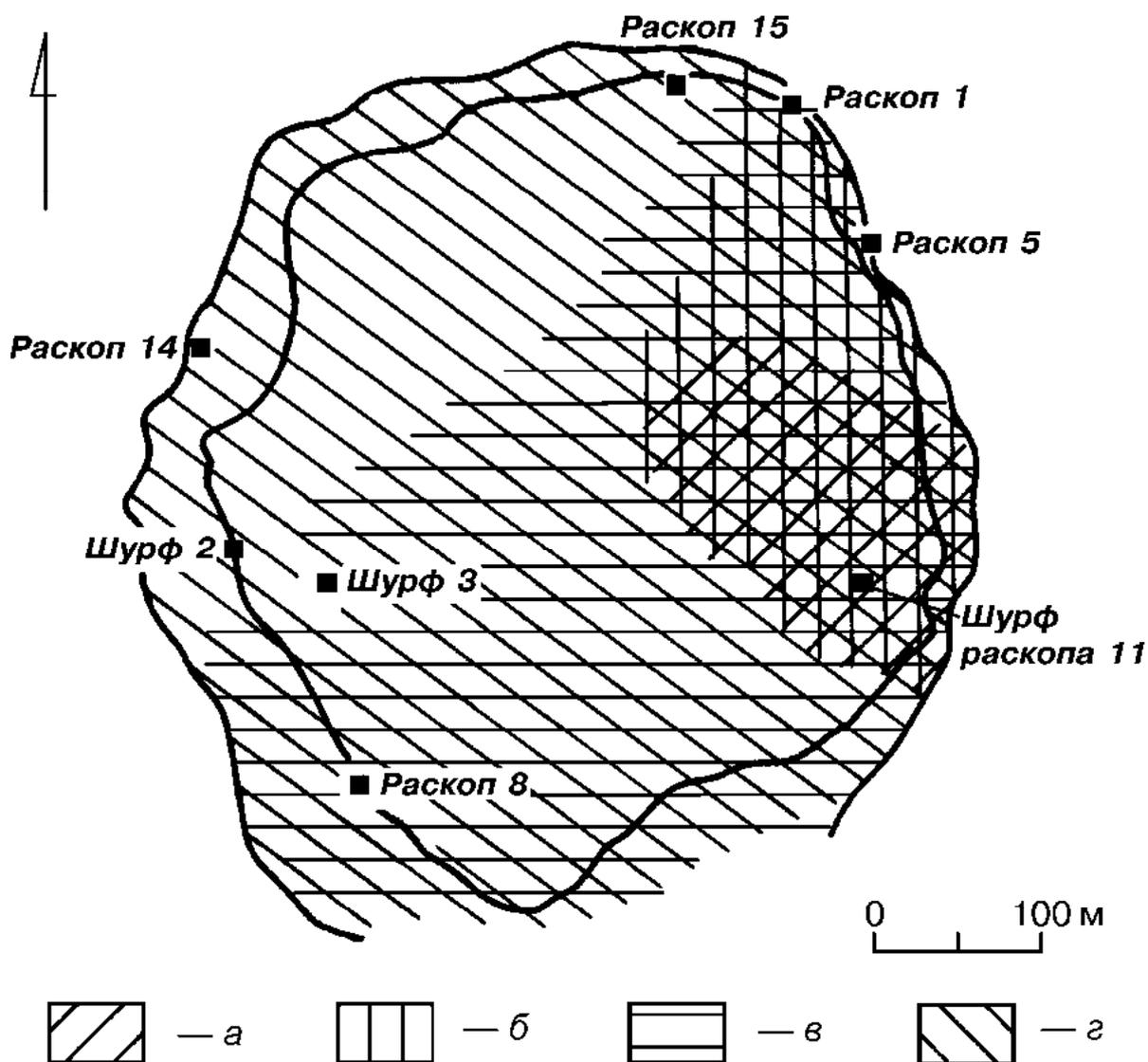

Рисунок 3. Этапы формирования территории поселения Алтын-депе (по В.М. Массону с дополнениями). С. а — слои с керамикой раннего энеолита времени позднего НМЗ I; б — слои с керамикой ялангачского типа времени НМЗ II; в — слои с керамикой раннегеоксюрского типа времени позднего НМЗ II; г — слои с керамикой геоксюрского и постгеоксюрского типа времени НМЗ III.

слои с керамикой постгеоксюрского типа) поселение стабилизируется в своих размерах (строительные остатки на раскопах 1, 5, 8, 11, 14, 15, в шурфах 2 и 3). В целом напластования геоксюрского и постгеоксюрского времени (позднее НМЗ II — позднее НМЗ III) общей мощностью до 4,3 м представлены строительными остатками шести горизонтов Алтын (14-9).

Судя по данным керамических комплексов, к периоду ранней бронзы (НМЗ IV, 2700—2250 гг. до н. э.) на Алтын-депе относятся материалы пяти-шести строительных горизонтов, общей мощностью около 4 м (горизонты Алтын 8-4 раскопов 1 и 5, обводные стены 1-3 этапа [по В. М.

Массону] на раскопе 8, строительные остатки в шурфах 2 и 3, а также один-два горизонта времени позднего НМЗ IV на раскопах 4, 6, 7, 9, 16). Напластования периода средней бронзы (НМЗ V, конец III — начало II тыс. до н. э.) представлены горизонтами Алтын 3-0 (мощностью до 3,5 м), причем строения горизонта Алтын 0 времени позднего НМЗ V (раскопы 8, 9, 10 и 16) отличаются от предшествующих по характеру заполнения и планировке¹.

¹ На месте предшествующих хозяйственно-жилых комплексов в горизонте Алтын 0, в основном, находились дворы, используемые, в том числе, и для совершения захоронений (раскопы 9 и 16) или

Таким образом, на Алтын-депе прослежено непрерывное развитие поселения в IV-III тыс. до н. э., а культурные напластования от позднеялангачского времени (последняя треть IV тыс. до н. э.) до начала позднего этапа средней бронзы включительно (рубеж III-II тыс. до н. э.) представлены строительными остатками 17 горизонтов общей мощностью около 12 м.

Алтын-депе в эпоху энеолита

Возведение первых, ограждающих край поселения стен на Алтын-депе относится, по крайней мере, к периоду позднего энеолита. На юго-западном въезде (раскоп 8) выявлены остатки трёх сменявших друг друга обводных стен. Каждую стену возводили, отступая вверх по древнему склону холма, предшествующая же образовывала для неё ступенчатый фундамент. Стены ориентированы по линии ЮВ — СЗ. В западной части исследованного участка, судя по керамическим и каменным вымосткам и глинобитным (с использованием сырцового кирпича) нивелировочным уровням, располагался въезд на поселение. Позднеэнеолитические обводные (скорее всего, подпорные) сооружения — части стен толщиной 0,9 — 1,7 м, кроме въезда, найдены на западном (раскоп 14) и северо-восточном (раскоп 5) краях Алтын-депе. Обводная стена 12 горизонта на раскопе 5 была снаружи укреплена квадратными в плане контрфорсами (0,5 x 0,5 м) и массивной забутовкой из сырцовых кирпичей, облицовывавших склон холма так, что внешняя поверхность всего сооружения к периоду Алтын 11 представляла собой пологий пандус.

Уже в конце периода среднего энеолита, видимо, формируется прослеженная в рельефе сквозная транспортная артерия, соединяющая юго-западный и северо-восточный въезды на поселение. Это предположение хорошо коррелирует с данными шурфа 3, где наслоения геоксюрского времени представлены строительными остатками (Масон, 1981, с. 18). Фор-

мирование второй магистрали, пересекающей Алтын-депе с юго-востока на северо-запад, вероятно, относится уже к периоду ранней бронзы (НМЗ IV). Во всяком случае, до конца позднего НМЗ III на территории юго-восточного въезда прослежены остатки жилищно-строительных комплексов, перекрытые слоями размыва с керамикой эпохи бронзы.

Гипотеза о резком увеличении площади и населения Алтын-депе в период позднего энеолита в связи с прекращением обживания крупного среднеэнеолитического поселения Илгынлы-депе (Массон, 1981, с. 21), находившегося в 7 км юго-восточнее Алтын-депе, в последние годы получила подтверждение в данных геоморфологических исследований. Обследование окружающей Алтын-депе и Илгынлы-депе территории показало, что в этом районе, начиная с неолита — раннего энеолита (V тыс. до н. э.), основным источником воды, на котором базировалось земледельческое хозяйство, была речка Меана, на правом берегу ее древнего русла располагалась Чакмаклы-депе, Чагаллы-депе и Илгынлы-депе, а на левом — Монджуклы-депе и Алтын-депе (Марколонго, Моцци, 2000, карты 1, 2). В результате геотектонических процессов русло смещается к северо-западу. В начале III тыс. до н. э. население Илгынлы-депе уходит вслед за водой. Отметим также, что дальнейшая миграция русла р. Меана к северо-западу, видимо, послужила одной из причин запустения Алтын-депе в конце III — начале II тыс. до н. э.

Таким образом, уже в период позднего энеолита Алтын-депе представляло собой очень крупное (до 25 га) поселение, отдельные участки которого, в том числе, въезд, были укреплены мощными сырцовыми стенами и где, вероятно, имелась по крайней мере одна магистральная улица.

Основной структурной единицей застройки Алтын-депе периода позднего энеолита были жилищно-хозяйственные комплексы, которые состояли преимущественно из двухкомнатных домов площадью 20—43 м², с прилежавшими участками-дворами (Кирчо, 2001б, с. 5—13). Внутри домов выделяются основные (жилье или парадные) помещения площадью

производственные участки (раскопы 8 и 10) (Березкин, 2001, рис. 2; Массон, 1981, с. 39; Масимов, 1970, рис. 15; Удеумуратов, 1993, рис. 11).

от 7,5 м² до 15,5 м² и подсобные комнаты площадью от 5,5 м² до 15 м², игравшие, видимо, роль входного помещения-вестибюля. Небольшие отсеки-хранилища были, скорее всего, отделены от помещений лишь невысокой перегородкой. Двухкомнатные дома, видимо, культового назначения (домашние святилища?) выделяются большими размерами, правильностью планировки и специальными прие-

мами постройки, отделки и наличием в центре основного помещения очага на круглом сырцовом основании с бортиком по краю. Прослежены и следы особого ритуала захоронения домов-святилищ: засыпка полов золой или сожжение хвороста внутри помещений, размещение на слое золы целых или специально разбитых сосудов (Массон, Кирчо, 1999, с. 62).

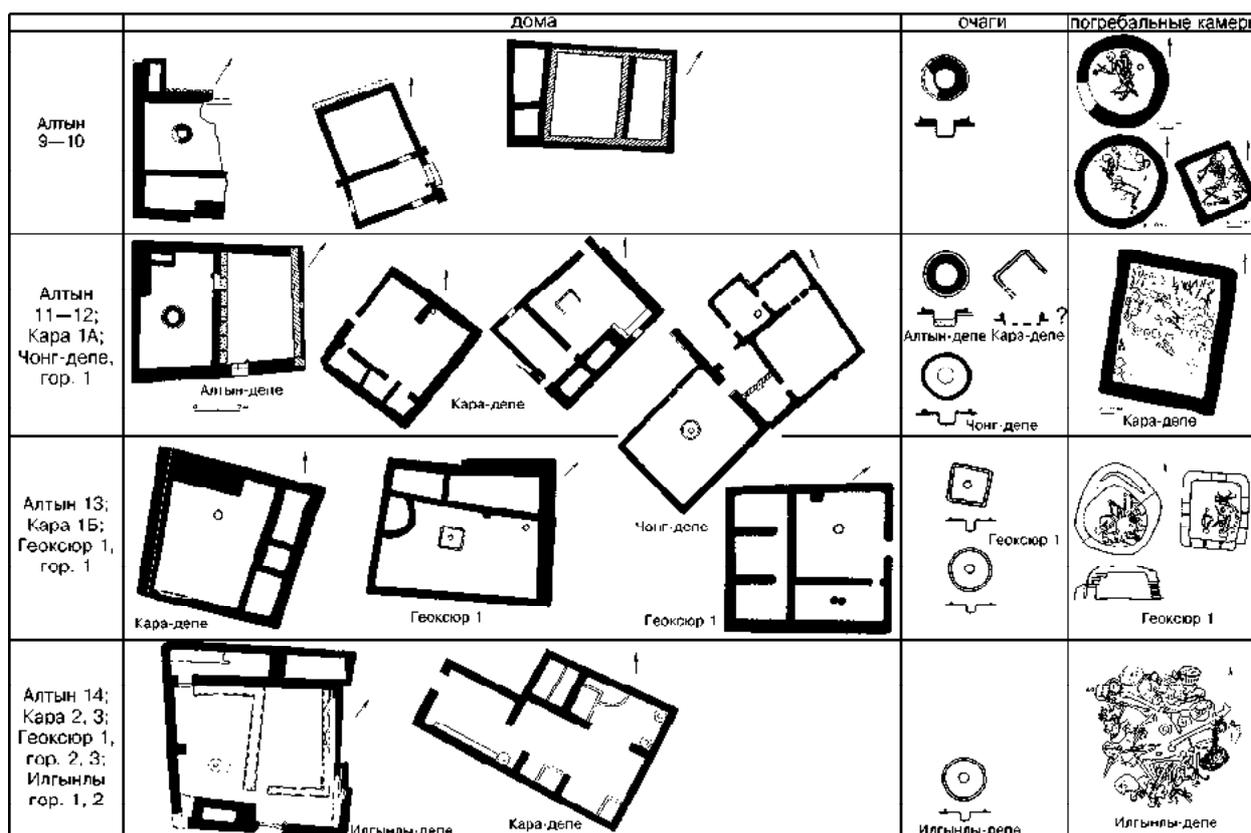

Рисунок 4. Дома, очаги и погребальные камеры времени позднего НМЗ II — НМЗ III (по материалам Алтын-депе, Илгынлы-депе, Геоксюр 1, Чонг-депе и Кара-депе).

Аналогичные следы ритуального сожжения святилища впервые были выявлены В. И. Сарияниди на Геоксюр 1 (1965, с. 10, 11). Сопоставление планировки и устройства домов Алтын-депе периода позднего энеолита и средне- и позднеэнеолитических домов Илгынлы-депе, Геоксюр 1, Чонг-депе и Кара-депе показывает два весьма существенных различия (рис. 4, 1) входы в дома Алтын-депе вели в подсобное помещение, через которое попадали в основную комнату, а входы в дома на других синхронных или чуть более ранних поселениях ведут из двора или

прохода непосредственно в основное помещение. Единственное исключение — так называемые «дворы» AIV и BIV на Кара-депе (Массон, 1982, с. 39, табл. XX, 2) очаги с бортиками на Алтын-депе всегда устроены на невысокой сырцовой платформе (круглой — в период позднего энеолита и круглой или подквадратной — в период ранней бронзы). Очаги на всех остальных поселениях находятся прямо на полу, так что бортик начинается непосредственно на уровне пола. Учитывая, что «дворы» AIV и BIV относятся к финальному этапу обживания Кара-депе, можно

предполагать, что прослеженные различия отражают несколько более позднее время возведения дома-святилища 11 горизонта Алтын-депе по сравнению с материалами Чонг-депе и, тем более, Геоксюр 1 и Илгынлы-депе.

Обширные пространства дворов, исследованных в напластованиях периода позднего энеолита Алтын-депе, судя по характеру находок и заполнения, служили для коммуникационных и производственно-хозяйственных целей.

Выявлены парадный двор святилища со специально выровненной поверхностью и таким элементом благоустройства как водосток и двор-площадь, археологические объекты из заполнения которого измельчены и как бы окатаны в результате механических воздействий.

В центре одного из дворов найдено сырцовое основание зернохранилища, которое при площади 15 м² и предполагаемой высоте не менее 2 м могло вместить до 30 т зерна, то есть (по древнешумерским нормам) годовой запас для 100 взрослых мужчин и женщин. Именно с этим участ-

ком двора связаны практически все находки обломков глиняных булл с оттисками печатей и веревок (Кирчо, 1990). Причем удастся реконструировать форму и размер венчика сосуда, покрытого тканью и обвязанного по основанию горловины веревкой, на которую был прилеплен комок глины с оттисками печатей.

Для производственно-хозяйственных целей вероятно служил двор 10/22 горизонта, где в самом дворе и в прилегающих с юго-запада хозяйственных помещениях выявлена концентрация орудий труда дляковки металлических изделий и обработки камня, включая заготовки каменных сосудов. В некотором отдалении от жилых комплексов и отгороженные от них отрезками стен располагались производственные участки, на которых найдены двухкамерные одноярусные гончарные печи. Дворы, видимо, использовали не только обитатели конкретного дома, а скорее — целые коллективы. Так, зернохранилище, безусловно, было рассчитано на хранение запасов группы семей.

	керамика	металл	камень (сосуды)	печати	терракота
Алтын 9—10	Алтын-депе				
Алтын 11—12; Кара 1А; Чонг-депе, гор. 1	Алтын-депе, Кара-депе, Чонг-депе	Алтын-депе, Кара-депе	Алтын-депе, Кара-депе	Кара-депе	Алтын-депе, Кара-депе
Алтын 13; Кара 1Б; Геоксюр 1, гор. 1	Алтын-депе, Кара-депе, Геоксюр 1	Геоксюр 1	Кара-депе, Геоксюр 1	Чонг-депе	Алтын-депе, Геоксюр 1
Алтын 14; Кара 2, 3; Геоксюр 1, гор. 2, 3; Илгынлы гор. 1, 2	Алтын-депе, Кара-депе, Илгынлы-депе, Геоксюр 1	Илгынлы-депе	Кара-депе, Илгынлы-депе		Илгынлы-депе

Рисунок 5. Основные категории культурного комплекса времени позднего НМЗ II — НМЗ III (по материалам Алтын-депе, Илгынлы-депе, Геоксюр 1, Чонг-депе и Кара-депе).

Погребения периода позднего энеолита на Алтын-депе совершали в небольших наземных прямоугольных и округлых погребальных камерах или в неглубоких ямах. В камерах захоронения производили последовательно. В шести изученных камерах было похоронено от одного до четырех человек: детей, подростков и взрослых. Еще в трех случаях коллективные погребения представляли собой сильно перемешанные останки от пяти до девяти человек — безинвентарные перезахоронения костей в ямах или разрушенные захоронения в погребальных камерах. Представлены также индивидуальные захоронения или перезахоронение костей одного человека в ямах в культурном слое и захоронения младенцев под полами домов. Захоронения локализуются преимущественно на краю поселения или концентрируются на специальных участках. Погребальный инвентарь сопровождал как индивидуальное захоронение, так и захоронения в погребальных камерах. Важным элементом культурных комплексов эпохи энеолита является керамика (рис. 5). Раннегеоксюрская керамика конца периода среднего энеолита на Алтын-депе представлена в горизонте Алтын 14 раскопа 1 и в напластованиях подстилающих обводные стены на раскопе 8, в шурфе 3 и шурфе на раскопе 11. В позднеэнеолитических слоях 13 и 12 горизонтов раскопа 5 широко представлена столовая посуда с характерной бирюзовой и монохромной росписью геоксюрского стиля (включая крупные контурные кресты и изображения козлов). В то же время, около 20% венчиков украшены монохромной геометрической фризовой росписью из крупных ступенчатых мотивов, а еще 15% — простыми орнаментами в виде одной-трех горизонтальных полос по венчику, продолжающих еще среднеэнеолитические традиции. Обломки крупных сосудов с примесью песка в тесте и двуцветной росписью представлены всего несколькими экземплярами. Весьма характерна и значительная группа красноангобированных нерасписных сосудов с примесью мельчайшего песка в тесте

— небольшие столовые миски с резко загнутым внутрь прямым бортиком, а также устойчивое наличие более ранней красноангобированной нерасписной керамики с примесью песка и известняка в тесте и отдельных фрагментов светлоангобированных сосудов с «потекшим» красным ангобом. Хозяйственная посуда представлена обломками крупных нерасписных сосудов как с минеральными, так и органическими примесями. В 12 горизонте найдены два венчика сосудов с росписью типа раннего Кара 1А. Комплекс в целом находит ближайшие аналогии в материалах горизонтов 1 поселений Геоксюр 1 и Чонг-депе.

В 11 строительном горизонте сосуды с монохромной геометрической росписью преобладают (48%), геоксюрская керамика составляет около 10%, представлена керамика типа НМЗ III с примесью мелкорубленой растительности или песка и характерным орнаментом, а также серая керамика и горшок с инокультурным бирюзовым орнаментом. Этот комплекс можно синхронизировать с комплексом Кара 1А.

На позднем этапе (горизонты 10 и 9 раскопов 1, 5 и 15, постгеоксюрский комплекс) преобладают сосуды с начинающейся измельчаться геометрической росписью (59%), устойчивой серией (до 3%) представлены фрагменты керамики типа позднего Намазга III (в том числе, с подражаниями этому стилю орнаментации) и сосуды с примесью песка в тесте и двуцветной росписью (4,5%). Доля керамики с орнаментацией геоксюрского типа падает до 4% и позже такая керамика встречается уже только как случайная примесь. Столовая нерасписная посуда (7%) изготовлена из теста практически без видимых примесей, а хозяйственные кухонные и тарные сосуды (по 8%) — из теста с минеральными примесями.

Характерный позднеэнеолитический набор артефактов представлен как в инвентаре погребений, так и в культурном слое Алтын-депе (Массон, Кирчо, 1999, рис. 1). Это, в первую очередь, терракотовые антропоморфные статуэтки — изображения сидящих женщин и стоящие муж-

ские фигурки. Все они выполнены в объемном стиле с разной степенью схематизации, глаза переданы черточками либо овальными налепками с углублениями, а разнообразные детали фигурок и сложные прически также объемные (налепные или углубленные) и иногда подчеркнуты черной краской. Выше говорилось о глиняных буллах с оттисками печатей, найдены и обломки самих терракотовых печатей-пуговиц с резным геометрическим орнаментом, а судя по оттискам, в позднем энеолите уже бытовали и металлические печати. Металлические предметы сравнительно немногочислены (Кирчо, 2001а, с. 69). Это — тесло, шилья трех типов (в том числе, шилья с насадом и упором), иглы со свернутым из стержня ушком, однолезвийные ножи, три типа двулезвийных (в том числе черенковые со слабо выраженным ребром), а также булавки и косметические стержни с навершием в виде плоской лопаточки с овальным или закругленным краем.

Косметические сосуды из кристаллического гипса (алебаstra) — небольшие плоские, мисочки, флаконы — широко распространены в слоях периода позднего энеолита, причем найдены и следы производства таких сосудов в виде скоплений заготовок разной степени оформленности, позволяющие реконструировать процесс их изготовления. Косметические сосуды из алебаstra вместе с металлическими косметическим стержнем и двулезвийным ножом, бирюзовыми бусами и глиняными сосудами входили в инвентарь богатого захоронения женщины (Массон, 1981, табл. XXVII, 1-5, 7, 9, 10, 14).

Необходимо отметить также, что на Алтын-депе впервые в слоях периода позднего энеолита найдены не только глиняные модели колес, но и модели одноосных повозок. Только на Алтын-депе представлены и терракотовые коробочки-«реликварии».

Синхронизация культурных отложений поселений Южного Туркменистана по данным керамических комплексов, типам артефактов и стратиграфии

строительных остатков периода среднего и позднего энеолита показывает, что:

1) керамика геоксюрского типа появляется в период позднего Намазга II, в культурном контексте, по всем основным параметрам продолжающим ялангачские традиции. В то же время роспись геоксюрского стиля послужила основой системы геометрической орнаментации керамики времени Намазга III как западного (карадепинского), так и восточного (позднегеоксюрского и постгеоксюрского) вариантов.

2) формирование позднеэнеолитического комплекса на территории Южного Туркменистана происходило на базе местных среднеэнеолитических традиций и усиления культурных контактов, которые прослеживаются в прямом (инокультурная полихромная керамика) или опосредованном (зооморфные мотивы росписи, стиль антропоморфных терракотовых изображений) видах. Возникновение раннегеоксюрской керамики времени позднего НМЗ II, видимо, была наиболее ранним проявлением таких контактов. Судя по материалам Илгынлы-депе, уже в конце периода среднего энеолита появляется и обряд последовательных коллективных захоронений, а также металлические косметические стержни (что подтверждается и инвентарем захоронений времени Кара 2 на Карадепе) и зеркала (рис. 4, 5).

Дальнейшее развитие яркого и своеобразного культурного комплекса периода позднего энеолита происходит в эпоху ранней бронзы.

Алтын-депе в период ранней бронзы

В период ранней бронзы (НМЗ IV, вторая и третья четверти III тыс. до н. э.), судя по строительным остаткам горизонтов 8—4 раскопа 5, идет процесс увеличения плотности застройки поселения (рис. 6). Как было сказано выше, появляется вторая магистральная улица. Уже в начале периода ранней бронзы на северо-восточном краю поселения возводится обводная стена толщиной около 2 м, которая сохранилась на высоту более 2,5 м. Изнутри через каждые 1,6—2,2 м одновременно и вперевязку с кладкой стены были сооружены квад-

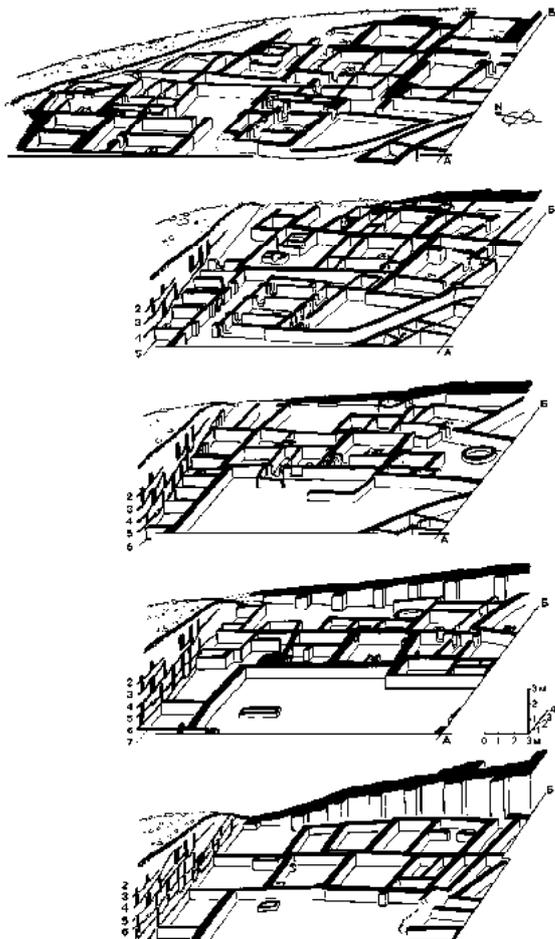

Рисунок 6. Алтын-депе, остатки строений горизонтов 8—4 периода ранней бронзы на раскопе 5 (аксонометрия В.Б. Зернова).

ратные в плане контрфорсы. Обводная стена, являясь архитектурной доминантой этой части поселения, определила направление осей планировки строений 8 и 7 периодов, и возвышалась, видимо, еще и в 6 периоде. Стена на юго-западном въезде увеличивается в толщине до 4,8 м, а в конце эпохи ранней бронзы основной юго-западный въезд на Алтын-депе получает парадное оформление. Здесь, в период расцвета монументальных сооружений, обводная стена, фланкированная снаружи контрфорсами, достигала толщины в 6 м, а пространство въезда было обрамлено двумя пилонами (6,2 x 3 м) древневосточного архитектурного облика (Массон, 1981, рис. 11). Пространство между пилонами (около 15 м) разделено стенами на узкий проход и три улицы: две пешеходные (шириной 1,5 м) и одна — для повозок (4–5 м). Однако, оборонительный характер монументальных архитектурных сооружений III тыс. до н. э. Алтын-депе вызывает сомнение. Бо-

лее вероятным представляется функционирование обводных стен в качестве подпорных, укрепляющих край поселения, расположенного на уже довольно высоком холме, образованном культурными остатками предшествующего времени.

Поселение было застроено многокомнатными массивами-кварталами, разделенными дворами и улицами. Как и в позднем энеолите, в горизонтах 8—6 раскопа 5 жилые массивы состояли из двухкомнатных домов — блоков жилой комнаты и входного помещения (рис. 6). Несколько таких блоков имели общий хозяйственный двор. Этот тип застройки продолжает существовать в период средней бронзы (раскоп 10). Начиная с горизонта 5 планировка хозяйственно-жилых комплексов изменяется: появляется новый тип дома из трех расположенных анфиладой комнат, причем каждый дом имеет собственный двор. В это время массивы-кварталы уже разделены узкими (1,5 м) кривыми улицами, вымощенными крупными черепками. Этот вариант застройки продолжает бытовать и в период средней бронзы (раскоп 5 и часть хозяйственно-жилых комплексов на раскопе 9). Анфиладная планировка с длинным коридором вдоль всех помещений была использована при строительстве «погребального ансамбля» в монументальном культовом комплексе (раскоп 7).

Погребальные и производственные сооружения периода ранней бронзы были вынесены на специальные участки на краю кварталов или во дворы. Рядом с погребальными камерами производили и захоронения в культурном слое поселения. В 7 и 6 горизонтах строили округлые погребальные камеры с ложносводчатыми перекрытиями, полностью аналогичные камерам Геоксюра 1. В 7 горизонте представлено и погребальное сооружение из трех пристроенных друг к другу сырцовых обкладок, перекрытых общим массивом кирпича. В 8, 5 и 4 горизонтах погребальные камеры имели прямоугольные очертания.

Дома-блоки 8–6 горизонтов состояли из жилой комнаты с отопительным очагом на круглом или подквадратном сырцовом основании в центре или у стены помещения и небольшого вестибюля. Подсобные

помещения-хранилища очень малы и иногда заменяются просто отсеком в углу комнаты.

Площадь домов-блоков — 20-30 м², жилых комнат — 6-15 м², а вестибюлей — 3-5 м². Наиболее полно изученный восточный массив-квартал на раскопе 5 в 7 горизонте состоял из шести, а в 6 горизонте — из семи таких жилых комплексов. Более поздние дома анфиладной планировки имели в центре большую жилую комнату с очагом. По обеим сторонам жилой комнаты были расположена еще два помещения. Мелкие отсеки-хранилища вытянуты вдоль одной или двух сторон дома. Дома-анфилады имели площадь 50-65 м² м, жилые комнаты с очагом — 8-12 м², остальные комнаты — 4-11 м², а подсобные хранилища — 1-4 м². В 5 горизонте восточный массив-квартал состоял из шести комплексов, два из которых имели анфиладную планировку. В 4 горизонте все четыре дома восточного массива и дома северного массива-квартала на раскопе 5 были анфиладными.

В каждом периоде один жилой комплекс в массиве-квартале выделяется правильностью планировки, тщательностью отделки и деталями интерьера. В стенах выявлены ниши, а в центре самой большой комнаты — очаги на круглом или подквадратном сырцовом основании с бортиками по краям, повышающимися к углам. Такие, выделяющиеся по комплексу признаков, дома можно считать жилищами семей, выполнявших в данном массиве-квартале культовые функции. Судя по небольшим размерам комнат (и в домах-блоках, и домах-анфиладах), в них проживали небольшие семейные коллективы (малые семьи?). Массив-квартал из пяти-шести жилых комплексов мог принадлежать группе связанных родственными узами семей двух-трех поколений, имевших одно общее святилище.

Погребения начала и середины периода ранней бронзы в целом продолжают поздне-неолитические традиции — представлены как индивидуальные захоронения в ямах, так и захоронения трех-четырех человек в отдельно стоящих круглых и прямоугольных

погребальных камерах из сырцового кирпича, перезахоронения костей, в первую очередь черепов, а также захоронения новорожденных под полами и стенами домов.

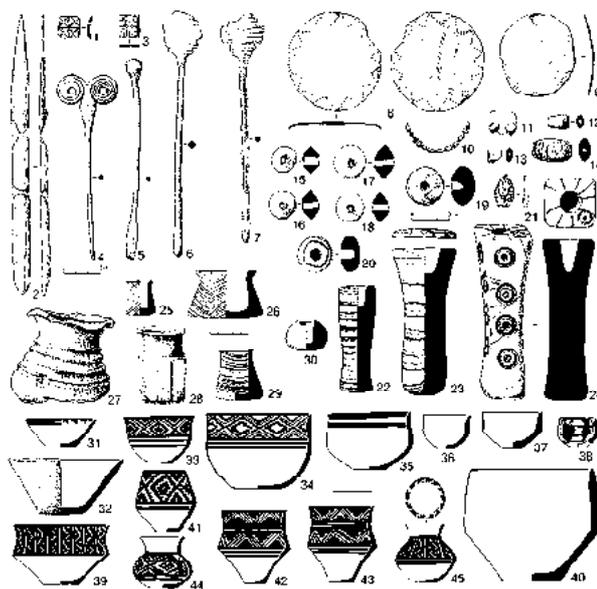

Рисунок 7. Алтын-депе, инвентарь захоронений периодов Алтын 8 и 7. 1, 2 — кость; 3, 4 — серебро; 5-9 — медь; 10-30 — камень; 31-45 — керамика.

Богатством и разнообразием инвентаря отличаются погребения женщин (погр. 677 и 845; рис. 7, 13, 15, 16, 29, 34, 39, 45 и 7, 8, 17, 18, 20, 25, 26) и девочек (погр. 736; рис. 7, 2, 4, 5, 9, 12, 22, 27, 30), причем последнее захоронение девочки 11 лет (периода Алтын 8) и погребение женщины 40—50 лет (погр. 607 начала периода Алтын 5) выделяются еще и юго-западной ориентацией и наличием в инвентаре импортных из Юго-Западной Туркмении предметов — серебряной булавки с биспиральным навершием (рис. 7. 4) и сероглиняной вазы (рис. 8, 37), типичных для погребений периода ЮЗТ IV-III могильника Пархай II (Хлопин, 1998, 2002).

Однако уже в начале периода ранней бронзы появляется ряд новых вариантов захоронений: тройное одновременное захоронение мужчины, женщины и ребенка в яме (погр. 843-845 периода Алтын 8), захоронения мужчины, женщины и ребенка в погребальном сооружении из трех небольших сырцовых камер (погр. 676-678 периода Алтын 7).

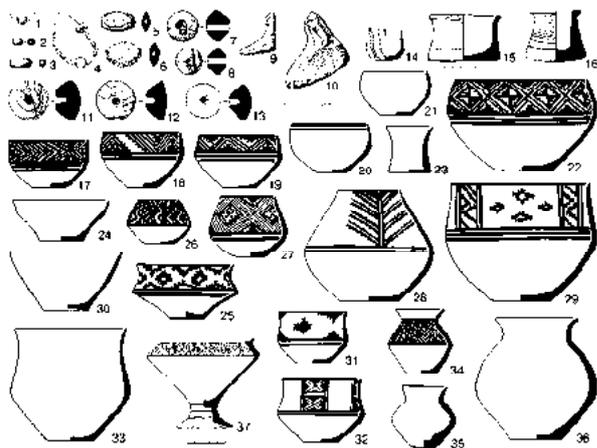

Рисунок 8. Алтын-депе, инвентарь захоронений периодов Алтын 6 и 5. 1—16 — камень; 17-37 — керамика.

В 6 горизонте выявлено самое раннее вторичное использование помещения для последовательного захоронения двух женщин (погр. 603—603а), а к периоду Алтын 5 относится последовательное погребение двух взрослых в камере с пристройкой, где был захоронен ребенок (погр. 510-511 и 503).

В конце ранней бронзы (период Алтын 4) появляются крупные коллективные захоронения (до 14 человек) в одной погребальной камере, широко практикуются перезахоронения костей (в первую очередь, черепов) и зафиксировано размещение черепа в специальном углублении в стене помещения. К этому же времени относятся погребальный комплекс из нескольких камер и комнаты со следами окраски на стене, исследованные В.И. Сарияниди на раскопе 4 (Сарияниди, 1966, 1967), а также двойное последовательное захоронение девушки и женщины в подземной камере (погр. 626—627) с богатым инвентарем, включая печать и светильник-чашечку из стеатита (рис. 9, 6, 8, 10, 11, 14, 20-22, 33, 40, 43, 55) и самое раннее захоронение младенца в сосуде (погр. 534 в кухонном котле). Зафиксировано и размещение части инвентаря — сосудов и светильника (рис. 9, 13) — снаружи у стены погребальной камеры, что несомненно является свидетельством ритуальных действий во время, а, возможно, и после захоронения. Все это, а также разнообразие ориентировок и положения тел и набора инвентаря (рис. 9) как в индивидуальных, так и в коллективных захоронениях свиде-

тельствуют об значительной вариабельности и усложнении погребального обряда в конце периода ранней бронзы.

Половозрастной состав погребенных и небольшая численность (2-5 человек в одной камере) показывают, что это, видимо, как и захоронение трех человек в яме, — были гробницы малых семей. Камеры с захоронениями 8-14 человек могли быть гробницами родственников двух-трех поколений.

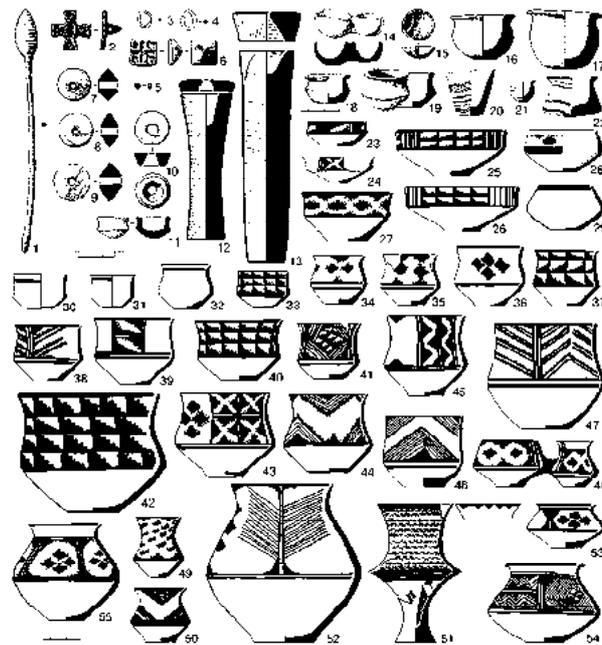

Рисунок 9. Алтын-депе, расписная керамика (23—55) и предметы инвентаря из захоронений периода Алтын 4. 1—4 — медь; 5—22 — камень.

Анализ планировки жилищ и состава погребений показывает, что основной ячейкой общества Алтын-депе в период ранней бронзы была малая семья, которая занимала отдельный блок или дом и могла иметь свою усыпальницу. Несколько малых семей разных поколений занимали один массив-квартал поселения и, видимо, вели общее хозяйство. В конце периода ранней бронзы происходит увеличение площади жилых комплексов — в домах анфиладного типа увеличивается площадь и число подсобных помещений. В сочетании с хозяйственным двором такой дом представлял собой фактически замкнутую, отдельную хозяйственную единицу. Следовательно, можно предположить, что к концу периода ранней бронзы основная структурная единица общества приобрета-

ет большую хозяйственную самостоятельность, во всяком случае, в области ведения домашнего хозяйства. В каждом квартале имелся своеобразный культовый центр — жилище семьи, члены которой, видимо, исполняли культовые функции. Особое положение занимали и некоторые женщины, в погребениях которых встречаются светильники.

Данные об основных отраслях производства населения Алтын-депе в эпоху ранней бронзы — земледелии и скотоводстве, немногочисленны в виду ограниченного характера источников (каменные орудия труда, строительные и остеологические остатки). Среди каменных орудий встречена единственная мотыга (трасологические определения Г.Ф. Коробковой). Косвенным образом это указывает на преобладание металлических (деревянных?) орудий для обработки земли. Судя по повсеместным находкам зернотерок, курантов, пестов и ступок, размол зерна производился в каждом доме. Однако, хранилища запасов были общими. На централизованное хранение запасов продуктов указывает и отсутствие крупных ям-хранилищ или построек с сосудами-хранилищами в домах. Подсобные помещения в домах обычно крайне незначительны по площади. Они являются скорее хозяйственными отсеками для хранения небольшого объема повседневно необходимого имущества.

В составе стада по остеологическим данным (определение канд. биол. наук Н.М. Ермоловой) резко преобладает мелкий рогатый скот (более 80% всех определимых костей). Крупный рогатый скот составляет около 5%, а кости свиньи крайне редки. Охотничья добыча представлена в основном куланом (5-7%) и джейраном (4-6%), остальные животные — кабан, муфлон, благородный олень и хищники — единичны. Найдены и кости собак разных пород и размеров. В то же время именно изображения собаки чаще всего встречаются среди глиняных и терракотовых фигурок животных. Широко представлены и статуэтки баранов. Изображения тягловых животных — быков, по сравнению с эпо-

хой средней бронзы довольно редки, а фигурки верблюдов появляются только в конце периода ранней бронзы.

Развитие культурного комплекса в эпоху ранней бронзы обусловлено, в первую очередь, технико-технологическими факторами — начало его определяется появлением станковых вращающихся инструментов, а конец связан с прорывом в области теплотехники. Трасологический анализ орудий труда и изделий показал, что в это время все большее значение приобретают орудия из металла (Коробкова, 2001). Специализация намечается практически во всех производствах.

Строительство. Все строения возведены из стандартного прямоугольного сырцового кирпича размерами 8-12 x 19-22 x 39-46 см (соотношение сторон 4:2:1). Изучение кладок показало, что дисперсия размеров кирпича связана с его деформацией под давлением на разных участках стен внутри кладки. При изготовлении кирпичи были практически одинаковы. При разборке стен обнаружено, что на постстолочную сторону кирпичей наносились простые знаки-метки. Выявлено более дюжины таких меток. Это — нанесенные пальцами руки одна, две или три поперечные или косые полосы, две перекрещивающиеся полосы, образующие как бы букву х, один полулунный отпечаток, один или два овальных отпечатка, одна или две полукруглые полосы, образующие овальную или подтреугольную фигуру. Знаки свидетельствуют о тщательном учете и, видимо, о планировании количества кирпича, потребного для строительства. Специально готовили горизонтальные строительные площадки. Если, при смене планировки, стены предшествующих периодов не использовали как фундамент, то основания стен, относящихся к одному комплексу, находятся на одном уровне, иногда на зольной подсыпке. Все стены построены правильной кладкой вперевязку, иногда с использованием половинок кирпича. Под полы подводили своеобразные фундаменты: нижние помещения засыпали слоем золы с обломками сырца,

сверху насыпали и утрамбовывали слой обломков или завала сырцовых кирпичей и поверх этой площадки намазывали глинобитные полы (до 12—16 см). Оштукатуривание стен и заглаживание полов производили каменными или керамическими мастерками. Изучение остатков строений показывает высокий уровень квалификации, наличие системы учета и планирования, а также кооперации группы строителей. Возведение обводных стен было явно коллективным делом, причем для позднего этапа ранней бронзы выявлен уже архитектурный модуль, лежащий в основе как домостроения, так и монументальных сооружений.

О металлургии и металлообработке мы можем судить в основном по специализированным каменным орудиям труда и, в гораздо меньшей степени, по сравнительно немногочисленным металлическим предметам. На поселении производили обработку руды — крупные конкреции разбивали рубящими орудиями или тяжелыми молотами, а с помощью пестов и курантов на рудотерках руду измельчали до порошкообразного состояния. Не обнаружено пока никаких отходов или орудий литейного производства, видимо эти опасные в пожарном отношении виды работ производили вне поселения. Специальные металлографические анализы показали, что основой металлических изделий эпохи ранней бронзы Южного Туркменистана служили литые заготовки (Сайко, Терехова, 1981, с. 117—118).

Кузнечную обработку заготовок производили на наковальнях молотками разных размеров, формы и веса для холодной и горячейковки, которые использовали как в рукоятках, так и без них. Особый интерес представляют инструменты для изготовления холоднойковки и прокаткой украшений из листового металла: гладилки для раскатки металлической фольги на специальных подставках-наковаленках и миниатюрные молоточки для холоднойковки украшений на форме-матрице с полусферической рабочей поверхностью. Почти в каждом хозяйственно-жилом комплексе найдены разнообразные абразивы и

оселки для заточки и шлифовки металлических орудий, в том числе, специализированные: для лезвий ножей-кинжалов, для орудий с поперечным лезвием типа топоров-тесел и заострения шильев-игл.

Металлические предметы ранней бронзы изготовлены в основном из меди, загрязненной естественными примесями (Егорьков, 2001). Некоторые орудия изготовлены из меди с присадкой мышьяка (As — до 2%), ряд украшений и предметов туалета — из металла с добавкой свинца (Pb — до 3%) или из низкокачественного серебра (Ag — 22—35%). Единственным экземпляром представлена серебряная (Ag > 80%) печать-пуговица (рис. 7, 3).

Типологическое изучение показывает, что в комплексах ранней бронзы представлены практически все основные типы металлических изделий, известных для позднего энеолита, однако количество типов увеличивается почти вдвое (Кирчо, 2001а, табл. 2). Это орудия труда — шилья, двусторонние или с черешком-насадом, иглы с ушком, двулезвийные и однолезвийные ножи, а также металлические украшения и предметы туалета, найденные преимущественно в захоронениях женщин — серьги, округлые слегка выпуклые зеркала из листового металла, косметические стержни с утолщением на конце и навершием-лопаточкой, в виде ступенчатого ромба или копьевидным. Две подквадратные печати-пуговицы из захоронения, предположительно, мужчины (погр. 843 периода Алтын 8; рис. 7, 1, 3), одна из которых костяная, а вторая — серебряная, повторяют формы каменных печатей. Принципиально важно появление уже на раннем этапе металлической печати-штампа (Кирчо, 2001а, рис. 12, 33). В то же время даже наиболее сложные изделия, их детали и орнамент изготовлены кузнечной обработкой литых заготовок — ковкой и раскаткой металла (зеркала, лопаточковидные, ступенчатые и копьевидные навершия стержней), свертыванием полос (спиральные и биспиральные навершия булавок) или штамповкой (орнамент зеркала) и гравировкой (орнамент печатей), то есть механической обработкой. Литые по

восковой модели, которым изготавливали художественные изделия, видимо, появляется только на рубеже эпохи ранней и средней бронзы (печать из погребальной камеры конца периода Алтын 4 на раскопе 9; рис. 9, 2).

Важное значение в деятельности жителей Алтын-депе III тыс. до н. э. имела обработка камня, а каменные орудия труда и изделия чрезвычайно разнообразны. Само по себе широкое использование каменных орудий и предметов, изготовленных в основном из местных, представленных в Копетдаге пород (известняков, песчаников, диорита, гранита, кремнистых галек) характерно для всех этапов развития культуры древних земледельцев Южной Туркмении.

Для оформления каменных предметов применяли практически все виды техники обработки, в то же время, значительная часть галек использовалась в трудовых процессах вообще без обработки или с минимальной подправкой. Скалывание отщепов и пластин с нуклеусов производили с помощью ретушеров. Раскалывание и пикетажную обработку осуществляли на специальных наковальнях молотками и отбойниками разного веса и формы, а доформовку и отделку — разнообразными абразивами. Косметические сосуды из алебаstra изготавливали абразивной техникой из предварительно оббитых или распиленных заготовок. Их шлифованная поверхность украшена горизонтальными или вертикальными желобками (рис. 7, 27, 28). Однако к середине периода ранней бронзы начинают широко использовать и механические способы оформления и обработки: сосуды, светильники, печати и мелкие поделки (бусы, бусы-пряслица, «навершия») из мраморовидного известняка (доломита) и стеатита выточены с использованием станкового сверления. Окончательную обработку ряда изделий осуществляли полировкой. Уникален светильник из темно-красного камня, украшенный кружковым, нанесенным станковым сверлением, орнаментом, инкрустированным кусочками бирюзы. Из доломита сделана и небольшая сидящая антропоморфная статуэтка (рис. 8,

10) ближайшие аналогии которой представлены в материалах Хапуз-депе (Сарианиди, 1969, рис. 46) и Улуг-депе (Массон, Сарианиди, 1973, табл. XLIII, 5). Уплощенно-сферическая булава изготовлена из темного полированного камня, удлиненные линзовидные в разрезе бусы — из агата, халцедона и сердолика, а две трапециевидные бусины из захоронения ребенка (погр. 818 периода Алтын 7) — лазуритовые (рис. 7).

К середине периода ранней бронзы относится и появление технологии высокотемпературного упрочняющего обжига изделий из камня (пронизки, антропоморфная статуэтка — рис. 8, 9), причем если обжиг предметов из стеатита велся при температуре около 800°, то изделия из кремнистых пород подвергались обжигу при температуре свыше 1200°, что является показателем высокого уровня технологии (Кирчо, Ковнурко, 2003).

Керамика начала ранней бронзы продолжает и развивает основные черты керамики постгеоксюрского комплекса позднего энеолита. Затем, в связи с изменением техники формовки, появляется ряд новых форм (чаши-кубки, кубки), начинают меняться пропорции сосудов. Орнаментация продолжает ранние традиции в деградирующем, “ухудшенном” варианте, а количество расписной керамики резко падает. На финальном этапе снижается вариабельность комплекса. Идет процесс стандартизации нескольких основных форм и размеров сосудов, а также орнаментации — большая часть посуды расписана мотивами четырех типов.

Развитие керамического производства периода ранней бронзы определяется внедрением важнейшего технического новшества — гончарного круга. К моменту появления гончарного круга технология изготовления позднеэнеолитической керамики была уже очень высока и вытеснение ручной формовки гончарным кругом происходило исторически быстро. Подправленные или доформованные на круге сосуды появляются фактически еще в периоде Алтын 9, однако устойчивую группу (более 20%) образует только в комплексах периода Алтын 8. В то же время,

первоначально это важнейшее техническое изобретение еще практически никак не сказывается на основных формах и орнаментации сосудов. Но уже в периоде Алтын 7 с подправкой и полностью на круге

изготовлено свыше 80% сосудов, а в периоде Алтын 6 — 90%. В комплексах Алтын 5 и 4 практически уже вся керамика изготовлена на круге (рис. 10).

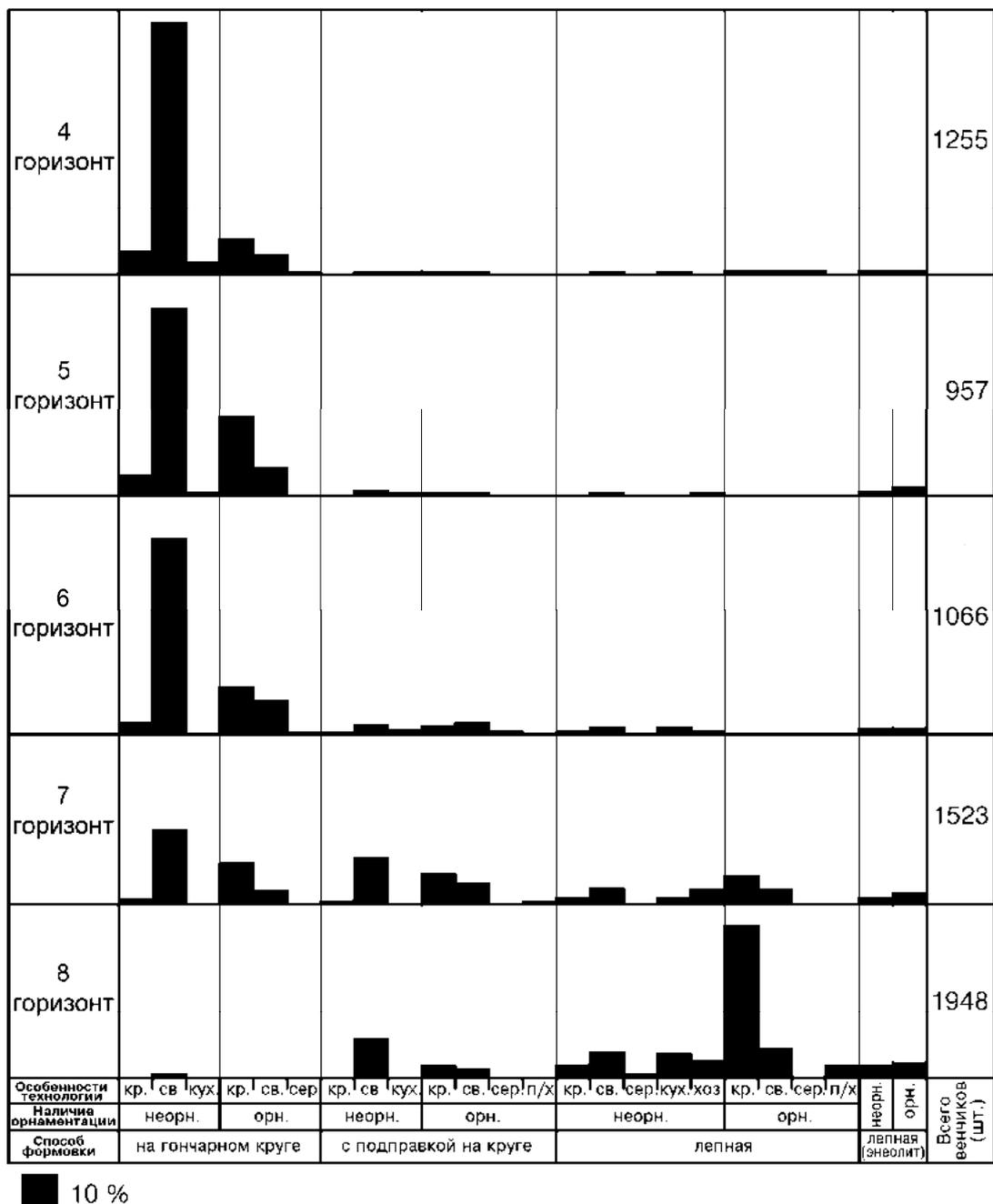

Рисунок 10. Алтын-депе, динамика изменения количества различных групп керамики по строительным горизонтам периода ранней бронзы на раскопе 5 (в %).

Вторым важнейшим фактором, определившим технический прогресс в керамическом производстве ранней бронзы, стали поиски оптимального режима обжига и новой конструкции гончарных печей. Обжиг позднеэнеолитических сосудов и керамики периодов Алтын 8-6 был в основном

нейтральным, неравномерным и нестабильным. Это подтверждается находкой в 5 горизонте раскопа 5 двух гончарных печей одноярусной конструкции. Начало технологических изменений, связанных с внедрением двухъярусных печей и отработкой новых приемов обжига, маркируется кратковремен-

ным появлением минерального отощителя в тесте и красной (иногда с темными пятнами) облицовки посуды в 5 и 4 горизонтах раскопа 5 (рис. 9, 10). Мощные двухъярусные печи с большим объемом обжигательных камер и глубокими топочными камерами, дававшими горячее и равномерное пламя и имевшие гораздо большую производительность, известны только для периода средней бронзы. В результате внедрения гончарного круга и двухъярусных печей уже в периоде Алтын 3 практически полностью исчезает расписная керамика, что и определяет конец эпохи ранней бронзы на Алтын-депе.

Керамика первого этапа ранней бронзы (периоды Алтын 8-7) продолжает и развивает основные черты керамики позднего энеолита (комплекс Алтын 10-9), в свою очередь трансформирующем геоксюрский стиль. Все основные формы сосудов (чаши, миски, горшки) и даже их варианты в горизонтах 8-7 раскопа 5 находят прямые прототипы в позднеэнеолитических материалах (рис. 7, 31-41, 44, 45). В орнаментации идет процесс потери конкретными мотивами и их сочетаниями смысловой нагрузки, семантического значения и усиливается декоративная и опознавательная функция. Важной чертой комплекса является индивидуальная вариативность сосудов.

На втором этапе, в связи с изменением техники формовки, появляется ряд новых вариантов форм (чаши-кубки, кубки), начинают меняться пропорции сосудов (рис. 8). Орнаментация продолжает ранние традиции в деградирующем, «ухудшенном» варианте. Количество расписной керамики падает с 70—50% до 30% в 6 и 5 горизонтах. На финальном этапе начинает сказываться становление новой технологии обжига и ремесленной организации труда. Идет процесс стандартизации нескольких основных форм и размеров сосудов (рис. 9). Резко снижается вариативность комплекса. Стандартизация затрагивает и орнаментацию — большинство сосудов расписано мотивами четырех наиболее распространенных типов.

Из глины, обычно с последующим обжигом, изготавливали огромное количество разнообразных предметов быта и культа от многочисленных пряслиц, «наверший», мо-

делей повозок, до зооморфных и антропоморфных статуэток, печатей, «реликвариюв», светильников и т. д., образующих вместе с керамикой характерный культурный комплекс эпохи ранней бронзы Алтын-депе. Некоторые из этих предметов до обжига, а иногда и после него, раскрашивали черной, красной и желтоватой красками.

Обработка краски засвидетельствована каменными орудиями для разбивания крупных кусков охры и краскотерками, ступками, курантами и пестами для ее растирания. Для нанесения краски на предметы использовали кисти — найдена костяная оправка такой кисти для краски.

Обработку шкур и кожи производили каменными скреблами и скребками из камня или фрагментов керамики, а каменные ложила служили для втирания краски в кожу. Несколькими находками представлены и каменные орудия для обработки дерева — рубящие орудия, долота, клинья, скобели и т. д.

Костяные изделия немногочисленны. Это либо орудия труда: шилья, игла для ткани, кочедык — орудие для плетения циновок (рис. 7, 2), упоминавшиеся выше шпатели и ложила для керамики и оправка для кисти, либо резные печати-пуговицы и обломки резных костяных палочек с несложным зигзагообразным орнаментом. Аналогичные палочки в «погребальном ансамбле» начала средней бронзы Алтын-депе входили в состав набора для какой-то игры или гадания.

Свидетельства прядения и ткачества — многочисленные каменные и терракотовые пряслица и «навершия» встречены повсеместно. Представлены в основном конические с выемкой, биконические и сфероконические пряслица и «навершия». Часть терракотовых изделий орнаментирована защипами, вдавлениями по краю, насечками, прочерченными по боковой поверхности зигзагами или пятнами краски.

Культурную специфику комплексов ранней бронзы Алтын-депе во многом определяют предметы, не имеющие производственного и бытового назначения — печати, антропоморфные статуэтки, «реликвариюв» и светильники.

Печати-амулеты, которые, вероятно, носили подвешенными на груди или у пояса, разде-

ляются на две группы по способу прикрепления веревки: печати-штампы с ушком на тыльной стороне и печати-пуговицы с двумя дырочками. Печати эти — квадратной или круглой формы и изготовлены из меди, серебра, камня, кости и терракоты. Все они имеют на лицевой стороне крестовидный орнамент разной степени сложности с включением зигзагов, ступенчатых треугольников, пирамид, треугольников и солярных знаков. Орнамент нанесен на каменные печати сверлением, на терракотовые и костяные — вырезанием, на металлические — гравировкой.

Антропоморфные фигурки в комплексах эпохи ранней бронзы Алтын-депе изготовлены из камня, глины и терракоты и представлены изображениями шести типов, предположительно по три типа женских (сидящих) и мужских (стоящих) фигурок трех степеней детализации (Массон, Кирчо, 1999, с. 66-68).

I. Фигурки со всеми основными частями человеческой фигуры, признаками пола и сложными налепными или нанесенными краской деталями убора (тип 1 и 4).

II. Более схематизированные изображения без проработки некоторых частей (голова, груди, руки), иногда отсутствуют признаки пола (тип 2 и 5).

III. Антропоморфные сидящие и стоящие изображения без признаков пола и почти без проработки отдельных частей тела (тип 3 и 6). Такая трехчленная структура, возможно, отражает определенное функциональное назначение статуэток и связанный с ним комплекс представлений.

Специфическими среди терракотовых изделий являются коробочки-«реликварии» — параллелепипеды с крестообразным отверстием в верхней крышке, боковые и верхняя поверхности которых украшены резным (а иногда прорезанным насквозь) орнаментом из ступенчатых треугольников и ромбов, окрашенных красной, черной и желтоватой красками. Такие коробочки появляются в конце периода позднего энеолита, особенно широко представлены в комплексах эпохи ранней бронзы (Массон, Кирчо, 1999, рис. 1-3) и продолжают бытовать в период средней бронзы. В 8 горизонте раскопа 5 Алтын-депе найден ранее неизвестный вариант таких коробочек-«реликварий» на небольших кубических ножках. На двух противоположных боковых гранях, помимо резного

декора, он имеет две сквозных прямоугольных прорези: одну — в верхней части, широкую и неглубокую, и вторую, более узкую и глубокую (Массон, Кирчо, 1999, рис. 2). Функциональное назначение «реликвариев» неизвестно, однако, это явно не бытовые вещи, а небольшие, парадно украшенные емкости, которые видимо, служили вместилищем для ценных предметов. Декор «реликвариев», как и вся система геометрической орнаментации керамики Южного Туркменистана, восходит к плоским двусторонним орнаментам плетеных циновок, а наиболее ранним проявлением этой системы являются стенные росписи Анау и Яссы-депе времени НМЗ I. На Алтын-депе в святилищах периодов Алтын 7 и 6 найдены ниши в виде части ступенчатой пирамиды, а в стене святилища периода средней бронзы на раскопе 1 — прорези-«окна» в виде ступенчатого треугольника (Массон, 1981, табл. I, 1; II, 2), идентичные углубленному и прорезному декору «реликвариев». Учитывая эти обстоятельства, автор предполагает, что «реликварии» являлись моделями парадно украшенных жилищ. Тогда вышеописанные прорези в стенках «реликвария» на ножках — это изображения ниши или окна и входа-двери. Такие ниши и входы найдены в хорошо сохранившихся жилищах поры средней бронзы Алтын-депе (Березкин, 2001, рис. 8).

Цилиндрические или вытянутые, подквадратные в сечении, каменные и терракотовые светильники часто являются атрибутами погребального инвентаря богатых женских захоронений периода ранней бронзы (рис. 7, 22, 23). Светильники эти явно связаны с комплексом представлений о темном загробном мире и с каким-то специфическим вариантом погребального обряда или социальной группой.

Изучение массовых материалов эпохи ранней бронзы Алтын-депе позволяет детализировать наши представления о конкретных проявлениях культурного комплекса и впервые проследить реальную генетическую связь протгородской культуры периода средней бронзы и древнеземледельческой поздэнеолитической культуры Южного Туркменистана. Типологический анализ показывает, что все основные компоненты комплекса начала ранней бронзы — типы жилищ и погребений, формы и орнаментация глиняных сосудов, антропо-

морфные статуэтки, металлические и каменные изделия, терракотовые поделки находят прототипы в позднеэнеолитических материалах. Инновацией являются только светильники.

В то же время, во второй - третьей четверти III тыс. до н. э., по крайней мере, в четырех видах производств на Алтын-депе, происходят крупные технологические и, видимо, организационные изменения. Строительство монументальных сооружений, внедрение вращающегося инструмента для формовки гончарных и каменных изделий, прорыв в области теплотехники (высокотемпературный обжиг

изделий из камня и появление на рубеже ранней и средней бронзы двухъярусных гончарных печей и литья по восковой модели) свидетельствуют, что в эпоху ранней бронзы идет процесс формирования производственной базы специализированного ремесла — экономической основы расцвета протогородской цивилизации Алтын-депе. А дифференциация жилых комплексов, усложнение погребальных обрядов и появление монументальной архитектуры в конце периода, видимо, отражают начало процесса изменения социальной структуры.

Литература:

- Березкин Ю.Е. Квартальный центр эпохи бронзы на Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. МЮТАКЭ. Вып. 5 \ Массон В.М. (Ред.) (далее – МЮТАКЭ. Вып. 5). СПб, 2001. С. 40—59.
- Егорьков А.Н. Особенности состава металла Алтын-депе // МЮТАКЭ. Вып. 5). СПб, 2001. С. 5—39.
- Кирчо Л.Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА. 1990. № 3. С. 176—183.
- Кирчо Л.Б. Новое обследование Алтын-депе // АВ. СПб, 1999. № 6. С. 458—459.
- Кирчо Л.Б. Металлические изделия Алтын-депе // МЮТАКЭ. Вып. 5. СПб, 2001а. С. 60—84.
- Кирчо Л.Б. Основные типы сооружений и технология строительства Алтын-депе в эпоху позднего энеолита и ранней бронзы // МЮТАКЭ. Вып. 5. СПб, 2001б. С. 5—39.
- Кирчо Л.Б., Ковнурко Г.М. Престижно-культурные предметы и украшения Алтын-депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // АВ. СПб, 2003. № 10. С. 108—113.
- Коробкова Г.Ф. 2001. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // МЮТАКЭ. Вып. 5 \ Массон В.М. (Ред.). СПб, 2001. С. 146—212.
- Марколонго Б., Моцци П. Геоморфологическая эволюция предгорной равнины Восточного Копетдага в эпоху голоцена: предварительный геoarхеологический обзор // АВ. СПб, 2000. № 7. С. 33—40.
- Масимов И.С. 1970. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы на поселении Алтын-депе // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад, 1970. С. 51—63.
- Масимов И.С. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад, 1976.
- Массон В.М. Протогородская цивилизация на юге Средней Азии // СА. 1967. № 3. С. 165—190.
- Массон В.М. Алтын-депе / Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л., 1981.
- Массон В.М. Энеолит Средней Азии // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982. С. 9—92.
- Массон В.М., Кирчо Л.Б. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынылы-депе) // РА. 1999. № 2. С. 61—76.
- Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.
- Сайко Э.В., Терехова Н.Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы \ Колчин Б. А., Сайко Э. В. (Ред.). М., 1981. С. 72—122.
- Сарияниди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1960. С. 225—318.
- Сарияниди В.И. Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98. 1964. С. 60—65.
- Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. IV. САИ БЗ-8. М., 1965.
- Сарияниди В.И. Раскопки могильников на Геоксюре и Алтын-депе // АО 1965 г. М., 1966. С. 70—72.
- Сарияниди В.И. Раскопки на Хапуз-депе и Алтын-депе // АО 1966 г. М., 1967. С. 333—335.
- Сарияниди В.И. Новые раскопки на Хапуз-депе // КСИА. Вып. 115. М., 1969. С. 116—123.
- Сарияниди В.И. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первобытный Туркменистан \ Ред. В.М. Массон, Е. Атагарыев. Ашхабад, 1976. С. 82-111.
- Удеумрадов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана: Связи, хронология, происхождение. Ашхабад, 1993.
- Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб, 1997.
- Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб, 2002.

**ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДУХОВНОГО
МИРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА**

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ШАДДИННУ ИЗ БОРСИППЫ

(552-482 гг до н.э.)

Шестой век и первая половина 5 в. до н.э. в Вавилонии характеризуются исключительным обилием хозяйственных и юридических документов из храмовых и семейных архивов частных лиц. К их числу относятся и архив жителя Борсиппы Шаддинну, сына Балассу из рода Белиа'у. Он был старшиной группы пекарей в Эзиде, храме бога Набу в Борсиппе, а также занимался хозяйственной и предпринимательской деятельностью. В документах упоминается и его жена Нанайядамкат (или сокращенно Дамка), а также брат Набу-мукин-апли и сын Набу-убаллит. Несколько десятков документов этого архива находятся в Переднеазиатском музее в Берлине, а большая часть (165 табличек) – в Британском музее. Документы из Переднеазиатского музея были опубликованы в клинописной автографии А. Унгнадом в начале прошлого века (VS III-VI) и, три десятилетия спустя, переведены тем же ассириологом совместно с М. Сан-Николо (NRV). Что же касается документов из Британского музея, некоторые из них изданы Р и Т. Цадоками (Zadok, 2002, p. 63-66; Zadok, Zadok, 2003, p. 57-60), а содержание остальных текстов пока нам известно только в самом общем виде из каталога этого музейного собрания (Sigríst, Figulla, Walker, 1996; см. рецензию: Zadok, 1997/1998; Zadok, 1998, p. 271-272). Архив в целом до сих пор не был предметом специального исследования, и поэтому мы попытаемся рассмотреть документы из него, распределив их по определенным группам.

Долговые документы

В 502 г Шаддинну ссудил одному лицу 50 сиклей¹ серебра, получив за это в антихрезу (пользование без арендной платы) на два года дом должника. Последний в свою очередь, по условиям контракта, обязан был платить проценты на ссуду только с части кредита, а именно с 15 сиклей из расчета 12 сиклей на мину серебра в год (NRV 307). По свидетельству другого текста, в 495 г один поручитель должен был привести некоего Либлута в Борсиппу и передать там его Шаддинну, а в противном случае погасить его долговые обязательства. Как видно далее из документа, Шаддинну удалось получить из рук поручителя и жены Либлута 226 л ячменя (NRV 679)²

Сделки с землей (аренда, купля и продажа)

Самый ранний известный нам документ из этой группы относится к 520 г и фиксирует уплату 8280 л фиников с рощи у канала по названию Мишари. Этот урожай предназначался не только для Шаддинну, но и нескольким другим лицам, владевшим землей совместно с ним. Финики необходимо было отдать в доме Шаддинну в Борсиппе, как и в других случаях, в месяце арахсамна (октябрь/ноябрь). В тексте также отмечается, что инспектору еще не уплачена пошлина с этого урожая (NRV 424)

¹ В этой статье упоминаются следующие меры: сикль (8,4 г), мина (500 г), талант (30 кг); кигги как мера объема составлял 180 л, а как мера площади 13500 кв. м.

² Из других текстов, где Шаддинну выступает кредитором, см.: NRV 197, 253; Zadok, 2002, p.65 (BM 85009).

В 513 г арендатор по имени Иддин-Набу должен был уплатить 720 л фиников, не считая 180 л полужелтых фиников. Их надо было доставить в дом Шаддинну в Борсиппе, предварительно измерив царской меркой (NRV 431). В следующем году последний получает 3060 л фиников. Теперь арендатором выступает некий Набу-бултанни. Как видно из текста, в его пользовании находилось также и зерновое поле, принадлежавшее Шаддинну (NRV 441). В 511 г последнему совместно с другим лицом (Мушезиб-Бел) предполагалось уплатить 21 600 л фиников. На этот раз арендаторов было двое, и они поручились друг за друга. Финики надо было отдать в доме Шаддинну меркой царя (NRV 435). В 504 г арендатор должен был уплатить Шаддинну 990 л фиников вместе с талантом полужелтых фиников. В документе отмечается, что речь идет об урожае с местности Бит-Хабцирти (NRV 440). В тексте от 501 г говорится об арендной плате тем же продуктом (936 л) с местности в Шарбанну. Как и в других, случаях финики необходимо было отдать в Борсиппе в доме Шаддинну (NRV 443). От того же года сохранился еще один документ, согласно которому с рощи у канала Михирту необходимо было уплатить 3600 л фиников. На этот раз арендатор (его звали Дигирия) должен был отдать их меркой самого Шаддинну. В тексте также отмечается, что железные лопаты и две кирки, принадлежащие Шаддинну, находятся в распоряжении арендатора (TEBR, No 74). Следующий текст относится к 496 г и фиксирует уплату 1008 л фиников с урожая в местности Бит-Маситу. В документе отмечается, что арендатор (его имя было Лабашу) должен был Шаддинну и «другое имущество» (NRV 450). Самый последний известный нам документ об аренде относится к 491 г, когда Шаддинну получил 3960 л фиников с местности Бит-апла-иддина (NRV 453).

Сохранилось также несколько документов об арендной плате, которые оформлены как абстрактные долговые расписки. В таких текстах обычно не

указывается причина возникновения долга. Один из этих документов является долговой распиской относительно фиников из рощи, которая была расположена у Борсиппского канала (см., Zadok, 2003, p. 57 со ссылкой на BM 21976). В 524 Шаддинну выступает кредитором 540 л фиников (NRV 256). В 502 г некая Нуптая обязалась доставить Шаддинну 240 л смоквы, и за уплату этого долга поручилось третье лицо (NRV 328). Наконец, в 497 г еще один арендатор должен был уплатить Шаддинну 120 л ячменя (NRV 272).

В 507 г Шаддинну купил за 20 сиклей серебра у некоего Набу-иттанну участок земли, который находился «перед степью у Ворот Моря», одна из сторон которого граничила с его собственным полем (NRV 29). В 502 г Шаддинну купил участок полевой площади в 4050 кв м, на которой росли финиковые пальмы. Земля эта была расположена в округе Борсиппы, и ее «полная цена» составила 2 мины 50 сиклей серебра (NRV 51). Сохранился также документ от 507 г о продаже поля, принадлежавшего Шаддинну, некоему Бел-идину. Общая цена этого участка не указывается в тексте, так как последний лишь содержит напоминание о том, что покупатель должен был рассчитаться за остаток цены, который равнялся $2(?)\frac{1}{2}$ мины серебра (NRV 199). Другой контракт свидетельствует о продаже поля, которое было расположено у Ворот Иштар в Борсиппе (Zadok, 1997/1998, p. 299, со ссылкой на BM 21938). Кроме того, в контракте от 519 г упоминается участок земли Шаддинну, граничивший с проданной третьим лицом землей (NRV 37). Наконец, из текста, датированного 508 г, известен «хутор Шаддинну, сына Набу-балассу-икби», который указан как граница поля одного жителя Борсиппы (ТМН 2/3, 168). Возможно, здесь имеется в виду интересующий нас Шаддинну, отчество которого в данном случае дано в сокращенном виде.

Сдача домов в аренду

Выше был упомянут контракт, по свидетельству которого Шаддинну соби-рался жить в течение двух лет в доме, арендованном в счет уплаты процентов на долг (NRV 307). Было бы ошибочно делать из этого вывод, что он не имел собственного дома. Наоборот, он владел несколькими домами, которые сдавал в аренду. Так, в 517 г его дом, «находившийся в тупике» и граничивший с домом его брата Набу-мукин-апли, был сдан в аренду на два года некоему Балассу за ежегодную плату в 13 сиклей серебра, не считая полсикля серебра «на пиршество бога Энлиля», т.е. на какой-то магарыч (NRV 120). Хотя дом первоначально был арендован лишь на два года, и много лет спустя тот же Балассу продолжал оставаться там и в 509 г уплатил 9 сиклей серебра за проживание в нем (NRV 125, ср. комментариев там же на стр. 166) В 507 г упомянут еще один арендатор (Ид-дина). Документ частично разрушен, но из него видно, что этот дом был продан его хозяином Шаддинну и таким образом прежний владелец превратился в арендатора (NRV 676) Судя по частично сохранившемуся тексту, Шаддинну купил еще один дом за 12 сиклей серебра (Jursa, 1999, p. 135, No 55.) (см. Zadok, 2003, p. 57 с ссылкой на BM 21976). Последний документ из этой группы относится к 486 г и свидетельствует о том, что Шаддинну передал участок земли другому лицу для возведения там дома (NRV 635). Сохранился также документ о сдаче им в аренду склада (BM 96243, см.. Zadok, 2003, p.67).

Приобретение рабов

Два документа являются контрактами о покупке рабов. В 504 г Шаддинну купил раба у некоего Кидин-Мардука за две мины серебра. Продавец должен был нести ответственность за любые претензии, которые могли возникнуть относительно этого раба. Далее в тексте отмечается, что «цена поля (уже) получена» (NRV 78). Очевидно, в силу каких-то обстоятельств владельцу раба пришлось продать и свое поле тому

же Шаддинну. Второй текст фиксирует приобретение раба у другого контрагента за 50 сиклей серебра, а сама сделка была заключена в присутствии жены продавца (Zadok, 1997/1998, p. 299, со ссылкой на BM 21978).

Документы о пребенде

Шаддинну владел пребендой (доходной должностью) в храме Эзида в Борсиппе и выполнял там за соответствующее вознаграждение обязанности старшины пекарей по приготовлению ритуальных обедов для богов. Старшиной пекарей Эзиды он назван в двух текстах, составленных соответственно в 516 и 517 гг. (о них см.. Zadok, 2002, p. 63-66). Он получал продукты необходимые для выполнения пребенды от храмового управителя (см., например: Zadok, 2003, p.63, со ссылкой на BM 29087) Однако по причине своей занятости многочисленными и более выгодными делами, он часто нанимал других лиц для выполнения указанных обязанностей, заключив с ними трудовые соглашения. В частности, в 513 г он предоставил одному контрагенту финики для приготовления угощения в храме (NRV 589). В 509 г он расплатился с другим контрагентом за службу в храме, которая заключалась в приготовлении обедов для богини На-найи (NRV 593). Один из исполнителей обязанностей пребендаря по поручению Шаддинну каждый месяц снабжал богов Набу и Нанайя двумя кусками мяса, а также доставлял жертвы для бога Адада (см.. Zadok, 2002, со ссылкой на BM 29447). Один из документов составлен в 497 г и отмечает, что исполнитель несет ответственность перед Шаддинну за «непрерывность стола» богов в определенных дни (NRV 599).

Предпринимательская деятельность

Важное место во многогранной деятельности Шаддинну играло предпринимательство. В 533 г он выдал мину серебра двум компаньонам для извлечения прибыли. В документе отмечается, что независимо от суммы прибыли, которую получают контрагенты «в

городе и сельской местности» (т.е. где бы то ни было), они должны вернуть Шаддинну мину серебра, и в этом они поручились друг за друга. Что же касается прибыли, половина ее будет принадлежать Шаддинну, а остальная часть - обоим его контрагентам. Любопытно отметить, что писцом документа выступает один из контрагентов (см. Zadok, 2003, p. 57-58, со ссылкой на BM 96246)

В документе от 531 г. отмечается, что 30 сиклей серебра составляли цену 20 чанов пива, принадлежащих некоей Куннабату, дочери Балассу. Эта сумма числилась как долг за Шаддинну и неким Набу-эрба. Они, кроме уплаты денег, должны были также вернуть все 20 пустых чанов их владелице (Scheil, 1929, p.17). Очевидно, этот текст свидетельствует о предпринимательской деятельности Шаддинну и его компаньона. В 510 г некий Нидинту получил из рук Шаддинну 2934 л фиников, цену 32 1/2 сиклей серебра, чтобы уладить какие-то счета, связанные с деловыми операциями (Zadok, 2003, p. 59-60, со ссылкой на BM 96181; NRV 552, 782). Имеется информация и о его связях с дворцовыми властями в Вавилоне, где он, в частности, совершал различные сделки по продаже движимого имущества (Zadok, 2003, p. 57).

Относительно Нанайя-дамкат, жены Шаддинну, известно, что она имела раба и владела финиковой рощей (см. ссылки на тексты: Zadok, 2003, p. 57)

Некоторые сведения сохранились и о Набу-мукин-апли, брате Шаддинну. Он, по-видимому, был старшим братом, так как начало его деятельности, судя по известным нам данным, относится к 567 г., в то время как Шаддинну появляется в текстах, начиная с 552 г., т.е. на пятнадцать лет позднее. Одна квитанция от 567 г фиксирует выдачу им двум поименно названным лицам 108 л ячменя «без присутствия Булты» (NRV 526). Через шесть дней была составлена одна квитанция, согласно которой он уплатил 216 л ячменя еще одному лицу опять «без присутствия Булты» и при этом отмечается, что «остаток не забыт (NRV

527). Булта, очевидно, находился в каких-то деловых контактах с Набу-мукин-апли. Эти контакты продолжались и гораздо позднее, при сыне Булты. Так, в 544 г некий Римут, сын Этеллу, и Белшуну, сын Булты, жили в доме, принадлежавшем Набу-мукин-апли, и должны были ежемесячно вносить арендную плату, общая сумма которой в течение года составляла 10 сиклей серебра, «не считая подарка». В контракте также отмечается, что арендаторы не должны отдавать денег без присутствия женщины по имени Куннабату (NRV 113) Как полагают издатели текста, последняя была женой арендодателя и владелицей дома (см. NRV, p. 156). Последний текст, в котором Набу-мукин-апли появляется, был составлен в 531 г., и в нем он упомянут среди свидетелей контракта, заключенного его братом (Scheil, 1929, p. 17).

Известен также составленный в 508 г брачный контракт Набу-убаллита, сына Шаддинну, с некоей Амти-Нанайя (Zadok, 1998, p. 271, со ссылкой на BM 26483).

Из рассмотренных выше документальных данных можно прийти к следующим выводам. Шаддинну был постоянным жителем Борсиппы, землевладельцем, домовладельцем, храмовым пребендарием и предпринимателем. Его жизнь в общих чертах прослеживается в течение 70 лет, с 552 по 482 год. Поскольку он в самом начале своей карьеры упоминается как взрослый, правоспособный человек, которому не могло быть меньше двадцати лет, даже по современным нашим представлениям, его жизнь была очень долгой, более 90 лет. При нем сменилось более десяти царей, произошло несколько дворцовых переворотов, страна подверглась персидскому нашествию и три раза восставала против чужеземного господства. Однако, судя по сохранившимся данным, все это мало коснулось Шаддинну, и он вряд ли пострадал от драматических событий своего времени. О его деятельности свидетельствует архив, состоящий приблизительно из двухсот текстов, включая также документы его жены, брата и сына. Почти все они

составлены в Борсиппе и лишь немногие тексты в Вавилоне.

Его внимание всецело было поглощено заботой о сохранении и приумножении своего имущества. Его недвижимая собственность состояла из нескольких домов, склада, полей и финиковых деревьев, расположенных в Борсиппе и в ее сельской округе. Многочисленные долговые расписки свидетельствуют о его разнообразных сделках. Все это имущество он сдавал в аренду нескольким арендаторам, которые доставляли ему домой урожай фиников и ячменя, а также платили деньги. Арендная плата колебалась от нескольких сотен до нескольких тысяч литров фиников в год. Иногда одни и те же лица арендовали его имущество в течение многих лет. В начале предпринимательской деятельности его арендную плату оценивали царской меркой, а впоследствии он завел собственную мерку. Временами он жил не у себя, а в доме, взятом за долги в антихрезу (аренда за счет процентов с ссуды). Он также покупал недвижимое имущество и рабов у своих несостоятельных должников. Значительное место в его жизни занимала предпринимательская деятельность. В частности, он выдавал деньги для торговли разным лицам с условием о разделе вырученной прибыли и неприкосновенном возврате основного капитала. В частности, он сам вместе со своим компаньоном занимался продажей пива. Он также ездил в

столицу страны Вавилон и заключал там различные имущественные сделки.

Наконец, он играл видную роль в храме Эзида в Борсиппе, где имел приносящую ему постоянный доход (пребенту) старшины группы пекарей, готовивших жертвенные обеды для богов. Однако разносторонняя деятельность Шаддинну не оставляла ему достаточного времени для работы пребендаря, и поэтому он нанимал для выполнения этих обязанностей в храме других лиц, уплачивая им соответствующее вознаграждение.

Один из его домов граничил с домом брата. Последний также занимался предпринимательской деятельностью и сдавал дом в аренду. Его деятельность в самом общем виде может быть прослежена в течение 36 лет, с 567 по 531 год. О Набуубаллите, сыне Шаддинну, пока мало что известно, однако сохранился его брачный контракт, заключенный в 508 г

Но было бы преувеличением относить Шаддинну к высшему слою вавилонских предпринимателей (таких как, например, Эгиби или Мурашу). В отличие от последних, орудовавших десятками тысяч литров фиников или ячменя и десятками мин серебра, размах Шаддинну был более скромным, ограничиваясь несколькими тысячами литров продуктов и не очень значительной суммой денег.

Литература

- Jursa M.* Neu- und spätbabylonische Texte aus den Sammlungen der Birmingham Museums and Art Gallery // Iraq. Vol. 59. 1997.
- Scheil V.* Contractant et témoin // RA. 26. 1929.
- Sigrist M., Figulla H.H., Walker C.B.F.* Catalogue of the Babylonian Tablets in the British Museum. Vol. 2. L., 1996.
- Zadok R.* AfO. Bd 44-45. 1997/1998. P. 293-306.
- Zadok R.* Notes on the Borsippian Documentation of the Eighth-Fifth Centuries BC // IOS. XVIII. 1998. P. 271-272.
- Zadok R.* An Achaemenid Queen // NABU. 2002.
- Zadok R., Zadok T.* Two Deeds from the Šaddinnu Archive // NABU. 2003.

Lecomte O.
(France, Nanterre)

A GROUP OF YAZ II-III STAMP-IMPRESSIONS FROM ULUG DEPE (TURKMENISTAN)

Among many other major sites, either explored or extensively excavated by V. I. Sarianidi, is that of Ulug Depe in the etrap of Kaahka, 175 km south-east of Ashgabat (fig. 1). Together with Namazga, Altyn and Khapuz Depe, it was one of the most important sites of the urban phase of the

Oxus civilisation. But in addition, Ulug Depe which is located halfway between Namazga and Altyn Depe, displays one of the longest stratigraphical sequences of the whole of Central Asia : from the middle Chalcolithic (Namazga II) until the late Iron Age (Yaz II-III).

Figure 1. General map of Turkmenistan with main archaeological sites.

The stratigraphy of the site was recognised by V. I. Sarianidi in the late sixties (Sarianidi, 1968, 1971, 1972; Sarianidi, Katchuris, 1968), and immediately interpreted as one of the most interesting sites of southern Central Asia. The French-Turkmen expedition which in 1994 started to study the Iron Age of south-western Turkmenistan in cooperation

with the Batyrov History Institute¹ later focused its interest on Ulug Depe. V. I. Sarianidi, whom I met at Gonur in 2000, generously granted me permission to work at Ulug depe and was kind enough to provide

¹ In close cooperation with Academician Professor, E.E Atagarryew whom I wish to warmly thank here. See: Lecomte, 2000.

me with an important part of the registration and preliminary reports («otchet») concerned with his previous explorations of the site. Due to a new cooperation contract signed with the Turkmen Direction for the Protection, the Study, and the Restoration of Historical and Cultural Monuments², work was able to start at Ulug Depe in 2001 and three seasons have since been carried out.

THE SITE

Our strategy aims at excavating, as extensively as possible, the periods represented at the site. By doing so, we wish to obtain a better understanding of the evolution of the «urban» pattern, and more generally, of the material culture with its consequences in terms of socio-economic and

ideological processes. Defining precisely the great stratigraphic and cultural transitions, such as that between the middle and late Bronze Age, or between the late Bronze Age and the early Iron Age is another major goal.

Until now, excavations have been almost exclusively devoted to the early Bronze Age (Namazga IV) and located to the north of the depe (fig. 2), in the vicinity of V.I. Sarianidi's deep sounding. As for the late Iron Age (Yaz II-III), it is very well represented on top of the depe (see: Boucharlat *et al.*, 2005; Lecomte *et al.*, 2003).

The latter is the most important contribution of the French-Turkmen expedition to the study of a large late Iron Age site of the piedmont area.

The remains of what we call the «citadel» of Ulug Depe were first excavated

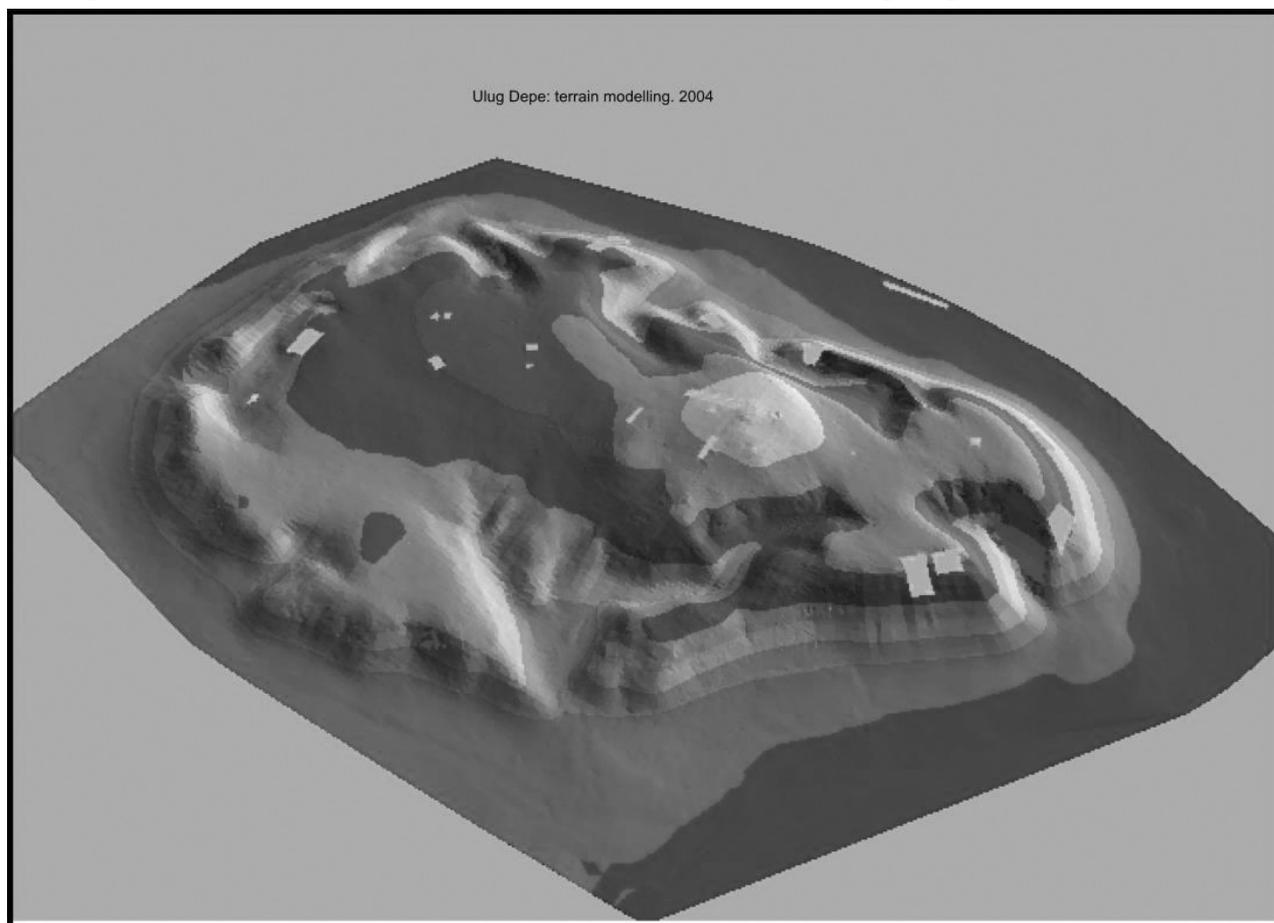

Figure 2. Numeric terrain modelling of Ulug Depe.

² Whose director, M. A. Mamedow is co-directing the expedition for the Turkmen part and, as such, has always been of a great help and played a leading role in the results of the excavation. I am very much indebted to him and more generally to the Turkmen authorities which let us excavate one of the major sites of Central Asia.

in 2001 and 2002, but our knowledge of the general outlines of the latest occupation (Yaz II-III) is essentially based on a geomagnetic

survey, carried out in 2003³ (fig. 3) as well of course as on 2003 excavations. This survey covered 10 ha, on top of the depe and was carried out wherever the steep slopes of the 31 m high mound permitted.

preliminary, understanding of the plan of Yaz II-III Ulug Depe can thus be obtained:

The northern, highest, part of the depe is occupied by two monumental complexes (fig. 3 and 4) located on both sides of the main street.

The first consists of the citadel (fig. 4, N°1A), square in plan, roughly 40 m aside,

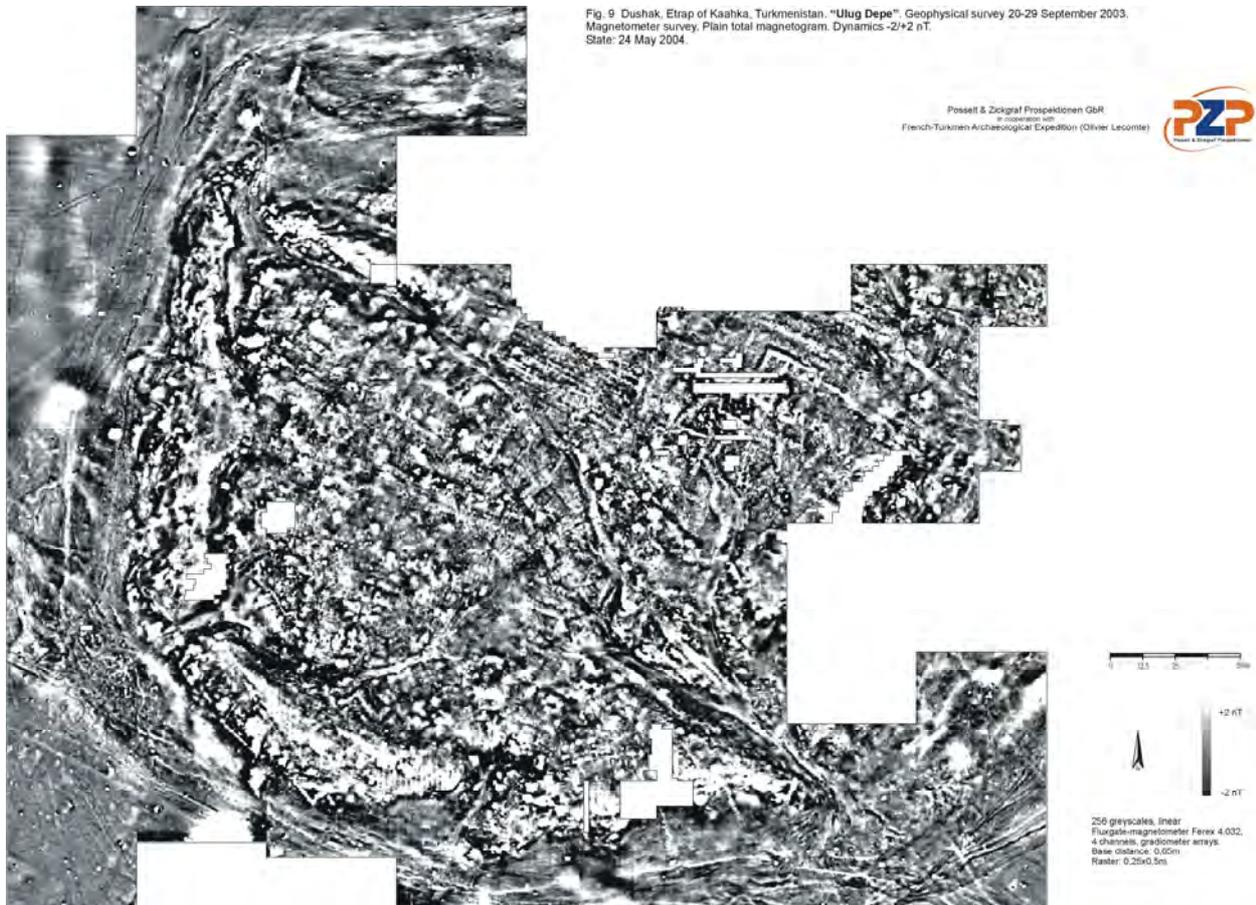

Figure 3. Mapping of Ulug Depe's geo-physical survey (M. Posselt).

The main result of this survey is that it shows the urban, planned character of the late Iron Age site (fig. 3-4). From the plan obtained by this survey, one can see that all of the visible archaeological structures have the same orientation and can be thought of as contemporaneous. It becomes obvious then that the citadel currently excavated is only part of a large urban settlement covering the whole upper surface of the depe. A general,

maybe built on a terrace, to the north-east of the site. Fifty metres to the west of the citadel lay a long rectangular building (60 X 30 m, fig. 4, N°1B) whose inner space consists of two blocks of narrow, grid-like, long rectangular rooms, apparently separated by a corridor. Such an alignment of narrow rooms leads us to consider this building as a monumental «treasury»-like, ware house. The interpretation of some magnetic anomalies leads Dr. Posselt, in charge of the geo-physical survey, to consider the possible presence of columns in this building. This hypothesis of course needs to be confirmed by further excavations. A third, large trapezoidal building, possibly part of the latter, ends this first complex to the west (fig. 4, N°1C).

³ I also wish to thank my friends Rémy Boucharlat and Henri-Paul Francfort who accepted to devote part of their exceptional knowledge of Iranian and Central Asian civilisations to the excavation and scientific exploitation of Ulug Depe.

The second monumental complex, to the south-west of the main street (fig. 4, N°2), is composed of two huge, possibly residential, buildings which seem to be separated by an empty space (fig. 4, N°2 D and E).

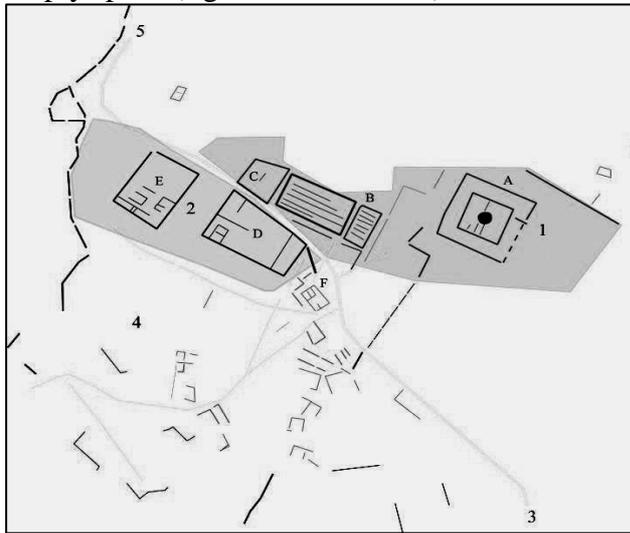

Figure 4. Provisional interpretation of the structures revealed by the geo-physical survey.

All other structures belong to the lower town, which seems to consist essentially of dwelling houses, some of a rather consistent size. Structure F, to the south-east of D for example, has an area of about 250 m², which leads us to consider it more as a manor-house than as a simple domestic structure. Most of the houses seem to follow the curve of the streets, whose alignment was obviously dependent on the topography of the site when the settlement was built (fig. 2).

As for the streets, one notices that, wherever it was possible, secondary streets would cross or butt onto the main axis at right angles, which, once again, testifies to a prior planning of the city. The main street seems to be in direct relation with two city gates, in the north-west corner of the town and to the south-east (N°3 and N°5).

Some parts of the, apparently, latest defensive wall were also revealed by the survey (N°6).

These two complexes comprise the higher town, the «acropolis» of Ulug Depe.

Fig. 12 Dushak, Etrap of Kaahka, Turkmenistan, "Ulug Depe". Geophysical survey 20-29 September 2003. Magnetometer survey. Excavation results (trenches 8,10,14-15) pasted to a detail of the magnetogram (excavation plots: French-Turkmen Archaeological Expedition). Slate: 24 May 2004.

Figure 5. Plan of the excavated areas of the citadel applied to the geophysical map.

GENERAL DESCRIPTION OF THE CITADEL

Since excavations concerned almost exclusively the citadel, it seems necessary to give a short description of the structures excavated there so far (fig. 5).

The citadel, with its square core (20 m aside), contained long rectangular storage rooms and a stairway leading to a second floor. This core was surrounded by a corridor whose floor consisted of carefully laid pebbles covered by a thin clay layer. Certain excavated outer walls might correspond to the limits of the terrace on which it was built. Until now, only the south-west corner of the citadel was excavated. It formed the economic part of the building, as shown by the long and narrow rectangular rooms composing its core, and abutting the outer wall. Along the walls of every room low mud-brick benches, pierced with circular cavities, were brought to light, whose role was to support various storage vessels. In each room, through the floor between the benches, very large storage jars were buried to their rim, all of the same type, displaying a thick, horizontal, rim. Both the inner and the outer wall of the citadel had their façade decorated with buttresses and displayed loopholes at regular intervals. These

very narrow loopholes played merely a decorative role, not a defensive one. It is noticeable that the storage function of the building was physically separated from its noble, dwelling part reached by the stairway, by a door whose threshold was revealed, west of the main door. One could also notice that this part of the building saw different phases of occupation, and that, during the latest, direct access to the storage rooms was prevented by later walls built across certain corridors or by the mud-brick blocking of all the communication doors, as if the lower floor of the construction had then no other function than supporting the upper, dwelling, floor. The study of the pottery recovered from the floors of the rooms and corridors, carried out by H.-P. Francfort, shows that, although it displayed some archaic patterns, it can be dated clearly to the Yaz II-III period.

STRATIGRAPHIC CONTEXT OF THE FINDS

As a matter of fact, an important feature of this excavation is that a very thick crushed pottery layer was found, covering the pebble-floor of the outer corridor, west of the door marking the separation between the economic and the residential zones of the building.

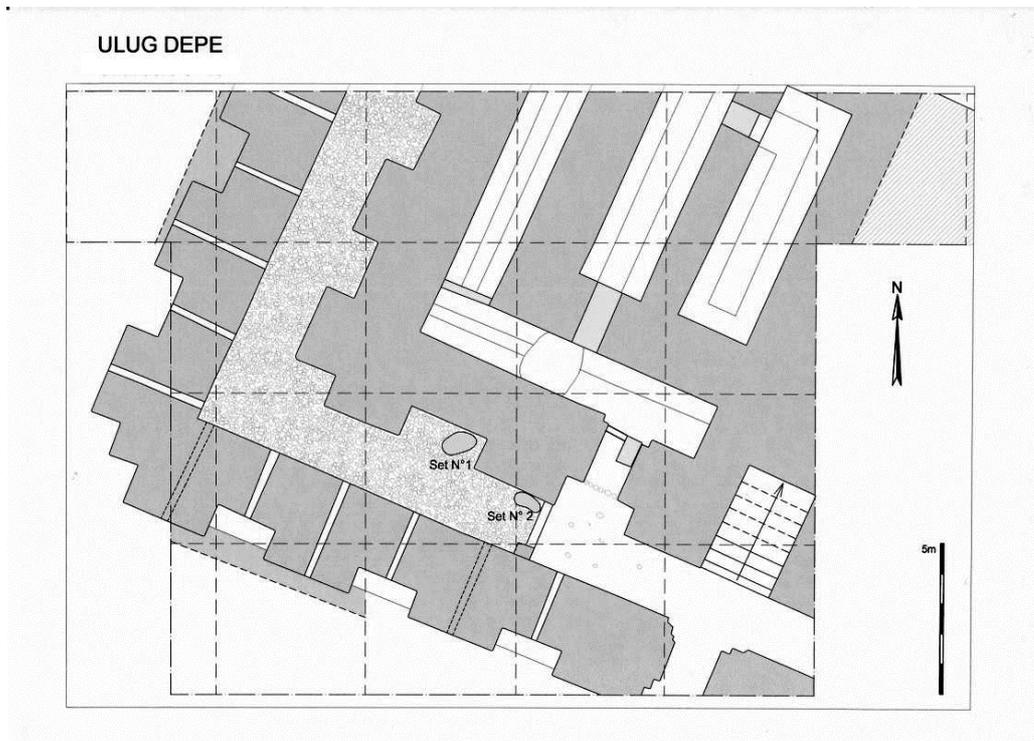

Figure 6. Location of the two sets of stamp impressions

Some very large vessels, probably dug out of the storage rooms where they were previously buried seem to have been thrown on the floor of the corridor. Some other, smaller ceramics, might have fallen from the upper floor into the corridor and that would explain why this layer reached a thickness of 0,80 m at places. This could be proved by the fact that some sherds of the upper layer fitted with others, resting onto the pebbles. Besides this large pottery heap, an important discovery was made: that of dozens of seal impressions found on clay lumps, testifying to the management of the goods (movement, collection and redistribution) contained in these storage-rooms by an administration (Fiandra, 1981. Fig. 15.1, p. 125).

Figure 7. Position of the jars' sealings on the shoulder and rim of large storage vessels.

These seal impressions were distributed in two physical groups (fig. 6), both located west of the above mentioned door. The first one was found resting against the outer face of the inner wall, in a recess.

The second one was abutting the threshold of the door and the recess of the same wall. All these clay fragments display different shapes

and iconographic types, some of them applied on a clay ring whose function was to seal the jars' lids or even to form their unbaked clay fastening, resting upon wooden sticks, whose impression remained on some clay lumps.

A double, symmetrical hole through the clay lump close to the rim shows that a cord had the function of preventing the destruction of the seal by joining the edges of the ring-like clay lump across the opening of the jar. This type of sealing was identified on very large fragments which had kept the negative impression of the jar's rim (figure 7).

This of course doesn't mean that all sealings had the same use and one may very well think that some other fragments were meant to seal other kind of containers, such as baskets and bags, for example. Besides, the proximity of the door makes it very possible that some of the clay lumps bearing impressions might have belonged to sealings applied to the door-lock itself (fig.8).

The fact is that these distinct piles of impressions formed two compact masses, as if they had been intentionally gathered. The general feeling is that they were contained in two bags or baskets which were placed inside the corridor towards its end, against the inner wall, at the limit between the two different functional parts of the citadel. Their location proves that some of them originated from ceramic vessels contained in the storage rooms and that some kind of record of the goods they contained, maybe brought to the domestic zone, had to be kept. As I mentioned, different types of patterns and stamp shapes are to be found as shown in the table below and on fig. 9

Table 1. Distribution of stamp impressions

N°	Stratig. Unit N°	Group N°	N° Impr.	Circ.	Orth. Rect.	Diamond
855	10039	1	5			5
858	10039	1	1			1
867	10039	1	2			2
860	10039	1	2			2
878	10039	1	1			1
852	10039	2	2	2		
851	10039	2	6	5	1	
854	10039	2	5	5		

N°	Stratig. Unit N°	Group N°	N° Impr.	Circ.	Orth. Rect.	Diamond
853	10039	2	3	3		
856	10039	2	3	2	1	
881	10039	2	2	2		
890	10039	2	1	1		
885	10039	2	1	1		
875	10039	2	1	1		
869	10039	2	1	1		
868	10039	2	2	2	1	
872	10039	2	1	1		
873	10039	2	1	1		
887	10039	2	1	1		
874	10039	2	1			
870	10039	2	2	2		
886	10039	2	1	1		
871	10039	2	1	1		
883	10039	2	1	1		
876	10039	2	3	2	1	
877	10039	2	1	1		
880	10039	2	1		1	
857	10039	2	3	2	1	
859	10039	2	1	1		
864	10039	2	1	1		
863	10039	2	1	1		
882	10039	2	1	1		
879	10039	2	5	3	2	
866	10039	2	3		3	
861	10039	2	2	1	1	
865	10039	2	4	4		
862	10039	2	2		2	
894	10039	2	2		2	
893	10039	2	1	1		
TOTAL	39		78	51	16	11

Group N°1 from the niche of the inner wall.

Group N° 2 against the protruding part of the inner wall and against the threshold of the door

From table 1, one can see that there is a total of 78 impressions (to which can be added four unidentified), applied to 39 different clay fragments. They are distributed in three large morphological categories (according to the shape of the stamp) which

are the following: circular (51 occurrences), orthogonal quadrangular (16 occurrences), diamond shaped (11 occurrences). They all bear geometrical patterns forming six different sub-groups (A-F):

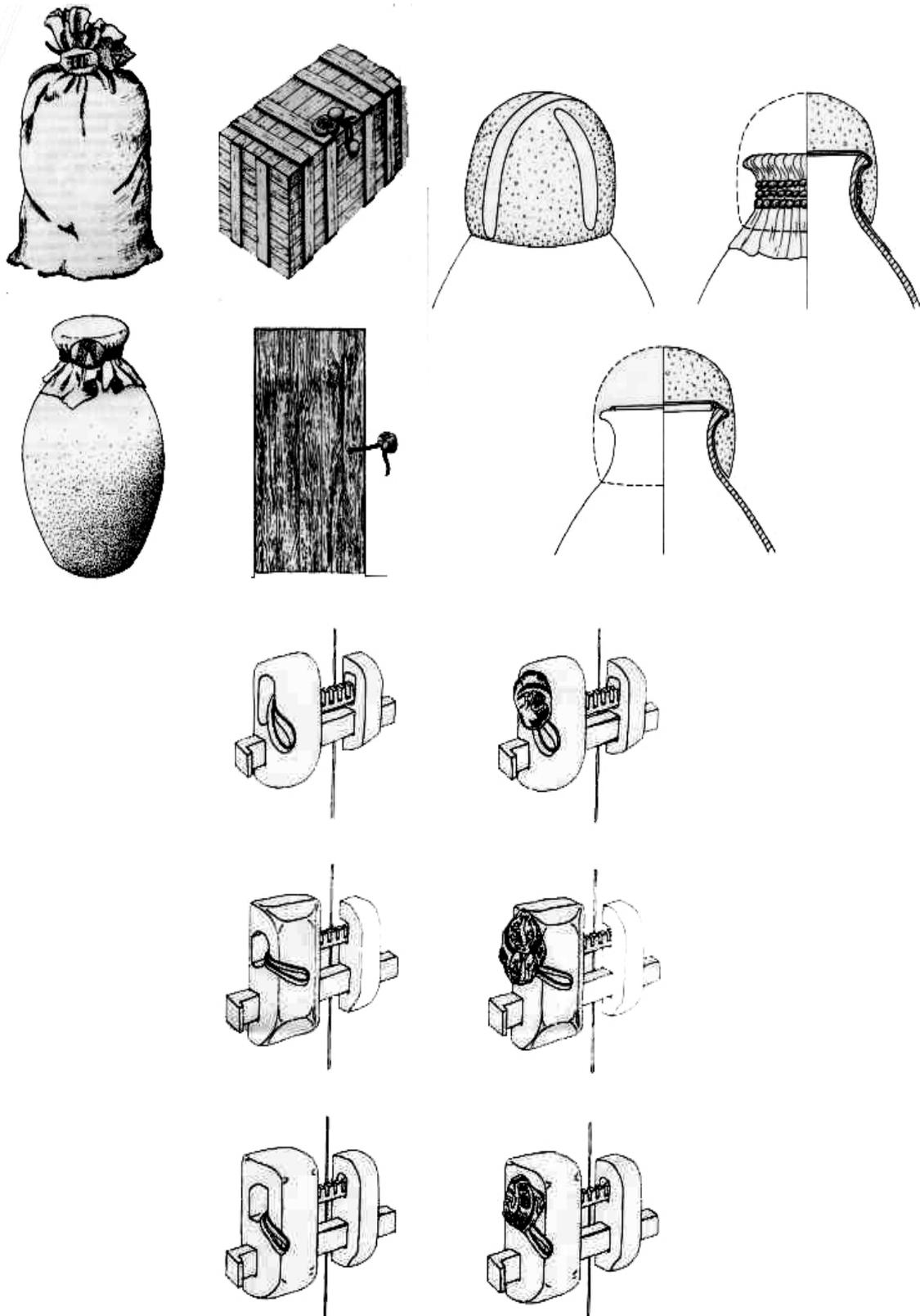
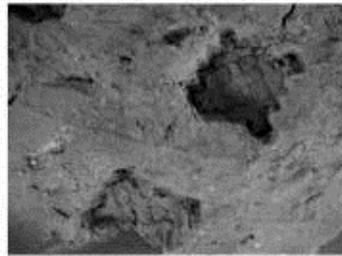

Figure 8. Different examples of sealings (from D. Stein, 1997, fig. 108-111, 117-118).

Set N°1

3F

3F

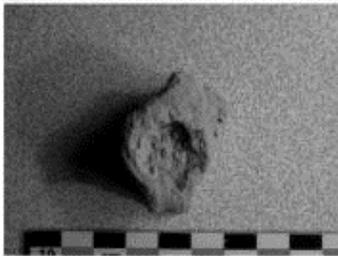

3F

3F reverse

Set N°2

1A

1B

2C 2D

2E

Figure 9. Impressions from group N° 1, the “Oxus” sub-group, and group N°2.

CATALOGUE

1. Circular group

A. One protruding small cross, one depressed in an oval field. Size: 2 X 1, 4 cm. Occurrences: on 20 fragments.

It looks like this impression was produced by a broken, reworked, stone stamp, from the lack of symmetry and the way some of the patterns are cut, or end abruptly at the edges of the stamp. More than the evolution of an Oxus (NMZ V) type, it could have been produced by an original re-used Oxus stamp.

B. Centred, depressed, Latin cross. Symmetrical arcs of circle in each quarter. Diam.: 2,2 cm. It combines the patterns of two Oxus stamps: see Salvatori, 2000, fig. 13 p. 123 N°11 and 12 (south Bactria, from the antiquity market). Occurrences: on 2 fragments.

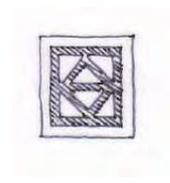

2. Orthogonal quadrangular Group

C. Rectangular pattern containing a protruding cross with six branches inscribed in a protruding rectangle determining six quarters. Size: 1,7 X 1,4 cm. Occurrences: on 9 fragments.

D. Protruding rectangle containing an isosceles diamond shape crossed by a diagonal. Size: 1,8 X 1,6 cm. Occurrences: on 1 fragment.

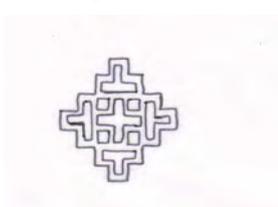

E. Swastika like pattern rolled up in a square field. Size: 2 cm aside. Occurrences: on 11 fragments.

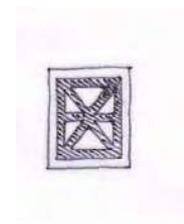
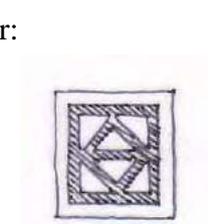
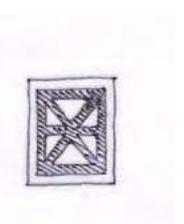

3. Diamond shaped group.

F. The so-called “Oxus” sub-group which is a clear reminiscence of unexplained, much older (Bronze Age) patterns is only attested in set N°1. One can also think that it is indeed an actual ancient, preserved, Oxus stamp which was used to produce these impressions (see Salvatori 2000, fig. 9, p. 111, N°11 from antiquity market ; fig. 11 p. 115, N°4, from Sahr-I Sokhta) which are very common during the 2nd millennium. It can be described as follows: Isosceles stepped lozenge. 3 steps on each side. A cross in the centre determining four quarters. Inside each quarter is a rectangular, almost square pattern. Inverted T shaped pattern in the four side- corners. Size: 0,2-06 cm. 3 X 2,8 cm. Occurrences: on 5 fragments.

A large majority of the impressions is attested more than once on a single fragment. Some of them are found in combination with others. Such is the case of:

	
15 occurrences	7 occurrences
or:	
	
2 occurrences	1 occurrence

Other patterns do not combine with any other. It is the case of the circular sub-group

B, of the orthogonal quadrangular sub-group E from set N°1, and of the diamond shaped «Oxus» pattern of set N°1. For the time being, it is impossible to give any explanation for the combination or the lack of combination of the stamp-impressions.

GENERAL COMMENTS

As for the fragments where only one impression is represented, one should take into consideration the size of the fragment: there are of course many more probabilities for a fragment of a small size to display a single impression, which implies that it is not correlated with another one, than for a large piece to display several examples of one impression or the combination of two different ones.

It is probably significant that the diamond shaped «Oxus» pattern, the least numerous of all is only found in set N°1. Moreover, it is one of the patterns which is never combined with others, although it is attested on some of the largest fragments. It is impossible at this level of analysis to determine the reason for this particularity, reinforced by the fact that the fragments bearing this pattern were isolated from the rest of the corpus.

The containers, and/or the goods they contained, may possibly have been identified by one or several *different* stamp impressions before being stored. These stamps might also have identified the person in charge of registration. The door leading to the storage rooms might also have been sealed by a *bulla* bearing several impressions. Some of the fragments found close to the door might belong to the latter.

In terms of stylistic considerations, only the quadrangular stamps can be considered as characteristic of the late Iron age, but, strangely enough, most of their patterns seem to derive from earlier (NMZ V) compartment seals. The rest of the corpus is composed either of re-used Oxus stamps or their late imitations. Anyhow, these conclusions reinforce the importance of the Central Asian material substratum at Ulug Depe.

COMPARISONS AND CULTURAL INTERPRETATION

THE CITADEL OF ULUG DEPE

Many of the architectural features of the citadel refer clearly to a prior Central Asian tradition. These are, for example, the alternation of buttresses and recesses on the outer face of the peripheral walls, the shape of the loopholes or the principle of peripheral corridors, which could be traced as far as the Bronze Age in the piedmont plain of the Kopet Dagh, as well as in Margiana and Bactria. Let us simply mention Altyn Depe's Namazga IV city gate and the façade of the Namazga V terrace, Gonur's palace inner buildings, Sapalli Depe and Dashly 3, etc. One could then logically consider the citadel's architecture as the evolution of a local tradition. But things are not so simple, since the closest parallels to our building are to be found in western Iran and more particularly in Media, during the pre-Achaemenid, so-called Median period. The term «Zagros forts» applied to a specific kind of fortress-like settlement such as Nush-i Jan, Godin Tepe, Hasanlu, Tepe Ozbaki or Tell Gubbah in the Hamreen valley in modern Iraq, fits perfectly with our citadel. All these sites date to the second quarter of the first millennium, which fits perfectly with the data at Ulug Depe.

Zagros forts are always built on top of a high, steep mound, with distinct buildings among which a columned-hall is the most characteristic feature and where a temple is sometimes to be found. More generally, the presence of several monumental buildings, whose façade is characterized by buttresses and recesses added to close similarities in plan led us to consider Ulug depe's citadel as belonging to the same material culture as the Zagros forts, although the pottery assemblages are completely different. As shown on fig.10, the similarities of Nush-i Jan's eastern building with our citadel is really amazing, if one thinks of the distance separating these two monuments. The comparison is also very plausible with Tell Gubbah's building to the west.

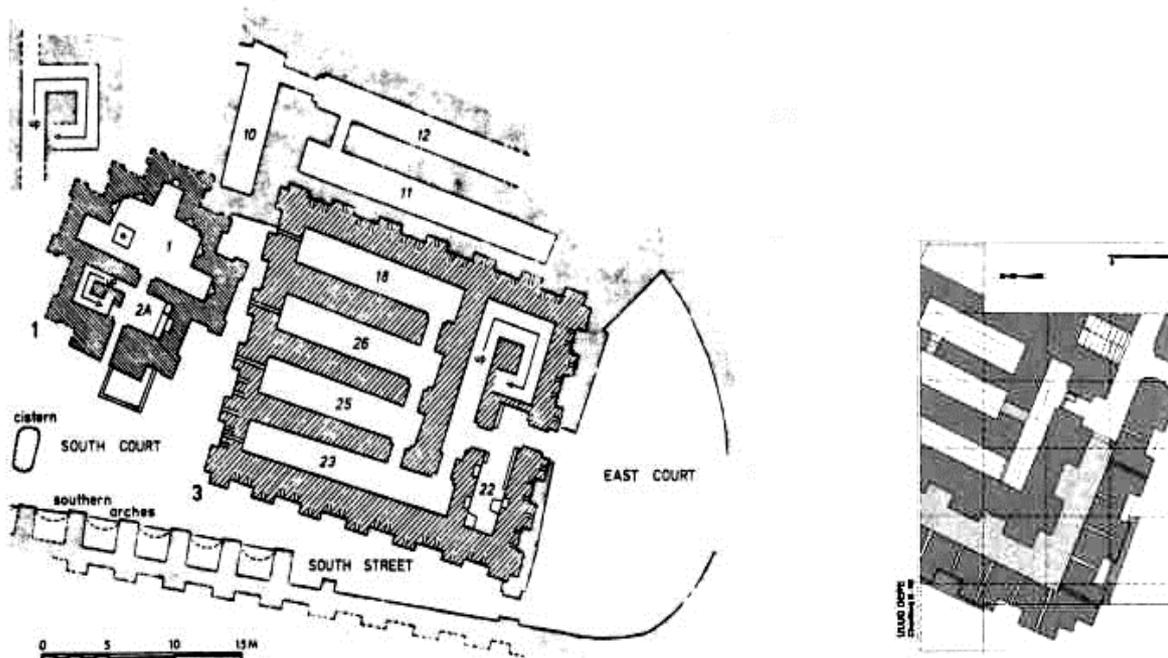

Abb. 10. Tepe Nush-i Jan. Fort und Tempel (nach Stronach/Roaf 1978).

Ulug Depe's citadel

Figure 10. Compared plans of Ulug Depe's citadel and Nush-i Jan's eastern building.

The concept of Media, Median empire, Median culture etc. has been recently questioned by specialists (Lanfranchi *et al.* 2003), who came to the conclusion that no such term as Median empire should be used, since it never existed as such. The coherence of a material culture brought to light before the Achaemenid period in western Iran should be restricted to Media proper, and no Median political entity ever existed. The heartland of Media is represented by a triangle Hamadan – Godin Tepe – Nush-i Jan. Since Masjizadeh's excavations, the concept of Media can now be extended 300 km east to Tepe Ozbaki, in the vicinity of Tehran. But one must definitely forget the idea of a Greater Media, extending as far to the north-east as Central Asia.

We shall therefore use the term of Median «power». The neutral term of «power» meaning simply for us the socio-cultural relationship inside a population established on a specific territory, whatever its political organization, whatever it implied with reference to the outer world (trade, war, domination expansion etc. All terms one has to forget today).

At any rate, one more striking comparison between Ulug Depe and the Zagros forts is that, every building containing long narrow, storage rooms had an upper-floor and a stairway leading to it. The access to this upper floor was isolated from the storage part of the building, as I stressed about our citadel.

Furthermore Nush-i Jan doesn't only offer the most striking parallels of plan and function with Ulug Depe, it also yielded cylinder-seal and stamp impressions, although the latter are much less numerous than in Ulug Depe (Curtis, 1984, Stronach, Roaf).

Besides although, most of these impressions or stamps come from the same stratigraphic level («upper Median floor» or «early squatter level»), they were found scattered some extent everywhere on the site. One can merely make the statement that some of the impressions can be compared to those of Ulug Depe, since they were produced on clay lumps, some very large, by stamps. The decorative patterns displayed are, logically enough, different when readable (some are qualified of «obscure» by the author of their study), which is seldom the case. We shall not

discuss the cylinder seals, the figurative scenes of neo-Assyrian inspiration or the scarab since no artefacts of that kind for obvious geographical reasons, were found in our citadel. On the contrary, the absence of such diagnostic data might confirm that no long-distance trade existed from Ulug Depe at that time. Strangely enough, it is very striking to find so few testimonies of an administrative registration at such an important site as Nush-i Jan.

On the contrary, what can be understood from the stamp impressions at Ulug Depe is that it was a major administrative and probably political, regional centre at the end of the Iron Age. One should even think of the possibility that it still existed during the Achaemenid period, if one supposes that the site has lasted for a long period, as shown by the numerous building phases at the citadel. It is not possible of course to determine the extent of the territory it controlled (although it is the largest site of this period recognized by Soviet archaeologists), but it is important to state that there existed an independent local power around Ulug depe which might for example have extended as far west as El'ken Depe, less than one hundred kilometres west of Ulug Depe, whose period III is contemporaneous with Yaz II.

Anyhow, the striking parallel between Ulug Depe and the Zagros forts during the late Iron Age raises an important question: how can this close relationship be interpreted?

If one follows the logic of today's historical trend, that there never existed such a thing as a Median realm/empire/ entity or whatever one might call it, it is impossible to justify this type of architectural complex at Ulug Depe. It should then mean that, without any reason, the architectural origin of the Zagros forts is to be found in southern Central Asia, more precisely at Ulug Depe, which seems a bit hazardous. If one admits that the Median *empire* did not exist but that a socio-political entity of another kind, which I propose to call neutrally *power* (see above), did occupy central Zagros, one could admit that long distance trade could have existed *de facto*, as mentioned in some literary sources.

This is anyway, a hypothesis which deserves some consideration.

It may be of interest to emphasize the fact that Ulug Depe is located close to a route through the Kopet Dagh range (Hiebert, Dyson 2002, fig. 1 p. 133) which leads directly to the Mashad area and, by crossing the Kuh-i Binalud, to the proto-historic Nishapur «P» site, discovered in the thirties by an American expedition (Hiebert, Dyson 2002, p. 112). At the present stage of our knowledge, this site is the southernmost of the Oxus civilisation. It was most probably related to one of Central Asia's major Turquoise deposits in the Kuh-I Binalud and one may think that Ulug Depe's geographical location might have had to do with the nearby presence of Turquoise as well, at least, during the Bronze Age. As a matter of fact a good number of turquoise beads from different periods was collected at Ulug Depe.

Since we know that the economy of Iron Age southern Central Asia was very much like that of the Bronze Age (although on a different scale and to which one should, of course, add the use of iron and the increase of the use of the mounted horse) and that it exploited the same mineral resources, one could think that Ulug Depe may have played a role in the regional trade of the Turquoise during the Yaz II-III period. In fact, if one considers that Ulug Depe is the largest site of this period in a radius of at least 100 km, to the east to the west and to the south, it might have controlled a respectable territory including the Tedzhen Delta. Indeed, if one refers to Vogelsang, during the Achaemenid period, Satibarzanes' kingdom was centred in the area of Herat and it included a great part of the neighbouring territories... It is probable that Satibarzanes' country extended along the Hari Rud and maybe certain regions along the Tedzhen. Could Ulug Depe have been part of, or indeed, one of the centres of this local power during Yaz III period? Let us hope that further excavations will help to solve this question.

Bibliography

- Сарианиди В.И.* Продолжение работ на Улуг-депе // АО 1967 г. М., 1968.
- Сарианиди В.И.* Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // АО 1970. М., 1971.
- Сарианиди В.И.* Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // Успехи среднеазиатской археологии Вып. 1. М., 1972.
- Сарианиди В.И.* Позднебактрийские печати из коллекции Рона Гарнера // *Biblioteca Turkmennica. Культурные ценности.* СПб., 1996. С. 181-185.
- Сарианиди В.И., Качюрис К.А.* Раскопки на Улуг-депе // АО 1967. М., 1968.
- Boucharlat R., Francfort H.-P., Lecomte O.* The citadel of Ulug Depe and the Iron Age in Southern Central Asia // *ICIAIW.* Gent, 2005.
- Curtis J.* Nush-i Jan III. The Small Finds. L., 1984.
- Fiandra E.* The connection between Clay sealings and tablets in administration // *SAA.* 1979. P. 29-45.
- Fiandra E., Ferioli P.* A proposal for a multi-stage approach to research on clay sealings in protohistorical administrative procedures // *SAA.* 1981. P.124-128.
- Francfort H.-P.* Les sceaux de l'Oxus: diversité de formes et variabilité de fonctions // *Ancient Civilizations.* Vol. 5, № 1. Brill, Leiden, 1998. P. 59-72.
- Hiebert F.T., Dyson R.H. Jr.* Prehistoric Nishapur and the Frontier between Central Asia and Iran // *Iranica Antiqua.* Vol. XXXVII. 2002. P.111-148.
- Lanfranchi G.B., Roaf M., Rollinger R.* Continuity of empire (?) Assyria, Media, Persia. History of the ancient Near-East. Monographs. S.A.R.G.O.N. Padova. Vol V. 2003.
- Lecomte O.* Vehrânâ and Dehistan: late farming-communities of South-West Turkmenistan from the Iron age to the Islamic period // *Parthica.* Vol. 1. 2000. P. 135-170.
- Lecomte O.* The Iron Age of Northern Hyrcania // *ICIAIW.* Gent, 2005.
- Lecomte O., Francfort H.-P., Boucharlat R., Mamedov M.* Recherches archéologiques récentes à Ulug Dépe (Turkménistan) // *Paléorient.* T. 28. № 2. 2003. S. 123-133.
- Salvatori S.* Bactria and Margian Seals, a New Assessment of their Chronological Position and a Typological Survey // *EW.* Vol. 50. № 1-4 (December). 2000. P.97-146.
- Sarianidi V.* Aegean-Anatolian motifs in the glyptic art of Baktria and Margiana // *Bulletin of the Asia institute.* 1994. № 8. P.27-36.
- Stein D.* Siegelverwendung in Wirtschaft und Verwaltung // *Mit Sieben Siegeln versehen. Das Siegel in Wirtschaft und Kunst des Alten Orients.* Mainz, 1997. P.104-124.
- Stronach D., Roaf M.* Excavations at Tepe Nush-I Jan. Part I. A third interim report // *Iran.* Vol. XVI. P.1-11.
- Vogelsang W.J.* The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. Brill-Leiden-Köln, 1992.

**ANIMALS IN REALITY,
ART AND MYTHS IN THE OXUS CIVILIZATION (BMAC):
BISON, DEER.**

The Oxus Civilization, below «OC» (or Bactrian-Margiana Archaeological Complex, below «BMAC») flourished between ca. 2200 and 1750 BCE in a vast area between the Kopet Dagh and the Pamirs. The two main regions of peopling were Margiana (the Murghab delta) and Bactria (Northern Afghanistan, Southern Uzbekistan and Tajikistan). But the manifestations of this archaeological culture extend as far as Eastern Iran, the piedmont of the Kopet Dagh in Turkmenistan and Baluchistan in Pakistan. The OC developed a stable economy based on irrigated agriculture and a settlement pattern involving cities, villages, but also manors and palaces where the elites lived. The inhabitants of the OC territories maintained also a wide network of diplomatic and commercial relationships with the Ancient World from the Indus Civilization to the Near East. The material realisations of the OC are worth to consider. Beside a sophisticated architecture and skilled crafts activity, the OC displays also evidence of a refined artistic activity. The arts of the OC used many kinds of raw materials ranging from common (calcite and steatite) to semi precious stones (carnelian, lapis-lazuli) to the various metals in use at the time (gold, silver, copper alloys, lead). The variety of the ornamented artefacts and art objects is wide; it includes axes, pins, vessels, seals of many shapes. In general, it has been recognized and widely accepted that the representations of the OC are stylistically inspired by the arts of the Near East from neighbouring Elamite Iran to Mesopotamia, Syria-Anatolia and even the Levant. The artistic language used in the OC is largely borrowed from the Near Eastern (Elamo-Mesopotamian) techniques, styles and stylistic formulae, but its thematic, the subjects represented are largely of local origin. The three

following aspects or levels of the representations must not be confused: a) the kind and shape of object; b) the style and stylistic traits; c) the themes and subjects. The function and the meaning of such representations, whether individually by each image or collectively as a system rely upon the combination of these three levels of analysis? Incidentally, each one of these three levels, within the OC, could be indigenous, locally invented, or exogenous, imported from one or another of the regions in relations.

Viktor Sarianidi, the first and major discoverer of the OC, has written many books and articles concerning the different aspects of the representations. The present essay deals with limited aspects of the OC representations; it is dedicated to Viktor Sarianidi in testimony of respect and in remembrance of our Bactrian days in Afghanistan, at Dashly Tepe and at Shortughai during the 1974-1976 years¹.

Animals are perhaps the most common subjects represented in any kind art all over the world. However, each culture and civilization proceeds by selection and never, all what is possible to depict is actually depicted in art. It is well known for example that the images of the Upper Palaeolithic Magdalenian cave art give a profile of animals different from the one obtained by the study of bone remains. Artistic representations, from the very beginnings of art, are definitely not a complete naïve picture of the environment neither a sim-

¹ I would like to express my warmest thanks to Ms Cécile Michel and to Ms Brigitte Lion for indicating me some precious references in the literature. My gratitude goes also to Mess. J. Desse, B. Lawergren, R. Meadow for their extremely valuable advices. But I am the only responsible of the opinions expressed here.

ple image of the meals and table manners. The «innocent eye» and the «empty mind» do not exist. This remark applies strictly to the OC representations. The broad spectrum of animals pictured does not cover all the species that appear in the bone records of the excavations and the last do not represent a complete picture of the natural environment. But the representations system is not just a subset of the natural species whether domestic or wild since three kinds of complementary transformations and distortions may occur, due to cultural factors: 1) the proportion of number of species pictured are different from their occurrences in the real world; 2) imaginary composite beings, made out of human or animal bodies appear; 3) non indigenous or rare or extinct species also occur whether really observed, introduced or just imported as images.

Concerning point 1 (number of species), it is perfectly clear that the OC representations enforces the wild species that are more frequently depicted than the domestic ones, in spite of the overwhelming predominance of the domestic species in the bone records (98% at Shortughai for example). This is probably a result of the great symbolic value of the wild life among the elites of the OC, a common phenomenon in many societies, up to European Middle Age. They preferred to see themselves as hunters than as shepherds or cowboys. But the wildlife can also have a stronger symbolic value following old traditions coming from the remote past of the hunting gathering societies, some of which being possibly still alive not far from the OC lands. However, some species, quite common today and probably also in the past are not or rarely depicted: the bear for example, in spite of its symbolic importance in many traditions, is rare in the arts of Bronze Age Eurasia and almost absent from the corpus presently known from the OC images (I noticed one seal representation). Another important aspect of animal representations is the selection of species in accordance with objects to be ornamented or symbolically loaded: for instance, no lambs appear on battle axes but leopards, boars, dogs, horses, dragons, etc.; many other observations of that sort can be made.

Concerning point 2 (composite beings), there is nothing new in stating that, as a way of representing, it comes from a remote Palaeolithic past (or is reinvented at each stage?), from Magdalenian cave art or from even Aurignacian bone carving. This is not the place here for making a history of the dragon or of the eagle headed anthropomorphic genius in the OC or in Asia in general, but they were indisputably important. The selection of parts of animals to incorporate into a composite representation was certainly the result of a tradition and a purposely made choice, the criteria of which are out of the reach of the research. Here again, care was taken not to bestow any image at whatever place without paying attention to the matter and shape of the object: for instance, the goddess, often winged and mistress of animals, apparently at the top of the hierarchy of the OC «pantheon», appear depicted in the most precious materials, in the most sophisticated objects, not on battle axes and not (or extremely rarely) on the «Murghab amulettes». Many remarks of that kind may be proposed.

Point 3 will be dealt with longer here, since it is the most complex and instructive. We shall adopt the general point of views of archaeology and art history and try to combine it with details from archaeozoology and zoology.

In order to make our point clear in a preliminary way, we will deal with only two species, the deer, and the bison.

Deer (*Cervus* sp).

We shall consider her three possible deer in relation with the OC: *Cervus elaphus bactrianus*, *Cervus axis*, *Cervus nippon*.

The deer representations are very rare in the CO. This Bronze Age choice of representations is in sharp contrast with the Iron Age, where the deer is omnipresent in the arts. This is certainly due to the erratic way images came to our knowledge, from a couple of excavations and many plundering of burials. But this situation reflects certainly also the taste of the OC people for pictures of other species, such as *Capra* or *Ovis*, as well as perhaps the state of the environment regarding the ecology of deer.

In the OC, we know one deer on a potsherd from Bustan 4 (Рахманов, 1981, fig. 1, p. 28), another one on a pot from Dzharkutan (Аскарлов, Ширинов 1991, fig. 1.1, p. 36) see also (Аскарлов, Ширинов 1993, fig. 43). A recently discovered head of bronze pin from Dzham in Sogdiana depicts a stag (Avanesova, Shajdullaev, et Ėrkulov, 2001). A very small number of OC seals also depict deer. One forgotten bronze age deer representation appear also on a silver goblet(?) from the Fullol/Khosh-Tapa hoard (Dupree, Gouin, Omer, 1971a, vessel № 12) not republished later (Tosi, Wardak, 1972).

According to the bone records from Sapallitepa excavations, the Bactrian deer was hunted in the jungles (tugai) along the rivers (Аскарлов, 1977, p. 120-121). No deer bones are recorded from Margiana. At Shortughai, according to the study performed by J. Desse, bones of chital (*C. axis*) are present: two bones from the post-Harappan layers (Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant, Willcox, 1989, p. 193). This is quite unexpected since the chital is typically a spotted deer from the Indian subcontinent and Sri Lanka (Geist, 1999, p. 58-73, 199-200). Is it possible that this deer was living in the environment of Shortughai in Eastern Bactria, in the Amu Darya jungle? Or was it introduced from the Indus area by the Harappans, the first inhabitants of Shortughai? Another surprising observation about deer in Bactria can be made, for a later period, late Achaemenid or Hellenistic. A scabbard sheath decoration in ivory from Takht-i Sangin in Tajikistan depicts a lion attacking a deer (Pitschikjan, 1992, fig. 21-22, p. 146; Schiltz, 1985, fig. 229, p. 307). The lion exhibits some decorative patterns from Achaemenid art, even if later in date (3rd century?) but the deer is very specific with details of the hoofs and short tail. It is also a spotted deer and one may think of the image of a chital deer, especially that jungles are present in the Amu Darya valley near the site. However, the Takht-i Sangin deer image has four tines while the chital has usually and regularly only three. Nevertheless, there is one spotted deer which possesses normally four tines: the sika deer (*Cervus nippon*). The problem is that this small deer is presently recorded in the Far East and not in

Central Asia. Do we have here an artistic rendering of a chital (augmented with one tine) or a real sika image? We cannot answer this question. The problem is complicated by the presence in Central Asia of other representations of spotted deer such as the fallow deer (*Dama dama* or *Dama mesopotamica*) such as on the frieze of the Pazyryk carpet (Schiltz, 1985, fig. 215, p. 283). But the young males of fallow deer bear antlers with fine tines. The Achaemenid type spotted deer of the Ermitage museum found in the Bukhtarma cannot be specified since its antlers disappeared: it could be any of the three species mentioned here since we do not know where it was manufactured (Schiltz, 1975, № 190, p. 197). Spotted deers are represented in Achaemenid art, with more or less artistic fantasy. Finally, the problem with Bactria is that we cannot at the present stage of the study separate the realistic representations from the artistic compositions. More zoological studies are necessary in order to check the possible presence of *C. axis* along with *C. bactrianus* or *Dama mesopotamica* in the region until the Iron Age. In later periods, definitely, *C. bactrianus* dominated, in nature and in art (Litvinsky, 2001). In the rock art of Central Asia, deer hunts are abundant from the Bronze Age onwards; from Mongolia to Uzbekistan, but not a single appear in the images of mobile arts of the early periods and not in the OC. In the case of the deer, in contrast with the Iron Age situation where mobile, monumental and rock arts depict numerous deer in Central Asia, the explanation of the scarcity of the deer image in the Bronze Age must be sought either in the environmental or in the symbolic situation. The environmental conditions and significantly the possible presence of various species require specific research.

Bison (*Bison bonasus*).

The arts of the OC represented few bison, compared to the frequency or images of other species. The bison appear in Bactria during the OC period on a silver bowl from the Fullol (Khosh Tapa) hoard (Dupree, Gouin, Omer, 1971a, vessel 8; 1971b; Tosi, Wardak, 1972, fig. 5a, 11-12, called «sturdy bulls» by the authors) (fig. 1; 2). In spite of the length of the horns, a look at the hump

upon the shoulders and the curling hair on the head, shoulders and the belly makes the identification certain. The bulls or aurochs depicted on another silver bowl of same provenience are clearly different and identified beyond doubts. In the same find, some fragments represent bearded bulls, an image that has clear Akkadian or Ur III connections.

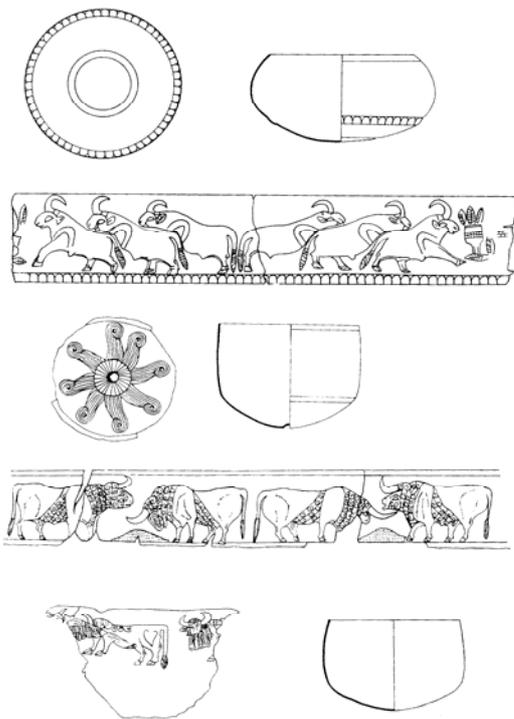

Figure 1. Fullol, Bactria, Afghanistan. Vases with bisons and aurochs. (after Tosi, Wardak, 1972).

The relationship between bearded bulls, sometimes human faced, and bison are briefly examined below. The Fullol bisons are depicted trice, in profile symmetrically disposed on each side of some kind of small mound or heap. One appears with raising head horns, perhaps bellowing, and the other charging. The tail and sexual attributes are engraved, but we cannot be sure if they are males fighting or males and females. The style of the representation as well as the decorative rosette motif with eight locks of hair curled on the bottom of the bowl indicates the Akkadian to Ur III period.

From the OC we know also a gold trumpet ornamented with three hammered bison heads depicted with a relief rendering of the

hair and beard, which «qualifies, by any measure, as a masterpiece of ancient art» (Lawergren, 2003, p. 79-80, fig. 8,15-17).

Figure 2. Fullol, Bactria, Afghanistan. A bison (after Tosi, Wardak, 1972).

The beard is short, the hair represented with a regular pattern of stylisation, the horns are in silver (fig. 3).

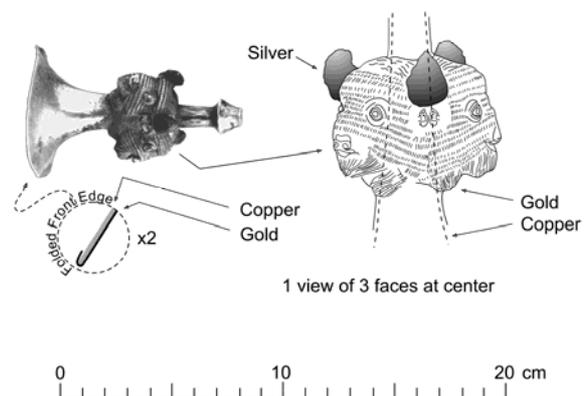

Figure 3. Bactrian trumpet with bison heads. After Lawergren, 2003. (thanks to Dr. Lawergren).

In Eastern Iran, probably from a tomb in Kerman or in the Lut desert (Shahdad?) comes a copper dish decorated with a nice figure of reclining bison in profile, with one extended leg (Amiet, 1986b, p. 164 et fig. 122) (fig.4). Its beard is distinctly engraved and the curling hair on the hump and breast seems embossed. Details of the hoofs and tail are finely depicted. The two horns are quite long compared to the head, similar to the Fullol in proportions, but their rendering exhibits a sense of perspective.

Figure 4. Lut (Shahdad?), Iran, bison (after Amiet, 1986b).

Bison in relief, in the round but in a somewhat similar style have been found at Susa. A cup in limestone depicts four reclining bison in front of a triangular mountain motif topped by a schematically carved tree, a coniferous as indicated by the conical fruits (Caubet, 1994, № 62, p. 98-99) (fig. 5). Others are in bitumen, also vividly depicted (Caubet, 1994, № 64, p. 102, № 67, p. 104). Two steatite figurines, one in the Louvre and the other in Brussels have been described, with obvious bison features, come probably from Iran (Amiet, 1986a, p. 14-15, fig. 5.1, 5.2). All these bison representations date from the end of the 3rd – early 2nd millennium.

Other possible bison representations from the OC are doubtful since the hump, the beard or the hair alone is not enough to characterize a bison on most of the small sized schematically rendered representations; there we may have aurochs (*Bos primigenius*), or zebu (*Bos indicus*), or simply artistic images of some generic big bull.

Two seals, without any certitude, may depict bison: one from Southern Gonur room 301 where the rendering of possible hair on the hump may indicate a bison, but the similarity with Gulf seals is clear also (Sarianidi, 1998b, № 1618, p. 292) and one from Bactria with a mountain representation (Sarianidi, 1998b, № 962, p. 182) (fig. 6). A bronze pin from Dashly Tepe is decorated with a bearded

bull head quite similar to bison (Сарианиди, 1977, fig. 44, 1). Another fairly possible bison is the Bactrian lead handled weight of the Miho Museum (Aruz, 2003, № 255): the gently sloping hump, the hair covering the shoulders and the head between the eyes, as well as the hairy hanging part of the neck and the slight exaggeration of the chin make a good, if not confirmed, bison.

At a slightly earlier date (mid 3rd millennium BCE), the chlorite/steatite vessels found in Mesopotamia, the Gulf (Tarut) and Southern Iran (Jiroft) exhibit also doubtful as well as probable or confirmed bisons. The British Museum vase «of Khafajeh» depict humped hairy bovines but devoid of beard (Aruz, 2003, № 227, p. 331 for a good photograph). A conical Tarut vessel is decorated with a humped bull described as a «zebu» (Aruz, 2003, № 226, p. 330); the general profile is of the zebu type, but the hump may be hairy and a beard is depicted, introducing uncertainty in the identifications. If we look at the Jiroft vessel carvings (Madjidzadeh,

Figure 5. Susa, Iran, bison on a limestone vase (after Caubet, 1994).

2003), the ambiguity of artistic representations becomes obvious: on one vase (p. 45-46) the humped bulls exhibit short horns, hairy humps and a clearly depicted beard (not flow of water) perhaps indicating bisons; on another (p. 51-52) of different style the possible bison is reminiscent of Elamite bisons and Mesopotamian bearded bulls; on a third (p. 53) the hair pattern covers the whole body and beard is absent; on a fourth vase (p. 58-59) the bull representations are very similar to the British Museum «Khafajeh» and analogous to «zebus» on handled steatite weights (p. 125). Large cattle were common in the Southern

areas but also in Central Asia, in Bactria. Zebu (*Bos indicus*) and water buffalo (*Bubalus bubalis*) are attested at Shortughai, according to J. Desse (Francfort *et al.*, 1989, p. 201-203); they were probably introduced by the Harappans from the Indus basin. But no bison appear in the archaeozoological record of Bronze Age Central Asia.

The question of bison representations in the ancient oriental art has been examined by many researchers, notably on the basis of the Mesopotamian representations (Behm-Blancke, 1979, p. 46-51; Braun-Holzinger, 1984; Van Buren, 1939, p. 76).

Figure 6. Large bovid on a Bactrian seal. (after Sarianidi, 1998b).

The problem is that many of the representations are rather doubtful as far as the identification *Bison bonasus* is concerned. Many of them may depict aurochs or «generic bull». On the other hand, some authors consider that all the representations of bearded bulls are artistically transformed bisons, and label any bearded bull «bison». Such a perspective is misleading and we may rather consider that, as stated by others, the bison of the early ages could be at the origin of the bearded bull image, so popular in Akkadian art, but that the bearded bull cannot systematically be labelled «bison». Though «a creature referred to as human-headed bull is probably a bison from the Zagros mountains» (Collon, 1987, p. 187). An Akkadian cylinder from the British Museum depicts not only a hero but also a bearded bull fighting a bison along with a mountain and a coniferous tree representation (Collon, 1987, № 904). The Fullol find provides clear information: the two species *Bison bonasus*, *Bos primigenius*, and the bearded bull are distinctly depicted (fig. 7; 8).

One fine bearded bull appears embossed on a silver lid of the OC (Ligabue and Salvatori, 1989, fig. 73) (Fig. 9). Therefore we can expect

to find representations of the three «species», plus «generic large bull» and zebu in Near eastern art and notably in Mesopotamia. Then the question arises: had the artists seen any living bison in the areas surrounding Mesopotamia, in Iran, in Central Asia? According to M. Behm-Blancke, the Eastern expansion during the Akkad-Ur III period could have triggered a reappearance of the real bison image into Mesopotamian art: «Mit der territorialen Ausdehnung des Reiches von Akkade bis in die kurdischen Berge hinein könnte der in den gebirgigen Randzonen lebende Wisent wieder in den Gesichtskreis südmesopotamischen Künstler und Kunsthandwerker getreten sein. Als Bewohner des Wildgeheges der Könige des gleichfalls weit nach Norden sich erstreckenden Reiches von Ur III ist der Wisent genannt» (Behm-Blancke, 1979, p.50).

As stated also by D. Collon (Collon, 1987, p. 187, № 904) a propos a cylinder depicting a bearded bull and a bull-man(?) in contest with bison flanking a mountain topped by a coniferous tree (reminding the bison-mountain-coniferous composition of the Louvre vase):

Figure 7. Fullol, Bactria, Afghanistan, vase with bearded bull. (after Tosi, Wardak, 1972)

«For a short time during the Akkadian period bison are more realistically represented». Another fine bison image of the same period from Ur is mounted by a bearded hero» (Collon, 1987, № 100).

A similar point of view is expressed by B. Lion, on the basis of a large survey of tex-

tual records concerning some rare species in Mesopotamia, including bison (*burhish*, not being a «yack» as believed by some authors): «Cette distribution géographique de l'exotisme recouvre bien sûr des réalités politiques.

Figure 8. Fullol, Bactria, Afghanistan. Vase with aurochs (after Tosi, Wardak, 1972).

A la fin du IIIe millénaire et au début du IIe, les liens entre la Mésopotamie et les régions orientales sont importants, marqués par la soumission d'une partie de l'Elam et des régions voisines à la troisième dynastie d'Ur, puis par celle de Mari à l'Elam» (Lion, 1992, p. 360). On the other hand, the long distance exchanges of the late 3rd and early 2nd millennium made easier the borrowing by the OC artists of artistic formulae from Mesopotamian and Elam. But beside the artistic loans, what were the environmental conditions and possibilities for bison in Iran and Central Asia.

The OC and perhaps Iranian artists, we may suppose, necessarily have seen bisons; they have not invented or copied ancient or Near Eastern or even Northern steppe representations in contemporary works of art (see below) since no image depicted the bison in the steppe art, a species certainly disappearing if not disappeared around 2000 BCE; the only possible exception is perhaps in petroglyphs but their style is different and make the bison difficult to be recognized and confirmed.

Obviously, the bison was widespread in Eurasia from the last glaciations, and survived during the Holocene «in the steppe areas from Europe to South Siberia», as state some books (Lawergren, 2003, p. 80, refers to presence of *Bison priscus* in the Don basin and West of

lake Baikal area one millennium ago). But what is the actual evidence for Central Asia and Bactria? Records state that the bison (forest subspecies) was present in the Caucasus until the 19th century, in the Kuban valley 2000 m above sea level, then exterminated during the Revolution and later reintroduced. But Caucasus is far from Central Asia. In South-west Asia, in Prehistory, there is no evidence of bison south of the Caucasus in the bones records for the Bronze Age (Behm-Blancke, 1979, p. 48 ; Bender, 1975, p. 104).

Figure 9. Bactrian bearded bull on a silver lid (after Ligabue, Salvatori, 1989).

The faunal remains from archaeological excavations in Kazakhstan include the bison in the 4th – early 3rd millennium during the Neolithic, Aeneolithic and Early Bronze Age times at sites such as Pobeda, Solenoe Ozero 1, Evgenevka II, Kenotkel' VIII, Botaj, but not during the Bronze Age (Ахинжанов, Макарова, Нумеров, 1992, passim and p. 177-184). According to them (p. 184): «Охота на диких животных в энеолитическое время подтверждается нахождением на стоянке Солёное Озеро 1, поселениях Ботай I и Кеноткель VIII костей короткорогого бизона, а на двух последних еще и дикого кабана. На Ботайе также найдены кости тура, лося, сайги, медведя, волка и бобра. Короткоголовый бизон и тур в это время, видимо, были еще распространены на территории Казахстана. Как показывает количество костей этих животных, на них охотились довольно интенсивно». From this we cannot necessarily infer that the «the climate of the ВМАС had created an oasis environment satisfactory to bison», but we may perhaps conclude that the bison survived in forest areas and/or piedmont/mountain steppes/valleys in Central Asia, notably in Bactria, in the Hindu Kuch and Badakhshan zones during the 3rd millennium.

Concerning the possible presence of unrecognized bison bones within the archaeozoological record, Prof. R. Meadow kindly wrote to me: «Concerning bison, Hans-Peter Uerpmann (1987) *The Ancient Distribution of Ungulate Mammals in the Middle East. Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients*, Reihe A, Nr. 27. Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden, noted the following on p. 76: *Early pictorial representations of the wisent from the Middle East suggested its ancient occurrence before any osteological evidence was found in that area. The missing evidence was most probably due to the difficulties of diagnosis. The distinction between the remains of Bos and Bison requires a lot of experience and is often impossible with fragmented bones from archaeological sites. One can be almost certain that some wisent specimens are hidden among bone remains more or less tentatively identified as Bos primigenius. Therefore, the wisent bones described by Stampfli (ms. of 1968, published in 1983) from Jarmo and those identified at sites of the Keban dam area by Boessneck and von den Driesch (1976a) may be only the «tip of the iceberg».* And on p. 78: *The present state of palaeozoological research in the Middle East does not allow any remarks to be made regarding the limits of the ancient range of Bison or the history of its extinction. Theoretically, a pattern of distribution similar to that of other "northern" faunal elements, like the wild horse or the red deer, could be expected. However competition with the aurochs may have restricted the wisent in the Middle East to a much smaller area.*

I do not think the situation has changed much since the mid-1980s, and so yes I do feel that some archaeozoological publications may indeed include some unrecognized bones of Bison».

A possible confirmation of this conclusion is to be sought in the rock art. Some petroglyphic images from the site of Sarmyhsay, North West of Bukhara, according to M. Худжаназаров (2001; Khujanazarov, 2001), depict bison, in spite of the fact that the stylisation of the petroglyphs makes difficult to discriminate between aurochs and bison (the situation is different in Palaeolithic cave art, see: Lorblanchet, Welté, 1994). A more com-

plete study of the archaeozoological evidence is necessary for the Bronze Age OC, but we must notice that the bison is not depicted or mentioned in any source for Central Asia from the Iron Age onwards. Such absence does not preclude the possibility of refuges that ought to be demonstrated.

The appearance of bison decorating highly priced art items belonging to the elites of the OC, and their Elamite neighbours around 2200-1800 is striking. Silver drinking bowls such as the Fullol vessel appear utilized by the nobility during their banquets. The trumpets were used, according to the convincing interpretation of B. Lawergren, in the «noble art» of hunting, for animal calls, especially deer (Lawergren, 2003, p. 97-102).

Figure 10. Bull leaping or capture scene from Jiroft, Iran (after Madjidzadeh, 2003)

The remarkable bison trumpet undoubtedly a prestige item belonging to a member of the elite of the OC deserves some more comments. The corpus of trumpets of Iran and Central Asia includes either trumpets undecorated or decorated with human heads and faces, never animals. The bison one is the only trumpet with an animal representation on such an object. Is it possible that we have here the representation of a human in disguise? No clear indication of humankind is provided but the beard is very short, like the men's beards in the OC images, the hair pattern is very regular similar to knitting, and the eyes are depicted as if appearing through holes in a hood. The vast question of masked humans in Central Asia and Iran cannot be addressed here, but there are good reasons to think that in relation to hunting customs and rituals, masks might have been utilized at early times (Barnett, 1966) and we must recall here the widespread image of the bull-man in Akkadian art.

But in this case, why represent a bison and not a deer? There is no definite answer but we must consider that the rarity of bison representations may not necessarily reflect its real importance for the culture and imaginary world of the OC. As stated above, many images in minor arts as well as in Central Asian petroglyphs might represent bison. But such images are taken just as «generic bull» or «aurochs» images including the many bull hunts in the rock art. Perhaps it is time to look better for bison images and bones in the archaeology of Central Asia.

Figure 11. Bull leaping of capture from Vaphio, Greece (after Matz, 1962).

In this perspective, let us give a brief look at the bull leaping images in the ancient oriental art. V. Sarianidi has shown how widespread was this iconographic theme from Aegean to Central Asia (Sarianidi, 1993, map in fig. 3; 1998b, fig. 2; 2000; Сарияниди, 1999). And other authors added more evidence from Egypt (paintings) to Indus (two seals from Mohenjo-Daro and one from Banawali (Catalogue, 2000; Caubet, 1999; Francfort, 2003; Winkelmann, 1995). It is striking to notice that the theme of bull leaping has been adapted to not only to local shapes of objects and artistic styles, but also to local species, as shown by the Mohenjo-Daro seal on which the bull is a water buffalo with large horns. This local adaptation of a widespread theme is clear also on a carved chlorite vase of Jiroft where we see bulls tied with a rope to a tree (similar to some Kulli style images of bulls or zebus attached) along with a first human standing on their back and a second human turned over by the bull's horns (and not falling from the tree) (Madjidzadeh, 2003, p. 65-66) (fig. 10).

This last scene is not «tauromachy» stricto sensu, but rather «bull leaping» or, better, a composition similar to the capture of wild bulls on the Vaphio vase (Matz, 1962, fig. 30, p. 123, pictures № 19, 20) (fig. 11). There, a man is turned over by a furious bull, just under a tree; we may note that on a second Vaphio vase, tamed bulls are being tied with a rope by a man. If we turn now our attention towards the well known Togolok-1 seal (Sarianidi, 1998a, fig. 27, p. 64; 1998b, № 1634, p. 296; 2002, fig. p. 139) we shall note also a remarkable local adaptation (fig. 12). The object is carved as a seal on two sides (one hunt scene and one bull leaping scene) and decorated on the reverse in relief (*Camelus bactrianus*) (fig. 13). First it is obvious that the wild goat hunt in mountain is a composition inspired by Akkadian and later art (theme and style); second the running bull and falling humans (bull leaping) as well as the plait motif are also of Near eastern, Levantine, inspiration. But the principle of the seal is unique, purely local; the idea of a reverse in relief is a typical OC invention, widespread on copper compartmented seals. More interesting, the animal species represented are local: an ibex, a two humped camel, birds of prey and ... a bison. A close look at the bull's head shows that along with a massive body, short horns and a gently curved hump, it possesses a beard.

Figure 12. Togolok, Margiana, Turkmenistan, seal with bison leaping scene (with kind permission of Professor Sarianidi).

The bull on the Togolok seal is definitely a bison representation. Assuming that it is a local OC manufacture, it is interesting to note that not only the theme of bull leaping or bull chase is adapted to local objects and environment but also that here again the bison is linked to the mountains, to hunting in mountains. From this we may infer not only the probable presence of bison in the mountains of the OC territo-

ry, but also its importance, as a massive wild bull, for the local transposition of myths, legends or stories repeated from the Levant to the Indus.

Figure 13. Togolok, Margiana, Turkmenistan, seal with Bactrian camel (with kind permission of Professor Sarianidi).

In conclusion, with the example of two animals selected, the bison and the deer, some points can be underlined.

In spite of clear ambiguities and fantasy, the art representations of Central Asia in the OC are a source that can be used in relation

with zoological and environmental studies, but also in relation with symbolic hypotheses. The necessity of a greater number of detailed bone researches is obvious for the species under consideration in order to confirm the presence of the considered species of bovid or cervid in the OC environment at some period.

The precision and ambiguity of images help understanding the way animals were integrated into the imaginary world, with some typical features sometimes deformed or reutilized. For example zebu-like humps on possible bison or apparently wrong antlers with Bactrian deer? The world of artistic representations follows its own way along with permanent integration of naturalistic elements: the bearded bull, the bison, the bull-man. In the CO, along with art schemes from the Near East and Elam and possibly the adoption of mythological beings, some of the mythological elements come from a very ancient substratum of shamanistic type. This is another way for stating that the OC is really complex, situated at the crossroad of various cultures and probably not the materialisation of a single ethnic and linguistic group.

Bibliography:

- Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура бронзового века Южного Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* О некоторых группах культовой керамики Джаркутана // ИМКУ. № 25. 1991. С. 33-56.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Ахниязов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н.* К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата, 1992.
- Рахманов У.* Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4 // ИМКУ. № 16. 1981. С. 27-30.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И.* Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. 1999. №1. С. 53-73.
- Худжаназаров М.М.* Древнейшие наскальные изображения Сармышая // ИМКУ. № 32. Ташкент, 2001. С. 24-30.
- Amiet P.* Au-delà d'Elam // AMI. Bd. 19. 1986a. P. 11-20.
- Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500-1700 avant J.-C., Paris, 1986b.
- Aruz J.* (Ed.) Art of the First cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. New York, 2003.
- Avanesova N. A., Shajdullaev Sh., Ėrkulov A.* Dzham-ein neuer bronzzeitlicher Fundort in der Sogdiana // AMIT. Bd. 33. 2001. P. 63-73.
- Barnett R.D.* Homme masqué ou dieu-ibex? // Syria. Vol. XLIII. 1966.

- Behm-Blancke M.R.* Das Tierbild in der Altmesopotamischen Rundplastik. Eine Untersuchung zum Stilwandel des frühsumerischen Rundbildes // *Baghdader Forschungen*. Bd. I. Mayence, 1979.
- Bender B.* Farming in Prehistory // From hunter-gatherer to food-producer. L., 1975.
- Braun-Holzinger E.A.* Figürliche Bronzen aus Mesopotamien // *Prähistorische Bronzefunde*. Abt. I. № 4. Band, Munich, 1984.
- Catalogue.* Indus Civilization Exhibition. Tokyo, 2000.
- Caubet A.* (Ed.) La cité royale de Suse. Trésors du Proche-Orient ancien au musée du Louvre. Paris, 1994.
- Caubet A.* (Ed.) L'acrobate au taureau. Les découvertes de Tell el-Dab'a et l'archéologie de la Méditerranée orientale. Paris, 1999.
- Collon D.* Firts Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East, L., 1987.
- Dupree L., Gouin Ph., Omer N.* The Khosh-Tepa Hoard from North Afghanistan // *Archaeology*. Vol. 24. №1. 1971a. P. 28-34.
- Dupree L., Gouin Ph., Omer N.* The Khosh-Tepa Hoard from North Afghanistan // *Afghanistan*. Vol. 24. №1. 1971b. P. 44-54.
- Francfort H.-P.* (Avec des contributions de Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J.-C., Kermorvant A., Willcox G.) Fouilles de Shortughai : recherches sur l'Asie centrale protohistorique, Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale. T. I. Paris, 1989.
- Geist V.* Deer of the World. Their evolution, behaviour, and ecology. Swan Hill, 1999.
- Khujanazarov M.* Petroglyphs of Uzbekistan // *Petroglyphs of Central Asia*. Bishkek, 2001. P. 80-121.
- Lawergren B.* Oxus trumpets, ca. 2200 - 1800 BCE: material overview, usage, societal role, and catalogue // *Iranica Antiqua*. Vol. XXVIII. 2003. C. 41-118.
- Ligabue G., Salvatori S.* (Eds.) Bactria an ancient civilization from the sands of Afghanistan. Venise, 1989.
- Lion B.* La circulation des animaux exotiques au Proche-Orient antique // La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien. XXXVIIIe R.A.I., Paris, 1992. S. 357-365.
- Litvinsky B.A.* The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // *Silk Road art and archaeology*. Vol. VII. 2001. P. 137-166.
- Lorblanchet M., Welté A.-C.* Aurochs et bison dans l'art paléolithique // *Aurochs. Le retour aurochs, vaches et autres bovins de la préhistoire à nos jours*. Lons-le-Saunier, 1994.
- Madjidzadeh Y.* Jiroft. The Earliest Oriental civilization. Téhéran, 2003.
- Matz F.* La Crète et la Grèce primitive. L'art dans le monde. Paris, 1962.
- Pitschikjan I.R.* Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien. Berlin, 1992.
- Sarianidi V.* Margiana in the ancient Orient // *Bulletin IASCCA*. № 19. 1993. P. 5-28.
- Sarianidi V.* Margiana and protozoroastrism. Athènes, 1998.
- Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998b.
- Sarianidi V.* The Syro-Hittite origin of Bactrian-Margiana glyptics // *Ancient civilizations*. Vol. 6. № 3-4. 2000. P. 208-233.
- Sarianidi V.* Margush. Ancient Oriental Kingdom in the old delta of Murghab river. Ashgabat, 2002.
- Schiltz V.* (Ed.). Or des Scythes. Trésor des musées soviétiques. Paris, 1975.
- Schiltz V.* Les Scythes et le monde des steppes // *Le grand atlas de l'Archéologie*. Paris, 1985.
- Tosi M., Wardak R.* The Fullol Hoard: a new find from Bronze age Afghanistan // *EW*. Vol. 22. №1-2. 1972. C. 9-17.
- Van Buren E.D.* The fauna of ancient Mesopotamia as represented in art // *Analecta Orientalia*. Vol. 18. Rome, 1939.
- Winkelmann S.* Nordwestindische Bezüge auf Baktrischen Siegeln // *Altorientalische Forschungen*. Bd. 22. № 1. 1995. P. 165-182.

ЕЩЕ РАЗ О КУЛЬТОВЫХ СОСУДАХ БМАК

Среди неожиданных, многочисленных, разнообразных и крайне интересных вещей, сооружений, комплексов, обнаруженных экспедициями под руководством В.И. Сарияниди в ходе многолетних раскопок, особое место занимают объекты культового назначения, проливающие свет на представления создателей замечательной культуры Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) на окружавший их мир и свое место в нем. Одна из категорий таких вещей – сосуды с налипными фигурками по венчику, явно предназначенные для использования в ритуалах. Им В.И. Сарияниди посвятил немало строк в своих работах, уделив внимание, как их формальному анализу, так и функциональному назначению. Автор настоящей статьи поставил целью продолжить эти исследования, развив некоторые предположения юбиляра.

Интересующие нас сосуды происходят с территории Маргианы и Бактрии и датируются второй половиной II тыс. до н.э. (Сарияниди, 1980, с.174). В Маргиане они обнаружены на поселениях, в Бактрии – и в погребениях (Сарияниди, 1990, с. 44). К сожалению, в ряде случаев их первоначальное местонахождение не было установлено; так, лучше всего сохранившийся сосуд с Тоголока 1 был найден практически на поверхности.

Целесообразно привести общую характеристику этих, несмотря на различия, достаточно однообразных вещей. Это сосуды подцилиндрической формы с подкосом у дна, диаметр венчика – 25-27 см, донца – около 12 см, высота – около 17 см (хотя из Бактрии происходит сосуд высотой 26 см). Все они изготовлены на круге, глина красная, ангоб светлый. На венчик и тулово наклеены фигурки зооморфных и антропоморфных существ, на венчике они полнофигурные, на стенках рельефные. В.И. Сарияниди отмечает грубость исполнения этих

фигурок и их хрупкость, что способствовало легкости разрушения и не всегда позволяет идентифицировать изображенные существа. Фигурки, насаженные на венчики, обращены внутрь или вне сосуда, иногда обращены друг к другу. На стенки снаружи и внутри наклеивали в основном изображения змей.

Приведем, следуя за В.И. Сарияниди, описание сосуда с поверхности Тоголока 1, сохранившегося наилучшим образом. Основываясь именно на нем, В.И. Сарияниди предложил реконструкцию композиций на таких сосудах (Сарияниди, 1980). По его мнению, центральная сцена представлена двумя антропоморфными фигурками, пол которых внешне не определен. Одна изображена в профиль как бы идущей с заложенными за спину руками. Вторая, более крупная, обращена к ней лицом. На локте левой руки она держит удлиненный предмет, по предположению В.И. Сарияниди, ребенка (ее пол также неясен). Между этими фигурами на венчик взбирается змея.

Далее фигуры перечисляются, исходя из позиции изнутри сосуда. Рядом с антропоморфной фигурой, предположительно, с ребенком, – фрагмент фигурки рогатого животного, к животу которого снаружи тянется змея. Далее мордами друг к другу – животное с опущенными ушами (собака?) и зебувидный бык (по В.И. Сарияниди, изображенные в состоянии противоборства). Следующее изнутри – животное, напоминающее тюленя. Затем друг за другом на венчике – четыре животных: длинношеее с торчащими ушами без хвоста, рогатое с длинным хвостом (изнутри к его животу тянется змея), длиннохвостое с заостренными ушами и оскаленной мордой (по В.И. Сарияниди – волк), животное с острыми ушами, раскрытым ртом и загнутым хвостом (В.И. Сарияниди отмечает, что оно тянется к предыдущему и предполагает, что показан момент спаривания, быть может, волков). Далее внутри наклеены

«тюлень» и змея, на венчике птица со сложенными крыльями, на стенке снова «тюлень», далее фрагментированная фигура, около или под которой изнутри – змея. Следует отметить, что внутри этого сосуда находилось пять миниатюрных сосудиков разных форм (два, напоминающие кринки; «чайник», «ваза» и «пиала»).

Найденные на разных памятниках отбитыми от сосудов фигурки позволяют расширить круг изображавшихся существ и определить их особенности. Из Южной Бактрии происходят статуэтки антропоморфных существ – с заткнутым за пояс топором, с поясами и прическами (Сарианиди, 1990, с. 169). На Тоголоке 1 и 21 найдены антропоморфные фигурки с раскинутыми в стороны руками и одна с рожками (там же, с. 138). На Тоголоке 1, 2, 3, 6, Гонуре 1 найдены фигурки «зебу», верблюда, «волка», «лисицы», «собаки», козла, кабана, птицы (там же, табл. XXIII-XXIV).

Примечательно стремление передать антропоморфные фигуры в каких-то действиях – с согнутой и вытянутой рукой, с раскинутыми руками (Сарианиди, 1980, с.174; 1990, с.44). По мнению В.И. Сарианиди, эти персонажи изображались в момент борьбы или объятия (Сарианиди, 1980, с.171).

Местонахождение фрагментов сосудов в постройках Маргианы показывает, что они нередко находились в помещениях, оформленных особым образом. Один из распространенных приемов их выделения среди прочих – покрытие стен белой гипсовой обмазкой, что служило знаком их особого назначения. В Тоголоке 21 это помещения 4, 55, 10, 18, 28 (Сарианиди, 1990, с.105, 107, 112, 117, 138). В то же время более или менее крупные фрагменты таких сосудов встречаются в предполагаемых дворах и в мусорных слоях – помещения 10 и 56 (Там же, с. 113, 138).

В помещениях, где могли отправляться обряды, они соседствуют с ритуальными каменными колонками, каменными небольшими грибовидными явно ритуальными же предметами, располагаются неподалеку от очагов с золой. На систематичность их использования в ритуалах указывает количество обнаруженных в Тоголоке 21 – здесь найдено более десятка фрагментов сосудов

разной сохранности. На Гонуре они обнаружены в трех комплексах, которые В.И. Сарианиди считает храмовыми (Сарианиди, 2001б, с. 276).

Облик сосудов и их местонахождение свидетельствуют в пользу предположения В.И. Сарианиди, о том, что фигурки на них передавали не жанровые сцены, а являлись символическими композициями, связанными с мифологическими представлениями. Он считал, что они применялись при культовых возлияниях напитка типа хаомы или сомы (Сарианиди, 1990, с. 147-153). В.И. Сарианиди писал, что сосуд представлял «космологическую модель», где бортик символизировал земную твердь, а резервуар – мировой океан, из которого появляются змеи и тюлени. Изображения на сосудах близки образам глиптики, где, как и на них, изображались четвероногие животные и змеи под их животами. По мнению В.И. Сарианиди, таким образом передавалась тема похищения хтоническими существами «живительного семени» (Сарианиди, 1980, с. 178).

То, что сосуды так или иначе указывали на образ мира, весьма вероятно. В то же время наблюдение В.И. Сарианиди о единстве темы отношений между персонажами изображений на сосудах и изображениях на печатях и амулетах БМАК, как представляется, позволяет обратить внимание и на другие элементы сходства изображений на вещах БМАК разных категорий. Это может позволить продвинуться в направлении реконструкции обрядов и мифологических представлений носителей этой культуры. Но прежде чем обратиться к этой теме, остановимся на аналогиях интересующим нас сосудам.

Отмечая своеобразие сосудов с налепными фигурками, В.И. Сарианиди писал о том, что скульптурки на венчиках сосудов и рельефные изображения на их тулове известны в Чагар Базаре (Сирия), Кюль Тепе (Восточная Турция), в Алалахе (долина р. Оронт), в Эгейском мире; в Анатолии они существуют и в хеттское время (Sarianidi, 1998, p.43-44; Сарианиди, 1999, с.69). В Анатолии традиция помещать на сосуды скульптурные и рельефные изображения широко распространена во II тыс. до н.э. и одновре-

менна бытованию разнообразных фигурных сосудов, в том числе в виде животных (Lloyd, 1956, p.121-122).

Круг вещей такого рода как в территориальном, так и хронологическом плане, может быть расширен. Вообще налепные и скульптурные фигуративные изображения на сосудах на Ближнем и Среднем Востоке – явление достаточно позднее. В Месопотамии, судя по известным нам данным, они появляются во второй половине III тыс. до н.э. (налепные изображения змеи и барана из Телль Асмара и Хафаджи - Frankfort, 1934, p. 19, 67).

В Телль Хуэре (Сев. Сирия) налепные рельефные изображения обнаружены на керамических подставках второй половины III тыс. до н.э. Среди изображений – львы, травоядные животные, скорпионы, женские и мужские персонажи. Известны сцены нападения животных друг на друга или спаривания (Moortgat, 1962, s.23, 29-35; 1965, s. 17-23). А. Моортгат писал о широком круге аналогий этим вещам, относящимся к 2500-1250 гг. до н.э. Отметил он и близость этих изображений тем, что наносили на печати, и связывал их с культом Инанны и Думузи.

Некоторое количество фигурок из Археологического музея университета в Мюнстере опубликовала С. Винкельманн (Winkelmann, 1997). Предполагается, что они происходят из Северного Афганистана и Таджикистана, но принадлежность их сосудам в большинстве случаев представляется гипотетической.

Характер таких изображений на очевидно ритуальных сосудах предполагает не только их связь с культурами плодородия, но и определенную временную привязку ритуалов, в которых их использовали: на них соседствуют образы змеи, скорпиона, цветущего растения (Телль Брак - Mallowan, 1947). Территориально далекие аналогии образцам, характерным для изобразительной традиции БМАК, но формально близкие им, обнаруживаются в Восточном Средиземноморье – на курильнице из Библа, найденной в святилище времени XIII династии Египта, изображены обращенные друг к другу быки или коровы, к животам которых тянутся змеи (Contenau, 1947, p. 2284). Символические связи этих изобразительных знаков,

очевидно, разнообразны, но то, что они указывают на время расцвета природы вряд ли может вызывать сомнения.

Своеобразие сосудов с фигурками БМАК в регионе этой культуры отмечалось неоднократно. Тем не менее, отчасти сходные с ними вещи обнаружены в Туркменистане. Раскопки на юго-западе этого региона, материалы которых были опубликованы уже после смерти проводившего их И.Н. Хлопина благодаря заслуживающей глубокого уважения работе его коллег, выявили весьма интересную группу памятников. В коллективных захоронениях второй половины III тыс. до н.э. было обнаружено более 20 целых и фрагментированных предметов, аналогий которым И.Н. Хлопин не усматривал ни в Средней Азии, ни на Переднем Востоке (Хлопин, 2002, с.84 сл.). Это глиняные прямоугольные в плане резервуары на четырех ножках. На верхнюю поверхность их стенок наклеплены чашечки с округлым дном и головки быков и баранов. На стенки помещены налепные и пролощенные изображения – змеи, ползущие вверх (в том числе заползающая на баранью голову) или располагающиеся горизонтально, налепные фигурки козлов и хищных кошачьих, «соляные круги», условные гребенкообразные фигуры. По углам располагались пролощенные изображения деревьев.

Эти вещи, которые И.Н. Хлопин считал жертвенниками, встречены только в погребениях, при этом определить их принадлежность мужчинам или женщинам из-за коллективного характера захоронений оказалось невозможно. В некоторых камерах находилось по два таких предмета. Следов огня они не несут, лишь в одном случае на дне был след от раскаленного кольцевидного предмета.

И.Н. Хлопин полагал, что эти вещи были алтарями-жертвенниками, применявшимися при обрядах Нового года, начале полевых работ (в IV-III тыс. до н.э. в момент весеннего равноденствия Солнце находилось в созвездии Овна – отсюда изображения на сосудах баранов - Хлопин, 2002, с. 97). Напомним, что И.Н. Хлопин был сторонником признания обитателей юга Туркменистана, по крайней мере, с неолита предками индоиранцев, поэтому при интерпре-

тации назначения разных вещей он обращался к письменным традициям носителей этих языков. Не разделяя этой точки зрения, мы не можем отрицать возможности того, что важным моментом в календаре обитателей этого региона была весна, начало нового года и нового цикла сельскохозяйственных работ. Примечательно в то же время, что предполагаемые жертвенники встречены пока только в погребениях.

Форма этих предметов предполагает иное использование, чем сосудов БМАК. Вряд ли они предназначались для жидкостей. В то же время набор изображений имеет сходство с известными в интересующей нас культуре.

Сходство с сумбарскими «жертвенниками» имеют гораздо более поздние металлические жертвенные столы на ножках с фигурками животных на бортике, приписываемые сакам и обнаруженные далеко от долины Сумбара (Литвинский, 1991). Примечательны и ситуации их обнаружения - жертвенные места и погребения.

Интерпретируя значение и назначение этих жертвенников железного века, Б.А. Литвинский предпринял попытку связать их с древнеиндийскими ритуалами, в которых фигурировали алтари огня. Акцент в индийских ритуалах делался на огне и Солнце, занимавших центральное место в образе мира. Жертвенники соотносились с космогоническим мифом, с представлениями о гибели и воскресении космоса. «Посредством жертвоприношения, связанного с огнем и животными, социально маркированный человеческий персонаж становился участником целой серии превращений, когда небольшое сакрализованное пространство, заключенное в жертвеннике, расширялось до пределов всего мироздания, а приносящий жертву человек воплощался в самом жертвеннике..., достигая тем самым слияния с бесконечным» (Литвинский, 1991, с. 81).

В приведенных исследованиях мы встречаем вещи, не только формально чем-то близкие интересующим нас сосудам БМАК, но и попытки их толкования с опорой на письменные традиции. Данные последних ценны тем, что указывают на возможное направление поисков значения и назначения вещей такого типа. Сами носи-

тели БМАК, даже если допустить, что они и располагали какой-то письменностью, не оставили ее распознаваемых следов. По всей видимости, их культура основывалась на устной традиции. Пока нет бесспорных предположений об их языковой принадлежности. Но в отличие от многих других бесписьменных общностей они оставили разнообразные изобразительные тексты. Хотя датировка многих из них далека от ясности, их формальное сходство указывает на принадлежность единой или нескольким близким традициям.

Это позволяет рассматривать информацию, содержащуюся в них, как взаимодополняющую и в меньшей степени, чем это бывает в условиях бедных изобразительными памятниками археологических культур, прибегать в поисках оснований для реконструкций семантики вещей к аналогиям в других культурах. Предположения о значении ритуальных сосудов с фигурками могут основываться на анализе изобразительных мотивов, встречающихся на вещах всех категорий БМАК – на печатях и амулетах, предметах вооружения, парадных сосудах, вещах не вполне ясного назначения вроде металлических булавок и т.д. Таким образом, внутренний анализ памятников для целей реконструкции обрядово-мифологического комплекса создателей БМАК становится преобладающим, а его результаты позволяют надеяться на реконструкцию присущей носителям этой культуры картины мира.

На печатях-амулетах БМАК, корпус которых издан В.И. Сариянди, встречаются изображения пирующих мужчины и женщины (Sarianidi, 1998, № 47-49). Пары персонажей известны и на вещах культур, близких БМАК, на востоке (Шахдад) и юго-востоке Ирана (Amiet, 1986, ill.126-128). Помещение в поле этих изображений полумесяца и розеткообразного астрального знака – указание на временную привязку передаваемого ритуала, вероятно, персонажи переданы в важный, поворотный момент года. Вряд ли может показаться смелым предположение, что перед нами – указание на отправление ритуала «священного брака», столь актуального для всех народов древности.

В.И. Сарияниди отмечено существование глиняных фигурок мужских персонажей с топором. На ассоциацию мужского мифологического персонажа с топором указывает и уникальный топор из музея Метрополитен, на котором изображено орлиноголовое антропоморфное существо (Amiet, 1986, ill. 173). Парадные топоры, очевидно, принадлежавшие воинам, в том числе высокого статуса, многочисленны среди находок на территории БМАК (Amiet, 1986, ill. 166-170; Сарияниди, 2001а, с. 52-54). Атрибуты власти и анализ функций власти в обществах носителей БМАК – отдельная тема. В рамках этой статьи хотелось бы отметить, что в древних и традиционных культурах бытует обыкновение приурочивать приход к власти нового вождя или царя (или ритуальное обновление этой власти), как и достижение нового статуса, к поворотной точке года (Йеттмар, 1986, с. 146-147, 354). Весьма выразительные данные об этом содержит традиция Месопотамии, зафиксированная в вавилонское время, но вне сомнения, гораздо более ранняя (История древнего Востока, с. 448-450).

Одна из возможных интерпретаций изображений антропоморфных персонажей – борьба. Этот же сюжет встречается на фигурных навершиях булавок. В то же время нельзя исключать возможности, что таким образом могли передавать и другие действия, например, объятия (Pottier, 1984, pl. 22, 154).

Фигурки на сосудах, как и на многих печатях и других вещах БМАК, изображают четвероногих животных, травоядных, хищных, птиц (в первую очередь орлоподобных) и особенно многочисленных змей. Примечательно, что и там, и там, есть изображения верблюдов, в это время почти не встречающиеся на изобразительных памятниках Передней и Средней Азии. Змеи соседствуют с изображениями четвероногих животных, орлов, растений. Изображения нападений хищников на травоядных в глиптике нечасты. Вообще отношения между животными не всегда бывают явно выявлены (во всяком случае, с точки зрения современного исследователя). Тем не менее, помещение змееподобных существ под животными наземных животных и конкретно – в области их гени-

талий – демонстрирует существование неких отношений между ними, которые В.И. Сарияниди назвал «похищением живительного семени».

Особенности трактовки тел животных, что в образцах глиптики при всей условности изображений, позволяют предполагать, что мастера имели цель передать их в момент напряжения сил – закинутые головы, напряженные тела хищников, верблюдов, даже зайцев. Такие же положения присущи существам на венчиках сосудов: некоторые из них явно находятся в противостоянии. Особенно эти отношения выражены, когда его участниками выступают наземные четвероногие, а также крылатые орлоподобные и змеи, в некоторых случаях наделявшиеся признаками, которые позволяют рассматривать их как драконов.

Примечательны и положения, в которых показаны антропоморфные персонажи – на сосудах их отношения трудно определить, но положение рук предполагает момент борьбы или объятия. Такие изображения из-за их условности и редкости все еще трудно интерпретировать. Изобразительное искусство носителей БМАК не достигло возможности передачи сцен с участием многих персонажей на вещах, имевших широкое пространство. Особняком стоят сосуды из драгоценных металлов, происхождение которых недостаточно определено, – это сцены пиршеств, явно ритуальной пахоты, возвращения с охоты знатного человека (Amiet, 1986, ill. 201-202). Эти действия наверняка были ритуализованы, но мотив столкновения в них отсутствует.

Среди изображений на сосудах интересующего нас типа мы не встретим растения (древовидные фигуры, хотя и нечасто, наносили на стенки сосудов) (Сарияниди, 1990, табл. ХСІ: 7-8, 11). Но в глиптике растения, в том числе цветущие, – один из наиболее частых элементов.

Итак, фигурки на глиняных сосудах, судя по их материалу, довольно небрежному исполнению и местонахождению в контекстах различных ритуалов, в том числе погребальных, изображения на печатях и других вещах обнаруживают сходство, позволяющее предполагать принадлежность их персонажей к единому полю значений.

Распространенные в глиптике образы орлоподобных существ, змей и рептилий, а также гораздо более малочисленные изображения богинь А.-П. Франкфор (Frankfort, 1993), следуя уже высказывавшейся гипотезе (Lambert, 1968), предложил связывать с передачей явлений природы, свойственных на территории БМАК апрелю-маю, когда из-за дождей и разливов рек, текущих с Памира и Гиндукуша, все оживает, на поверхности земли появляются пробуждающиеся змеи, а из-за Гиндукуша прилетает орел-змеяд (Circaetus gallicus), питающийся в основном пресмыкающимися. Прилет орлов, как и оживление пресмыкающихся (и, добавим, насекомых, в том числе часто изображавшихся на печатях скорпионов), знаменует приход весны. В связи с этим вспомним наблюдение Л.Я. Штернберга: «...в культе орла, как и в культе других перелетных птиц, играло роль совпадение прилета его с наступлением весны и отлета с наступлением осени, что подало повод считать его существом, вызывающим явления времен года» (Штернберг, 1936, с.112).

Симптоматично, что на сосудах и еще более явно на печатях изображаются животные, находящиеся в состоянии «охоты», птицы, связанные с водной стихией, цветущие растения, т.е. явления, относящиеся по преимуществу к весне, началу года.

Если полагать, что материальные свидетельства, сохранившиеся от древних культур, представляют собой не набор случайных мотивов, а систему, то скульптурные изображения на ритуальных сосудах, изображения на печатях-амулетах и других вещах в конечном счете предполагают определенный временной репер, важнейший момент, конец одного цикла и начало другого – Новый год. Элементы этого «праздника праздников» проявляются во всех сезонных обрядах, но, принадлежа к более широкому кругу культурных текстов, не только в них (см. ниже).

Для определения поворотных точек года, с которыми были связаны моменты хозяйственной жизни, древние пользовались событиями окружающей их природы. Жизнь членов архаических обществ теснейшим образом связана с природой, что в значительно ослабленной форме свойственно и совре-

менным постиндустриальным обществам. Поведение обитающих на территории той или иной культуры животных, растения, расцветающие и созревающие, были важными маркерами временных изменений, составляющими образа мира. Изображения на вещах указывают на тех животных или на растения, которые обитали на территории носителей конкретной археологической культуры, и по этой причине фигурировали в их обрядах и мифологических представлениях. Поэтому в поисках основ для интерпретаций памятников археологических культур целесообразно обращаться к обрядам более поздних носителей традиционных культур, обитающих на тех же или близких территориях, в тех же или близких природных условиях. Остановимся на некоторых сведениях такого рода.

У персов и близких им народов центром весенних празднеств был Ноуруз, когда зазывали весну, а в обрядах фигурировали цветы (в том числе тюльпаны, маки), птицы (соколы, аисты), драконы, фантастические рыбы. Конец старого и начало нового года отмечались обрядами с водой и огнем, разнообразными символами плодородия. Считалось, что в это время возвращаются духи умерших. Давно отмечено, что на Востоке симметричными весенним были осенние празднества. Так, в частности, в Месопотамии новогодний праздник приходился в разных городах и в разное время как на весну, так и на осень - Frankfort, 1934, p.313,317; Логашова, 1998.

У ираноязычных народов на март-апрель приходилось начало сева. В средневековье в это время происходило зазывание весны, когда в ритуалах использовали цветы, восхваляли птиц, приносящих весну (есть сведения о выпуске белых соколов) (Логашова, 1998, с.64, 70).

Среди обрядовых вещей, изготовлявшихся и до сих пор еще использующихся в весенних обрядах, в частности, у таджиков – свистульки в виде птиц, лошадей, фантастических львов и драконов, в облике которых заметны змеиные элементы. Иногда их составной частью был маленький кувшинчик для воды (Ершов, 1984, с. 99). Здесь мы встречаем те же образы, что на сосудах

БМАК, которые скорее всего предназначались для жидкости или жидкостей.

В литературе неоднократно отмечалась ассоциация в традиционной культуре народов Средней Азии образов змей (драконов), воды и растительности (Бачинский, 1939). Змееподобное существо при этом предстает не как совершенно отрицательное. Исследуя один из центральных космогонических мотивов в представлениях народов Евразии, – борьбу Громовержца со Змеем, В.В. Иванов и В.Н. Топоров отметили, что в ближневосточных традициях змеевидный персонаж не выступает как носитель только лишь отрицательного начала, он – участник действий, связанных с обновлением мира, плодородием, и носитель соответствующих свойств (Иванов, Топоров, 1974, с.157).

Змея – символ плодородия, хранитель домашнего очага – частый мотив народных верований, в то время как в высокоразвитых религиях тех же народов может ощущаться тенденция рассматривать ее как носителя отрицательного начала (Жуковская, 1977, с. 72).

Змеи – одни из немногих известных атрибутов божеств Элама, в частности, предположительно двух главных – бога Суз Иншушинака и богини Аншана Напириши, изображения которых идентифицируются на протяжении II тыс. до н.э. Божества не находятся в состоянии конфликта со змеями, при этом бог со змеей или змеями изображается также с потоками воды и львом (Miroschedji, 1981). Автор указанной статьи отмечает, что на иранских памятниках змеи нередко обладают признаками драконов, наделяются элементами фигур хищников, что присуще и трактовке змееподобных существ на вещах БМАК. О связи женского божества со змеями и водой в «трансэламской цивилизации» писал П. Амье (Амье, 1997).

При анализе изобразительных памятников БМАК создается впечатление, что противостоящие друг другу персонажи, наземные четвероногие, птицы и змееподобные существа, не воспринимались их создателями как носители лишь положительного или отрицательного начала. Скорее они предстают как мифологические персонажи, в равной степени необходимые для создания жизни и/или ее воссоздания. В связи с этим

примечательно то, что писал Ф. Кюмон относительно образов митраизма, отношения между которыми определялись борьбой, сотрудничеством, принесением в жертву: «... митраизм обожествлял четыре стихии, из которых, согласно древней физике, составлялась вселенная. Часто воспроизводимая аллегорическая композиция, в которой лев символизировал собой огонь, кратер – воду, а змея – землю, изображала борьбу противостоящих друг другу и вечно пожирающих друг друга стихий, из чьих нескончаемых превращений и бесконечно разнообразных сочетаний происходят все явления природы... Змея часто ползет к чаше или даже взбирается на нее, обвивая снизу ее основание или ручку, явно для того, чтобы выпить ее содержимое. Лев, в свою очередь, часто лежит перед змеей и наблюдает за ней, в других композициях он угрожающе направляется к кратеру или кладет на него обе лапы, чтобы завладеть им, либо приседает на задних лапах, готовый броситься на противника, дабы отобрать у него пищу». Ф. Кюмон приводит красноречивые строки гимна: «Радуйся, змея, находишься в полной силе лев – физические начала огня, радуйся прозрачная вода» (Кюмон, 2000, с. 152-154).

Выше мы уже говорили о принадлежности новогодних ритуалов более широкому классу ритуально-мифологических текстов. На это почти 100 лет назад в своей составившей эпоху работе обратил внимание А. Ван Геннеп (Ван Геннеп, 1999). Между обрядами жизненного цикла, отмечающими этапы жизни людей в традиционных обществах, и обрядами, «которые сопровождают и в зависимости от обстоятельств подтверждают смену года, сезона, месяца» (Там же, с.161), он обнаружил сущностную связь. Для археологов погребальные памятники – один из главных источников, наиболее сохраняющихся памятников. Крайне существенно, что в сезонной обрядности (и, конечно, в концентрированной форме в новогоднем празднестве), как и в погребальной обрядности, звучат одни и те же мотивы гибели и возрождения, которые могут выражаться посредством одних и тех же знаков. Они разными способами передают действия, лежащие в основе бытия мира, частью которого является человеческий коллектив и от-

дельный человек (ср. в индийской традиции: «Игра уподобляется сражению, свадьба связывается с битвой, а битва сопоставляется с жертвоприношением» - Вигасин, 1982, с. 11). Таким образом, имея объектом погребальные памятники, мы располагаем источником о значительно более широком круге ритуалов и мифологических представлений. Разумеется, степень выраженности таких представлений в погребальных памятниках, доступных археологам, оказывается различной.

Помещение в погребальное сооружение останков умершего и сопровождение их вещественными свидетельствами обряда – лишь часть действий, предшествовавших захоронению и следовавших за ним, а также более отдаленных поминальных ритуалов. Набор вещей, степень сложности погребального сооружения различаются в разных традициях. Богатейшие изобразительные памятники погребений фараонов и знати Египта или этрусков не идут ни в какое сравнение с захоронениями зороастрийцев. Кроме того, в традициях, располагавших письменностью, тексты дополняют данные, представляемые материальными остатками. Другое дело – погребения бесписьменных культур. Здесь степень разработанности одного ритуала – помещения умершего в захоронении в сопровождении различных вещей – первичный и наиболее надежный источник. В этих ситуациях обращение к самому широкому кругу материалов, могущих дополнить данные погребений, – насущная необходимость.

Исследователи многократно отмечали в ритуалах стыка старого и нового года актуальность всякого рода обрядовых столкновений: «Ритуальные схватки между двумя группами участников, присутствие мертвых, сатурналии и оргии – все эти элементы указывают на то, что в конце года и в преддверии Нового года повторяются мифические мгновения перехода от Хаоса к Сотворению Мира» (Элиаде, 1987, с.68. См. также с. 69-72). В.Н.Топоров писал о пороговой ситуации этого момента, когда актуальны символы, лежащие в основе мира, такие, как мировое дерево или его эквиваленты и ситуации, воспроизводящие творение, - столкно-

вения, борьба и т.д. В ритуалах это воплощалось, в частности, во всякого рода состязаниях (Топоров, 1990). На Востоке и в древности, и в культурах, сохранивших старые традиции, это были бои животных (Логашова, 1998, с.71-72).

Одним из важнейших моментов таких празднеств были коллективные трапезы и теснейшим образом связанные с ними брачные ритуалы, на что обратил внимание А. Ван Геннеп (1999, с.155).

Именно эти образы, конечно, в форме не развернутых повествовательных изобразительных текстов, а в виде лишь указывающих на реальные ритуалы или мифологические мотивы одиночные изображения или их группы, мы встречаем на печатях-амулетах и скульптурках на сосудах. Они фиксируют важнейший момент перехода, как в жизни космоса, так и существовании человека, которое не кончалось с его смертью, а было переходом в новое состояние. Заупокойная трапеза с различным образом воплощенным участием умершего, трапеза, в которой напитки играли особую роль, существовала и продолжает существовать в традициях всех народов (относительно древнего Востока см.: Laneri, 2002, р.33-34). Вряд ли стоит еще раз обосновывать давно выявленную связь между сезонными празднествами и почитанием предков (см., в частности: Элиаде, 1987, с. 74-75).

Можно предположить, что помещение сосудов со скульптурками в погребения БМАК (хотя еще мало фиксируемое), как и положение «жертвенников» в более ранние погребения долины Сумбара, имело целью создание новой ситуации для умершего. Ритуал, в котором использовали и сосуды, имел целью возрождение для новой жизни. Стоит обратить внимание на то, что внутри сосуда с Тоголока 1 находился миниатюрный «питейный набор» (Сарианиди, 1990, с.44).

Все сказанное – лишь предположения, которые могут быть подвергнуты сомнению. Безусловной и неподверженной времени ценностью обладают лишь источники – вещи, обнаруживаемые неустанными трудами археологов.

Литература

- Амье П.* Богини и царицы Элама // ВДИ. 1997. №1.
- Бачинский Н.М.* Архитектурные памятники Туркмении. Вып.1. М.-Ашхабад, 1939.
- Ван Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
- Вигасин А.А.* Предисловие // Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М., 1982.
- Ершов В.Н.* Каратаг и его ремесла. Историко-этнографический очерк. Душанбе, 1984.
- Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- История древнего Востока.* Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М., 1986.
- Кюмон Ф.* Мистерии Митры. СПб., 2000.
- Литвинский Б.А.* Семиреченские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.
- Логашова Б.Р.* Персы // Календарные обычаи и обряды народов Передней Азии. Годовой цикл. М., 1998.
- Сарианиди В.И.* Культовый сосуд из Маргианы // СА. 1980. № 2.
- Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001а.
- Сарианиди В.И.* Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мироззрение древнего населения Евразии. М., 2001б.
- Топоров В.Н.* Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы юго-западного Туркменистана. СПб., 2002.
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. М., 1987.
- Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500-1700 avant J.-C. P., 1986.
- Contenau G.* Manuel d'archéologie orientale. Vol. IV. P., 1947.
- Frankfort H.-P.* Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana // SAA Studies. Ed. Possche, 1993.
- Frankfort H.* Iraq Excavations of the Oriental Institute 1932/33. Third Preliminary report of the Iraq Expedition. Chicago, 1934.
- Frankfort H.* Kingship and the Gods. Chicago, 1958.
- Lambert W.* Seals from West Central Asia and Adjacent Regions // AMI. Bd.19. Berlin, 1986.
- Laneri N.* The Discovery of a Funerary Ritual. Inanna/Ishtar and Her Descent to the Nether World in Tiriş Höyük, Turkey // EW. Vol. 52, № 1-4. 2002.
- Lloyd S.* Early Anatolia. L., 1956.
- Mallowan M.E.L.* Excavations at Braq and Chagar Bazar // Iraq. Vol. 9. 1947.
- Miroshedji P. de.* Le dieu élamite au serpent et au eaux jaillissantes // Iranica Antiqua. 1981. № 2.
- Moortgat A.* Tell Chuera in Nordost-Syrien. Vorläufiger Bericht über die Dritte Grabungskampagne 1960. Köln, Opladen, 1960.
- Moortgat A.* Tell Chuera in Nordost-Syrien. Vorläufiger Bericht über die Vierte Grabungskampagne 1963. Köln, Opladen, 1965.
- Pottier M.-T.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. P., 1984.
- Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. M., 1998.
- Winkelmann S.* Murgabo-Baktrische Terrakotten im Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster // Boreas. Münsterische Beiträge zur Archäologie. Bd.20. 1997.

Е.В. Царева
(Россия, Санкт-Петербург)

ТОТЕМНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ВОРСОВЫХ КОВРАХ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ

Среди огромного разнообразия сюжетов, встречающихся на туркменских ворсовых коврах, особую группу составляют изображения живых существ, а именно: животных, птиц и растений.¹ Все они весьма отличаются друг от друга по стилю и манере изображения – от вполне реалистичных и легко узнаваемых фигур, например, дроф (рис. 1) и скорпионов (рис. 2) – до стилизованных Н-образных знаков, которые могут передавать образ фактически любого четвероногого животного или даже птицы (рис. 3).

Столь же отличаются анималистические и растительные сюжеты по месту их расположения на декорируемой поверхности. Так, животные, птицы, древообразные *келле* изредка встречаются на *иоламах* (рис. 4), часто на нижних панелях *эле* свадебных попон *асмалдык* и дверных занавесей *энси* (рис. 5), но также могут составлять основной сюжет центрального поля разных изделий,

Рисунок 1. Свадебная попона *асмалдык* «с дрофами». Туркмены-теке, XVIII в. (Коллекция РЭМ; воспроизводится по: Tsareva, 1990, fig. 11b.)

как мы видим, например, на *асмалдыках* с бегущими дрофами или орлами (рис. 1, 6). Образы лягушки *гурбака* (рис. 7) и гуся *ак*

газ (рис. 8) являются неотъемлемой частью композиций текинских и эрсаринских *халы*, где они располагаются между медальонами *теке-* и *юлли-гэль*; в то время как стилизо-

Рисунок 2. Деталь каймы постилочного ковра с мотивом «скорпион». Средняя Амударья, XIX в. (воспроизводится по: Stuttgarter Kunst, 1990, , pl. 208).

ванные фигуры рыб *сёген-балык*, птиц *куш* и животных либо их частей (например, мотив *донгуз бурун* «нос свиньи») вошли в жесткую композицию множества *гэлей*: *салор-гэль* (рис. 9), *таук нуска* (рис. 3), *онурга* (рис. 10) и др.

Используемые в статье названия изображений животных и птиц: *ак газ*, *пешбеги*, *йылан* и пр. – зафиксированы в ковроведческой литературе, главным образом в классической работе В.Г. Мошковой «Ковры народов Средней Азии» (1970)². Сохранившаяся среди ковровщиц и зафик-

¹ Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

² В ковроведческой и этнографической литературе многие используемые в статье названия имеют разночтения, даже в пределах одной работы. В данной статье термины приводятся главным образом по: Мошкова, 1970; но также: Басилов, 1963, с. 135—141, с.135—144; Васильева, 1989; Демидов, 1963, 1996, с. 61—69, 1997, с. 30-42; Эсенов, 1997, с. 42—49; Саурова, 1968, и др.

сированная письменными источниками терминология часто помогает идентификации мотивов, многие из которых, как было сказано выше, лишь отдаленно напоминают реальное животное или растение.

Рисунок 3. Деталь ковра с мотивом *таук-нуска-гэль*. Прикаспийские туркмены, XVIII в. (частное собрание, Германия)

Однако при этом они сохраняют определенные атрибуционные признаки, позволяющие узнавать изображаемое существо даже при значительных искажениях первоначального рисунка, как будет показано ниже на примере композиции черепаха-и-гусь (рис. 11).

Рисунок 4. Деталь полосы для обвязывания юрты *иолам* с мотивом «тростника». Туркмены, XVIII в. (Частное собрание, Германия)

Происхождение анималистических сюжетов не вызывает сомнений у историков текстиля: их единодушно относят к собственно туркменскому изобразительному слою, что убедительно доказывается в

многочисленных работах, посвященных изучению туркменского ковроделия³.

Рисунок 5. Надверный занавес *энси* с мотивом орлов с распахнутыми крыльями в *эле*. Туркмены-салоры, Амударья(?), XVIII в. (воспроизводится по: Thompson, 1993, p. 31).

Стилистически такие мотивы описываются как выполненные в геометрическом стиле и зачастую, в силу абстрактности изображений, воспринимаются многими историками искусства как декоративные элементы. Одновременно обращавшиеся к данной теме археологи и этнографы обычно трактуют их как тотемные.⁴

Рисунок 6. Настенный мешок *чувал* с мотивом двуглавых орлов между волнами. Туркмены-салоры, чарджоусская группа, XVIII в. (воспроизводится по: Cassin, 1988, pl. 30).

Существующее противоречие не должно вызывать большого удивления, поскольку абсолютное большинство работ по туркменскому ковроделию написано западными исследо-

³ Основные работы по теме см.: Tsareva, 1984. Selected Bibliography.

⁴ См., например: Сарианиди, 1967, с. 68—69; также: Демидов, 1995, с 35 и др.

вателями, не читающими по-русски, в то время как этнографические изыскания проводились русскоязычными и туркменскими авторами, как правило, мало или вовсе не интересующимися проблемами истории ковроткачества.

С большей или меньшей частотой фигуры животных и птиц встречаются на коврах и ковровых изделиях практически всех территориальных и племенных групп – от северных човдуров до южных текинцев. Однако число их (тотемных изображений) все же невелико, и они появляются на коврах достаточно редко, кроме тех мотивов, которые вошли в гербовые композиции племенных *гёлей*. Исключением из этого правила является сравнительно небольшая группа ворсовых изделий, которые в публикациях XIX–XX вв. обычно назывались бухарскими, беширскими либо эрсаринскими⁵.

Рисунок 7. Деталь ковра с мотивом *гурбака* между *теке-гелями*. Туркмены-теке, XIX в. (воспроизводится по: Pinner, Eiland, 1999, pl. 10).

Как известно из специальной литературы⁶, ковровые изделия населения Среднего течения Амударьи делятся на две основные группы: предметы с выраженной племенной орнаментикой и вещи с декором, характерным для продукции городских мастеров, скажем, Ирана (композиция *хыраты* – «гератский») или Восточного Туркестана (*минахани* – не переведе-

но)⁷. Первые производились главным образом теми племенными группами, которые пришли на среднюю Амударью сравнительно недавно, в XVII–XIX вв.⁸ Делались они, по большей части туркменскими женщинами как традиционная часть приданого, и именно их часто атрибутируют как эрсаринские, вне зависимости от племени – производителя. Изделия второй группы в литературе относятся к беширской группе.

Рисунок 8. Деталь постилочного ковра халы с мотивами *юлли-гёль* и *ак газ*. Туркмены-эрсари(?), начало XIX в. (воспроизводится по: Turkmen Tribal carpets, 1980, fig. 85).

Их ткали потомки более раннего населения региона, создатели колоссальной ирригационной системы, строители городов и замков по обоим берегам бурного Окса, постепенно осваивавшие долину, начиная с кушанского и далее в бактрийский, эфталитский и последующие периоды⁹. Что касается определения «бухарские», то этот чисто торговый термин использовался вос-

⁵ История вопроса см.: Tsareva, 1984, p. 6; а также: Царева, 1986, с. 108–112.

⁶ Основные работы по ковроделию региона: Мошкова, 1970, глава «Ковроделие туркмен районов среднего течения Аму-Дарьи»; König, 1980, p. 275–282; 1981, p. 135–142; а также: Царева, 1984; Tsareva, 1985, p. 14–24, 67–68.

⁷ Существует большое число изделий переходного характера, часть из которых можно рассматривать как изготовленные на заказ для окружающих долину кочевников (вполне вероятно, что такие ковры использовались как средство оплаты за поставляемую скотоводами шерсть и другие продукты животноводства), либо как начальный период освоения оседающими кочевниками товарного ковроделия с его характерной орнаментикой, и пр. Таких «племенизированных» изделий достаточно много, из чего можно сделать вывод об активном участии поздних туркменских переселенцев, впрочем, как и ранних (начиная с IX в.) в товарном ковроделии территории.

⁸ О заселении туркменами территории Средней Амударьи см., например: Винников, 1962, 1969.

⁹ Об истории заселения Средней Амударьи см., например: Пилипко, 1985, с. 243–250; Бурханов, 1985.

точными и европейскими купцами для обозначения туркменских ковров в целом. Во избежание путаницы, несколько лет назад автором было предложено называть продукцию первого вида «племенными», а второго – «неплеменными коврами населения средней Амударьи»¹⁰.

Рисунок 9. Деталь постилочного ковра *халы* с мотивом *салор-гэль*. Средняя Амударья, туркмены-салоры, XVIII в. (коллекция ГЭ. Воспроизводится по: Tsareva. 1984, pl. 2).

Рисунок 10. Деталь постилочного ковра *халы* с мотивом *онурга-гэль*. Средняя Амударья, туркмены, XIX в. (Коллекция РЭМ. Воспроизводится по: Tsareva. 1984).

В реальности эрсаринские и собственно беширские изделия составляли лишь небольшую часть местной ковровой продукции, общая картина была гораздо ярче и пестрее, поскольку пестрым и разным по происхождению было само ковродельческое население долины.¹¹ Это обстоятельство четко фиксируется существованием большого количества групп и под-

групп ворсовых изделий с выраженными художественными и технологическими особенностями.

Некоторые из них: продукция арабов, узбеков, арабачи, чоудоров, салоров, эрсари – хорошо изучены и легко определяются по племени/народу-изготовителю.

Рисунок 11. Настенный мешок *торба* с мотивом «черепаха-и-гуси» на центральном поле. Средняя Амударья, чарджоуская группа, XVIII в. (воспроизводится по: Stuttgarter Kunst, fig. 179).

Другие, в первую очередь неплеменные ковры, однако, не могут быть атрибутированы подобным образом, поэтому во многих случаях мы бываем вынуждены отказываться от привычных племенных / этнических определений и заменять их на локальные, по месту производства. Исследования по данной теме находятся в настоящий момент на стадии разработки.

Поэтому сегодня можно с уверенностью говорить лишь о двух больших территориальных группах амударьинских ворсовых изделий: северной, с центром в Чарджуе (древний Амуть, современный Туркменабад) и южной, с центром в Керки (средневековый Земм), разделительная линия между которыми может быть проведена приблизительно по южной границе Гарабекевюльского этрапа (Пельверт).

Мы мало что знаем о ранних периодах существования ковроделия в оазисах средней Амударьи: археологические находки скудны, и столь же малочисленны сведения античных и средневековых авторов. Действительно корректным источником в такой ситуации становятся лишь сами ковры, немногочисленные ранние образцы которых датируются XVI-XVII вв., в то время как основная масса рассматриваемых в статье памятников относится к XVIII-XIX вв.

Производившиеся местными ткачами на продажу яркие, нарядные «неплемен-

¹⁰ Апробация термина прошла в цикле лекций по истории ковроделия средней Амударьи, прочитанных в США в 2002 г., и в журнале «Nali», издатели которого используют данный термин с 2003 г.

¹¹ См., например, этнографическую карту района, приведенную в работе Винникова, 1969.

ные» *халы* и *намазлыки* были очень популярны среди жителей Мавераннахра и Хорасана и являлись неотъемлемым атрибутом ковровых лавочек восточных базаров, расположенных на всем протяжении Шелкового Пути – от Каира до Великой китайской стены. Следует заметить, что средняя Амударья была едва ли не единственным регионом на территории современного Туркменистана, где население традиционно ткало самые разные по форме и размеру изделия, включая не только типичные для центральноазиатской скотоводческой среды *халы*, настенные мешки, попоны, дверные занавеси, но и огромные по размеру *сарай килемы* – «дворцовые ковры», и классические мусульманские ворсовые молитвенные коврики с арочной композицией (рис. 12).

Рисунок 12. Молитвенный ковер *намазлык* с мотивом *гоч шахы* – «рога горного барана» - в верхней части арки. Чарджоуская группа, XVIII в. (Коллекция РЭМ. Воспроизводится по: Tsaeva, 1990, pl.17)

Именно к категории неплеменных, товарных относятся и амударьинские ковры с тотемными изображениями. Необычность рисунков таких *халы* и *намазлыков*, в сочетании с обаятельностью художественного облика, неизбежно привлекали внимание исследователей туркменского искусства, начиная с XIX в. Однако никогда их не описывали как цельную группу, как и не было попыток объяснить причины распространенности анималистических сюжетов в декоре ворсовых изделий именно этого региона (Басилов, 1963; Васильева, 1989; а также Демидов, 1963, с. 119-134). Задачей данной статьи является фиксация явления и попытка найти ему некоторые объяснения.

Для начала поясним в чем, собственно, состоят отличия между племенными и неплеменными коврами с тотемными рисунками. Наиболее очевидное визуальное различие составляют цветовая гамма и орнаментальный стиль. Так, для племенных ковров характерны темные тона и геометризованные рисунки, в то время как для амударьинских «городских» – светлые, яркие расцветки, зачастую с белым фоном центрального поля; в их композициях доминируют растительные, анималистические и «икатные» мотивы, резко выделяющие изделия населения средней Амударьи из массы ворсовой продукции народов Средней Азии (ср., например, изображения лягушек на рис. 7 и 13).

Рисунок 13. Настенный мешок *чувал* с мотивом «лягушки-и-волны» в центральном поле. Средняя Амударья, керкинская группа, XIX в. (воспроизводится по: Uwe, 1989, pl. 262).

Формы изделий обеих групп также имеют специфические особенности: «городские» постилочные ковры, вне зависимости от размеров (а они могут достигать 20 м и более в длину) имеют удлинённую форму, в то время как племенные тяготеют к квадрату. Отличия касаются и степени распространенности сюжетов с тотемными изображениями: в коврах кочевников их не более 1—2% (за исключением *гёлей*), в то время как у оседлого населения Средней Амударьи процент изделий с растительными и анималистическими рисунками достигает 20—25%. Сами эти сюжеты являются основными, доминирующими на поле, а не дополнительными, второстепенными, как в племенных коврах. При всем этом манера исполнения рисунков городских изделий жестко канонична, что позволяет легко узна-

вать раз идентифицированные существа в любых композициях и вариантах.

Самых тотемных сюжетов в ковровых рисунках достаточно много, во всяком случае, не менее пятнадцати. Некоторые из них определяются весьма условно. К таковым в первую очередь относятся многочисленные изображения растений, называемых местным населением общим термином *келле*, вне зависимости от размеров и сложности сюжета.

Рисунок 14. Мотив чарх палак на керамическом сосуде. Южный Туркменистан, период энеолита (воспроизводится по: Turkmenistan, 1996, p. 34, B).

Гораздо точнее изображены змеи, птицы, черепахи, а также скорпионы, паукообразные и насекомые, которых я обобщенно называю «жуками». По принципу «часть как целое» опознается сюжет горного барана *кийик*, обозначенного закрученными рогами (рис. 12) и рыбы *сёген-балык*, знаком которой является изображение хребта *онурга* (рис. 10).

Рисунок 15. Деталь настенного мешка *чувал* с мотивом *чарх палак*. Туркмены-сарыки, XIX в. (Коллекция РЭМ)

Возникает закономерный вопрос: откуда появились на амударьинских коврах названные изображения и почему их так много именно на изделиях данного региона, с его городским/кишлачным бытом, развитым ремесленным производством и вовлеченностью

в торговую и культуртрегерскую деятельность Великого Шелкового Пути.

Поиски ответов на поставленные вопросы неизбежно привели, во-первых, к желанию проследить эволюцию тотемных образов в изобразительном искусстве Туркменистана. А, во-вторых, – к попытке выявления тех локальных особенностей в культурной и духовной жизни населения Амударьи, которые, видимо, и создали почву для развития данного направления в ковровой орнаментике региона.

Начнем с первого, а именно – проследим механизм сложения и развития орнаментальных сюжетов у древнего населения Туркменистана и выявим моменты появления изображений и характер местных тотемов. Отправной точкой в этих изысканиях становится для нас керамика и глиптика.

Первыми по времени известными нам декорированными артефактами на рассматриваемой территории являются расписные керамические сосуды из южнотуркменских поселений периода энеолита, датируемые VI-III тыс. до н.э. Орнаменты на южнотуркменской керамике периода энеолита долгое время носили абстрактный геометрический характер, проходя в своем развитии путь от копирования и повтора единичного мотива к симметрии и комбинаторике, от единичности к дуальности и триаде, появлению космогонической и магической символики. Рисунки тотемного характера (кроме *келле* и *кийик*) появляются даже позже, чем, например, такие сложные космогонические построения как «колесо вселенной» *чарх палак* (рис. 14 и 15) или восьмиконечная звезда. Это, по всей видимости, связано с определенными этапами в развитии мировоззренческо-мифологических представлений у человека древности, одним из которых был период запрета на изображение / название некоторых понятий.

«Выход» тотемов из категории запретных для изображения феноменов маркирует, насколько мы можем судить, процесс формирования нового класса обожествляемых существ. При этом древние тотемы становятся родовыми или даже индивидуальными символами - защитниками, а позднее – и знаками родовой либо семейной принад-

лежности, своего рода «фамильными подписями». К последним, видимо, следует относить антропоморфные и зооморфные изображения на печатях III-II тыс. до н. э., то есть того времени, когда керамика становится безузорной и изобразительные сюжеты переходят на металл, резной камень и другие художественные изделия.

Множественные образцы глиптики и металлических предметов с тотемной тематикой были обнаружены при раскопках поселений древней Маргианы и Бактрианы (Сарианиди, 1976, 1986), и именно они яв-

Рисунок 16. Керамический сосуд с мотивом меандра «ручей-между-гор». Южный Туркменистан, период энеолита (воспроизводится по: Saparmyrat Turkmenbasy adyndakly, 2001, S. 14)

ляются следующим за керамикой важнейшим источником по рассматриваемой теме. Длительность и непрерывность изобразительной традиции в искусстве Южного Туркменистана позволяет воссоздать панораму сложения и развития всех его этапов, в том числе того изобразительного геометрического стиля, который был назван археологами «ковровым» (Сарианиди, 1967, с. 81-93), который составил суть орнаментального строя туркменского народного искусства, включая ковроделие.

Рассмотрим эволюцию одного из таких сюжетов. Самые ранние выявленные археологами на керамике рисунки представляют собой робкие попытки копирования образов окружающего мира (Массон, 1971, табл. XXXIX, XXX). Наиболее распространенным из них была «струйчатая» (Сарианиди, 1967, с. 11) волна-зигзаг, повторяющая очертания водных и барханных волн, но также и след змеи на песке, рыбы в воде. Позднее, с распространением геоксюрского стиля, этот простейший, но столь значимый

знак трансформировался в определенный вариант меандра, обозначающего реку либо ручей, бегущий между пирамидок, предположительно, изображающих горы (рис. 16) (Сарианиди, 1967, с. 71-73).¹²

В ковровых композициях практически идентичный по виду меандр присутствует в декоре узких койм ряда амударьинских ковров XVIII-XIX вв. (рис. 17). Если на керамике меандр «горы-река» окаймляет тулово и устье сосуда, то в ковровой композиции он замыкает орнаментируемую поверхность ковра, представляя собой вариант «мирового океана» (центральное поле – наш мир, наша долина; кайма – окружающие ее горы и реки). При всей кажущейся невероятности, сходство обоих меандров следует признать скорее типичным, чем уникальным, поскольку важнейшей особенностью традиционной орнаментики можно считать как раз феномен ее невероятной стабильности. Раз наработанные социумом символы остаются в создаваемом им «словаре изображений» практически навсегда: сюжеты могут трансформироваться, сливаться в синкретичные образы, но никогда не исчезают бесследно. Именно поэтому сегодня мы можем выстроить интересующие нас мотивы по «шкале времени» и проследить их эволюцию от момента появления (керамика периода энеолита) и до нашего времени (ковры XVII-XX вв.).

Рисунок 17. Деталь ковра с мотивом меандра «ручей между гор» в кайме. Чарджоуская группа, XVIII в. (коллекция РЭМ, воспроизводится по: Tsareva, 1993, ill. 9).

¹² Иногда на горках (или между ними) «растут» деревья и «скачут» козлики, что дает дополнительные основания для предложенной интерпретации данного сюжета.

Что касается мотива зигзага, он развивался одновременно и в другом направлении, трансформируясь в образ змеи. Четкие фигуры змей появились гораздо позже, чем меандр, уже в бронзовом веке: их наносили на керамику краской либо наклепом; причем значимость изображения подчеркивалась его использованием как атрибута votивных предметов (жертвенники, жезлы и др.) (рис. 18) (см., например, Хлопин, 2002, табл. 53, 56). В амударьинских коврах змеи (именно змеи, а не драконы) активно используются в композиции, которую можно условно назвать «змеиный пруд», поскольку последняя представляет изображения десятков змей, плывущих по синему фону между мелкими цветками и большими красными точками (рис. 19).

Рисунок 18. Керамический жертвенник с мотивом змеи. Юго-Западный Туркменистан, эпоха бронзы (воспроизводится по: Хлопин, 2002, табл. 29, 2).

Мы вернемся к образу змеи ниже, а сейчас рассмотрим выявленные нами тотемные символы, начиная с самых ранних. Первыми известными по южнотуркменской керамике изображениями духов-предков предстают какие-то деревянистые растения, появляющиеся на ранних джейтунских росписях,¹³ и горный бараны (рис. 20), затем – гепарды и водоплавающие птицы, предпо-

¹³ Можно предположить, что стилизованный вариант изображений такого рода составлял, вместе с локонами-змеями, прическу женских божеств эпохи бронзы и, возможно, трансформировался позднее в головной убор божеств плодородия, ассоциируемых с образом Анахиты у иранского населения Средней Азии, Ближнего Востока и циркумпонтийской зоны. В наиболее архаичном виде такого рода головные уборы сохранились в наборе свадебного головного убора хорезмиек (Сазонова, 1970); возможно, такого же происхождения и бухарские височные украшения в виде коробочек с локонами.

жительно утки (рис. 21). Скорее всего, растений могло быть несколько. Самым ранним из них мог быть тростник, сыгравший поистине жизнеопределяющую роль в истории развития человеческой цивилизации.

Эта роль, в какой-то степени, зафиксирована практикой использования стеблей тростника как атрибута религиозных ритуалов, например, для изготовления циновок для покрытия пола храмов и кумирен, примером чему служат находки в помещении протозороастрийского святилища на Гонуре (Сарианиди, 2002). Священный знак тростника вошел в рунический алфавит Старшего Фугарка как руна защиты *альгиз* (см., например, Платов, 2001, с. 106). Именно в форме данной руны символ тростника-защиты встречается, в виде единичных фигур, на коврах практически всех туркменских групп, хотя и интерпретируется населением в позднейшее время как «лапа гуся» – *газ аяк* (рис. 22).

Рисунок 19. Фрагмент постилочного ковра с мотивом «змеи» на центральном поле и «черепахой» на внутренней кайме. Чарджоуская группа, XVI(?) в. (воспроизводится по: Pinner, Eiland, 1999, pl. 72).

Можно предположить, что древнейшие изображения растений-тотемов могли развиваться не только в сторону упрощения, но и в сторону усложнения. Тогда именно они стали основой сложных многочастных вертикальных сюжетов, называемых туркменами *келле* и часто воспринимаемых европейскими исследователями как *Древо Жизни*.

Подобные мотивы на туркменских коврах и вышивках, однако, столь многочисленны, разнообразны и мало изучены,

что их идентификация и интерпретация требуют отдельного серьезного исследования. В силу данного обстоятельства сюжет *келле* в статье не рассматривается, наши изыскания посвящены главным образом изображениям анималистического характера.

Рисунок 20. Мотив «дерево/тростник» и *кийик* на керамическом сосуде. Южный Туркменистан, III-II тыс. до н.э. (публикуется по: Национальный музей, 2001, с.14)

Первыми легко узнаваемыми животными-тотемами в керамике Южного Туркменистана являются уже называвшиеся ранее стилизованные фигуры горных баранов *кийик* и рыб *сёген-балык* (в виде рыбьего хребта), изображения которых мы изредка обнаруживаем на сосудах периода энеолита.

Нужно отметить, что *кийик* и поныне является глубоко почитаемым среди туркмен животным-тотемом, предположительно обладающим мощными защитными свойствами (Басилов, 1963, с. 135-141). Отсюда практика использования шкуры горного барана, особенно белого цвета, в качестве молитвенного ковра, а также традиция помещения рогов *кийика* на крыше дома для защиты от сглаза его обитателей, сада и приусадебного участка. Эти свойства рогов, по поверьям, переходят и на изготовленные из них предметы, а также на изображения как самих баранов, так и их рогов *гоч шахы*.

Ясные, однозначно трактуемые изображения *кийиков* крайне редки в туркменских коврах, во всяком случае, мне удалось выделить их лишь в определенных частях композиций сарыкских дверных занавесей *энси*. В других вариантах этот древний тотем обозначается как целое через часть, а именно, в композицию ковров включаются

только изображения закрученных книзу рогов *гоч шахы*. Так, этот мотив увенчивает арку – основной элемент центрального поля молитвенных ковров, и находится именно на том месте, которого касается молящийся во время *намаза*.

Рисунок 21. Мотив «гепарды и уточки» на керамическом сосуде. Южный Туркменистан, поздний энеолит. (воспроизводится по: Turkmenistan..., p. 34 B).

Предположительно, наиболее архаичным вариантом декора *джой намаза* является композиция, представленная на т.н. дудинском *намазлыке* из коллекции Российского этнографического музея, Санкт-Петербург (рис. 16). Его отличают не только светлый тон центрального поля (намек на шкуру белого цвета) и мотив *гоч шахы*, но также использование в качестве фонового рисунка изображений листьев горного платана – еще одного древнейшего тотема у древнеземледельческого населения Южного Туркменистана (Басилов, 1963, с. 145).

Рисунок 22. Деталь настенного мешка *чувал* с мотивом *газ аяк*. Туркмены. (Публикуется по: Pinner, Eiland, 1999, pl. 40).

Вариантов орнаментации *намазлыков* очень много, но все они имеют общие черты в композиции и характере декора, а именно: структурообразующим элементом центрального поля является арка с фигурой

гоч шахы. Фон поля имеет белый цвет и заполнен повторяющимися растительными сюжетами (побеги с листьями, гранатовые деревья, ряды *келле* и др.).

Несомненно, что среди всего разнообразия ворсовой продукции амударьинской долины *джой намазы* являются самой яркой «неплеменной» группой. При этом композиции с арками столь своеобразны, а их рисунки столь устойчивы, что можно, видимо, говорить о них как о самостоятельной линии центрально-азиатского ковроделия, сформировавшейся под несомненным влиянием искусства периода эллинизма и развившейся в русле местных традиций и символики.

Тотемические представления тесно связаны с мифологическими идеями наших далеких предков. И если есть верхние, горные, связанные с солнечным светом существа (*кийик*), то должны быть и нижние, хтонические, соотносимые с подземным или подводным миром, луной. Во всех ранних культурах к последним относятся змеи, черепахи, рыбы. Причем у туркмен главным рыбным тотемом был лосось – *сёген-балык* (Демидов, 1963, с. 119-134). Намек на раннюю мифологизацию духов именно горного барана и рыбы-лосося сохранился в древнейших верованиях туркмен, которые говорят, что «рыба и горный баран *кийик* были созданы богом сразу после человека» (Демидов, 1963, с. 128).

Рисунок 23. Фрагмент свадебной попоны с мотивом *дарваза*. Туркмены-салоры, XVIII в. (коллекция РЭМ; воспроизводится по: Tsareva, Bogolubov, 1996, pl. 150).

Разные, если можно так сказать, уровни восприятия обожествляемых сущностей порождают и разные уровни обращения к

ним, включая такой аспект, как бытовая магия. Обязательным действием в магических взаимоотношениях с тотемными существами было приобщение к их благодати через интихиуму. Ритуальный характер такой практики зафиксирован традицией, при которой поймавший лосося или убивший горного барана член социума был обязан поделиться добычей с односельчанами. При этом считалось обязательным ежегодное для каждого члена общины участие в такой трапезе, потому что тот, кто поел мяса *кийика* или *сёген-балыка* хотя бы раз в году, «очистился от всех грехов за год» (Демидов, 1963, с. 128).

Магические свойства тотемных животных, по представлениям туркмен, распространялись на все части их тел. У *кийика* эти функции сохраняли рога и шкура, у рыбы – хребет *онурга*. Считалось, что если во время трапезы положить рыбы кости на *кошму*, то сон на этом войлоке будет спокойным. С той же целью можно было использовать не реальное животное, но его образ, знак. Отсюда – изображение рыбьего хребта на ворсовых коврах с *онурга-гэль* (рис. 10) и *торбах* с аналогичными зубчатыми фигурами в верхней части центрального поля (см., например, Tsareva, 1985, fig. 21, 22). Характерно, что *онурга-гэль онурга-гэль* был распространен среди тех групп туркмен, которые были связаны, хотя бы в прошлом, с рыболовством. Торбы же с мотивом *балык* изготавливались только амударьинским населением Туркменистана, в первую очередь жителями района Чаршангу.

Число ворсовых ковров со знаком рыбы было очень небольшим, причем оно сокращалось в течение XVIII-XIX вв. К началу XX в. практика изготовления *халы* с *онурга-гёлем* сохранились практически только у населения южной части долины Средней Амударьи, включая прилегающую территорию Афганистана. Очень ограниченным было и количество ковров с рисунком *гоч шахы*. Практически мы можем говорить только о «навершиях» мотива *кеджебе* в ранних вариантах композиции *дарваза* (рис. 23), и об использовании этого мотива, опять же как навершия, в *намазлыках* с арочной композицией. Несомнен-

но, что последние были традиционно востребованы только благодаря тому, что ковры с арочным сюжетом являлись необходимым атрибутом ритуала *намаза* – мусульманской молитвы, и активно производились для продажи в исламские страны.

Что касается упоминавшихся выше гепардов, то среди ковровых рисунков они на сегодняшний день не идентифицируются. Можно, конечно, предположить, что некоторые из популярных в туркменской ковровой орнаментике Н-образных фигур могут быть упрощенными изображениями гепардов, но столь же вероятно, что это могут быть изображения других четвероногих животных, манера передачи которых сделала их неотличимыми друг от друга. Следуя определениям ковровщиц, в литературе такие фигуры часто называют собаками и лошадьми. В таком случае, очевидно, что туркмены вводили в свои *гёли*-гербы и другие, нетотемные анималистические фигуры, поскольку у древнего населения Туркменистана тотемами были преимущественно, либо даже только, дикие животные и растения. И хотя одомашненные животные и птицы были также весьма популярным сюжетом, в ранний период их изображения включали, как правило, в сцены охоты и, предположительно, в композиции мифологического характера (Сарианиди, 1967).

Помимо уже рассмотренных мотивов *кийик* и *балык*, другими часто встречающимися анималистическими сюжетами на коврах амударьинской группы являются черепахи, крабы, змеи, различные птицы, жуки и пауки, являвшиеся «коренными» обитателями региона и знакомые каждому жителю Закаспия в целом и долины Амударьи в частности. Некоторые тотемы, например, змеи или крабы, определяются легко; черепахи и гуси – несколько сложнее, но все изображающие этих животных ковровые рисунки сохранили не только узнаваемый облик, но и адекватные изображаемому объекту названия мотивов:

*ак газ*¹⁴, *газ аяк*, *гурбака*; *пышбага*, *йылан*, *тавус*, *товук нусга*¹⁵; *сары ичян*, *кыркааяк*.

Как уже было сказано выше, изображения этих животных, в отличие от горного барана и рыбы, на энеолитической керамике не встречаются. Однако мы находим их в больших количествах на памятниках изобразительного искусства следующего периода – эпохи бронзы, где они представлены в форме основного сюжета резных и литых печатей и разного рода бляшек.¹⁶

География изображений тотемных животных такова, что позволяет проследить их продвижение, вместе с носителями, с западных территорий на восток: от южнотуркменских поселений периода энеолита к старым дельтам Теджена и Мургаба эпохи бронзы и позднее (уже в эллинистический период) на среднюю Амударью. В древности эта долина была не слишком пригодна

¹⁴ Перевод терминов см.: глоссарий в конце данной статьи.

¹⁵ Название применяется для обозначения восьмиугольного гёля с парами зооморфных двугловых либо Н-образных фигур в каждой четверти гёля. Представляется, однако, что в данном случае термин *товук* является искаженным *тавак* – «блюдо». Основаниями для подобного заключения являются два наблюдения. Первое, форма гёля близка к окружности и аналогична изображениям луны и солнца на среднеазиатских, в том числе и амударьинских коврах. Второе: нам известны множественные изображения птиц в туркменских коврах и ни одно из них не имеет даже отдаленного сходства с Н-образными фигурами в *таук-нуска гёлях*, по облику и манере передачи последние гораздо ближе к изображениям четвероногих животных. Кроме того, аналогичные по форме киргизские гёлевидные композиции называются *потнос* («поднос»), арабские – *тавакча* («чашка, тарелка»), нура-тинские, узбекские (читай – туркменские) – *каса-калкан* (чаша-щит). Учитывая сохранение в туркменской ковровой терминологии множественных иранских по происхождению названий, можно предположить, что *таук нуска* является измененным *тавак нуска* и должно переводиться как «круглый узор», «узор-чаша».

¹⁶ Большое число памятников такого рода опубликовано в работах В.И. Сарианиди (1967, 1976, 1986, 2002).

для активного освоения, поскольку русло реки лежало глубоко, а у древних земледельцев и скотоводов вплоть до кушанского времени, а фактически до VI—VII вв., не было таких приспособлений для поднятия воды, которые позволили бы создать сколько-нибудь жизнеобеспечивающую систему орошения (Пенджи́ев, 1977, с. 18-19).

Рисунок 24. Деталь безворсового ковра с мотивом «черепахи» *пейшеги*. Иомудская(?) группа, XIX в. (воспроизводится по: Uwe, 1989, fig. 125).

Более-менее многочисленные поселения на берегах Вахша-Джейхуна-Окса-Амударьи появляются не ранее V-IV вв. до н.э. Это были небольшие города и крепости, обслуживавшие переправы через огромную бурную реку, и дававшие приют караванам Великого шелкового пути. В городках подобного типа часть населения была занята торговлей и обслуживанием переправы, но при этом оставалось достаточно много незанятых рабочих рук, в том числе и женских. Логично, что они были в большей или меньшей степени вовлечены в ремесленные производства, в том числе и ткачество. Последнее подтверждается археологическими находками на территориях древнего Амуля, Пейкенда, Земма и многих других, более мелких поселений. Среди находок – множественные пряслица, но, что еще более важно, грузила для станков, что доказывает практику использования местным населением вертикального ткацкого станка - исключительно для производства ковров (см., например: Раскопки в Пайкенде..., 2001-2003). Еще одним фактором, способствующим развитию ковроделия, можно считать наличие огромных объемов овечьей, козьей и верблюжьей шерсти, поставляемой окрестными скотоводами, ви-

димо, в обмен на всевозможные городские и земледельческие товары, в том числе, возможно, и на ковры (Мошкова, 1970; König, 1980, p. 275-282; 1981, p. 135-142; а также: Царева, 1984; Tsareva, 1985, p. 14-24, 67-68).

Последние, насколько мы можем судить, отличались уже тогда яркими расцветками и тяготением к изображению пейзажных сцен с животными, главным образом львами и тиграми.¹⁷ Достаточно рано в долине стали культивировать шелк, также использовавшийся ткачами в ворсовом ковроделии, в цветочных композициях в особенности.

Однако, вернемся к изображениям на коврах XVII-XIX вв. Самыми, пожалуй, популярными сюжетами тотемного характера были черепахи и гуси¹⁸ – мы видим сотни таких композиций на амударьинских постилочных коврах и настенных мешках, главным образом чувалах. Манера изображения черепах достаточно канонизирована и легко узнаваема.

Животное представлено в виде близкого к кругу шестиугольника с уступчатым внешним контуром и сетчатым окаймлением кромки, имитирующим рисунок на панцире земноводного (рис. 24). Голова и хвост обозначены одинаковыми по форме удлиненными выступами, что вполне соответствует законам симметризации орнаментизированных (т.е. повторяющихся в композиции) сюжетов. Ласты, как правило, присутствуют, но их число может быть увеличено до восьми – последнее происходит обычно в тех случаях, когда изображение черепахи становится частью каймового обрамления ковра (рис. 19, кайма).

¹⁷ В последнее время было обнаружено (раскопки, находки) и датировано радиоуглеродным методом достаточно большое число ковров сасанидского периода и, предположительно, бактрийского круга. Все они отличаются вполне определенными техническими показателями и в большинстве декорированы сценами борьбы кошачьих хищников, на фоне деревьев и цветов.

¹⁸ Лучшее, с моей точки зрения, изображение черепах с гусями опубликовано: Stuttgarter Kunst-Auktionshaus..., 1996, № 179.

Насколько я знаю, черепахи никогда не используются как индивидуальный образ, но всегда включены в определенные типы построений. Очень популярна композиция из трех черепах, «плывущих» между волнами-зигзагами. Однако наиболее частым является вариант, при котором фигура черепахи чередуется с парой других животных, как правило, крабов или птиц, точнее, гусей. Предположительно, подобные сочетания не случайны, во всяком случае, последняя комбинация может восприниматься как вытканная на ковре история, записанная в сборниках сказок «Тути намэ» и «Калила и Димна», но также в «Гуфхат ал-ахрар» Джамии.¹⁹ А именно: рассказ о чере-

Рисунок 25. Настенный мешок *торба* с мотивом «гуси и крабы» в центральном поле. Средняя Амударья, Керкинская группа, XIX в. (коллекция РЭМ. опубликован: Tsareva, 1985, pl.1).

пахе, которая хотела летать, но не умела. Ее друзья гуси решили помочь и предложили взять ее с собой, положив в клювы концы соломины, середину которой прикусила черепаха (рис. 11). Полет привел черепаху в восторг и она закричала: «Я лечу!» – после чего, конечно, упала на землю. На ряде старинных ковровых изделий эта история изображена с такими подробностями как соломинка, протянутая от гусей к черепахе. Это, собственно, и позволило интерпретировать описанную композицию предложенным образом.

Нужно отметить, что в туркменском ковровом искусстве встречается и другой вариант композиции с черепахами, характер-

ный для особой группы ковров, предположительно, иомудской группы, причем ковры эти могут быть как ворсовыми, так и безворсовыми (рис. 24). Черепахи в них расположены поперечными рядами между полосок воды *ак су*; центральное поле обрамлено каймой *хамтоз* («ступенчатый»). По форме эти *пейшаги*, как мы видим, весьма близки к изображениям на амударьинских коврах, включая ступенчатый контур, хотя имеют еще более геометризованные очертания.

Последнее, несомненно, вызвано тем, что композиция изначально разрабатывалась для ковров, выполненных в килимной технике, в варианте килима с зазорами. Эта манера ткачества имеет определенные технологические ограничения, что заставляет ткача вводить зубчики или ступеньки при передаче изогнутых и вертикальных линий. Считается, что килимное ткачество является самым ранним видом узорной ковровой техники, во всяком случае оно прослеживается на близких к Туркестану территориях уже в VI тыс. до н.э. (Barber, 1991; о вертикальных станках с грузилами VI тыс. до н.э. см. с. 91-113; о вещевых находках III и II тыс. до н.э. – с. 170-171, 352-353).

У нас нет никаких оснований не допускать ее существование в ранний период и в рассматриваемом регионе, а учитывая уникальную стабильность текстильных техник и узоров можно предполагать, что ковры данного типа передают изображение черепахи в том виде (или близко к тому), в каком оно было разработано ткачами древности, по меньшей мере, в период бронзы. Во всяком случае, именно к этому времени относятся известные нам резные бактрийско-маргианские печати с изображениями черепахи. Следует также отметить, что узор обрамляющей каймы на коврах описанного типа является вариантом одного из самых ранних из известных нам южнотуркменских орнаментов «река и горы», и в целом мы видим перед собой не просто старинную, но архаичную ковровую композицию, восходящую своими частями к периоду энеолита.

Общие законы развития орнаментальных сюжетов, то есть повторяющихся и строящихся по принципу зеркальной сим-

¹⁹ Иллюстрацию с этим сюжетом см., например: Дажми. «Гуфхат ал-ахрар». 1570 г. Каллиграф Мир Хусайн ал-Хусайни Мир Куланги. Хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рисунок опубликован в: Миниатюра Мавераннахра, 1980, ил. 34.

метрии форм, ведут к их определенной унификации. Во всяком случае, это верно для тех мотивов, которые близки семантически и, соответственно, по манере передачи. Так произошло с изображениями черепах, гусей и лягушек, то есть ползающих, прыгающих и летающих существ амударьинского бестиария, реальных прототипов которых человек видел либо сверху (черепахи и лягушки), либо снизу, в полете (гуси). Некоторая общность форм этих животных: округлые тела, небольшие головы на длинных шеях спереди и хвосты сзади, крылья либо лапки по бокам туловища – обусловила и общность в передаче образов соответствующих тотемов. Тела их получили вид шестиугольника, точнее, ромба с двумя срезанными углами (бока туловища), а головы и хвосты превратились в одинаковые ромбики на длинных изящных «шеях». Общим для всех трех сюжетов стала также обводка контуров фигур широкой ступенчатой белой линией. «Опознавательными» элементами для изображений названных тотемов стали характерные очертания ласт / крыльев / лапок по бокам туловища, и декорирующие поверхность последних мотивы. Так, ромбовидный контур фигуры черепахи заполнен ячеистым орнаментом, напоминающим рисунок панциря этого земноводного; тело гуся украшено четырех- или восьмилепестковой розеткой, а лягушки – крестом со сдвоенными завитками на концах.

В орнаментальных построениях ковров амударьинской группы наибольшей трансформации подвергся образ черепах: они либо вовсе «теряют» ласты, либо, наоборот, «обрастают» двумя дополнительными парами; панцирь может превратиться в решетку²⁰ либо приобрести вид многолепесткового цветка (рис. 19, кайма). Изображения лягушек в амударьинских коврах менялись меньше: это всегда шестиугольник с лапками-завитками по бокам и крестом на панцире, что подчеркивает хтонический характер

²⁰ Прекрасный образец композиции такого рода представлен на торбе из личного собрания С.М. Дудина. Государственный Эрмитаж, колл. № VT-723.

изображения²¹ (рис.13). Стабильностью отличались и композиции с мотивами *гурбака*, наиболее популярной из которых был вертикальный ряд из трех фигур между волнами-зигзагами.²² Сопоставление «племенных» (рассмотрены ранее, рис. 7) и «неплеменных» (рис. 13) вариантов мотива лягушки показывает, что крест являлся едва ли не самой значимой частью изображения этого тотема, во всяком случае, он всегда присутствует на амударьинских *гурбака*, в то время как в племенных коврах откровенно приобретает вид крестовины.

Если характерным признаком мотива лягушек на амударьинских коврах являются пары завитков, то маркером изображения гусей *ак газ* стали тройные выступы по бокам, обозначающие тройной мах крыльев, хорошо известный каждому, кто когда-либо наблюдал за полетом этих птиц (рис. 11, 25). Помимо *торб* и *чувалов*, композиции с гусями встречаются в декоре ковриков *халиче*, где они являются основным и единственным сюжетом центрального поля. Мотив *ак газ* также используют, хотя и в несколько измененной иконографии, как промежуточный элемент в ранних амударьинских *халы* с *гулли-гёлями* (рис. 8).

Вполне очевидно, что ранние варианты мотива «черепаха с гусями» более точны и узнаваемы, чем поздние. Последние демонстрируют значительное упрощение деталей и утрату правильных пропорций рисунка, так что взятые вне сравнительного ряда они воспринимаются как композиции с кругами и парами цветов на стеблях, либо как решетка с шестиугольными клетками сложных очертаний (см., например, Tsareva, 1985, fig. 17).

Что касается крабов – мы встречаем их изображения, всегда парные, на коврах с гусями (рис. 25), хотя иногда и как самостоя-

²¹ Я подчеркнуто не называю эти завитки рогами, поскольку в основе фигуры лежит сложный космогонический образ, составленный двумя парами змей с симметрично загнутыми головами и хвостами.

²² Я не оговорила, написав вертикальный, поскольку все известные мне изделия с таким сюжетом являются *чувалами*, то есть настенными мешками для хранения одежды.

тельный сюжет. Наиболее часто крабы использованы в декоре небольших постилочных ковров чаршангинской группы, напоминающих по виду *энси*, хотя в более ранний период аналогичный мотив часто украшал и настенные мешки *торбы* (Tsareva, 1985, fig. 1). У нас нет сведений, что крабы были тотемами у древнего населения территории Туркменистана, как нет и ранних изображений этих жителей вод, однако в коврах они соседствуют с черепахами, а фигуры их столь выразительны и обаятельны, что невозможно было не упомянуть их в данной статье. Следует также отметить, что композиция с гусями и крабами была очень популярна среди мавэранный ковров-*джульхырс*, которые В.Г. Мошкова считала представителями самой архаичной ворсовой техники Средней Азии (Мошкова, 1951, с. 27-32; Tsareva, 2003, p. 223-227, fig. 39).

В отличие от крабов, змеи *йылан* – еще одни активные «обитатели» амударьинских ковров – описаны в литературе как древнейшие и важнейшие тотемы предков туркменского народа, не утратившие своей значимости и по настоящее время. Тематика и объем статьи не позволяют рассматривать мифологические представления человека о змее или вопрос соотношения образа змеи и дракона – по этой проблеме, адекватно ее значимости, написана огромная по объему литература. В частности, на «западно-туркестанской почве» образ змеи как мифологического существа рассматривался в одной из глав труда С.П. Толстого «Древний Хорезм» (1948), в исследованиях и публикациях находок В.И. Сарияниди (1976, с. 85-88; 2002 с. 265-273 и др.). Нас интересуют представления туркмен о змее как о тотеме и именно, если можно так сказать, магико-бытовой аспект ее взаимоотношений с человеком. Этим вопросам были посвящены сравнительно немногочисленные статьи, важнейшими из которых являются работы Г.А. Пугаченковой (1956, с. 125-129; 1959, с. 48-49), С.М. Демидова (1995 с. 30-41; 1996, с. 61-68) и Г.П. Васильевой (1989, с. 173).

Изображения змеи, как уже было сказано выше, появляются в эпоху бронзы на керамике и печатях, где они выполняют, по мнению исследователей, функцию защиты

(Сарияниди, 2002, с. 265-273). Этой же ролью объясняется и присутствие змеи на амударьинских *халы*. Так, С.М. Демидов пишет: «Считалось, что изображенные фигуры [змей] оберегают тех, кто на нем [ковре] отдыхает, от соответствующих представителей животного мира. ...Помимо магически-утилитарного значения, они как-то отражают и более древнее уважительное отношение к змее, раз человек обращался к ней как к защитнице, вступая, хоть и таким образом, в тесный контакт с нею» (Демидов, 1995, с. 35). Следует, видимо, добавить, что изображения змей встречаются и на таких сакрально значимых предметах, как войлочные *намазлыки* (Демидов, 1995, с. 35, рис. 4), что позволяет включать их в соответствующий ряд тотемных предметов, протягивающийся в современность из глубокой древности и прочно связываемый с образом текущей воды (река, дождь), но также священного напитка и оплодотворяющей силы в символике аграрных культов периода бронзы (см., например: Сарияниди, 2002, с. 177, 180).

В коврах и ковровых изделиях средней Амударьи сюжет змеи был очень распространен и использовался в декоре весьма разных по назначению изделий: от больших постилочных *халы* до настенных мешков *торба*, – но более всего в небольших постилочных *халиче*, если можно так сказать, индивидуального пользования (есть предположение, что они использовались как свадебные) и предметах, которые я атрибутирую как свадебные попоны: они аналогичны по форме *торбам*, но гораздо больше их по размеру и, как правило, не имеют задней стенки.

Самые ранние варианты композиций со змеями представляют этих рептилий «плывущими» плотными рядами по сине-голубому полю ковра, цвет которого, видимо, маркирует воду реки (рис. 19). Синий фон усеян красными точками²³ и другими мелкими мотивами, связанными с культом плодородия; до-

²³ Красные точки являются одним из самых ранних сюжетов, появляющихся на керамике Джейтуна. Их ассоциируют с каплями крови либо воды – в любом случае, они являются знаком жизни, ее плодоносящего начала.

минирующими среди них являются *буге* и треугольники с рожками и отходящими вниз «струйками» (измененный древний образ тучи-горы с проливающимся дождем) (публикуется по: Pinner, Eiland., 1999, pl. 72).

В отличие от черепах, которых мы часто встречаем в каймовых орнаментах, изображения змей используются только в декоре центрального поля, что, возможно, говорит об их не столько охранной, сколько культово-магической функции. Во всех известных мне случаях охранную (скорпионы, жуки) либо аграрную (*буге*, *келле*) символику несут как раз обрамляющие коймы, вне зависимости от возраста ковра и иконографии образа самих змей.

Активные изменения в манере изображения мотива *йылан* происходили в конце XIX – начале XX в. и в общих для всего искусства ковроделия направлениях: упрощение рисунка и композиции, ее схематизация, с одной стороны, и введение сюжета змеи в декор больших постилочных ковров с медальонами *ай*, с другой. Следует также отметить утрату фигурой *йылан* зооморфной формы и придание ей растительного характера, соотносящегося, как правило, с тюльпаном. При этом представления ткачих о сути сюжета не изменились и, вне зависимости от внешнего вида мотива, женщины однозначно называли его змеей (полевые исследования автора).

Еще одна хорошо узнаваемая на коврах средней Амударьи категория «живых» существ включает в себя разного рода жуков, скорпионов и прочих ползающих членистоногих созданий. Скорпион *ичян* легко идентифицируется, поскольку имеет зубчатое тельце с загнутым хвостом характерных очертаний (рис. 2). Он никогда не является самостоятельным мотивом, а используется в каймовых построениях, где чередуется с большими розетками с фестончатыми очертаниями (видимо, зооморфного происхождения). Представляется маловероятным, чтобы скорпионы входили в категорию тотемов – это подтверждается и их второстепенным местом на поверхности ковра. *Ичян* упомянуты нами в общем ряду мотивов зооморфного характера и как яркий образец сюжетов охранного значения, выпол-

няющих роль отпугивающих существ: «Считалось, что изображенные фигуры оберегают тех, кто на них отдыхает, от соответствующих представителей животного мира (скорпионы, многоножки в кайме)» (Демидов, 1995, с. 35).

Рисунок 26. Деталь ковра с мотивом «жуков» в центральном поле. Средняя Амударья, чарджоуская группа, XIX в. (частная коллекция).

С другой стороны, противопоставление манеры использования мотивов скорпионов, являющихся частью каймовых построений, и «жуков», которые встречаются только как главный элемент центрального поля, позволяет предположить значимость вторых в туркменском бестиарии. Не будет, видимо, ошибкой предположить, что «жуки» являлись тотемными существами, и вполне вероятно, что разница в их иконографии (количество ножек, отличия в форме усиков, «лохматость» одних и гладкие контуры у других и пр.) отражает и разницу в реальных прототипах: собственно жуки, пауки, возможно, пчелы. Последнее предположение основано на том наблюдении, что «жуки» всегда введены в прямые клетчатые композиции, которые трактуются как упорядоченные, рукотворные (боготворные) структуры, такие как вспаханное поле, поселение, космос, наконец. В мире насекомых нет ничего более упорядоченного чем пчелиный улей, отсюда, возможно, и архетипичная композиция, приспособленная позднее к изображениям и других членистоногих созданий.

Следует подчеркнуть, что наиболее ранние ковры с «жуками» (XVIII – середина XIX в.) представляют собой в большинстве небольшие по размеру постилочные *хали* удлиненной формы, выполненные в светлой, яркой бело-красно-бирюзовой гамме. Чередующиеся по цвету в шахматном по-

рядке клетки центрального поля заполнены мотивом «жука»; набор койм скромнен: широкая украшена «черепашками» либо другими стилизованными зооморфными мотивами узкие – зигзагом с разноцветными треугольниками (рис. 26). Простота и повторяемость сюжета легко компенсируются нарядностью расцветки и живостью изображений, что делает такие ковры заметным явлением в мире восточного ковроделия, а присущая им художественная и технологическая манера, характерная для старинных изделий чарджевской (амульской) группы, позволяет рассматривать данную группу как один из архетипов ворсовой продукции средней Амударьи в целом.

Рисунок 27. Деталь надверника *халык* свадебной палатки *кеджебе*. «Халык с сенмурвом». Туркмены (коллекция Национального музея Туркменистана).

Последняя из рассматриваемых в данной статье категория зооморфных изображений на коврах амударьинской группы включает в себя различных птиц: как хищных, так и водоплавающих и одомашненных куриных. Судя по дошедшим до нас археологическим памятникам, разные виды птиц вошли в круг жизненно важных объектов древнего населения Туркменистана в разное время. Первым появляется на керамике мотив диких водоплавающих птиц: уток либо гусей, точнее определить невозможно. Птицы представлены контурной закрашенной фигурой, в положении «в профиль» (рис. 21), и такая манера изображения очень далека от той, которую мы видели на коврах, рисующих гусей «в полете», причем в такой проекции, как если бы мы смотрим на них снизу (или сверху) (рис. 8, 11, 25). Мы не знаем, когда появилась такая манера передачи образов летящих птиц, хотя в целом прием изображения предметов в проекции «вид сверху» прослеживается по меньшей мере с периода

бронзы, как фиксируют, например, петроглифы с колесницами, быками/конями и возничими.

Контурные профильные фигуры, однако, более характерны для искусства древности, и эта манера изображения животных и птиц также хорошо представлена в ковровой орнаментике туркмен, например, на асмалдыках с дрофами (рис. 1) и в образе мифологической птицы Сенмурв, наиболее архаичный вариант изображения которой мы находим на *халыке* из коллекций Национального музея Туркменистана (рис. 27).

Есть основания считать, что некоторые из включенных в гёли парных «двуглавых» фигур также изображают птиц, во всяком случае, те, у которых одна из «голов» короче другой. Археологические материалы позволяют проследить развитие иконографии такого рода существ от вполне реалистичных хвостатых птиц семейства куриных, конец крыла (либо хохолок) которых постепенно трансформируется в завиток (позднее средневековье)²⁴, причем последний в конце концов принимает аналогичную голове форму, а само изображение становится практически неотличимым от других Н-образных фигур, занимающих сходные места в композиции разного вида *гёлей* и, видимо, выполняющих в них аналогичные функции геральдического характера.

Еще более видоизмененным предстает изображение павлина (петуха?) *таvus* (рис. 28), являющегося составной частью одноименного каймового орнамента. Он представляет собой птицу в положении «анфас», с широко распахнутыми крыльями и повернутой в профиль головой с большим зубчатым гребнем. Собственно, мотив был идентифицирован именно благодаря сохраненному ковровщицами названию *таvus*, поскольку свойственное ковровому орнаменту тяготение к унификации сходных по архитектонике изображений привело к сближению очертаний *таvus* с формой одного из амударьинских вариантов мотива *хамтоз*.

²⁴ См., например, изображения птиц на южно-хорезмийской керамике X – начала XI вв. (Вишневская, 2001, рис. 23-25)

Рисунок 28. Свадебная попона «асмалдык с дрофами». Туркмены-теке, XVIII в. (коллекция РЭМ; воспроизводится по: Tsareva, 1990, fig. 11b).

Предположительно, курица была одним из первых – если не первым -- из животных/птиц, которые были одомашнены создателями ближневосточной культурной провинции, в том числе и обитателями ее северо-восточных окраин; в связи с этим трудно переоценить роль семейства куриных для развития человеческой культуры. Стала ли при этом курица тотемом – не известно, во всяком случае, мне такую информацию найти не удалось, однако образ петуха с могучим гребнем и распушенными крыльями прочно вошел в орнаментальный запас туркменского ковроделия.

И, наконец, хищные птицы, изображения которых стали неотъемлемой частью геральдической символики в период военной демократии, причем самым ярким зрительным воплощением военно-племенной идеи на туркменской почве являются ковровые медальоны *гэль*.

Рисунок 29. Бронзовая печать с изображением орла. Маргиана, период бронзы (воспроизводится по: Turkmenistan..., p. 57).

На территории Туркмении многочисленные изображения орлов найдены в глиптике бактрийско-маргианского круга, развивавшейся под активным воздействием культуры Месопотамии, в искусстве которой образ орла появляется в сузианской и затем в шумерской культуре, где он является божеством бури, превращенным Нинуртой в эм-

блему своей власти.²⁵ Наиболее часто образ орлов, в том числе двуглавых (рис. 29) и особенно – орлов, побеждающих змей, встречается на печатях, которые, видимо, служат не просто личными знаками, но маркерами высокого социального положения их владельцев в обществе. Во всяком случае, древний иранский эпос «Шахнамэ» упоминает знамя древнего Ирана с изображением орла, трактуемого как символ мощи и побед Персии. В этом смысле орла можно сравнить со львом: как лев – царь зверей, так и орел – властитель птиц, символ Солнца, высшей власти и воспарения духа.

Вне зависимости от контекста и характера изображения, ранняя иконография образа орла представляет нам эту птицу анфас, с распахнутыми крыльями, повернутой в сторону головой и распушенным хвостом (рис. 25). Двуглавый орел появляется также уже на бактрийских печатях (см., например, Сарияниди, 2002, с. 303). И именно такой образ послужил основой сельджукского герба и стал традиционным для туркменской ковровой орнаментики.

Рисунок 30. Арабачинский асмалдык с мотивом орлов на центральном поле (коллекция РЭМ; воспроизводится по: Tsareva, 1993, fig. 3).

Наиболее яркие, знаковые изображения орлов – либо других птиц семейства соколиных – представлены на арабачин-

²⁵ Наиболее близка к маргианской иконография орлов с сузианской керамики XXIX - XIX вв. до н.э. (Станкевич, 1978, рис. 5, 111,1); шумерские памятники представляют главным образом скульптурные изображения орлов с львиными головами (Caubet, Pouyssegur, 1997, p. 168, 184).

ском *асмалдыке* из коллекции А.А. Боголюбова (рис. 30), на *элемях* салорских (рис. 5) и чоудорских *энси*, на ранних гокленских и арабачинских *иоламах*. Примечательно, что все названные типы изделий имеют ритуальное значение, и изображенные на них птицы, несомненно, являются знаками гербового характера и символами высокого статуса семьи-изготовителя. Что касается географии образа орла, можно отметить, что все названные племена: арабачи, чоудоры, салоры – либо проживали на средней Амударье в исторически обозримый период, либо периодически появлялись в Чарджоуском оазисе и в южной части Хивинского. Это касается не только, скажем, арабачинцев, кланы которых компактно поселились в окрестностях Чарджоу, но также и салоров, отдельные группы которых появилась на средней Амударье еще в IX в., а с XVII в. племя сплошь заняло всю территорию к северу от Чарджоу.

Помимо названного, у туркмен существует еще один вариант изображения орла с распахнутыми крыльями: мы находим его на постилочных *халы* анонимной на сегодняшний день группы, видимо, близкого к иомудам происхождения, которую в западной литературе называют «игл», то есть «орлиной».

Двуглавые птицы изображены в геральдической позе, с широко распахнутыми крыльями и распушенными перьями, и в зеркальном (по вертикали) отражении²⁶. Сходные, хотя несколько более геометризованные мотивы использовались также какой-то пока не определенной группой ткачей средней Амударьи, однако в декоре не постилочных ковров, а настенных мешков *чувал* (рис. 6). Фигуры орлов расположены на декорируемой поверхности вертикальными рядами в двух вариантах: 1) один, центральный ряд, с 2-3 волнами-зигзагами по бокам; 2) три ряда, чередующихся с аналогичными волнами-зигзагами. Композиция, как мы видим, аналогична рисункам с черепахаи и волнами, а также лягушкаи и волнами. Но

²⁶ Туркмены называют такой мотив *дырнам-гэль*, что означает «когтистый гэль» (Мошкова, 1970, табл. LIX, 3).

если можно себе представить, что черепаха или лягушка изображены плывущими по воде, то орел – летящим в воздушных волнах.

Поскольку речь зашла о птицах в туркменской ковровой иконографии, хочется упомянуть один очень важный «птичий» сюжет, хотя он и не имеет тотемного характера, а именно: образ мифологической птицы *Сенмурв*. Первыми описали этот образ древние египтяне, согласно представлениям которых Сенмурв входил в круг богини Исиды, причем его основной обязанностью была охрана семян и побегов растений.²⁷ Столь же ранним является представленное в Авесте описание *Сенмурва*: «огромная как гора».²⁸ В Национальном музее Туркменистана хранится «халык» с удивительным вариантом изображения Сенмурва (рис. 27), на котором эта «огромная как гора птица» сопровождается двумя парами собак. Последнее обстоятельство представляет особый интерес, поскольку изначальным занятием domesticiрованных ранними земледельцами собак была охрана от диких птиц и животных не стад (это началось позже), а полей. Таким образом, на *халыке* представлен уникальный вариант зрительного воплощения древних мифологических идей жителей земледельческих оазисов Туркменистана. Архитектоника композиции и сюжета (сцена с *Сенмурвом* и собаками заключена в имитирующий круг восьмиугольник: повернутая «в профиль» фигура птицы практически заполняет медальон, поверхность крыла разработана перьями-чешуйками, медальоны расположены рядами на орнаментируемой поверхности и пр.) – близка декору согдийских и сасанидских тканей с *Сенмурвами* и в целом может быть соотнесена с тем кругом среднеазиатских изобразительных построений, которые

²⁷ Образ *Сенмурва/Симурга* вошел в мифологические представления многих народов Средиземноморья, циркумпонтийской и циркумкаспийской зон. Несмотря на некоторые отличия в трактовке сущности образа *Сенмурва* и его иконографии, предположительно все варианты восходят к единому архетипу, что и позволяет использовать разные источники при рассмотрении проблемы.

²⁸ В Авесте - *мэрэгхо саэно*: Яшт XIV, 41.

явились основой для разработки также и *гёлевых* композиций.

Подведем некоторые итоги. *Первое*: практически все известные нам по ранней керамике сюжеты присутствуют в туркменских коврах нового и новейшего времени. При этом они занимают разное место в «иерархии» ковровых орнаментов: те сюжеты, которые в декоре сосудов связаны в жесткую линейную схему, в ковровых композициях используются в узких коймах (примером этому может служить рассмотренный выше меандр «горы — река», рис. 16, 17). В то же время одиночные мотивы, свободно располагавшиеся гончарами древности на декорируемой поверхности, при переходе в ковровую орнаментику, как правило, используются как основные, самостоятельные мотивы центрального поля ковров и ковровых изделий. Такие фигуры подвижны, активны, как активны и приписываемые им магические свойства, в то время как магия койм имеет охранной, пассивный характер. Напомним, что жесткие орнаментальные построения появились на керамике исторически раньше, чем свободно располагающиеся по поверхности сюжеты, то есть «охранные» каймовые ковровые построения по времени формирования являются более ранними, чем «активные» мотивы центрального поля. Оба эти момента взаимосвязаны и отражают, видимо, психологические изменения, происходившие у южнотуркменского населения в процессе перехода от пассивного хозяйствования к активному, природопреобразующему.

Второе: декор большей части ковров с тотемами (кроме *энси*) отличается простотой и выраженной ритмичностью: клетка, заполненная повторяющимся мотивом; ряды фигур, чередующихся с зигзагом; простые каймовые построения и пр. Это, скорее всего, указывает на «народный» характер композиций с тотемами, появившимися в результате многотысячелетних наблюдений человека за природой и стремлением отобразить свои наблюдения художественными средствами. Для сравнения можно назвать такие сложнейшие космогонические построения как *дарваза* («ворота») салорских свадебных попон (рис. 24),

либо композиции дверных занавесей *энси* (рис. 5), изображающих трехчастный многомерный мир — обе из которых создавались под несомненным влиянием высоких мифологических идей и глубочайших сакральных знаний древности.

Как уже говорилось в начале статьи, тотемные изображения были знакомы всем группам туркмен. Но все же действительно широкое распространение они получили именно в изделиях населения средней Амударьи. Ответ на вопрос: чем было вызвано это явление? — не может быть однозначным, хотя главные объяснения кроются в объективных факторах, повлиявших на историю обживания долины. Принятый населением региона хозяйственный уклад был обусловлен природно-географическими особенностями региона, вытянутого узкой лентой искусственно орошаемых оазисов по обеим берегам реки и окруженного пригодными для скотоводства полупустынными и пустынными пространствами Каракумов и Кызылкумов. Долина заселялась с IV-V вв. до н.э., причем достаточно медленно. Первыми, видимо, возникли поселения городского типа, появившиеся на месте важнейших переправ через бурную широкую реку, которую неизбежно должны были пересекать двигавшиеся по просторам Евразии переселенцы, караваны Великого шелкового пути и армии завоевателей. Экономика городов и замков была ориентирована на торговлю и ремесло, при постепенно возрастающей, по мере развития ирригационной системы, роли земледелия.

Население долины было весьма пестрым — здесь селились собственно строители городов региона, купцы, ремесленники, земледельцы, оседающие кочевники иранского и тюркского происхождения. Расположенная на стыке территорий Бактрии—Тохаристана—Согда—Маргианы—Хорезма цепь амударьинских оазисов испытывала политическое, но в гораздо большей степени культурно-историческое воздействие со стороны этих мощнейших цивилизаций древности и средневековья; сюда доходили также влияния Китая и Индии, Греции и Рима. Легко доступная, наполненная шумом караванов и базаров, приятная для

жизни и одновременно удаленная от центров политических, религиозных и военных событий долина давала приют путешественникам и авантюристам, ученым и философам, последователям гонимых религиозных и философских сект и течений зороастрийского, христианского, а затем и исламского мира.

Главной особенностью идеолого-религиозной обстановки в стране в доисламский и раннеисламский периоды было отсутствие единой официальной религии. Для сравнения, в соседнем Иране государственной религией стал зороастризм, непримиримой ко всякого рода отклонениям от канонов и враждебностью к другим религиям; аналогичная ситуация сложилась и в христианской Византии. И хотя письменные источники свидетельствуют о широком распространении зороастризма среди населения Средней Амударьи и в соседних Хорезме, Хорасане и Среднеазиатском Междуречьи, в отдельных областях названных территорий исповедывался буддизм, существовали христианские общины, находили приют манихеи и маздакиты, исмаилиты и карматы, то есть те крайне дуалистические учения, архаизм и «демократизм» которых привлекали широкие народные массы и «осколки» которых дожили до наших дней «в горных тущобах Передней Азии, Ирана, Средней Азии и Северной Индии...» (Толстов, 1948, с. 335). Сложившаяся в оазисах Средней Амударьи обстановка относительной политической и духовной свободы оказалась весьма благоприятной для появления здесь различных синкретических культов (Средняя Азия..., 1999), отдельные из которых имели подчеркнуто тотемическую основу. Широкое распространение образа змеи и Малик-Тауса может до определенной степени объясняться влиянием идеологии йезидов, символика змея-коняльва предполагает присутствие на Средней Амударье представителей исмаилитско-карматского движения и пр. Вопрос этот тре-

бует тщательного изучения, но представляется, что выбранное направление является весьма плодотворным.

Подводя итог, можно предположить, что именно в оазисах Средней Амударьи сложилась ситуация, при которой тотемические представления древнего земледельческого населения Средней Азии получили новый виток развития, что и было закреплено в орнаментике памятников материальной культуры, в том числе и таких «народных», как ковры и ковровые изделия. Нас не должна смущать временная отдаленность времени формирования слоя тотемных изображений до момента фиксации их на ковровых изделиях XVIII-XIX вв., поскольку важнейшей особенностью традиционной орнаментики как раз является ее свойство сохранять раз проработанные сюжеты навечно.

Памятники материальной культуры традиционных обществ несут на себе отпечаток многотысячелетнего опыта создавших их народов и содержат элементы древнейших представлений и удивительных знаний наших далеких предков. Для древнего населения, у которого не было письменности, носителем информации о мире – как материальном, так и духовном – были орнаменты, которыми были украшены созданные их руками артефакты. Тысячелетиями нарабатывавшиеся изобразительные мотивы отражали, как в зеркале, изменения, происходившие в представлениях их создателей, и зафиксировали их на памятниках изобразительного искусства от древности до современности. Раз появившись, архетипические ковровые мотивы не исчезали из «словаря изображений»: они могут трансформироваться, сливаться с другими сюжетами в синкретичные образы, но продолжали жить в народной культуре и со временем стали «ткаными летописями» для своих создателей, рассказывающими о важнейших моментах в истории сложения местного населения и формирования его духовного мира.

Литература

- Басилов В.Н.* О пережитках тотемизма у туркмен // ТИИАЭ. Сер. этнограф. Т. VII. Ашхабад, 1963. С. 135—141.
- Бурханов А.А.* Побережье Средней Амударьи. // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985. С. 247--251.
- Васильева Г.П.* Украшения-обереги у туркмен // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
- Винников Я.Р.* Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // ТИИАЭ. Сер. этнограф. Т. VI. Ашхабад, 1962.
- Винников Я.Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969.
- Вишневецкая Н.Ю.* Ремесленные изделия Джигербента. М., 2001.
- Демидов С.* О пережитках верований, связанных с водной стихией и рыболовством, у туркмен // ТИИАЭ. Сер. этнограф. Т. VII. Ашхабад, 1963.
- Демидов С.М.* Змея в легендах и верованиях туркмен // КЦ. Ашхабад, 1995.
- Демидов С.* Драконы в туркменской мифологии // КЦ. СПб., 1996. С. 61-69
- Демидов С.* Змея в легендах и верованиях туркмен // КЦ. СПб., 1997. С. 30-42.
- Масон В.М.* Поселение Джейтун // МИА. № 180. Л., 1971.
- Миниатюра Мавераннахра.* Л., 1980.
- Мошкова В.Г.* Джульхырсы (два уникальных узбекских ковра XIX века из собрания Музея истории Академии наук УзбССР) // Труды Музея истории народов Узбекистана. Вып. I. Материалы к истории народов Узбекистана из фондов музея. Ташкент, 1951. С. 27—32.
- Мошкова В.Г.* Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1970.
- Пенджиев М.* Древняя оросительная техника // Памятники Туркменистана. 1977. №1/23. С. 18-19.
- Пилипко В.Н.* Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Платов А.* Славянские руны. М., 2001.
- Пугаченкова Г.А.* Мечеть Анау. Ашхабад, 1959.
- Пугаченкова Г.А.* Драконы мечети Анау // СЭ. 1956. №2.
- Раскопки в Пайкенде* в 2000, 2001, 2002 гг. СПб, 2001-2003.
- Сазонова М.В.* Украшения узбеков Хорезма // Сб. МАЭ. № 26. Л., 1970.
- Сарианиди В.И.* Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М., 1967.
- Сарианиди В.И.* Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. №1.
- Сарианиди В.И.* Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
- Сарианиди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В.И.* Протозороастрийские традиции древней Маргианы // Miras. Ашхабад, 2002. № 2. С. 87-90. (на туркм, рус., англ. яз.)
- Саурова Г.* Современный туркменский ковер и его традиции. Ашхабад, 1968.
- Средняя Азия и Дальний Восток* в эпоху средневековья. М., 1999.
- Станкевич И.Л.* Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии. М., 1978,
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.
- Царева Е.* Товарное производство ковров у туркмен // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986. С. 108-112.
- Эсенов Ч.Д.* Гурджак ойны – пляска культа плодородия // КЦ. СПб., 1997. С. 42-49.
- Barber E.J.W.* Prehistoric Textiles. Princeton, 1991.
- Cassin – Hoffmeister* tent band – tent bag. Classic Turkmen weaving. Coburg/Esbach, 1988.
- Caubet A., Pouyssegur P.* The ancient Near East. Paris, 1997.
- Konig H.* Some ideas on the designs of Ersari rugs and their origin // Hali. Vol. 2. №4. 1980. P. 275-282.
- Konig H.* Ersari rugs – names and attributions // Hali. Vol. 4. № 2. 1981. P. 135-142

- Pinner R., Eiland M.L. Jr.* Between the black desert and the red. Turkmen carpets from the Wiedersperg collection. San Francisco, 1999.
- Saparmyrat Turkmenbasy* adyndakly Turkmenistanyn Milli museyi. Ashgabat, 2001.
- Stuttgarter Kunst-Auktionshaus Dr. Fritz Nagel.* Stuttgart, November 1996. №179.
- Thompson J.* Carpets from the tents, cottages and workshops of Asia. L., 1993.
- Tsareva E.* Rugs and carpets of Central Asia. Leningrad, 1984.
- Tsareva E.* Carpets of Central Asian nomads. Genova, 1993.
- Tsareva E.* Thirty rug masterpieces from the collection of S.M. Dudin // *Oriental Rug Review*, 1990. P. 64--96.
- Tsareva E.* The Dudin collections: selected masterpieces. Ersari tent bags // *Hali*. Vol. 7. № 3. 1985. P. 14-24, 67-68.
- Tsareva E.* Traditional textiles of Uzbekistan. IV. Pileweaves // *A World of Oriental carpets and textiles*. Washington D.C., 2003. P. 223-227.
- Tsareva E., Bogolubov A.A. et al.* Central Asian carpet collections in the Russian ethnographic museum, St.-Petersburg. Philadelphia, 1996.
- Turkmen tribal carpets and traditions* \ Mackie L.W., Thompson J. (Eds.) Washington DC, 1980.
- Turkmenistan. Environment – History – Monuments – Ethnography.* Venezia, 1996.
- Uwe J.* Orientteppiche. Band 4. Turkmenische Teppiche. München, 1989.

ГЛОССАРИЙ

- ай** – луна
- ак газ** – мотив «белый гусь»
- ак су** – мотив «белая вода»
- альгиз** – руна защиты «тростник»
- асмалдык** – попона на верблюда свадебного каравана, парная
- балык** – рыба
- буге** – «миндаль», символ зародившейся жизни
- газ аяк** – мотив «лапа гуся»
- гэль** – розетка, основной мотив постилочных ковров **халы**, имеет значение племенного герба
- гоч шахы** – мотив «рога горного барана»
- гурбака** – мотив «лягушка»
- гюлли-гэль** – племенной **гэль** эрсаринцев
- дарваза** – композиция, используемая для убранства салорских и эрсаринских **асмалдыков**
- джульхырс** – длинноворсовый ковер, в переводе с таджикского – «медвежья шкура»
- донгуз бурун** – мотив «нос свиньи», часть рисунка **гэля**
- йылан** – мотив «змея»
- кеджебе** – мотив в форме арки, часть композиции **дарваза**
- келле** – мотив «голова» (цветка, человека)
- кошма** – войлочный ковер, **намазлык**
- кийик** – горный баран
- куш** -- птица
- кыркайяк** – сороконожка
- минахани** – цветочный узор, не переведено
- намаз** – мусульманская молитва
- намазлык** – молитвенный ковер
- онурга** – мотив «позвонок»
- нешбеги/нышбага** -- лягушка
- салор-гэль** – племенной **гэль** салоров
- сарай килем** – «дворцовый ковер», то есть ковер большого размера
- сары ичян** – желтый скорпион
- сенмурв** – название мифологической птицы
- сёген-балык** – лосось
- тавус** – павлин
- таук нуска** – мотив «узор с птицей»
- товук нусга** – мотив «узор с курицей»
- теке-гэль** – племенной **гэль** текинцев
- торба** – прямоугольный удлиненный настенный мешок для хранения одежды, парный
- халиче** – постилочный коврик небольшого размера
- халы** – постилочный ворсовый ковер
- хамтоз** – мотив «ступенчатый»
- хыраты** – мотив «гератский»
- чарх палак** – мотив «прялка, колесо небес»
- чувал** – большой прямоугольный настенный мешок для хранения одежды
- эле** – дополнительная кайма в торце коврового изделия
- энси** – тканый дверной занавес

ОРЁЛ И ЗМЕЯ В СИМВОЛИКЕ ТУРКМЕН

На территории Туркменистана с глубокой древности широко распространены представления о хищной птице, наделенной божественной функцией. Эти верования несут в себе разную смысловую нагрузку. Например, давний обычай поедания покойников хищными птицами и специально обученными собаками, распространенный у парфян, каспиев (гирканцев), массагетов (Страбон, 1964, с. 486-493), в завуалированной форме выражен в туркменской присказке «It guş ýúmez» (досл. «Собака – птица не будет есть»). Так как человек, по сведениям Страбона, считался погрязшим в грехах, если к телу его не приближались собаки и птицы, то, видимо, и современные туркмены, забыв уже сам древнейший обычай, остерегали человека от совершения скверных поступков этими словами (Гундогдыев, 1998, с. 565-566). Примечательно, что в туркменской присказке собака и птица указываются слитно, что наталкивает на мысль о сохранении древнейших представлений о фантастических грифонах («нелаящие псы» Эсхила) (Гундогдыев, 2001, с. 13).

Мифы о грифах и орлах ярко проступают в Авесте и Ригведе. Авеста говорит о трех птицах: Саена, Аразифья, Варегна. Саена – это громадная птица, закрывающая горы подобно облаку. Авеста рисует Саену, воплощающую в себе несколько образов. Именно Саена фигурирует под именем позднейшей птицы Симург (туркм. Сымруг), ведь это название происходит от авестийского «сайна мрига» (т.е. «сайна птица»). Близка к образу Симурга и гигантская птица Гаруда (досл. «пожиратель») индийских ариев. Гаруда изображалась фантастическим существом с человеческим туловищем с орлиной головой, крыльями и когтями (Гринцер, 1990, с. 141).

У туркмен сохранилось множество сказок о птице Симург, которая возила на себе героев на сказочную гору, наполненную самоцветами и золотом (Шасенем и Гарып..., 1991, с. 190). Сближается с образами Симурга и Гаруды и туркменский мифологический персонаж – «хозяин дождя» Бурукут-баба. На связь с фантастической птицей указывает само имя «громовика» - «Беркут – отец (дед)» или «Орел - отец», а также то, что, как и Гаруда, напоминающая криком гром,

Буркут-баба плетью вызывал гром. Мифическая птица арийцев принесла людям живительную влагу. От Буркут-баба туркмены тоже ждали влаги в виде дождя, принося ему жертвы (Гундогдыев, 2001, с.18).

С образами Симурга и Гаруды тесно связана также фантастическая птица тюрков Каракус, а также монгольский Хангарид, бурятский Хэрдиг, алтайский Кереди, якутский Хардай и т.д. (Неклюдов, 1990, с. 142). У туркмен было распространено верование в двух огромных птиц Гарагуш какды (досл. «черная птица ударила») и Гарагуш тутды (досл. «черная птица схватила») – первая ударяла человека по голове своими когтями, а вторая – сжимала его когтями. Они вызывали у человека сумашествие (Сакали, 1956, с. 64). До сих пор туркмены называют эпилептиков «гарагушлы» (Демидов, 1992, с. 36). Однако представления о Гарагуше (Каракусе) не всегда отрицательны. У казахов (Каракус), кыргызов (Алп Каракуш), казанских татар (Каракош) эта птица переносит на себе героя в нужное ему место в благодарность за спасение своих птенцов от дракона (большого змея), что очень напоминает сказания о Симурге (Басилов, 1990, с. 274).

В этой связи обратим внимание на геральдические изображения орлов на амулетах-печатях II тысячелетия до н.э., происходящих из Маргианы. Такова медная печать со скорпионом в центре и двумя орлами по бокам. Орлы гордо повернули головы в стороны, распростерли крылья и распустили хвосты (Сарианиди, 1992, с. 19). Другой амулет из камня изображает летящего орла с черепахой в когтях (Сарианиди, 1990, с. 70). Но самыми многочисленными являются те маргианские амулеты-печати, на которых изображены орлы в геральдической позе с гордо повернутой головой, с широко распахнутыми крыльями и распушенным хвостом. На другой стороне амулетов показаны разные сцены: в одной драконы пожирают друг друга, в другой – дракон заглатывает человека, в третьей – орлы нападают на дракона. По мнению В.И. Сарианиди, обе стороны печатей с изображениями, расположенными на одной плоскости, составляют единый тематический сюжет. Он пишет: «Орлы,

быки и, предположительно, змеи занимали особое место в мифологии Бактрии и Маргианы и были неподвластны драконам. В самом деле, во всех известных случаях орлы всегда показаны в геральдической позе, с гордо повернутой головой и никогда – в оборонительной позиции. Создается впечатление, что орлы, быки и змеи составляли благожелательную для человека триаду, неподвластную отрицательным силам, всегда выступающим в образе злобных драконов» (Сарианиди, 1986, с. 69-70).

В более поздних воззрениях мы видим продолжение мифологических сюжетов эпохи бронзы. В зороастризме, т.е. религии ариев и туров, реалистический образ орла – борца с драконом несколько усложняется. Это фантастическая птица Симруг (или Гаруда), которая ведет борьбу с громадным змеем. Птицу Гаруду даже называют «пожирателем змей». В буддийской иконографии Гаруда изображается со змеей в клюве (Неклюдов, 1990, с. 142).

На некоторых изделиях из скифских курганов Северного Причерноморья, датируемых VI–V вв. до н.э., часто встречаются изображения крылатых существ с собачьей головой, а на золотой чеканке ползуверь-полуорёл держит в клюве голову большой змеи (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 129).

Продолжение традиций почитания грифов и орлов наблюдается в парфянскую эпоху. В парфянском искусстве на передний план выходят львиноподобные грифы (около 20 экземпляров ритонов с протомой грифа и грифы на монетах Орода I и Фраата IV), которые очень тесно связа-

ны с сарматским искусством (Массон, Пугаченкова, 1959, с. 219). В. Абаза считает, что при Аршакидах был принят герб: одноглавый орёл с распущенными крыльями и держащий в клюве змею (Абаза, 1888, с. 121).

Известно, что в каждом государстве, созданном туркменской династией на Востоке в средние века, существовало множество знамен, но среди них почти всегда были знамена с изображениями орла и дракона, или же орел присутствовал на гербах и царских атрибутах (Сельджукиды, Сефевиды и др.).

Летающий сокол вплетается в рисунок и туркменского серебряного украшения под названием «goýanç udju» («змея») (Залетаев, 1979, с. 126). Не видим ли мы здесь опять присутствие хищной птицы и змеи?

13 июля 1996 г. был принят «Закон Туркменистана о штандарте (флаге) Президента Туркменистана», который определил символ президентской власти в Туркменистане в виде пятиглавого орла золотистого цвета со змеей в когтях, помещенного в центре зеленого полотнища наряду с элементами Государственного флага (полумесяц и пять пятиконечных звезд белого цвета в левом углу).

В связи со сказанным выше можно сделать вывод, что символ гордого орла, мотив борьбы хищных птиц (добрых существ) с большими змеями и драконами (порождение зла) имеет в Туркменистане почти четырехтысячелетнюю историю. Во всяком случае, первые их изображения относятся ко II тыс. до н.э.

Литература

Абаза В. История Армении. СПб, 1888.

Басилов В. Каракус // Мифологический словарь. М., 1990.

Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983.

Гринцер П.А. Гаруда // Мифологический словарь. М., 1990.

Гундогдыев О.А. Прошлое туркмен. М., 1998.

Гундогдыев О.А. Сокол – птица царская. Ашхабад, 2001.

Демидов С.М. Животные в легендах и верованиях туркмен // Верования, обряды и обычаи туркмен. Ашхабад, 1992.

Залетаев В.С. Древние и новые дороги Туркмении. М., 1979.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы. // Труды ЮТАКЭ, т.IV. Ашхабад, 1959.

Неклюдов С.Ю. Гаруда // Мифологический словарь. М., 1990.

Сакали М.А. Туркменский сказочный эпос. Ашхабад, 1956.

Сарианиди В.И. Древнейший Мерв. М., 1992.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Сарианиди В.И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

Страбон. География в 17 книгах. М., 1964.

Шасенем и Гарып, Касым – оглан и другие туркменские народные повести. М., 1991.

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР
БРОНЗОВОГО ВЕКА**

В.И. Сарияниди
(Россия, Москва – Греция, Афины)

ДВОРЦОВО-КУЛЬТОВЫЙ АНСАМБЛЬ СЕВЕРНОГО ГОНУРА

Благодаря настойчивой энергии, как русских, так и турменистанских археологов, свыше тридцати лет назад начались крупномасштабные исследования возможных следов древнего заселения человеком Каракумов. В результате этих работ в древней дельте реки Мургаб была открыта ранее неизвестная страна Маргуш. Результаты этих поисков получили свое достаточно полное отражение в ряде публикаций. Археологами были выявлены сотни

древних поселений и в целом очерчены границы древней страны Маргуш. В настоящее время, благодаря систематическим и широкомасштабным раскопкам, накопился новый материал, касающийся, прежде всего, древней архитектуры и проливающий совершенно новый свет на историю развития древнего зодчества не только Центральной Азии, но и всего Ближнего Востока.

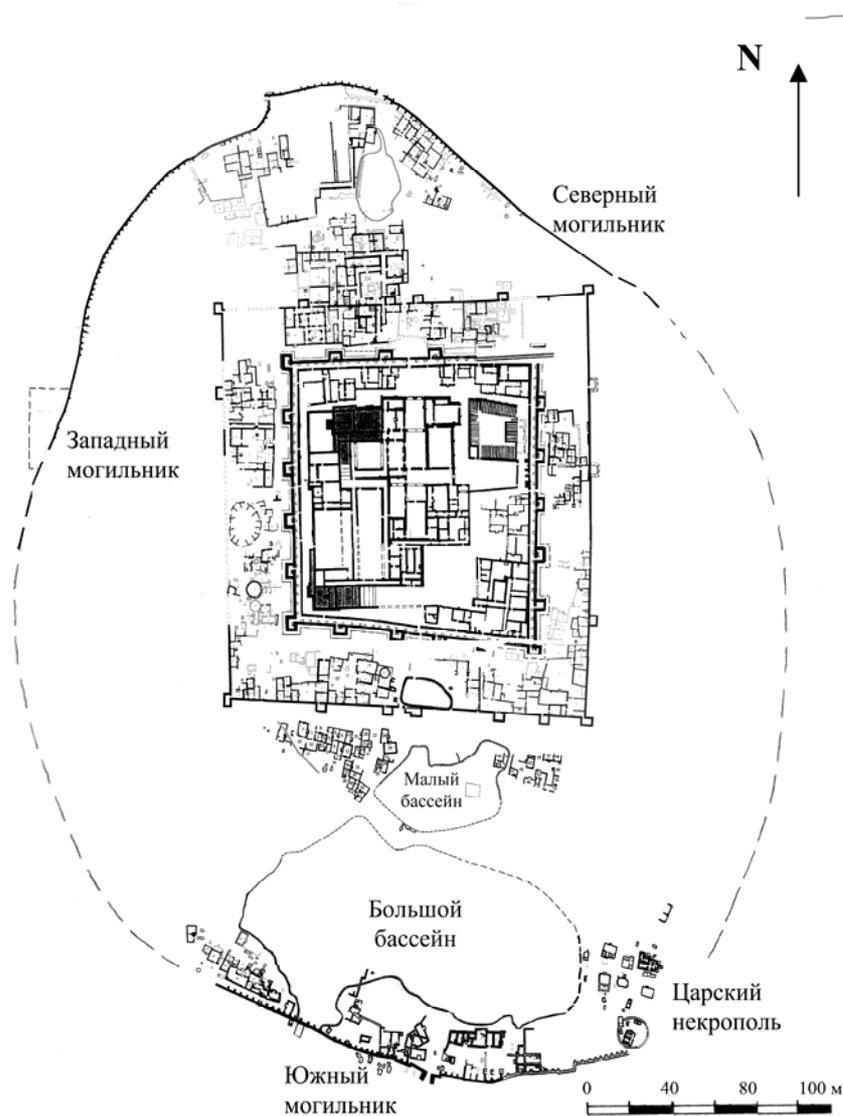

Рисунок 1.
Общая схема-
план Дворцово-
храмового ком-
плекса Северно-
го Гонура,
2004 г. (топограф
– К. Шадурдыев)

Рисунок 2. Северо-западная часть обводной стены.

Работы в древней дельте Мургаба, со всей убедительностью показывают, что в последних столетиях III тыс. до н.э. здесь на плодородной речной долине реки Мургаб появляются пришлые с далекого запада древнеземледельческие племена. В замковой части дельтового веера древнего Мургаба был тогда же основан столичный город Гонур. Такое выгодное местоположение

Гонура (в котором была сосредоточена центральная культово-административная власть) давало возможность регулировать подачу воды в дельтовую часть, где располагались сельские рядовые поселения первых колонистов Маргианы.

В первые годы раскопок центром Гонура считалась резиденция правителя – дворец, со всех четырех сторон обнесенный мощными оборонительными стенами кремля, усиленными прямоугольными башнями и стреловидными бойницами (Северный Гонур) (Сарианиди, 1990, 2000). В дальнейшем оказалось, что, не ограничившись сооружением мощных кремлевских стен, древние зодчие заключили кремль вместе с центральным дворцом в четырехугольник оборонительных стен (каре) с башнями по всему периметру этих стен. Таким образом, каре играло роль первой оборонительной линии защиты от предполагаемых противников.

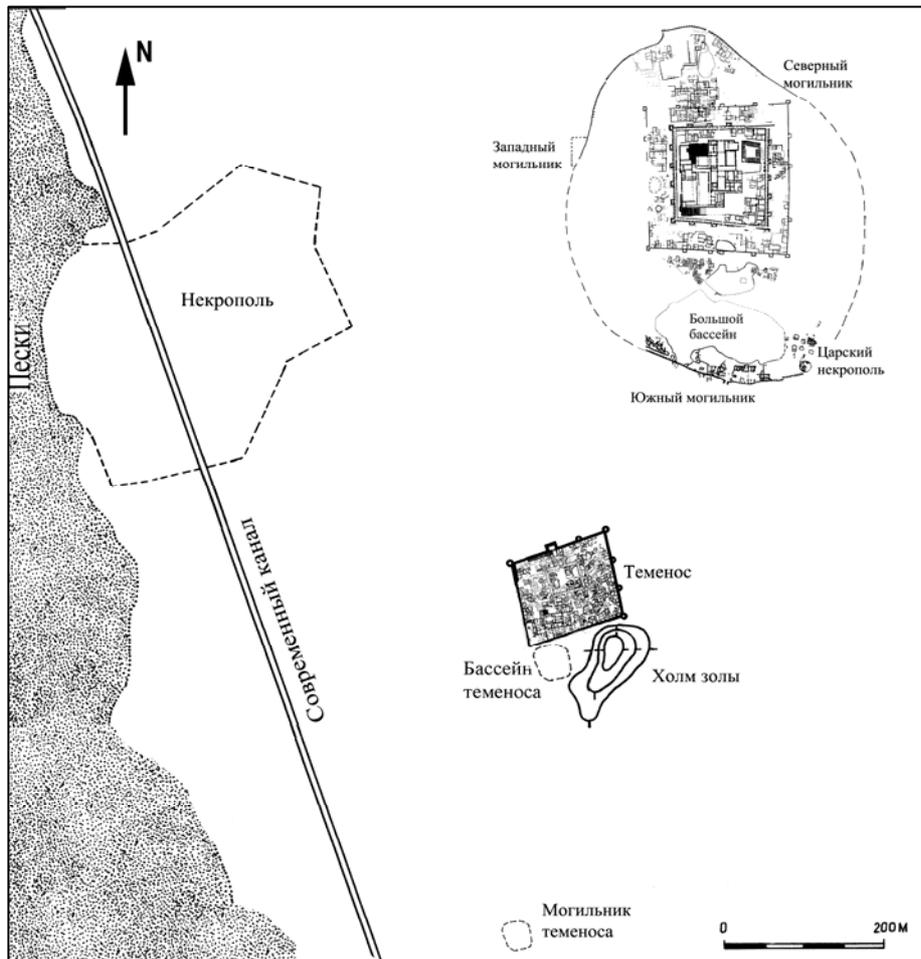

Рисунок 3. Ситуационный план Гонура.
(топограф К. Шадурдыев)

Пространство между внешними стенами кремля и оборонительными стенами каре не оставалось пустым, а напротив было плотно застроено зданиями культового назначения, о чем подробнее будет сказано ниже (рис. 1).

Наконец, не остановившись и на этом, весь монументальный дворцово-храмовый ансамбль древние строители Гонура обнесли еще одной гигантской, но не оборонительной, а обводной (без башен) стеной, заключавшей внутри себя общую площадь свыше 15 гектар. Обводная стена

в ширину достигает одного метра; для прочности она укреплена многочисленными пилястрами-устоями, как с внешней, так и внутренней сторон (рис. 2).

Через несколько столетий после строительства дворца, на юг от этого комплекса сооружений был выстроен теменос – священный участок (Южный Гонур). Хоронили своих умерших маргушцы на территории некрополя, размещенного более чем в 300 м на запад от кремля (рис. 3, 4) (Сарианиди, 2001).

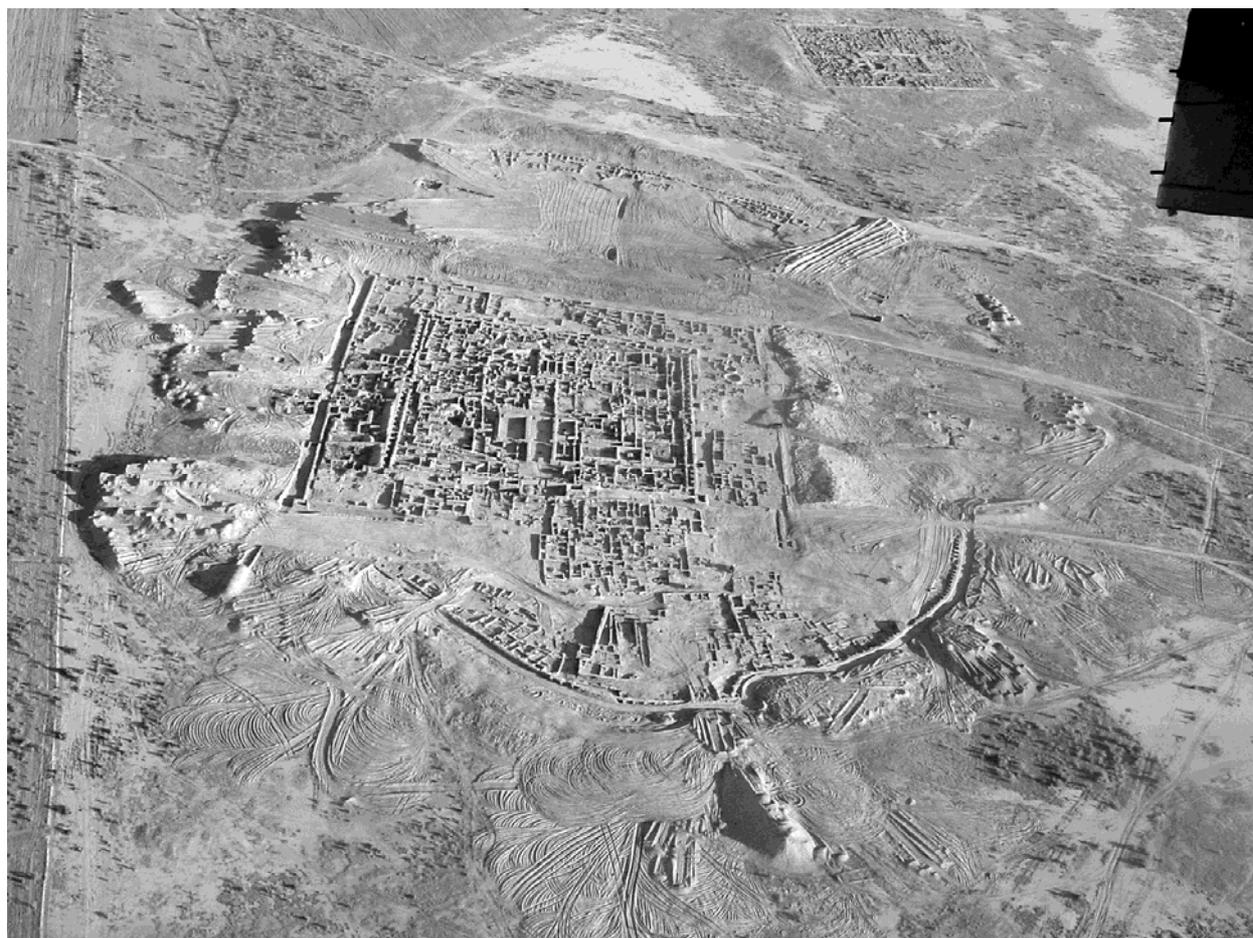

Рисунок 4. Аэрофото Гонура, май 2004 г. Вид с севера. На заднем плане – теменос. (Фото М. Беглиева)

Несмотря на то, что результаты раскопок дворца и кремля уже опубликованы (Сарианиди, 2000), кратко остановимся на их устройстве. Вдоль каждого внешнего фаса (исключая восточный) кремлевской стены располагалось по четыре боевые башни и лишь на восточном фасае их было пять. Последняя, пятая башня было построена несколько позднее, уже после за-

вершения строительства всех оборонительных стен кремля.

Со всех четырех сторон кремлевские стены с внутренней стороны были обведены коридором с проходами, ведущими внутрь каждой из вышеупомянутых башен. По середине всех внешних фасаов кремля, между центральной для фаса парой таких боевых башен устроено по одному входу, которые ведут внутрь кремля и соответ-

ственно дворца Северного Гонура. Большую часть кремля занимает сам дворец (рис. 5, 6). В северной и восточной частях располагаются подсобные микрокомплексы,

где были выявлены помещения жилого и хозяйственного назначения, в которых могла проживать царская обслуга и солдаты гарнизона, охранявшие кремль и дворец.

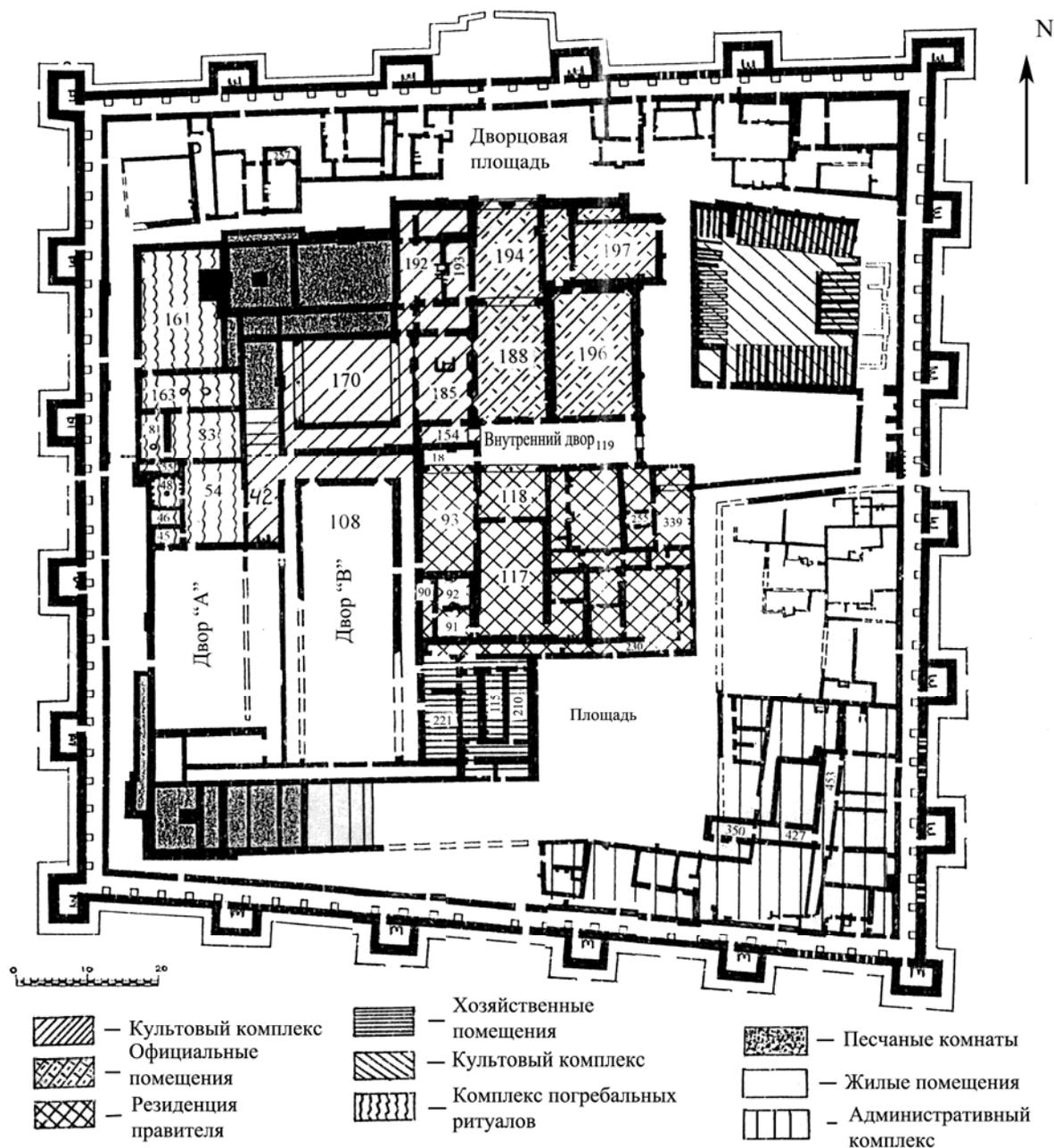

Рисунок 5. План помещений кремля и дворца Северного Гонура.

В середине северной кремлевской застройки находится пустая, незастроенная площадь со специальной дренажной системой под полом, позволявшей выводить дождевые, ливневые воды наружу за пределы кремля. Эта площадка служила, скорее всего, в качестве «дворцовой площади», т.к. именно здесь располагается центральный вход в кремль и соответственно

во дворец с двумя проходами, оформленными с обеих сторон раскрепованными углами (рис. 7). Оба входа ведут внутрь двойного аудиенц-зала, разделенного внутри невысоким проходом со столбом в центре, поддерживающим притолоку и отчасти кровлю аудиенц-зала. Подобные широкие, но невысокие пороги, украшенные раскрепованными углами, были широко

распространены в монументальной архитектуре древней Греции и в восточном Средиземноморье (Алаллах), откуда этот планировочный принцип и был, скорее всего, принесен пришлыми племенами на их новую родину – в древнюю дельту реки Мургаб.

Если интерьер первого зала отличается определенной простотой и ничем не украшен, то второй сохранил т.н. «слепые окна», выделяющие наиболее важные, знаковые помещения в системе всего дворца. С востока к аудиенц-залу примыкает тронный зал с нишей в северной стене, где мог находиться трон и восседать сам царь. Хотя следов трона не обнаружено, именно

здесь было найдено большое мраморное навершие скипетра, возможно принадлежавшего самому царю.

По другую сторону от аудиенц-зала располагается «дворцовая часовня», помещения которой богато декорированы «слепыми окнами», а в центре на специальной платформе возвышается двухкамерная печь, специальная конструкция которой не позволяла пламени из топки касаться мяса, приготовляемого для жертвоприношений. Такие двухкамерные печи имели явно культовое (а не обычное, бытовое назначение) и являются специфическим признаком помещений культового назначения.

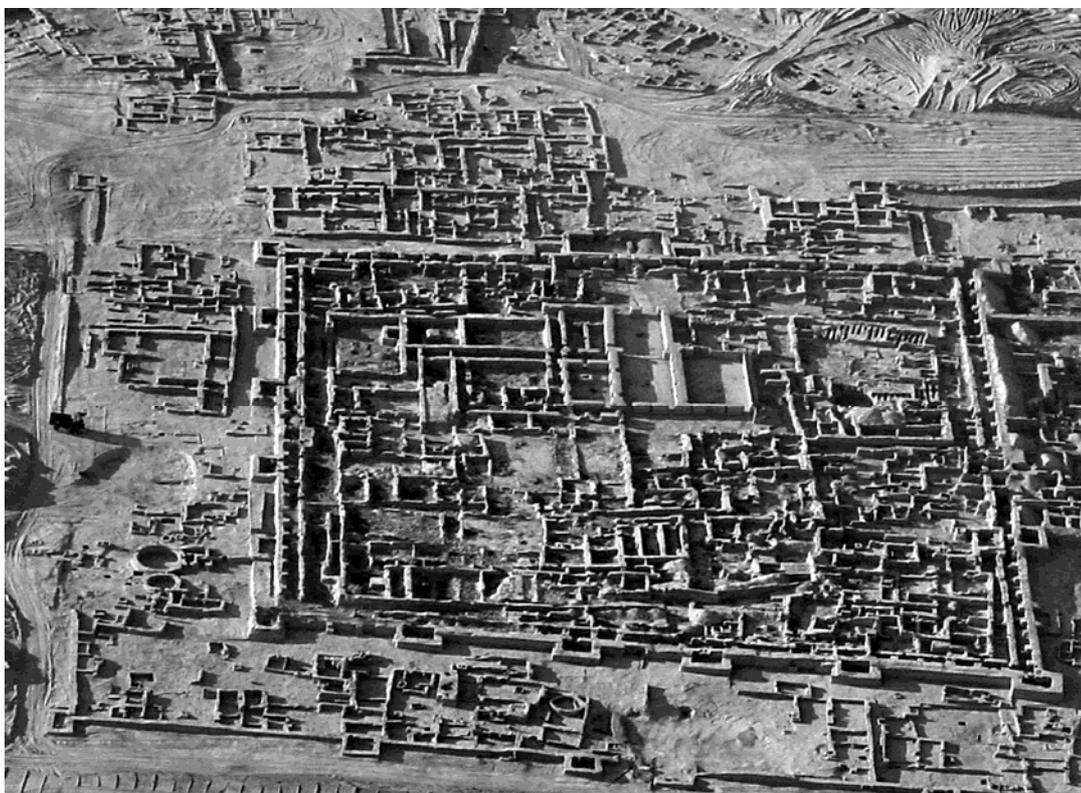

Рис. 6. Кремль Северного Гонура. Аэрофото, май 2004 г. Вид с юга. (Фото М. Беглиева).

Есть веские основания считать, что в часовне могли проходить ежедневные жертвоприношения царской фамилии, которые заканчивались в обширном «дворе в обводе коридоров» (пом. 176). Характерной особенностью планировки этого здания служит тот факт, что двор имел не четыре, а лишь две стены, в то время как вместо двух других устроены были пороги с центральными столбами посередине каждого из них, напоминая вышеупомянутые пороги в аудиенц-зале. Осталось отметить, что ра-

нее подобные сооружения, состоящие лишь из двух стен, не были известны в системе всего Ближнего Востока и заслуживают теперь своего специального изучения на новом археологическом материале.

Практически всю западную часть дворца занимает «комплекс погребальных ритуалов», где проходили все необходимые заупокойные церемонии, среди которых едва ли не главное место занимали обряды обмывания покойников.

Рисунок 7. Дворцовая площадь и парадный вход во дворец (вид с севера) во время консервации центральной части памятника, 2002 г.

Наконец осталось отметить наличие двух обширных, внутренних дворов и две т.н. песчаные комнаты, предположительно связанные с наблюдениями за небесными светилами.

В западной части кремля располагается т.н. комплекс келий и предположительно административное здание, что, однако требует дополнительных исследований.

Заключая краткий обзор кремля Гонура вместе с дворцом, следует подчеркнуть две его особенности. Во-первых, он был построен исключительно для царя и царской фамилии, что лишней раз указывает на исключительно большое значение, которое занимала царская власть в общественной жизни древних маргушцев. Вторая характерная черта заключается в огромном значении, которое местные строители уделяли вопросам обороноспособности кремля. Предельная замкнутость его планировки, глухие стены, усиленные мощными башнями – все указывает на огромное значение, которое они придавали вопросам обороноспособности.

Еще более усиливает обороноспособность комплекса второй четырехугольный пояс стен, названный нами каре. Эти стены почти также широки, как и кремлевские, и также укреплены прямоугольными башнями.

Начнем наш общий обзор со строений, расположенных *внутри северной части каре* оборонительных стен (раскоп 5), состоящих из двух половин: восточной и западной (рис. 8). Восточная часть оказалась сильно нарушенной поздними перестройками, но наличие нескольких двухкамерных печей особой конструкции, воз-

можно, указывает на ее особое, не бытовое назначение.

Плотная застройка западной половины этой же северной части каре состоит из помещений особого назначения, среди которых выделяются комнаты с двухкамерными печами, а так же модели т.н. келий, напоминающих «комплекс келий» внутри вышеупомянутого кремля.

Бесспорно, особого внимания заслуживает микрокомплекс, условно обозначенный, как «царское святилище», состоящее из нескольких взаимосвязанных между собой помещений (пом. №№ 110, 115, 129, 130, 133). Среди них бесспорно центральным является помещение 115 без стен, вместо которых устроено четыре угловых «устоя» с раскрепованными углами, соединенных между собой длинными, но невысокими «порогами».

В середине каждого из порогов вкопано по одному столбу, а все вместе они образуют своеобразный «киоск» (рис. 9, 10). Считается, что такие столбы давали возможность устройства по паре дверей с каждой из четырех сторон «киоска» (Л. Вулли), что не исключает их назначение в качестве опор, поддерживающих крышу всего этого сооружения.

Вокруг «киоска» окружают четыре коридора, до определенной степени напоминая архитектурное решение «двор в обводе коридоров», наиболее ранние примеры чего демонстрируют монументальные здания IV тыс. до н.э. в Северной Сирии.

Планировочный принцип «двор в обводе коридоров» неоднократно повторяется в зданиях культового назначения древней страны Маргуш, составляя центральную

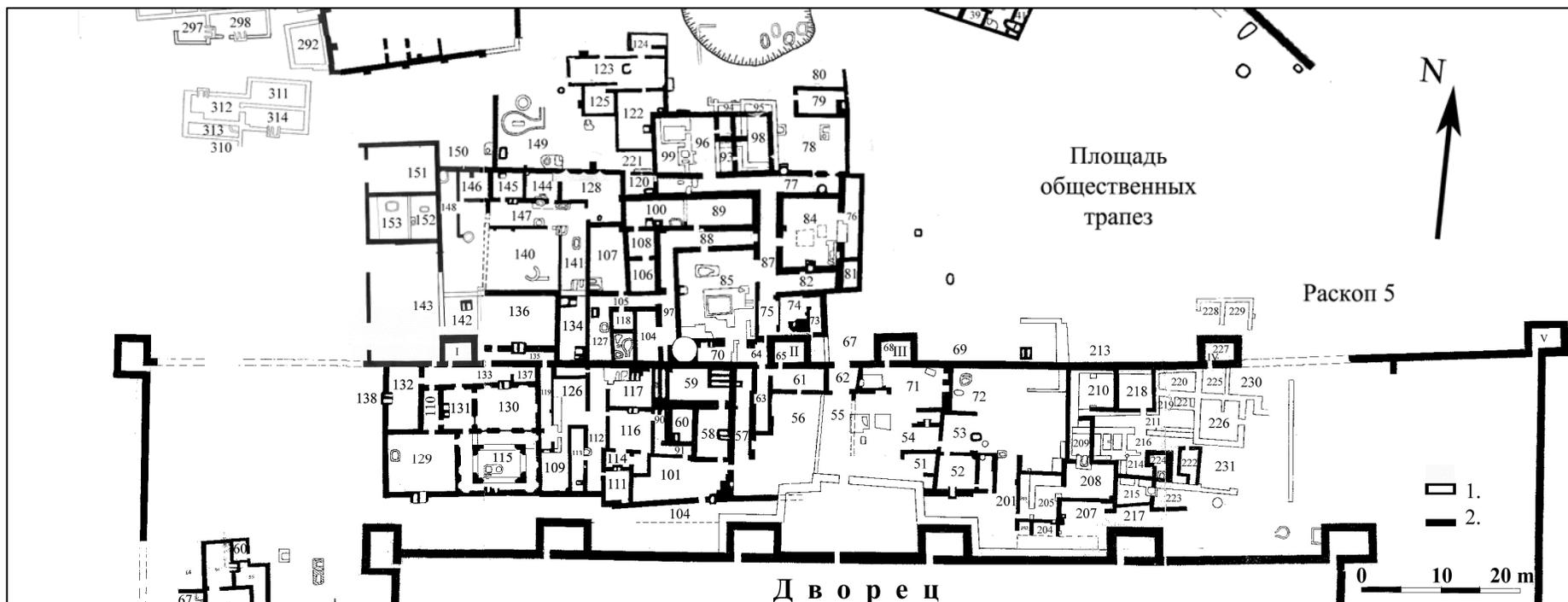

Рисунок 8. План помещений, расположенных в северной части между стенами кремля и каре (Раскоп 5)
 (Топографические работы здесь и далее – К. Шадурдыев).
 Условные обозначения (здесь и далее): 1. – первый строительный период, 2. – второй строительный период

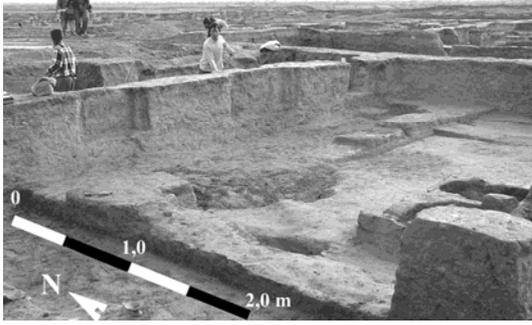

Рисунок 9. Царское святилище (фрагмент пом. 115 северного фаса комплекса; раскоп 5). Вид с юго-запада.

часть таких храмов, как теменос Гонура, а так же храмы Тоголок-1 и Тоголок-21 (Sarianidi, 1998, fig. 45, room. 23; fig. 52, room. 30; fig. 59, room. 221). Возможно, не случайно все они имеются в храмах, связанных с процессом приготовления культового напитка типа сома-хаома и вместе с тем отсутствуют в других, как, например, в «храме огня», что, скорее всего, связано с их разным назначением. Осталось отметить, что интерьер пом 115 сохранил десять т.н. «слепых окон» и пять двухкамерных печей, что указывает на особую значимость всего «царского святилища». «Слепые окна» были достаточно популярны на Ближнем Востоке. Они украшают по преимуществу интерьеры

культовых зданий, восходя к храмовым сооружениям Тепе Гавра (IV тыс. до н.э.), где они выступают в роли знаковых архитектурных деталей.

Особого внимания заслуживает «слепое окно» в храме Телл Брак (середина II тыс. до н.э.), где оно выполняет роль алтаря. В этом плане особенно показательны святилище начала I тыс. до н.э. в восточной Анатолии (Тилля), до деталей напоминающее планировку святилища (помещение 100) в храме огня Северного Гонура (подробнее см.: Sarianidi, 1998, fig. 63).

Добавим, что «слепые окна» имеются так же в Тепе Нуши Джан, в этом бесспорном храме огня Мидии начала I тыс. до н.э. Это приводит к однозначному выводу об особом, культовом назначении «слепых окон». Не доказано, но в высшей степени вероятно, что «слепые окна» храмов и дворцов Маргианы в конечном счете восходят к месопотамским прототипам и были принесены в Маргиану со своей былой родины древними зодчими тех пришлых племен, которые в конце III тыс. до н.э. освоили древнюю дельту реки Мургаб. Подобно месопотамским прототипам, и здесь в Маргиане «слепые окна» всегда украшают интерьеры явно культовых помещений, отме-

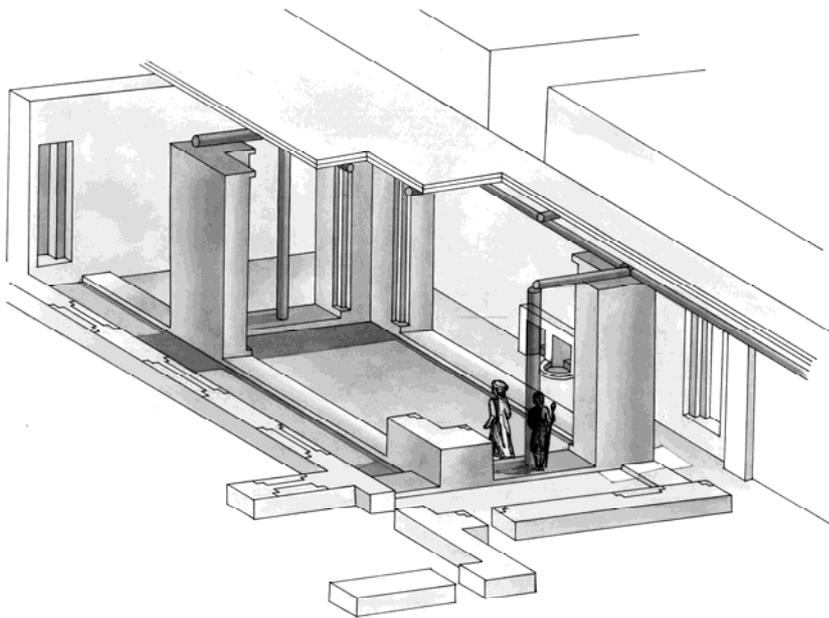

Рисунок 10. Вариант реконструкции киоска в пом. 115 (работа А. Ниязмухаммедовой)

чая их особое назначение среди анфилады других окружающих их комнат. Если теперь с этих позиций обратиться к факту такого большого количества «слепых окон», некогда украшавших интерьер «царского святилища», то станет очевидным, какое большое значение занимало оно в древности.

Здесь, кстати, будет остановиться на особом назначении двухкамерных печей в таком большом количестве встреченных при раскопках храмов Северного Гонура. Печи такой конструкции имеют прямоугольную конфигурацию и состоят из двух рядом расположенных, но разновеликих камер, разделенных между собой невысоким валиком (до 10-15 см высотой), никогда не достигающим до потолка печи. Как правило, меньшая камера всегда более глубокая, сильно обожжена изнутри и явно являлась топкой, в то время как большая смежная камера слабо обожжена изнутри и выполняла роль духовки, куда помещалось приготавливаемое мясо.

Такая сложная конструкция двухкамерных печей, разделенных внутри невысоким валиком (реже устройством простого уступа), преследовала цель препятствовать прямому контакту огня с приготавливаемым мясом и вместе с тем давала возможность готовить пригодную для еды, в том числе жертвенную пищу.

Рисунок 11. Двухкамерная печь в восточной стене пом. 7 раскопа 10 с сохранившимся сводом над устьем топки. Вид с северо-запада.

Такой способ приготовления жертвоприношений прямо соответствует древнеиранским ритуалам, согласно которым «чистая» стихия огонь не должна была ка-

саться кровавого «нечистого» мяса и вместе с тем позволяла горячему воздуху из топки проникать в духовку и готовить пригодную для жертвоприношения пищу.

Наряду с такими печами, в которых готовилось мясо мелких рогатых животных, существовали (хотя и много реже) печи грушевидной формы, разделенные внутри так же на две камеры невысокой стеночкой с отверстиями-продухами. Через эти продухи жар из топки проникал в рядом расположенную конфорку. Иначе говоря, такая конструкция грушевидных печей преследовала ту же цель – воспрепятствовать непосредственному контакту между огнем и приготавливаемым мясом. В тех случаях, когда это можно было установить, во всех таких грушевидных, двухкамерных печах были встречены черепа и длинные кости крупных животных (корова-бык), а в одном случае – голова верблюда. Очевидно, что если печи первого типа служили для приготовления мяса мелкого рогатого скота, то второго типа (грушевидные) – для приготовления жертвоприношений из мяса крупных животных.

Возвращаясь к двухкамерным печам «царского святилища» следует отметить, что они сохранили следы не обожжения, а лишь черной копоти изнутри, создавая впечатление, что в них горели не обычные дрова, а предположительно свежие растения (возможно ароматические), дающие большую копоть. К сказанному следует добавить, что уменьшенные модели двухчастных печей были отмечены практически во всех камерах гробниц некрополя Гонура (Сарианди, 2001, 2004).

Планировка «царского святилища» с «киоском» пока уникальна на всем Ближнем Востоке. До некоторой степени сходное здание пока известно лишь в Мохенджо Даро (Marshall, 1931, XXIII), определяемое как храм огня (Dhavalikar, Atre, 1989, P. 196). Его планировка может восходить к зданиям типа «двор в обводе коридоров». Здесь следует более подробно остановиться на проблеме взаимоотношения Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса и Хараппской цивилизации в свете новых материалов, происходящих из раскопок Гонура.

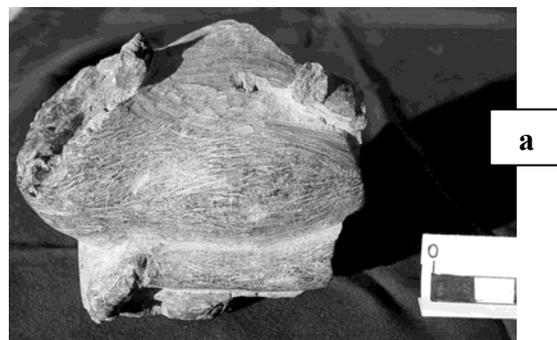
Уже А. Арделеану-Янсен рассматривая знаменитую статуэтку царя-жреца высказала смелую идею о ее «бактрийском» происхождении (Ardeleanu-Jansen, 1991), что затем было подтверждено таким известным индологом как Г. Поссел, который прямо пишет о присутствии «...бактрийцев в Мохенджо Даро в поздний период» (Possel, 2002, p. 114, 117). Доказательства этого он усматривает в «... наличии артефактов, принадлежащих БМАК, встреченных в поздних слоях Мохенджо Даро и Чанху Даро и датируемых около 2000 г. до н.э., что, как кажется, указывает на проникновение племен БМАК на индийский субконтинент» (Possel, 2002, p. 231).

Новейшие материалы Северного Гонура не только поддерживают, но и дополняют эту гипотезу. Так, в пом. 132 «царского святилища» в одном месте были встречены изделия из слоновой кости такие, как «гадательные палочки», крышка от ларчика и, что особенно важно, нижняя часть каменной коленопреклоненной фигурки человека, ладонь которого охватывает его колено (рис. 12), точно соответствуя одной каменной фигурке Мохенджо Даро (Possel, 2002, fig. 6.5, L-950).

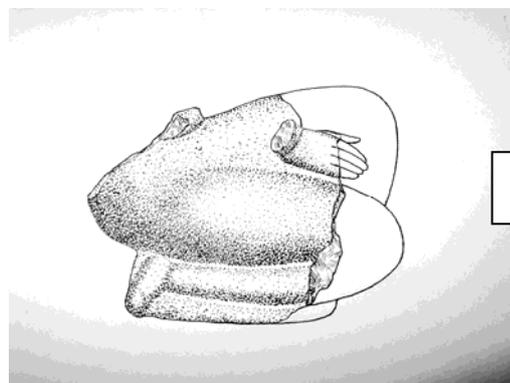
А Арделеану-Янсен к этим фигуркам причисляет и знаменитую статуэтку царя-жреца. Сюда вполне можно включить и каменную головку «негроидного типа», происходящую с поверхности северо-бактрийского поселения Миршаде (Пугаченкова, 1972, рис. 1, 2). Таким образом, из семи основных типов антропоморфных статуэток харлапской цивилизации, выделенных Г. Поссел, по крайней мере, два находят свои близкие, если не сказать прямые аналогии в зоне распространения БМАК, что может свидетельствовать об этнокультурных связях между БМАК и долиной Инда.

Как показали новейшие раскопки в Маргиане, слоновая кость достаточно популярна была у местной аристократии, причем есть все данные считать, что со стороны индийского субконтинента привозили лишь слоновую кость, а изделия из нее выделывались в Маргиане. Доказательством тому служит туалетная лопаточка из слоновой кости (гробница 3245), вырезанная в

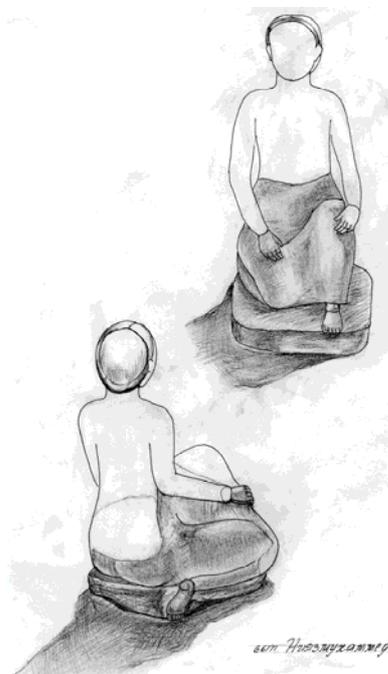
виде львиного грифона, терзающего антилопу - мотив абсолютно неизвестный в харлапской цивилизации и, напротив, весьма популярный в Передней Азии.

а

б)

в)

Рисунок 12. Фрагмент стеатитовой статуэтки из пом. 132 (раскоп 5): а) вид сбоку; б) прорисовка (работа И. Максимовой); в) вариант реконструкции (работа А. Ниязмухаммедовой).

Рисунок 13. Стеатитовая печать из пом. 19 (раскоп 9) Северного Гонура.

Наконец, в северной части «Храма Воды» в пом. 19 (раскоп 9) прямо на материке была встречена печать (рис. 13), которая, по мнению известного индолога А. Парпола, представляет бесспорный импорт со стороны хараппской цивилизации. К указанному следует добавить всевозможные игральные фишки и накладки, головные гребни и ларчики, изготовленные или украшенные инкрустациями из слоновой кости, также подтверждающие тесные торговые связи между маргушской и хараппской цивилизациями.

Переходя к архитектурному комплексу, расположенному *между внешней, западной стеной кремля и западной же оборонительной стеной каре* (раскоп 6, рис. 14), отметим, что в целом общая планировка всего западного фаса состоит из двух основных строительных микрокомплексов (северный и южный), между которыми располагается сильно нарушенный и плохо сохранившийся «промежуточный» микрокомплекс с остатками былых помещений (пом. 30-35), которые изначально могли принадлежать одному из двух основных микрокомплексов.

Центральное место по значимости в южном микрокомплексе занимают два однотипных, но разномасштабных по площади круглых, сложенных из кирпичей алтаря. Оба круглых сооружения представляли собой подлинные, хотя и своеобразные, алтари ранее неизвестного типа. Доказательством этому служит их однотипная конструкция, а главное тот факт, что они повторяют по форме бесспорные алтари храма Тоголок-21. Большой из них (диаметром около 7 м) имеет проход со ступеньками, а внутри - внут-

ристенную двухкамерную печь, но не со следами огня, а, подобно таким же печам «царского святилища», закопченную изнутри (рис. 15), что более нигде не встречено на Гонуре.

Со временем снаружи алтарь был «одет» в ремонтный кирпичный футляр, а затем и вовсе заброшен, и рядом был возведен второй круглый алтарь, также с проходом, но несколько меньших размеров (около 5 м). Видимо не случайно рядом с алтарями были встречены каменные навершие «посоха» (рис. 16) и цилиндрическая печать с изображением сидящей, рогатой богини, заключенной в ауру, и предстоящими перед ней двумя женскими божествами плодородия, из тел которых произрастают растения (рис. 17). Хотя подобные божества растительности имеют явно месопотамское происхождение, «богиня в ауре» отмечена на других цилиндрах, происходящих из зоны распространения БМАК, представляя собой местную переработку привнесенного образа.

Напротив, в северной части этого строительного комплекса располагается огромное, прямоугольной конфигурации здание, условно обозначенное, как «Дом Песнопений», в котором, скорее всего, проходили главные церемонии, связанные с жертвоприношениями.

Здание состоит из нескольких взаимосвязанных между собой общими проходами обширных залов, центральный из которых (пом. 49) сохранил наверху невысокой кирпичной платформы необычно большую двухкамерную печь, напоминающую собой аналогичную по размерам (вознесенную также на платформу) в дворцовой часовне (пом. 180 Дворца), указывая, что именно здесь могли проходить главные ритуалы, связанные с жертвоприношениями.

Между «Домом Песнопений» и вышеописанными двумя алтарями располагаются помещения, свыше 20 из которых имеют двухкамерные печи, связанные с процессом приготовления мяса, предназначенного для жертвоприношений. В высшей степени показательно, что все без исключения такие двухкамерные печи были построены одновременно с возведением самих помещений, т.е. были «запроектированы» древними зодчими заранее, с самого начала строительства.

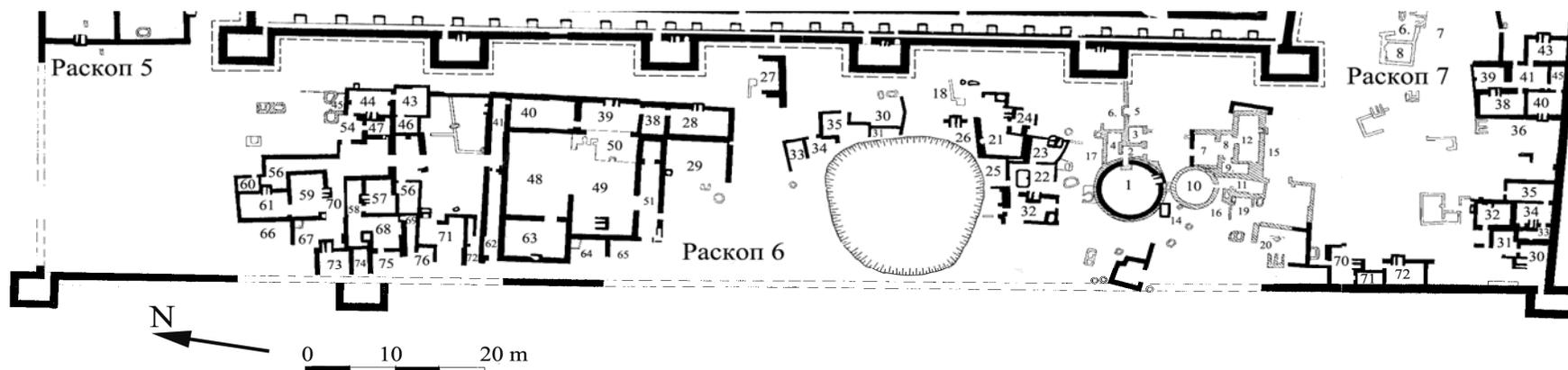

Рисунок 14. План помещений, расположенных в западной части между стенами кремля и каре (Раскоп 6).

Рисунок 15. Фрагмент большого алтаря с двухкамерной печью (на первом плане) и малый алтарь (на втором плане). Раскоп 6. Вид с юго-запада.

Рисунок 16. Стеатитовое навершие жезла, находившееся рядом с малым алтарем на раскопе 6.

Рисунок 17. Стеатитовая цилиндрическая печать, находившаяся рядом с малым алтарем на раскопе 6 и ее оттиск.

Сохранившиеся стены «промежуточного микрокомплекса», подобно основным строительным сооружениям, стоят на материке, а не на культурных наслоениях. Большую часть этого промежуточного микрокомплекса, вплоть до западной оборонительной стены каре, перерезает практически круглый бассейн диаметром 15-17 м и глубиной 1,5 м с явными следами (в виде глинистых отложений на дне) стоявшей в нем воды. Тот факт, что при устройстве бассейна были снесены стены более ранней архитектуры, с бесспорностью относит сооружение водоема к более позднему времени. С другой стороны, то обстоятельство, что при его возведении не была нарушена западная стена каре, а водоем как бы был «вписан» внутрь уже существовавшей архитектуры, указывает, что резервуар был вырыт в то время, когда все это сооружение уже клонилось к упадку, но еще продолжало функционировать.

Итак, западный комплекс каре представляет собой культовое сооружение, условно обозначенное как «Храм Жертвоприношений». На это указывает большое количество помещений с двухкамерными печами, специальный «Дом Песнопений» (где могли проходить главные культовые ритуалы и церемонии) и расположенные напротив него уникальные по планировке алтари. Характерной особенностью последних является тот факт, что моления проходили не около алтарей, а внутри них, хотя о конкретных формах этих ритуалов судить пока затруднительно. Нако-

нец, в поздний период наступившего упадка внутри каре строится бассейн, указывая, скорее всего, на расширение культовых функций, в том числе за счет поклонения воде и водным божествам.

Переходя к планировке, расположенной между южным фасом кремля и южным же фасом оборонительных стен каре (раскоп 7), следует отметить, что в целом она является как бы продолжением вышерассмотренной.

И здесь почти в середине располагается круглый алтарь с проходом, в котором могли находиться переносные алтари огня, доказательством чего служат следы копоти в его северной части. Рядом с алтарем находится предположительно «Дом Песнопений», большая часть которого была полностью разрушена и скрыта при более позднем устройстве на этом месте бассейна. Керамические трубы, устроенные на берегу бассейна, свидетельствуют, о том, что дождевая вода в него поступала за счет устройства дренажной системы. В высшей степени показательным, что на самом берегу бассейна сохранились две двухкамерные печи, свидетельствуя о былых ритуальных поклонениях воде и водным божествам.

Застройка южного фаса каре на этом не заканчивается, а поворачивается и частично продолжается вдоль внешнего, восточного фаса кремля и завершается около раннее раскопанного Храма Огня, публикация которого уже имеется (Sarianidi, 1998, p. 120 -

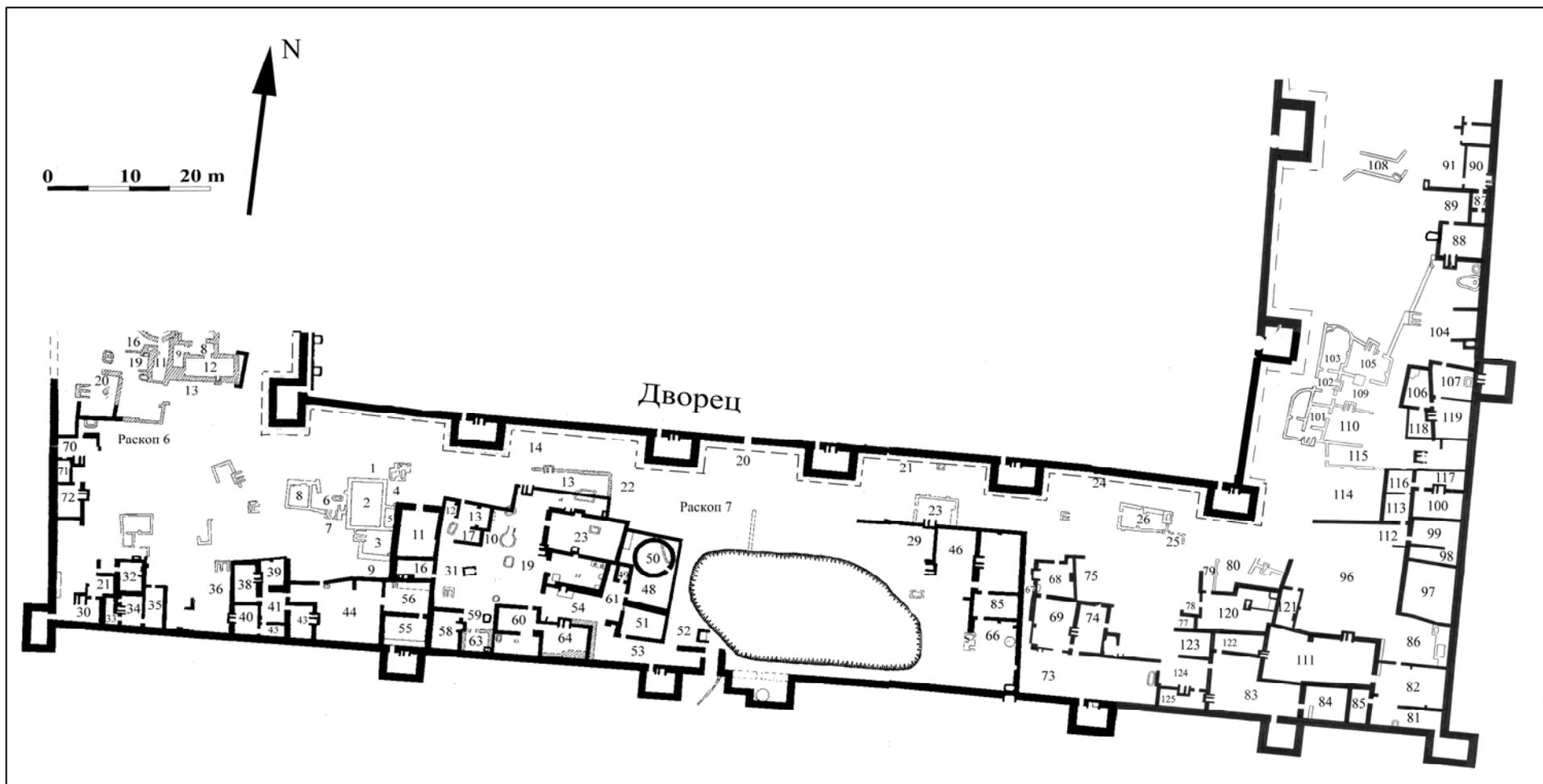

Рисунок 18. План помещений, расположенных в южной части между стенами кремля и каре (Раскоп 7).

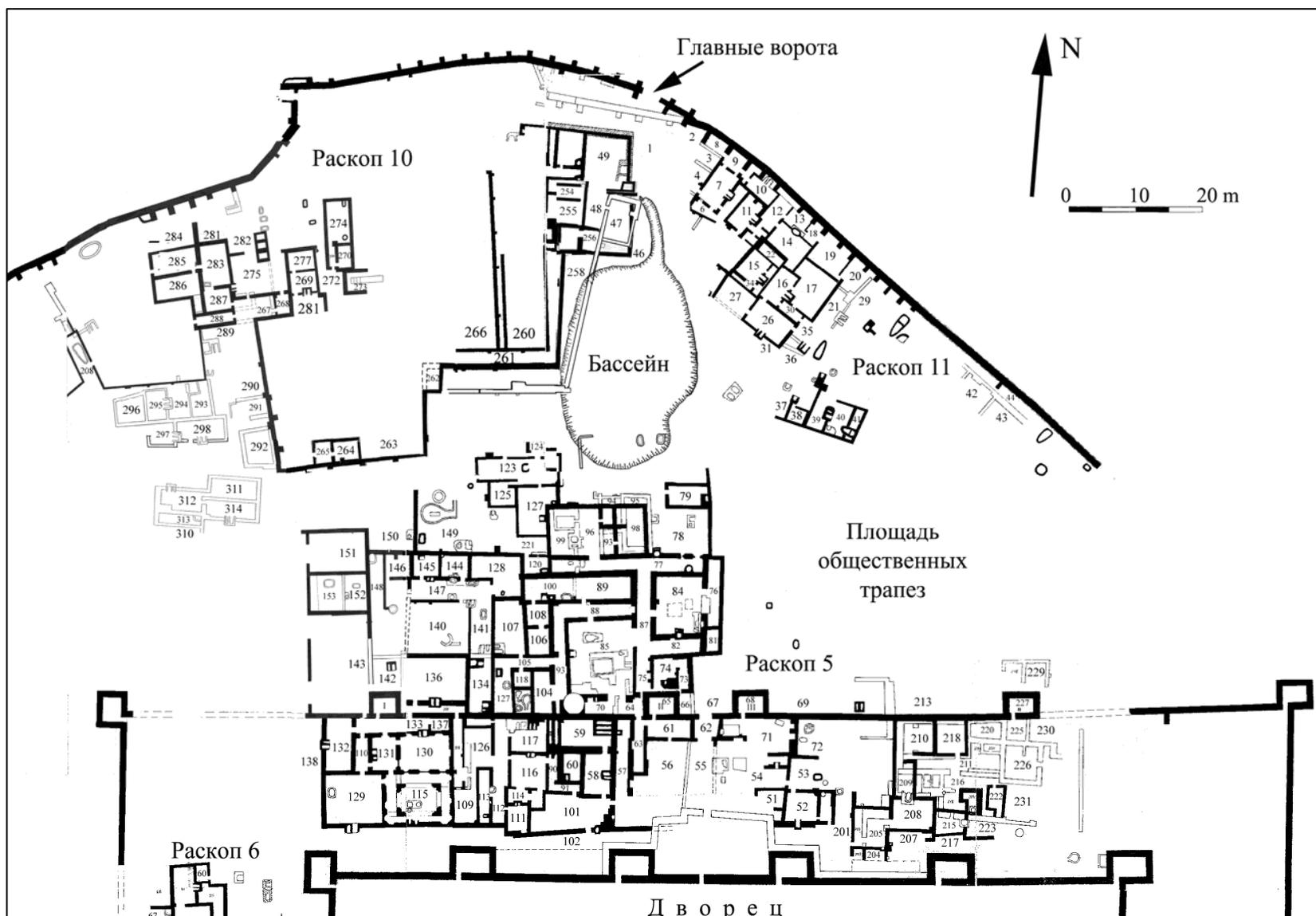

Рисунок 19. План помещений, расположенных в северной части комплекса в пределах обводной стены (Раскопы 10, 11).

Рисунок 20. Панорама северного строительного комплекса (раскоп 5). Вид с запада.

127). Подобно застройкам западного и южного фасов каре, характерным признаком архитектуры восточной стороны являются помещения с двухкамерными печами (свыше 20) с беспорностью свидетельствуя, что все они принадлежат одному, общему «Храму Жертвоприношений».

Итак, с северной стороны каре было застроено комплексом «царского святилища», а с трех других – Храмом Жертвоприношений и Храмом Огня. Каре оборонительных стен не являются внешней границей всей застройки. Архитектурные комплексы продолжаются за его пределами в северную и южную стороны вплоть до гигантской обводной стены с пилястрами. Сразу же следует отметить, что оборонительная стена каре имела несколько проходов, ведущих в северный комплекс, указывая тем самым на их общую функциональную взаимосвязь.

Наш краткий обзор этой архитектуры начнем с северной части, где непосредственно за северной же оборонительной стеной каре начинается плотная застройка, центральную часть которой составляют четыре двора соответственно двор «А», «Б», «В» и «Г» (раскоп 5; рис. 8, 19, 20).

Характерной особенностью «дворов» является тот факт, что все они обведены по контуру коридорами, образуя архитектурную застройку, напоминающую «двор в обводе коридоров».

Помимо этого, в этом же северном строительном комплексе были обнаружены т.н. «хранилища священной золы», в которых

находилась чистая, белая зола, ссыпанная сюда из алтарей. На полах некоторых помещений были устроены ямки-лунки, заполненные сожженными на стороне, карбонизированными костями мелких и крупных домашних животных и, наконец, комнаты с входами, декорированными раскрепованными углами. Все это вместе с полным отсутствием жилых и хозяйственных помещений дает веские основания предполагать, что вся северная застройка имела особое, культовое, а точнее храмовое назначение. Осталось отметить, что в коридорообразном помещении 100 были встречены следы, связанные с приготовлением культового сока типа сомахаома.

Наконец, еще один самостоятельный комплекс прилегает изнутри к северной части обводной стены, располагаясь по обе стороны от главных ворот (рис. 19). К востоку от входа к обводной стене примыкают помещения, характерной особенностью которых является тщательная отделка интерьеров глиняной штукатуркой и наличие двухкамерных печей обеих выделенных типов. Причем в одном из помещений находятся как простая двухкамерная, так и грушевидной формы печи (раскоп 11).

К западу от того же входа, на естественном возвышении располагается микрокомплекс «длинных стен» – здание не совсем ясного, но особого назначения (раскоп 10). Среди вскрытой планировки имеются помещения с двухкамерными печами, прямоугольные кирпичные, обожженные изнутри

алтари и даже небольшая углубленная вниз и со ступеньками «траншея». Здесь была встречена медная перегородчатая печать с изображением крылатого коленопреклоненного человека и двух извивающихся змей, зооморфный носик от культового (для возлияний) сосуда, а также мраморная головка от составной статуэтки (рис. 21). Еще далее к западу вдоль обводной стены так же продолжают помещения, среди которых выделяется пом. 300 с порогом у входа и четырьмя попарно расположенными напротив друг друга двухкамерными печами.

Рисунок 21.
Каменная головка от составной статуэтки с раскопа 5 (верхний слой)

Наконец, между этими двумя микрокомплексами (западным и восточным) находится бассейн (устроенный в самый первый, основной период), который наполнялся дождевой водой, стекавшей в бассейн с прилегающего такыра. Свидетельством тому служат керамические трубы (длиною 0,5 м, диаметром 12-13 см), вкопанные в основание обводной стены, причем все они наклонены в сторону бассейна, что не оставляет никаких сомнений в их действительно дренажном назначении. Один конец их всегда больше другого, что позволяло вставлять трубы друг в друга, образуя целую дренажную систему.

От бассейна и далее в восточную сторону располагается огромная (свыше 500 кв. м) ровная, пустая ничем не застроенная площадь (рис. 21), сплошь покрытая черным горелым слоем (толщиной около 1 м) попеременно с битой посудой и большим количеством костей животных. Показательно, что местами горелый слой перемежается с прослоями чистого, предположительно речного песка, толщиной до 3-5 см, а вместе они составляют основной культурный слой рассматриваемой площади. Думается, такая огромная, незастроенная площадь могла служить местом, где проходили т.н. общественные трапезы, доста-

точно широко распространенные в древности у многих народов, в том числе у индоиранцев. Известны они были и много позже у общин ессеев Палестины, откуда происходят известные рукописи Мертвого моря. Согласно им, после завершения коллективных трапез участники «... засыпали кости, чтобы животные и в первую очередь собаки не растаскивали их по поселению» (Magness, 2002, p. 119-120). И хотя между Маргианой и Мертвым морем существует громадный разрыв во времени и пространстве, есть основания предположить сходную ситуацию в Северном Гонуре, когда после завершения «коллективных трапез» храмовые служки засыпали песком остатки таких трапез. Возможным доказательством тому может служить захоронение собаки, встреченное в руинах обводной стены (рис. 23), прилегающей к площади общественных трапез, которой придали ту же позу и ориентацию, что и обычным человеческим захоронениям.

Полное отсутствие каких-либо алтарей или жертвенных мест вместе со специфическим заполнением культурного слоя дают веские основания предполагать, что рассматриваемая площадь была связана с «коллективными трапедами».

Документальными свидетельствами этому могут служить, в частности, хеттские архивы, в которых упоминаются сезонные «общественные трапезы», в которых принимал участие царь. Согласно рукописным данным, после ритуального омовения рук в специальном храмовом бассейне, царь вступал в храм и приступал к общественной трапезе и культовому питью. Лингвистами уже было отмечено, что в хеттских архивах слово «фестиваль» обозначает не только праздник, но и «пир», «банкет», что уже само по себе может обозначать трапезы, в том числе коллективные.

В этом плане заслуживает внимание один хеттский сосуд из Инандык Тепе с явно тематической сценой коллективного праздника в сопровождении танцоров, музыкантов и даже прыгающих акробатов (Ozguch, 1988, p. 83-100). Имеются такие данные и в Маргиане, как, например, на одной цилиндрической печати из храма Тоголок-1, где

Рисунок 22. Площадь общественных трапез и прилегающие помещения северного фаса комплекса. Вид с востока, 2004 г. (Фото М. Беглиева)

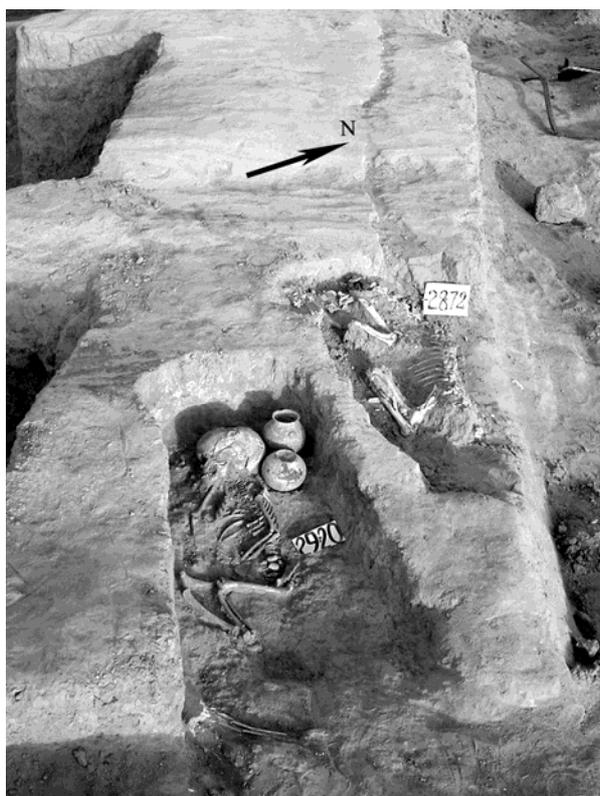

Рисунок 23. Погребение № 2920 и расположенное рядом захоронение собаки (№ 2872 – на втором плане) на северной части обводной стены.

изображена сцена празднества: изображены музыканты, играющие в тамбурины, и прыгающие через шест акробаты. В высшей сте-

пени показателен тот факт, что все без исключения персонажи этой композиции изображены либо с головами обезьян, либо с обезьяньими масками, подчеркивая мистический характер всей этой сцены (Sarianidi, 1998, fig. 28, n.6).

Если учесть, что прыгающие акробаты известны лишь в Средиземноморском бассейне (и в том числе Анатолии), а теперь и в Средней Азии, то такое сходство вряд ли случайно и может рассматриваться как дополнительные археологические подкрепления в письменных свидетельствах. Естественно предполагать, что в древности такие общественные трапезы представляли собой «...высочайший уровень чистоты, наподобие жертвоприношений в храмах» (Магнесс), а в целом они носили мистический характер (наподобие дионисийских мистерий) и проходили под музыкальное сопровождение и ритуальные танцы.

Для нашей темы чрезвычайно ценно имеющееся указание на культовое омовение рук царем, чему, разумеется, следовали и все остальные участники таких общественных трапез. В этом отношении исключительный интерес представляет вышеупомянутый бассейн, который мог служить этим же целям и

который возможно не случайно так «неудобно» расположен (между проходом в обводной стене и самой площадью), «загораживая» прямой проход к месту массовых трапез. Иначе говоря, каждый участник «общественных трапез» не мог миновать бассейн, не совершив культовых, ритуальных омовений, которые строго соблюдались в древности, ибо нарушивший это правило лишался права принимать участие в таких коллективных трапезах.

Согласно все тем же хеттским документам, после ритуального омовения рук царь присоединялся к участникам этих празднеств, но не на общей площади, а в храме. Поэтому не исключено, что на Северном Гонуре таким местом могло быть

«царское святилище», куда царю могли приносить жертвенную пищу, приготовленную в вышеупомянутом микрокомплексе с простыми и грушевидными печами (раскоп 11), где можно было приготовить мясо не только мелких, но и крупных животных. Нелишне вспомнить и культовое питье, которое могло готовиться в пом. 100, тем более что, например, хеттские трапезы сопровождалась и культовыми возлияниями. Доказательством тому могут быть вышеупомянутые проходы, специально проделанные в оборонительной стене каре, позволявшие «напрямую» приносить приготовленную жертвенную пищу и культовое питье к царскому столу, располагавшемуся в «киоске».

Рисунок 24. Общий вид раскопа 11. Вид с севера

Есть достаточно веские основания предполагать существование в Маргиане практики «общественных трапез», которые протекали на специальной площади, под громкие звуки музыкальных инструментов (и в том числе огромных барабанов) в сопровождении акробатических выступлений, носивших явно мистический характер. Возможно, с этими же трапезами был связан расположенный на естественном возвышении вышеупомянутый микрокомплекс «длинных стен» (раскоп 10), с его ярко го-

ревшими алтарями и другими сооружениями культового назначения, к сожалению, практически не сохранившимися до нашего времени. Помещения, примыкающие к обводной стене, были связаны с приготовлением жертвенной пищи, как крупного, так и мелкого скота, которая доставлялась в «киоск» царю, в то время как на самой площади, под открытым небом проходили коллективные трапезы простых общинников. Монументальная архитектура с вышеупомянутыми дворами «А», «Б», «В» и «Г»,

окруженными узкими коридорами, могла служить местом культовых церемоний и ритуалов, о которых можно лишь догадываться.

Вообще же общественные трапезы занимали большое место в идеологических представлениях индоиранцев, которые в Авесте выступают под именем Иза, а в Ригведе – Ида. Доказано, что авестийская Иза этимологически идентична ведической

Иде, причем оба праздника Ида/Иза всегда сопровождалась коллективными трапезами. По данным лингвистов, «сущность ритуала заключалась в поедании определенных частей мяса жертвенных животных» (Боусе, 1989, р. 164), с чем можно сопоставить факт обнаружения в двухкамерных печах среди костей животных всегда только их голов и ног.

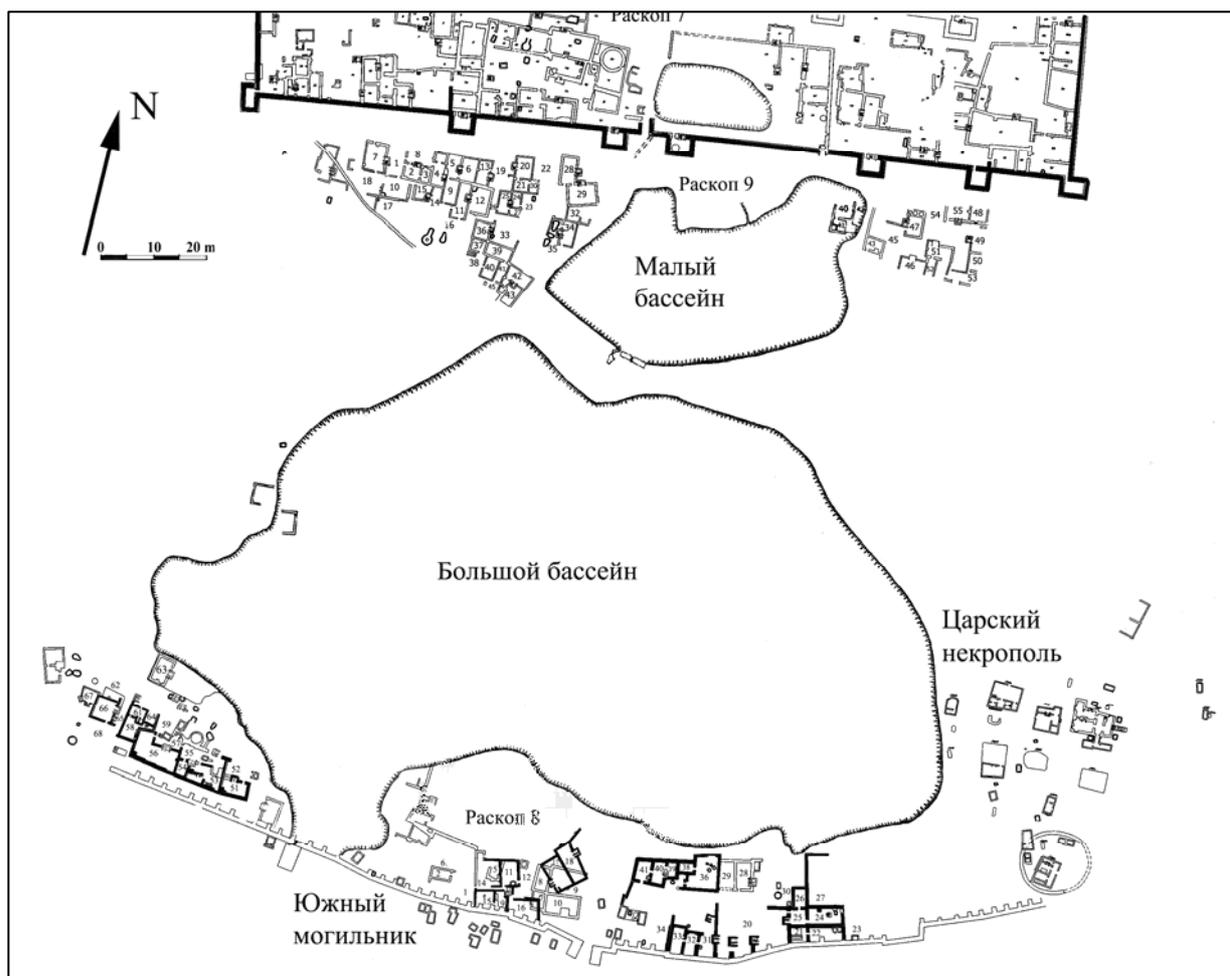

Рисунок 24. Схема южного фасада дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (раскопы 8,9).

Очевидно, во время празднеств Ида/Иза отдельные части животных (как, например, головы и длинные кости ног) не использовались для пищи и за ненадобностью оставались на месте их приготовления. Ряд специалистов, в том числе М. Хумбах, склонны сопоставлять такие коллективные трапезы с причастием или иначе «с христианским ритуалом жертвоприношения» (евхаристия), представляющим собой одно из главных религиозных таинств христианской церкви.

Если северную часть всего рассматриваемого архитектурного комплекса занимали сооружения, связанные с «общественными трапезами», то южная часть была связана с культурами, посвященными поклонению воде, водной стихии (рис. 24). Доказательством тому служит раскоп 9, расположенный через широкую «улицу», за внешней частью южной оборонительной стены каре.

Уже при первом визуальном обследовании Гонура было обращено внимание на

большой пониженный участок, в его южной части, который ошибочно был принят за «центральную» площадь, где могли проходить своего рода «народные собрания» (Сарианиди, 1990, с. 15). Как показали проведенные на этом месте раскопки, на самом деле это оказался самый большой, главный водоем всего Северного Гонура размером 150 на 80 м при глубине 2,5 м. Естественно полагать, что такой водоем не мог существовать за счет дождевой воды. Древние ирригаторы вынуждены были использовать для этой цели один из боковых протоков

дельты р. Мургаб. Подведя его максимально близко к водоему, они установили под обводной стеной керамическую дренажную трубу (длиной около 1 м и диаметром 30 см). По этой трубе вода из Мургаба постоянно наполняла резервуар главного водоема. Поскольку перепад высотных отметок ложа протоки и водоема около берега был более 0,5 м, древние ирригаторы выложили ложе протока с обеих сторон трубы фрагментами керамики, прослеженную на общую длину 10 м, предотвратив тем самым неизбежный размыв водой береговой полосы (рис. 25).

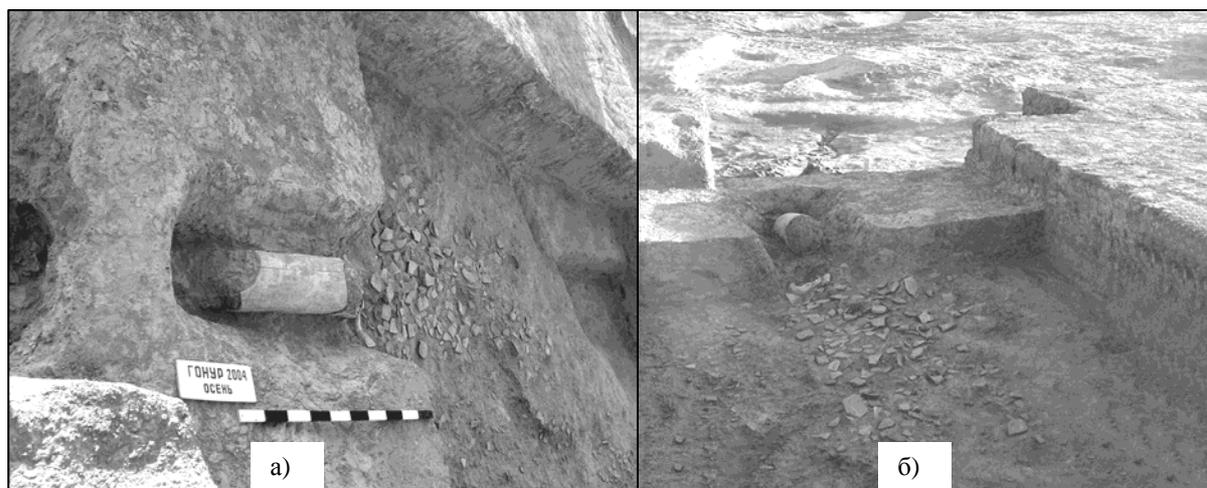

Рисунок 25. Устройство дренажной системы для заполнения большого южного бассейна водой р. Мургаб. а) – вид с востока и сверху; б) – вид с юга

Итак, вдоль обеих, длинных берегов главного водоема располагаются соответственно два строительных комплекса (северный и южный), принадлежащих одному единому монументальному сооружению, условно названного Храмом Воды. Главной планировочной особенностью является тот факт, что оба строительных комплекса не сгруппированы в одно сооружение, а напротив вытянуты в цепочку вдоль береговой линии водоема (см. рис. 24).

За оборонительной стеной каре, через «улицу» располагается северный береговой комплекс (раскоп 9), причем как показали раскопки, сначала были возведены помещения расположенные на всю длину вдоль «улицы». Со временем, когда главный бассейн стал постепенно мелеть, вслед за «уходящей» водой бассейна стали возводиться новые строения, свидетельством

чего могут служить пом. 33-43, фундаменты стен которых покоятся не на материке, а уже на накопившихся культурных наслоениях.

Первоначально это был единый строительный комплекс, вытянутый с востока на запад вдоль северного берега главного водоема. Со временем, когда главный водоем сильно обмелел, центральная часть северного берегового комплекса была частично скрыта, и на этом месте был устроен новый «малый» бассейн, хотя и много меньших размеров.

Естественно, что вода в новый водоем не могла поступать, как раньше, из дельты реки Мургаб, а лишь за счет наполнения его дождевой водой. Для этого древними ирригаторами была устроена система искусственного дренажа, свидетельством чего служат вставленные друг в друга кера-

мические трубы или просто узкие каналы, всегда наклоненные в сторону водоема.

Рисунок 26. Вид с северо-востока на пом. 19 на раскопе 9.

Хотя устройство позднего водоема в сильной степени исказило общую первоначальную картину всего этого северного, строительного комплекса, тот документально установленный факт, что новые строительные микрокомплексы возводились с таким расчетом, чтобы быть расположенными ближе к воде главного, южного водоема, с бесспорностью указывают на их функциональную взаимосвязь. Иначе говоря, устройство малого бассейна преследовало одну главную цель: по возможности максимально приблизить северный береговой комплекс к самой воде, лишняя раз указывая на их функциональную взаимосвязь. Дополнительным доказательством тому служит планировка северного комплекса, характерной особенностью которого является устройство практически во всех помещениях двухкамерных печей, связанных с жертвоприношениями.

Среди ранних строений (раскоп 9) своей правильной планировкой и аккуратной, тщательной отделкой интерьера выделяется пом. 7 с проходом и двухкамерным очагом, рядом с которым прямо на материке в пом. 19 (рис. 26) и была найдена вышеупомянутая хараппская печать. В более позднем микрокомплексе общая планировка помещений не столь правильная и регулярная, а интерьеры не так тщательно оштукатурены. Тем не менее, показательно, что помещения, располагавшиеся на берегу вновь вырытого бассейна (пом. 28, 29, 34, 42), также имеют двухкамерные печи, связанные с жертвоприношениями.

Заканчивая краткую характеристику северного берегового комплекса следует упомянуть полый кирпичный «куб», устроенный в восточной части позднего бассейна, стены которого сохранили внутри следы сгнившего камыша. Хотя назначение его остается не совсем ясным, отметим, что основания стен его углублены в дно бассейна. Это дает возможность предполагать, что «куб» был, возможно, построен уже после того, как прекратил свое существование сам бассейн.

В заключение следует отметить, что в момент раскопок вся бывшая планировка этой, северной, части «Храма Воды» была перекрыта сплошным, толстым (до полуметра толщиной) горелым слоем вперемежку с костями животных, прямо напоминая собой культурный слой вышеописанной площади «общественных трапез» северной части Гонура. Очевидно, после окончательного заброса бывшего «храма воды» на его руинах (включая бывший бассейн) была устроена площадь, на которой и проходили коллективные трапезы».

Южный комплекс «Храма Воды» (раскоп 8) был как бы «зажат» между обводной стеной всего этого архитектурного ансамбля и главным водоемом и вытянут в виде длинной анфилады помещений, занимающая всю южную прибрежную полосу. Примерно в середине обводной стены имеется широкий проход с двумя наружными, выступающими вперед пилястрами, отмечая собой один из главных входов внутрь всего этого дворцово-культового архитектурного ансамбля. По обе стороны от него (с востока и запада) тянется однотипная планировка с общими для всех них проходами, указывая на их общее функциональное назначение.

Среди восточного микрокомплекса, бесспорно, выделяется центральное помещение типа зала (пом. 20), широко открытое в сторону главного водоема. Внутри зала в одну линию вытянуты три двухкамерные печи, возведенные на небольших, но специальных платформочках, причем духовки двух из них выстланы внутри фрагментами керамики (рис. 27).

а)

б)

Рисунок 27. Пом. 20 на раскопе 8. а) – южная часть помещения, вид с северо-востока; б) – ряд двухкамерных печей, вид с востока.

Западная половина этого же южного комплекса примерно в середине разделена на две части устройством на этом месте вышеупомянутого дренажного сооружения, через которое вода из Мургаба поступала в главный водоем. Характерной чертой всего южного микрокомплекса является наличие большого количества помещений с двухкамерными печами. Следует отметить, что подобного типа печи существовали на этом месте как в самый ранний период (стоят на материке), так и второй, и даже в третий периоды (тогда они возведены на руинах былых строений). Иначе говоря, с самого начала и до конца существования южного комплекса он был связан с жертвоприношениями воде.

Есть веские основания считать, что и северный, и южный береговые строительные комплексы представляют собой один общий Храм Воды. Такая необычная планировка продиктована необходимостью прямого и непосредственного контакта с главным водоемом, когда жрецы могли иметь беспрепятственный проход к воде и совершать там многочисленные, предположительно ежедневные, жертвоприношения воде.

Общеизвестно, что реки Средней Азии (и в том числе Мургаб) медленно, но неуклонно мигрируют в западном направлении, что не могло не привести к постепенному обмелению главного водоема. Это в свою очередь в сильной степени затруднило обряды жертвоприношений. Думается, именно эти причины и привели к необходимости устройства дополнительной террасы на южном береговом комплексе и новых помещений на северном берегу, что давало возможность жрецам легко и беспрепятственно достигать «убегающую воду». Очевидно, вслед за «убегающей» водой устраивались новые террасы, на которых возводились помещения с двухкамерными печами, доказательством чего является пом. 63 (рис. 24). В них жрецы могли совершать свои ритуалы, в том числе жертвоприношения, непосредственно у береговой кромки водоема.

Однако настал момент, когда главный водоем практически полностью обмелел и был окончательно оставлен. Вместо него были выкопаны три новых бассейна, но много меньших размеров: западный и два южных водоема (один в пределах каре, а второй – за его стенами).

Большая, если не сказать жизненно важная, роль воды в этой аридной зоне очевидна. Такова же она была и в древности. Так что М. Бойс прямо замечает: «...было бы правильно называть зороастрийцев водо- и огнепоклонниками» (Воусе, 1989, р. 155), что полностью согласуется с археологической ситуацией, выявленной на Северном Гонуре. В самом деле, раскопки Гонура с документальной точностью показали, что большая часть планировки внутри каре связана с жертвоприношениями различным божествам (Храм Жертвоприношений), а вся северная часть Гонура - с «общественными трапезами». Наконец, вся южная часть Гонура связана была с поклонением воде и водным божествам, свидетельством чего являются помещения Храма Воды.

Многочисленные двухкамерные печи, составляющие наиболее показательный и характерный признак всей рассмотренной архитектуры, со всей очевидностью свидетельствуют, какую огромную роль у маргушцев занимали жертвоприношения различным божествам. Это прямо согласуется с

данными лингвистов, согласно которым у древних иранцев существовали жертвоприношения не только отдельным богам, но и регулярные жертвоприношения огню и воде – двум элементам, которые играли жизненно важную роль в их повседневной жизни (Воусе, 1989, р. 153). По словам М. Бойс, у индоиранцев существовала всеобщая практика посвящать жертвоприношения персонально каждому отдельному божеству (Воусе, 1989, р. 151), что до определенной степени объясняет устройство такого излишне большого количество двухкамерных печей, служивших для приготовления жертвоприношений. В целом же, по мнению лингвистов, у индоиранцев существовало три главных жертвоприношения: 1) приношения богам (Храм Жертвоприношений, 2) приношения огню (Храм Огня на востоке комплекса) и 3) приношения воде, (Храм Воды). Причем все они были отдельными актами, которые совершались жрецами в «специализированных» храмах (Воусе, 1989, р. 156).

Рисунок 28. Вид на кремль Северного Гонура с Юго-Востока.

Все эти языческие древнеиранские ритуалы и культовые церемонии находят свои прямые подтверждения в данных археологии, как они представлены в раскопанных храмах Северного Гонура. Обширный комплекс, включающий дворы «А», «Б», «В» и «Г» на раскопе 5 вместе с прилегающей площадью и бассейном вероятнее всего, действительно, были связаны с общественными трапезами типа Иза\Ида. Все эти культовые церемонии и ритуалы (хотя и в ре-

формированном виде) находят свое продолжение в более поздней зороастрийской традиции, доказательством чему служат соответствующие тексты Авесты и Ригведы. Как видно, дворцово-храмовый ансамбль Северного Гонура находит очень много общего с особенностями памятников, которые можно связать с протозороастризмом, ставя точку в затянувшуюся дискуссию о времени, месте и происхождении первой мировой религии – зороастризма.

Литература

- Пугаченкова Г.А.* Новый памятник древнебактрийской культуры // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 1972.
- Сарианиди В.И.* Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В.И.* Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Ardeleanu-Jansen A.* The sculptural art of the Harappa culture // Forgotten cities on the Indus Early civilization in Pakistan from the 8th to the 2nd Mil. BC \ Jansen M., Mulloy M, Urban G. (Eds.) Mainz, 1991. P. 167-178.
- Boyce M.* A history of Zoroastrianism. Leiden, 1989.
- Dhavalikar M, Atre S.* The Fair cult and Virgin sacrifice: some Harappan rituals // Old problem perspectives in the archaeology of South Asia \ Kenoyer J.M. (Ed.) 1989.
- Magness J.* The Archaeology of Qumran and the Fead Sea Scrolls. Michigan, 2002.
- Marshall J.* Mohenjo-Daro and Indus Civilization. L., 1931.
- Ozguch T.* Inandik Tepe. Ankara, 1988.
- Possehl G.L.* The Indus civilization. A contemporary perspective. New-Delhi, 2002.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998.

Н.А. Дубова
(Россия, Москва)

МОГИЛЬНИК И ЦАРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ НА БЕРЕГАХ БОЛЬШОГО БАССЕЙНА СЕВЕРНОГО ГОНУРА

В результате археологических исследований Маргианской археологической экспедиции под руководством В.И. Сарияниди в 2004 г. на южном и восточном берегах большого южного бассейна Северного Гонура были выявлены скопления человеческих захоронений в цистах и камерах. Как уже было отмечено в публикациях, основным местом, где совершались захоронения древних маргушцев, был некрополь, который располагался в 300 м к западу от дворцово-храмового комплекса. Некрополь занимает площадь около 10 га и имеет ту же датировку, что и весь памятник (конец III – II тыс. до н.э. – Сарияниди, 2001, с.14). Весной 2002 г. некрополь был раскопан полностью.

Среди обнаруженных там 2853 могил и «поминальных лунок» (fire places - небольшие ямки, диаметром менее 0,5 м, во многих случаях содержащие сильнообожженные кости мелкого рогатого скота – баран/коза) тип конструкции погребальной ямы определить было возможно в 2642 случаях. Подавляющее большинство маргушцев было захоронено в шахтных могилах (86,8%). Обычные ямные погребения были встречены в 9,0% случаев, еще 2,2% и 2,0% составили цисты и камерные гробницы соответственно (Sarianidi, in press). Погребенные обычно лежали на правом боку (87,7%), головой на север или северо-запад (82,7%) в скорченной позе. В 90,5% шахтных погребений был захоронен один человек, только в 3,0% два индивида. В одной такой могиле были встречены останки 3 человек, а в одной – четырех. Из 52 цист в трех были захоронены 2 человека, в двух – три. Чаще всего множественные захоронения отмечались в камерах (всего 72,3% одиночных). Причем в

одной камере (№ 1999) были найдены останки 9 человек.

Следует особо отметить, что в подавляющем большинстве камер костные останки людей были представлены лишь так называемым костяным крошевом. Добавим также, что в одном из помещений дворца была обнаружена дахма: в комнате без потолка на полу в обычной позе лежал один человеческий скелет. Кости еще 9 скелетов были сдвинуты в один угол вместе со своими погребальными приношениями. Учитывая, что входы в камерные гробницы некрополя закладывались сырцовыми кирпичами «всухую», без применения какого-либо раствора, вполне логично полагать, что и эти погребальные конструкции использовались для последовательных захоронений.

Несмотря на то, что из 47 камер, открытых на некрополе все за исключением трех (№ 194, 555, 1999) были разграблены,¹ самые богатые находки были сделаны именно в них и в цистах. Таким образом, уже при раскопках некрополя было установлена социальная стратификация маргушского общества, где самые богатые составляют 4,2% населения, самые бедные – 9%, а условно называемый «средний класс» - остальные 86,8%.

Новые данные, подкрепляющие эти выводы, были получены при раскопках помещений храмов, окружающих гонурский кремль со всех сторон². Они показали, что, когда дворцово-храмовый ком-

¹ Из 2596 погребений только 428 (или 16,5%), а из 52 цист только 3 были неогранными.

² Антропологические работы проводятся при частичном финансировании в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

плекс Северного Гонура потерял свое значение, его руины были застроены домами и лачугами рядовых общинников и бывших горожан. Невдалеке от своих новых жилищ они хоронили умерших, приспособив для этого руины, как дворца, так и окружающих его храмов и других построек. В этих погребениях при раскопках обнаружены костные останки людей разного возраста и имущественного положения. Радиоуглеродные даты образцов, полученных непосредственно из таких впускных погребений в помещениях, варьируют около 1700-

1600 гг. до н.э. Таким образом, эти погребения относятся к последнему (третьему) периоду существования памятника.

Отмеченные в руинах конструкции погребальных сооружений практически не отличаются от тех, что были встречены на некрополе. Необходимо, правда, отметить, простоту их устройства, меньшую глубину, а также наличие захоронений в пифосах. Почти на всех участках, кроме раскопа 6 (за пределами обводной стены – западный могильник) шахтные могилы были встречены в единичных случаях.

Таблица 1. Типы погребальных сооружений на руинах дворцово-храмового комплекса.

Тип погребального сооружения и	Раскопы				P5-P8 суммарно	
	5	6	7	8*	Единиц	%
Ямные	144	23	35	50	252	65,6
Цисты	14	2	0	29	45	11,7
Шахтные	2	22	2	1?	27	7,0
Печи, очаги	6	0	2	1	9	2,4
Пифосы (включая пифосы, помещенные в ямы)	23	1	7	6	37	9,7
Камеры	0	0	0	2	2	0,5
?	5	1	4	2	12	3,1
ИТОГО	194	49	50	91	384	
% от общего числа погребений на руинах	50,5	12,8	13,0	23,7	100	

* - Без учета погребений «царского могильника»

Как видно из данных табл. 1, на всех участках подавляющее большинство составляют ямные могилы. Вместе с погребениями в пифосах (крупных керамических сосудах) их доля достигает 75,3% от всех погребений в руинах суммарно. Поскольку, археологическими исследованиями на некрополе установлено, что в ямных могилах хоронились представители самого бедного социального слоя Маргианы, наши материалы свидетельствуют, что последними жителями дворцово-храмового комплекса Северного Гонура, уже превратившегося в руины, было, конечно, беднейшее население страны. Об этом же свидетельствует или полное отсутствие или чрезвычайная бедность погребальных приношений.

Среди выявленных погребений в северной части комплекса выделяется сохра-

нившаяся неразграбленной циста № 2900, в которой захоронены два пожилых человека – мужчина и женщина (рис. 1). Оба лежали в скорченной позе на правом боку, головой на север. Непосредственно под мужским скелетом находился полный скелет молодого ягненка. Вдоль северной и западной стенок цисты стояло 27 керамических сосудов (рис. 2). Около головы мужчины разместились богатые личные погребальные приношения – серебряные и фаянсовые браслеты, гребень из слоновой кости, фаянсовый панцирь черепахи, серебряные кубок и стаканчик, бронзовые сосуды. У западной стенки погребения найдена шкатулка или деревянная плакетка, украшенная инкрустацией из слоновой кости (рис. 3).

Рисунок 1. Циста 2900 на раскопе 5 (северная часть дворцово-храмового комплекса)

Особо обращают на себя внимание бронзовый наконечник копья (длина – 43,5 см) с загнутым черешком (рис. 4) и великолепная серебряная булава с навершием в виде гордо шагающего верблюда, находившаяся под самым подбородком мужчины и, видимо, закалывавшая ворот одежды. Еще более великолепное нагрудное украшение – ожерелье с двумя симметрично расположенными коровами лежало около шеи усопшего. Коровы искусно сделаны из серебра: их тела, глаза и хвосты инкрустированы полудрагоценными вставками из бирюзы, сердолика и лазурита. Само оже-

Рисунок 2. Керамические сосуды из погр. 2900

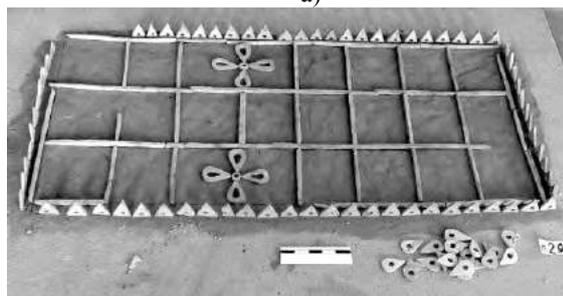
релье состоит из тех же камней, причем в отверстия каждой бусины с двух сторон помещены бронзовые крепежные вставки, в которые вдевалась нить, что подчеркивает высокое мастерство маргушских ювелиров.

Кроме того, в юго-западном углу этой цисты найден комплекс медно-бронзовых предметов, получивший условное название «ритуальный набор» (рис. 5). В него вошли большой треугольник с петлями в каждом углу, два небольших круглых зеркала, косметический флакон с крышечкой, сосудик в виде почки, небольшая воронка с ручкой и ситом для процеживания жидкостей, блюдечко и большой нож, а также длинный серебряный аппликатор для нанесения краски на тело или лицо. Дополняли это набор бронзовых предметов ребра молодого ягненка, видимо остатки ритуальной трапезы. Рядом с этим набором на полу цисты находился глиняный лепной необожженный сосуд, в котором у его западной стенки стояла целая состав-

ная статуэтка. В момент расчистки на белой мраморной голове статуэтки была зафиксирована черная масса, изображающая, по видимому, волосы или головной убор. Эта масса разрушилась прямо на глазах археологов под воздействием воздуха. На стенках лепного необожженного сосуда сохранились фрагменты белой тонкой обмазки со следами красной и черной краски.

а)

б)

Рисунок 3. Крышка шкатулки (?) инкрустированная слоновой костью из погр. 2900. а) in situ; б) реконструкция: рядом лежат вставки из слоновой кости, найденные около «дна» шкатулки.

Еще более интересным оказалось захоронение животных, находившееся непосредственно у восточной стенки цисты. Это было погребение двух взрослых баранов, лежавших головами на запад и мордами друг к другу. Передние конечности обоих баранов были переплетены между собой. За спинами животных лежало по одному маленькому ягненку, за задними ногами – две собаки, а около спины северного барана – нижняя челюсть лошади (рис. 6). Всё погребение, включая животных, было устроено на толстом (местами доходившем до 10 см) слое зерен злаков – пшеницы и ячменя. Что могло означать столь причудливое сочетание компонентов?

Рисунок 4. Наконечник копья с загнутым черешком из погр. 2900 (in situ)

Уже в некрополе Гонура были встречены единичные погребения в кирпичных камерах, где вместе с людьми хоронили животных (как правило, ягнят), но в данном случае были обнаружены бараны, захороненные вне таких камер.

а)

б)

Рисунок 5. «Ритуальный набор» предметов из погр. 2900. а) in situ; б) в разобранном виде

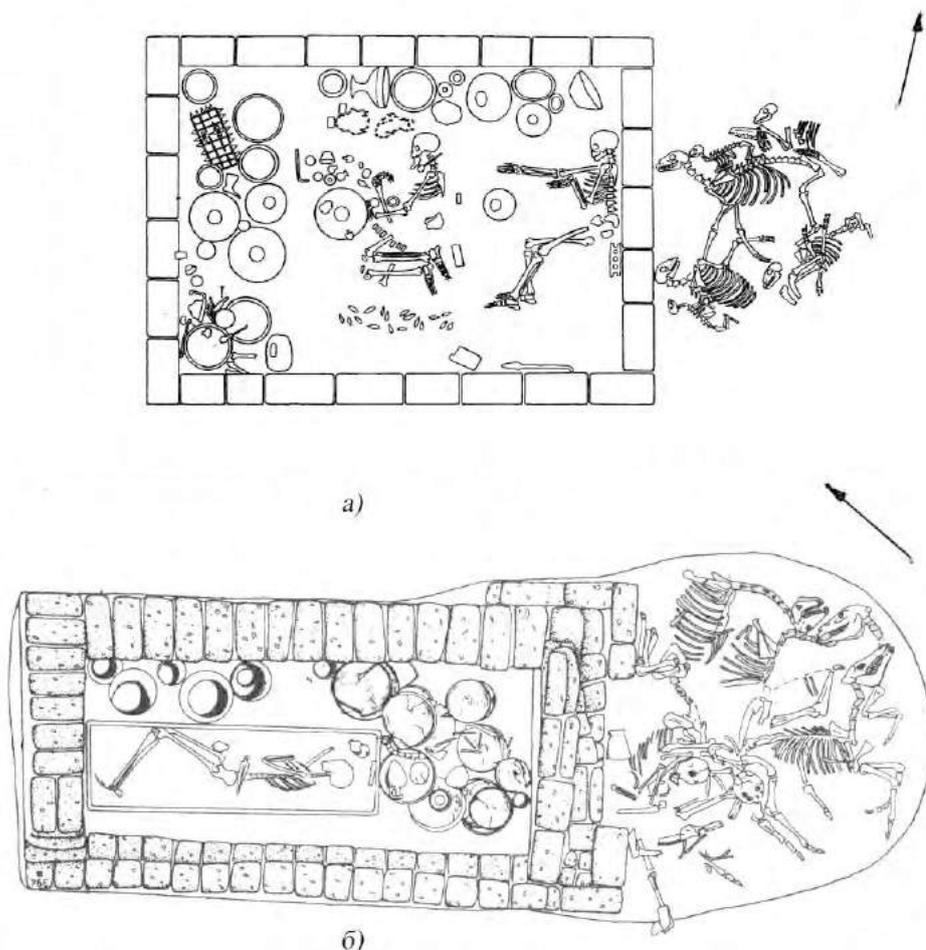

Рисунок 6. Схемы погр. 2900 Северного Гонура (а) и погр. А/II-I по. 5 (могила помощника казначея по имени 'Аму, «Азиат») Авариса (б) (воспроизводится по : Vietak, 1991)

Удивительно, но точно такие погребения были достаточно широко распространены на другом краю Древнего Востока – в Египте. Раскопки австрийских археологов в дельте Нила выявили здесь город Аварис, основанный выходцами из Северной Сирии. В их погребальных обрядах широко использовалась практика захоронения убитых животных снаружи обычных кирпичных камерцист. Гонурские и египетские захоронения такого рода сходны между собой в высшей степени.

Обращает на себя внимание разное число обнаруженных погребений с северного, западного и южного фаса. Исходя из этих данных, можно полагать, что раньше всего для впускных погребений стали использоваться руины северного фаса комплекса, в самую последнюю очередь – бывшие помещения, расположенные между южными стенами кремля и каре. Можно думать, учитывая и устройство двух самых

крупных бассейнов именно на юге, что этот участок дольше всего оставался обитаемым. В те годы, когда и дворец, и окружающие его храмы еще не полностью потеряли свое религиозное значение, но центр Маргианы уже переместился вместе с водой Мургаба в другой оазис, в непосредственной близости от обводной стены, все еще являвшейся границей, которую нельзя было игнорировать, постепенно стали образовываться небольшие могильники. Скорее всего, этот процесс был таким же, как это имеет место и в наши дни, особенно на Востоке около почитаемого или святого места. Свидетельством этому являются скопления погребений за обводной стеной и в непосредственной близости от нее на северо-востоке, западе и юге описываемого комплекса.

Когда величественные некогда стены Храмов и Дворца сравнялись с землей, именно они, удобно отличаясь от окру-

жающих их просторов сыпучих песков, стали удобным местом для столь распространенного еще в неолите способа захоронения умерших детей вне дома, но недалеко от него.

Рисунок 7. Захоронение баранов, погр 3124

Судя по частоте встречаемости погребений в помещениях, можно отметить, что наиболее рано в руины превратились строения северной части комплекса – здесь обнаружено и наибольшее абсолютно число погребений (50,5%) и скопление захоронений в отдельных помещениях превышает таковые на других фасах. Необходимо, правда, отметить, что на юго-восточном фасае (раскоп 7) обводную стену или ее следы пока обнаружить не удалось. Все имеющиеся строения, продолжающиеся в эту сторону, выходят на такыр и полностью разрушены. В настоящее время поиски в этом районе каких-либо следов погребений также пока успехов не принесли. Можно предполагать, что в последний период существования памятника именно на юге, между стенами кремля и каре, концентрировались жилые дома поселенцев.

За пределами территории, ограниченной обводной стеной комплекса, с севера, запада и юга встречены группы погребений, которые могут быть квалифицированы как небольшие могильники. Так, на севере выявлено 10 погребений в цистах, на западе – 30, значительную часть которых составляют подбойные могилы, а на юге – целый погребальный комплекс, где в настоящее время вскрыто более 90 погребений, причем некоторые из них больше всего сходны с камерными гробницами. Как отмечалось выше, этот тип погребальных сооружений хорошо известен на некрополе, но, в отличие от нек-

рополя, гробницы около южной части обводной стены, имеют значительно более простое устройство. Вместо 2-3 камер в них всего одна, но нередко перегородженная на две части низенькой перегородкой высотой в один кирпич, поставленный на бок. Вместо большого числа внутрестенных ниш в них обычно лишь одно углубление, как правило, в северной стене, где помещены 2-3 керамических сосуда.

Среди раскопанных погребений-цист на названном условно Южном могильнике следует особо остановиться на нескольких. Прежде всего, это погребение № 3124, размером 125 на 90 см и глубиной 50 см, со стенками из сырцовых кирпичей, положенных плашмя, в котором были захоронены только два взрослых барана и один ягненок (рис. 7). Оба больших животных лежат на правом боку, один в затылок другому, головами на север. Их задние ноги подтянуты к передним (в чем можно увидеть аналогии со скорченной позой погребенных людей). В юго-западном углу цисты, сразу под ногами южного барана – также на правом боку, головой на запад лежал полный скелет ягненка.

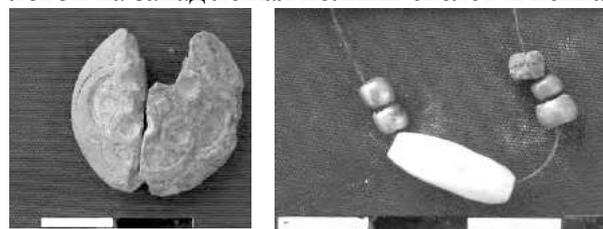

Рисунок 8. Бусины из погр. 3124.

Вдоль северной и западной стен погребальной ямы стояли 7 керамических сосудов, внутри одного из которых находился миниатюрный фаянсовый сосудик, окрашенный изнутри и снаружи в ярко-синий цвет. Внутри другого керамического сосуда была положена большая бронзовая чаша. Перед головой северного барана обнаружено несколько мелких золотых, бронзовая и гипсовая цилиндрическая бусины (рис. 8). Дополняли погребальные приношения куски жертвенного мяса, положенные сверху на несколько сосудов. Около ребер-задних ног ягненка лежал керамический бокал на ножке, отверстие которого было накрыто небольшим фрагментом керамики. Под сосудами, на полу могильной ямы около северной ее стенки найдена сломанная стеа-

титовая бусина («пуговица») с геометрическим орнаментом.

Рисунок 9. Захоронение баранов, погр. 3130.

Еще более богато были захоронены три барана в погребении № 3130 (рис. 9). Циста, сложенная из сырцовых кирпичей, имела размеры 230 на 125 см и была глубиной всего 25 см. Два из них – взрослые животные – лежали в центре кирпичной цисты у ее западной стены мордами друг к другу и головами на северо-запад-запад. Задние ноги обоих баранов согнуты, передние – выпрямлены, направлены в сторону своего «визави». За спиной северного барана, почти в северо-западном углу могильной ямы, на правом боку лежал ягненок, головой на северо-восток. Вдоль стен и в углах ямы стояло 8 керамических сосудов. В юго-западной и северо-западной половинах погребения помещены 2 цилиндрических бронзовых сосуда, в одном из которых находился миниатюрный фаянсовый косметический сосудик с узким горлышком.

Рисунок 10. Шкатулка с инкрустацией из слоновой кости в виде решетки из погр. 3130

Около таза южного барана лежала бронзовая булавка длиной 13 см, невдалеке, также как и у ног северного животного, лежало множество бронзовых, сердоликовых и гипсовых бусин, в том числе в виде бисера. У ног баранов, т.е. около восточной

стенки цисты на высоте 15 см над уровнем пола найдены остатки, по-видимому, деревянной крышки от шкатулки (или плакетки) с решетчатой инкрустацией из слоновой кости (рис. 10). Узор сходен с таковым, найденным в пом. 115 («царское святилище») на северном фасае комплекса, и отличается от шкатулки из погр. 2900 отсутствием боковых украшений и изображений розеток.

За спиной северного барана положено несколько бронзовых предметов: косметический флакон с бронзовым аппликатором внутри, большой кинжал, зеркало, а самое главное – два так называемых «гарпуна». Один – размером 49 см с серебряной рукояткой, а второй – с острым концом и длиной 65 см (рис. 11).

Рисунок 11. «Гарпуны» из погр. 3130.

«Гарпуны» этого типа были известны пока только в Египте, Библе и Сиро-Палестине, а так же в Эламе и Бактрии. Теперь они выявлены и в Маргиане. Оба «гарпуна» из погребения 3130 были тщательно завернуты в ткань, о чем свидетельствуют отпечатки ее, сохранившиеся благодаря окислам меди (рис. 12).

Дополняют погребальные приношения этим животным 3 кремневых наконечника стрел, положенные в один из сосудов. Сверху на богатый набор бронзовых предметов были положены куски мяса молодого верблюда, о чем свидетельствуют длинные крупные ребра. Спина третьего из погребенных баранов – ягненка – лежит непосредственно на бронзовом «гарпуне» с ост-

рым концом. Хотя назначение подобных «гарпунов» с точностью неизвестно, уже были отмечены подобные предметы в руках царей и богов на изображениях месопотамской глиптики.

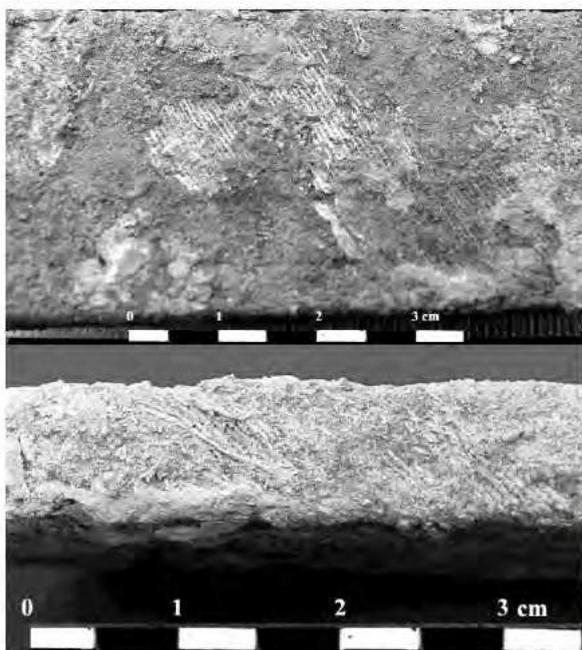

Рисунок 12. Отпечатки ткани на «гарпуне» с острым концом из погр. 3130.

Еще одна циста Южного могильника, которую мы упомянем здесь, - парная (погребение № 3155) (рис. 13). Два человеческих скелета лежат на правом боку в скорченном положении головой на север. Голова второго погребенного (женщина, около 16 лет) находится у локтей первого (мужчина 40-50 лет), причем оба лежат на земляном возвышении высотой около 10 см. 12 керамических сосудов стоят у северной стенки камеры; 3 (все миниатюрные) - перед лицом женщины, в руках которой была зажата терракотовая женская сидящая статуэтка (рис. 14). В сложенных на поясе руках статуэтки лежала большая каменная бусина. «На уши» молодой женщины были надеты маленькие золотые сережки. На оба запястья женщины одеты небольшие бронзовые браслеты, а также браслеты, составленные из каменных (сердоликовых, бирюзовых) и золотых бусин (рис. 15). На одном из пальцев правой руки - простое бронзовое колечко. Между костями грудной клетки найдены серебряная коническая пуговица с петелькой и небольшая каменная бусина. Вместе с керамическими сосудами

перед головой женщины стояла бронзовая чаша, внутри нее - бронзовый цилиндрический стаканчик, а под ними - косметический флакон с аппликатором. На тулове флакона с трех сторон имеются рельефные изображения голов горных козлов, которых атакуют змеиные драконы с широко разинутыми пастьями. Сверху все бронзовые предметы были накрыты бронзовым зеркалом. На дне могильной ямы под этим набором керамических и бронзовых предметов найдено большое число восьмигранников и пластинок из слоновой кости с кружковым орнаментом, а также так называемые «гадательные палочки» (рис. 16). Внутри бронзового стаканчика - три кусочка каолина, из одного из которых торчали 5 верхних частей (с различными навершиями) сломанных булавок из слоновой кости. Отломанные фрагменты булавок найдены вперемежку с указанными изделиями из слоновой кости.

Рисунок 13. Погребение 3155 в процессе расчистки. Вид с юга.

Около грудной клетки женщины на полу цисты лежала каменная миниатюрная колонка. Второй набор бронзовых погребальных приношений расположен в северо-восточном углу этой же камеры, за головой

первого погребенного. Он состоял из двух миниатюрных бронзовых блюдец, в которых находился цилиндрический стакан, а также миниатюрный косметический флакон с крышечкой и аппликатором. На одно из блюдец был положен двузубый предмет, напоминающий вилку. Сверху на всем этом скоплении погребальных приношений лежала стеатитовая тарелка (диаметр 25 см). На шее мужчины находились четыре бусины – одна круглая золотая, две из горного хрусталя и одна из зеленого камня. Под правым плечом мужчины обнаружено скульптурное изображение извивающейся змеи, изготовленной из слоновой кости размером 10 см и диаметром 1 см (рис. 16).

Рисунок 14. Терракотовая статуэтка в погр. 3155 in situ.

В ногах погребенных в камере № 3155 находился полный скелет барана, спина которого лежала вдоль южной стены, а голова была направлена на восток. Никаких предметов с костями животного не найдено. Обращает на себя внимание, что размеры камеры малы для двойного погребения (рост мужчины может быть приблизительно оценен в 168-170 см, но он был широкоплеч; женщина значительно более миниатюрна – рост не более 145 см и очень тонкого телосложения). Кто были эти два столь богато одаренные для потусторонней жизни человека – любящий муж и его юная жена или же безутешный отец с любимой дочерью – остается только гадать. Пока, исходя из положения костных останков и нарушенного анатомического по-

рядка нескольких позвонков, ясно лишь одно: женщина была погребена, скорее всего, чуть позже мужчины.

Рисунок 15. Бусины из погр. 3155. 1 – около запястья женского скелета; 2 - серебряная пуговица; 3 – в «руках» у терракотовой статуэтки; 4 – между костями грудной клетки женского скелета; 5- золотые сережки; 6 – около подбородка и шеи мужского скелета.

Наконец, в цисте № 3149 (135 на 145 на 30 см), расположенной сразу за южной частью обводной стены, был похоронен мужчина 40-50 лет. Погребенный лежал на спине в восточной половине цисты, головой на север на возвышении из глины 15 см высотой (рис. 18). При погребении ноги умершего были поставлены вертикально, но в процессе разложения завалились в западную сторону. Подавляющая часть погребальных приношений располагалась в западной части цисты.

Рисунок 16. Изделия из слоновой кости из погр. 3155.

Они состояли из 12 керамических сосудов (5 больших и 2 малых конических, 1 большого с подкосом и 3 средних банковидных, 1 ваза на ножке), стоявших вдоль западной стенки.

Рисунок 17. Змея из слоновой кости из погр. 3155.

За затылком погребенного, упираясь непосредственно в северную стенку цисты, располагалось 6-ью зубьями вверх бронзовое навершие жезла. Около шеи, между костями грудной клетки и рядом на полу найдено несколько десятков гипсовых цилиндрических и одна многоугольная бусина, видимо представлявшие собой ожерелье, одетое на шею умершего, а также один гипсовый шарик (1 см в диаметре) без отверстий.

Рисунок 18. Погребение 3149.

Сразу за южной стенкой цисты обнаружена яма 185 на 50 см и глубиной 25 см. В яме найдены скелеты двух молодых животных (баран/коза). Сохранность костей очень плохая, но можно определить, что животные лежат один головой на восток, другой – на запад, спинами вдоль южной стенки основного захоронения.

Около донца большого конического сосуда, стоявшего в юго-западном углу цисты, найдено интересное скопление предметов (рис. 19). Это – 5 бронзовых наконечников стрел, 5 каменных конусов разной величины, 3 усеченных каменных конуса, 4 каменных шарика без отверстий, 1 каменный шарик с аккуратно отрезанным сегментом и 1 гипсовый шарик аналогичный тому, который был найден около головы погребенного. И количество, и, особен-

но, расположение этих предметов заставляют задуматься об их ритуальном назначении. Интересно, что отдельные конусовидные каменные предметы и каменные шарики, встречались, как на некрополе Гонура, так и на других маргианских памятниках (Тоголок-1, Тоголок-21). Но тогда все они были найдены вне культурного контекста. Данная находка – первая, где они обнаружены *in situ*, что открывает широкие возможности для изучения представлений древних маргушцев.

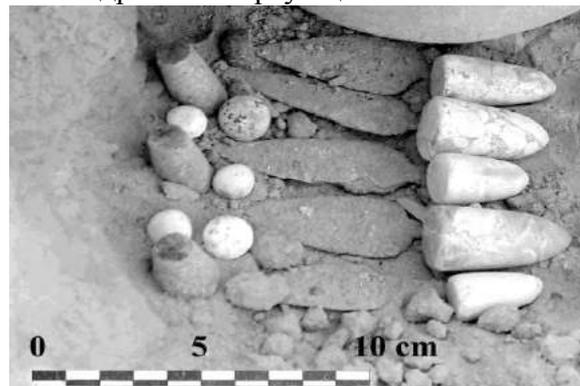

Рисунок 19. Скопление каменных предметов и бронзовых наконечников стрел из погр. 3149.

В данной работе, естественно, нет возможности остановиться на описании других погребений, хотя большинство из них (включая даже и обычно остающиеся «за кадром» младенческие) дали богатую информацию об обычаях и традициях населения Северного Гонура. Показателен факт, что в отличие от некрополя, где ограбленные погребения, как уже указывалось, составляют свыше 80%, на южном могильнике явно преобладают неограбленные. Более того, несколько погребений (например, №№ 3170, 3171 и 3172) представляют собой обширные цисты (первая 140 на 90, вторая 270 на 135, а третья – 130 на 100 см), тщательно обмазанные изнутри глиняной штукатуркой. В северной части цисты № 3170 захоронены два младенца, родившиеся преждевременно. Вся остальная часть цисты пуста.

В цисте № 3171, расположенной рядом, найдены останки трех детей разного возраста, погребенных в разных местах цисты и на разной глубине. Аналогично и в погребении № 3172: останки ребенка находились в северо-западной части цисты, занимая пространство лишь 60 на 40 см –

достаточно типичное для захоронения детей в руинах комплекса. Никаких погребальных приношений во всех трех могилах не обнаружено. Вполне логично предположить, что все рассмотренные выше детские погребения впускные. Поскольку все перечисленные могилы расположены очень близко друг к другу, можно предположить следующее. По-видимому, желая предать останки детей земле, родители случайно попали на сооруженную значительно раньше цисту достаточно состоятельных сограждан. Взяв из нее все ценное, они могли поинтересоваться и соседними погребениями. Во всяком случае, в заполнении цисты № 3171 были найдены осколки сланцевого посоха, подобного тем, что нередко находились среди погребальных

приношений особо важных персон. В той же могильной яме, около середины ее восточной стенки были расчищены костные останки барана (фрагменты черепа, включая челюсти, и ребра). Предположение, что все это могло быть частью приношений погребенным детям, вряд ли имеет под собой основания: как уже отмечалось, дети захоронены на разной глубине, т.е. по-видимому, в разное время. К этому следует добавить, что вблизи этих погребений были расчищены еще несколько несомненных цист-камер, сложенных из сырцовых кирпичей. И большинство их оказалось или пустыми или несли следы явного ограбления: погребальные приношения отсутствовали, а кости были перемешаны (например, погребения № 3133, 3151 и 3156).

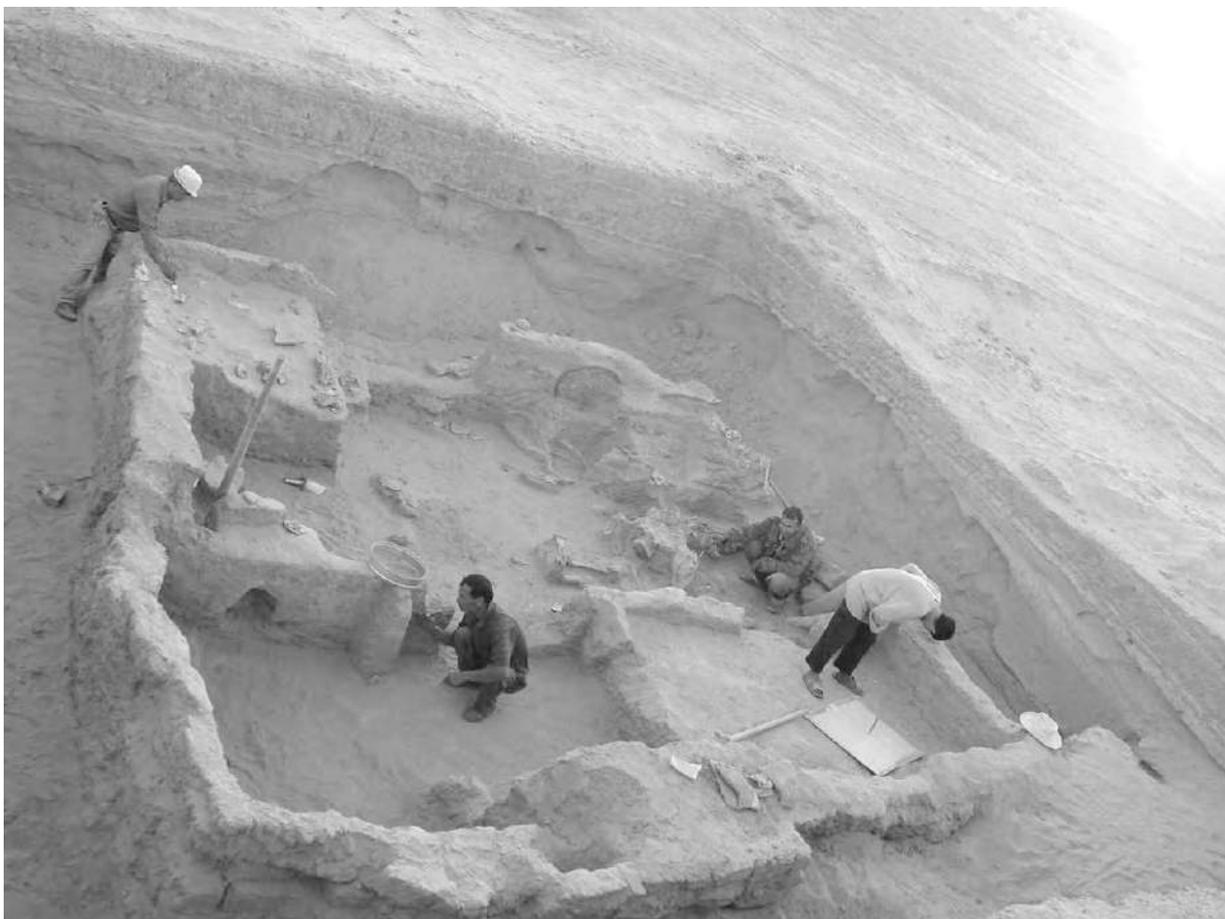

Рисунок 20. Общий вид погребения 3200. Вид с юго-запада

Особое место занимает небольшой (к концу осеннего сезона обнаружено 7 погребений) могильник, расположенный на восточном берегу упоминавшегося большого бассейна (схемы южного бассейна и

некрополя см.: ст. В.И. Сарияниди в этом сборнике) По своей конструкции все могилы различаются, но их объединяет одно – они воспроизводят разные виды жилищ, построенных, правда, под землей, по-

видимому, для потусторонней жизни. По своим размерам они намного превышают все другие погребальные конструкции, описанные на некрополе и в руинах дворцов и храмов Северного Гонура. Первой была найдена сложная камера № 3200 (рис. 20, 21). Она обнаружена Т. Ходжаниязовым при прокладке разведочной траншеи с за-

падного на восточный берег бассейна. С полным основанием эта могила может быть названа царской – и по своим размерам, и по устройству, и по найденным случайно оброненным грабителями находкам. Это однако не исключает принадлежность ее семье какого-то знатного аристократа.

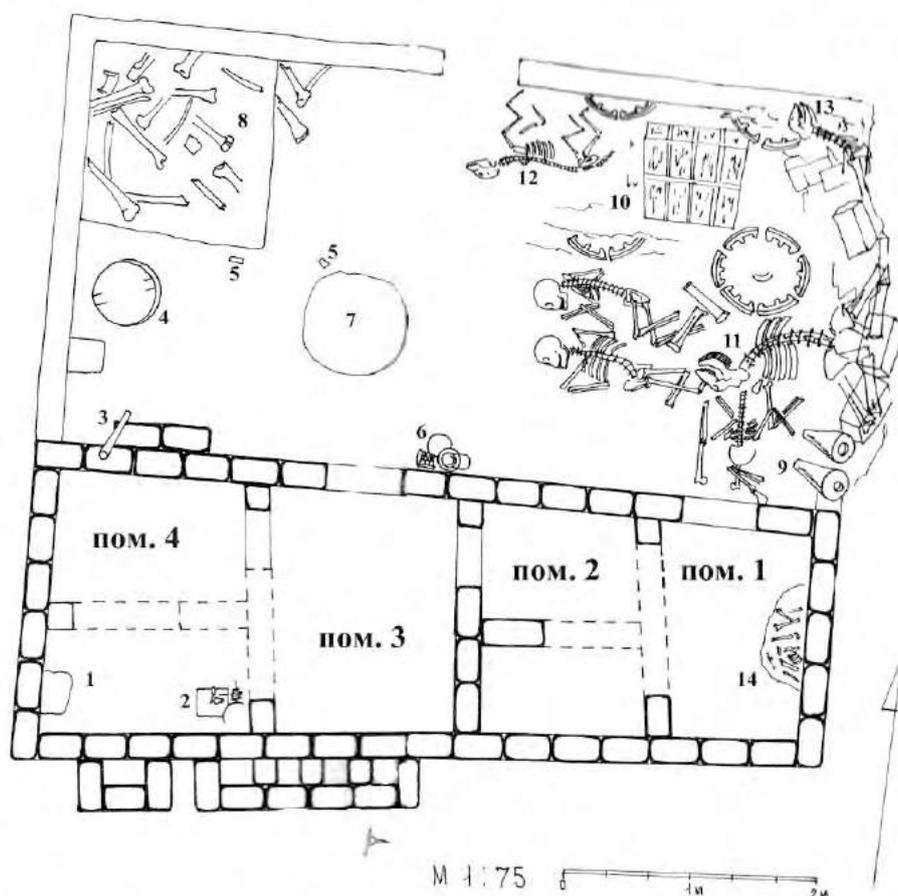

Рисунок 21. Схема гробницы 3200. Условные обозначения. 1 – скопление ценных погребальных приношений; 2 – два фрагмента мозаики с «ковровым» орнаментом, серебряные косметический флакон, косметическая лопаточка, булавка с навершием в виде лежащего теленочка, железная булавка с навершием в виде золотой восьмиконечной звезды, полумесяца, а также стоящего архара из золота и лежащего льва из бирюзы; 3 – каменный посох длиной 2,0 м с концом в виде лошадиного копыта; 4 – каменный диск из мраморизованного известняка; 5 – бронзовые предметы неопределенного назначения; 6 – два бронзовых «светильника» и керамическая ваза на полой ножке с орнаментом; 7 – пятно из краснообожженного песка; 8 – скопление костей взрослого верблюда; 9 – два крупных керамических сосуда с узким дном; 10 – четырехколесная повозка; 11 – скелет лежащего взрослого верблюда в полном анатомическом порядке; 12 – полный скелет собаки в полном анатомическом порядке; 13 – сильно разрушенный скелет молодой лошади; 14 – беспорядочное скопление костных останков четырех человек.

В этом случае для захоронения усопших возле крупнейшего гонурского бассейна был вырыт котлован размером 6,5 x 6,5 м, глубиной 2,5 м от современной дневной поверхности. С южной стороны внутри него из сырцового кирпича был построен макет жилого дома неправильной прямоугольной формы (размеры: по южной стороне 6,4 м, по западной 2,5 м, по северной

6,5 м, а по восточной 2,1 м). Стены этого «дома мертвых» сохранились на высоту 1 м (шесть неполных рядов кирпича). Поскольку обломки и целые кирпичи, лежащие вне стен, обнаружены лишь вдоль восточной стены «двора», можно предполагать, что их высота при строительстве была не намного больше. Сооруженные стены являлись именно облицовкой стен котлована, т.к.

при расчистке обнаружено, что внешняя сторона восточной, южной и западной стен была весьма неровная и не обмазана ни глиной, ни какими-либо другими материалами. Исключение составила лишь северная (фасовая) стена «дома». На всем своем протяжении она была тщательно обмазана раствором, приготовленным из материковой глины попеременно с песком.

Перед фасовой стеной сооружения располагается небольшой «двор» (размером 3 на 6,5 м), восточная, западная и северная стены которого образованы за счет обмазки соответствующих сторон котлована толстым слоем вышеописанной штукатурки. Судя по отсутствию уплотненной массы, которая имела в других частях ограждения «двора», в середине северной стены предположительно располагался широкий проход, через который во двор могла въехать четырехколесная повозка, по всей видимости, запряженная лошадей, скелет которой и был обнаружен в северо-западном углу двора (рис. 21).

С северной же стороны находился «парадный вход» в «дом мертвых» шириной 0,6 м, отмеченный небольшим порогом (высотой в один кирпич, положенный плашмя). Внутри «дома мертвых» было сооружено четыре камеры, которые (за исключением первой) соединяются между собой проходами, что указывает на их функциональную взаимосвязь. Первая из них – самая восточная (1,6 x 1,0 м) – судя по сохранившемуся после разрушения фрагменту перегородки, имела отдельный вход с севера и не сообщалась с соседним помещением. Как отмечалось, около восточной стены двора обнаружены 3 целых и несколько фрагментов стандартных для этого времени сырцовых кирпичей. Нельзя исключать, что они являлись закладными для входа в основную погребальную камеру (помещение № 1), которая находилась в непосредственной близости. «Парадный вход» в «дом мертвых», вел в небольшую «прихожую» (камера № 3 – 1,8 x 1,45 м). Проходы из нее направо (на запад, камера № 4 – 2,4 x 1,8 м) и налево (на восток, камера № 2 – 1,5 x 1,3 м) вели в две комнаты, которые, судя по найденным мелким осколкам бронзовых предметов и дру-

гим находкам, были хранилищами погребальных приношений.

В стенах как камеры № 3, так, особенно, камеры № 4, были сооружены специальные «тайники» и ниши. Самый крупный «тайник» (1,75 x 0,65 м) находился в южных стенах этих двух помещений. На высоте трех рядов кладки основной стены рядом с ней за пределами камеры был положен еще один продольный ряд кирпичей. Угловые кирпичи следующего ряда лежали перпендикулярно стене, сам ряд шел параллельно основной стене камер. В то же время обычная кладка последней не нарушалась. Таким образом, создавалась полость за пределами камеры, аккуратно обмазанная изнутри глиной. Внутри вертикальными рядами кирпичей она была разделена на три отдельные «отсека». «Тайник» шел до высоты основной стены и сверху был заложен и тщательно обмазан, так что изнутри камеры обнаружить его было непросто. В то же время в момент раскопок он оказался абсолютно пустым, а в южной стенке «тайника», упирившейся некогда в стену котлована, несколько кирпичей было разрушено и сдвинуто с места. Скорее всего, грабители древности именно таким путем, не нарушая внутреннюю стенку камеры, смогли извлечь все содержимое «тайника». Не исключено, что такая «деликатность» грабителей древности может объясняться именно последовательным обрядом погребения. Вполне можно допустить, что в данном месте хранились самые ценные приношения, которые и были похищены в первую очередь таким образом, чтобы при следующем погребении пропажа не была заметна сразу. Во всяком случае, тщательность отделки узких вертикальных отсеков с внутренней стороны и их обмазка сверху свидетельствуют, что в них содержались весьма ценные или важные приношения.

По иному были устроены ниши в южной и северной стенках помещения № 4: они располагались напротив друг друга в северной и южной стенах, тщательно покрыты глиняной обмазкой и образовывали одну плоскость с самими стенами, в которых они и были устроены. Северная ниша находилась почти в середине стены, южная

– сильно сдвинута в западную сторону. В момент обнаружения обе они были пусты, причем северная ниша была тщательно заложена плотной глиной. Назначение и этих ниш в качестве «тайников», куда предусмотрительные родственники могли спрятать наиболее ценные погребальные приношения, представляется наиболее вероятным. С другой стороны, можно предположить, что такие ниши представляли собой макеты деталей интерьеров обычных домов, как это установлено в погребальных камерах некрополя Гонура, а также еще в одной гробнице этого, элитарного некрополя (№ 3235), где были обнаружены подлинные посудные шкафы, в которых стопками были установлены целые сервизы.

Осталось заметить, что у всех таких «тайников» тыльные стенки выступают за плоскости смежных помещений, до определенной степени напоминая аналогичные устройства двухкамерных очагов.

В помещении № 2, также как и в № 4, сохранились фрагменты сырцовых стен, отходящих перпендикулярно западным. Учитывая наличие грабительских лазов и разрушений почти всех стен гробницы, можно предполагать, что эти стены делили указанные камеры еще на два небольших сектора. Кроме того, в полу помещения № 2 около восточной стенки расчищено круглое углубление диаметром 0,5 м и глубиной 15 см. Никаких находок в этом углублении сделано не было. Наиболее вероятным представляется, что яма выкопана для хранения каких-то особых погребальных приношений, которые были, по-видимому, унесены грабителями. То, что самые ценные (серебряные и золотые) сосуды помещались в тайники под полом, показывают два таких клада, обнаруженные в двух гробницах (№№ 3220 и 3235) этого элитарного некрополя. Именно в помещении № 2 гробницы 3200 были найдены небольшие разрозненные фрагменты костей баранов и мельчайшие фрагменты бронзовых изделий.

Впечатляющие находки сделаны при расчистке «двора» гробницы. Около восточной границе «двора», ногами к ней лежал полный скелет верблюда. Анатомический порядок костей нарушен не был. Весь об-

лик скелета свидетельствовал, что, как и свойственно гордому животному, верблюд спокойно зашел и лег на отведенное ему место, подогнув под себя задние и передние ноги. На этом же месте он, видимо, был умерщвлен и уронил после этого свою голову налево в сторону погребального «дома». Единственным нарушением нормального анатомического порядка скелета животного было то, что самые нижние кости его передних конечностей лежали в стороне от своих верхних сегментов. Их положение выглядело так, как если бы они были отброшены кем-то и оказались поверх скелета женщины, помещенного рядом.

Рисунок 22. Костные останки верблюда и трех человек во «дворе» гробницы 3200 у входа в камеру № 1. Вид с запада.

Этот человеческий скелет был одним из трех, принадлежавших людям и обнаруженных в непосредственной близости от костей верблюда и входа в погребальную камеру № 1. Все три человека – пожилая женщина и два подростка возраста 14-16 лет – были, скорее всего, убиты еще раньше верблюда. По-видимому, эти три человека приняли смерть не одновременно, а последовательно. Об этом свидетельствует расположение костей одного скелета частично над другим и не вполне спокойная поза умерших, особенно подростка, лежавшего у самой стены «дома мертвых». Никаких повреждений черепов или длинных костей какими-либо орудиями ни на одном из скелетов зафиксировано не было. Лишь голова верблюда упала на все эти три тела, из-за своего немалого веса, раздавив частично кости людей (рис. 22).

Скелет №1 (пожилая женщина старше 60 лет) лежал в скорченном положении головой на запад. Туловище положено лопатками кверху, но кисти рук находились перед лицом, ноги были согнуты в коленях, спина - прямая. Под подбородком женщины лежала бронзовая гвоздеобразная булава, которой, по-видимому, была заколота одежда, а около правого плеча обнаружена простенькая бронзовая печать с крестообразным орнаментом. Женщина была больна остеохондрозом, а также мочекаменной болезнью (в области таза найден рыхлый камень яйцевидной формы размером 5 на 3 см).

Скелет № 2 (девушка) находился рядом с первым, ближе к северной стенке камеры № 2, также головой на запад. Череп лежал на правом боку; тело – лопатками кверху, обе руки были согнуты в локтях, кисти – перед лицом. Но колени развернуты по отношению к туловищу вбок - так, как если бы тело помещено на левый бок. Трудно предположить, чтобы умершая девушка была специально уложена столь неестественно. Скорее всего, перед самой смертью она стояла на коленях. Когда же она была умерщвлена (наиболее вероятно удушена), ноги с места не сдвигались, а верхняя часть тела была повернута так, чтобы придать ему более традиционное положение – голова на правый бок и с согнутыми руками. Кости правой конечности и частично грудной клетки перекрывали первый скелет.

В самой неестественной позе лежал скелет № 3 (юноша). Он располагался около стоп двух описанных скелетов головой на юг. Левая нога согнута в колене, правая - вытянута на север и находилась под шеей верблюда. Обе руки были также согнуты, левая кисть лежала в верхней трети левой голени, правый локоть – в области поясницы, а кисть – на правом бедре. Корпус лежал, как и у двух других умерших, вверх лопатками таким образом, что голова оказалась рядом с левым коленом. Несмотря на то, что кости черепа раздавлены, на затылочной кости отчетливо прослеживаются следы теменно-затылочной деформации.³

³ Этому типу деформации и ее встречаемости на Гонур-депе посвящены специальные работы (Дубова, 2004, 2004а).

По-видимому, юноша принял смерть, стоя на коленях, и самым последним из трех. Но его тело по какой-то причине не стали укладывать в один ряд с двумя предыдущими. Только голова лежала не ничком, а была уложена на правый бок.

В северо-западном углу «двора» на высоте 1,0 м от пола зафиксировано большое скопление костей крупного животного, лежащих в беспорядке. Кости черепа найдены не были. По определению опытного ветеринарного врача, останки принадлежали верблюду преклонного возраста. Как первоначально лежал скелет, определить по обнаруженному скоплению невозможно.

Сразу перед колесницей, практически перед ее передними колесами и слева от входа во «двор» лежала собака, крупный скелет которой (на левом боку и головой на юго-восток) обнаружен в полной сохранности. Учитывая положение скелета животного, вполне обоснованно считать, что оно было умерщвлено в ритуальных целях, не исключено, что со своим хозяином. Как известно, собака у древних иранцев занимала особое место в похоронных обрядах, называемых с а г д и д , и без нее не обходилось ни одно погребение у языческих иранцев.

В центре двора обнаружен толстый (до 30 см) слой обожженного песка, в центре которого найдены угольки и обгоревшие мелкие кости животных. Огонь, видимо, горел здесь достаточно долго, т.к. песок в окружности до 0,7 м диаметром имел красный цвет.

Рисунок 23. Нижний конец сланцевого посоха из погр. 3200

У западной стены «двора», прислоненный к северной стене помещения № 4 «дома мертвых», в момент раскопок стоял огромный серый сланцевый посох длиной 2 м, толстый конец которого имел выемку, что придавало ему форму копыта (рис. 23). В центре двора, в непосредственной близости от упомянутого выше красного пятна

на песке были найдены два фрагмента еще одного сланцевого посоха зеленоватого цвета. За пределами погребальной камеры ближе к ее юго-восточному углу, почти у современной дневной поверхности был найден осколок третьего посоха толщиной 5 см. Подобного типа «посохи» (но много меньших размеров), один конец которых заканчивается копытом, уже неоднократно были отмечены ранее не только в Маргиане, но и в Бактрии (Pottier, 1984).

Рисунок 24. Керамический сосуд и бронзовые светильники у входа в «дом мертвых» гробницы 3200.

В 1,5 м на север от единственного найденного целым посоха на полу лежал диск из мраморизованного известняка. Между ними, на высоте 30 см от пола, находились крупные осколки круглого большого керамического сосуда с грубым красным «пальчиковым» орнаментом, а также обломок высокой ножки от белого алебастрового кубка.

Около северо-восточного угла «дома» к стене «двора» были прислонены 2 высоких керамических сосуда. Именно рядом с ними находилось три сырцовых кирпича, которые, как отмечалось, могли быть частью закладки входа в помещение № 1. В соседнем погребении № 3210 было обнаружено почти 30 таких сосудов, предназначенных предположительно для хранения вина.

За пределами погребального сооружения, почти около юго-восточного его угла, выше уровня стен на 0,5 метра были обнаружены 1 расколота на две части крупная миниатюрная колонка и 1 фрагмент от второй из мраморизованного известняка. Нет никакого сомнения в том, что обе колонки принадлежат данному погребению.

Они были или выкинуты грабителями или потеряны ими во время одного из ограблений могилы.

Слева от главного входа в «дом мертвых» находились два крупных полых бронзовых предмета с длинными бронзовыми же ручками (рис. 24, 25). Один из них имеет форму усеченного конуса с небольшой плоской тарелкой на вершине. Тулово конуса - широкое и гладкое. Второй предмет своей формой напоминает, скорее, миниатюрную колонку. Тулово его ажурное, сделанное из толстой бронзы. Хотя точное назначение этих изделий пока не совсем ясно, не исключено использование их в качестве светильников, когда на плоскую верхнюю поверхность наливался жир или клались угли. Точно такой же ажурный предмет, только несколько более низкий, был встречен в Пакистане в г. Кветта. Он происходит из разрушенной могилы знатного лица («кветтский клад»)⁴ (Garrige, Hassan, Usman, 1989. P. 150-166) (рис. 25). Рядом находился керамический кубковидный сосуд с грубым пальчиковым орнаментом, сделанным красной краской.

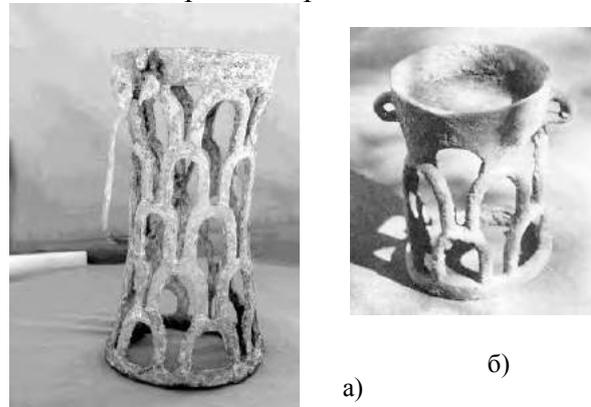

Рисунок 25. Бронзовые светильники с ажурным телом : а) из погр. 3200; б) из Кветты

В заполнении всех помещений, кроме камеры № 1, начиная с глубины 1,20-1,30 м от современной дневной поверхности, было найдено огромное количество белых мозаичных гипсовых и каменных вставок разнообразных форм. На западной стене помещения № 4 чуть ниже грабительского лаза обнаружен небольшой фрагмент мозаики на своем месте (рис. 26). Скорее все-

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить А.-П. Франкфорта за помощь в поисках данной иллюстрации.

го, стены всех комнат «дома мертвых», кроме первой, куда помещались останки покойника, были искусно украшены мозаичными панно.

Рисунок 26. Фрагмент гипсовой мозаики на стене камеры №4 гробницы 3200

Об их былой красоте свидетельствуют найденные здесь крупные мозаичные вставки, изображающие голову кабана, фантастическую птицу-змею, рыбу, фрагменты геометрического и растительного цветного (красного, белого и черного) орнамента.

Хотя мозаичные вставки, образующие рисунки, до определенной степени напоминающие как геометрические орнаменты расписной керамики эпохи ранней и средней бронзы Туркменистана (Намазга IV-V), так и узоры туркменских ковров, встречены практически во всех камерах, решительное большинство их было обнаружено в четвертой камере, чьи стены они, скорее всего, и украшали с самого начала.

Фигурные вставки найдены во всех камерах и на разной высоте, но преимущественно опять же в четвертой камере. В таком случае не исключено, что четвертая камера изначально была предназначена для помещения в нее погребального инвентаря. Поэтому можно условно обозначить ее как «камера погребальных приношений». Не исключено, что по мере захоронения новых покойников в «дом мертвых» предшествующие не только убирались со своего первоначального места, но вместе с ними в «камеру погребальных приношений» приносилось и принадлежавшее им могильное имущество. Дополнительным доказательством тому служит такой факт: все в той же камере № 4 на полу был встречен упавший со стены фрагмент стеной мозаики на ко-

тором располагались т.н. косметическая лопаточка, а самое главное – косметический флакон (рис. 27). Он не лежал на боку, а находился в правильном вертикальном положении. Очевидно так он мог быть поставлен только уже после того как стеновая мозаика отвалилась от своего места, скорее всего, в момент захоронения очередного покойника. Следует заметить, что в тех случаях, когда это можно установить, в камерных гробницах некрополя Гонура была зафиксирована именно такая практика: при очередном погребении предшествующий скелет убирался со своего места вместе с принадлежащими ему погребальными приношениями.

Рисунок 27. Расчистка камеры № 4 в гробнице 3200.

Великолепные подтверждения того факта, что все камеры для погребальных приношений были украшены разнообразными мозаичными сюжетами, получены при раскопках других гробниц данного элитарного некрополя.

Необходимо подчеркнуть, что разнообразные мозаичные вставки, хотя и в небольшом количестве, были встречены и во «дворе» погр. № 3200, но их расположение в заполнении могилы на высоте не менее одного метра, скорее всего, может указывать на их вторичное происхождение. Иначе говоря, они могли попасть сюда во «двор» во время ограбления могил, которые производились неоднократно и в большой спешке. Как бы то ни было, именно во «дворе», под скоплением костей старого верблюда была найдена гипсовая пла-

стина в форме кабаньей(?) головы с нанесенной на нее дополнительной росписью, подчеркивающей характерные детали этого животного (рис. 28).

Рисунок 28. Гипсовая мозаичная вставка в виде головы кабана.

Наконец, следует указать, что в «вестибюле» (пом. 3) на стене тоже сохранилась прикрепленная к ней фигурная вставка, указывая тем самым, что, по крайней мере, две из четырех камер бесспорно были украшены мозаичными стенными панно.

Грабители, проникшие тысячелетия назад в гробницу, по-видимому, спешили, поэтому, археологам удалось обнаружить несколько прекрасных образцов ювелирного искусства древних мастеров. В помещении № 4 на полу найдены квадратная и круглая пластины, представляющие собой или крышки футляров, некогда, видимо, заключавших сокровища, или фрагменты облицовки стен камеры.

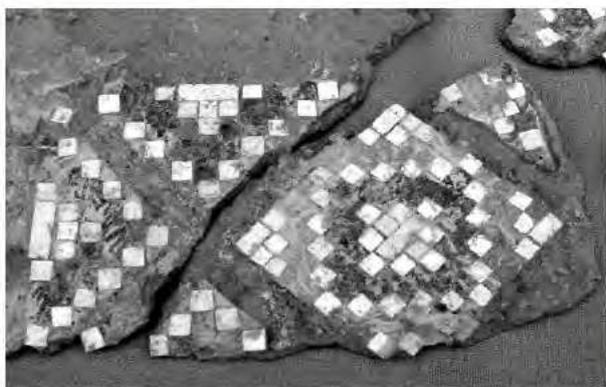

Рисунок 29. Фрагмент мозаичного панно из погр. 3200.

Оба фрагмента представляют собой мозаичное панно из белых каменных квадратиков, образующих геометрически правильные узоры (рис. 29). С тем, чтобы не

раскрашивать каменные вставки в разные цвета, необходимые пространства фона между белыми крестами и квадратами были заполнены черной и красной краской, сделавшей рисунок полихромным. Получившиеся геометрические картины во многом напоминают гели туркменских ковров. Примечательно, что точно такие же мозаичные панно были обнаружены в гробнице № 3230, где они украшали стенки и пол так называемых дарохранилищ.

Рядом с этими артефактами лежали уже упоминавшиеся серебряные косметическая лопаточка и булавка с навершием в виде спокойно лежащего миниатюрного теленка (см. рис. 27). Также в этом же углу комнаты была найдена большая булавка, стержень которой был сделан из железа.

Рисунок 30. Миниатюрные фигурки архара и льва из погр. 3200.

Навершие булавки образовывала розетка из пасты синего цвета с бирюзовыми лепестками, к которым был прикреплен большой полумесяц и восьмиконечная звезда, сделанные из золота. Среди лепестков стояли микроскопические фигурки горного козла и льва, созданные древними мастерами с поразительным искусством (рис. 30). Золотой козлик размером всего 1 см стоит, гордо подняв голову, увенчанную искусно прорисованными бугристыми рогами. Можно проследить мышцы на ногах, маленький хвостик, даже глаза и уши животного. Еще большее восхищение вызывает 7-миллиметровая фигурка льва, сделанная из бирюзы. Лев лежит, приготовившись к прыжку, его хвост с кисточкой прижат к телу, уши настороженно подняты, рот хищно раскрыт, а лапы вцепляются в зем-

лю. Подобных миниатюрных изображений в эпоху бронзы не было известно не только в Маргиане, но и в других центрах древневосточной цивилизации. Трудно себе представить, как мастера, жившие около 3 тысяч лет назад, не имея не только увеличительных стекол, но даже специальных тисков, могли, используя лишь бронзовые примитивнейшие ножички и шильца (например, найденные в погребении камнереза на некрополе Гонура), изготовить столь прекрасные предметы.

Не меньшего внимания заслуживает и стержень этой булавки. Это – первый образец железа, найденный в стратифицированных слоях Гонур-депе. Поскольку он использован для крепления столь искусных и ценных вещей, в том числе изготовленных из золота, можно предполагать, что это было метеоритное железо. Окончательный ответ даст только химический анализ.

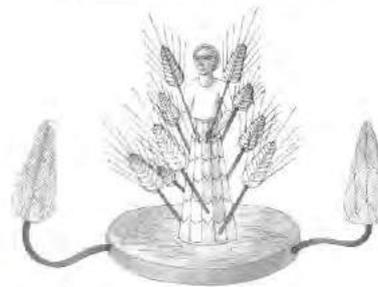
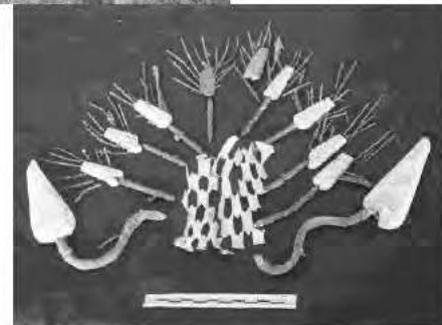
О богатстве погребальных приношений, положенных в «дом мертвых», говорят и другие находки. Рядом с описанной железной булавкой найдена небольшая подвеска из агатовых бусин, заключенных в золотые обоймы, окаймленные небольшими сердоликовыми и золотыми бусинами. В другом углу того же западного помещения удалось найти еще одно изделие древних ювелиров. Это – ажурная золотая усеченная пирамида, закрепленная, видимо, на деревянной основе и, скорее всего, воспроизводящая одежду аристократов того времени (рис. 31). По фрагментам золотой фольги (также, видимо, когда-то натянутой на деревянную основу), обнаруженной на вершине этой пирамиды, становится ясно, что ее венчала золотая голова человека с большими глазами и подчеркнута большими ушами. Найдена и рука, сделанная из фольги того же металла.

Из ажурного тела этого фантастического человека произрастают шесть белых колосьев пшеницы, которые закреплены в дереве на бронзовых стержнях. В мелкие отверстия по бокам и на вершине гипсовых колосьев вставлены бронзовые тончайшие ости, что окончательно утверждает зрителя в том, что это колосья именно злака.

а)

б)

в)

Рисунок 31. Фигурка «Богини растительности» из погр. 3200. а – процесс расчистки; б – обнаруженные и реставрированные составные части; в – вариант реконструкции работы А. Ниязмухаммедовой.

Кроме гипсовых колосьев, из ажурного одеяния произрастают два колоса из тонкого листового золота, ости которых сделаны из серебра. По-видимому, из самого основания фигурки на извивающихся толстых бронзовых стержнях, символизирующих стебли, «растут» два также гипсовых крупных растения (плода?), которые украшает орнамент, сходный с типичным для наряда *каунакес*. Изображения таких же растений встречались неоднократно. Например, в одном богатом неограбленном шахтном погребении пожилой женщины (50-60 лет) на некрополе Гонура (№ 2790) был обнаружен такой же фрагмент, только значительно меньшего размера. Тогда он был воспринят как обломок гипсовой статуэтки с орнаментом. Являлся ли этот фрагмент частью разрушившейся статуэтки, был ли он специально отломан и положен отдельно в качестве погребального приноше-

ния или чем-то иным – остается пока только гадать. Вместе с ним в погр. 2790 были найдены 2 серебряные булавки (одна с навершием в виде полумесяца и 8-конечной звезды, вторая – с маскароном), ажурная серебряная печать с изображением скорпиона, 2 серебряные серьги, типичный для женских погребений бронзовый набор (зеркало, косметический флакон, аппликатор и лопаточка), а также 12 керамических сосудов и 30 бусин, в том числе из лазурита.

Два подобных небольших гипсовых «плода» обнаружено в гробнице 3230. Наиболее интересно изображение трех таких растений на маленьком серебряном сосуде с рельефным орнаментом из клада в погребении № 3235. До одного из них (еще не раскрывшегося) дотрагивается передним копытцем горный козел. От другого, расположенного, правда, в нижележащем регистре, влево отходит, по-видимому, медведь, а вправо – убегает вслед за зайцем волк. Третье растение уже распускается. Оно склонилось в сторону оскалившегося льва, стоящего справа. Слева находится, правда, выделенный отдельной линией, свирепый бык, слегка присевший на задние ноги.

К сожалению, пока остается неясным вопрос о том, плод, бутон или цветок какого растения изображают найденные артефакты. Они – почти треугольной формы, но с закругленными углами.

Вся композиция, состоящая из ажурного конуса с колосьями и описанными фрагментами вместе с другими находками, о которых будет сказано чуть ниже, была, по-видимому, случайно обронена грабителями и сильно повреждена. Поэтому не все детали золотого обрамления из фольги без реставрации поддаются объяснению. Однако, учитывая находку в одном из помещений Храма Жертвоприношений на западе от гонурского кремля цилиндрической стеатитовой печати с изображением сидящей богини и стоящими перед ней богинями растительности (см. ст. В.И. Сариниди в этом сб., рис. 15), можно предположить, что эта фигура также является изображением богини растительности, земледелия или пшеницы – одной из первых ставших нам известной из пантеона древних маргушцев.

Одна из возможных ее реконструкций приведена на рисунке 31в.

Рисунок 32. Фигурки орлов (соколов?) из погр. 3200. а) – в процессе расчистки; б) – головы птиц; в) – вариант реконструкции раб. Н. Чудновской

Не менее знаменательно, что колосья сделаны из белого гипса. Это может быть свидетельством того, что название одного из выдающихся сортов пшеницы – Ак буддой – уже существовало в то время. Поклонение и обожествление пшеницы древними маргушцами вполне объяснимо, т.к. именно она была основой жизни и благополучия земледельческого общества.

В том же скоплении бесценных вещей находились и две наборные фигурки орлов (соколов?) (рис. 32). Головы птиц выполнены в реалистической манере. Крылья расставлены широко в стороны, лапы прижаты к телу, а когти крепко сжаты. Все фаянсовые и гипсовые детали крепились, видимо, как и описанная выше фигура на деревянной основе. Для создания впечатления ре-

ального оперения, крылья и хвосты орлов набраны из тонких фаянсовых (гипсовых?) пластинок, по бокам они были оторочены тонкой золотой фольгой, имеющей волнистый рельеф. Характерно, что при снятии костей лошади, около задней части повозки, стоявшей во «дворе» гробницы (см. далее), был обнаружен фрагмент еще одного такого же крыла. Никаких отверстий для крепления к нитям или к основе ни на крыльях, ни на других частях фигур не отмечено. Возможно, они находились на несохранившихся деревянных частях.

Кроме изображений орлов и пшеницы, в этом скоплении находились фаянсовые (гипсовые?), раскрашенные в черный и красный цвет изображения змей. Фаянсовые панцири крепились на дереве. По краям были размещены тонкие волнистые золотые каемки, которые заканчивались на вершине изображением двух змеиных голов из фольги.

Несколько выше (начиная с высоты 20 см от пола), прямо на стене этого же помещения найдено большое ожерелье из золотых (более 500), сердоликовых и лазуритовых бусин (более 200 каждого типа; всего более 900 штук). Бусины были нанизаны на нити, протянутые через золотые пластинки-разделители, большая часть которых была одной длины (рис. 33). Отдельные бусины встречались между всеми перечисленными находками. По этой же причине нельзя с точностью говорить о форме этого ожерелья. Располагалось ли оно узкой полосой вокруг шеи, заходя на плечи, одевалось ли на шею вертикально (наибольшее число сквозных отверстий в пластинках – 14, длина пластин – 0,7 см, ширина – 0,5 см) или опускалось от шеи вертикально к поясу, было ли прямоугольным или веерообразным – определить, к сожалению, невозможно. Последняя форма (веерообразная) представляется, впрочем, наиболее вероятной, т.к. разделительные пластины в прямоугольном ожерелье не дают возможности украшению плавно лежать вокруг шеи и, кроме того, своими острыми краями могут доставлять значительное неудобство одевшему его человеку.

Рисунок 33. Ожерелье из погр. 3200.

В других помещениях «дома мертвых» и двора подобные предметы не найдены. Учитывая, что практически во всех стенах «дома мертвых», как фасадных, так и боковых (кроме восточной), проделаны грабительские лазы, можно предполагать, что искатели легкой наживы не один раз посещали это погребение. Так что все, что удалось найти во время археологических раскопок – лишь маленькая частичка того богатства, которое было положено в камеру в виде погребальных приношений.

Наиболее трудно объяснимый факт во всей камере – отсутствие полного скелета (или скелетов) в погребении, кроме описанных трех убитых, скорее всего, слуг. Человеческие останки не были найдены ни в одной из камер гробницы, кроме помещения №1, куда предположительно и помещался покойник. Здесь обнаружено незначительное число разрозненных костей скелета, исключая черепа. По состоянию и морфологическим особенностям костей можно говорить, что там присутствуют останки четырех индивидов – мужчины среднего возраста (40-50 лет), пожилой (старше 60) и молодой (15-16 лет) женщин и подростка. Причем обращает на себя внимание разная степень фрагментированности костей. Например, кости ног молодой женщины (скелет № 4) оказались во дворе прямо при входе в первое помещение лежащими в выпрямленном состоянии.

Рисунок 34. Срастание шейных позвонков на скелете № 5 из погребения 3200

Вышеописанный третий скелет убитого юноши перекрывал эти кости целиком. Наименее объяснимо то, что как правая, так и левая нога, лежали в точном соответствии с их анатомическим положением, хотя тазовые и крестцовые кости отсутствовали. Остается только предположить, что это произошло случайно, когда одна из групп грабителей посетила этот мавзолей. Останки молодой женщины, помещенные прежде в камеру, уже в достаточной степени разложились, что позволило пришельцам отодвинуть (вряд ли отбросить, так как они лежали вполне аккуратно) мешающие им части тела. Найденные в том же первом помещении в скоплении в середине восточной стенки кости таза, крестец, поясничные позвонки и фрагменты остальных костей были перемешаны с останками других погребенных.

Надо отметить, что все кости были найдены в разных местах, лежали далеко не в анатомическом (даже для фрагмента позвоночника) порядке. Это можно было сделать только в том случае, когда тело уже совсем разложилось, и каждый позвонок легко отделялся от других.

Из костей скелета пожилой женщины (скелет № 5) сохранился весь позвоночный столб, поясничный и шейный отделы которого несут следы тяжелейшего остеохондроза: на телах и даже дугах позвонков — большие костные наросты, а четвертый и пятый шейные позвонки полностью срослись между собой, что, конечно же, вызывало сильные боли у женщины при жизни (рис. 34). Кроме того, слева у входа, рядом с упомянутыми ногами четвертого индивида, был обнаружен полный таз и не извлеченное из вертлужной впадины правое бедро этой же пожилой женщины. Второе ее бедро вместе с голенью лежали «в сложенном виде» (т.е. при согнутом коленном суставе, когда кости голени лежат параллельно бедру) рядом.

Отнесение всех останков (и этих, и найденных внутри первой камеры) одному индивиду было проведено в соответствии с состоянием костей, общей их морфологией и по возрастному определению. Так же, как и в случае с четвертым захороненным, таз и кости ног этой женщины могли быть выброшены из камеры наружу только при условии их частичного разложения. В то же время, позвонки, рукоятка грудины и фрагмент правой локтевой кости, обнаруженные в основном скоплении костей внутри камеры, были перемешаны с другими останками, что возможно только в случае, когда мягкие ткани разложились полностью.

Кроме перечисленного, в той же первой камере найдены ключицы немолодого человека, скорее всего его же нижняя челюсть и фрагменты костей правого предплечья (скелет № 7), а также правая повздошная (фрагмент тазовой) кость подростка (скелет № 6). Правая ключица была сломана, фрагменты ее смещены, но еще при жизни индивида перелом полностью сросся. По толщине, выраженности рельефа, возрастным особенностям эти кости свидетельствуют, что они не могут принадлежать вышеперечисленным женским скелетам.

Таким образом, изучение костных останков, обнаруженных в первой камере «царской гробницы», говорит о том, что захоронения совершались неодновременно. В одну и ту же камеру последовательно помещались останки людей, умерших в разное время. Как было показано выше, по видимому, мавзолей имел вход, который родственники погребенных могли при необходимости открыть и поместить в «дом мертвых» другого покойника. Скорее всего, как и в дахме, зафиксированной в одном из помещений гонурского дворца, кости похороненных прежде сдвигались в сторону. Разная степень фрагментированности костяков, так же как и большое число проломов в стенах камер, свидетельствуют и о том, что ограбление мавзолея могло совершаться не один раз.

Возможное предположение о том, что человеческие скелеты, найденные целыми у входа в камеру рядом с останками животных, могут также быть останками знатных особ, которые грабители выкинули наружу,

не может быть принято, так как принадлежность к знати предполагала богатство погребальных приношений. А при них не было ничего. Только у женщины, лежавшей, как было сказано, около самой морды верблюда, одежда была заколота простейшей бронзовой булавкой очень плохого качества и без каких-либо украшений, а возле ее правого плеча лежала столь же простая

бронзовая печать с крестообразным орнаментом. Учитывая, что такие печати ставились в качестве оберегов на сосуды, возможно, мешки с зерном, вполне логично предполагать, что эта женщина должна была, как и при жизни, ведать хозяйством захороненных в камере аристократов.

Рисунок 35. Четырехколесная повозка гробницы 3200 в процессе расчистки.

Данная гробница принесла и еще одну впечатляющую находку. В самом северо-восточном углу ее «двора» найдена повозка, все четыре колеса которой сохранились, так же, как и деревянное «сиденье» (или дно кузова?) (рис. 35). Одна пара колес поставлена вплотную к северной стенке «двора». Они и сохранились лучше второй – когда-то свободно стоявшей пары. Судя по тому, что один конец «сиденья» упирается в восточную стенку «двора», а второй – находится в нескольких метрах от входа во «двор», можно полагать, что передом повозки является именно последний.

Сиденье сделано из досок (0,2 x 0,9 м при толщине 0,20-0,25 см), положенных плашмя параллельно колесам (рис. 36). От четырех досок (общая их ширина – 0,8 м) сохранились следы дерева толщиной около 0,1 см. Но они прослеживаются достаточно хорошо, учитывая их возраст. Для крепления досок «сиденья» между собой были использованы деревянные, узкие планки шириной 5 см, закрепленные перпендикулярно доскам

на расстоянии 40 см одна о другой. Их обнаружено две. Первая находится на расстоянии 25 см от предположительно передней части сиденья. Скорее всего, они были врезаны в массив основных досок, т.к. края планок не возвышаются над плоскостью «сиденья». Расстояние между осями передней и задней пары колес – 1,1 м.

Сиденье повозки находится не в середине между колесами, а сдвинуто ближе к задней оси. Причем, можно уверенно утверждать, что это не связано с разрушением части «сиденья», т.к. при достаточно хорошей сохранности досок, около передней оси не было встречено ни малейшего фрагмента дерева. Сиденье начинается сразу за предположительно передними колесами, а заканчивается за 20 см от конца задних. Оно находится на расстоянии 25 см от плоскости северных колес. При разрушении повозки и падении южных колес, скорее всего, в результате гниения дерева, южная часть сиденья опустилась до высоты 35 см над полом «двора». Северный же его

край оказался на высоте 60 см. Исходя из всего сказанного, можно представить себе, что «сиденье» возвышалось над осями и было значительно уже, чем ширина всей повозки.

Рисунок 36. Общий вид погр. 3225

Поскольку никаких следов дерева или бронзы, кроме описанных, вблизи повозки обнаружено не было, длина оси повозки может быть реконструирована на основе ширины «сиденья» (80 см), расстояния «сиденья» от плоскости стоящих колес (25 см) и предположительной толщины колеса и втулок (см. далее) как варьирующая от 150 до 160 см. Мы не имеем фактических данных, позволяющих нам описать расположение базы (рамы?), на которой крепились «сиденье» и которая сама каким-то способом скреплялась с осями.

Все четыре колеса имеют одинаковый диаметр (0,7 м; соответственно их окружность равна 2,2 м) и сделаны как цельнодеревянные. Технику изготовления основного массива колес удалось установить по находкам в погр. 3225 и 3240. Воздержусь здесь даже от краткой характеристики этих двух гробниц, уделив основное внимание именно колесам.

В погр. 3225 найдены четыре колеса очень хорошей сохранности (рис. 36). Все они имеют диаметр 0,9 м и, также как и найденные в погр. 3200, сделаны из дерева, о чем свидетельствуют его остатки, сохранившиеся под ободьями.

Рисунок 37. Колесо и его втулка из погр. 3225

Деревянные диски получены путем соединения трех деревянных плах толщиной в центре не менее 10 см и сужающихся до 5 см к краям. Две крайние плахи имеют форму секторов, а центральная – прямоугольная с двумя слегка закругленными краями. Плахи соединены между собой заподлицо (рис. 37). Кроме того, прослеживаются две тонкие (шириной 5 см) крепежные рейки, размещенные поперек всех трех плах. Об их малой толщине свидетельствует тот факт, что их глиняные остовы возвышаются над сохранившейся поверхностью колеса на высоту около 5 см. Это может также говорить и о том, что они были врезаны в массив плах, с целью достижения большей жесткости.

На колесах из погр. 3200 в центре не найдено ни малейшего фрагмента бронзы или какого-либо другого металла, которые могли бы говорить о способе крепления оси. Это свидетельствует в пользу того, что ступица была деревянной. То же показывают и колеса из погр. 3225. На первом, втором и частично на третьем колесах сохранились остовы ступицы из глины. Они – круглые, причем глиняный остов ступицы первого колеса сохранил ход волокон дерева по окружности, что позволяет уверенно говорить, о том, что она была выточена (вырублена?) из куска ствола. С одного бо-

ка этой втулки имеется небольшой выступ (шириной 4,5 и длиной 3 см), крепящий ее в массиве продольных волокон средней плахи. С другой стороны втулки такой выступ не обнаружен, но можно предполагать, что он просто не сохранился, т.к. крепление деревянного цилиндра в доске с помощью только одного шипа вряд ли было достаточно прочным.

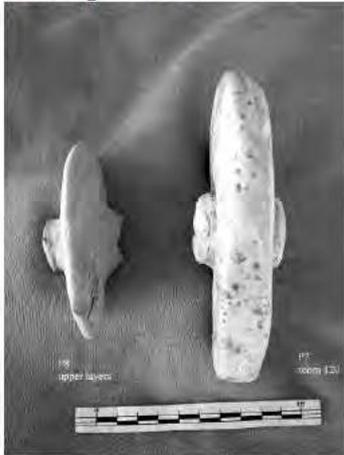

Рисунок 38. Модели колес из раскопа 8, верхние слои (слева) и раскопа 7, пом. 129 (справа)

Втулка имеет уступ. Наружный ее диаметр – 22 см, внутренний – 17 см. Диаметр отверстия для оси – 7 см. Поскольку втулка лучше всего сохранилась на первом колесе, нельзя быть абсолютно уверенным, что она была двусторонней.

Но тот факт, что имеется небольшой выступ на месте, где находилась втулка колеса, лежащего, скорее всего, внутренней стороной вверх, свидетельствует в пользу именно такого вывода. Косвенным подтверждением наличия на колесах двусторонней втулки являются две глиняные модели колес, обнаруженные в помещениях храмов Северного Гонура (рис. 38).

Технику скрепления плах между собой проясняют найденные фрагменты дерева от основного массива колес, аналогичных описанным, из погр. 3240 (рис. 39). Средняя плаха колеса вставлялась в пазы боковых. Как было отмечено, между собой плахи скреплялись узкими планками шириной 5 см.

Снаружи колеса, найденные в погр. 3200 и 3225, были обиты бронзовыми ободьями (пинами), состоявшими из шести бронзовых дуг с ушками для крепления

бронзовыми заклепками к деревянной основе (рис. 40).

Следы таких же шин имеются и на фрагментах дерева из погр. 3240.⁵ Характерно, что ширина шин колес не зависела от их диаметра: и в погр. 3200, и в 3225 она составляла 3 см.

Рисунок 39. Фрагменты дерева от колес из погр. 3240: наверху – общий вид; снизу – вид сбоку большого фрагмента

Общая высота обода с ушком в погр. 3200 – 5 см; в 3225 – 11 см, а в 3240 – на одном фрагменте – 10, а на другом – 10,8 см. Длина самого ушка: 3,5 см; 9 см, 8,7 и 9 см соответственно. Ширина ушка: 3, 5 и 6 см. Каждый из шести фрагментов обода имел три ушка. На своих местах сохранилось и большинство бронзовых заклепок. Длина заклепок со шляпками в 3200 – 8 см; а в 3225 – 7,5 см. Толщина стержня на всех колесах – около 1 см, наибольший диаметр шляпки – 1,8 см.

Рисунок 40. Два звена от бронзовой «шины» повозки из погр. 3200.

⁵ Попутно заметим, что диаметр колеса, от которого происходят фрагменты из погр. 3240 по нашим расчетам был приблизительно равен 0,8 м.

В гробнице 3200 лучше всего сохранились переднее и заднее северные колеса. При погребении они были прислонены к северной же стене «двора», поэтому даже при разрушении осей и других, по-видимому, деревянных и кожаных крепежных элементов повозки, они остались стоять почти в первоначальном положении.

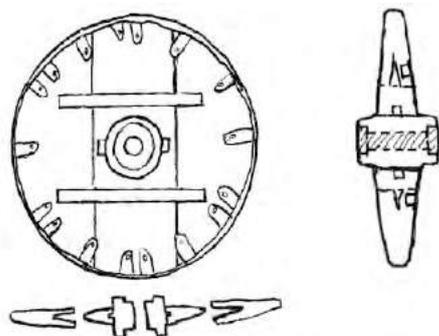

Рисунок 41. Схема колес, реконструируемая по данным погребения 3200, 3225, 3240.

Южное заднее колесо упало плашмя и поэтому сохранилось тоже достаточно хо-

рошо. Именно на нем деревянная плоскость колеса дошла до нас в наиболее полном виде. Четвертое колесо, падая в результате разрушения крепежа (или повреждения грабителями?), разломилось на несколько частей. И, если на трех других колесах бронза на ободьях имеет толщину, по-видимому, близкую к первоначальной (около 0,5 см, что подтверждается значительно лучше сохранившимся колесами из погр. № 3225), то на этом – она крайне тонкая, представлена мелкими фрагментами. Даже места крепления с заклепками просматриваются с трудом.

Таким образом, колеса могут быть реконструированы следующим образом, представленным на рис. 41. Общая же схема повозки, обнаруженной в гробнице 3200, представлена на рис. 42. Возможное расположение осей показано пунктиром.

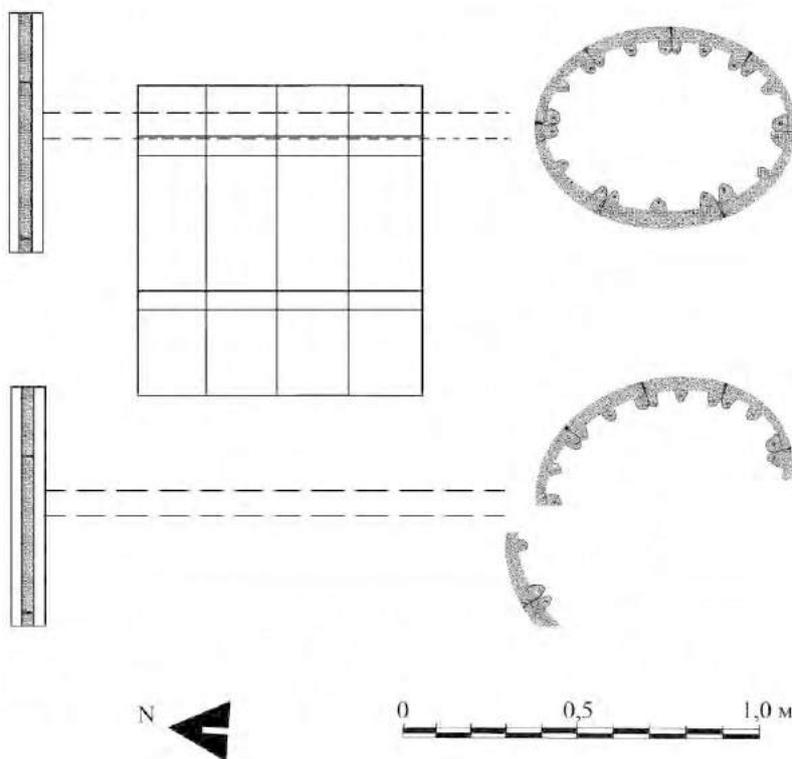

Рисунок 42. Схема повозки из гробницы 3200.

Близкие по типу колеса (если не идентичные) существовали в Бактрии, на что указывают сходные бронзовые ободья, встреченные в разграбленных могилах (Potier, 1984, p. 226: Pl. XLIV, № 326), а также

при раскопках ападаны в Сузах (Mesquenet, 1943, p. 98-99).

Сразу за повозкой, вдоль восточной стены «двора» находился скелет молодой лошади, в момент смерти уронившей голову

на одно из колес. Все определения костей животных проводил опытный ветеринар Чарыев. Образцы костей взяты для анализов, в том числе и на ДНК. По состоянию эпифизов длинных костей – животное молодое. Размеры его не крупные. Причина размещения молодой лошади между повозкой (предположительно, у ее задней части) и стенкой двора достаточно неожиданно. Нельзя исключать, что она была выпряжена из повозки, а затем переведена на это место.

Подводя краткие итоги описанию одной из гробниц открытого на Гонуре «царского» некрополя, надо отметить следующее. Выявленный погребальный комплекс состоит из модели жилого дома с двором. В доме имеется 4 комнаты-камеры. В первую из них помещались останки покойников без каких-либо погребальных приношений. Явно прослеживается последовательный обряд захоронения. Во второй камере были обнаружены мельчайшие фрагменты бронзовых изделий и кости баранов. Третья камера являлась своего рода прихожей или вестибюлем, куда имелся «парадный» вход с порогом, а по бокам – проходы в помещения № 2 и № 4. В четвертой камере располагались самые ценные погребальные приношения. Именно здесь были сооружены две ниши и большой «тайник».

Большое недоумение вызывает полное отсутствие во всех камерах черепов людей. Имеется лишь одна нижняя челюсть. Даже в случае ограбления и разрушения погребения, в гробнице должны были остаться хотя бы отдельные зубы умерших. В этой связи необходимо вспомнить близкую ситуацию, отмеченную при расчистке всех 47 камерных гробниц на некрополе Гонура, принадлежавших местной аристократии, где так же не были встречены полные скелеты, а зачастую только лишь мелкие кости от них (так называемое «костяное крошево», а в большинстве случаев – зубы). Так же как и в данном погребении, объяснить это только действиями грабителей практически невозможно. Было высказано предположение, что по прошествии определенного времени кости изымались из гробниц и переносились в другое место, что находит свое подтверждение

на примере других ранее раскопанных могильников Средней Азии (более подробно см.: Сарианиди, 2001). Такой обряд сохранился до наших дней в некоторых странах Средиземноморья, в том числе, например, в Греции, а также в монастырях греческой православной церкви на Синайском полуострове. В этих местах тело умершего помещается в могилу (выдолбленную, например, в горной породе) на 3-5 лет. Затем останки оттуда извлекаются и (например, в монастыре Св. Елены на Синайском полуострове) хранятся в специальных зданиях на протяжении всех столетий существования святого места (рис. 43). Причем черепа складываются в одно помещение, длинные кости - в другое. Ни в одном из раскопанных объектов Гонур депе скопления черепов или длинных костей пока обнаружено не было. На некрополе были зафиксированы лишь три фракционных погребения.

Рисунок. 43. Костехранилище в монастыре Св. Елены на Синайском полуострове, Египет

Нельзя полностью исключать и другую ситуацию. В погребальное сооружение покойник мог помещаться не сразу после смерти, а после пребывания в каком-то другом месте типа дахмы. По каким-то причинам черепа в «дома мертвых» не помещались. Это предположение в какой-то мере объясняет тот факт, что в дахме, описанной В.И. Сарианиди на территории дворца Гонура (Sarianidi, 1998; Сарианиди, 2001), не было найдено никаких погребальных приношений.

Итак, есть веские основания считать, что в рассматриваемой «царской гробнице» практиковался последовательный обряд погребения, когда по мере необходимости предшествующий скелет сдвигался в сто-

рону, а на его место помещался вновь умерший, как это было установлено в камерных гробницах того же некрополя Гонура. Иначе говоря, есть основания считать, что «царская гробница» представляла собой фамильный склеп, куда по мере необходимости прихоранивались новые покойники, которые при жизни находились в определенном родстве между собой.

Это в свою очередь дает основания предполагать, что и сама камера и тем более прилегающий двор были не засыпаны землей, а пусты. По мере необходимости родственники вновь умерших могли свободно входить внутрь гробницы и совершать необходимые погребальные церемонии. Разная степень фрагментированности костяков, так же как большое число грабительских проломов и лазов – все вместе

свидетельствует о неоднократном ограблении гробницы.

Пока мы останавливаемся на описании лишь одного вскрытого в 2004 г. погребения. Самое существенное здесь заключается в следующем: устройство, в какой-то степени сходное с описанной гробницей № 3200 («двор» и «дом мертвых»), имело только погр. № 3210, расположенное в нескольких метрах к югу. Оставшиеся пять имели иную структуру, отличающуюся как от этих двух, так и друг от друга. Подробная публикация и анализ всех гробниц – дело ближайшего будущего. Находки, сделанные в них, свидетельствуют о несомненных культурных связях с Месопотамией и о высочайшем уровне искусства маргушских мастеров.

Литература

- Дубова Н.А.* Еще раз о тысячелетней давности долихоцефалии туркмен // Мирас. 2004. № 1.
- Дубова Н.А.* Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. М., Наука, 2004.
- Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.И.* Город царей и богов // Мирас. 2003. № 3. С. 92-104.
- Bietak M.* Der Friedhof in einem Palestgarten aus der Zeit des späten Mittelereen Rieches und andere Forschungsergebnisse aus dem östlichen Nil delta // Ägypten und Levante. 1991. N 2. S. 47-75.
- Mecquenem M.M.R.* Fouilles de Suse 1933-1939 // Memoires de la Mission archeologique en Iran. T.29. Paris, 1943.
- Pottier M.-H.* Materiel funeraire de la Bactriane Meridionale de l'Age du Bronze. Paris, 1984.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur and Iranian paganism. 2nd edition. Athens, Kapon edition, in press.

КОЛЕСНЫЙ ЭКИПАЖ ВПЕРВЫЕ ПРЕОДОЛЕВАЕТ ПУСТЫНИ

Регулярные сухопутные хозяйственные связи населения ближневосточных и восточно-средиземноморских регионов Древневосточной цивилизации с внутренними областями Азии документируются уже с III тыс. до н.э. В изучение этих проблем В.И. Сарияниди внес заметный вклад своими наблюдениями над становлением и активностью «лазуритового пути» - мощной артерии контактов ближневосточного мира первых цивилизаций с богатыми природными ресурсами азиатскими областями.

Последние находки на Гонуре остатков колесных повозок весьма значительно расширили практические возможности изучения транспортного обеспечения определенной ветви путей регулярных связей ближневосточных центров древних цивилизаций с их средне- и центральноазиатскими аналогами (или дочерними цивилизациями). Впрочем, в установочном плане эта исследовательская проблема уже была подготовлена работами В.И. Сарияниди (1973, 2001) и В.М. Массона (1981, 1989). Этому способствовало изучение моделей колес и колесных повозок с верблюжьей запряжкой из древних памятников и случайных находок в регионе Туркмении; особенности поселенческой архитектуры памятников, где появляются проезжие улицы с плавными поворотами, необходимыми для движения тяжелых и сравнительно неуклюжих еще повозок; скульптурки упряжных животных из тех же контекстов. Однако все это не сравнимо с той острой актуальностью, которую придали поставленной проблеме реальные находки колесных средств передвижения и транспортников. Малочисленность и фрагментарная сохранность древних экипажей допускает только такую обобщенную формулировку, ибо мы не знаем конкретного назначения найденных повозок: служили ли они для транспортировки грузов, или

для перевозки пассажиров, или совмещали обе эти функции? А может быть, и вовсе их применение ограничивалось погребальным ритуалом? Или, выражаясь менее определенно, ритуальными целями?

Фактические данные о находках кажутся весьма скромными. Во дворе погребального комплекса (гробница 3200) у «Храма Воды», в южной части территории Гонура, обнаружены следы двух колесных пар. Два колеса определенно сохранили инситу положение. Между парами колес помещался помост из четырех толстых досок, скрепленных двумя поперечными узкими планками. Несколько в стороне, причем головами к этому сооружению размещались скелеты верблюда и лошади. Кроме того, в могилах 3225 и 3240 царского некрополя Северного Гонура обнаружены колеса, не связанные с какими-то конструкциями, напоминающими о повозке. В первой из этих могил представлен набор из четырех колес, в другой, тщательно ограбленной, - обломки дерева от колес (подробнее см.: Н.А. Дубова, статья в настоящем сборнике. Приношу В.И. Сарияниди и автору статьи глубочайшую благодарность за возможность ознакомиться с полевой документацией этих находок. По многим возникшим у меня в связи этими материалами вопросам я получил также исчерпывающую информацию от автора). Трудно переоценить значение этих скудных фактов: они подтверждают подлинное назначение ранее уже встречавшихся в Бактрии среди случайных находок (Pottier, 1984, p.226, fig. 326) бронзовых сегментов как колесных оббивок; демонстрируют конструкцию колес; указывают на вариации их диаметров – от 0,7 до 0,9 м.; позволяют намечать те возможные пути конструктивных решений узлов и частей экипажей, которые использовали ремесленники, работавшие в гонурском производственном

центре и в мастерских, непосредственно с ним связанных.

Учитывая малочисленность прежних находок повозок в памятниках древнего Ближнего Востока, их плохую сохранность и низкое качество фиксации (я вовсе не намерен осуждать Вулли, Уэйтлина или Лэнгдона и других исследователей за то, что, столкнувшись в Уре, Кише и Сузах с таким совершенно особым объектом раскопок, как колесные повозки, они что-то недосмотрели, недопоняли или произвольно интерпретировали). Необходимо смотреть на проблему шире. Ныне зарегистрировано не менее двух тысяч реальных разновременных находок колесных экипажей в разных частях Евразийского пространства (см.: Кожин, 1983, где зарегистрирована фактическая наличность подобных находок к 1974 г). Не буду напоминать, какие административные последствия имело выполнение этой работы для меня лично, но за последующий период не появилось кадров специалистов-реставраторов, реально знакомых с особенностями древнего колесного транспорта и способных оперативно выполнять в сложных полевых условиях особо квалифицированную работу по фиксации этих всегда уникальных находок. Нет и практического руководства по проведению соответствующих работ. Зато в общих трудах по истории колесного транспорта бесконечно репродуцируются понравившиеся их авторам сделанные наобум реконструкции. В них каждый изощряется на свой вкус. Реконструкции древнейших средств передвижения на Ближнем Востоке и Юге Европы обосновываются «синкретически», сочетая в себе слабые знания о реальных, плохо документированных находках, данные, почерпнутые из беглого рассмотрения и достаточно вольной интерпретации колесничных сюжетов в древневосточном искусстве (графике, скульптуре, мозаиках). Каждая новая реальная находка становится событием чрезвычайной важности, а тем более такая, которая сделана в средоточии отдаленной, пока еще, увы, не всеми признанной цивилизации!

Прежде всего, необходимо определить, на какую часть основных вопросов, связанных с изучением колесных экипажей с той или иной степенью достоверности может отвечать вновь полученный фактический материал. Проблематика сведена в таблицу, что позволяет более наглядно представить ценность новых фактов и степень их информативности по сравнению с данными полученными ранее (см. табл.).

Вид этой таблицы не должен угнетать исследователей-практиков, ибо это обычная ситуация при находках повозок с небольшим количеством металлических деталей. Тем более что, скорее всего, здесь находилась даже не полностью собранная повозка.

Рассмотрю имеющиеся данные, исходя из возможностей их интерпретации. Частично результаты этой работы представлены в таблице, но требуются определенные разъяснения.

Основанием интерпретации, кроме материалов Гонура, становятся повозки из древнейших памятников Ближнего Востока, Кавказа, восточноевропейских степей; изображения их в графике и скульптуре из ближневосточных памятников; отчасти данные письменных источников (преимущественно поздних); этнографические и исторически зафиксированные параллели в конструкциях и производстве более поздних колесных экипажей из разных регионов. Наименьшее значение, увы!, приходилось придавать сравнительно уже многочисленным обобщающим работам коллег, изданным после ярких и глубоких статей В.Г. Чайльда (Childe, 1951, 1954). Не исключено, что особый интерес Чайльда к этой тематике был вызван появлением в 1948г. умозрительной схемы А. Одрикура (Haudricourt, 1948), представившего развитие «колесных средств передвижения и транспортировок» (определение мое и далее я также буду выделять наиболее важные терминологические позиции). Эта броская схема оказала большое воздействие на разработку тематики, хотя основания ее не были подкреплены материалом и хронологическими данными.

Таблица. Набор структурных, рабочих, производственных и качественных показателей колесных экипажей и их моделей, выявляемых по письменным источникам и реконструкциям.

Функции				Назначение	Производственные характеристики
Тяговая	ходовая	маневровая	грузоподъемная		
Дышло ¹⁾	Дышло	Длина и закрепление	Кузов:	Экипажи:	Ремесленная организация
Запряжка	<i>Колеса</i> ²⁾	дышла	Размеры (высота, ширина, длина)	грузовой	
Ярмо	<i>Оси</i>	оглобель		пассажирский	
<i>Оглобли</i> ⁴⁾	Количество осей	Габариты кузова	Конструкция	смешанный	Особые технические приемы, связанные с неритмичными и ритмичными динамическими напряжениями и перегрузками при езде
Соединение запряжки с экипажем	Способ скрепления с экипажем:	Количество колесных пар	Оборудование	боевой	
			Вес экипажа	ритуальный	
КПД	дышла	Высота центра тяжести ³⁾	Грузоподъемность	Конструктивные особенности, обусловленные размещением людей и груза	
Чека			Инерция груза при начале движения и остановке		
	колес	Средства управления торможение			
	<i>Колесные пары</i>				
	<i>Конструкция колес</i>	Ось:		<i>сидения</i> (?)	
		неподвижная		Оформление, связанное с назначением:	
		вращающаяся			
		Соединение оси с колесами и кузовом		защитные приспособления	
		намертво			
		<i>вращающиеся</i>			
		Упряжные животные:		украшения	
		вол			
		лошадь			
	верблюд				

Признаки: ¹⁾ важные, но неопределимые по данной находке; ²⁾ непосредственно представленные; ³⁾ определяемые; ⁴⁾ реконструируемые

Когда последовательно анализируешь крайне разноплановую библиографию многочисленных работ Чайльда, то приходишь к выводу, что большая их часть была посвящена развенчиванию узловых историко-культурных обобщений, получивших, в силу своей яркой банальности, значение чуть ли не законов исторического развития, и поиску надежных реперов для обоснования реальных культурных процессов, подтверждаемых ясными четко датированными (в пределах возможностей его времени) археологическими фактами. Столь же четкую и последовательную линию исследований проводил Дж. Грэм Кларк. Я рад возможности отметить, что одно из положений Чайльда, касающееся трансевразийского моноцентричного распространения боевых колесниц буквально в последние годы получило полное подтверждение. Единственный спорный момент, связанный с этой концепцией (уже не гипотезой!), касающийся роли индоевропейцев и их потомков и восприимчивых в этом процессе, как я считаю, может уже сейчас быть окончательно разрешен в кабинетных исследованиях: боевая колесница слишком радикальный военный агрегат, чтобы долго оставаться культурным достоянием только одной историко-лингвистической среды. Устойчивые линии военных регулярных конфликтов по всему южному региону Евразии охватывали полиэтничные ареалы, и в процессе боев противники обзаводились наиболее прогрессивным боевым оружием, заимствуя у грозных врагов опыт его изготовления и применения (возможно, вместе с соответствующей терминологией).

Возвращаясь к гонурским находкам, приходится констатировать, что как и повсеместно, наиболее надежные данные получены о колесах и их конструкции. Это — основная разновидность трехчастных дисковых колес (tripartite disc wheels), выполненных из трех массивных брусьев. Они имеют много разновидностей, определяющихся техническими и сырьевыми возможностями и производственными традициями тех коллективов, в которых их изготавливали. Накопление новых находок, надеюсь, вскоре позволит подтвердить ис-

ходное единство типа и построить надежную генетическую типологию этих изделий, общих для гигантского ареала ближневосточных и степных культур Евразии.

Средний брус колеса имел с двух боковых сторон сильно выступающие мощные шпонки (нельзя исключать, что шпонками служили самостоятельные планки, вставлявшие в пазы, выполненные, как на боковых так и на центральном брусьях), которые плотно входили в пазы, вырезанные в прямых сторонах боковых сегментовидных брусьев, создавая тем самым сплошной диск из очень прочного дерева, который еще скреплялся двумя параллельными планками 5 см ширины, врезанными по обе стороны от выступающей ступицы, перпендикулярно длине брусьев (по ближневосточным находкам известно, что планки такого типа были врезаны на обоих боках диска. На оборотной стороне колес из мог. 3225 из-за их сохранности следы планок не могут быть отмечены). Ступица круглая, выступающая с одной стороны диска, с круглым отверстием втулки ($D = 7$ см), в виде невысокого выпуклого диска ($D = 15$ см). Сохранность дерева не настолько хороша, чтобы утверждать уверенно, но не исключено, что ступица была врезана в центральный брус. Противоположная поверхность диска ровная, как это видно на колесах из мог. 3225. По ближневосточным аналогиям, в частности по изображениям на мозаичном «штандарте» из Царских могил Ура (U 11164; Woolley, 1934, p. 267-274; Вулли, 1961, с. 93-95), видно, что выступающая сторона ступицы была обращена наружу. Из чего следует, что ось, на которой колеса были укреплены, была достаточно длинной, чтобы колеса не соприкасались с бортами кузова (рис. 1).

Колеса обиты металлической шиной из шести отдельных сегментов каждая. Такое постоянство, тем более при разных диаметрах колес, указывает на **стойкую производственную традицию**. Это подтверждается еще и тем, что каждый из сегментов обивки имеет по шесть длинных пластинчатых выступов (по три с каждой стороны: два с краев один по центру) со скругленным верхним краем, близ которого проделано отверстие.

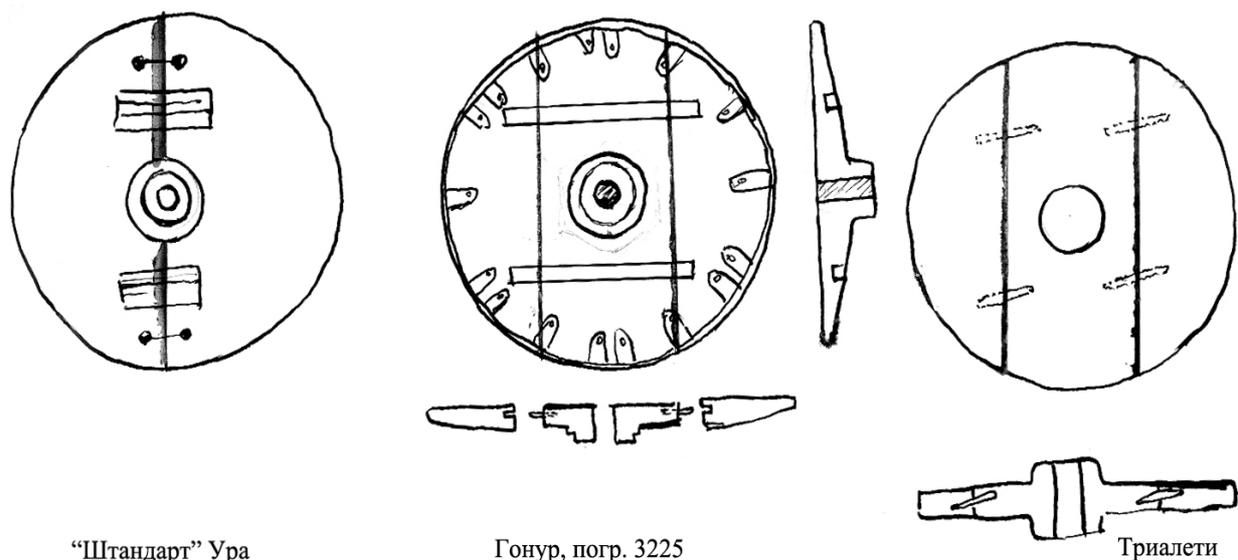

Рисунок 1. Отдельные разновидности дисковых колес.

После того, как шина, очевидно, с помощью проковки укреплялась на колесе (ее буквально вколачивали в поверхность дерева; пластинчатые выступы утопали в нем заподлицо), в эти отверстия вставлялись металлические стержни, проходившие через специально просверленные для них отверстия в дереве колеса. Их концы расклепывались в широкие шляпки. Эти заклепки прочно фиксировали обод и способствовали большей прочности скрепления всего трехчастного колеса. В Уре, Кише, в мог. 322 ападаны («донжона») Суз колеса, как полагали исследователи, обтягивались кожей и прямо по колее оббивались гвоздями в 5 см длины с полушарными или ромбическими шляпками. Применялись также шины, аналогичные гонурским.

Колеса вращались на оси. Хотя по материалам погребения 3200 колеса образовывали с осью единый скат (парное расположение снятых с осей колес в мог. 3225 подкрепляет этот вывод), вероятнее все же, что сама ось не вращалась, но и с кузовом она соединялась не намертво. Можно полагать, что в вышеуказанном помещении были помещены два ската и между ними какая-то деталь повозки (помост, сидение?), но **кузова как такового здесь не было.** Одно из немногих обстоятельств, которые достоверно известны о конструкции кузовов древневосточных по-

возок – это то, что их основу составляла мощная деревянная прямоугольная рама из толстых брусьев прямоугольного сечения с очень прочным скреплением угловых соединений (видимо, на шипах). Лишь в одном случае Вулли удалось предположительно зафиксировать скрепление оси с кузовом (PG 789) с помощью медных стержней. Обычно же ось легко отделялась от кузова.

О способах ее скрепления с кузовом можно рассуждать лишь гипотетически. Причем, повозки из Киша (grave Y), как полагают, с вращающимися осями, имеют довольно сложную конструкцию в основании кузова. Назначение ее и первоначальный вид, очевидно, остались непонятны исследователям. Читатель же вправе, на основе приведенных фактических данных, заподозрить в описанной конструкции со сложно гнутыми дугами и различными металлическими деталями приспособление типа станины кузова, над которой сам кузов возвышался как бы поставленный на рессоры. Но это, пожалуй, чрезмерно дерзкое историко-техническое предположение. Общеизвестно сколь поздно появились рессоры и подвеска кузова у экипажей нового времени. Достаточно напомнить, что карета, в которой был убит французский король Генрих IV (1610), рессор еще не имела.

Кстати, при отсутствии рессор становится неправомерной реконструкция «по-

возки-козел», выдуманная М.В. Гореликом на основании разглядывания картинок моделей, где колесничий будто бы сидит верхом на дышле, что было бы при тряске весьма болезненным и грозит мужчине тяжелыми хроническими заболеваниями. Впрочем, легковерному А.К. Нефедкину, специалисту по серпоносным колесницам Древней Греции и Средиземноморья (Нефедкин, 2001), идея такого пыточного агрегата почему-то пришлась по душе. И перерисовка (из работы М.А. Литтауэр и Йоста Крауэла) «квадриги-козел» из Телль-Аграба очень украсила его сочинение (с. 42; Воспроизвести графическую фантазию Горелика /История Древнего Востока..., с. 191, рис. 58d/ он, видимо, все же не рискнул).

Остается полностью неясным вопрос о способе закрепления на оси вращающихся колес, так как материальных следов **оси и чеки** (или другой конструкции, предупреждающей возможность соскакивания вращающихся колес с оси) – не обнаружено. Весьма существенные наблюдения были сделаны в процессе раскопок в связи с установлением взаимосвязи между колесными парами и находящимся между ними помостом–сидением (?) в пом. 3200. Из наблюдаемой ситуации ясно, что колеса, буквально прислоненные к стенке помещения остались стоять в первоначальном положении, тогда как южные колеса упали, видимо, когда разрушилась связь, соединявшая их в колесные пары с северными колесами. При этом первоначальная взаимосвязь всех сохранившихся частей конструкции подкрепляется тем обстоятельством, что помост- сидение склонился в южном направлении, т.к. у северной стенки он зафиксирован на высоте 60 см от уровня пола, а южный его край находился на высоте лишь 35 см.

Материалы могилы 3225 и юго-восточное (видимо, заднее) колесо повозки из пом. 3200 показывают, что предметы, лежащие плашмя на полу, могли сохраняться лучше, чем те, которые находились в свободном пространстве помещения. Очевидно, оси и прочие детали, которые определено были здесь представлены, бесследно истлели. После открытия многочисленных

остатков колесниц в евразийских степных культурах эпохи бронзы стало очень модно во многих находках прогнозировать следы тормозных устройств. Я думаю, что для равнинного ландшафта и, вероятно, достаточно медленных скоростей движения изучаемых повозок, вопрос о *тормозе* не актуален. Даже, если дышло экипажа не было намертво скреплено с кузовом (у большинства древнейших колесниц скоростное торможение регулировалось именно дышлом и благодаря выучке коней и квалификации возничего).

Вопрос о прикреплении **дышла** к древневосточной повозке остается крайне неопределенным. Все изображения, и графические, и скульптурные воспроизводят дышло как крайне мощную конструкцию, но связь его с кузовом не удается выяснить по реальным находкам. Ближайшие по времени и, очевидно, по конструкции кавказские повозки-колесницы снабжены «А-образным дышлом», укрепленным на передней стороне боковых брусьев кузова, массивными штырями круглого сечения, с помощью которых эта конструкция могла подниматься и опускаться (подробнее о конструкции и функциях этого дышла см.: Кожин, 1995). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что закрепление сложного А-образного дышла с двух боков на передней части кузова, создает условия, при которых легко могли бы развиться **оглобли**, т.е. конструкция запряжки, когда каждое животное участвует в тяге посредством двух деревянных штанг к которым оно прикреплено упряжью, между которыми оно движется и которые, в свою очередь, каким-то образом скреплены с экипажем.

Однако оглобельная запряжка в повсеместном распространении проявляется весьма поздно и некогда первые ее невнятные проявления мне удалось выявить при рассмотрении материалов Амударьинского клада (Кожин, 1969; правда, там не была учтена вторая повозка без упряжных животных, но с «двойным дышлом», которую мне довелось изучить лишь во время экспонирования Клада в ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1972 г.).

Такое позднее появление продуктивной оглобельной запряжки вполне объяс-

нимо, исходя из двух историко-технических моментов: 1) глубокой традицией дышлового запряжки, идущей от пахотных орудий (Кожин, 1985, 1986) и 2) необходимостью повысить грузоподъемность запряжки вначале увеличением числа быков при транспортировке тяжелых грузов, а затем и числа маломощных лошадей для придания пассажирским и военным экипажам достаточной скорости и маневренности. Использование оглобельной запряжки потребовало бы от древних технологгов сознательной разработки иной по сравнению с действием плужной запряжки концепции организации тяги и довольно многочисленных экспериментов в области конструирования особой упряжи и средств управления транспортом. Выгоды же этих новаций, именно из-за малой мощности животных, были не очевидны.

Появление на моделях повозок из Туркмении одиночных «протом» (голова и шея) верблюдов указывает на возможность применения одиночной запряжки верблюдов в Гонуре. Вероятность вывода подкрепляется находками одиночных костяков верблюдов в ассоциации с остатками повозок и колес во всех трех рассмотренных комплексах; огромной физической силой и выносливостью верблюдов, очевидным их использованием хозяйстве и большой численностью верблюжьего стада в Маргусе. Высокая грузоподъемность верхних верблюдов отразилась в средневековых мерах веса (Хинц, Давидович, 1970, С. 42-44, 105, 106, «харвар», «химл»). Видимо, в Туркмении на основе ближневосточно-месопотамских экипажей был разработан тип повозки с коробчато-ящичным длинным и невысоким кузовом, хорошо представленный в моделях. Ограниченность ареала этой повозки связана с экологией верблюда (той разновидности бактрианов, откуда рекрутировалось упряжное поголовье), но это уже междисциплинарная проблема, куда не должно вторгаться односторонне.

Указание Геродота (Herod., III, 102) на близость бактрийской и североиндийской культур привлекает внимание к рассмотренной верблюжьей запряжке с одним коренником и двумя пристяжными

по бокам. Это определенно оглобельная запряжка. Возможность использования ее в том же ареале ранее резко повышается. Сведения о применении в Сузах (de Mesquenem, 1943, p. 89, 90, fig. 74) сегментовидных оковок колесных шин, подобных гонурским, указывают на технические взаимосвязи обоих ареалов, но хронологический приоритет остается за месопотамскими находками: здесь используются шины с разным числом сегментов, а в Гонуре утверждается стандарт из 6 сегментов. Простейший способ деления окружности на шесть хорд с помощью засечек, выполненных раствором циркуля, поставленного поочередно на точки пересечения этой окружности секущим диаметром, рекомендованный средневековым ремесленником в труде Абу-ль-Вафа аль-Бузджани (940 - 988), явно восходит к древнейшему прошлому.

Тесные связи Гонура с месопотамским регионом проявляются все ярче от одного раскопного сезона к другому. На плоских досках из мог. 2900, 3130 и помещения 115 инкрустацией выполнены прямоугольные решетчатые композиции, структурно соответствующие двадцатипольным «шахматным доскам», обнаруженным в «Царских могилах» Ура и в могильнике Шахр-и-Сохта (Иран) (Кожин, 2003, с. 28, прим. 15). Это уже проявление глубоких материально-духовных связей, заслуживающее специального исследования.

В 1966 г. я считал, что колесный транспорт рано разделился на два потока распространения: один, начавшись на Ближнем Востоке, расцветал там во всем своем функционально-техническом разнообразии, тогда как специализированный аграрно-хозяйственный грузовой экипаж¹ через побережья Анатолии и Балканы достиг Средней Европы, где включился во «фронтальное расселение» земледельческих коллективов. Позднее, с учетом Кавказа, Северо-причерноморских, Западно-азиатских степей и Хараппы, количество древнейших «стабилизаций» (т.е. ареалов,

¹ По кузовам венгерских моделей повозок грузоподъемность реального экипажа при перевозке насыпного зерна приближалась к одной тонне.

где транспорт надолго утвердился в определенных конструктивных вариантах и стабильно развивался в особой для каждого района ремесленно-технической среде) достигло пяти (Кожин, 1983). Теперь их стало шесть!

Для окончательной интерпретации местной повозки стоит подождать пока

плодоносная на археологические находки земля Туркмении откроет перед нашим неутомимым юбиляром Виктором Ивановичем Сарияниди новые факты, подарит нам уникальные возможности для дальнейших исследований.

Литература

Вулли Л. Ур халдеев. М., 1961.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческих цивилизаций. М., 1983.

Кожин П.М. О глиняных моделях колес из Балановского могильника // СА, 1966.

Кожин П.М. О сарматских повозках // Древности Восточной Европы. М., 1969, С. 95.

Кожин П.М. Проблемы историко-культурных и этнических контактов населения Евразии с IV тыс. до н.э. по первые века н.э.: (Происхождение и древняя история колесного транспорта), М., 1982. 273с. // Депонирована в ИНИОН АН СССР № 13481 от 30.08.1983 г.

Кожин П.М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985.

Кожин П.М. Первые повозки. // Вопросы истории. 1986. № 7. С.185- 189.

Кожин П.М. Древняя теория и практика гаданий в Китае // Китайская классическая «Книга перемен» и современная наука. М., 2003.

Массон В.М. Алтын-депе. Л., 1981.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI – I вв. до н.э.). СПб, 2001.

Сарияниди В.И. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке // КСИА. Вып. 114. 1968.

Сарияниди В.И. Статуэтка лошади с Алтын-депе // Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973.

Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему // Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

Childe V.G. The first waggons and carts from Tigris to Severn // PPS for 1950. Cambridge, 1951.

Childe V.G. The diffusion of wheeled vehicles // Ethnographisch-Archaeologische Forschungen. Bd. 2. Berlin, 1954.

Haudricourt H. Contribution a la géographie et ethnologie de la voiture // Revue de géographie humaine et ethnologie. T.1. Paris, 1948.

Mecquenem R. De. Fouilles de Suse 1933-1939 // Momoires de la Mission archaeologique en Iran. T. 29. Paris, 1943.

Woolley C.L. Ur Excavations. Vol. II: Royal Cemetery. L., 1934.

H. Jungner
(Finland, Helsinki)

A COLLABORATION FOR DEVELOPING ARCHEOLOGICAL RESEARCH IN TURKMENISTAN

The project reported here is related to previous contacts and cooperation between the members of the research team stretching of over many years. Because there are no possibility for radiocarbon dating in Turkmenistan the main part of the project was formed of radiocarbon dating of samples from the necropolis of Gonur in Turkmenistan. The results obtained form an important contribution to the development of a reliable chronology for the «Bactria and Margiana Archaeological Complex (BMAC)».

Background

Turkmenistan has been an integral part of the Silk Road that connects the western and eastern halves of the Old World. Turkmenistan has played a central role also in the early movements of peoples in this part of the world. This has been confirmed archaeologically by the excavations, which Professor Viktor Sarianidi has carried out since 1969, first in Northern Afghanistan (ancient Bactria) and then during the past two decades in the Mary region (ancient Margiana) of Turkmenistan. The "Bactria and Margiana Archaeological Complex" (BMAC) discovered by Sarianidi is without question one of the most interesting archaeological cultures today not only in Turkmenistan but in the whole world. There are many problems connected with the study and understanding of the BMAC.

Since 1988, one of us Asko Parpola has published several studies in which the BMAC finds are correlated to the textual and linguistic evidence related to this region. In 1989 Dr. Sarianidi visited the University of Helsinki and gave guest lectures on his BMAC excavations. In 1990, Professor. Parpola and Dr. Jungner participated in the international field seminar arranged by Dr. Sarianidi at his Gonur excavations in Turkmenistan. During the past 12 years, Professor Sarianidi has continued his excavations, and in 2001 received from the President of Turkmenistan the Makhtumkuli International Prize for his outstanding achievements.

One of the principal and most debated problems connected with the BMAC is the dating of its various layers. Some radiocarbon datings are already available, including ones based on the samples taken and processed by the author in 1990. Radiocarbon datings are very costly, however, and there are no facilities of processing radiocarbon dates in Turkmenistan. Dr. Sarianidi has not been able to finance radiocarbon dating abroad, and yet they are very urgently needed in sufficient numbers especially after his important recent discoveries in the necropolis of Gonur from which no dates have previously been available.

Radiocarbon dating of samples from the necropolis of Gonur in Turkmenistan

Samples of charcoal were collected by Professor Sarianidi at different locations in the excavation area, and 20 samples were selected and submitted for radiocarbon dating in the Dating laboratory at University of Helsinki. A list of the samples is collected in Table 1 together with information about the site of collection, the laboratory number and the results from dating. In the laboratory the samples were handled in normal way. After mechanical removal of sand and root fragments a chemical acid-alkali-acid treatment was applied before drying and combustion. Either conventional gas counting (lab code Hel-xx) or the AMS technique (lab code Hela-xx) was then used to measure the radiocarbon content in order to determine the age of the sample.

The results were corrected for isotopic fractionation based on the measured $\delta^{13}\text{C}$ values as given in the table.

The $\delta^{13}\text{C}$ values clearly fall into two different groups having values around -25 and -10 ‰ respectively. This reflects that the charcoal originates from either C3 or C4 plants, i.e. plants using different photosynthetic

pathways. Difference in age for these different species can, however, not be seen. The problem with charcoal being older than the occasion to be dated due to the age of the tree used for burning can therefore not be solved by comparing the dates for the C3 and C4 plant charcoal.

Table 1. Charcoal samples from the necropolis of Gonur submitted for radiocarbon dating and corresponding results.

NRO	Name	Lab-code	$\delta^{13}\text{C}$	AGE BP	Sigma
1	Area 5, burial 2900	Hel-4629	-10.3	3350	70
2	Area 5, burial 2922	Hela-674	-24.9	3810	40
3	Palace, room 189	Hel-4628	-26.5	3670	60
4	Palace, Inner Hall. The upper part of the North Wall. The last period, the final decay of the settlement	Hel-4620	-10.3	3670	80
5	Area 5, Encircling wall, (sample 1, oven)	Hel-4622	-21.2	3820	80
6	Area 5, Encircling wall, (sample 2). Near the burial #2951	Hel-4623	-10.4	3720	70
7	Area 5, burial 2953	Hela-671	-25.8	3695	45
8	Area 5, room 99. (In the west wall of hearth, near the burial #2938)	Hel-4617	-10.5	3950	80
9	Area 5, room 84 (From the oven)	Hel-4621	-24.6	3870	80
10	Area 5, room 87 (From the oven)	Hel-4625	-11.3	3460	80
11	Area 5, room 77	Hel-4626	-24.3	3720	70
12	Area 5, room 70 (Under the animal burial of the tomb #2900)	Hel-4627	-24.9	3580	70
13	Area 5, room 78	Hel-4616	-11.1	3810	70
14	Necropolis, burnt pit, burial N 2304	Hela-672	-25.0	3585	45
15	Necropolis, burnt pit, burial N 2283	Hel-4619	-25.2	3480	100
16	Necropolis, burial N 95	Hel-4634	-21.5	3810	80
17	Necropolis, burial N 2315	Hela-673	-26.0	3690	45
18	Necropolis, burial N 2041	Hela-675	-25.8	3810	40
20	Area 5, Encircling wall (sample 3, oven)	Hel-4624	-22.4	4000	90
21	Area 5, Encircling wall (sample 4, oven)	Hel-4618	-25.0	3930	70

Atmospheric data from Stuiver et al. Radiocarbon 40 1041-1083 (1998); OxCal v3.3 Bronk Ramsey (1999); cub r:4 sd:12 prob usp[chron]

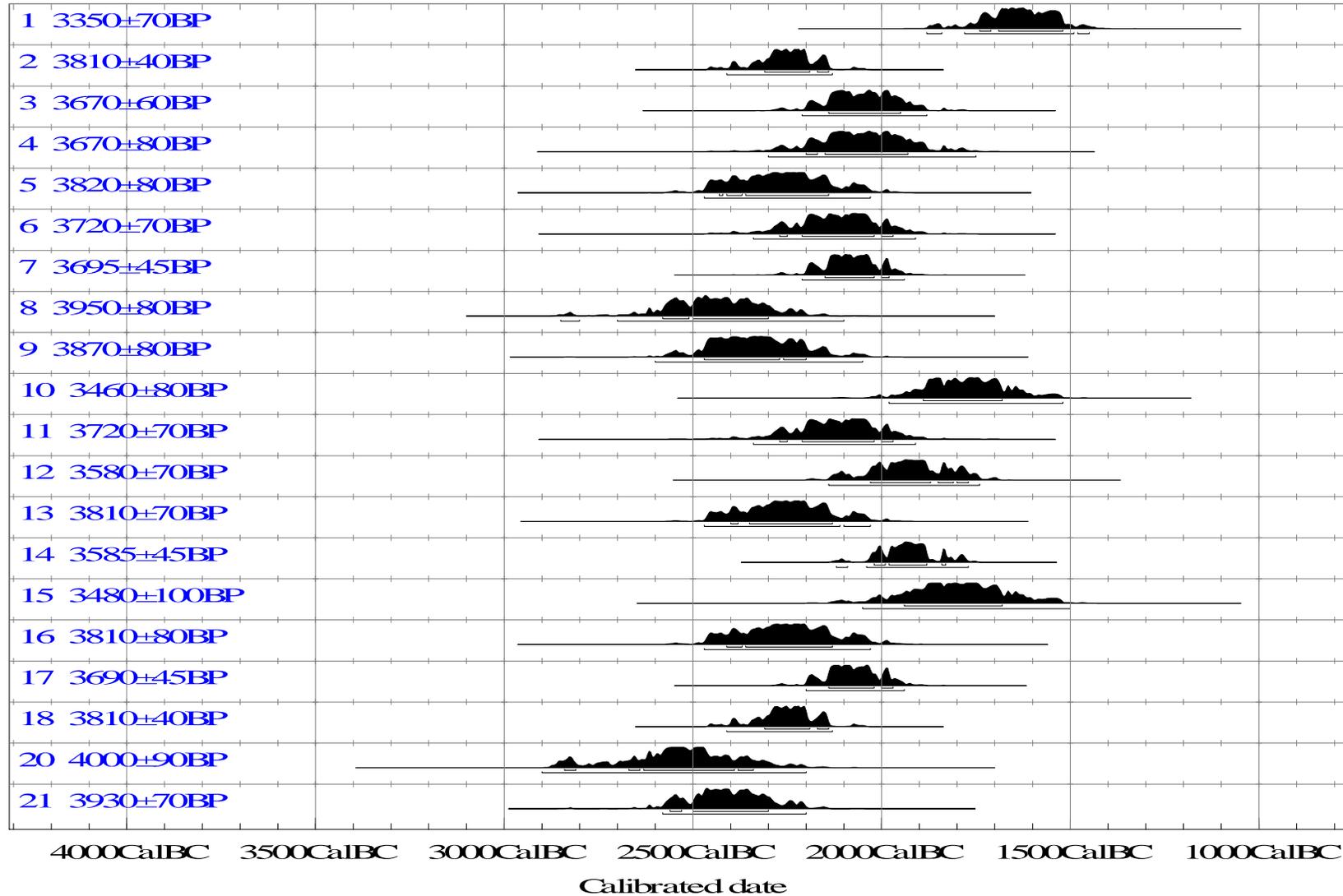

Fig. 1 Results from dating of charcoal samples from the Necropolis in Gonur. The curves give the probability distribution for the correct age for each sample.

The dates in the table are radiocarbon ages calculated from year 1950 AD. Due to the fact that the radiocarbon content of the atmosphere has varied through time the measured radiocarbon dates need to be corrected in order to obtain ages in sidereal years. Figure 1 gives the results after calibration. The calibration was done using the Ox.cal programme (Bronk Ramsey, 2001) and the calibration da-

ta by Stuiver et al. (1998). The calibrated dates concentrate around 2000 calBC with the youngest age at about 1600 BC and the oldest about 2400 BC. A more detailed discussion taking into account the different constructions connected to the samples will be done in the future when a comprehensive report on the results from the excavations will be published.

References

- Bronk R.C.* Development of the radiocarbon calibration program // *Radiocarbon*. Vol. 43(2A). 2001. P. 355-363.
- Stuiver M., Reimer P.J., Bard E., Beck J.W., Burr G.S., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., van der Plicht J., Spurk, M.* INTCAL98 radiocarbon age calibration, 24,000-0 BP // *Radiocarbon*. Vol. 40(3). 1998. P. 1041-1083.
- Hiebert F.T.* Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. With foreword by C. C. Lamberg-Karlovsky and preface by V. I. Sarianidi. (American School of Prehistoric Research Bulletin, 42). Vol. XXXVII. Cambridge, Ma, 1994.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur and Iranian paganism. Moscow, 2001.
- Sarianidi V.* Margush: Ancient oriental kingdom in the delta of Murghab river. Ashgabat, 2002.

F.T. Hiebert, K.M. Moore
(USA, Philadelphia)

A SMALL STEPPE SITE NEAR GONUR

This paper describes a small site near the Bronze Age oasis settlement of Gonur depe in Margiana, Turkmenistan. The ceramics of this site, Gonur-N, are dominated by handmade ceramics in a style and form typical of the steppe region to north, and are dated by association with local ceramics to the last period of occupation at Gonur. The context of this small site outside the walls of a major permanent settlement suggests a short-term encampment of pastoral specialists in an exchange relationship with the farmers and craftsmen of Gonur. This assemblage, taken together with the archaeology of animal production in the oasis and other finds of steppe ceramics, is new evidence for the nature of interaction between two complementary but distinct economic and social traditions.

Evidence of Pastoralists in the Oases

Exchange between steppe pastoralists and the oasis farmers of Margiana undoubtedly involved animals and products such as wool, milk, meat, and fat. Except for animal bones, these materials are difficult to recover archaeologically and it may not be easy to distinguish similar products (such as dairy products) that were produced by both economies. Similarly, metal and stone artifacts from the steppe, often made of distinctive style or manufacture, are rare. The lack of stone and metal in the desert meant that much of this material was recycled and taken out of the archaeological record. Ceramics, on the other hand, while probably not a commodity or an item of high value, reflect the identity of the manufactures.

Viktor Sarianidi first identified Bronze Age steppe nomadic ceramics in Margiana on a wide scale. He first focused on the importance of understanding the meeting of two worlds – Eurasian steppe pastoralists and settled oasis agriculturalists (Sarianidi, 1975). Many features have been attributed to steppe nomads – the need for fortifications in Margiana, diffusion of language and ideas to the

south at the time of the Indo-Iranians, and even the florescence of the Bactria Margiana Archaeological Complex (BMAC) itself (Сарианиди, 1975; Кузьмина, 1994b; Кузьмина, Ляпин, 1984).

Sarianidi rightly noted that the hand-formed, low-fired ceramics found in Margiana, were most similar to the steppe pastoralists of the Aral Sea region. Vessels tend to be of a standard "bucket" shape with a flat base, almost never are blackened by fire, and appear to be containers for storing liquids or grain. Smaller vessels with similar forms were probably small cups. These vessels have punctate and incised decorations which have generally been grouped into «chronological cultures», but which tend to overlap in time and space (Кузьмина, 1986). The oasis ceramics, in contrast, are mostly wheelmade, high fired, ceramics made of finely levigated clay with almost no surface decoration (P'yankova, 1993). The ceramic forms in the oasis are diverse, from large storage jars to thin, fragile "table" ceramics. Handmade cooking pots are a minor component of the oasis ceramic assemblages, but these vessels mimic the forms of the wheelmade ceramics and have a well-levigated paste with grog added to it so that they are easily differentiated from steppe ceramics.

Sarianidi's investigations at Togolok depe and Gonur relied on wide-scale excavation within the fortified walls of oasis sites, and provided the world with a new picture of the ancient Near East at its northern frontier (Sarianidi, 2002). The regional distribution of steppe ceramics in the oases is known from his extensive surveys (Сарианиди, 1990). Between 1970 and 1989, twenty-four sites surface locations with steppe ceramics dated by association with late Bronze Age oasis ceramics were recorded by Sarianidi and Masimov (Сарианиди, 1975; Кузьмина, Ляпин, 1984). Under typical circumstances in Margiana, oasis architecture, ceramics and stone imple-

ments are highly visible on the bare desert pavement. However the sample of archaeological remains on the northern fringes is strongly biased by the occurrence of moving barchan sand dunes. Sarianidi suggests that presently some 25% of the area is masked by moving sand, which covers and uncovers remains such as ceramics sherds on the surface (Sarianidi, 1981).

It is Viktor Sarianidi's vision and generosity that opened this research area to collaborators on small-scale excavations (Hiebert, 1994) and environmental and ecological reconstructions (Miller, 1993; Moore et al., 1994). Several additional sites were located in collaborative research involving «off-site» survey near Gonur depe in 1988-90, one of which, Gonur-N, is reported here.

Gonur-N, the steppe site near Gonur

In 1989, informal surface survey near Gonur depe located a small Bronze Age site, Gonur-N, near barchan dunes approximately one kilometer southwest of the south mound of Gonur depe, just beyond a low ridge that is probably part of a Bronze Age canal (fig. 1). Barchan sands had shifted to reveal a site with a distinctive ceramic assemblage in which incised coarseware («steppe») ceramics predominate over wheelmade ceramics.

Sherds were first collected from a dense cluster at the base of converging dunes. This cluster lay at the south slope of a dune, about 4 m below the crest of the dune (fig. 2). Further collections indicated that the scatter of steppe ware sherds and other materials was about 40 m north-south x 60m east-west. The dense concentration of handmade wares did not extend beyond the deflated area. A faint scatter of otherwise common fine-ware sherds extended from this cluster across the dunes to the main area of fortified architecture.

About 150 sherds were collected from Gonur-N in 1989, of which 85% were steppe ware and 15% were fine ware wheelmade ceramics (fig. 3). Several fragments of kiln bricks lay on the surface where the sherds were found. These bricks were not part of an intact kiln, but were probably carried from a nearby kiln to use in a surface hearth. In addition, four small ground stone fragments were found in this area. When the site was revisited

in 1990, several fragments of flint were collected near the location of the original cluster of materials.

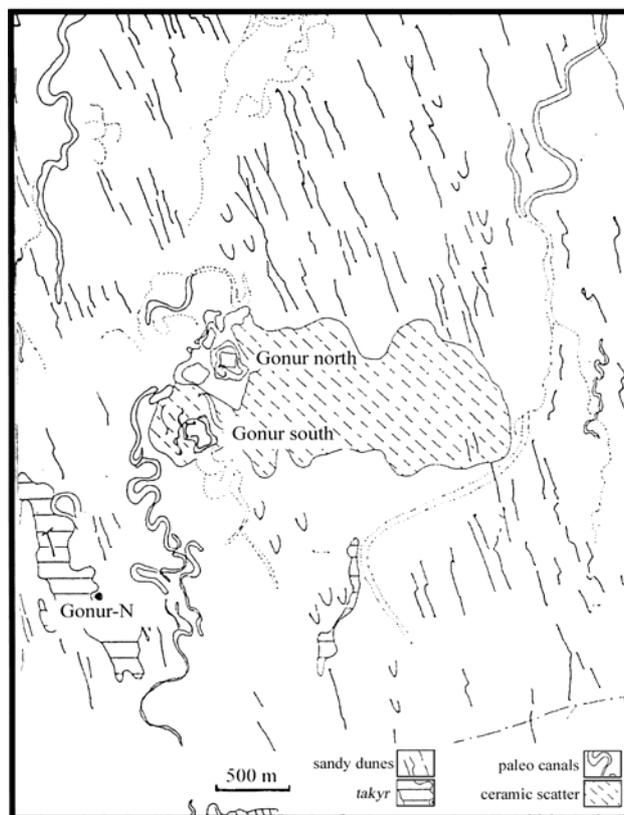

Figure 1. Plan of Gonur depe showing the location of Gonur-N.

A test excavation (1 m square) was opened in 1989 near the center of the original cluster of sherds between the dunes to see if the materials lay on or near a surface (fig. 4). Deposits were excavated to a depth of 90 cm, revealing that the top 60 cm were loose dune sands held in place by a layer of fine rootlets. Below these wind-blown deposits, there were two thin layers of fine water-lain silty clay separated by dune sands. Steppe ceramics were recovered *in situ* in this unit. No floors, features, further brick fragments, or other cultural materials were found despite ¼ inch screening of all deposits. The flanks of the dune above were heavily burrowed by rodents, but none of the disturbed deposits indicated the presence of any archaeological material under the dune surface. In contrast to surface collections on stable desert surfaces such as mudflats (*takyr*) these ceramics are not wind eroded. The distinctive assemblage composition and the discrete spatial distribution of the steppe sherds suggests that the ceramics are an intact assemblage (probably recently ex-

posed) or a deflated assemblage near the original surface on which it had been deposited.

Figure 2. Photo of the modern environmental setting of Gonur-N. L. P'yankova inspecting the steppe ceramics.

The wheelmade ceramics *in situ* at Gonur-N are typical of oasis agriculturalist production. These form a distinctive assemblage, consisting of large footed «tableware» pieces. The forms include open «plates on stands», tall footed goblets, and thin and finely made cups (fig. 5). Petrographic thin sections of these ceramics from the small steppe site confirm that these fine wheel made ceramics have the same manufacture as that of the ceramics from the upper levels at Gonur south (fig. 6). The presence of these forms, typical of the upper level at Gonur south allows Gonur-N to be dated to the Takhirbai period (1700-1500 BC), the latest period at Gonur south.

The steppe ware assemblage is made up of cups and medium-sized closed jars with sloping shoulders and rims 10-17 cm in diameter. Some of them have impressed decoration around the thick rim. The vessels are coarsely decorated with impressed bands of triangles, bands of short vertical lines, and bands of zig-zagging (fig. 7). These ceramics are most similar in manufacture, form and decoration to the Tazabag'yab ceramics of the Khorezm oasis at the confluence of the Amu Darya with Aral Sea, approximately 380 km to the north (ИТИНА,

1961). They are less similar to the earlier Andronovo and Srubnaya ceramics of the steppe nomads to the northwest or northeast.

The paste of these thick vessels contains a fine sand or grog temper and fires to a gray, buff, or purple color. Petrographic analysis of several of the steppe ceramics from near Gonur shows that they have consistent use of coarse feldspar temper – a temper which is never used in local oasis ceramic manufacture (fig. 8). Comparison with petrographic thin sections of Tazabag'yab ceramics from Itina's excavations at Kokcha 3 and Kokcha 15 in Khorezm indicates a very close match of ware, temper and manufacture. Of considerable interest is a similar fine wheel made ceramic from the floor of a Tazabag'yab house in Khorezm with the same ware, temper and manufacture as these wheelmade ceramics from Margiana (see fig. 6). This confirms the suggestion of Itina that the exchange of commodities at that time was already multidirectional (ИТИНА, 1977, с. 69).

Such pastoral camps as Gonur-N are known historically from the herders of the Kara Kum who moved their animals across the steppe in a north-south (meridonal) seasonal round. These pastoral nomads had their summer stations in Khorezm, and kept their winter stations in the fields of the Merv oasis (НИЯЗКЛЫЧЕВ, 1973). Three to four sets of pastoral circuits linked the desert oases of Margiana and Khorezm with northern steppe regions, covering an area of some 1500 km (fig. 9) (Nikolaev, 1981). The occurrence of a steppe site in close proximity to the Gonur settlement during the Takhirbai period provides evidence that meridional migrations were already occurring at the beginning of the second millennium BC.

Late Bronze Age pastoralism

Gonur-N differs from other finds of steppe materials in Margiana. Such other finds include individual steppe vessels found within architecture in Margiana (suggesting some exchange of products); burials having a mixture of steppe and oasis dweller burial goods (suggesting possible intermarriage); and large stretches of steppe sherd scatters near Takhirbai (suggesting places where steppe people traditionally kept their herds). But what does a relatively large assemblage of steppe and oasis ceramics near monumental architecture tell us about this system?

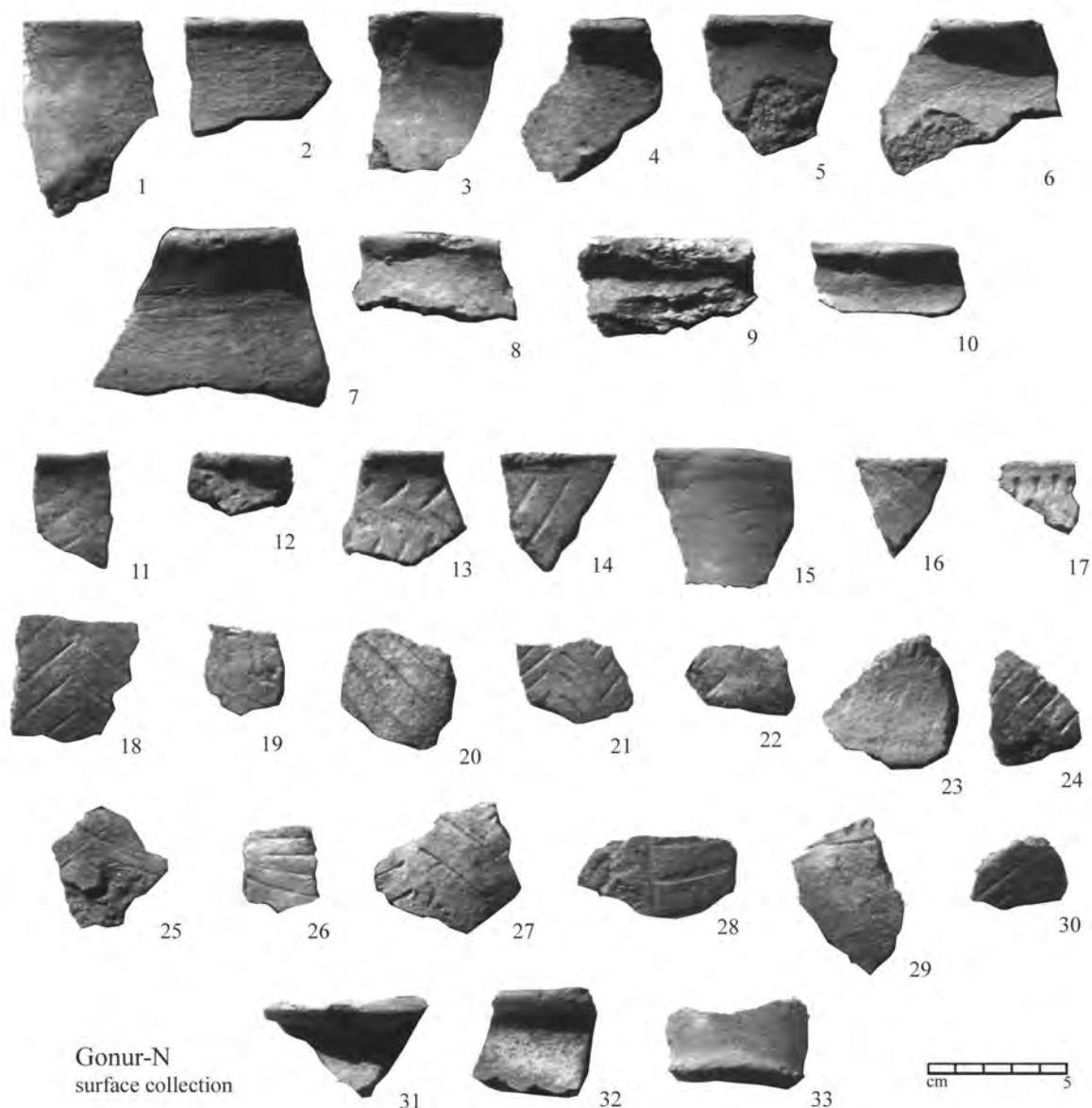

Figure 3. Photo of surface collections of ceramics from Gonur-N.

It is historically known that individual relationships between steppe pastoralists and oasis dwellers were negotiated where they shared ecological zones. For example, in the area of Khorezm, herders from the steppe maintained a symbiotic relationship with the agriculturalists (Сазонова, 1978, с. 67-69), while in the region of Bukhara, the relationships were accompanied by conflict (Кармышева, 1969).

In some cases (in the Tedzhen oasis, for example), the pastoralists had to pay farmers or landlords for fodder rights); in other cases, the nomadic pastoralists received payment for ma-

nuring the fields in which they grazed seasonally (Кармышева, 1969; Khazanov, 1984).

Observations of camp composition among the Pashtun nomadic pastoralists of west Afghanistan (Glatzer, 1998) emphasized the complexity and tension involved in camp formation. Establishing social relations in a new camp involved elaborate hospitality, meeting, drinking, and negotiations concerning land use. While noting that residence at a specific camp might be short-term, ethnologists have noted that such ephemeral «negotiating» camps were an important part of a wider and stable social

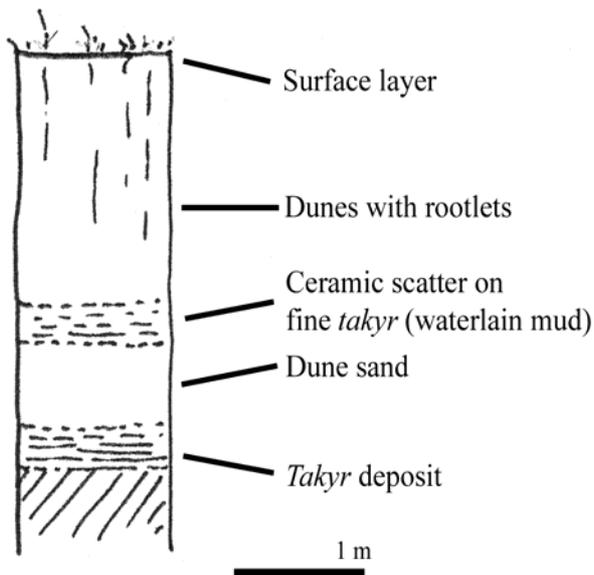

Figure 4. Cross-section of test trench excavation at Gonur-N.

structure linking agriculturalists and pastoralists (Spooner, 1973, p. 25-26).

In this archaeological case, herders appear to have brought herds to the fringe of a fortress-like building complex in the oasis. Gonur-N may well have been a negotiating point where steppe pastoralists and oasis dwellers met. Its neutral location outside of the oasis architecture and its limited array of ceramic types suggest some specialized function, supporting this reconstruction. Whatever the exact function of the site, the discrete cluster of sherds in an apparent encampment shows how close the interaction with nomadic peoples was at Gonur, yet how spatially (and culturally) separate they would have been in their dealings with one another. The presence of nomadic peoples close by the fortified towns just before the town was abandoned allows us to better understand the development of these two interdependent worlds.

Discussion

The chronology, scale and nature of the earliest steppe-desert interaction does not lead us to believe that interaction with nomads stimulated the florescence of the Bactria-Margiana Archaeological Complex.

Only with the Togolok period (c. 2000 BC) are rare steppe ceramics found in room fill and middens within the oasis architectural contexts.

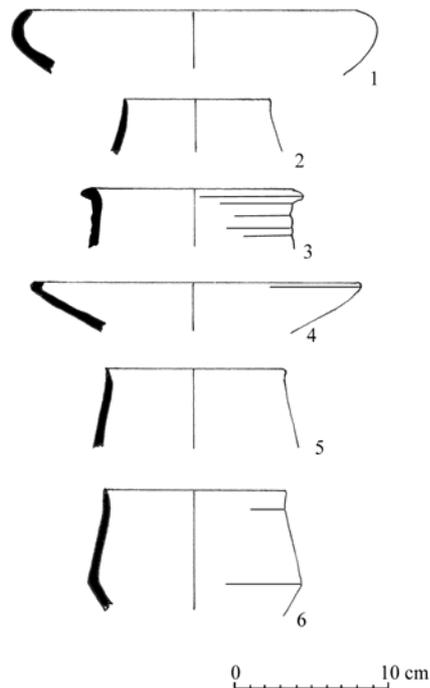

Figure 5. Excavated oasis ceramics from Gonur-N.

The context of the steppe ceramics in these earlier phases suggests that occasional steppe commodities, possibly milk or other bulk pastoral products, were traded in these vessels with the oasis community (Hiebert, 2002).

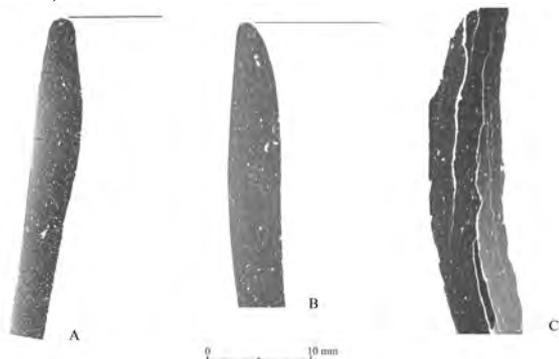

Figure 6. Thin section photos of oasis ceramics from excavated contexts: A. Gonur-N. wheelmade, buff, medium fineware, with fine chaff temper. B. Gonur south, upper architecture, buff, medium fineware with fine chaff temper. C. Kokcha 15, house 4, buff, medium fineware with fine chaff temper (spalled from salt).

These rare yet mundane materials do not indicate that the wealth of the oasis was a result of trade between the steppe nomads and the sedentary populations of the northern Near East. Similarly, the fortification of building complexes also predates the evidence for

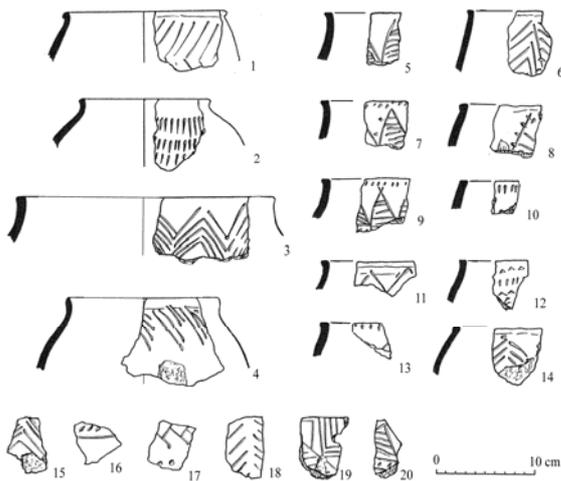

Figure 7. Excavated steppe ceramics from Gonur-N.

steppe nomads in the oases and any postulated need for defense against raiders from the north.

One link in a more detailed model is evidence for the means of transport that would have enabled steppe nomads to cross distances of 300-500 km of desert to reach the oases. Steppe sites in Kazakhstan suggest that horses were available to the pastoralists and were used perhaps both as food and for long-distance transport since the fourth millennium BC (Anthony, Brown, 2000; Olsen, 2002). Bronze Age steppe pastoral peoples of the later third/early second millennium BC were distributed from north of the Caspian Sea to the mountain pastures of the Altai mountains in southern Siberia (Kuz'mina, 1994a).

This distribution most likely represents a series of interacting pastoral groups with north-south seasonal movements, rather than a single highly mobile culture. The earliest direct evidence of domestic horse in Margiana is several bones from Taip depe 1, a Togolok period site (Ермолова, 1985). This find correlates with the earliest ceramic evidence of steppe contact with the oasis. However, transport animals such as horses are typically poorly represented in animal bone collections, even when they are known historically to have been present. Thus, a Togolok period date for the horse in central Asia may be a trailing estimate for this introduction.

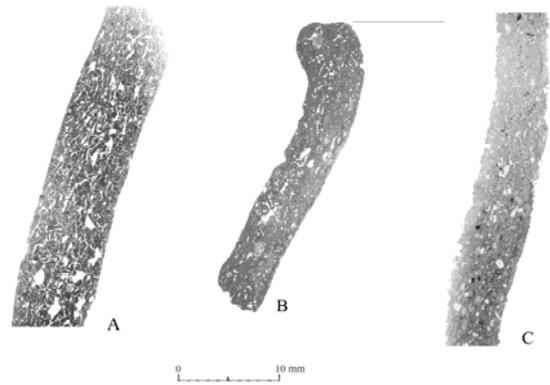

Figure 8. Thin section photos of steppe ceramics from excavated contexts: A. Gonur-N handmade, reddish-grey, mediumware, with sand, large fragments of feldspar and medium large voids. B. Kokcha 3, burial 126, vessel 2 (Виноградов и др., 1986, fig. 36:4) handmade, reddish-brown, medium coarseware, with sand, fragments of feldspar, and large voids. C. Kokcha 15a, house 1 (Итина, 1977, fig 27:1) handmade, grayish-buff, mediumware, with sand, large fragments of feldspar and medium large voids.

It is only during the Takhirbai period, (1750-1500 BC), that steppe sites are found widely within the oasis. Zooarchaeological data from deposits inside of the oasis settlements at Gonur and Togolok (Moore et al., 1994) clearly show that the oasis dwellers also herded sheep and goats and those cattle and probably some small stock remained in and around the oasis towns for milking year round. The archaeological evidence of young and old animals suggests herds based in the oasis were moved away from the oasis settlements during the summer when pasture resources were most scarce, and gradually moved back toward settlements for the winter season (Moore, 1993). In historic times small groups of kinsmen (with mounted horse transport) covered this seasonal route as far as 150 km into the desert (Khazanov, 1984, p. 52) (Masanov, 2000). The overall demand for pasture would have been most acute for both the steppe pastoralists and the oasis pastoralists during winter. The competing fodder needs of local and steppe herds would have limited the size of herds brought to the walls of the settlement by steppe herders. Both weather and the availability of natural pasture and field stubble would have made the winter season the most likely time for small numbers of visitors from northern steppe zones to arrive in the oasis. Small specialized steppe sites

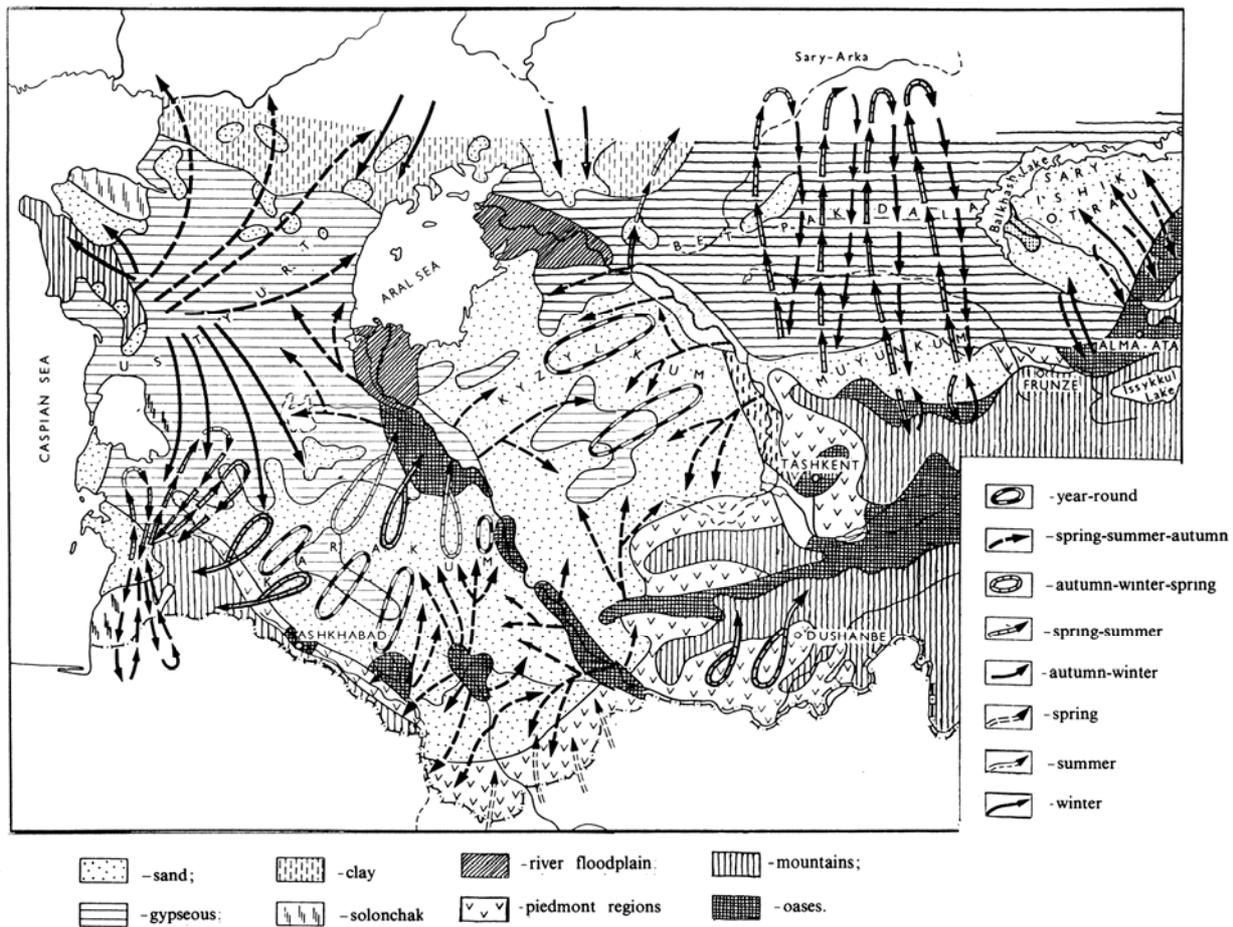

Figure 9. Map of traditional pastoral routes of northern Turkmenistan

found adjacent to fortified agricultural settlements, such as we excavated at Gonur-N, may well represent the type of small politically motivated campsites where pastoralists would negotiate with the oasis dwellers for use of the oasis agricultural lands for pasture.

At the same time, widespread surface scatters found on the periphery of the agricultural oasis may represent steppe pastoralist herding encampments. At the oasis edge near Takhirbai depe, more than 22 «sites», form a large area of steppe occupation – possibly seasonal campsites at the edge of the oasis (Gubaev et al., 1998). During this period steppe-type ceramics have also been identified as burial goods in local agriculturalist graves at Takhirbai (Сарианиди, 1990, рис. 62, 10, 11). The occurrence of steppe type materials in the local graves may indicate more complex interconnections between steppe and desert oasis dwellers, such as intermarriage or assimilation. It may be possible to test this through mortuary analysis (Eannes, Staski, 300

1995) and distinctive y-chromosome markers preserved in ancient DNA (Wells et al., 2001). Assimilation of steppe and oasis agricultural practices is also strongly suggested in the northern Tazabag'yab region (near the Aral Sea) at this time where the steppe pastoralists begin to practice irrigation agriculture of wheat and barley – clearly influenced by the oasis settlers to the south.

Conclusion

The continual pressure to secure forage for herds is a common feature of pastoral life in arid environments and results in a high degree of residential mobility. Two possible forms of interaction with the desert oasis towns to the south may be considered in examining the presence of groups of steppe peoples at Gonur. First, exchange of craft goods, scarce raw materials, or specialized agricultural products may have taken place between town dwellers and pastoralists at Gonur. The artifact assemblage at Gonur does not lend

strong support to this hypothesis, however. Gonur appears to have secured supplies of stone, bronze and other metals through long-distance exchange with agricultural regions to the south, along the Kopet Dag and beyond (Sarianidi, 2002) well prior to the Takhirbai period of intense interaction with the north. Further, the production of metals, stone vessels, ceramics (and their forms and styles) was completely separate between the Margiana oasis and steppe. It is more difficult to evaluate possible exchange of animal products, fodder, or grain.

The production of textiles at Gonur depe appears to have been an important activity, based on finds of spinning and weaving equipment. Leather working was probably also a significant craft. Whether oasis production of fleeces and hides would have been sufficient to supply local workshops, or if raw materials could have been supplied by nomads is unknown. Similarly, whether the production of surplus grain at Gonur might have been exchanged for textiles, surplus meat and dairy products produced by specialist steppe pastoralists is also unknown. The archaeological evidence for animal production cannot securely resolve the issue of local vs. exotic production of the same animals at this time. While contemporary nomadic pastoralists do engage in such complementary exchange, the specialization of a social group upon only one form of production probably had not developed by this period. The litter of broken steppe ware jars at this campsite is consistent with the preparation, storage, or consumption of liquids, according to nomad traditions. Within the walls, preparation of liquids in huge open vats and stocking supplies in specialized storage rooms was taking place on a completely different scale. Analysis of residues from sherds might resolve the question of the different products used in the two zones.

The consumption of nomad products (supplemented perhaps by some oasis products) in the nomad encampment may have provided occasions for nomad and town dweller to resolve differences, ease possible tensions over competing needs for forage, and open up avenues by which surplus production could be periodically exchanged. These «feasts» or even drinking parties are common responses to the need to negotiate or manipulate social boundaries (Hayden, 2001). We note that no clusters of steppe nomad sherds, only single sherds, are found within the walls of the fortified towns. Nomads apparently were not received completely by the oasis farmers, or were not in a position to offer hospitality themselves in that context. Outside the walls, distinctively small cups of steppe nomad wares were used to serve some liquid (milk?) from standard steppe buckets. Nomad flocks would have been herded into fallow fields along canals during such brief visits.

The northern margin of the Murgab oasis sites gradually shifted southward over the period during which Gonur depe was occupied (Cremaschi, 1998). The small campsite with steppe ceramics was occupied during the last significant occupation of the Bronze Age this far north. The presence of steppe type herding specialists on the immediate frontier of Gonur's territory at this time illustrates the dynamic boundary between sedentary and relatively more mobile societies. To what extent the societies depended upon each other or the extent to which one led to the other's decline cannot be specifically determined from the evidence available at this time. Increased sensitivity to the archaeological context of rare finds, further detailed zooarchaeological analysis, and the application of several emerging molecular techniques may help us refine this model of interaction and possible interdependence.

Bibliography

- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовьев Амударьи // Труды ХАЭЭ. Т.15. М., 1986.
- Ермолова Н.М.* Новые исследования остатков млекопитающих из неолитического поселения Анау // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1985. № 1. С. 85-87.
- Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча 3. Материалы Хорезмской экспедиции. Т.5. М., 1961.

- Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. Труды ХАЭЭ. Т. 10. М., 1977.
- Кармышева Б.Х.* Бытовой уклад населения // Этнографические очерки узбекского сельского населения \ Васильева Г.П., Кармышева Б.Х. (Ред.). М., 1969. С. 114-192.
- Кузьмина Е.Е.* Гончарное производство у племен андроновской культурной общности // Восточный Туркменистан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока \ Литвинский Б.А. (Ред.). М., 1986. С. 152-182.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кузьмина Е.Е., Ляпин А.А.* Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана \ Массон В.М. (Ред.). Ашхабад, 1984.
- Ниязклычев К.* Земледельческий календарь и скотоводство у туркмен-човдуров в конце XIX- начале XX в. // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад, 1973. С. 87-98.
- Сазонова М.В.* Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л., 1978.
- Сарианиди В.И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20-29.
- Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Anthony D., Brown D.* Eneolithic horse exploitation in the Eurasian steppes: diet, ritual and riding // Antiquity. Vol. 74. 2000. P. 75-86.
- Cremaschi M.* Paleohydrography and middle holocene desertification in the northern fringe of the Murghab delta // The Archaeological Map of the Murghab Delta Preliminary Reports 1990-95 \ Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. (Eds.) Reports and Memoirs. Series minor III. Istituto Italiano per L'Africa e L'Oriente, Roma, 1998. P. 15-26.
- Eannes M.J., Staski E.* Archaeology and the study of assimilation: some suggestions and a case study // North American Archaeologist. Vol. 16. N 4. 1995.
- Glatzer B.* Dynamics of camp formation among Pashtun nomads in west Afghanistan // Nomadic Peoples. Vol. 39(1996). 1998. P. 29-51.
- Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M.* (Eds.) The Archaeological Map of the Murghab Delta Preliminary Reports 1990-95. Istituto Italiano per L'Africa e L'Oriente. Roma, 1998.
- Hayden B.* Fabulous feasts: a prolegomenon to the importance of feasting // Feasts: Archaeological and Ethnographic Perspectives on Food, Politics and Power \ Dietler M., Hayden B. (Eds.). Washington, DC, 2001. P. 23-64.
- Hiebert F.* Bronze Age interaction between the Eurasian steppe and Central Asia // Ancient interactions: East and West in Eurasia \ Boyle K., Renfrew C., Levine M. (Eds.). Cambridge, 2002. P. 237-248.
- Hiebert F.T.* Origins of the Bronze Age oasis civilizations of Central Asia. Bulletin of the American School of Prehistoric Research № 42. Cambridge, MA, 1994.
- Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. Madison, 1984
- Kuz'mina E.E.* Horses, chariots and the Indo-Iranians: an archaeological spark in the historical dark // SAA 1993 \ Parpola A., Petteri K. (Eds). Vol. I. Helsinki, 1994a. P. 403-412.
- Masanov N.E.* Specific traits of traditional nomadic societies of the Kazakhs (Resume) // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке \ Шишлина Н.И. (Ред.) М., 2000. С. 188-192.
- Miller N.F.* Preliminary archaeobotanical results from Gonur // Information Bulletin 19. М., 1993. P.149-163.
- Moore K.M.* Animal use at Bronze age Gonur depe // Information Bulletin 19. М., 1993. P.164-186.
- Moore K.M., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.* Agriculture and herding in the early oasis settlements of the Oxus Civilization // Antiquity. Vol. 68. 1994. P. 418-427.
- Nikolaev V.N.* Experience of development and rational management of desert rangelands // Combating desertification in the USSR: problems and experience \ Babaev A.G. (Ed.). М., 1981. P. 55-74.
- Olsen S.* The exploitation of horses at Botai, Kazakhstan // Ancient interactions: East and West in Eurasia \ Boyle K., Renfrew C., Levine M. (Eds.) Cambridge, 2002.
- P'yankova L.* Pottery complexes of Bronze Age Margiana (Gonur and Togolok-21) // Information Bulletin 16. 1993. P. 27-54.
- Sarianidi V.I.* Margiana in the Bronze age // The Bronze Age civilization of Central Asia: recent Soviet discoveries \ Kohl F. (Ed.). NY, 1981. P. 165-193.
- Sarianidi V.I.* Margush: ancient Oriental kingdom in the old delta of Murghab river. Asgabat, 2002.
- Spooner B.* The cultural ecology of pastoral nomads. An Addison-Wesley Module in Anthropology, 45. Addison-Wesley, Reading, MA, 1973.
- Wells R.S. et. al.* The Eurasian heartland: A continental perspective on Y-chromosome diversity // Proceedings of the National Academy of Science. Vol. 98. N 18. 2001. P. 10244-10249.

А. Климкин.
(Туркменистан, Байрамали)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ГОНУРА

Настоящая статья посвящена минералогическому изучению каменных изделий (преимущественно украшений типа бус и длинных пронизок), происходящих из раскопок Маргианской археологической экспедиции на поселении Северный Гонур.

Каменный материал представлен следующими породами: известняк серый и темно-серый (отдельные экземпляры черного цвета); мраморный оникс, мрамор, мраморизованный известняк, сердолик, содалит, агат, гипс, гипс-селенит, стеатит, нефрит, кремень, халцедон, известковистая брекчия, бирюза и некоторые другие минералы.

Известняк темных тонов окраски (в основном представлен биконическими пряслицами и такими же крупными бусами с кружковым орнаментом). Судя по количеству изготовленных из него изделий, был самым популярным минералом у древних маргушцев. Он, скорее всего, происходит из Гаурдак-Карлюкского района (Восточный Туркменистан, на границе с Узбекистаном и Афганистаном). В этом же районе находятся крупные месторождения серы, гипса-селенита, мраморного оникса и отработанные свинцовые рудники.

Мраморный оникс среди гонурской коллекции представлен в основном светлыми (много реже полосчатыми), т.е. поверхностными экземплярами. Месторождение мраморного оникса имеется в долине Кугитанского хребта и, в частности, в северной части поселка Гаурдак. Основные залежи мраморного оникса обнаруживаются под землей, в карстовых пещерах и своим видом и составом резко отличаются от образцов, встреченных на Гонуре.

В настоящее время наиболее вероятный маршрут движения и проникновения всех этих минералов из Гаурдак - Карлюк-

ского района в сторону древней страны Маргуш мог идти через Чаршанга-Мукры-Достлук и далее вдоль русла Узбоя вплоть до древней дельты Мургаба, что, разумеется, не исключает и другие маршруты.

Другие минералы также в основном местного происхождения. Так, сердолик обнаружен в значительном количестве в стране Маргуш. Халцедон скрытокристаллическая, часто полупрозрачная или просвечивающая разновидность кварца, также здесь представлен, хотя и в меньшем количестве.

Содалит, использовавшийся для изготовления мелких бусин и подвесок, часто тщательно обработан и по внешнему виду напоминает лазурит. Нередко их смешивают друг с другом. Вместе с тем, содалит достаточно популярный в Гонуре, почему-то очень редок в других местах, что требует дальнейшего изучения.

Среди каменных находок на Гонуре в небольшом количестве известна бирюза, из которой изготавливались крупные, длинные пронизки, нередко с золотыми обоями на концах. Судя по всему бирюза могла попасть в страну Маргуш из района Нишапура или даже Таджикистана (Ходжент).

Брекчия в основном шла на изготовление т.н. миниатюрных колонок, подлинное назначение которых остается не совсем ясным. Происхождение минерала, скорее всего, привязывается к Гаурдак-Карлюкскому району.

Заканчивая предварительный обзор минералогических находок, происходящих из раскопок столичного города Гонур, отметим настоятельную необходимость проведения их спектрального анализа, что является делом будущего.

N.A. Dubova, G.V. Rykushina
(Russia, Moscow)

NECROPOLIS AND AREA 5 OF GONUR-DEPE: SOME ANTHROPOLOGICAL DATA

Gonur Depe about which there will be a speech, is revealed in 1972 by Victor Sarianidi to whose remarkable anniversary the whole given book is devoted. We, it appears, as well as other authors of the book, are happy, that “peripetias” of a scientific life enabled us to meet and work together with such bright, interesting and many-sided scientist. His irrepressible energy, «luckiness» based on the richest knowledge not only literary, but also field materials, the smallest Depe, looses of ceramics, hills and cities, wells and roads of Southeast Kara Kum, is infectious, and the research enthusiasm and volume of the extracted facts has forced not one his opponent to pass in supporters side. We are glad to congratulate Victor Ivanovich on an anniversary by this modest text and to wish him to solve yet not one riddle of the ancient country Margush and its pearl – Gonur.

Human remains from the burials of the Gonur necropolis was conducted by different specialists, including Italian researchers A. Sperduti, L. Bondioli and R. Machiarelli from the Department of Anthropology of the special unit of the L. Pigorini National Museum of prehistoric ethnography (Rome, Italy) (Sperduti, Bondioli, Macchiarelli, 1995; Item, 2002) and B. Hemphill (USA). From 1998 to 2001 a research fellow from the Institute of History of the Cabinet of Ministers of Turkmenistan (Ashkhabad) O. Babakov was engaged in determining sex and age of the buried individuals and conducted examination of the bone material. His data is now published (Babakov, 2002). In autumn 2000, thanks to the kind consent of the head of the archaeological expedition to the Gonur V. Sarianidi, a group of anthropologists from the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences traveled to the necropolis for field studies. The first results of this trip, including demography, craniology, odontology, osteology and short sketch on paleopathology, are now published too (Babakov et al., 2001). O. Babakov, S. Borutskaya and S. Vassiliev (Васильев и др., 2001) described special skeletal pathology (dwarf skeletal morphology). The necropolis of Gonur-Depe, is dated by the late third – mid-second millennium B.C. It is located 200 m west of the

North Gonur palace, which is found more than 80 km to the North – North-west of Bayramali city of the Mary district of Turkmenistan. The predominant landscape of these territories today is semi-desert while in the Bronze Age it was here that the Murgab river’s delta was situated and allowed successful agriculture and domestic cattle-breeding.

As, according to archaeologists, Gonur was the capital city of Margush, situated in the Murgab delta. The material obtained here could help in shedding light on the fine questions of the emergence of several anthropological variations on the territory of Middle Asia of the Bronze Age while earlier characteristic of the entire area had been one and the same more or less homogeneous Mediterranean anthropological type. This site’s materials with their so well elaborated attribution of the graves, a great number of versatile ceramic items, seals, amulets, glyptic and other rich grave goods make it possible not only to tie it to the cultural complexes of other territories, including outlying ones, but also to suggest that the specific anthropological characteristics of the population of the area were formed either through mixing with alien newcomers or through transformations of some more ancient morphological types, including transformations involving ecology. Moreover, this striking and quite thoroughly studied object of

the Bactrian-Margiana archaeological complex (BMAC) occupies a special place among the historical sites of the third millennium B.C. along with such cemeteries as Swat in Pakistan, Sapallitepa in South Uzbekistan, upper levels of Altyn Depe, Anau in Turkmenistan and others.

All palaeoanthropological investigations show, that in the Aeneolithic and Bronze Ages the huge territory of Middle Asia was distinctly divided into two historical-cultural areas. The first of these, i.e. the southern one, embraced modern southwestern and southern Turkmenistan, southern and to some extent modern central Uzbekistan and southern Tajikistan, and was an area of formation of proto-urban-type civilizations. The second, i.e. the northern one, embraced the northern plain part of Middle Asia – northern Turkmenistan and northern Uzbekistan – was the periphery of the southern civilizations. The permanent contacts between tribes of the south and north could not but affect ethnic history of the two historic-cultural areas of Middle Asia. These complex ethno-cultural contacts between the south and north involved, no doubt, also population residing far beyond their geographical boundaries. According to the data of archaeology in the Aeneolithic and Bronze ages the population of southern Turkmenistan was drawn into the sphere of cultures of Fore-Asia. All of this makes it necessary to analyze available palaeoanthropological material both from Middle Asia proper and from the adjacent areas.

Rather clear-cut anthropological differences between the southern and northern regions of Middle Asia are observed beginning from the Neolithic and especially from the Bronze Age. The northern steppe zones were inhabited by tribes of proto-European while the southern ones – by those of Mediterranean appearance. The proto-European complex of traits was registered among the Neolithic tribes of the Kelteminar culture in the west of the Khorezm oasis (Tumekkichijik). The southern zones were the home of tribes of Mediterranean appearance – who were carriers of the Neolithic Hissar (Tutkaul) and Jeitun (Ovadandep, Chagallydepe, Chopandep and others) cultures. A similar anthropological type had been characteristic of the earlier

Mesolithic population of the Surkhandarya river valley (Machaj cave). In the Bronze Age the northern steppe zones of Middle Asia remained inhabited as before by tribes of the proto-European type. This complex is typical of the carriers of the Andronovo, Tazabagyab and logged-grave cultures. The line of demarcation between the proto-European and Mediterranean complexes ran mainly along the lower reaches of Amudarya, middle and lower reaches of Zerafshan and upper reaches of Syrdarya rivers.

The material from necropolis of Gonur, as previous seasons demonstrate, is represented mostly by the gracile and more massive variations of the Mediterranean race, but also by some people, who have Veddoid traits like prognathism, large skull height but small other dimensions, very straight and wide frontal bone. These are characteristic not only of the local population of the southern and to some extent central regions of Middle Asia of the Neolithic and Bronze Ages but also of the synchronous and earlier populations of Fore- and South Asia.

By the present time 2853 objects have been excavated in the necropolis: shaft-graves (2083), ordinary pit graves (218), burnt pits (196), cists (52), sepultures (chamber tombs) (47), fire places (39) and not determined (218). Five types of graves are selected: shafts (85,1%), pits (ordinary and burnt - 10,9%), cists (1,9%) and sepultures (2,1%). Burned pit graves are those with the burnt inside to the bright red color walls (in a few cases only with a burnt floor). Burnt in such graves usually are only the walls while on the floor there is merely a layer of black or gray ash or sand about 10 cm thick. Over 80% of the graves were robbed already in the Bronze Age and most probably in the nearest years (or, which is not excluded, months) after the interment, because the robbers' manholes are found exactly in the head's area of the buried where most of the accompanying inventory is concentrated. In many cases this resulted in the complete loss or significant destruction of the bone remains (71,2% of skeletons were scattered).

In the overwhelming majority of cases the bodies lay contracted (with hands at the face and bent legs), almost all on the right

side (85,2%), more rare on the left one (12,3%), very rare supine (5,3%) or prone (1,25%). Predominant head orientation is north (25,5%), north-north-west (36,9%), north-north-east (10,9%) and north-west (9,5%) – totally 82,7%. Ceramic vessels, decorations, arrowheads, bronze and sometimes silver seals and some other things, including golden were placed in the graves. A certain relationship is traceable between the type of a grave hole and richness of its funeral gifts. There are some differences in the funeral inventory (set and number of gifts) between

male and female burials, which are described in the book by V. Sarianidi (2001).

Some correlation between numbered of buried and types of tomb can be noted (Table 1). At first it must be mentioned, that difference between the real cenotaphs and empty tombs is very difficult to see. Those graves, during engraving of which neither any remains nor robber's manholes were found, were named by cenotaphs. Graves, in which the extortionate manholes were fixed, but bones were not detected, were marked as empty graves.

Table 1. Number of buried in the different types of tombs.

Traits	Shaft		Pit		Burnt pit		Cist		Sepulture		Unknown		Total	
One person	1826	90,48	180	82,56	35	17,86	46	88,46	34	72,34	203	93,12	2324	82,56
Double	62	3,07	16	7,34	4	2,04	3	5,77	8	17,02	7	3,21	100	3,55
Triple	9	0,45	3	1,38	-	-	2	3,85	1	2,13	1	0,46	16	0,57
Four persons	1	0,05	1	0,46	-	-	-	-	2	4,25	-	-	4	0,14
Nine persons	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2,13	-	-	1	0,04
Absent (with cenotaphs)	120	5,95	18	8,26	157	80,10	1	1,92	1	2,13	7	3,21	370	13,14
Total	2018	100	218	100	196	100	52	100	47	100	218	100	2815	100

The sex and age of buried and the number of buried in one tomb were determinate by some stages. First of all, anthropologists, who were worked as members of expedition during the excavations, made it. Their names were cited above. All long bones', skull's and teeth's traits were used, if it was possible. Than the sex and age was determined by the samples of teeth. It must be said, that the difference between the teeth- and bone age is about 10, sometimes 15 years. The teeth eruption is larger than in synchronous populations, but a condition of the scull's sutures shows earlier dates. For many reasons, which part will be discussed below, in section, devoted to palaeopathology, the preference was given up to sex-age determinations by tooth system indicators. The last stage of analysis includes study of the bone's and teeth's dimensions variation, all cases, which is significant (more than on 3 sigmas) differed from basic group,

specially were analyzed also position of the individual in relation to this or that sex-age group was accordingly changed.

During the investigations of the teeth samples, which did O. Babakov collect in the main part in 1998-2000 years, it was revealed, that many burials, were marked previously as single, contained teeth belonging to two, three, four and in one case even nine individuals. There was a supposition, that the data of a grave can represent not simultaneous, and successive burial places. All burial types can be used many times, but the largest part of multi-persons burials have sepultures (43,8%), the lowest – burned pits (2%).

Double burials in significant majority of cases were, most likely, simultaneous. Some percent of double ones – such burials, in which besides the rather well saved remains of one individual but small-sized fragments (more often – separatee teeth) of second (or greater number of the people) were found -

apparently, can be referred to successive bury. To define precise number of last ones - it is not obviously possible, since the bad safety of a bone material and because of impossibility to exclude completely a carry of separate teeth by small-sized animals, including rodents. At the same time, the detection in the same tomb three, four (in one case - nine) rather whole sets of teeth unconditional testify the successive bury, when in one burial facility the bodies of died were placed with significant large period. The share of such graves can be evaluated on the average approximately in 3-4% (tabl. 2). It must be note that all this evaluations are very probable, because of different reasons.

The real frequency may be less, than so in the table, because it is not very easy to differentiate the successive burials and ordinal ones. The cists usually have a roof, but didn't have an entrance. That is why it is very diffi-

cult to put remains of one dead person more to the buried ones after some years. But, if we'll compare a number and share of such graves among different types of tombs, we can see that a share of serial buries among sepultures unconditionally prevailed, what can be a good confirmation to the reality of successive burials exactly in sepultures. It can be supposed, that various funeral traditions are resulting from the different ethno-cultural roots of the people buried at this necropolis. But this conclusion contradicts the archaeologically proven fact that all graves revealed the same type of burial for the human remains: a crouched position, predominantly on the right side, with the head oriented to N-NW and with one set of funeral gifts placed by the head. Based on this one may assume that the variation in the type of burial constructions is explained by the social position of the dead rather than by their ethno-cultural affiliation.

Table 2. Evaluation of a probable share of tombs with a successive buries.

Type of the graves	Probable number	Of the total number of several types, %	Of the number of several types, where the human remains were not found, %
Sepultures	12	25,5	26,1
Cists	4	7,7	7,8
Pit graves	12	5,5	6,0
Shaft graves	49	2,4	2,6
Total	77	3,2	3,5

Table 3. Anthropological material form the Gonur Depe

	<i>Necropolis</i>			<i>Area 5</i>			<i>In all</i>			Totally
	<i>Males</i> (20 & more years)	<i>Fe-males</i> (20 & more years)	<i>Children</i> (Less than 20 years)	<i>Males</i> (20 & more years)	<i>Fe-males</i> (20 & more years)	<i>Children</i> (Less than 20 years)	<i>Males</i> (20 & more years)	<i>Fe-males</i> (20 & more years)	<i>Children</i> (Less than 20 years)	
Craniology	146	95	8	15	9	47	161	104	55	320
Osteology	25	20	6	13	12	47	38	32	53	123
Odontology	229*	327*		63*	44*	7**	292*	371*	7**	670

* - Children, babies, adult; all age subgroups included;

** - Babies 0-1,5 year, fetuses, when sex cannot be determined

Based on observing the three types of burials, one may say that Margiana society consisted of: (1) the rich who were buried in cists and chambered tombs (sepultures) and

made about 4% of the population; (2) the middle class – 85% and (3) the poor – 11%. The cost of funeral construction also reflects the status in a certain social class: the cham-

ber tombs and cists demanded more material expenses compared to shaft graves and pits. It is natural to suggest that every class had its own subdivisions that at the moment are impossible to define. At the same time judging by the indirect evidence we may say that funeral offerings in some shaft graves were as rich as those from sepultures.

* *
 *
 *

The present communication is based on new anthropological materials, received during excavations at necropolis of Gonur in autumn 2001 and spring and autumn 2002. The excavations were made that time not only at necropolis, but also between the palace and north part of the encircling wall (at so named Area 5). All field anthropological investigations in these seasons were made by N. Dubova, laboratory analysis of data – by both authors together. The craniological and osteological series, as and previously, are specific in that the excavated skulls had to be studied in a short period of time because all of them were to be reburied at the end of each field season (in the spring and autumn, respectively). The collected during this excavations data (from necropolis and from the Area 5) consists of a numerical series (more than 350 samples) of teeth from a majority of the cleared burials, craniometrical (33 male and 26 female skulls) and osteological (35 male and 31 female skeletons) schedules. The whole series from the Gonur Depe consists now from the data, presented in the Table 3.

Burned pit graves

In spite of some peculiarities of the burned pit graves (Bp) were described in our first publication (Babakov et al, 2001, p. 221-222), they are of special interest and it seems worthwhile before supplementing this information to dwell on the specific features of these burials once more. That part of Bp, which was very narrow and shallow, is designated as Fire places (Fp) (one more previously marked types of tombs, which make only 29 items or 1,11% from the whole number of objects on the necropolis). In no ones of them the humane remains were found. The wider

and deeper burned pits (with its diameter more than 0,5 m) were named BP proper. The bones were absent and in the majority of them (76,0%).

The main part of peoples, buried in the BP had different pathology and their burial places just in burned pits were not random. Apparently it was supposed, that burning of walls of a hole and the premise of died on a layer of pure sand and/or of ashes will protect pure ground from it of undesirables contamination "dirty" (in this case - patient) flesh. The discovering of new Bp has confirmed this supposition.

Figure 1. Burned pit N 1555.

Out of the fifty of the BP with any interments in them (Sarianidi, 2001. Table VIII, p. 172 and results of new excavation) four (10%) yielded skeletal remains of dogs (##258, 1939, 2087 and 87/2002). Unearthed in one grave (#1172) was a skeleton of an 8 years-old child marked with signs of delayed growth process and some fragments of the dog's skeleton (including a skull), and in another (#1800) separate bones of a adult human skeleton and dog's fang. In all other BP human bones as well as their fragments and separate human teeth and skulls were found.

Uncovered in six BP were children of two to thirteen years old (one of these has been already mentioned, i.e. the one with a dog – burial #1172). Skeleton of a child 2-2,5 years old from BP #1555 was marked with some bathrocephaly (Babakov, 2001; fig. 1).

BP destroyed the ordinary pit burial. On the pit a woman of 30-35 years-old was buried. It is possible to suggest that she was a mother of this ill child. The child's skeleton from the Bp #767 had enormous orientation of the head – instead of some variants of north-north-west it was oriented to the east. That can be interpreted as a presence of some enormous habitués of this 5-6 years-old child.

The first adult (20-25 years-old) woman - one of the 17 adults burned in the Bp (26,7%) lay on the left side, the head oriented east-east-south with no upper limbs (# 907). One more adult woman (35-40 years old; Bp # 2004) lay also on the left side but with the head to the west-west-north. She was hardly ill (see palaeopathological section) and couldn't walk. Another one had the head of an adult person but extremely short and crooked bones of the extremities (Bp # 1141). O. Babakov diagnosed the skeleton as a dwarf. The bones were described in details? Fa it was mentioned above (Babakov et al, 2001; Vassiliev, Babakov, Borutskaya, 2001).

The grave 87/2002 was dug out in the late autumn 2002. It had a rectangular form (75x50) an unusual depth – 116 cm from the surface. On the south side of the Bp there was an extortionate manhole, which didn't rich the pit's floor. On the depth of approximately 90 cm the sand filled in the hole; on the depth 100-105 cm a layer of sand with a gray ash begins. In that layer some small destroyed fragments of non-human bones and four teeth of carnivores (dogs?)¹ were found.

Seven buried persons lay in a non-standard posture. A male person aged 35-40 (BP #370) lay supine with the head to the east-east-south; another adult's skeleton (whose sex and age could not be determined) (BP #2171) was found sitting on the floor of the grave hole, with the back resting on its wall, legs apart and thrusting with knee joints against the grave's walls, wrists in the area of the hip (fig.2).

Unearthed in pit grave #1413 was a human skeleton with no accompanying items. Its sex belonging was determined by the hip-bone as male. Judging by the extent of seams

obliteration and the state of dental system, the buried was 20–25 years old. The posture of the skeleton was unusual: legs were bent at knees but the body was not lying on the hole's bottom but lay leaning against its wall; the position of ribs and spine indicate that the upper part of the body was turned at an angle to the waist section of the spine and to the hip-bone. The upper limbs were not folded at the face as it is usually done in other cases: the left one was thrown to a side in a slightly bent position and the right one was strongly and almost unnaturally bent, resting against the grave's wall. The skull was at an angle to the mandible which adjoined the wall.

Figure 2. Burial N 2171

This strange posture of the buried person could probably be explained by that this person was not found soon after death and the body had had the time to stiffen, for which reason the people were unable to bury it in a proper position. Pointing to the difficulties encountered in making the body assume the traditional position is the broken right ulna (the radius was intact). The fracture could have taken place shortly before the death but in that case the fragments' location would have differed more strongly from the anatomic, whereas both fragments were discovered lying next to each other.

¹ The teeth are given for analysis to the Moscow State University (Russia) and to the Harvard University (USA).

The unnatural posture of the body could not be caused by the development of a pathological process because no signs of bone patho-

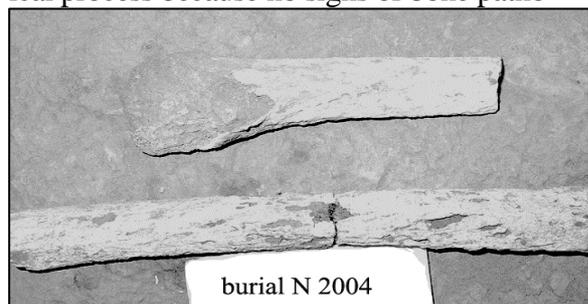

Figure 3. Fragments of tibia and femur from the burial N 2004 with osteoporosis.

thology (of, e.g., spondylosis, spondylitis, ankylosis spondyloarthritis or the like) are registered; in spite of the poor state of preservation of the bones all the vertebrae are well-formed and are easily separated from each other, with no deformation or accretion between them. At the same time, it is possible that this position of the body can be connected with the temporal nature of the interment of the given person and the misfit between the sizes of the person and those of the hole.

In the tomb #2004 was buried a woman (35-40 years). The hard osteoporosis was diagnostic on this skeleton (fig. 4). The long bones of the lower limbs completely were deprived of the relief, were «eaten away» by holes of different size. The disease was so hardly advanced, that at life time this woman hardly could move independently. A crossed position of the shins of buried speaks also about this.

Figure 4. Burial N 81\2002

At the tomb with the burned walls #2354 a woman 45-50 years old was buried «head down-legs up». But her skull was absent. All skeletal bones were in the right anatomical order. All of them were at the tomb.

The legs were lying at the top of the burial, hands – near the neck on the bottom. The vertebrae preservation was bad, therefore it was no capabilities to define, how and at what place the skull was separated from the body. Without any doubt, that full skeleton, but not its fragments, was put in such way in the BP.

A woman (35-40 years old) was lying supine at the BP #2396, head to the southwest. The right hand of the woman was between legs, left one – lying along a body and resting into the wall.

Unearthed in pit grave #81/2002 was a human skeleton, buried in shaft tomb with 3 ceramic vessels as accompanying items. The hipbone, bones dimensions and maturation as male determined its sex belonging. Judging by the extent of seams obliteration and the state of dental system, the buried was 20-30 years old. The posture of the skeleton was unusual (fig. 3). His head was lying on the dromos on a distance 17-18 cm from the left scapula and thorax and was higher on 15 cm, than the whole skeleton. The vertebrae column and all other parts of skeleton lied on the right side in anatomical order. The lower limbs were bent in knees the back was straight. The left hand was lying under the right angle to the thorax, right hand was bent to the place, where the lower jaw must be, if the head would be on the normal place. The wall of north part of the dromos (where the head of buried lied) was burned till the red colour, as usually can be seen in the Bp.

During the clearing of this skeleton it was found out that there were no cists of both hands. First and second neck vertebrae were close to foramen magnum. The lower jaw was partly destroyed but it can be noted that the lower part of symphysis has a specific damages, which can determine as a track from impact by the cutting instrument. The same damages had the second vertebrae, which was near the first one and the skull. All this allows to make a conclusion that given man was buried decapitated and without cists of both hands. When were cists cut – during the life of this man or before decapitation – it is impossible to say. Now, after four thousands years after the ceremony, it is difficult to explain why this man was buried thus. In now days in countries of Near East the cists of hands are chopped off at the people, made theft.

Because of that it is possible to assume, that that custom took place and in Bronze age. The indirect confirmation that something in this individual - disease or his behavior - was condemned by his cotrybers can be the location of the head in the BP part of the tomb.

The skeletons on tombs ##2304, 2283 at the necropolis were in unusual position too. The first one belongs to the girl 11 years old. She was lying on the right side in crouched pose, the hand were near the face; her head was hardly turned downwards. The vertebrae were normal, no one of them was absent, but her chin was near the sternum. The floor of the BP was burnt up to black color, what is very rare at the Gonur.

In the second BP (#2283) the adult person was lying supine on a thick ash-sand layer. The hands were put near the pelvis. Near his legs, slightly bent in knees, the large amount of black ash and carbon was placed. It is possible to assume, that this individ was hardly ill, especially his lower extremities. But the preservation of the skeleton is very bad and it cannot be analyzed the presence of the main part of pathology. But the bones or their tracks show that all of them were on its own anatomical places.

Not clear there was a position of adult man buried in the BP#2313 which dimension were 80x60x35 cm. Only contours of a skull, lying on the right side with south-west orientation and some fragments of femur were found out. The preservation of bones was very bad. The age at death, determined by teeth, was 30-40 years. It is possible to suppose that that was one more fractional burial in the BP, described by V. Sarianidi (2001). About it force to speak extremely meshes sizes of a pit and full absence even of tracks of majority of the bones of a skeleton.

Rather indicative is a tomb #2871 at the area 5, where the hardly bent man 30-35 years old was buried. He lied prone, his knees were near the frontal bone, the right hand was lying along the body – to the foot, but with the left one he clasped the right shoulder. In such pose this individual was put inside the oven (Fig. 5). This man was very ill, his right leg was shorter than left one. He had a hardly developed poliomyelitis: a specific form of thorax, the main part of ribs bears tracks of knitted fractures; both hip joints (more right) were hardly destroyed; the hip bones were not thick, they were loosen; the

right head of femur was destroyed as a whole (Fig. 5).

Figure 5. Burial N 2871 at the Area 5 of the North Gonur.

He lost all teeth of the upper jaw in the yearly years: all alveolar part was obliterated and palatine has tracks of the teeth of the lower jaw. The teeth row on the lower jaw was not straight respectively: some teeth were higher, some lower. But the skull's sutures are normal; their status corresponds with the teeth eruption. The hand's bones are strong, relief. This skeleton need to be studied more detailed in special publication.

Thirteen of the BP yielded separate bones, fragments, «bone medley», separate teeth (graves #250 and #1176), a skull and long bones of the upper limb (grave #1017). Unearthed from grave #1075 were two female skulls (25-30 and 30-35 years old).

Unfortunately the poor state of preservation of the material *in situ* and the specific modern conditions of nature in the area of excavations (extremely low humidity, strong winds, and rather high solarisation) have not allowed as yet to collect a sufficiently representative series of osteological materials and strongly impeded the analysis of paleopathologic traits. At the same time, the absence of complete data on the diseases of the people buried in Gonur does not make it impossible to draw the main conclusion that the data cited above indicate that most likely the BP were used to bury the dead with some physical (and possibly psychic?) faults, and that the burning of the grave walls, as is justly hypothesised by the chief of Margiana archaeological expedition V. Sarinidi, was done probably to protect the 'pure' land from its possible 'contamination'.

Paleodemography

As has been already noted above sex and age belonging of the buried people was determined by different specialists and on the basis of different characteristics, i.e. the extent of knitting of skull bones, the degree of prominence of the relief of long bones and of skull bones, as well as the degree of ossification of teeth, their obliteration and eruption. When only teeth or only skeletal bones were found in a grave the determination of both sex and age belonging could, of course, produce somewhat differing results. We have undertaken an attempt to generalize all the accumulated data pertaining to sex and age determination in order to reconstruct main demographic indices of the population of Gonur-Depe. In this connection the data obtained by O. Babakov and those mentioned by the Italian researchers and B. Hampfill have been supplemented and specified by the data of our analysis of teeth samples. The main differences between the researchers (in the cases when operative diagnosis and teeth samples were available from a given grave) were mostly connected with the ages of children, and in some cases sex belonging was specified.

When paleomaterials are analyzed from the point of view of sex and age belonging some of them always fall into the category of «uncertain which are marked in Table 4 with the sign «?»». As it can be assumed that the sex and age proportions in the «uncertain» part of the population coincide with those where sex and age belonging is rather clear-cut, these data were recalculated with due allowance for sex and age correlations. The total number of individuals included into the analysis is 1252 which is approximately a bit more than a half of the overall number of those buried in the necropolis². The results thus obtained are published previously (Babakov et al., 2001). Here we put only the summarized data (Table 4).

A calculation of the duration of life of the adult population by the summarized data has produced the following results: average life-span of men — 35,1 years, of women — 33,5 years, and that of the adult population as a

² Data, collected during 2001-2002 years of expedition didn't take in account jet.

whole — 34,3 years. The indices thus obtained are somewhat lower than those cited earlier and are close to those of the population of Jarkutan and Sapallitepa (Khodzhayov, 1977); such low indices are characteristic on the whole of the entire Middle Asian area (Alekseev, 1972). Such populations as Parkhai II, Sumbar (Kiyatkina, 1987) and Tepe Hissar II, III (Krogman, 1949) show lower indexes. Timargarha (Bernhard, 1967), Kara-Depe, Geoksyur, Altyndepe, Kokcha 3 and Tasty-Butak (Kiyatkina, 1987) — the larger ones (Fig. 6). Correlation between sexes is close to a unity although women are a bit more numerous than men M:F=0.98.

Table 4
Main sex-age correlations among adults (older than 18 years, %) by summarized data (of craniology, osteology and odontology).

Age cohorts	Males	Females	Total
Adultus	55,7	66,2	60,9
Maturus	40,8	31,2	36,0
Senilis	3,5	2,5	3,1
N	545	541	1086

Proceeding from the above, the following conclusion is possible: the agrarian population of Gonur which included into its composition off-springs of the most ancient population of both South Turkmenistan and neighboring territories belonged, no doubt, to the range of south-Europoid populations which created a flourishing civilization. The long duration of life and high fertility of the population provided prerequisites for the population's rapid growth in urban conditions which in their turn became later the cause of the spreading of infectious diseases and epidemics. Medical knowledge was not of a sufficiently high level at the time which was, probably, the frequent cause of the loss of children in early ages and of child-bearing women in the main reproductive period.

Craniometry

The series both from the necropolis and from the area 5 (Tables 5- 8) is characterized by dolichocrania. The available data describe a majority of the in-habitants of Margiana as having on the average a very long and narrow cranium and a high and not broad face with a strongly prominent nose. At the same time,

however, there are three brachicranial skulls in the series, six male mezocranial and ten female mezocranial ones (See: Babakov et al., 2001, tables 5-7, p. 111, 112) which have been registered in the Bronze Age population of Turkmenistan for the first time. Some individual brachicranial skulls of the Bronze Age were registered earlier in Sialk and Tepe Hissar II on which basis it is possible to speak about connection between Gonur population and Fore-Asian brachicranial center as one of the most ancient. It is even more characteristic that brachyrania in Gonur has been registered ex-

actly among men while in the contemporary populations the cephalic index of women is always higher by 1,5 than that of men, i.e. women are more brachicranial than men.

In almost all the basic parameters sex dimorphism in the series is expressed as weak. Most probably the male and female groups from the Gonur necropolis be-long to one and the same morphological type. On the whole the series shows vividly expressed Euro-poid characteristics.

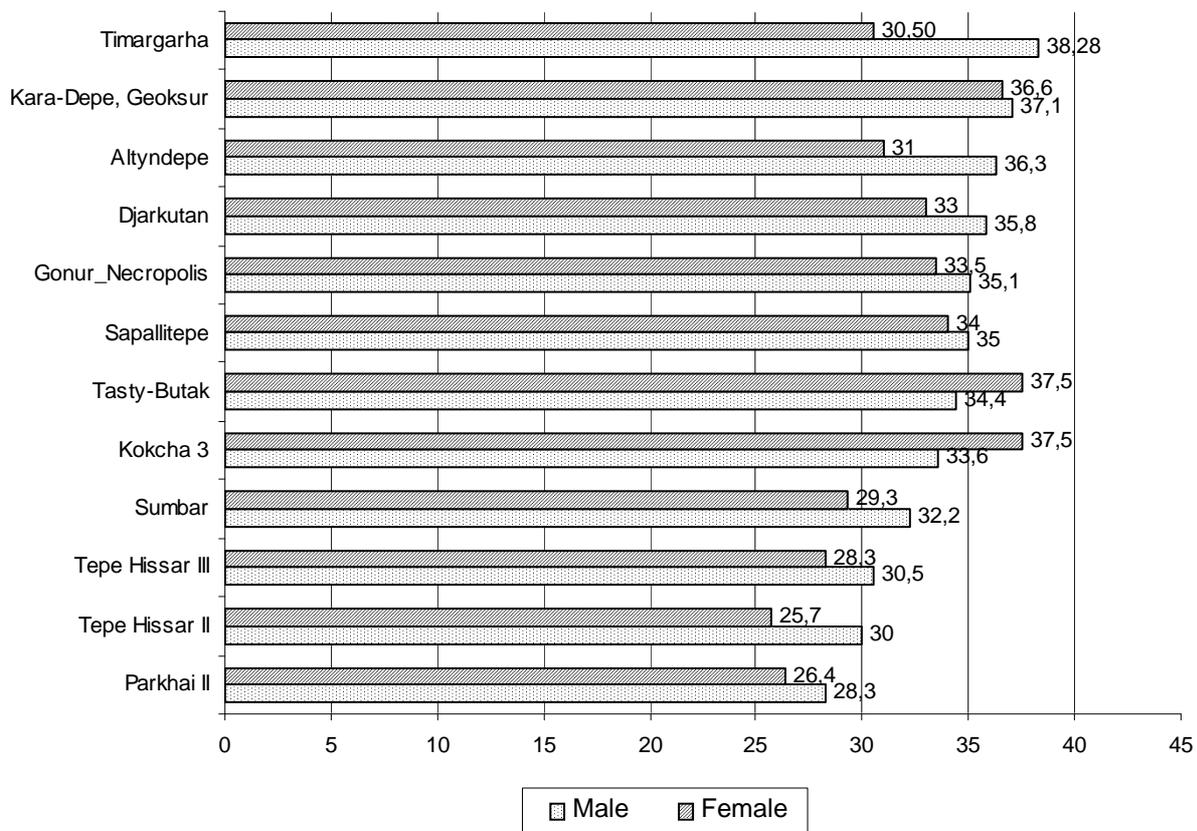

Figure 6. Life span in the Bronze age populations

A preliminary analysis of craniological parameters points, on the one hand, to a morphological heterogeneity of the series, and to a combination of features belonging to archaic and progressive forms – on the other.

Here we present statistical characters of only the new data, collected during the 2001-2002 years at the necropolis and Area 5 respectively.

The submitted data (Tables 5-8) do not contrast with earlier published main series from the necropolis (Babakov et al., 2001).

An availability of different combinations of the craniological features and very large variation (sigmas in many cases are almost twice more than standard ones) stay the most important its characteristics. Six mezocranial individuals at the necropolis and one at area 5 are found out – three men and four women. The comparison between populations, buried at the necropolis and area 5 by the craniological traits shows that they presented the samples from one general unity, without any specific trend in time (Fig. 7, 8). It especially cor-

rectly, since the sample from the area 5 is rather insignificant on number, but nevertheless, any special deviations from the main group it

has not shown. That says that the latest population (Area 5) of the Gonur Depe represented the offsprings of the earliest one.

Table 5. Main craniometrical parameters of new skulls from the *Gonur necropolis* (males).

Measurements and indices (No. by R. Martin)	N	M	S	min	max
Max. cranial length (1.)	20	187,8	5,22	180	197
Max. cranial breadth (8.)	20	131,3	7,34	115	142
Cephalic index (1:8)	19	70,26	4,08	61,83	77,22
Height from basion (17.)	16	135,1	3,49	128	141
Height-length index (17:1)	15	71,7	2,73	66,84	75,96
Height-breadth index (17:8)	15	102,2	6,64	93,43	115,83
Skull basis length (5.)	17	103,5	6,62	94	119
Minimum frontal diameter (9.)	17	92,7	5,27	78	100
Frontal-breadth index(9:8)	16	70,67	3,63	64,71	79,17
Facial basis length (40.)	9	99,22	6,16	87	107
Bizigomatic diameter (45.)	12	124,0	5,85	115	133
Upper facial height (48.)	19	69,79	6,36	55	85
Upper facial index (48:45)	12	55,32	4,66	46,83	63,41
Nasal height (55.)	18	53,4	5,73	35	59
Nasal breadth (54.)	18	23,9	2,28	19	29
Nasal index (54:55)	16	45,47	6,06	38,98	60,42
Orbital breadth (mf) (51.)	17	41,3	2,49	37,7	45,7
Orbital breadth (d) (51a.)	10	37,8	3,28	29,9	41,2
Orbital height (52.)	15	31,9	1,68	28,6	35
Orbital index (52:51)	15	77,89	6,43	70,14	92,11
Nasal projection angle (75(1).)	8	35,38	5,9	24	41
Maximum projective mandibular length (68(1).)	8	108,6	6,86	98	119
Mandibular length (68.)	14	87,6	8,21	71	98
Height of mandibula (70.)	16	64,1	6,56	54	76
Minimum breadth of mandibula (71a.)	16	34,6	2,34	30	39
Bicondylar breadth (65.)	5	115,2	8,47	102	125
Bigonial breadth (66.)	8	100	5,68	93	111

Table 6. Craniometrical parameters of new skulls from the *Gonur necropolis* (females).

Measurements and indices (No. by R. Martin)	N	M	S	min	max
Max. cranial length (1.)	20	180,4	4,11	173	188
Max. cranial breadth (8.)	20	125,4	6,61	116	139
Cephalic index (1:8)	20	69,20	4,49	61,86	69,20
Height from basion (17.)	14	129,1	4,84	121	141
Height-length index (17:1)	13	71,61	2,68	67,21	77,05
Height-breadth index (17:8)	12	102,21	7,01	90,3	113,7
Skull basis length (5.)	14	99,6	4,11	93	109
Minimum frontal diameter (9.)	19	89,3	5,89	77	101
Frontal-breadth index(9:8)	15	70,94	6,10	59,69	82,35
Facial basis length (40.)	10	96,7	7,01	83	106
Bizigomatic diameter (45.)	13	115,4	8,67	105	131
Upper facial height (48.)	16	63,8	6,25	55	78
Upper facial index (48:45)	12	56,07	4,71	50,38	65,71

Measurements and indices (No. by R. Martin)	N	M	S	min	max
Nasal height (55.)	15	48,9	4,08	43	56
Nasal breadth (54.)	14	22,8	2,38	18	26
Nasal index (54:55)	13	47,22	5,80	38,89	60,47
Orbital breadth (mf) (51.)	14	40,0	2,25	35,6	43,6
Orbital breadth (d) (51a.)	8	35,5	3,97	27,5	39,9
Orbital height (52.)	14	33,9	2,22	30,0	39,3
Orbital index (52:51)	14	85,02	6,27	74,07	91,57
Nasal projection angle (75(1).)	9	30,6	5,88	22	39
Maximum projective mandibular length (68(1).)	8	106,6	9,02	97	126
Mandibular length (68.)	10	84,3	8,35	71	94
Height of mandibula (70.)	13	57,2	6,3	48	66
Minimum breadth of mandibula (71a.)	16	31,6	2,94	26	37
Bicondylar breadth (65.)	6	109,8	7,14	98	117
Bigonial breadth (66.)	8	89,9	8,48	77	103

Table 7. Craniometrical parameters of new skulls from the Area 5 (males).

Measurements and indices (No. by R. Martin)	N	M	S	min	max
Max. cranial length (1.)	13	190,7	9,07	176	204
Max. cranial breadth (8.)	9	134,7	7,30	128	147
Cephalic index (1:8)	7	70,98	6,51	64,71	83,52
Height from basion (17.)	10	132,1	6,15	124	142
Height-length index (17:1)	9	70,60	3,59	65,63	76,97
Height-breadth index (17:8)	6	97,82	9,05	84,35	107,81
Skull basis length (5.)	8	104,6	12,5	90	125
Minimum frontal diameter (9.)	6	101,4	7,99	90	108
Frontal-breadth index(9:8)	4	77,59	8,26	65,31	82,95
Facial basis length (40.)	4	95,7	6,81	88	101
Bizigomatic diameter (45.)	6	123,8	3,59	121	129
Upper facial height (48.)	10	69,4	4,31	64	74
Upper facial index (48:45)	4	55,34	3,35	52,89	60,16
Nasal height (55.)	12	52,1	5,09	46	63
Nasal breadth (54.)	11	23,6	3,25	18	29
Nasal index (54:55)	9	47,7	5,99	36,7	55,3
Orbital breadth (mf) (51.)	8	40,0	3,75	33	45
Orbital breadth (d) (51a.)	2	35,3	7,42	30	40,5
Orbital height (52.)	8	33,3	3,35	28	38
Orbital index (52:51)	8	83,42	6,38	73,33	92,01
Nasal projection angle (75(1).)	3	28,0	6,00	22	34
Maximum projective mandibular length (68(1).)	3	112,0	5,57	106	117
Mandibular length (68.)	3	81,3	4,51	77	86
Height of mandibula (70.)	9	55,9	7,93	47	69
Minimum breadth of mandibula (71a.)	10	32,2	5,03	24	39
Bicondylar breadth (65.)	2	122,5	13,4	113	132
Bigonial breadth (66.)	2	98,5	4,95	95	102

Table 8. Craniometrical parameters of new skulls from the Area 5 (females).

Measurements and indices (No. by R. Martin)	N	M	S	min	max
Max. cranial length (1.)	5	182,0	5,34	173	186
Max. cranial breadth (8.)	3	133,7	9,71	123	142
Cephalic index (1:8)	3	72,40	5,49	66,13	76,34
Height from basion (17.)	4	129,5	6,45	125	139
Height-length index (17:1)	4	70,27	3,00	68,31	74,76
Height-breadth index (17:8)	3	98,2	5,72	92,65	104,07
Skull basis length (5.)	4	96,3	3,86	92	100
Minimum frontal diameter (9.)	5	88,2	9,26	78	99
Frontal-breadth index(9:8)	3	69,78	1,52	68,29	71,32
Facial basis length (40.)	3	97,7	7,23	93	106
Bizigomatic diameter (45.)	3	118,0	10,44	106	125
Upper facial height (48.)	4	74,5	5,80	67	81
Upper facial index (48:45)	2	62,65	12,80	53,60	71,70
Nasal height (55.)	4	55,5	6,24	48	63
Nasal breadth (54.)	5	22,8	3,67	17	26
Nasal index (54:55)	3	83,56	4,20	80,20	88,27
Orbital breadth (mf) (51.)	3	41,70	2,98	39,2	45,0
Orbital breadth (d) (51a.)	3	39,67	3,02	37,1	43,0
Orbital height (52.)	4	33,88	2,53	31,1	37,0
Orbital index (52:51)	4	43,79	2,37	40,32	45,61
Nasal projection angle (75(1).)	2	28,0	2,83	26	30
Maximum projective mandibular length (68(1).)	4	100,3	11,09	92	116
Mandibular length (68.)	4	83,5	10,08	74	97
Height of mandibula (70.)	7	53,0	7,87	41	66
Minimum breadth of mandibula (71a.)	7	38,9	16,43	31	76
Bicondylar breadth (65.)	3	105,0	11,53	93	116
Bigonial breadth (66.)	4	86,5	7,55	78	96

That says that the latest population (Area 5) of the Gonur Depe represented the offsprings of the earliest one.

At the same time, taking into account significant intergroup variation of anthropological traits, it can be suppose, that some influx of genes in group from the outside continued to be saved on stretch of all life time of Gonur population (last third - middle of the second mil. B.C.).

Osteology

As it was shown in the table 3 new osteological material was collected during 2001-2002 years excavation both at necropolis and at Area 5. Main received statistical parameters and also the calculated statures are presented in the tables 9. No material, published earlier (Babakov et

all, 2001) was included. The brackets in the table show that these parameters were restored on by being available – right side by the left one, femur by tibia, radius by ulna and so on. The stature was calculated as an average between the several bones and several cited methods. The methods by Trotter and Glaser for Euro-poids (1952), G. Debetz (1971), V. Bunak (1961) and G. Olivier (1960) were used. During the calculations the heterogeneity of the group was confirmed: in some cases one formula in other another one gave deviated results. It can be said that Trotter and Glaser formula gave the most stable meanings in the majority of cases. The formula by V. Bunak, as it was known, gives best results in the groups with middle stature. And in our case, when the bones dimensions are quite small, this formula gave more agreed with others methods dates. Some times

the stature, calculated by proximal and distal segments of limbs differ very large. From our point of view that can be the evidence of presence of components with different constitutional

characteristics in Gonur population. But the final conclusions are necessary to do on greater number of a material.

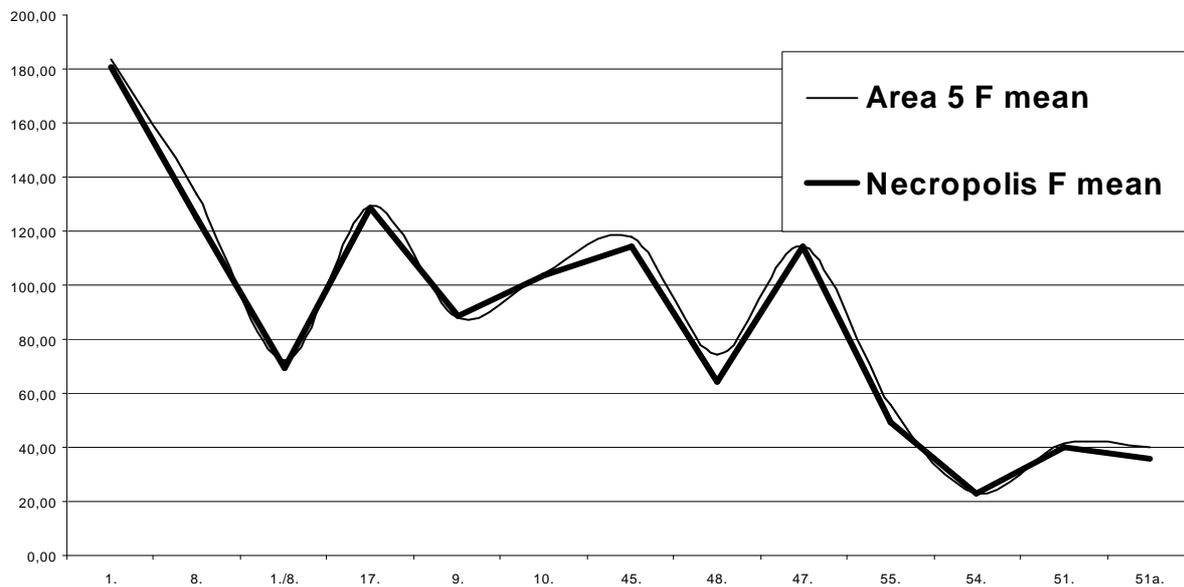

Figure 7. Comparison of the Gonur Necropolis and Area 5 of North Gonur (females) by main craniological traits. On the abscissa – Nos. by R. Martin.

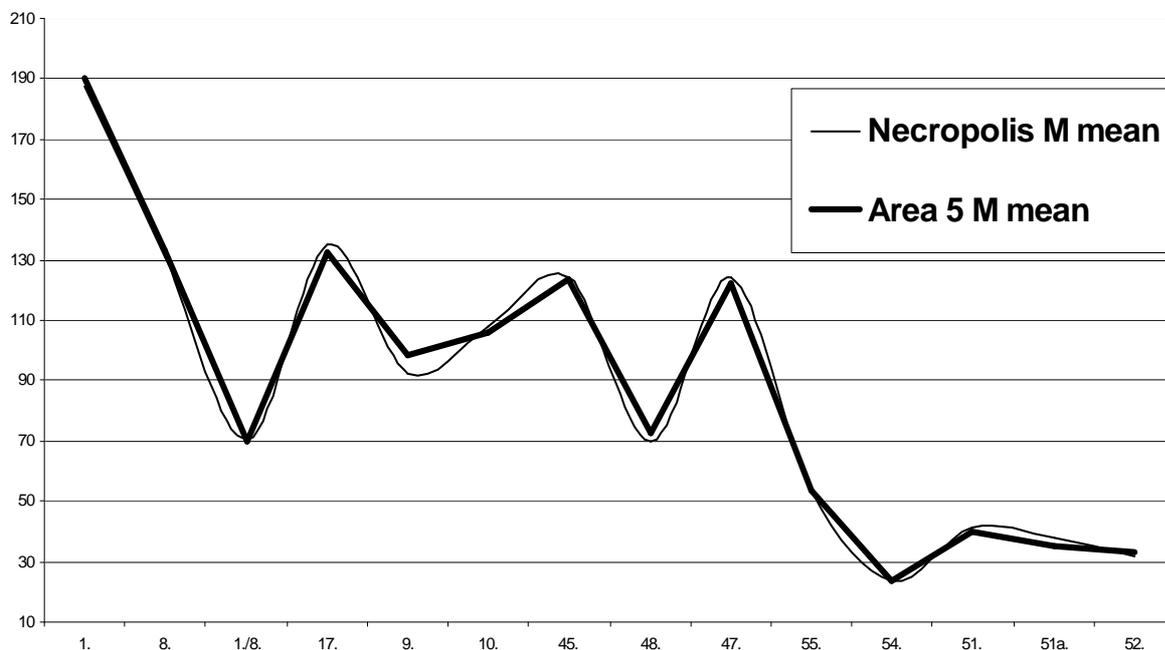

Figure 8. Comparison of the Gonur Necropolis and Area 5 of North Gonur (males) by main cranio-logical traits.

The average stature of men varies from 160 to 179,5 cm (mean 168,3) at necropolis and from 159,9 to 176,0 cm (mean 169,0) at area 5,

what can be interpreted as a medium or a little above the medium stature. Women, as usually, were something lower – their stature varies

from 149,1 to 171,4 cm (mean 158,0) and from 150,5 to 164,4 cm (mean 156,8) respectively, what can be interpreted as a medium stature (Fig. 9). The differences between these data and stature published in 2001 (Babakov et al.) can be explained by application of various methods of calculation of the stature. In our first publication the method of Dupertui & Haddon and Bunak's one were used. The previous results are stacked in limits of variation, derivate by individual determinations by different bones. Marked differences on stature between the men and women are characteristics of majority of Neolith-Bronze ages populations, though the

individual variation is more significant (in the limits of normal one).

The standard deviations of the variational series of the osteological traits are significantly smaller than those of the craniological ones. It most likely is stipulated by the close ecological conditions, in which the earlier and last parts of Gonur population were lived.

The comparison between the earlier (necropolis) and last (Area 5) parts of population by some osteological traits shows the same results in addition to conclusion, which was received on craniological parameters – both of them are part of one general unity without large specific trends in time.

Table 9.
Some osteological parameters of the population of the *Gonur necropolis and Area 5 at North Gonur*.

Necropolis										
	Males					Females				
	Min	Max	Mean	S	Number	Min	Max	Mean	S	Number
Humerus	272	353	313,71	29,65	17	252	315	286,73	17,51	13
Radius	204	278	242,18	22,11	14	183	250	214,57	19,90	7
Ulna	174	299,7	250,98	32,42	14	198	260	230,14	18,79	7
Femur	397	507	445,3	29,71	21	373	476	412,3	30,76	17
Tibia	319	423	366,7	24,46	22	309	411	343,8	33,22	16
Fibula	313	397	354,8	22,72	11	321	368	344,5	33,2	2
R/H	68,91	88,36	78,21	5,64	12	66,30	79,37	74,00	5,58	4
T/F	76,96	88,54	82,52	3,24	21	76,30	92,86	83,09	4,07	16
H/F					-	63,89	76,36	69,32	3,94	11
R/T	59,27	77,44	65,62	5,32	13	57,55	69,45	64,25	4,90	5
Trotter, Glas- ser, 1952	156,5	181,5	168,93	6,56	24	144,5	172	157,5	7,47	20
Debetz, 1971	158,4	180,86	169,76	6,06	24	147,26	178,62	157,9	8,17	20
Bunak, 1961	156,16	180,4	166,52	6,04	21	148,08	172,4	156,6	7,32	17
Olivier, 1960	155	180,5	167,43	6,63	24	153	178	161,0	7,25	18
Average stat- ure	159,95	179,5	168,26	5,57	24	149,12	171,38	157,96	6,82	20
Intermembral index	62,26	75,92	68,27	3,54	12	63,70	71,09	67,26	3,67	4
Index Manuvrier	82,21	98,29	88,82	3,88	21	82,57	96,13	87,42	3,96	16
Area 5										
Humerus	271	326	307,72	17,86	9	262,50	308,5	291,06	19,24	9
Radius	206	274,5	243,00	16,72	12	193,50	230,5	217,25	15,47	6
Ulna	233	290	263,17	14,92	12	214,00	256	239,00	14,81	7
Femur	387	497	447,1	30,16	10	380,0	432	403,3	19,58	9
Tibia	326	418	375,6	30,70	10	314	379	340,1	19,29	9
Fibula	326	403	358,25	25,19	8	307	363	333,2	23,84	6
R/H	75,15	81,03	77,73	1,83	9	73,71	76,23	74,38	0,97	6
T/F	76,53	94,06	84,05	4,76	10	81,02	89,60	84,31	2,49	9
H/F	63,58	74,88	69,33	3,88	8	69,08	76,69	71,70	2,54	7
R/T	59,09	74,85	64,51	4,94	10	59,23	66,67	63,46	2,96	6
Trotter, Gla- ser, 1952	163,25	178	171,31	4,17	11	148,80	165	157,32	5,33	11
Debetz, 1971	152,72	174,37	166,47	5,83	11	147,98	163,25	154,99	5,19	11

Bunak, 1961	159,04	178,6	168,76	5,76	9	149,64	162,24	155,52	4,52	9
Olivier, 1960	161,17	177,2	169,43	4,32	11	150,00	164,17	158,87	4,65	11
Average stature	159,91	176,05	169,01	4,52	11	150,52	164,38	156,81	4,91	11
Intermembral index	61,53	74,87	67,12	3,76	8	72,09	65,10	67,91	2,53	6
Index Manuvrier	84,15	97,35	90,84	3,40	9	84,77	91,03	87,04	2,18	9

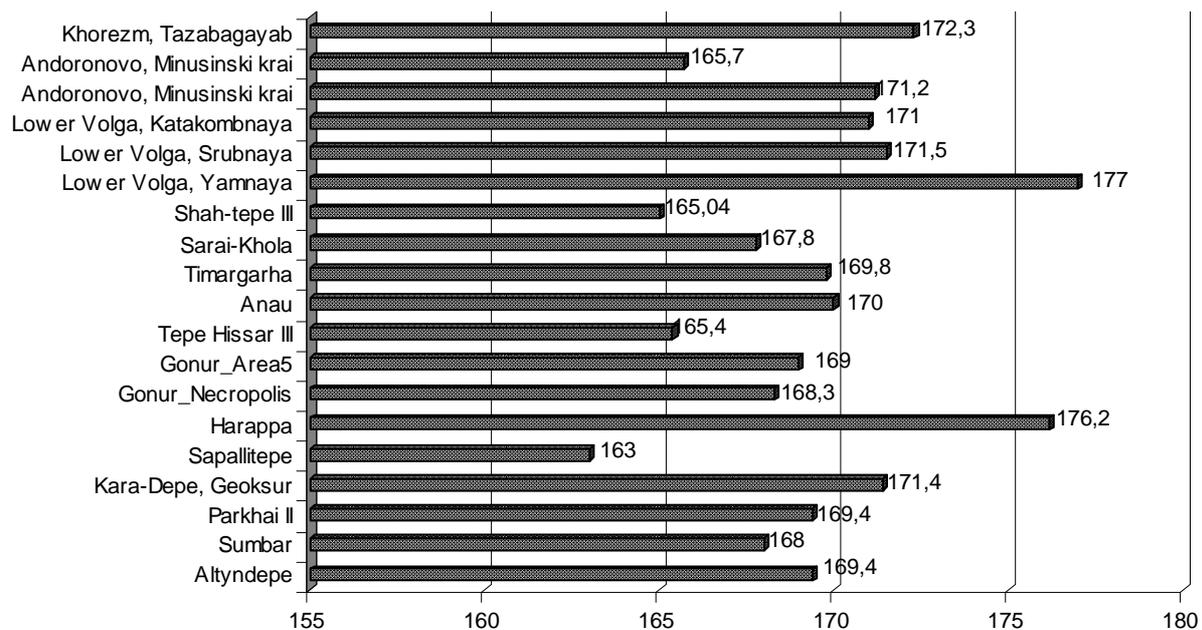

Figure 9. Stature of the Bronze age populations

It can be said that both men and women both from necropolis and from the Area 5 are similar in their proportions but as it may be assumed male and female skeletons differ by their absolute dimensions.

Finishing the brief analysis of the variation of the skull's and bone's dimensions it is necessary to make a general conclusion, that investigated material demonstrates the very close likeness of the population of the necropolis with the Area 5 one. In spite of the fact that this group inhabited Murgab delta enough long time (about eight hundreds – one thousand years) and environmental conditions had to change even because during this period the Murgab river have moved to the west and the sands have come, it is possible to say that no large changes in physical characters of the settlers took place. No significant wave of migrants from any region has come there lat-

er. But some genetic flow from the neighboring areas can be assumed. The cranial and osteological material confirms the previously made conclusion (Babakov et al, 2001) on the heterogeneity of Gonur population both from the point of view of the presence of more archaic (e.g., the encountered extremely low frontal bone inclination angles, the elongated and narrow form of the alveolar arc, relatively broad and low orbits) and more progressive forms, and from the point of view of the presence of a Vedoid admixture (facial and alveolar prognatism in a few skulls, expressed platirinnia) which testifies to the participation in the formation of the anthropological type of the Gonur population of a component traceable in its origin back to the most ancient population of Middle East (from Mesopotamia to North India).

On palaeopathology of Gonur

Pathological changes in the osteological system

The materials, received due to the 2001-2002 years' excavations, can essentially supplement the previously published (Babakov et al, 2001) paleopathological data. Rheumatoid growths on the humerus was marked in the tomb #2904 (Area 5), where a baby 6-7 month(!) was buried and in the tomb #2906 (Area 5) on the femur and phalanges of the man older than 60 years old; in the sepulture #2650 (necropolis) on the femur of a man 30-35 years old and in the shaft grave #2639 (necropolis) on both femurs of the man 50-60 years old. Deforming arthroses was met on the phalanges of many skeletons - # 2905 (female, 50); #2869 (female, 50-60); #2873 (male, 50-60); #2868 (male, 50); #2883 (male, senilis); #2900 (male and female older than 60). The diagnosis of osteoporosis was delivered on three skeletons: as it was mentioned above – in the BP #2004 on both femurs and tibias; and on the tibias of male skeletons (# 2624, 30-40 years and #2670, 17 years) as a result of traumatic damage.

On the boy's (# 2898, area 5, 10 years old) skeleton the spinal hernia of the neck vertebrae was marked. The arc of the first one was not closed; half-arcs didn't knit with the corpus. The same diagnosis can be mentioned on the skeleton of 16-years boy (tomb #2932, area 5): the frontal bone was very thick and spongy; the upper part of the left orbit was smoothed without any sharp edge.

The traces of the hard inflammation were marked on the first and second vertebrae of the male skeleton (tomb 2912, area 5, 40-45 years). On some babies skeletons there were the inflammation at the porions area. It is possible to assume, what exactly the serious inflammation called by a respiratory infection was by the reason of death of these babies (#2897, male less than 2 month; #2891, male 14 month; #2915, female 5 years).

On the skull of a boy 1,5 years old the very early synostoses of all sutures were marked. The bregmatic area began to close even on the inner part. On the other side, The skull of the 4-years boy, the frontal bone of

which has a methopic suture in the glabella, has fonticulus anterior 1,3x1,0 cm.

In addition to this last part the cases of the disturbance of bone growth processes must be mentioned: on the skeleton of the 8-years boy (tomb # 2886, area 5) the sternum was composed from the 5 free fragments; on the 9-years male skeleton (#2921, area 5) the manubrium and corpus of the sternum didn't knit and the disturbance of the ossification centers of the corpus was marked (Fig. 19); the manubrium and corpus of the sternum didn't knit and on the male skeleton # 2380 (30-35 years old, see below): on the female skeleton #2913(40-50 years old); on female skeleton from the tomb #2902 (20-30 years old) and from the female (older than 60 years old) one from the cist #2900.

Traumatic injuries of bones

We have registered some traumatic injuries on the skeletal remains of the Gonur necropolis and area 5. First of the «skeleton of the warrior» (male, 30-35 years old) from the burial #2380 had to be described. The skeleton was lying supine. Just after the cleaning the attention was conversion on the specific position of the head. The skull was lying on its base, near the vertex the sheep's scapula and some ribs were lying. During the cleaning of the skeleton was revealed, that the first and second vertebrae were broken, when the buried man was alive. Some traces of inflammation there were on these two vertebrae. The specific damage of the left side of the face skeleton (on the frontal and zygomatic bones especially) took place – the compacta was torn off and the traces of widespread inflammation can be seen. There were no traces of recover of this trauma. The small line-like traumatic damage was situated just near the fronto-parietal suture. It can be suppose, that this man has falled from an altitude on the head and seriously damaged his neck and face. But he was not dead at the same time, because the inflammation had a time to widespread on the wide area of the face. As left clavícula was lying along the body, the supposition that the stretching or dislocation of the left articulation humeri took place after falling down can be made (fig. 10).

On the male skeleton (50-60 years old) from the tomb 2635a the almost completely healed wound on the upper side of the right orbit was marked. The eyebrow was dissected, but knitted when the man was alive. The traces of the widespread (d 2-2,5 cm) healed inflammation process on the frontal bone show that that trauma was not a cause of his death.

The male skull from the sepulture #2650 (30-35 years old) has a large crack (fig.11) and a hole (3,5 x 2,5 x 3,7 cm) on its occipital bone and one more (3,5x0,4 cm) on the temporal bone near the saggittal line on the vertex. No traces of the knitting were found, that shows that this two traumas were the cause of his death. The upper edge of left orbit is damaged long before death. It was completely over. The sepulture was plundered in antiquity; the skeleton was destroyed for some parts, that is why it difficult to say does it or not have some damages more.

Figure 10. Reconstruction of the head by the skull from the burial 2380 (work by E. Veselovskaya)

The female skull from the shaft tomb #2616 (25-30 years old) without face skeleton had a large specific injury along the temporal line (4,7x0,5 cm). The ordinary axe can make the impact. There were no traces of knitting,

the hole was very large and the trauma most likely is incompatible to life.

The male skeleton 20-25 years old from the tomb 2335, which was lying on dromos has two holes on the occipital bone near the upper linea nuchae: one above it, another – below. Near the second one there was a small trace of the third hole(?), which can be knitted previously. Both holes have the traces of knitting too, but the inner surface of the skull has a very serious traces of inflammation process. The supposition about connection of death of the given individual with an obtained trauma is quite probable.

The small hole with rough edges was marked on the temporal bone near the zygomatic arc on the male skeleton #2830 (30-40 years old). On the inner side of the skull in the same place there was a widespread inflammation process. Near the right M^2 and I^1 and I_2 there were fistulas in the alveolar part of jaws, knitted while the buried was alive.

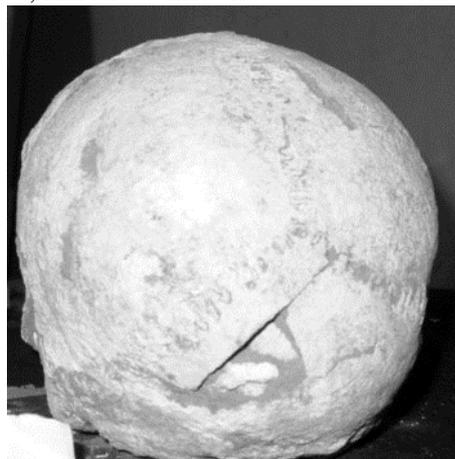

Figure 11. Traumatic injury on the occipital bone of skull from the burial 2650.

The baby's skull (1 year old, # 2892) bored traces may be of trauma: the frontal bone was burst in the area of frontal tubers. The juvenile male skeleton (#2670) on the upper third part of tibia has a trace of the hard impact, which was knitted when the boy was alive.

The left radius of the male skeleton from the tomb #2868 (older than 60 years) bears the perforation near the processus styloideus, which was derivate as a result of the wounds by a spear (arrow?) head. That wounds has called development of the osteomyelitis, but has partly knitted (fig. 12).

Figure 12. Left radius from the burial 2868.

The male skeleton from the cist #2900 had a good knitted trace of a large injury of the frontal bone, right orbit and zygomatic bone. Under the lower edge of right orbit on the zygomatic bone there was a small but very clearly expressed growth. The impact which has caused a trauma was so strong, that it is possible to suppose, that the eye of the man was hardly damaged also sight was either loosed or is lost completely. Under the left orbit there were traces of the widespread inflammation process, healed many years before the death of man.

Conclusion

The anthropological description of the craniological series from the necropolis of Gonur-depe allows making the following main conclusions. The agrarian population of Gonur which had absorbed descendants of the most ancient populations of both South-Turkmenistan and neighbouring territories, belonged unquestionably to the range of the South-Europoid populations which created a flourishing civilization. The long duration of life and high fertility of the population created prerequisites for its rapid growth in urban conditions which in their turn caused later the spreading of infectious diseases which were probably a frequent cause of the loss of children of younger ages and of child-bearing women of the main reproductive period. The registered by the results of the palaeodemographic research ratio between men and women show predominance of the latter in this population. As such a ratio does not correspond to the normal biological distribution of the sexes (1:1), it can be supposed that some portion of women (about 36%) could have

been either included into the population's composition from outside or that a group of newcomers to the new territory could have elbowed out some portion of the local men and included local women into their own composition. No phasic differences are observed archaeologically either in the burial ritual or in grave goods so that if the second supposition is correct then the population which founded Gonur-depe and inhabited it had most likely arrived to this territory not in one but in several waves. The latest part of the Gonur population, inhabited nears the palace at the middle of the second mil. B.C. didn't differ hardly from the first one, which we know by the data from necropolis. The cranio-logical, osteological and odontological analysis shows the similarity of these two populations.

It is possible to say that no large changes in physical characters of the settlers took place. No significant wave of migrants from any region has come there later. But some genetic flow from the neighboring areas can be assumed. The cranial and osteological material once more confirms the conclusion on the heterogeneity of Gonur population both from the point of view of the presence of more archaic and more progressive forms, and from the point of view of the presence of a Veddoid admixture, which testifies to the participation in the formation of the anthropological type of the Gonur population of a component traceable in its origin back to the most ancient population of Middle East (from Mesopotamia to North India).

The odontological parameters of the Gonur series also show that in the complex of its traits it differs both from the ancient and from the modern Europoid series in the weakening in it of the complex of traits of the western odontological stem, while the eastern traits are expressed in it indistinctly either. It is possible to either class the Gonur population as belonging to the group of undifferentiated odontological types or to describe it as having a mixed (between western and eastern odontological stems) character. In both these cases the population of the Gonur necropolis occupies a peripheral position, while exhibiting similarity by the level of its eastern traits complex to a majority of the ancient Europoid

series and coming closer to the modern population of South and South-Eastern Asia (Orangs, Munda and Viets) - in the level of expression of its western complex. The latter circumstance allows both linking the certain specificity of the Gonur population with their contacts with representatives of the same area, and including it into that ancient anthropological substratum which had formerly been rather widespread on the territory of Fore-Asia and North India.

The increased variation of the cranio-logical traits is stipulated by the multicomponent structure of the Gonur population and also by the general polymorphism, what is a characteristic of the ancient population as a whole. The South Europoid peculiarities are found out by the traits of different systems. The features of the local anthropological complexes in the contemporary meaning of this unities, don't expressed. This suggestion confirms by the presence of the misbalanced complexes, combinations of the Equatorial traits with Europoid (west odontological) and with Mongoloid (east odontological) ones. That, probably, corresponds with the particular stage of the local unities formation – from

the Neolith to the late Bronze period or the eve of our era. Differentiation and formation of the population in the Asian region is closely connected with the adaptation to the new environment at the settled territory.

On the whole, considering the mosaic state of knowledge in the complexes of anthropological characteristics of both modern and ancient populations of the Fore-Asian area, it should be pointed out that the population studied here exhibits a sufficiently unique complex of anthropological characteristics which might either be a consequence of some processes of mixing (which case seems to be less probable to the authors) or represent the most ancient population of the Middle East incomparable by the degree of differentiation of its anthropological characteristics with the modern inhabitants. Having a rather archaic morphology and a number of traits bringing them closer to Vedoids, in the variations of the basic parameters of their skulls the Gonur people find their nearest parallels with the population of the southern regions of Uzbekistan, North Pakistan and North India.

Bibliography

- Васильев С.В., Бабаков О., Боруцкая С.Б.* Типология нарушений ростовых процессов в антропологических исследованиях // Вестник антропологии. Вып. 7. М., 2001. С. 199-218.
- Babakov O., Rykushina G.V., Dubova N.A., Vassiliev S.V., Pestryakov A.P., Khodzhayov T.K.* Human skeletal remains of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur and Iranian Paganizm. М., 2001. p. 219-240.
- Babakov H. (Babakov O.)* The settlement of Gonur-Depe in the light of Anthropological findings // Babakov H. et all. Margiana. Gonur-Depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venice, 2002. P.145-163
- Bernhardt W.* Human Skeletal Remains from the Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of archaeology University of Peshawar. Vol. III. 1967. P. 291-407
- Sperduti A., Bondioli L., Macchiarelli R.* Paleobiology of the third millenium BC graveyard of Gonur Tepe (Turkmenistan). Preliminary report. Roma, 1995.
- Sperduti A., Bondioli L., Macchiarelli R.* Paleobiology of the Third Millennium BC. Human skeletal remains from the graveyard of Gonur-Depe. A Preliminary report // Babakov H. et all. Margiana. Gonur-Depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Venice, 2002. P.164-179.

О. Бабаков
(Туркменистан, Ашхабад)

НАСЕЛЕНИЕ ГОНУР-ДЕПЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

В эпоху бронзы на территории Центральной Азии происходят крупные перемещения индоевропейских племен, существенно повлиявших на этногенез ее народов. В настоящее время раскопаны многочисленные памятники этой эпохи, антропологические материалы из которых нашли свое отражение в соответствующей литературе (Трофимова, 1958; Трофимова, 1958; Ходжайов, 1977, 1980; Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984; Salvatori, 1993, 1993a и др.). В настоящей работе впервые дается краткая характеристика краниологического материала некрополя Гонур-депе, полученного из раскопок 1999 - 2000 гг.

Некрополь Гонур, датируемый концом III - серединой II тыс. до н.э., находится западнее центральной (дворцовой) части памятника. Его изучение, начиная с 1992 года, с небольшими перерывами продолжалось до 2002 г. (Salvatori, 1993, 1993a; Sarinidi, 1999, 2001). Основными результатами этих исследований явилось предварительное определение границ, хронологии и топографии одного из крупнейших могильников Древнего Востока. По конструкциям погребальных сооружений выделяется четыре основных типа могил: ямы, подбой, цисты и камеры-склепы. Существенно преобладают подбойные и ямные захоронения.

По типу захоронений и положению костяков в могилах между мужскими и женскими погребениями заметных различий не наблюдается. Большая часть костяков в могилах уложена в скорченном положении, на правом боку, с преобладающей ориентацией на север или северо-запад. Кисти рук в большинстве случаев расположены перед лицом, обращенным на запад. Не-

сколько реже встречаются скелеты на левом боку и лицом на восток, в равных соотношениях для обоих полов. В единичных случаях встречены костяки, лежащие на животе или спине, независимо от пола. Столь же редки парные захоронения, где укладывали либо двух взрослых, но разнополовых людей, либо взрослого и ребенка и, наконец, просто двух детей.

За полевые сезоны 1999-2000 гг. было раскопано 978 могил. В 615 случаях определен пол и возраст погребенных. В связи с плохой сохранностью костяков для антропологических измерений удалось отобрать всего 83 черепа (47 мужских и 36 женских) (табл. 1,2). Кроме того, некоторые исследования были проведены также на длинных трубчатых костях.

Мужские черепа характеризуются овоидной формой, недеформированные, большой длины с малым поперечным диаметром. По головному указателю – резко долихокраничные (69,7). Лицевая часть ортогнатная, очень узкая (скуловой диаметр 125,6 мм), средневысокая, резко профилированная в горизонтальной плоскости, с глубокими клычковыми ямками. Орбиты – среднеширокие и средней высоты. Нос – средней ширины и высоты, сильно выступающий. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Лишь в двух случаях обнаружен предносовой желоб. Расовый тип - европеоидный долихокраничный.

Женские черепа характеризуются в основном также овоидной формой, низким сводом, резкой долихокранией (головной указатель: 71,6), при большом продольном (179,5 мм) и малом поперечном (129,8 мм) диаметрах. Лоб слабонаклонный, с едва выраженными надпереносьями и надбровными дугами. Лицевая часть низкая и узкая, с резко горизонтальной профилирован-

кой и глубокими клыковыми ямками. Орбиты округлой формы, средневысокие, при малой ширине. Нос узкий, выступающий. Переносье - средней высоты. Нижний край грушевидного отверстия в основном антропической формы. На двух черепах (погр. 506 и 627) отмечена теменно - нижнечелюстная кольцевая деформация. След от наложения повязки проходит позади ве-

нечного шва. Такая деформация могла образоваться в случае, если череп туго завязывали платком по темени и узлом под нижней челюстью. Это особый вид деформации, который впервые встречается на территории Туркменистана в столь древний период. В целом же расовый тип всех женских черепов - европеоидный долихокранный.

Таблица 1. Индивидуальные размеры мужских черепов с некрополя Гонура.

по Мартину	№ погребения	292	300	310а	316	322	341	350	357	389	389	397	400
	Возраст, лет	40-45	?	40-45	25-30	25-30	?	50-60	35-40	35-40	35-40	50-6	?
	Признак												
1.	Продольный диаметр	180	196	185	182	189	183	183	194	183	181	194	182
8.	Поперечный диаметр	133	124	128	122	127	136	133		135	130	134	
17.	Высотный диаметр (ba-br)	136	143	130		133		134	142	129	130	137	133
20.	Высотный диаметр (от ро)			121				119		123			
5.	Длина основания черепа	101	110		104	105		98		97	103	101	105
9.	Наименьшая ширина лба	90		92	89	97	96	98		93	98	100	91
10.	Наибольшая ширина лба			110	104	111	117	116		116	120	125	115
11.	Ушная ширина												
12.	Ширина затылка			102		113	104	105		106		110	105
45.	Скуловой диаметр			116								122	
40.	Длина основания лица		105		100	110		99	103		96		
48.	Верхняя высота лица		73	67	66	75	67	64			72		
47.	Полная высота лица		133	119	111		108			114			
43.	Верхняя ширина лица	101		100	98	109					105	106	
46.	Средняя ширина лица	93	109	97	91		97			102	94		
60.	Длина альвеолярной дуги			52							54		
61.	Ширина альвеолярной дуги	72	72	62	58	64	67				63	62	
55.	Высота носа	53		48		54	47	46		49		52	
54.	Ширина носа	24		22		21	26	23	24	31		23	
52.	Высота орбиты	31	30	30		32	26	33		32	34	34	31
51.	Ширина орбиты (mf)	37	40	40		40	39	39	36				
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)											101	
	Высота назиона над биорбитальной шириной											22	
77.	Назомаллярный угол (fmo-n-fmo)											132.9	
	Зигмаксиллярная ширина (Zm-Zm)											93	
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной											26	
(LZM)	Зигмаксиллярный угол (Zm'-SS-ZM')											121.7	
SC	Симотическая ширина											10	
SS	Симотическая высота											7	
DC	Дакриальная ширина											19	
DS	Дакриальная высота											11	
75	Угол выступания носа											43°	
	УКАЗАТЕЛИ:												
8/1	Черепной	73.9	63.6	69.1	67.3	67.9	74.3	72.7		73.8	71.8	69	
17/1	Высотно-продольный	75.5	73.0	70.3		70.4		73.5		70.5	71.8	70.6	73.1
17/8	Высотно-поперечный	102.2	115.3	101.5		103.9		100.7		95.6	100.0	102.2	
У/10	Лобный			81.4	85.6	87.4	82.1	84.5		80.2	81.7	80.0	79.1
9/8	Лобно-поперечный	69.2		71.8	72.9	77.1	70.6	73.6		68.9	75.3	74.6	
47/45	Общий лицевой			102.5									
40/5	Выступание лица				96.1	104.8		101.2			93.3		
48/45	Верхнелицевой							57.7					

по Мар- тину	№ погребения	292	300	310а	316	322	341	350	357	389	389	397	400
	Возраст, лет	40-45	?	40-45	25-30	25-30	?	50-60	35-40	35-40	35-40	50-6	?
Признак													
48/17	Вертикально-краниофациальный		51.1	51.1		56.4		47.8			55.4		
45/8	Поперечно-фациоцеребральный			90.6	90.9							91.0	
54/55	Носовой	45.5		45.8	45.8	61.8	55.3	50.0		63.3		44.2	
52./51	Орбитный	83.9	75.0	81.1		80.0		84.6		84.2	79.1	82.9	70.4
SS/SC	Симотический											70	
DS/DC	Дакриальный											57.8	
G	Надпереносье (1-6)	4	5	4		5	3	4	5		4	3	5
	Надбровные дуги (1-3)	2	3	2		2	2	3	3		2	3	
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	4	3	2	3	4	3	3	4		4	4	

Таблица 1. Индивидуальные размеры мужских черепов с некрополя Гонура. Продолжение.

по Мар- тину	№ погребения	404	405	410	412	451	448	464	466	500	508	516	517
	Возраст, лет	50-60	25-30	50-60	40-50	30-35	35-40	25-30	35-40	20-25	55-60	35-40	25-30
Признак													
1.	Продольный диаметр	192	180	191	188	187	187	184	183		190	178	197
8.	Поперечный диаметр	122	131	137		129	137	130	137		148	128	133
17.	Высотный диаметр (ba-br)	131	130	137	130	129	122	140	147			128	137
20.	Высотный диаметр (от ро)			126									
5.	Длина основания черепа	102	105	93		99	95	101	103			103	
9.	Наименьшая ширина лба	99	99	92	100	94		95	100		90	92	98
10.	Наибольшая ширина лба	107	114	116	114	117		117	126			115	119
11.	Ушная ширина					118	121	117	126			117	125
12.	Ширина затылка	117		111	110	111	105	114	111				104
45.	Скуловой диаметр					129	125	125					133
40.	Длина основания лица	95	95	98		96		101	99			99	104
48.	Верхняя высота лица	71	60			69		70	63			62	74
47.	Полная высота лица	124				121		113				112	128
43.	Верхняя ширина лица	106	105	98	105	106		102	109			105	111
46.	Средняя ширина лица	95	97	91	90	87		90			79		100
60.	Длина альвеолярной дуги					51		55					57
61.	Ширина альвеолярной дуги				59	61		60				59	66
55.	Высота носа	50	48		47	51		49					45
54.	Ширина носа	26	26		22	25		23		23			22
52.	Высота орбиты	34	31	30	32	30		33	28	40		32	33
51.	Ширина орбиты (mf)			41	43	45		39	42	40		46	44
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)	99							94				105
	Высота назиона над биорбитальной шириной	20							20				23
77.	Назомаллярный угол (fmo-n-fmo)	136							136				132.7
	Зигмаксиллярная ширина (Zm-Zm)	93						93					95
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	26						22					30
(LZM)	Зигмаксиллярный угол (Zm'-SS-ZM')	121.7						129.5					115.4
SC	Симотическая ширина	11						10	9				7
SS	Симотическая высота	7						5	4				
DC	Дакриальная ширина	20						20	22				24
DS	Дакриальная высота	14						11	13				
75	Угол выступания носа	30°						29°	35°	33°			30°
	УКАЗАТЕЛИ:												
8/1	Черепной	63.5	72.8	71.7		69.0	70.6		80.3			71.9	67.5
17/1	Высотно-продольный	68.2	72.2	71.7		68.9	65.2	76.1	74.4			71.9	69.5

по Мар-тину	№ погребения	404	405	410	412	451	448	464	466	500	508	516	517
	Возраст, лет	50-60	25-30	50-60	40-50	30-35	35-40	25-30	35-40	20-25	55-60	35-40	25-30
Признак													
17/8	Высотно-поперечный	109.4	99.2	100.0		100.0	92.4	107.7	93.2			100.0	103.0
У/10	Лобный	92.5	86.8	77.6	82.5	80.3		81.2	79.4			80.0	83.2
9/8	Лобно-поперечный	81.1	75.6	65.7		72.9		73.1	68.0			71.1	73.7
47/45	Общий лицевой					93.8		90.4					
40/5	Выступление лица		90.6	93.3		97.0		100.0	96.1			96.1	91.2
48/45	Верхнелицевой					53.5		56.0					55.6
48/17	Вертикально-краниофациальный		46.1	47.4		53.5		50.0	46.0			48.7	54.0
45/8	Поперечно-фациоцеребральный					100.0		96.1					100.0
54/55	Носовой	52.0	54.2		46.8	49.0		46.3			54.7		51.0
52./51	Орбитный	77.3	73.8	73.2	75.8	66.7		84.6	66.7	100.0		69.6	75.0
SS/SC	Симотический	63.6						50	44.4				
DS/DC	Дакриальный	70						55	59.1				
G	Надпереносье (1-6)	3	3	3	3	4	3	3	3	5	5	3	4
	Надбровные дуги (1-3)	2	3	2	2	3	2	2	2	3	3	2	3
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	4	4	3	2	4	2	3	2	3	3	3	3

Таблица 1. Индивидуальные размеры мужских черепов с некрополя Гонура. Продолжение.

по Мар-тину	№ погребения	552	557	574	607	612	726	730	744	759	806	807	810
	Возраст, лет	35-40	25-30	25-30	40-45	35-40	30-35	45-50	40-45	40-45	30-35	20-25	45-50
Признак													
1.	Продольный диаметр	183	192	188	188	188	179	187	180	194	187	202	181
8.	Поперечный диаметр	130	129	129	134	138	130	138	130	126	135	130	135
17.	Высотный диаметр (ba-br)	133		143	133	135	130	137	128	138	142		
20.	Высотный диаметр (от ро)												
5.	Длина основания черепа	102		104	113	102	98		98		104		
9.	Наименьшая ширина лба		91	95	98	98	97		90	94	95	91	96
10.	Наибольшая ширина лба		119		119	119	118		116	109			
11.	Ушная ширина					118	119	119	116	114	119		114
12.	Ширина затылка					108	105	110	106	114		106	119
45.	Скуловой диаметр				135	127	127				127	127	
40.	Длина основания лица				108	105							
48.	Верхняя высота лица				68	65							
47.	Полная высота лица				115	114	107		117	112			
43.	Верхняя ширина лица		100	104	98	107	107			102	102		101
46.	Средняя ширина лица		90	95	105	97	85		88		92		
60.	Длина альвеолярной дуги		59		60	57				47			
61.	Ширина альвеолярной дуги		61		69	67	61			58			
55.	Высота носа				53	47			49			49	48
54.	Ширина носа			25	25	28			23				31
52.	Высота орбиты		36	33	28	30	30	32	32	32	32		32
51.	Ширина орбиты (mf)		42	40	38	41	42		39	44	41		42
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)									100			
	Высота назиона над биорбитальной шириной									22			
77.	Назональный угол (fmo-p-fmo)									132.5			
	Зигмаксиллярная ширина (Zm-Zm)								93	97			
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной								22	26			
(LZM)	Зигмаксиллярный угол (Zm'-SS-ZM')								129.5	123.6			

по Мар- тину	№ погребения	552	557	574	607	612	726	730	744	759	806	807	810
	Возраст, лет	35-40	25-30	25-30	40-45	35-40	30-35	45-50	40-45	40-45	30-35	20-25	45-50
Признак													
SC	Симотическая ширина									9			
SS	Симотическая высота									7			
DC	Дакриальная ширина									21			
DS	Дакриальная высота									14			
75	Угол выступания носа								30°	42°			
	УКАЗАТЕЛИ:												
8/1	Черепной	71.0	67.2	69.4	71.3	73.4	72.6	73.8	72.2	64.9	72.2	64.4	74.6
17/1	Высотно-продольный	72.7		76.1	70.7	71.8	72.6	73.3	71.1	71.1	75.9		
17/8	Высотно-поперечный	102.3		10.8	99.2	97.8	100.0	99.3	98.5	109.5	105.2		
У/10	Лобный				82.3	82.3	82.2		77.6	86.2			
9/8	Лобно-поперечный		70.5	73.6	73.1	71.0	74.6		69.2	74.6	70.4	70.0	71.1
47/45	Общий лицевой				85.2	89.8	84.2						
40/5	Выступание лица				95.6	102.9							
48/45	Верхнелицевой				50.4	51.2							
48/17	Вертикально-краниофациальный				51.2	48.1							
45/8	Поперечно-фациоцеребральный				100.7	92.0	97.7				94.1	97.7	
54/55	Носовой				47.2	59.6			46.9				64.6
52./51	Орбитный		85.7	82.5	73.7	73.2	78.6		82.0	72.2	78.0		76.2
SS/SC	Симотический									77.4			
DS/DC	Дакриальный									66.7			
G	Надпереносье (1-6)	4	3	4	3	4	3		3	3	5	5	4
	Надбровные дуги (1-3)	3	3	3	3	3	2		2	2	3	3	2
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	4	3	3	3	3	2		3	3	3	4	1

Таблица 1. Индивидуальные размеры мужских черепов с некрополя Гонура. Окончание.

по Мар- тину	№ погребения	849	902	930	985	1014	1017	1032	1071	1074	1132	1141
	Возраст, лет	40-45	35-40	25-30	45-50	35-40	35-40	40-45	35-40	25-30	40-45	30-35
Признак												
1.	Продольный диаметр	182	182	199	197	187		181	189	196	197	
8.	Поперечный диаметр		135	132	125	122			135		132	
17.	Высотный диаметр (ba-br)	136	125	136	135	133	137	133	137	136	128	140
20.	Высотный диаметр (от ро)											
5.	Длина основания черепа	105	107	108	101	106		105	104	104	106	
9.	Наименьшая ширина лба	92	92	102	94		90	90	99	99	97	107
10.	Наибольшая ширина лба			117		112	129		125		116	126
11.	Ушная ширина	118	113		115				112		111	
12.	Ширина затылка	118							118		107	123
45.	Скуловой диаметр	126	132		127		125	122	132	132	128	
40.	Длина основания лица	104			93		95	102	106	100	100	
48.	Верхняя высота лица	67	66		70	74	64	68	66	68	65	67
47.	Полная высота лица	115	113				109		119		114	119
43.	Верхняя ширина лица	110	105		102	105			113	107	105	111
46.	Средняя ширина лица	94	93			100			98	97	92	89
60.	Длина альвеолярной дуги	61	64		55				55	54	55	
61.	Ширина альвеолярной дуги	62			60				70	68	62	
55.	Высота носа	50		45	54	56	50	48	46	51	51	50
54.	Ширина носа			23	22		21		25		26	29
52.	Высота орбиты	31.5	33		32	34	32	29	39	29	31	32
51.	Ширина орбиты (mf)	38	42		43	44	40	42	45	46	43	42
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)								102		95	
	Высота назиона над биорбитальной шириной								21		25	

по Мар- тину	№ погребения	849	902	930	985	1014	1017	1032	1071	1074	1132	1141
		Возраст, лет	40-45	35-40	25-30	45-50	35-40	35-40	40-45	35-40	25-30	40-45
Признак												
77.	Назомаллярный угол (fmo-p-fmo)								135.2		124.5	
	Зигомаксиллярная ширина (Zm-Zm)								92		92	
	Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной								20		20	
(LZM)	Зигомаксиллярный угол (Zm'-SS-ZM')								132.3		133.1	
SC	Симотическая ширина								10		9	
SS	Симотическая высота								4		7	
DC	Дакриальная ширина								23		18	
DS	Дакриальная высота								10		13	
75	Угол выступания носа				30°				32°		37°	
	УКАЗАТЕЛИ:											
8/1	Черепной		74.2	66.3	63.4	65.2			71.4		67.0	
17/1	Высотно-продольный	74.7	68.7	68.3	68.5	71.1		73.5	72.5	69.4	65.0	
17/8	Высотно-поперечный		92.6	103.0	108.0	109.0			107.5		97.0	
У/10	Лобный			87.2					97.5		83.6	82.9
9/8	Лобно-поперечный		68.1	77.3	75.2				73.3		73.5	
47/45	Общий лицевой	91.3	85.6				87.2		99.1		89.1	
40/5	Выступание лица	99.0			92.1		97.9	98.1	101.9	96.1	94.3	
48/45	Верхнелицевой	53.2	50.0	50.7	55.1		51.2	55.7	54.1	51.1	50.8	
48/17	Вертикально-краниофациальный	49.3	52.8		51.8	55.6	46.7	51.1	48.2	50.0	50.8	
45/8	Поперечно-фациоцеребральный		97.8		101.6				97.3		97.0	
54/55	Носовой			51.1	40.7		42.0		54.3		50.0	58.0
52./51	Орбитный	82.9	78.6		74.4	77.3	80.0	69.0	86.7	63.0	72.1	76.2
SS/SC	Симотический										77.7	
DS/DC	Дакриальный										77.2	
G	Надпереносье (1-6)	4	3	3	5	4	4	3	3	5	5	4
	Надбровные дуги (1-3)	2	2	2	3	2	2	2	3	3	3	2
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	3	3	3	4	2	3	2	3	3	3	2

Таблица 2. Индивидуальные размеры женских черепов с некрополя Гонура.

по Мар- тину	№ погребения	280	293	297	305	310б	340	367а	368	377	392	341	448
		Возраст, лет	18-20	30-35	25-30	30-35	30-35	45-50	45-50	9	16-17	25-30	25-30
Признак													
1.	Продольный диаметр	174			178	184	180			184	177		186
8.	Поперечный диаметр	130	127		121	127		125			131		131
17.	Высотный диаметр (ba-br)		125			134	135				131		122
20.	Высотный диаметр (от ро)												
5.	Длина основания черепа						92	99		99	102		104
9.	Наименьшая ширина лба	96		92	93	92	88	96	86		96		
10.	Наибольшая ширина лба	108			103	112	108	114	102		115		117
11.	Ушная ширина										117	120	
12.	Ширина затылка	100	115	121		100					105	98	105
45.	Скуловой диаметр	117	125			108			112		128		128
40.	Длина основания лица					86	93	107		105			
48.	Верхняя высота лица						62	67					
47.	Полная высота лица	102				105	108	116	126		117		
43.	Верхняя ширина лица					98	95	105			102		
46.	Средняя ширина лица	84	92			82		97	85	92			87
60.	Длина альвеолярной дуги							56			65		

по Мар- тину	№ погребения	280	293	297	305	3106	340	367a	368	377	392	341	448
	Признак	18- 20	30- 35	25- 30	30- 35	30- 35	45- 50	45- 50	9	16- 17	25- 30	25- 30	45- 50
61.	Ширина альвеолярной дуги	57						63					
55.	Высота носа							49		48			
54.	Ширина носа	21	25					29		24			24
52.	Высота орбиты	32	37	36	32	30		34		30	30		
51.	Ширина орбиты (mf)	39	41	40	41	37		42		36	42		
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)					94							
	Высота назиона над биорбитальной шириной					19							
77.	Назомаллярный угол (fmo-n-fmo)					136							
	Зигмаксиллярная ширина (Zm-Zm)					94							
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной					24							
(LZM)	Зигмаксиллярный угол (Zm'-SS-ZM')					126							
SC	Симотическая ширина					7							
SS	Симотическая высота					5							
DC	Дакриальная ширина					17							
DS	Дакриальная высота					11							
75	Угол выступания носа					26°							24°
	УКАЗАТЕЛИ:												
8/1	Черепной	74.7			67.8	69					74.1		70.4
17/1	Высотно-продольный					72.8	75.0				74.0		65.6
17/8	Высотно-поперечный		98.4			105.5					100.0		93.1
У/10	Лобный	88.9			90.3	72.4	81.5	84.2	84.3		83.4		
9/8	Лобно-поперечный	73.8			76.9	72.4		76.2			73.3		
47/45	Общий лицевой	87.2				97.2					91.4		
40/5	Выступление лица						101.0		106.1				
48/45	Верхнелицевой												
48/17	Вертикально-краниофациальный						45.9						
45/8	Поперечно-фациоцеребральный	90.0	98.4				85.0				97.7		97.7
54/55	Носовой							59.1	50.0				
52./51	Орбитный	82.1	82.0		78.0	81.1		80.1		83.3	71.4		
SS/SC	Симотический					71.1							
DS/DC	Дакриальный					64.7							
G	Надпереносье (1-6)	2			2	2	2	1	2		2		3
	Надбровные дуги (1-3)	1			1	1	1	1	1				2
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	3	4		3	3	3		3		3		2

Таблица 2. Индивидуальные размеры женских черепов с некрополя Гонура. Продолжение.

по Мар- тину	№ погребения	370	506	513	546	567	627	667	689	707	721	732	822
	Признак	55- 60	30- 35	25- 30	20- 25	20- 25	30- 35	40- 45	20- 25	20- 25	25- 30	45- 50	25- 30
1.	Продольный диаметр	180	180	181	182	174	188	181	175	178	185	173	177
8.	Поперечный диаметр		137	143	125	126	120	128	133	130	140	132	-
17.	Высотный диаметр (ba-br)	139	129		135	124	128	131		132		127	
20.	Высотный диаметр (от ро)						113						
5.	Длина основания черепа	97	94	95	101	100	98	103	91	97		93	
9.	Наименьшая ширина лба		97	93	90	94	90	96		92	90	92	
10.	Наибольшая ширина лба		115	119	111	107	112			108		111	
11.	Ушная ширина		116	118	109	111	112	116	107	118		111	

по Мар- тину	№ погребения	370	506	513	546	567	627	667	689	707	721	732	822
	Возраст, лет	55- 60	30- 35	25- 30	20- 25	20- 25	30- 35	40- 45	20- 25	20- 25	25- 30	45- 50	25- 30
	Признак												
12.	Ширина затылка		102	111	101	102	107	113	101	111		103	
45.	Скуловой диаметр			122		118		125	113			121	
40.	Длина основания лица		90	97	100	96		99		87			
48.	Верхняя высота лица		48	66	62	66		64			59	62	65
47.	Полная высота лица			114	102	107		104				120	
43.	Верхняя ширина лица		104	100		100		103		97		100	
46.	Средняя ширина лица			92	88	93		95				95	
60.	Длина альвеолярной дуги			55		53							
61.	Ширина альвеолярной дуги			60	61	61		57	57				
55.	Высота носа	44	46	51	42	52		50		46	49	45	50
54.	Ширина носа	22.5		25		24		25		23	23		23
52.	Высота орбиты	31	29	28	34	33		27		33	27	31	
51.	Ширина орбиты (mf)	40	42	40	41	44		39		42	38	42	
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)			93		93	93					94	
	Высота назиона над биорби- тальной шириной			14		23	20					19	
77.	Назомаллярный угол (fmo-p- fmo)			146.1		127.4	135.5					136	
	Зигмаксиллярная ширина (Zm-Zm)					94	95					92	
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шири- ной					20	21					27	
(LZM)	Зигмаксиллярный угол (Zm'- SS-ZM')					133.9	132.3					119.3	
SC	Симотическая ширина					8	9					9	
SS	Симотическая высота					4.5	4.5					4.5	
DC	Дакриальная ширина					19	20					20	
DS	Дакриальная высота					11	13					10	
75	Угол выступания носа					30°	33°					28°	
	УКАЗАТЕЛИ:												
8/1	Черепной		76.1	79.0	68.7	70.4	63.8	70.7	76.0	73.0	75.6	76.3	
17/1	Высотно-продольный		71.7		74.2	69.3	68.1	72.4		74.1		73.4	
17/8	Высотно-поперечный		94.2		108.0	98.4	106.7	102.3		101.5		96.2	
У/10	Лобный		84.3	78.1	81.1	87.8				85.2		82.9	
9/8	Лобно-поперечный		70.8	65.0	72.0	71.6		75.0		70.8	64.3	69.7	
47/45	Общий лицевой			93.4		96.0		96.1				99.0	
40/5	Выступание лица		95.7	102.1		96.0		96.1		100.0		-	
48/45	Верхнелицевой			54.1		55.9		51.2				51.2	
48/17	Вертикально- краниофациальный		45.0		45.9	53.2		48.8				48.8	
45/8	Поперечно- фациоцеребральный			85.3		93.6		97.6	85.0			91.7	
54/55	Носовой			49.0		47.1		50.0		50.0	46.9		46.0
52./51	Орбитный	77.5	67.0	70.0	82.9	75.0	82.9	69.0		78.6	71.0	73.8	
SS/SC	Симотический					56	50					50	
DS/DC	Дакриальный			-		57.9	65.0					50	
G	Надпереносье (1-6)	2	3	2	3	3	2	2	3	2	4	2	2
	Надбровные дуги (1-3)	1	2	1	1	1	1	1	2	1	2	1	1
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	3	3	4	3	3	2	2	2	2	3	4	3

Таблица 2. Индивидуальные размеры женских черепов с некрополя Гонура. Окончание.

по Мар- тину	№ погребения	860	866 а	866 б	866 в	899	910	921	991	998	1011	1030	1047
		Возраст, лет	18- 20	35- 40	30- 35	20- 25	25- 30	20- 25	30- 35	30- 35	18- 20	30- 35	30- 35
1.	Продольный диаметр	178	176	173	182	182	180	184	173	185	188	182	175
8.	Поперечный диаметр	-	133	127	131	135	132	130	123	130	132	127	125
17.	Высотный диаметр (ba-br)	130	133	118	127	135	131	137	125	135	124	135	-
20.	Высотный диаметр (от ро)												
5.	Длина основания черепа		92	98	100	98	100	106	99	103	99		91
9.	Наименьшая ширина лба				95	90	100	102	92	88		94	85
10.	Наибольшая ширина лба				117			117	110	114			108
11.	Ушная ширина		109	108	100		114	118	117				
12.	Ширина затылка		116	104	99		108	106	103				96
45.	Скуловой диаметр			118	115		126		120		123		110
40.	Длина основания лица		99		95	93		102		98	96		92
48.	Верхняя высота лица				63	64		68		56	59	62	
47.	Полная высота лица		119		116		115		114	105			101
43.	Верхняя ширина лица			103	100	94		106	101				88
46.	Средняя ширина лица			91	80		95	92	91		90		82
60.	Длина альвеолярной дуги				48	45		54					39
61.	Ширина альвеолярной дуги				57	58	65	65					53
55.	Высота носа		50		46	44	42	51		45		45	42
54.	Ширина носа		25		22	21		24		23		24	
52.	Высота орбиты	32	35	33	29	34	31	34	29	30		35	28
51.	Ширина орбиты (mf)	37	42	42	42	38	41	43		37		41	37
43.	Биорбитальная ширина (fmo-fmo)					87							
	Высота назиона над биорби- тальной шириной					18							
77.	Назозабранный угол (fmo-n- fmo)					33.4							
	Зигмаксиллярная ширина (Zm-Zm)												
	Высота субспинале над зигмаксиллярной шири- ной												
(LZM)	Зигмаксиллярный угол (Zm'- SS-ZM')												
SC	Симотическая ширина					10							
SS	Симотическая высота					5							
DC	Дакриальная ширина					18							
DS	Дакриальная высота					12							
75	Угол выступания носа					27°							
	УКАЗАТЕЛИ:												
8/1	Черепной		75.6	73.4	71.9	74.2	73.3	70.6	71.1	64.9	70.2	69.8	71.4
17/1	Высотно-продольный	73.0	75.6	68.2	69.8	74.2	72.8	74.4	72.2	73.0	65.9	74.2	
17/8	Высотно-поперечный		100.0	92.9	96.9	100.0	93.2	105.4	101.6	103.8	93.9	106.3	
У/10	Лобный				81.2			87.2	77.3	77.2			78.7
9/8	Лобно-поперечный		69.2	77.2	76.3	66.7	75.7	78.5	83.6	79.2			72.8
47/45	Общий лицевой				100.8		91.3		95.0		82.1		79.1
40/5	Выступание лица		107.6		95.0	91.8				95.1	96.6		101.1
48/45	Верхнелицевой				54.8						48.0		
48/17	Вертикально- краниофациальный				49.6	47.4		49.6		41.5	47.6	45.9	
45/8	Поперечно- фациоцеребральный			92.9	87.8		95.4		97.6		93.2		88.0
54/55	Носовой		50.0		47.8	47.7		47.1		51.1		53.3	

по Мар- тину	№ погребения	860	866 а	866 б	866 в	899	910	921	991	998	1011	1030	1047
		Возраст, лет	18- 20	35- 40	30- 35	20- 25	25- 30	20- 25	30- 35	30- 35	18- 20	30- 35	30- 35
52./51	Орбитный	86.5	83.3	78.6	69.0	89.5	75.6	79.1	70.7	81.1		85.4	75.7
SS/SC	Симотический				50								
DS/DC	Дакриальный				66.7								
G	Надпереносье (1-6)	2	2	2	2	3	2	1	2	2	2	2	1
	Надбровные дуги (1-3)	1	1	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1
Fc	Глубина клыковой ямки (0-4)	2	3	3	3	3	3	2	3	2	3	3	2

В краниологической серии нередко встречаются индивиды с широким носом и альвеолярным прогнатизмом. На двух черепахах (соответственно женском и мужском) определена примесь экваториальной расы. Причем, на женском черепе веддоидные особенности выражены несколько сильнее, чем на мужском. Примесь экваториального типа в составе краниологических серий из Туркменистана обнаруживается еще с эпохи энеолита (Трофимова, 1958). Так, например, на некоторых черепахах с Монджуклы-депе отмечено присутствие экваториального типа, свойственного населению Южной Индии. На краниологической серии из Кара-депе присутствует мезогнатный и широконосый тип, соответствующий евроафриканскому типу (по Серджи). Веддоидный долихокранный прогнатный тип, соответствующий евроафриканскому типу (по Серджи), известен на нескольких памятниках Передней Азии и Индии (тепе-Гиссар, Киш, Сиалк, Мо-хенджо-Даро и др.) в слоях V-IV тыс. до н.э. В свою очередь Т.А. Трофимова отмечает участие экваториальных антропологических типов, тяготеющих к Индии, в формировании состава хорезмского населения в кушанскую эпоху (Трофимова, 1958).

Все вышеперечисленные факты нельзя считать случайными, так как они косвенным образом лишь подтверждают этнические связи, существовавшие в отмеченные эпохи между древним населением Туркменистана и Индии.

Палеоантропологический материал дает возможность определить половозрастной состав погребенных на некрополе Гонура. Градация возрастных групп производилась в соответствии с общепринятым в антропологии методом (Алексеев, Дебец, 1966). В частности, первый, детский возраст (инфантильный) - до прорезывания первых постоянных коренных зубов (0-7 лет); второй детский возраст - до прорезывания вторых постоянных коренных зубов (до 12-13 лет); юношеский - до закрытия сфено-затылочного синостоза (до 18-20 лет); возмужалый -- до 35 лет; зрелый - до 55 лет и старческий - свыше 55 лет (табл. 3).

Палеоантропологический материал дает возможность определить половозрастной состав погребенных на некрополе Гонура. Градация возрастных групп производилась в соответствии с общепринятым в антропологии методом (Алексеев, Дебец, 1966). В частности, первый, детский возраст (инфантильный) - до прорезывания первых постоянных коренных зубов (0-7 лет); второй детский возраст - до прорезывания вторых постоянных коренных зубов (до 12-13 лет); юношеский - до закрытия сфено-затылочного синостоза (до 18-20 лет); возмужалый -- до 35 лет; зрелый - до 55 лет и старческий - свыше 55 лет (табл. 3).

Таблица 3. Средний возраст смерти по некрополю Гонура

Возраст	Детский I		Детский II		Юношеский		Возмужалый		Взрослый		Старческий		Средний	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Пол														
Муж					7	2,8	57	22,8	37	14,8	6	2,4	107	34,6
Жен					25	10,0	88	23,2	24	9,6	6	2,4	143	34,2
Суммарно	12	4,8	18	7,3	32	12,8	115	46,0	61	24,4	12	4,8	250	32,9

Детские погребения составляют всего 12% по отношению к общей массе погребенных. Причем, смертность детей в первой возрастной группе соответствует 4,8%, а во второй - 7,2% от всей суммарной серии. В юношеском возрасте смертность

значительно выше у девочек (10%), чем у юношей (2,8%). Из всех возрастных групп наиболее высокий процент смертности приходится на возмужалый возраст - 22,8% у мужчин и 23,2% - у женщин. Низкая смертность в старческом возрасте (2,4%),

отмечаемая в одинаковой степени для обоих полов, объясняется, скорее, незначительным представительством этой возрастной группы в общей массе погребенных. В целом же, как показывают статистические расчеты, средняя продолжительность жизни древнего населения Гонур-депе составляла около 33 лет. Таким образом, совершенно очевидно, что средняя продолжительность жизни обитателей Гонура весьма близка показателям жителей Джаркутана и Сапаллитепа и несколько ниже, чем у населения Алтын-депе и Геоксюра.

Определение роста погребенных было произведено по отдельным костям на 13 мужских и 8 женских костяках, по формулам Мануврие и Пирсона (Алексеев, 1977). В результате удалось установить, что рост мужчин в среднем равен 169,33 см (по Мануврие) и 168,3 см (по Пирсону). Аналогичные величины для женщин составляют 154,4 см и 151,2 см. Полученные показатели, таким образом, позволяют характеризовать мужское население Гонура как высокорослое, а женское как среднерослое.

Изучение остеологического материала позволило обнаружить незначительное количество костяков с определенными патологическими изменениями, связанными с прижизненными заболеваниями и травмами. В их числе следует отметить гидроцефалию, деформирующие артрозы суставов и межпозвоночных дисков, а также переломы костей и кариес зубов.

Для сравнительного анализа рассматриваемой краниологической серии были привлечены некоторые серии с сопредельных Маргиане территорий. По основным параметрам мозгового и лицевого отдела наиболее близкие материалы для гонурской серии происходят с Геоксюра и могильника Пархай 2 (Южный Туркменистан). Серия из Алтын-депе отличается более крупными размерами черепной коробки, более высоким лицом и сильно выступающим носом. Сумбарская серия так-

же резко выделяется своим наиболее высоким (в пределах долихокрании) черепным указателем и высоким лицом. В свою очередь серия Тулхарского могильника (Таджикистан) заметно отличается от гонурской более широкой мозговой коробкой, высоким сводом черепа, большей широколицестью, а также большими размерами орбиты и носа. Сапаллинская и Джаркутанская серии (Южный Узбекистан) очень близки к серии с некрополя Гонур-депе, в особенности по всем параметрам мозгового и лицевого отдела черепа. Наконец, близкое сходство по основным показателям черепа обнаруживается и с сериями из Тепе-Гиссар II и III (Иран), Тимаргархи, Буткары 2 (Пакистан, долина р. Сват), хотя по некоторым признакам можно отметить и незначительные различия.

В целом, краниологическая серия некрополя Гонур-депе характеризуется долихокранией, при большом продольном и малом поперечном диаметрах. Лицевой отдел узкий, малой высоты, с низкими орбитами, при полном отсутствии широколицых типов.

Серия ортогнатная с резкой горизонтальной профилировкой лица, глубокими клыковыми ямками, высоким переносьем и значительно выступающими носовыми костями, при средней ширине носа. Принадлежность серии к длинноголовому европеоидному типу не вызывает сомнений.

Сходство краниологических серий из некрополя Гонура с сериями из Сапаллитепа, Джаркутана и ряда памятников Передней Азии по основным показателям как мозгового, так и лицевого отделов черепа, свидетельствует о наличии связей между населением этих регионов. В то же время, отсутствие в гонурской серии низколицых и широколицых европеоидных типов позволяет предполагать отсутствие какой-либо связи гонурцев с населением андроновской культурно - исторической общности.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1977.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
- Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Халилов Х.* Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Гинзбург В.В.* Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968.
- Кияткина Т.П.* Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976.
- Кияткина Т.П.* Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Трофимова Т.А.* Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2 // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции в 1949-1953 гг. Том 2. М., 1958.
- Ходжайов Т.К.* Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент, 1977.
- Ходжайов Т.К.* Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
- Salvatori S.* The discovery of the graveyard of Gonur-depe 1 (Murghab delta, Turkmenistan): 1992 Campaign. Preliminary Report // *Rivista di Archeologia*. Т. XVII. Roma, 1993.
- Salvatori S.* Protohistoric Margiana: on a recent contribution // *IASCCA Information Bulletin*. N 19. М., 1993.
- Sarianidi V.I.* Near Eastern Aryans in Central Asia // *JIES*. Vol. 27. N 3-4. 1999.

В.Н. Пилипко
(Россия, Москва)

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ДАШЛЫ-4 (КААХКИНСКИЙ РАЙОН, ТУРКМЕНИСТАН)

В 70-80-х годах прошлого столетия Парфянская экспедиция Института истории АН ТССР проводила комплексное исследование памятников Дашлинского оазиса, расположенного примерно в 100 км восточнее Ашхабада. Оазис функционировал в период раннего железа и античности (Пилипко, 1982), но первоначальное его освоение произошло еще в период раннего энеолита. Свидетельством этого является холм Дашлы-4, находящийся в южной части оазиса.¹

Памятник расположен на восточном берегу одного из древних протоков реки Казган и представляет собой крупный одиночный холм, имеющий в плане неправильно-округлую форму (рис. 1). Размеры холма с севера на юг - 145 м, с запада на восток - 135 м. Высота - 6,5 м. Площадь около 1,4 га. В микрорельефе заметно разделение холма на две составные части - на пологом расплывшемся основании прослеживается более компактное центральное возвышение.² Поверхность холма сильно засолена, на ней в довольно большом количестве встречаются фрагменты древней керамики.

¹ Большинство холмов, представляющих остатки древних строений, не имеют собственных названий, поэтому все они получили цифровые обозначения. Рассматриваемый объект (Дашлы-4) на топографических картах часто обозначен как Курен-депе, но местное население называет его именно Дашлы-депе.

² Это объясняется тем, что на большом холме, образовавшемся на месте энеолитического поселения, в эпоху раннего железа была построена небольшая усадьба.

История изучения этого памятника невелика. Его открыл в 1958 г. А.Ф. Ганялин, который на основании подъемного материала датировал объект временем раннего энеолита (Анау ІВ) и раннего железа (Ганялин, 1958). В 1979 г. Парфянской экспедицией, с целью уточнения возраста и параметров поселения, проведены его контрольное шурфование и инструментальная съемка плана. В 1982 г. в центральной части холма пройден стратиграфический шурф.

В 1979 г. в пределах холма и его ближайших окрестностей заложены 8 контрольных шурфов (рис. 1).

Шурф № 1 (2,1 x 1,5 м) заложен на юго-западной площадке нижней террасы. Верх его находится на 3,2 м ниже репера (вершины холма). Шурф прокопан на глубину 0,8 м. Вся толща культурных отложений относится к энеолитическому времени (Намазга І). Небольшая примесь материалов середины І тыс. до н.э. объясняется наличием впускной ямы этого периода. Зачистками на глубине 0,6 и 0,8 м зафиксированы остатки двух разновременных архитектурных сооружений (рис. 2). Выявленные стены сложены из сырцовых кирпичей размерами 48 x 23 см. В кладке нижней стены обнаружен довольно хорошо обожженный кирпич того же размера.

Шурф № 3³ заложен в юго-восточной части холма, на склоне небольшой лоцины, в 3,8 м ниже репера. Размеры его 2 x 1,5 м, прокопан на глубину 1,1 м. До глубины 35 см прослежен сырцовый завал. Ниже в

³ Контрольный шурф № 2 в 1982 г. был превращен в стратиграфический. Описание его см. ниже.

северной части шурфа обнаружены плохо сохранившиеся остатки стены с прямоугольной нишей. Стена сложена из сырца размерами 53 x 26,5 x 12 см. На остальной части шурфа - завал из сырцового кирпича с редкими обломками керамики ахеменидского времени.

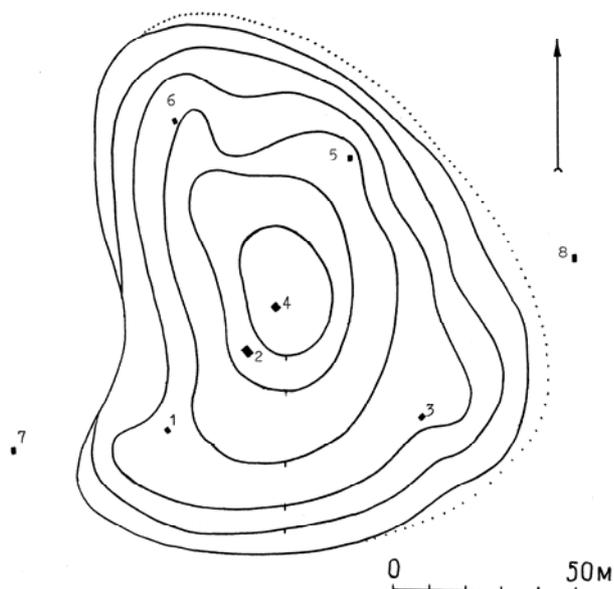

Рисунок 1. План поселения с указанием местонахождения шурфов. Горизонтали через 1 м. Инструментальная съемка А.А. Ляпина.

Шурф № 4 заложен на вершине холма непосредственно у топографического знака. Размеры его 1,9 x 1,9 м, прокопан на глубину 1,75 м. До глубины 1,5-1,6 м прослежены слои ахеменидского времени, представленные мусорными наслоениями. Ниже без всяких слоев запустения начинаются культурные отложения эпохи энеолита. Они представлены остатками тонких стен и зольно-гумусными прослойками внутри комнат.

Шурф № 5 заложен в северо-восточной части холма. Размеры его 2,5 x 1,5 м. Глубина - 1,35 м. Верх шурфа расположен на 2,8 м ниже репера. Верхние 70 см представлены надутым песком без находок. Ниже залегает слой с находками керамики ахеменидского времени (7 стенок, 1 венчик). На глубине 85-95 см зафиксирован слой с находками как ахеменидского, так и энеолитического времени. Ниже встречается только керамика типа Намазга I. На глубине 1,1 м зафиксирована слабо выраженная зольная прослойка (пол ?).

Шурф № 6 заложен на северо-восточном мысу холма. Размеры его 2 x 1,5 м, глубина 1,1 м. Отметка верха шурфа -3,2 м. Верхние 45 см представлены песком с небольшой примесью мусора и керамики ахеменидского времени. Ниже начинается неповрежденный энеолитический слой. В зачистке на глубине 50 см выявлена стена, прослеженная до самого низа шурфа. Она сложена из сырца 48-49 x 19-20 x 12 см. Кирпичи уложены в перевязку, плоскости оштукатурены глиной с саманом. С глубины 0,9-1,0 м у восточного борта шурфа выявлена еще одна стена, имеющая толстую глиняную штукатурку (рис. 2).

Шурф № 7 заложен в 18 м юго-западнее подошвы холма. Размеры его 2 x 1,5 м. На глубину 1,5 м прослежен практически однородный слой розоватого лесса. На глубине 1 м найдены два черепка - один ахеменидского, другой энеолитического времени. Дальнейшее вскрытие прекращено из-за появления грунтовых вод.

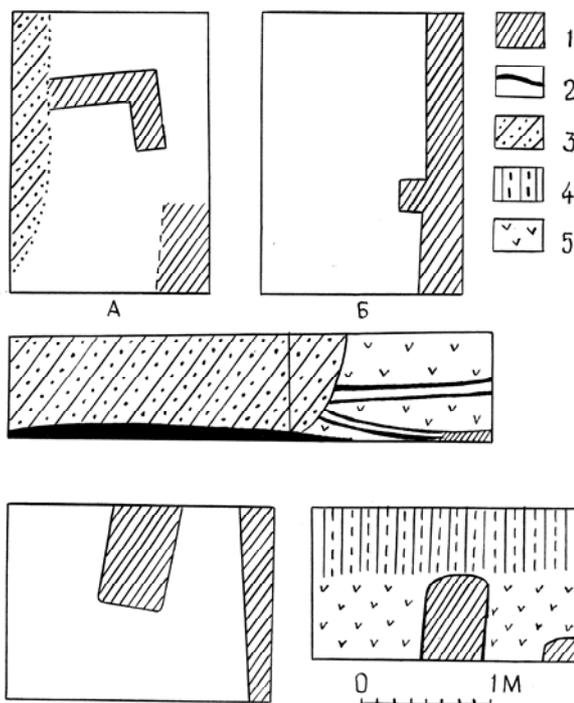

Рисунок 2. Контрольные шурфы № 1 (вверху) и № 6 (внизу). А - план на глубине 60 см; Б - план на глубине 80 см. 1 - стены; 2 - полы и зольно-гумусные прослойки; 3 - заполнение впускной ямы; 4 - слой разрушения; 5 - рыхлый культурный слой.

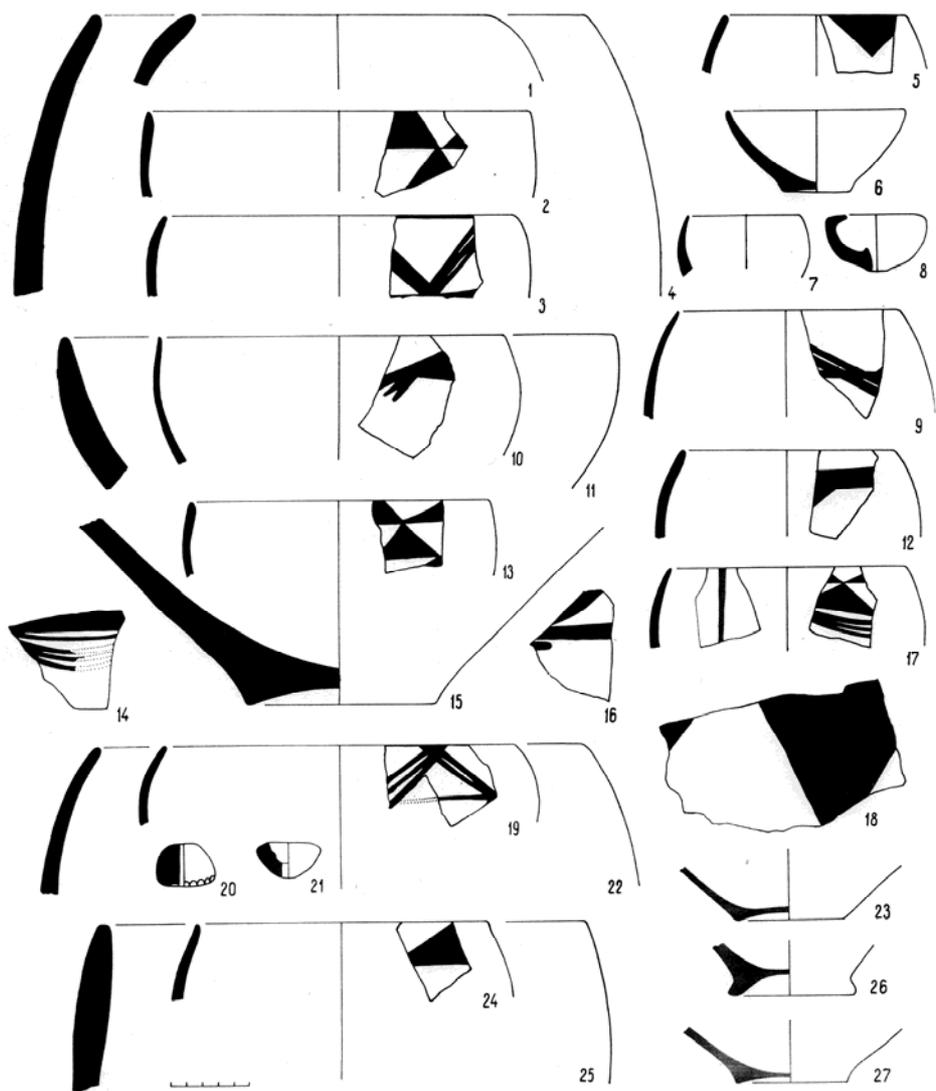

Рисунок 3. Энеолитическая керамика из контрольных шурфов. Шурф №1: 1,3-5,7,18-20, 24; шурф №2 : 2,9,10, 23; шурф №4: 19; шурф №5: 11-14, 25-27; шурф №6: 8,16, 21.

Шурф № 8 заложен в 13 м восточнее подошвы холма. Размеры его 2 x 1,5 м, глубина 1,5 м. В шурфе четко прослеживаются чередующиеся непотревоженные прослойки песка и глинистых отложений. Находок нет.

Проведенные контрольные исследования позволили сделать следующие выводы. Холм, в основном, образован культурными отложениями времени Намазга I (рис. 3). Контуры холма примерно соответствуют границам древнего поселения. После длительного запустения остатки энеолитического поселения послужили основанием для усадьбы середины I тыс. до н.э. (рис. 4). Остатки последней зани-

мают центральную часть холма. Толщина отложений этого времени достигает 1,5 м.

Для уточнения стратиграфии энеолитического поселения в 1982 г. на базе контрольного шурфа № 2 был заложен новый шурф размерами 4 x 2,5 м. Верх его находился на отметке -140 см, низ -940 см от репера. «Материк» не достигнут, углубление было прекращено из-за появления грунтовых вод на отметке -910 см. Площадь шурфа вверху 10 кв.м. Затем через каждые 2,5 м оставались ступени, последовательно сократившие размеры шурфа до 7,5-5-3 кв. м. В самом низу площадь шурфа ограничивалась одним квадратным метром.

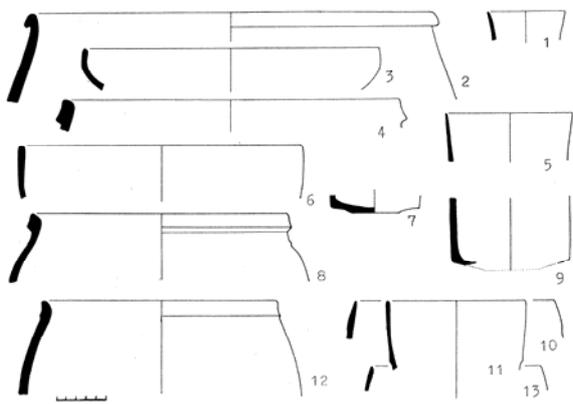

Рисунок 4. Керамика середины I тыс. до н.э.

Вся толща выявленных отложений относится к периоду раннего энеолита, лишь в самых верхних слоях четко фиксируется мусорная яма с материалами ахеменидского времени. На основании фиксации структуры заполнения, уровней полов и архитектурных остатков в шурфе выделены 15 стратиграфических горизонтов (рис. 5).

Первый стратиграфический горизонт (низ 940, верх 850 см). Представлен рыхлым культурным слоем с включениями угольков. Большая часть слоя находилась ниже уровня грунтовых вод. Немногочисленные фрагменты керамики, извлеченные из этого слоя, не отличаются от вышележащих.

Второй стратиграфический горизонт (низ 890, верх 835 см). Средняя толщина слоя 0,5 м. Он представлен остатками сырцовых стен в восточной части шурфа (размеры кирпичей выявить не удалось из-за большой влажности слоя) и соответствующими ей по уровню сырцовым завалом и мусорными отложениями.

Третий стратиграфический горизонт (низ 835, верх 785-775 см). Толщина слоя 0,5-0,6 м. Он состоит из серо-коричневых мусорных отложений с белыми крапинами солей, угольками и линзами гумусных отложений.

Четвертый стратиграфический горизонт (низ 785-775, верх 715 см). Основная толща представлена рыхлыми коричневого цвета отложениями мусора с плохо прослеживаемыми горизонтальными прослойками «полов». В слое встречаются зольные линзы, отдельные включения сырцовых кирпичей. На отметке -740 см

расположен слабо выраженный уровень пола, с которым связан начальный период функционирования круглой в плане постройки. При ее строительстве, сначала под всей площадью сооружения, была устроена глиняная «подушка», на которой возведены сырцовые стены толщиной 25 см. Последние выведены со значительным наклоном внутрь, что указывает на перекрытие помещения в технике ложного купола. В шурфе расчищена примерно одна пятая часть постройки, поэтому точные сведения о ее размерах отсутствуют. Диаметр ее, предположительно, был около 3 м, а высота достигала 2,5-3 м. Стены и пол помещения тщательно оштукатурены глиной с саманом.

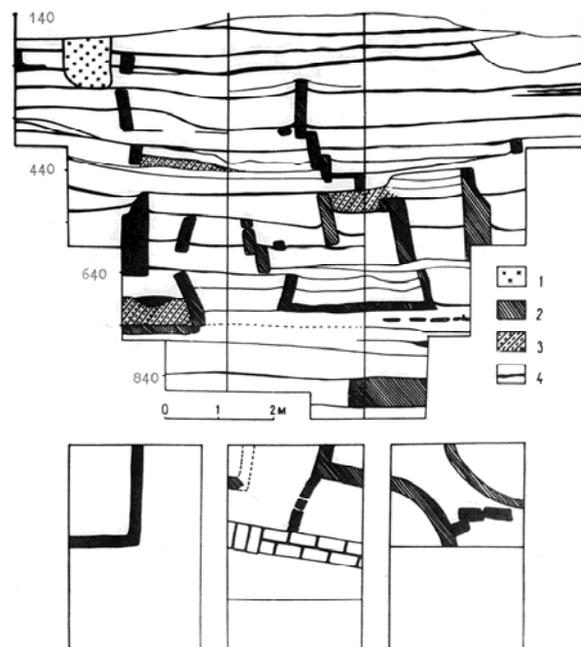

Рисунок 5. Стратиграфический шурф № 2.

1 - яма с материалами 1 тыс. до н.э. 2 - сырцовые стены и глинобитные забутовки; 3 - завалы; 4 - полы и зольные прослойки. Внизу слева: план шурфа на отметке -300 см, в центре план на отметке -600, справа план на отметке -690 см.

Пятый стратиграфический горизонт (низ 715, верх 650-630 см). Начало слоев этого горизонта связано с появлением нового уровня пола (715 см), на котором возведено еще одно круглое в плане сооружение (рис. 5). В отличие от первого, более древнего, стены его возведены не на глинобитном основании, а рядом с ним - глинобитная «подушка» появилась уже после возведения стен. На этом этапе про-

должает функционировать и первая постройка, но она, по-видимому, подвергается капитальному ремонту. На полу помещения образуется слой сырцового завала толщиной 0,6 м. Выше располагается мощная зольная линза. С этим стратиграфическим горизонтом связан еще один уровень пола на отметке -670 см. Заполнение между постройками представлено рыхлыми мусорными отложениями преимущественно темно-серого цвета с белыми крапинами солей. Между постройками обнаружен неровно выложенный ряд сырцовых кирпичей, возможно, являющийся остатками перемычки, закрывающей проход между ними (рис. 5). Ранняя постройка на последнем этапе (после возникновения пола с отметкой -670 см), вероятно, уже не функционировала, верхняя часть круглого помещения заполнена красноватой золой.

Шестой стратиграфический горизонт (низ 650-630, верх 590-580 см) выделяется по двум признакам. Во-первых, на отметках 645-620 см находится основание капитальной стены, существовавшей в течение нескольких строительных периодов. Во-вторых, с отметки 640 см начинается кладка тонкой стенки какого-то сооружения и связанный с ним уровень древней поверхности. Заполнение, как внутри этого помещения, занимающего северо-западную часть шурфа, так и вне его, представлено рыхлым мусором с большой примесью золы. Капитальная южная стена сложена из сырца 49 x 22 x 12 см. Ширина стены 0,5 м, сохранившаяся высота 1,7-1,8 м. Кирпичи в кладке уложены по-разному, на одном участке – вдоль направления стены, на другом – поперек (рис. 5).

Седьмой стратиграфический горизонт (низ 590, верх 565-520 см). Начало «горизонта» четко обозначено зольным слоем древней поверхности, залегающим почти горизонтально. На этом этапе капитальная южная стена продолжала функционировать в прежнем виде, а тонкие стены полностью перестраиваются. В северо-восточной части шурфа фиксируется появление еще одного сооружения. Заполнение к северу от капитальной стены представлено рыхлым мусором, а к югу от нее залега-

ет мощный зольный сброс с включением печины. Южный участок на этом этапе, вероятно, был исключен из хозяйственного пользования и служил местом свалки мусора.

Восьмой стратиграфический горизонт (низ 565-520, верх 500-470 см). Исследуемый участок на этом этапе приходит в запустение. Сооружение в северо-западной части шурфа полностью разрушается. Капитальная южная стена еще возвышается над уровнями новых полов, но верх ее уже оплыл.

Девятый стратиграфический горизонт (низ 500-470, верх 460-415 см). Начало этого этапа характеризуется практически полной нивелировкой участка, внутреннее пространство северо-восточной постройки при этом не просто засыпается, а забутовывается. От прежней постройки сохраняется только восточная часть капитальной южной стены, но толщина ее уменьшается до 25 см и она каким-то образом включается в конструкцию нового сооружения. Эта постройка почти полностью находится за пределами шурфа, зафиксирована лишь ее западная стена, сложенная из сырца размерами 48 x 21 x 12 см.

Десятый стратиграфический горизонт (низ 460-415, верх 400-370 см). В залегании этих отложений отмечается значительный уклон на север. Средняя толщина слоя около полуметра. В северо-западной четверти шурфа расчищена часть какой-то прямоугольной в плане постройки. При зачистке на уровне 400 см создается впечатление, что восточная стена этой постройки имеет кладку шириной в два кирпича. Однако в разрезе видно, что эти кладки разновременные (рис. 5). При капитальном ремонте старую стену полностью разрушать не стали, а впритык к ней с внутренней стороны поставили новую стену. Заполнение этого горизонта представлено разноцветным мусором, внутри помещения отмечена мощная гумусная прослойка.

Одиннадцатый стратиграфический горизонт (низ 400-370, верх 370-340 см) отражает какой-то период запустения. Большинство предшествующих (ниже рас-

положенных) стен нивелируется, сохраняется только «поздняя» ремонтная стена, прослеживаемая в северном борту шурфа.

Двенадцатый стратиграфический горизонт (низ 370-340, верх 305-280 см) фиксирует восстановление постройки в северо-западной части шурфа и относительно длительное ее функционирование. Заполнение внутри и вне постройки представлено тонкими горизонтально залегающими мусорными прослойками.

Тринадцатый стратиграфический горизонт (низ 305-280, верх 250-240 см) представляет новый период запустения исследуемого участка. Предшествующая постройка нивелируется, новые на этом этапе не строятся.

Четырнадцатый стратиграфический горизонт (низ 250-240, верх 210-200 см). Из сырцового кирпича размерами 48 x 22 x 14 см возводится новая постройка, фиксируемая в северо-западном углу шурфа. Она прямоугольная и снабжена капитальным очагом. Остатки помещения сильно повреждены впускной мусорной ямой середины I тыс. до н.э.

Пятнадцатый стратиграфический горизонт (низ 210-200, верх 140 см). Строительные остатки в нем не обнаружены. Заполнение рыхлое, зольно-гумусное. На отметках 180-170 см прослежена почти сплошная гумусная прослойка (рис. 5). Возможно, она отражает разделение 15-го горизонта на два, но плохая сохранность верхнего слоя не позволяет на этом настаивать.

Анализ структурных связей рассмотренных стратиграфических горизонтов позволяют выделить в истории энеолитического поселения пять крупных периодов функционирования.

I период. К нему несколько условно, из-за малой площади вскрытия, отнесены три нижних стратиграфических горизонта. Объединение их в один период, помимо стратиграфических показаний, обусловлено однородностью полученных из них материалов (рис. 6).

II период объединяет 4 и 5 стратиграфические горизонты. Общая толща культурных отложений достигает 1,5 м. В этот пери-

од последовательно рядом с друг с другом возникают две круглые в плане постройки с ложнокупольным перекрытием.

III период представлен 6-9 стратиграфическими горизонтами. Принадлежность их к одному периоду убедительно подтверждает южная капитальная стена. Одновременно с ней, последовательно сменяя друг друга, функционировали несколько небольших прямоугольных сооружений с тонкими стенами.

IV период объединяет 10-12 стратиграфические горизонты. Взамен капитальной стены и связанных с ней двух тонкостенных сооружений на исследуемом участке трижды возобновляется прямоугольная в плане постройка со стенами в один кирпич. Толщина отложений этого периода достигает 2 м.

V период. К нему отнесены три верхних стратиграфических горизонта, выделенные зольно-гумусными полами и остатками строений в среднем из них.

Различия в наборе находок из слоев разных периодов незначительны. Наиболее многочисленную и определяющую категорию находок составляет керамика, которая будет рассмотрена особо. Во всех слоях встречаются кости животных и мелкие камни, часто расколотые на части и несущие на себе следы воздействия огня. Судя по этим признакам, камни использовались для кипячения воды. Среди прочих в этом качестве использовались обломки терок из песчаника.

В 5-ом стратиграфическом горизонте найдена медная или бронзовая проколка. Она кованая, квадратная в сечении (4 x 4 мм). Длина 7 см. Один конец утончается и заканчивается ступенчатым изгибом, второй - прямой, постепенно приобретает округлое сечение. Найдены 4 терракотовых прясла. Два из них связаны с третьим стратиграфическим горизонтом. Одно конической формы. Со стороны основания имеется округлая вмятина. Наибольший диаметр 3,8 см, высота 2,3 см. Второе - биконическое. Наибольший диаметр 4,2 см, высота 3 см. Пряслице из 12 горизонта удлиненной конической формы, диаметр основания 3,7 см. По наружному краю основания нанесены неглубокие насечки (рис. 10, 7).

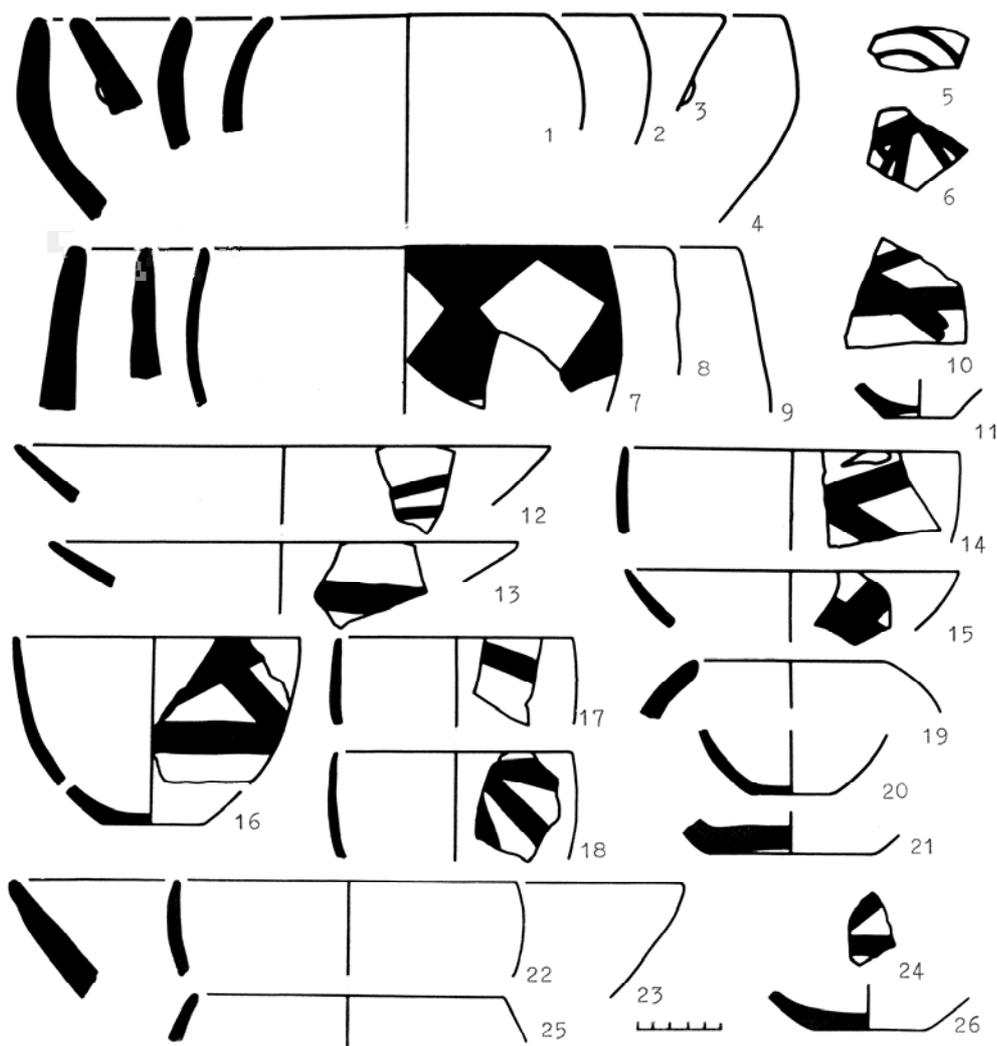

Рисунок 6. Керамика 1-го периода обжигания. 2-ой горизонт: 22-26; 3-ий горизонт: 1-21.

В 14-ом горизонте найдено пряслице конической формы, диаметр основания 4,5 см (рис. 12, 15). Для полноты сведений следует упомянуть о пряслицах, найденных в других шурфах. Из шурфа № 1 происходит изделие полусферической формы, диаметр 3,7 см (рис. 3, 20). В шурфе № 6 найдены два крупных пряслица полусферической формы. Диаметр одного из них - 6,5 см, второго - 4,2 см (рис. 3, 8, 21).

Керамика из шурфа № 2 по форме и фактуре различается незначительно (рис. 6-12). Наиболее ярким показателем ее эволюции служит орнамент. По этому признаку на Дашлы-депе выделяется два основных хронологических комплекса. Материалы I-III периодов (слои ниже отметки - 460 см) образуют ранний хронологический

комплекс, материалы IV-V периодов - поздний.

Вся керамика раннего хронологического комплекса вылеплена методом кольцевого налепа. Среди находок встречаются фрагменты со сколом на месте соединения двух полос. При изготовлении сосудов первоначально лепились отдельно придонная часть и кольца шириной 5-10 см, причем ширина полос у крупных сосудов обычно меньше, чем у тонкостенных. Обжиг, как правило, неравномерный. В фактурном отношении выделяется 7 групп.

1. Толстостенная керамика (изделия с толщиной стенки свыше 1 см). Она без ангоба или покрыта светлым ангобом (светло-серым, желтым, желто-зеленым). Нередко внешняя поверхность одного сосуда из-за некачественного обжига имеет разный цвет.

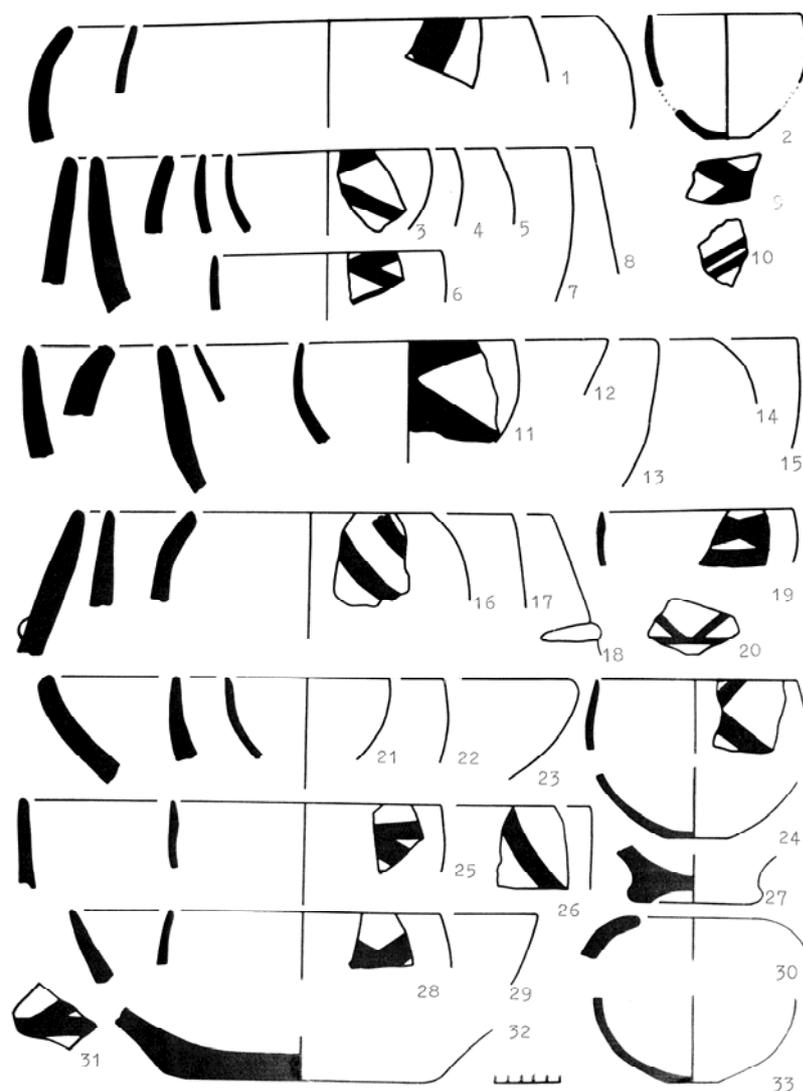

Рисунок 7. Керамика второго (№№ 11-33) и третьего периодов (1-10). 4-ый горизонт: 27-36; 5-ый горизонт: 11-26; 6-ой горизонт: 1-10.

Глиняное тесто пористое, с обильной примесью растительных частиц. Обычно это крупные фракции соломы, но встречается также растительная примесь с более тонкой структурой.

2. Толстостенная с красным ангобом. По качеству черепка она не отличается от керамики первой группы.

3. Толстостенная с росписью. В зависимости от обжига монохромная роспись имеет коричневый, красно-коричневый или черный цвет. Роспись наносилась как на светлую поверхность, так и на красный ангоб.

4. Тонкостенные изделия без ангоба. Керамика этой группы имеет более плотный черепок и более тонкую по структуре

сильно измельченную растительную примесь. Иногда стебли растений заменялись камышовым пухом. Встречаются изделия без видимой растительной примеси. Обжиг, как правило, неравномерный, на поверхности нередко встречаются темные пятна. Черепок в изломе преимущественно коричневый, реже розовый, желтый или зеленовато-желтый.

5. Тонкостенная ангобированная керамика. Ангоб красно-коричневый, двухсторонний. Часть сосудов залощена. Лощение иногда в виде беспорядочных редких линий, но чаще тщательное, зеркальное. Во многих случаях полировалась даже внешняя сторона дна.

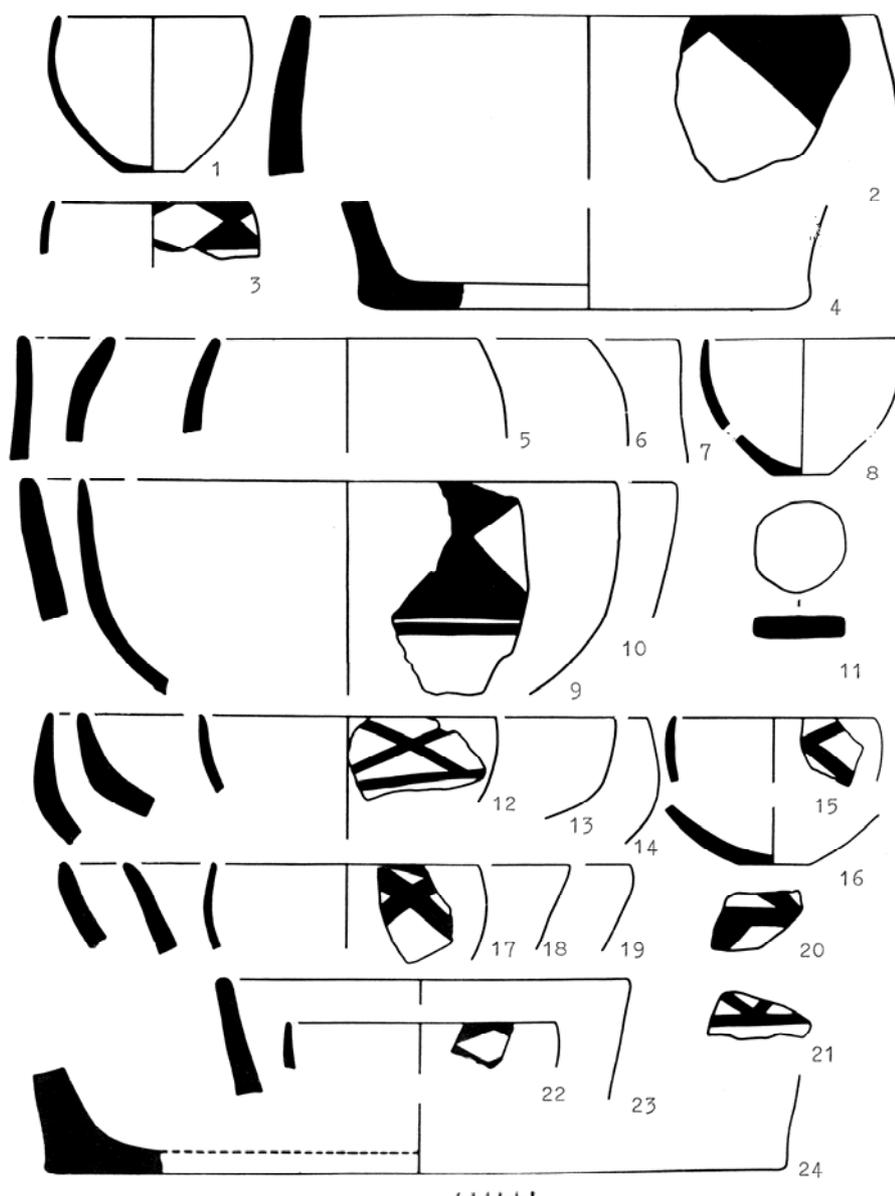

Рисунок 8. Керамика третьего периода обживания. 7-ой горизонт: 5-24; 8-ой горизонт: 1-4.

6. Тонкостенная расписная керамика. Роспись наносилась темно-коричневой или черной краской. Расписывались преимущественно красноангобированные сосуды. Во всех случаях роспись расположена в верхней трети сосуда и образует кольцевой фриз. Нанесена она на внешнюю сторону сосуда, но у некоторых сильно открытых форм встречается двухсторонняя роспись.

7. Керамика с примесью дресвы. Примесь мелких окатанных камушков или специально дробленного камня встречается у изделий с разной толщиной стенок. Примесь камня, как правило, обильная. Обжиг неравномерный.

Количественное соотношение отдельных групп керамики представлено на таблицах 1 и 2. При пользовании их данными следует учитывать некоторую условность подсчетов. Красный ангоб легко отслаивается и на некоторых мелких фрагментах он мог быть полностью утрачен. Такие черепки попали в разряд неангобированных. Часть фрагментов расписных сосудов по тем же причинам, проходит по другим категориям. В итоге процент ангобированных и расписных изделий, очевидно, несколько занижен.

Группы толсто- и тонкостенных изделий количественно примерно равны и представляют соответственно хозяйственную и столовую посуду.

Таблица 1. Количественное распределение керамики*

Стратиграфические горизонты	Фактурные группы							S
	Толстостенная			Тонкостенная			Керамика с дресвой	
	со светлой поверхностью	С красным ангобом	С росписью	Без ангоба	С красным ангобом	С росписью		
1	2	3	4	5	6	7		
1.	0/5	0/0	0/0	0/0	0/3	0/0	0/2	0/10
2.	1/11	0/1	0/0	1/0	0/4	2/2	0/1	4/23
3.	11/141	2/15	0/1	2/3	9/48	11/16	0/0	35/224
4.	13/82	0/3	1/0	0/0	1/8	6/1	0/0	21/94
5.	10/34	3/10	0/1	0/0	15/76	8/15	0/2	36/139
6.	17/171	1/9	0/0	2/2	7/59	8/15	1/12	36/268
7.	11/109	3/4	½	0/1	2/32	7/5	2/2	26/155
8.	1/34	2/3	1/0	0/0	2/13	3/5	0/1	9/56
9.	3/51	0/5	0/2	1/0	3/15	1/1	1/4	9/78
10.	11/125	6/12	3/4	2/1	2/22	8/4	0/0	32/168
11.	12/95	1/10	3/2	0/0	6/19	5/5	3/0	30/131
12.	5/15	1/0	0/0	0/3	0/8	0/4	0/0	6/30
13.	3/85	3/15	0/1	1/5	4/40	7/12	1/2	19/160
14.	4/62	5/4	0/2	2/7	3/29	7/12	1/4	22/120
15.	3/57	1/6	1/1	0/5	3/14	20/5	0/3	28/91

* - В числителе указано количество венчиков, в знаменателе – стенок.

Таблица 2. Количественное распределение керамики по периодам (учет по венчикам)

Период	Фактурные группы							S
	1	2	3	4	5	6	7	
I	12	2	0	3	9	13	0	39
II	23	3	1	0	16	14	0	57
III	32	6	2	3	14	19	4	80
IV	28	8	6	2	8	13	3	68
V	10	9	1	3	10	34	2	69
S	105	28	10	11	57	93	9	313

Для толстостенной керамики выделяются следующие основные виды изделий.

1. Крупные горшки (в некоторых публикациях они называются корчагами или хумчами). Для них характерна биконическая или цилиндрико-коническая форма тулова, дно плоское или слегка вогнутое (рис. 13). Венчики преимущественно 30-45 см в диаметре, но встречаются также изделия с 50 и даже 58 см. Донца обычно имеют диаметр 10-15 см, но изредка встречаются диаметром 20-30 см, а в 7 стратиграфическом горизонте найдено дно диаметром около 50 см (рис. 8, 24). Целых сосудов нет, поэтому точные данные об их вы-

соте отсутствуют. Судя по аналогиям (Хлопин, 1963, табл. IV, XV), она несколько превышала диаметр венчика. Некоторые сосуды этого типа несколько ниже венчика имеют декоративные налесты в виде одного или двух горизонтальных широких валиков (рис. 9, 1).

2. Биконические тазы и миски. Морфология этих сосудов та же, что у биконических горшков - отличие в большей приземистости. Диаметр венчика относится к высоте сосуда примерно как 2,5:1. Верхняя половина (или треть) этих сосудов поставлена вертикально или слегка развернута наружу (рис. 12, 26).

Рисунок 9. Керамика четвертого периода. 9-ый горизонт: 19-26; 10-ый горизонт: 1-19.

3. Полусферические тазы и миски, точнее сосуды в виде шарового сегмента. Представление о пропорциях дает сосуд, найденный в 13-ом горизонте. Диаметр его венчика 45 см, дна 14, высота около 23 см (рис. 11, б).

4. Конические миски. Сильно уплощенные сосуды с прямыми стенками и плоским дном.

5. Сосуды с шаровидным туловом. Форма полностью не восстанавливается. Для них характерен сильно загнутый внутрь венчик диаметром 10-23 см. Наибольший

диаметр тулова превосходит диаметр венчика примерно в два раза (рис. 13, 12).

Для *тонкостенной керамики* характерны следующие формы.

1. Глубокие, бокаловидные чаши (кубки). Это сосуды с широким устьем и яйцевидной формой резервуара. Венчик слегка загнут внутрь или поставлен вертикально (рис. 13, 1). Отношение диаметра венчика к высоте 1,2:1. Донца известны трех разновидностей: плоские, вогнутые и с кольцевым поддоном. Преобладают плоскодонные кубки.

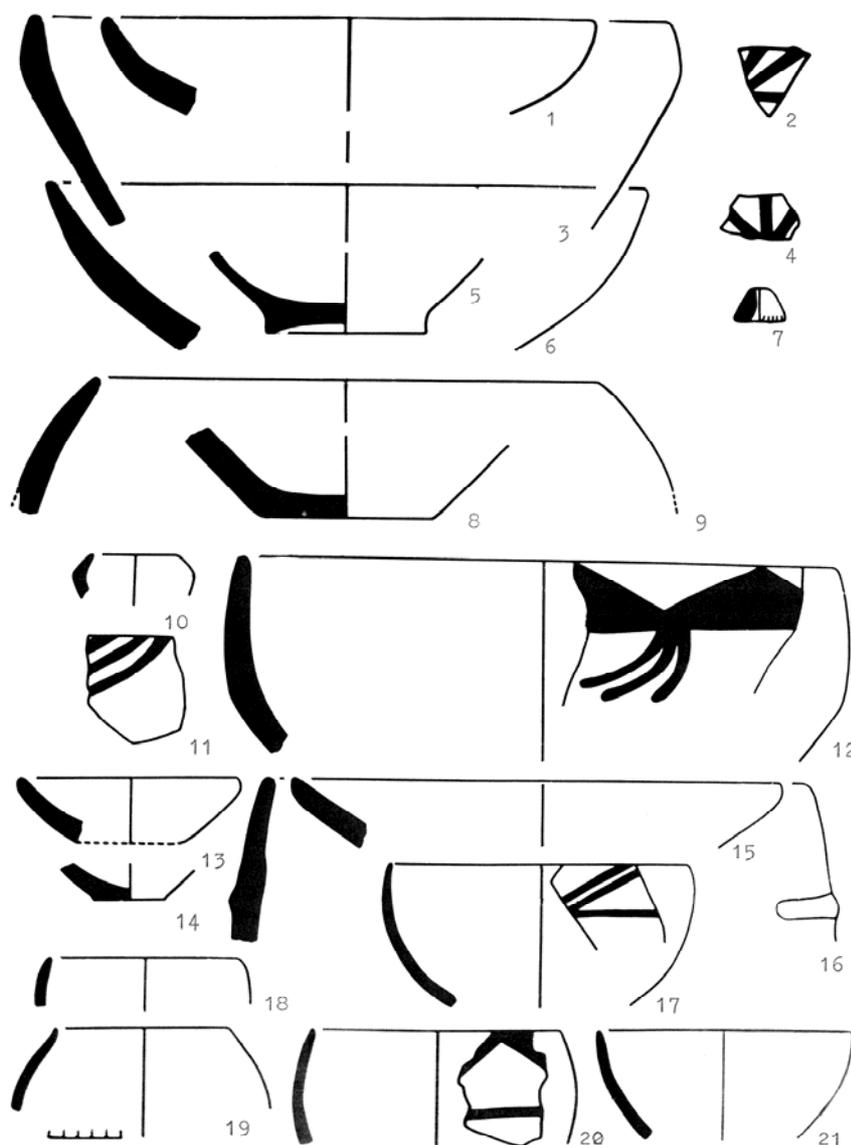

Рисунок 10. Керамика четвертого периода. 11-ый горизонт: 10-21; 12-ый горизонт: 1-9.

Кольцевой поддон лишь один, причем не исключена его принадлежность к толсто-стенным изделиям (рис. 13, 13). Бокаловидные чаши образуют самую многочисленную группу среди тонкостенной керамики.

2. Полусферические чаши. Характеризуются большей приземистостью. Диаметр венчик в 1,5-2 раза превышает высоту.

3. Полусферические миски. От чаш отличаются большими линейными размерами венчиков (диаметр больше 20 см).

4. Конические миски для них характерны прямые, или почти прямые, стенки полого сужающиеся к плоскому дну.

Описанные типы представляют наиболее простые в изготовлении формы керамических изделий. Четкого обособления отдельных типов нет. Имеется значи-

тельное количество фрагментов, отнесение которых к тому или иному типу вызывает большие затруднения.

В раннем комплексе орнаментировалась примерно треть всей керамики. Расписывались преимущественно тонкостенные, столовые изделия. Количество расписных толсто-стенных сосудов составляет около 3% от общего количества изделий и они преимущественно связаны с поздними стратиграфическими горизонтами.

Наиболее популярный мотив росписи: ромбовидные фоновые фигуры (Хлопин, 1963, табл. XXV, тип 18) и бордюр из широких пересекающихся зигзагообразных линий (по Хлопину - тип 50).

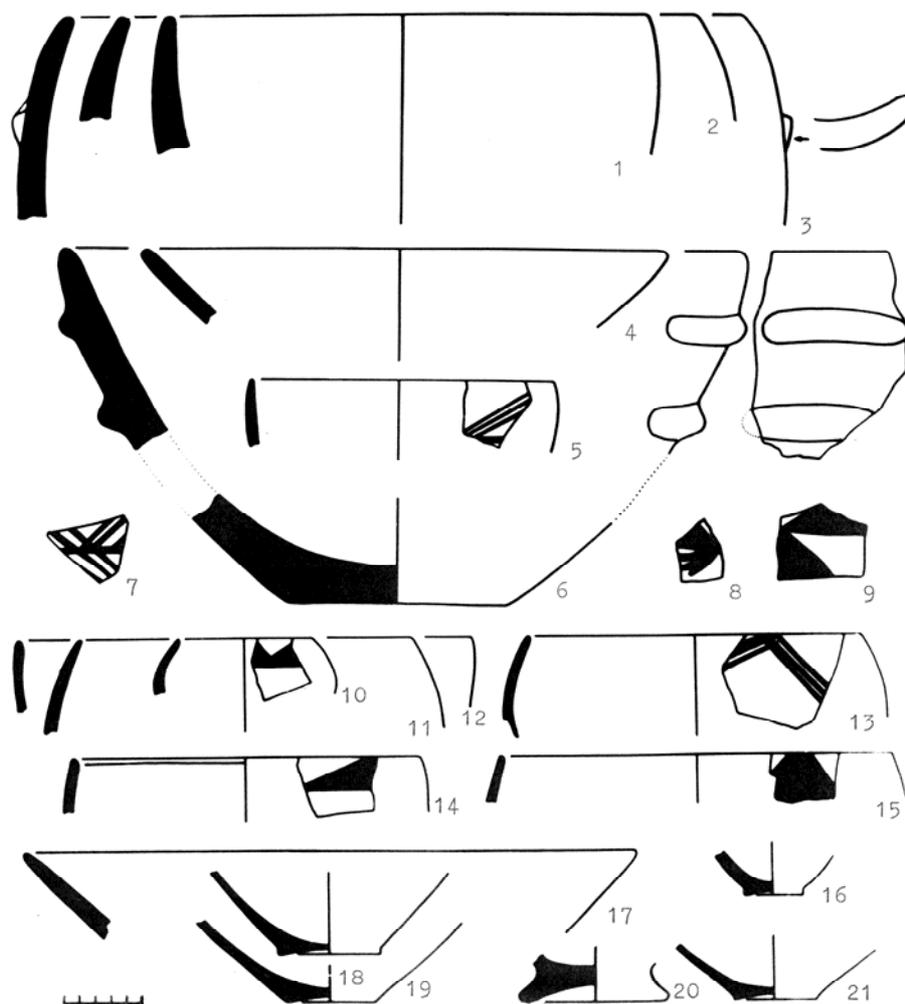

Рисунок 11. Керамика пятого периода. 13-ый горизонт.

Встречаются также бордюры выполненные из нескольких тонких зигзагообразных параллельных линий (по Хлопину – контурные треугольники). На внутренней стороне некоторых изделий рисовались концентрические дуги, обращенные выпуклой стороной к центру сосуда (рис. 14).

Поздний керамический комплекс Дашлы-депе представлен материалами из слоев четвертого и пятого периодов. Для него характерны те же 7 фактурных групп. Существенных изменений в пропорциональном их соотношении не происходит.

Следует отметить небольшое уменьшение доли толстостенных изделий (45 %) и некоторую перегруппировку внутри этой категории керамики - несколько увеличивается число красноангобированных и расписных сосудов. Одновременно происходит увеличение доли тонкостенной расписной

керамики (эта тенденция наиболее яркое отражение получила в материалах пятого периода).

В типологии керамики также не происходит значительных изменений. Почти исчезают толстостенные шаровидные сосуды, уменьшается количество конических форм, у бокаловидных сосудов преобладающими становятся вогнутые донца, шире представлены конические поддоны. Среди тонкостенных изделий появляются сосуды с шаровидным туловом (рис. 12, 19).

Наиболее четкие изменения происходят в орнаментальных мотивах (рис. 14). Для верхних слоев Дашлы-депе характерна роспись в виде дугообразных концентрических линий, горизонтальных рядов залитых треугольников, зигзаг из параллельных тонких линий. Наиболее распространены силуэтные, залитые треугольники.

Рисунок 12. Керамика пятого периода. 14-ый горизонт: 13-33; 15-ый горизонт: 1-12.

Причем для материалов четвертого периода характерен орнамент из треугольников расположенных в один ряд, а в материалах пятого периода доминируют пояса из 2-3 рядов треугольников.

Исследователями предпринимались попытки установить внутреннюю периодизацию культуры Намазга I. А.Ф. Ганялин при описании шурфа № 1 на Намазга-депе выделил три последовательных слоя этого периода и отметил некоторые особенности каждого из них (Ганялин, 1956, с. 41-46). В.М. Массон, на основе стратиграфиче-

ских наблюдений на Кара-депе у Артыка, высказал предположение о трех хронологических стадиях в развитии этой культуры. Ранний из них (27-23 ярусы шурфа № 1) характеризуются преобладанием краснофонной керамики, на среднем (22-19 ярусы) широко распространяются светлофонные изделия, на позднем (18-16 ярусы) вновь доминирует краснофонная (Массон, 1961, с. 324-326). Но эта закономерность не нашла подтверждения при последующих исследованиях (Курбансахатов, 1987, с. 120-121). И.Н. Хлопин на основе сопо-

ставления мотивов орнаментации пришел к выводу о синхронности материалов из 16 яруса Кара-депе и 21-24 ярусов Намазга-депе; между 18-23 ярусами Кара-депе, 26-27 ярусами Намазга-депе, верхними слоями Яссы-депе и 3-им строительным горизонтом Дашлыджи-депе в Геоксюрском оазисе (Хлопин, 1963, с. 19,20, рис. 4). Однако четкая внутренняя периодизация пе-

риода Намазга-I до сих пор отсутствует. Новые раскопки на северном холме Анау (Курбансахатов, 1987) в этом отношении не дали желаемой ясности. На материалах Геоксюрского оазиса относительно хорошо выделен лишь комплекс позднего Намазга I (Массон, 1982, с. 21).

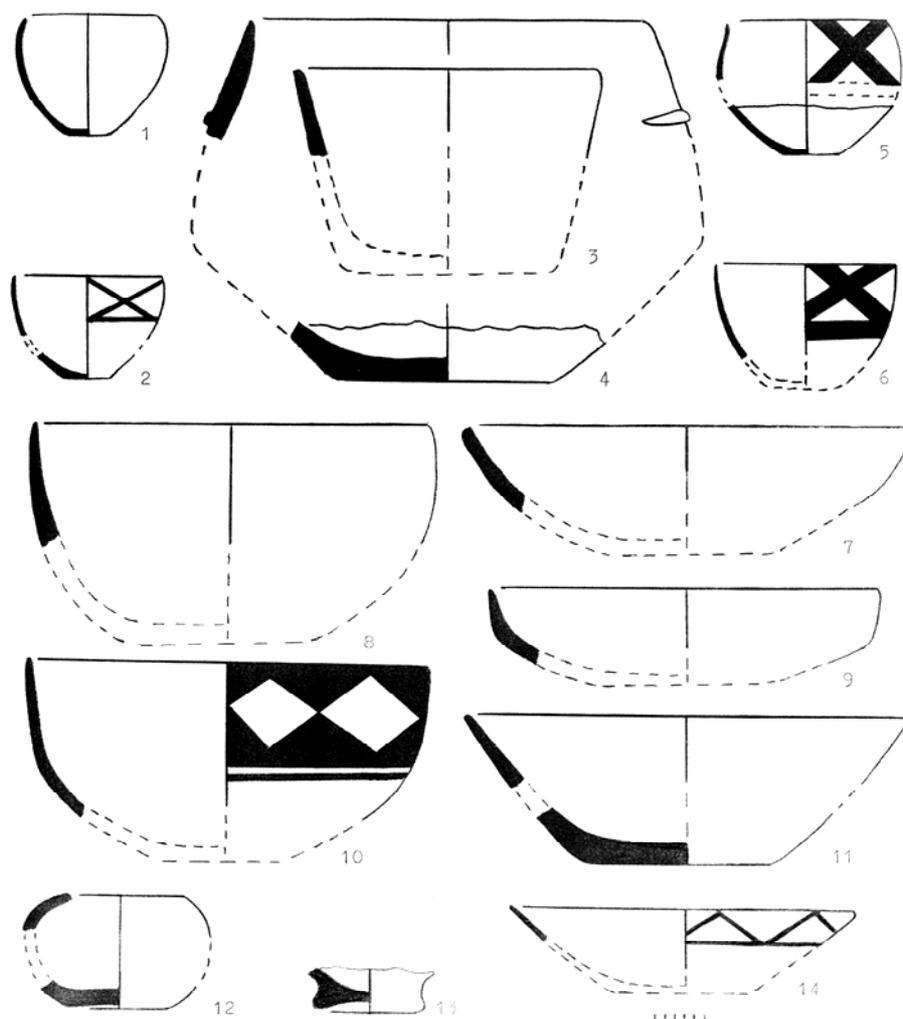

Рисунок 13. Керамический комплекс ранней стадии культуры Намазга I (по материалам Дашлы-депе).

Достаточно представительная стратиграфическая колонка Дашлы дает возможность предпринять новую попытку уточнения внутренней хронологии комплексов типа Намазга I в так называемом центральном районе подгорной полосы Копетдага на участке между Артыком и Армансагатом. Для этого района имеются детально опубликованные стратиграфические колонки Намазга-депе (Ганялин, 1956; Куфтин, 1956; Массон, 1956) и Кара-

депе (Массон, 1961). Значительные раскопки проводились на Яссы-депе и Серманча, но материалы этих исследований должным образом не опубликованы.

Среди орнаментальных мотивов времени Намазга-I одним из наиболее характерных и распространенных признается фриз из нескольких рядов силуэтных (залитых) треугольников. Он характерен для всех локальных вариантов культуры Намазга I (Хлопин, 1963, табл. XXV) и

рассматривается как своеобразная визитная карточка этой культуры. И.Н. Хлопин, обобщавший материалы по этому периоду, основываясь преимущественно на хорошо изученных памятниках Геоксюрского оазиса (восточный вариант рассматриваемой культуры), наметил эволюционный ряд трансформации этого мотива. Первоначально крупные равносторонние треугольники со временем все больше растягиваются по горизонтали и в конечном счете трансформируются в горизонтальные полосы, соединенные короткими вертикальными перемычками (Хлопин, 1963, с. 22, рис. 7). Таким образом, было установлено два последовательных хронологических этапа. Первый - распространение мотива силуэтных треугольников в их классическом варианте, второй - деградация этого мотива. Стратиграфическая колонка Дашлы-депе показывает, что в истории развития керамических комплексов типа Намазга I был еще один, более ранний этап, когда данный мотив вообще отсутствовал.

Сопоставление комплекса раннего Дашлы-4 с другими стратиграфическими колонками показывает, что к этому (раннему) этапу следует относить 27-23 ярусы центрального шурфа Кара-депе. К среднему этапу культуры Намазга I относятся 4-5 периоды Дашлы-депе, 22-19 ярусы Кара-депе и 34-29 ярусы шурфа № 1 Намазга-депе. Поздний этап представлен 18-16 ярусами центрального шурфа на Кара-депе, 28-23 ярусами шурфа № 1 и 25-16 ярусами шурфа № 5 на Намазга-депе.

На основании вышеизложенного последовательное развитие культуры Намазга I в «центральной» районе подгорной полосы Копетдага можно коротко охарактеризовать следующим образом.

Ранняя стадия характеризуется освоением преимущественно низовий местных ручьев и речек. Именно в дельтовых зонах существовали такие поселения как Кара-депе Артыкское (р. Дорунгяр), Дашлы-4 (р. Казган), Яссы-депе (р. Лоин-су). Поселения были относительно небольшими (1-2 га). Материальная культура базировалась на развитии традиций джейтунской культуры и культуры Анау IA. На связи с пер-

вой указывает приверженность к изготовлению керамики из глиняного теста с примесью растительных добавок. Влияние вторых в керамическом производстве проявилось в расширении ассортимента керамических изделий, выделке тонкостенных форм и применении красного ангоба. Видимо под влиянием носителей культуры Анау I A был осуществлен переход к строительству из формованного прямоугольного кирпича. С ними также, вероятно, следует связывать переход к возведению многокомнатных домов и, возможно, круглых в плане построек (последнее, впрочем, нуждается в дополнительных доказательствах). В целом «ранних намазгинцев» можно рассматривать как потомков джейтунцев, ассимилировавших пришлых носителей культуры Анау IA и воспринявших от них многие ценные культурные достижения.

Керамика раннего периода, как уже отмечалось, почти вся изготовлялась из глиняного теста с растительными примесями и делилась на две основные группы хозяйственную (толстостенную) и столовую (тонкостенную). Среди первой преобладают биконические и цилиндро - конические горшкообразные изделия (корчаги) и тазообразные биконической и конической формы (рис. 13). Среди тонкостенной преобладают плоскодонные бокаловидные чаши (кубки). Орнамент располагался в виде фриза в верхней трети сосуда. Роспись выполнялась бурой краской. Преобладающие мотивы: фоновые ромбические фигуры, широкие перекрещивающиеся зигзагообразные линии, одиночные зигзаги (контурные треугольники), дугообразные концентрические линии (рис. 14).

Средняя стадия. Происходит количественный рост поселений. Осваиваются территории, расположенные ближе к горам - Намазга-депе, Кара-депе у Мехина, Серманча у Армансагата. В строительной технике и конструкциях построек существенных изменений не наблюдается.

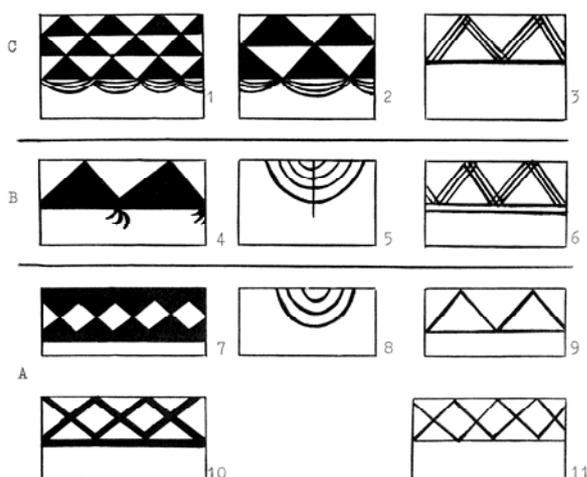

Рисунок 14. Основные орнаментальные мотивы энеолитической керамики Дашлы-4. А - периоды 1-3; В - период 4; С - период 5.

На Яссы-депе выявлены остатки парадных помещений с полихромной настенной росписью. Орнаментальные ее мотивы близки к росписи на керамике. В этот период появляются первые культовые статуэтки.

Керамический комплекс характеризуется в первую очередь появлением и широким распространением мотива силуэтных треугольников. В центральном регионе треугольники обычно располагаются в 2-3 ряда вершинами вверх. Нижний ряд снизу, как правило, снабжен дополнительными элементами в виде 3-4 дуг или веерообразных отрезков подобных дуг (рис 14). Достаточно широко распространяется орнамент в виде зигзага из трех параллельных тонких линий. Ранее известные орнаментальные мотивы также продолжают использоваться, но доля их уменьшается. При рассмотрении форм керамических изделий следует отметить постепенное исчезновение толстостенных сосудов с шаровидным туловом, увеличение числа корчаг, появление бокаловидных сосудов на коническом поддоне и толстостенных чаш с цилиндрическими стенками (рис. 15).

Поздняя стадия. Вероятно, к этому периоду относится значительное увеличение площади Намазга-депе и превращение ее в наиболее значительный поселенческий центр. Получают распространение терракотовые женские культовые статуэтки, выполненные в относительно реалистичной манере.

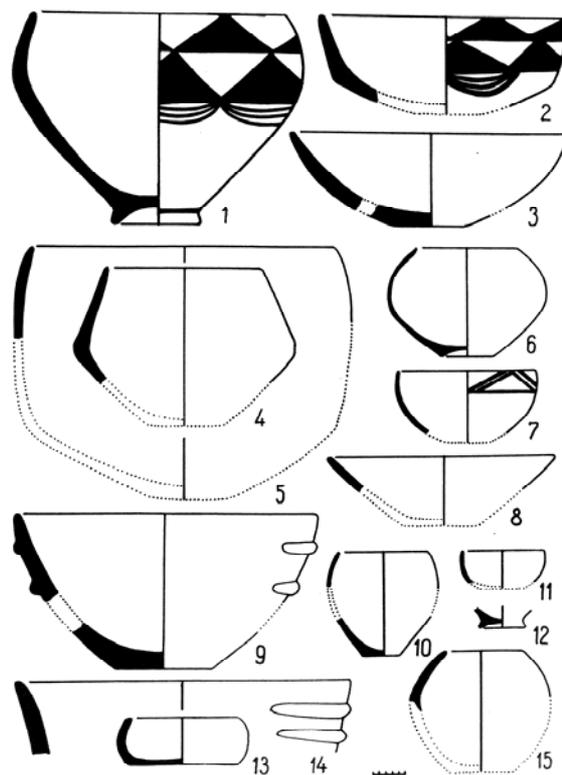

Рисунок 15. Керамический комплекс средней стадии культуры Намазга I (центральный район). 1,4,13 - Яссы-депе, остальные - Дашлы 4.

В орнаментике основным признаком позднего этапа становится деградация мотива силуэтных треугольников. Одновременно наблюдается значительное увеличение набора орнаментальных мотивов. Появляется орнамент в виде шевронов, «связки бус», «шахматной доски». Особенностью именно центрального района считается включение в орнаментальную сетку зооморфных изображений (рис. 16).

Эта характеристика отдельных этапов периода Намазга I основана на относительно малочисленном материале, поэтому в дальнейшем содержание комплексов, несомненно, будет уточнено. В настоящее время следует воздержаться от безоговорочного распространения этой характеристики на западный и восточный районы подгорной полосы Копетдага.

На западе мы попросту не располагаем документально зафиксированными материалами, за исключением Анау (результаты стратиграфических исследований А.А. Марущенко на Ак-депе Бекровинском, Го-

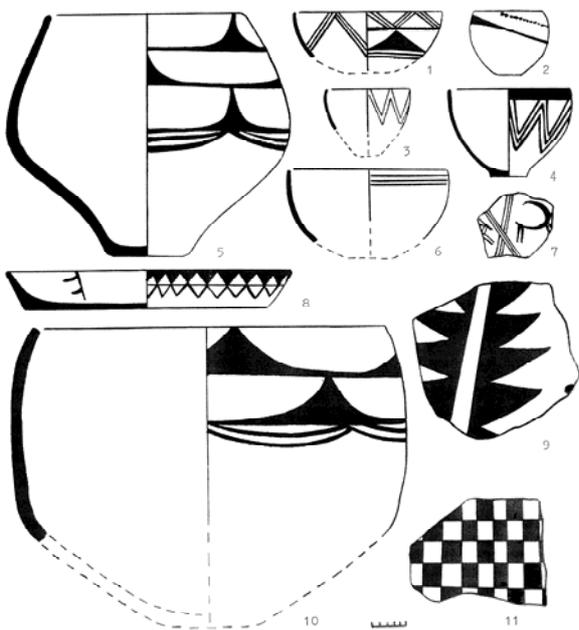

Рисунок 16. Керамический комплекс поздней стадии культуры Намазга I (центральный район). 1,5,6,7 - Намазга-депе, остальные Кара-депе.

выч-депе и Овадан-депе не опубликованы). А в восточном регионе исследованы лишь памятники с материалами поздних этапов периода Намазга I.

Нерешенным остается вопрос об абсолютном возрасте периода Намазга I. Традиционная его датировка концом V - первой половиной IV тыс. до н.э. (Юсупов, Ляпин, 1996, с. 158; Хлопин, 1963) под давлением радиоуглеродных определений многими исследователями сейчас значительно удревняется (Kohl, 1984; Курбансахатов, 1987, с. 114-129; Niebert, 1994, с. 165-166). Но общая продолжительность данного периода и его абсолютная датировка еще не уточнены.

Осложняющим фактором служит нерешенность вопроса о хронологии культур Джейтуна и Анау IA. Продолжитель-

ность и абсолютные даты джейтунской культуры еще не уточнены. Предложенные в некоторых новейших исследованиях ее датировки: все VI и даже начало VII тыс. до н.э. (Бердыев, 1969, с. 53-55; Массон, 1971, с. 54-76) - не имеет под собой надежных оснований. Радиоуглеродных хронологических определений еще слишком мало и они не выходят за пределы второй половины VI тыс. до н.э. Причем, необходимо обратить внимание, что при новейших раскопках самого Джейтуна получены даты в пределах 5200-5100 гг. до н.э. (Чарльз, 1992). Поскольку поселение Джейтун представляет раннюю стадию развития данной культуры, то для поздних ее этапов возможна датировка и началом V тыс. до н.э.

Дополнительные трудности проистекают из нерешенности вопроса о хронологическом соотношении культур Джейтуна и Анау IA. Ранее предполагалась безусловная их последовательность, теперь этой уверенности нет. Существует мнение, что комплексы типа Анау IA появились на средней(?) стадии джейтунской культуры и какое-то время с ней сосуществовали (Бердыев, 1976, с. 18; Массон, 1982, с. 17-20). Соответственно в определении начальной даты культуры Намазга I возможны колебания в несколько столетий. При принятии ранних дат Джейтуна в пределах второй половины VI тыс. до н.э. можно говорить лишь о датировке культуры Анау IB-Намазга I в рамках V тыс. до н.э. К этому следует добавить, что, судя по мощности культурных отложений и количеству стратиграфических горизонтов, эта эпоха была более протяженной, чем джейтунская или раннеанауская (Анау IA).

Литература

- Бердыев О. Древнейшие земледельцы Южного Туркменистана. Ашхабад, 1969.
 Бердыев О. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976.
 Ганялин А.Ф. К стратиграфии Намазга-тепе // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. 2. Ашхабад, 1956.

- Ганялин А.Ф.* Отчет об археологических раскопках на холме Шор-депе у ст. Баба-Дурмаз Каахкинского района. 1958 г. Рукопись. Храниться в Отделе археологии Института истории Туркменистана.
- Курбансахатов К.* Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
- Куфтин Б.А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Тр. ЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад, 1956.
- Массон В.М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Тр. ЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад, 1956.
- Массон В.М.* Кара-депе у Артыка // Тр. ЮТАКЭ. Т. 10. Ашхабад, 1961.
- Массон В.М.* Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Массон В.М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.
- Пилипко В.Н.* Некоторые итоги разведывательного изучения Дашлинского оазиса в Каахкинском районе ТССР // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. № 5. Ашхабад, 1985.
- Хлопин И.Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // Свод археологических источников. Б-3. Ч. 1. М.-Л., 1963.
- Чарльз М., Харрис Д., Лимбри С.* Образцы, взятые на радиоуглеродный анализ методом ускорительной масспектроскопии // Новые исследования на поселении Джейтун. Ашгабад, 1992.
- Юсупов Х., Ляпин А.А.* А.А. Марущенко: архивные материалы // Культурные ценности. 1996. СПб., 1998.
- Hiebert F.T.* Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.
- Kohl Ph. L.* Central Asia: Paleolithic beginning to the Iron Age. Paris, 1984.

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ГЕОКЧИК-ДЕПЕ

Осенью 1994 г. Туркмено-Французская археологическая экспедиция провела комплексные исследования на поселении Геокчик-депе, находящегося в 32 км северо-западнее села Мадау Балканского велаята Туркменистана.

Для выявления стратиграфии культурных слоев в 6 м севернее шурфа Г.Н. Лисицыной (Атагарриев, Лисицына, Прищепенко, 1977) была сделана прирезка в виде траншеи (7 x 3 м), которая на глубине 1,75 м была сокращена до 3 x 3 м. Шурф не доведен до материка. Общая мощность культурных напластований составляет 9,5 м. В центре южной стены шурфа был взят условный репер – R (0). Все глубинные отметки траншеи-шурфа даны от этого репера. Условный репер находится на 8 м ниже наивысшей точки холма и на 2,8 м выше современного уровня поверхности. В шурфе установлено 5 стратиграфических горизонтов.

I стратиграфический горизонт (XIX – середина XVI яруса), имеющий толщину наслоений в 1,65 м, представлен плотной глинисто-песчанистой супесью с включениями натёков, угольков, кусками ошлакованных стенок очага. В этом слое найдена сероглиняная и грубоглиняная керамика (как кухонная, но имеет цвет) с красноватой поверхностью.

II стратиграфический горизонт (середина XVI-XI ярус) начинается с сырцовой забутовки толщиной 25 см (нивелировочный слой), выше которой идёт плотная глинисто-песчанистая супесь с включениями извести, угольков, керамики, сменяющаяся плотным грунтовым слоем с известковыми вкраплениями, угольками, ошлакованными стенками очага, фрагментами

керамики, костями животных. Заканчивается горизонт плотным глиняным слоем с желтоватыми прожилками.

III стратиграфический горизонт (X-VII ярус) отделяется от II стратиграфического горизонта сырцовой забутовкой толщиной 40-50 см (нивелировочный слой). В горизонте выявлена стена, сложенная из крупноформатного сырцового кирпича размером 74 x ? x 7 см, уходящая под южную стену шурфа и идущую в северном направлении на расстоянии 1,4 м. Высота стены составила 1,45 м (18 рядов кладки). Эта стена имела глиняную штукатурку. Зафиксировано два уровня полов (на глубине 4,4 и 3,55 м), что свидетельствует о двух этапах обживания памятника. Культурные слои горизонта были представлены известковыми включениями, угольками, натёками, костями животных. На глубине 4,5 - 4,75 м зафиксировано большое скопление угля. В этом стратиграфическом горизонте найдены тонкостенные сероглиняные кувшины и толстостенные сероглиняные хумы, принадлежащие керамике культуры архаического Дахистана. Формат сырцовых кирпичей выявленной архитектуры характерен для культуры архаического Дахистана (Массон, 1956; Мурадова, 1991).

IV стратиграфический горизонт (VI - начало V яруса) представлен культурными остатками в виде скоплений золы, угля, прожженных слоёв, вкраплений извести, обломками сырцовых кирпичей, керамикой. В этом слое найдены ножки триподов, характерных для керамики культуры архаического Дахистана (Массон, 1956; Мурадова, 1991). На глубине 2,0 м найдено изделие из бронзы.

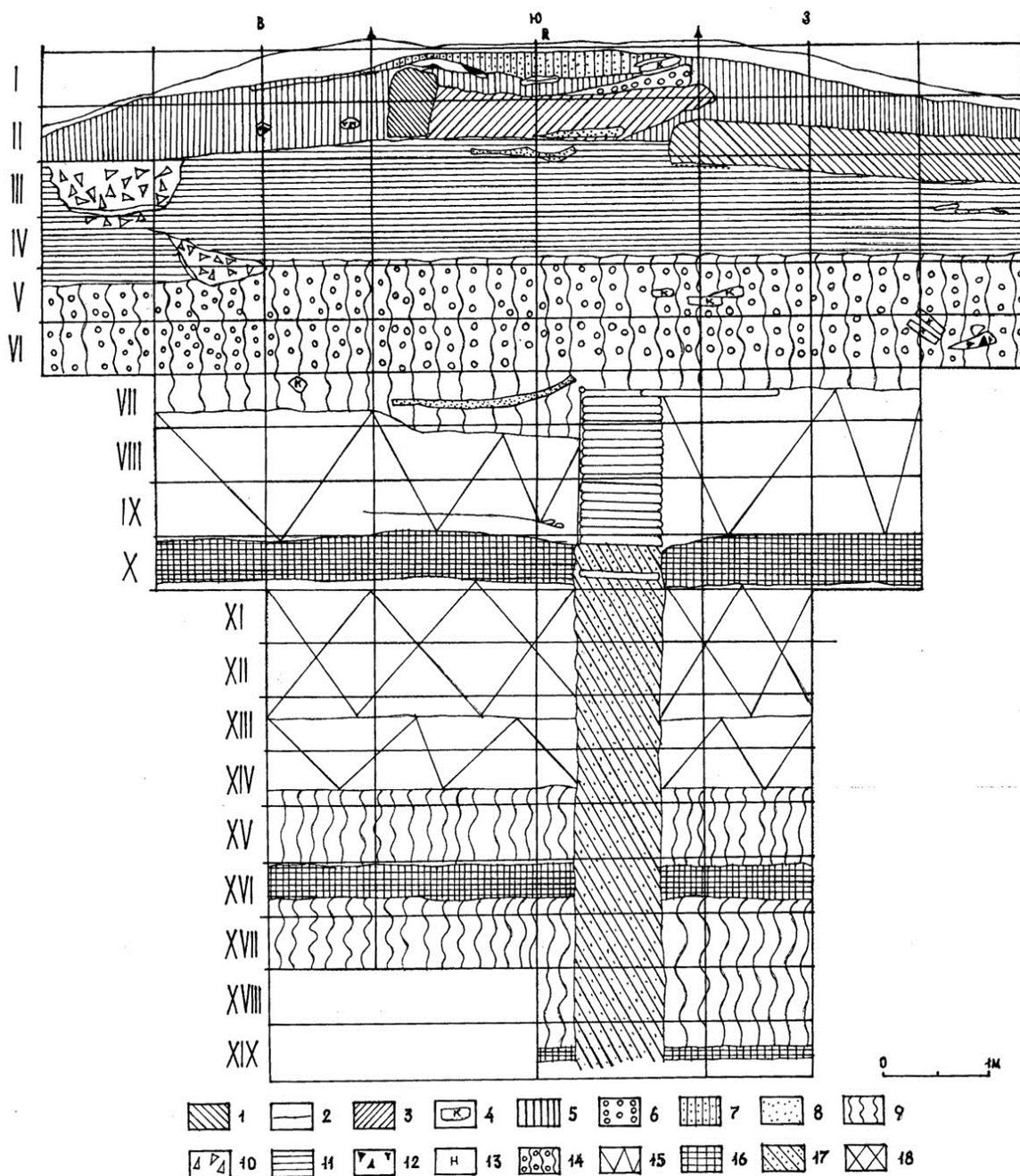

Рисунок 1. Геокчик-депе. Стратиграфический разрез шурфа. 1 – пахса; 2 – полы; 3 – чередующиеся рыхлые, гумусные и известковые слои; 4 – кирпич; 5 – рыхлый культурный слой; 6 – рыхлый глинистый слой с натёками; 7 – прожжённый, зольный, чёрно-бурый, рыхлый слой с большим количеством древесного угля, известковых вкраплений; 8 – песок; 9 – плотная глинисто-песчаная супесь с включениями керамики, извести, угольков; 10 – рыхлый слой с угольками; 11 – рыхлый слой с известковыми включениями, керамикой, песком; 12 – слои с угольками, прожжённой землёй или чёрный горелый слой с ошлакованными стенками очага; 13 – натёки; 14 – плотная глинисто-песчаная супесь с натёками; 15 – плотный грунтовый слой с известковыми вкраплениями, угольками, натёками, костями, керамикой; 16 – сырцовая забутовка; 17 – плотная песчаная супесь; 18 – плотный глиняный слой с желтоватыми прожилками.

V стратиграфический горизонт (*IV-I* ярус) состоит из мощных культурных слоев и архитектурных остатков. Судя по сохранившимся уровням полов, можно выделить 5 этапов обживания в этом горизонте. К первому, раннему, этапу относятся: зольно-угольный слой, зафиксированный в конце *IV* - начале *I* яруса; рыхлые слои с известковыми включениями, керамикой, песком; отмечается большое количество костей животных. Этот слой дал парфяно-сасанидскую керамику (с глубокими круговыми ложбинками). Второй этап обживания представлен рыхлыми слоями с известковыми включениями, керамикой, песком. Эти культурные слои лежат выше уровня пола, зафиксированного на глубине 1,45 – 1,52 м. К этому этапу относится зольно-угольный слой в виде линзы, зафиксированный на глубине 1,5 м. Третий этап обживания охватывал небольшую толщину культурных слоев, лежащих выше уровня пола. Они представляют собой глиняную промазку и находятся на уровне подошвы пахсовой стены, которая относится к этому этапу и идет с севера на юг. К четвертому этапу обживания принадлежат архитектурные остатки и культурные слои, лежащие выше уровня пола, зафиксированного на глубине 0,84 – 1,0 м (полы покаты). Полы состоят из трех плотных глиняных промазок серовато-черного цвета и идут в северном направлении по всей площади траншеи. Они прилегают к её восточной стене. На глубине 0,8 м выявлен очаг, прилегающий к северной стене

траншеи, одновременный с полом. Архитектурные остатки представлены двумя параллельными пахсовыми стенами, которые идут с севера на юг и имеющими разные уровни оснований. Это свидетельствует о том, что западная пахсовая стена использовалась как на третьем, так и на четвертом этапах обживания. А восточная стена, находящаяся выше уровня пола, была построена позже, на четвертом этапе. На глубине 0,6 – 1,0 м найдены бесформенные куски железа. К пятому этапу обживания относятся культурные остатки, лежащие выше уровня черного угольного слоя, перекрывающего восточную пахсовую стену и слои нижележащего этапа. На глубине 0,15 м фиксируется очажное пятно диаметром 0,55 м. В слоях этого этапа отмечается большое количество древесного угля, прожженных, зольных, черно-бурых, рыхлых слоев, известковых вкраплений. Основным материалом этого слоя – керамика.

Таким образом, судя по культурным напластованиям мощностью около 7 м, архитектурным остаткам и артефактам (керамике, бронзе), установлено, что *I-IV* стратиграфические горизонты относятся к культуре архаического Дахистана, существовавшей в периоды поздней бронзы и раннего железа. В вышележащих слоях, относящихся к *V* стратиграфическому горизонту, не отмечается следов запустения или перерыва жизни на поселении. Слои этого горизонта лежат выше уровня современной поверхности и состоят из материалов парфяно-сасанидского времени.

Литература

- Атагарриев Е., Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В.* Работы на Мешхед-Мисрианской равнине в 1971 г. // Каракумские древности. Вып. 5. Ашхабад, 1977. С. 92–111.
- Массон В.М.* Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956.
- Мурадова Э.А.* Поселения архаического Дахистана. Ашхабад, 1991.

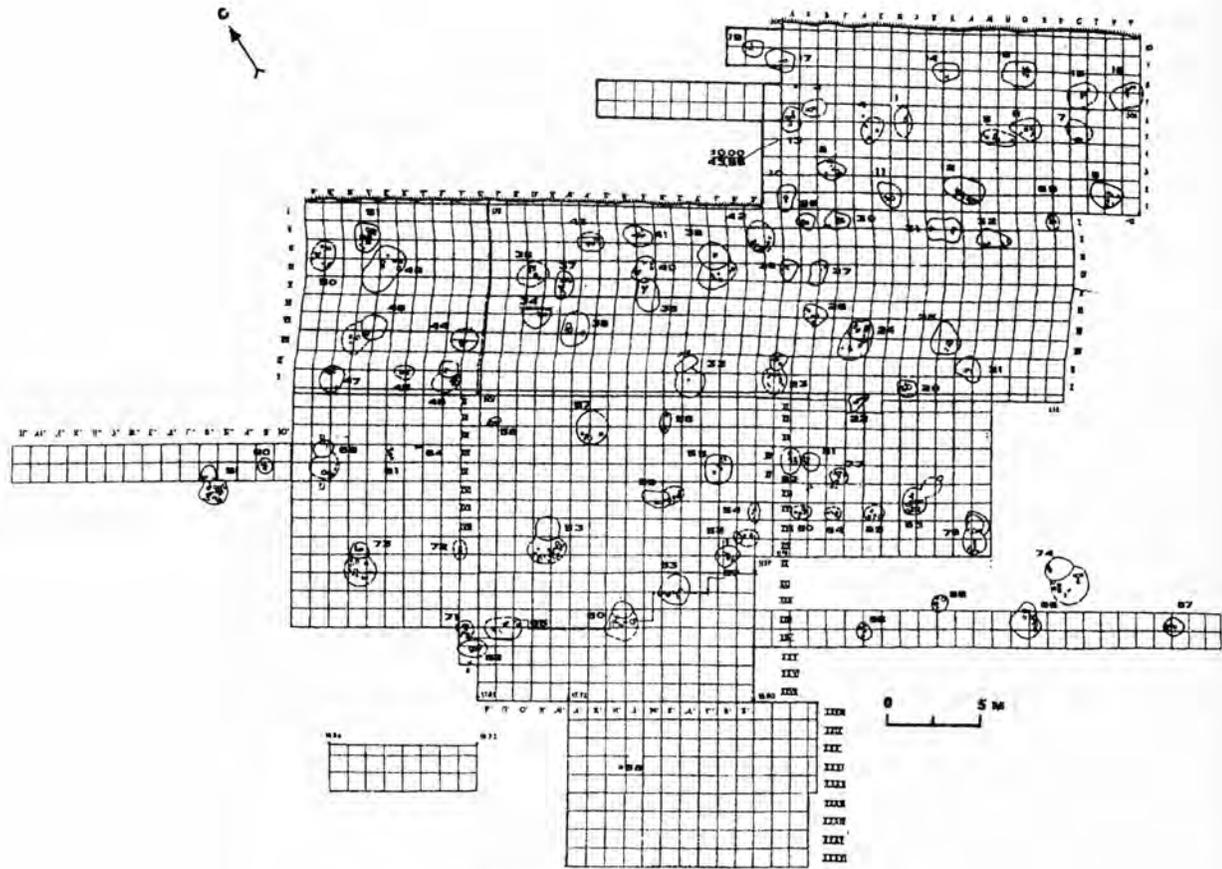

Рисунок 2. Могильник Кангурттут. План.

С западной стороны поселение связано по ущелью с другими памятниками в районе Нурека (нурекские могильники и поселения Тегузак, Дахана)¹

Могильник Кангурттут находится в 200 м к юго-востоку от поселения на высоком склоне (раскоп VII, рис. 1). Перепад высот между поселением и могильником составляет 40 м. Всего вскрыто около 1300 м² и выявлено 91 погребение. В результате раскопок можно предположительно определить границы могильника; пока не выявлена его северо-восточная граница. Судя по окраинным погребениям (№ 91, 87, 68, 19), длина могильника составляла примерно 54 м, ширина 41 м (рис. 2).

Геологическая стратиграфия на склоне, где были захоронения, следующая: сверху до глубины 0,2 м от дневной поверхности идет дерновый и гумусный горизонт, далее следуют иллювиальный

(толщиной 0,3 м) и карбонатный (около 0,7 м), который подстилается почвообразовательной породой.² Погребения находятся на расстоянии 1–3 м друг от друга, случаев перекрытия одного захоронения другим не наблюдается. Особенно много захоронений в центральной и восточной частях могильника. Несомненно, что в древности здесь существовали и надмогильные сооружения. Следы их открыты на древней поверхности на глубине 0,2–0,3 м от современного травяного покрова склона. Это один или два необработанных известняковых камня (погр. № 30, 63, 71, 72, 73) или большие куски глины (погр. № 50, 53). В некоторых случаях глина слабо обожжена, имеются следы угольков (№ 51). Иногда (№ 9, 33) рядом с могильным камнем были расчищены один или два сосуда.

¹ В древности в Кангурттут по ущелью проходил караванный путь из кишлаков в районе Нурека.

² Определения сотрудника Института геологии Таджикской АН геоморфолога П.Н. Сосина. Заполнение погребений – светло-коричневый лесс, по цвету почти не отличается от земли, в которой выкопаны могильные ямы.

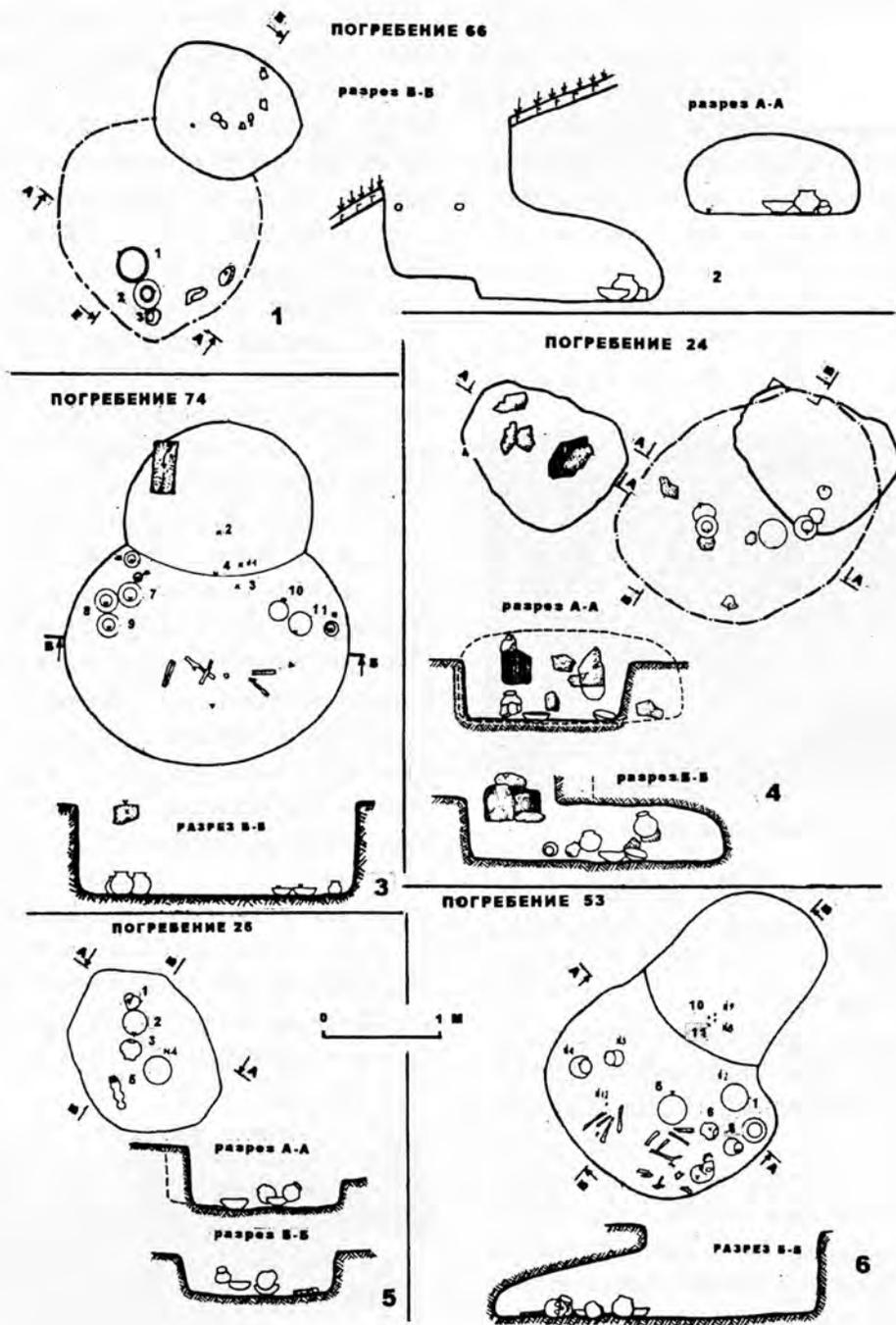

Рисунок 3. Планы и разрезы погребений № 24, 26, 53, 66, 74.

Рассмотрим конструкцию погребальных сооружений и обряд захоронения. Большая часть могил – катакомбного (рис. 3, 1, 2) или подбойного типа (рис. 3, 4, 6), но существуют и погребения в простых ямах без дромоса (рис. 3, 5)¹. В катакомбных и подбойных захо-

ронениях с древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма и затем в юго-западной стенке дромоса в сторону повышения поверхности делался подбой или катакомба, так что погребальная камера оказывалась на довольно большой глубине. Входная яма – округлых или овальных очертаний (0,9 x 0,9; 0,9 x 0,6; 1,1 x 1 м), глубиной от 0,5 до 1 м. Погребальные камеры – со сводом, овально-вытянутой

¹ Отличие катакомбной конструкции от подбойной состоит только в том, что в катакомбе погребальная камера находится на 20–30 см ниже дна входной ямы.

формы (обычные размеры: 1,3 x 1,8; 1,5 x 1,8; 1,2 x 1,5; 1,3 x 1,9 м), высотой от 0,4 до 0,8 м. В заполнении входной ямы и в погребальной камере встречаются большие комья глины (рис. 4)², редко камни, иногда фрагменты керамики, угольки и мелкие камушки. В некоторых случаях на стенках и на полу погребальной камеры наблюдаются горизонтальные натеки (погр. № 24, 26, 53) – возможно, камера осталась какое-то время открытой, т.е. незащищенной от атмосферных осадков, а, может быть, наличие воды было связано с каким-то погребальным ритуалом.

Рисунок 4. Погребение № 66.

Почти все могилы без костяков – кенотафы³. В двух случаях были встречены кости животных (погр. № 23, 53). Следов кремации не отмечено.

Погребения с ингумацией немногочисленны – всего три захоронения (№ 53, 65, 74). При этом полный скелет был расчищен только в могиле № 53 (рис. 3, 6). Конструкция погребения № 53 – подбойного типа. Входная яма сверху обозначена комом глины. Дромос 1,1 x 0,8 м, глубиной 0,8 м. В юго-западной стенке входной ямы – погребальная камера (1,9 x 1,3 м, высота свода – 0,5 м). У юго-восточной стенки рас-

чищено захоронение взрослого мужчины. Погребенный лежал в скорченном положении головой на юго-восток, лицом к входу, на правом боку. У скелета отсутствуют ребра, фаланги пальцев рук и ног. Позади черепной коробки найдены челюсть и кости барана. У головы и рук покойного стояло пять гончарных сосудов (один горшок, кубок и две миски), а около ног – один горшок и кубок. У входа в погребальную камеру расчищено несколько бронзовых пластинок (рис. 6, 34–36). На полу видны натеки. По определению антрополога Т.П. Кияткиной, умерший – европеоид восточно-средиземноморского типа.

В двух других могилах (№ 65, 74) были расчищены только фрагменты костей скелетов – черепа, длинных костей рук и ног. Погребение № 65 – подбойного типа (рис. 5). Границы входной ямы не прослеживаются. Размер погребальной камеры – 2 x 1,2 м. Здесь отрыто шесть сосудов, поставленных тремя группами: две миски; горшок и кубок; горшок и стаканчик. Все сосуды – гончарные, покрыты белым ангобом. На полу найдена миниатюрная бронзовая мисочка и обломок ножичка. Рядом с сосудами расчищены кости (часть ноги человека) очень плохой сохранности. На дне погребальной ямы были зафиксированы кусочки глины и угольки. Другое погребение (№ 74) также – подбойного типа (рис. 3, 3).

Рисунок 5. Погребение № 65.

Входная яма обозначена камнем. Размеры дромоса 1,6 x 1,6 м, глубина 1 м. В заполнении встречаются большие комья глины и угольки. На дне входной ямы в бронзовой мисочке найдены миниатюрные votivные предметы – вилы, серьга, наконечники, две ножевидные пластины, «змейка» из тонкой пластины (рис. 6, 1-11)

² Глиняные комья порой довольно внушительной величины (0,45 x 0,25; 0,5 x 0,3 м). По заключению сотрудника Института археологии РАН А.А. Бобринского, в глину иногда добавляли солому и навоз.

³ Слово *кенотаф* в переводе с греческого означает «пустая могила». Н.А. Аванесова предлагает называть такие погребения символическими или фиктивными, так как в них содержится погребальный инвентарь или глиняная фигура с изображением умершего (Avanesova, 1997, с. 151, прим. 3).

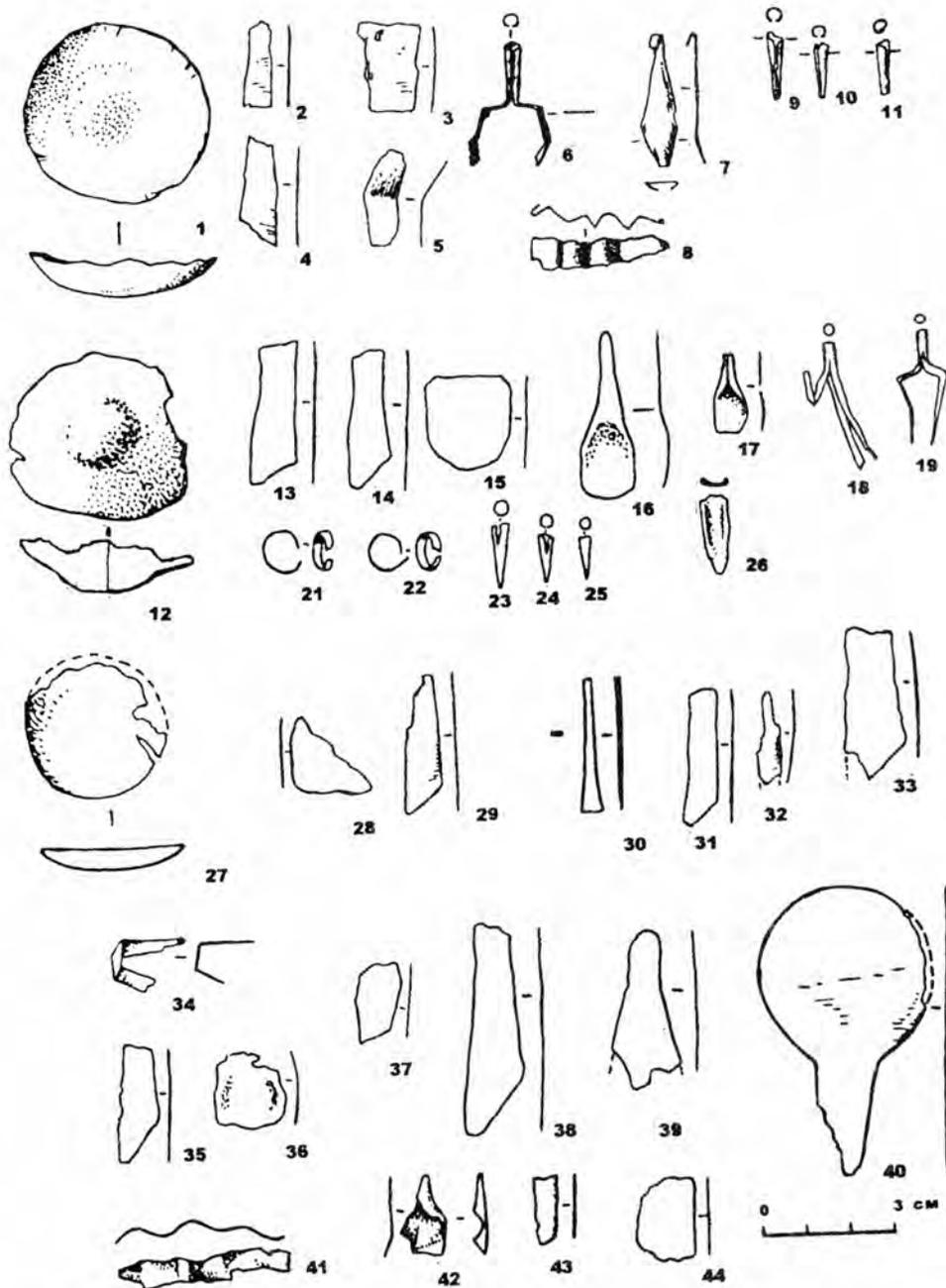

Рисунок 6. Предметы из бронзы: 1–11 (погр. № 74); 12–26 (погр. № 37); 27–28 (погр. № 23); 29, 40 (погр. № 16); 30 (погр. № 30); 31–33 (погр. 49); 34–36 (погр. № 53); 38–39 (погр. № 51); 41 (погр. № 59); 42–44 (погр. № 50).

Погребальная камера вырыта в юго-западной стенке дромоса в сторону повышения рельефа. Вход в камеру был закрыт небольшим камнем. Подбой размером 1,2 x 1,6 м, высота свода 0,7 м. В камере обнаружены круговые сосуды с белым ангобом, поставленные двумя группами – в западной части пять штук (3 горшка, 1 «кубок», 1 стаканчик), и три (ваза без ножки, чаша и «кубок») в восточной. В центре погребальной камеры открыты фрагменты костей

ног, рук и зубы женского скелета⁶. На дне найдена еще одна ножевидная пластина.

Большая часть захоронений на могильнике Кангуртгут – *кенотафы* с погребальным инвентарем, при этом в могиле всегда оставляется место для «покойного» или кладутся глиняные фигурки (погр. № 26, 73 – рис. 7, 8), иногда просто большие бесформенные комья необожженной глины

⁶ Антропологическое определение сотрудника Института археологии РАН Л.Т. Яблонского.

(рис. 4). Погребальный инвентарь ничем не отличается от захоронений с ингумацией: в могилу ставится посуда (от одного до 12 сосудов), кладутся миниатюрные бронзовые предметы (ножички, пластины, вилы, зеркальце, чашечки и т. д.).

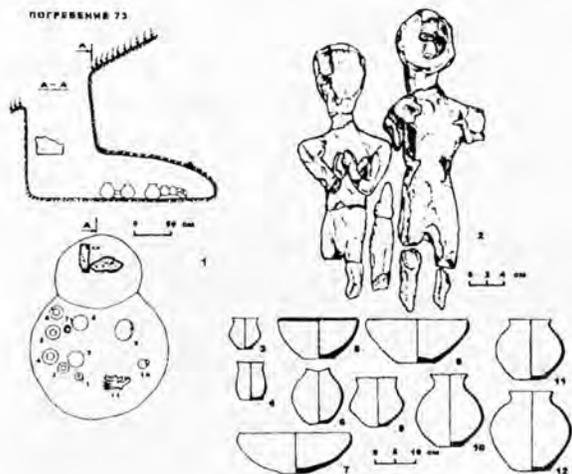

Рисунок 7. Погребение № 73.

Обратимся к рассмотрению наиболее интересных захоронений. В некоторых могилах удается зафиксировать только погребальную камеру, входная яма не сохранилась, так как могилы частично разрушены селевыми потоками.

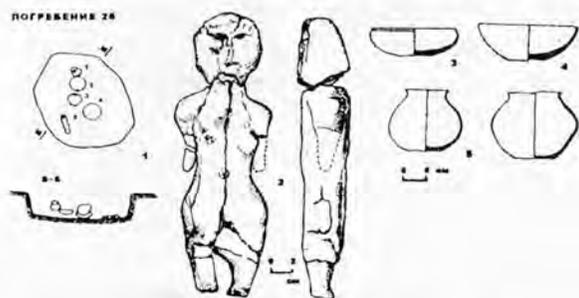

Рисунок 8. Погребение № 26.

Погребение № 23 представляет собой захоронение подбойного типа. На 0,2 м от современной поверхности расчищен дромос (0,9 x 0,9 м) глубиной 1 м. Входная яма обозначена на древней поверхности камнем и большим комом глины (0,5 x 0,25 м). В юго-западной стенке дромоса на глубине 1 м открыт подбой овально-вытянутой формы (1,35 x 1,8 м), высота свода составляет 0,75 м. В заполнении дромоса и погребальной камеры встречались фрагменты керамики, галечные отще-

пы и комочки глины. В северо-восточной части камеры у самого входа полукругом было поставлено 9 гончарных сосудов с белым ангобом: три горшка, две глубоких миски-чаши, два «кубка» и один стаканчик. Около одной из чаш на полу лежала миниатюрная бронзовая круглодонная мисочка, в которой находились бронзовые предметы: несколько пластин со скошенным краем, мелкие шарики и проволочка (рис. 6, 27–28). В западной и южной части подбоя обнаружены длинные кости ног животного⁷

Погребение № 24 (рис. 3, 4) отмечено на древней дневной поверхности четырьмя небольшими камнями; один из них лежал на большом коме глины (0,23 x 0,43 м). Обращает на себя внимание то, что глина местами обожжена, а в заполнении входной ямы вместе с глиняными комьями и камнями встречались угли. Дромос – размером 1 x 1,3 м, глубиной 0,6 м. В юго-западной части входной ямы на глубине 0,2 м от древней поверхности открыт подбой (1,5 x 1,25), высота свода 0,8 м. В погребальной камере расчищены два горшка, два «кубка», две глубокие миски и три камня (рис. 9). В заполнении могилы отмечены мелкие фрагменты костей животных, среди них один альчик. В южной части на стенках камеры и на полу видны три последовательных слоя натеков.

Погребение 26 (рис. 3, 5). Могильная яма открыта на глубину 0,5 м от современной дневной поверхности. Размеры могилы 1,3 x 1,1 м. В центре ямы расчищено 4 сосуда: два горшка и две миски, круговые с белым ангобом (рис. 8, 3-5). В юго-западной части ямы лежала глиняная женская фигурка из необожженной коричнево-красной глины (рис. 8, 2). В заполнении ямы на уровне верхнего края сосудов отмечены натски.

Погребение № 37 Сохранилась погребальная камера овальной формы, размером 1,5 x 1,1 м, глубиной 0,4 м. В центре ямы стояло семь гончарных сосудов – три горшка, три чаши и один «кубок».

⁷ По определению сотрудника Института археологии РАН В.П. Данильченко, кости принадлежат дикому животному, скорее всего, волку

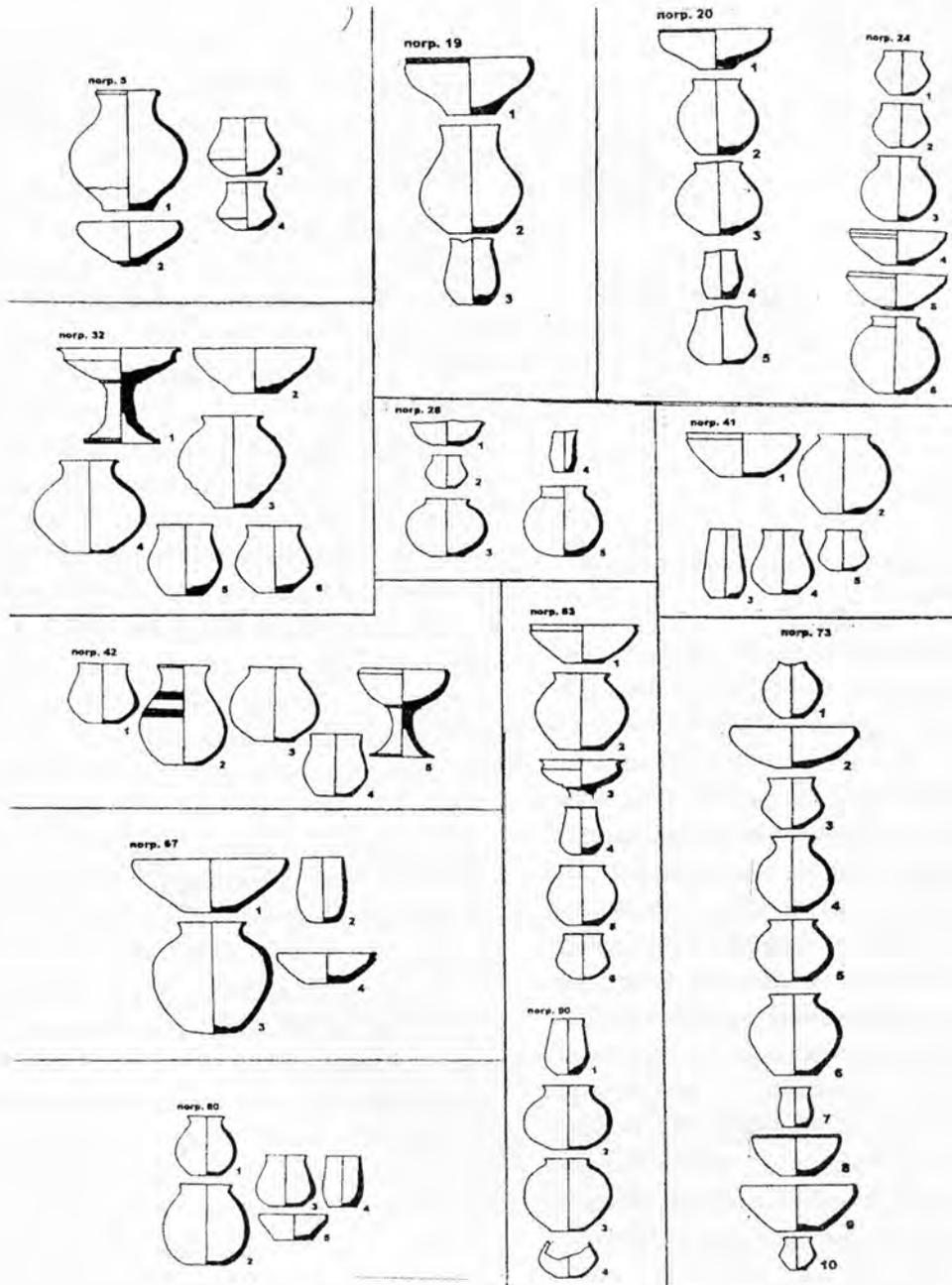

Рисунок 9. Формы посуды ранних погребений

Рядом расчищена миниатюрная бронзовая плочка с бронзовыми изделиями (ножевидные пластины, круглое зеркальце, лопаточка, вилы, колечки - рис. 6, 12-26).

Погребение № 60 – подбойной конструкции. Границы входной ямы проследить не удалось, за исключением юго-западной стенки, в которой вырыта погребальная камера (1,95 x 1,75; высота свода 0,45 м). В заполнении дромоса встречались комья глины и мелкие камушки. На дне камеры – сосуды, расположенные двумя группами: два – горшок и «кубок» и четыре – ваза, горшок, банка и миска на поддоне (рис. 9,

1-6). Вся посуда сделана на гончарном круге. Рядом с вазой (№ 6) – миниатюрная бронзовая плочка, а в ней – другие предметы: вилы, ножевидные пластины, бритвы, наконечники, «змейка» (рис. 10, 7-18). Недалеко расчищен еще один предмет – пластина с разрезанными с двух сторон концами (рис. 10, 12). В центре камеры открыты большие комья глины с примесью керамической крошки.

Погребение № 73 - подбойного типа (рис. 7). Входная яма отмечена двумя камнями. Размеры дромоса 1 x 1,2 м, глубина около 1 м.

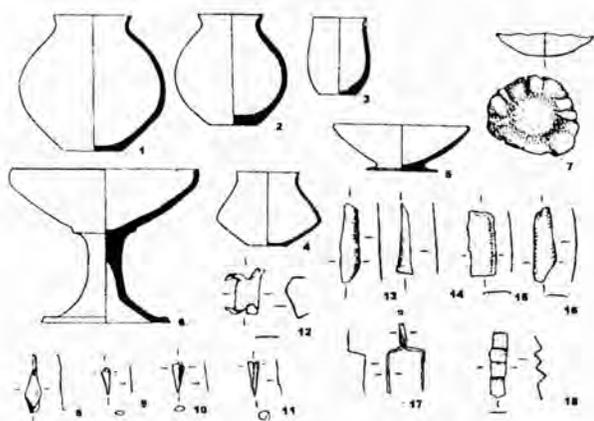

Рисунок 10. Сопровождающий инвентарь из погребения № 66.

В заполнении встречались комья глины. В юго-западной стенке входной ямы вырублена камера (площадью 1,8 x 1,3 м, с высотой свода около 0,5 м). В погребении по всей поверхности открыто десять круговых сосудов с белым ангобом (два кувшина, два «кубка», три миски, банка, два горшка). На дне расчищено миниатюрное бронзовое зеркальце и несколько маленьких бронзовых пластинок. В южной части камеры у стенки лежали две фигурки из необожженной глины. Это изображения взрослых людей – предположительно мужчины и женщины. Между ними – маленькая фигурка, изображающая ребенка или какой-то предмет. Статуэтки объемные, слеплены схематично, руки представлены в виде выступов, ноги – согнутыми в коленях (рис. 7.2). Скелет в могиле отсутствует.

Погребение № 83 - катакомбного типа. Сверху оно отмечено большим камнем из известняка (40 x 28 x 16 см), лежащим над входной ямой на глубине 0,2 м от современной поверхности. Контуры ямы проследить не удалось. Погребальная камера выкопана в юго-западной части дромоса. Вход в нее забит большими комьями необожженной глины (12 x 14 x 5; 13 x 8 x 7; 7 x 6 x 3; 13 x 8 x 5; 12 x 7 x 5 см). В глине встречаются угольки, камушки, маленькие фрагменты керамики. Размеры камеры 1,6 x 1,3 м; предполагаемая высота свода – 0,6 м. Дно погребальной камеры на 0,2 м ниже дна входной ямы. В юго-западной части расчищено шесть керамических гон-

чарных сосудов: один большой горшок, кувшин, два «кубка», миска и верхняя часть вазы - чаши (рис. 11). Бронзовых вещей в погребении не найдено.

Погребение № 88 - катакомбного типа. Входная яма (0,7 x 0,8 м) расчищена на глубине 0,2 – 0,3 м от современной поверхности. Стенки ямы прямые. В юго-западной стенке дромоса в сторону повышения склона выкопана погребальная камера размером 1,1 x 1,7 м; высота свода – 0,7 м. Дно камеры на 0,3 м ниже дна входной ямы, и поэтому спуск в погребальную камеру оформлен уступом. У входа в камеру на дне дромоса расчищен большой фрагмент глины. На дне погребальной ямы в юго-восточной части найдено семь гончарных сосудов – три горшка, две миски, «кубок» и стаканчик (рис. 12). В противоположном, юго-западном, углу погребальной камеры расчищен лепной круглодонный сосуд очень плохого обжига серого цвета (№ 8). Центральная часть камеры свободна и по размерам достаточна для захоронения человека в скорченном положении.

Погребение № 91 - катакомбного типа. С глубины 0,2 м обозначились контуры входной ямы (0,85 x 1 м, глубина 0,8 м). Заполнение ямы отличалось вкраплениями фрагментов глины. Погребальная камера выкопана в юго-западной стенке входной ямы. Вход частично забит камнями и большими кусками глины. Дно погребения заглублено на 0,3 м ниже дна входной ямы, и, как в захоронении № 88, вход в камеру уступчатый и узкий. Площадь камеры – 1 x 1,7 м, высота свода 0,7 м. На дне, в восточной части, выявлено семь стоявших рядом круговых сосудов – два горшка, две миски, два «кубка» и один стаканчик (рис. 12). В противоположной стороне, в западной части, найден только один глиняный сосуд – лепной (№ 8). На дне погребальной камеры расчищены большой камень (0,26 x 0,10 м) и крупные комья глины (0,2 x 0,3 м).

Погребальный инвентарь могильника представлен керамикой, миниатюрными предметами из бронзы и фигурками из необожженной глины.

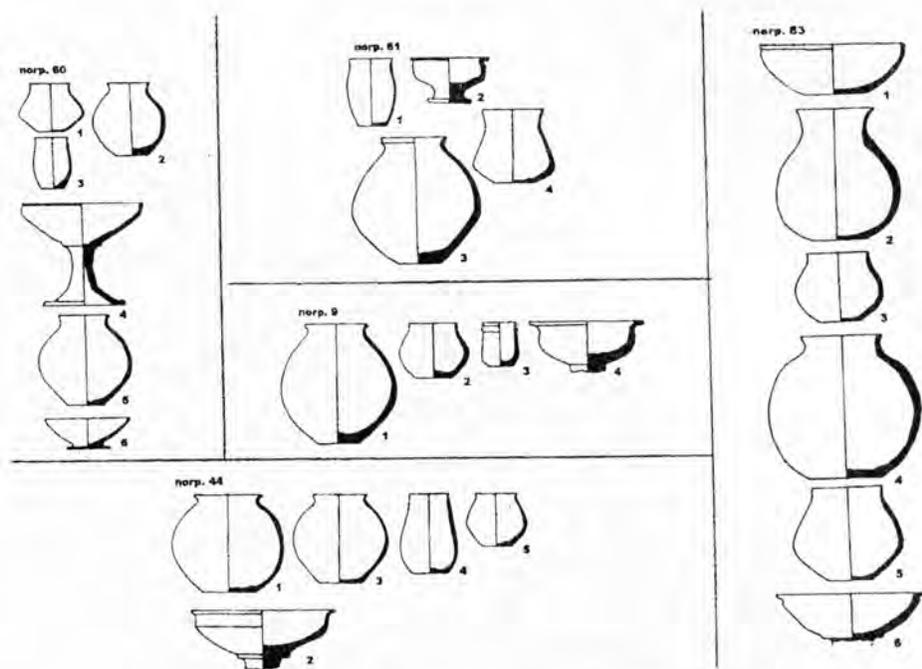

Рисунок 11. Формы посуды поздних погребений

Посуда в могилах располагается группами, обычно по два-три сосуда, или в один ряд. Часто встречается посуда с керамическим браком (плохо обожженная) или вышедшая из употребления (вазы без ножек). Обычный набор: горшки большие и небольшие, стаканчики, «кубки», миски или чаши, реже вазы и кувшины (рис. 13). Из общего керамического набора (419 сосудов), всего 7 – лепные, остальные сделаны на гончарном круге. Одно погребение (№ 69) выделяется из ряда других керамикой, характерной для бешкентско-вахшской культуры. Интерес представляют два погребения (№ 88, 91), где на одной стороне могилы была поставлена группа предметов гончарной посуды, а на противоположной – лепной сосуд, в центре же оставлено место для покойного.

Посуда, изготовленная на гончарном круге, сделана из теста хорошего качества. Ангоб, главным образом беловатый и лишь иногда красный, покрывает верхнюю часть сосуда, в редких случаях его поверхность целиком. Красный ангоб на керамике встречен в трех погребениях – № 11, 22, 36 (рис. 14) и один раз в погребении № 69, в котором обнаружена бешкентско-вахшская посуда (Виноградова 2004, с.161, рис. 38, 15-17). В верхней половине изделия часто имеется горизонтальное или верти-

кальное лощение. Различаются следующие формы: большие горшки (134 шт.), «кубки» и «стаканчики» (138), миски и глубокие чаши – 104; вазы – 25 (из них 10 – с обломанной ножкой); кувшины – десять, поильник – один.

На основе анализа керамического материала, из поселения и могильника Кангурттут, проведенного автором совместно с доктором Джованна Ломбардо и доктором Томасом Гетцельтом,⁸ была разработана типологическая схема основных форм посуды. Всего было выделено 17 типов сосудов с вариантами для каждого из типов в том числе на могильнике – 11 типов основных форм сосудов (табл. I). На таблице II показана частота встречаемости керамических типов в могилах. Для круговой керамики характерны семь типов посуды в разных вариантах; встречаются сосуды миниатюрных форм.

⁸ Джованна Ломбардо (сотрудник Музея восточного искусства в Риме), Томас Гетцельт (сотрудник немецкого Археологического Института) работали в рамках совместного проекта с Институтом востоковедения РАН по изучению памятников эпохи бронзы в Южном Таджикистане

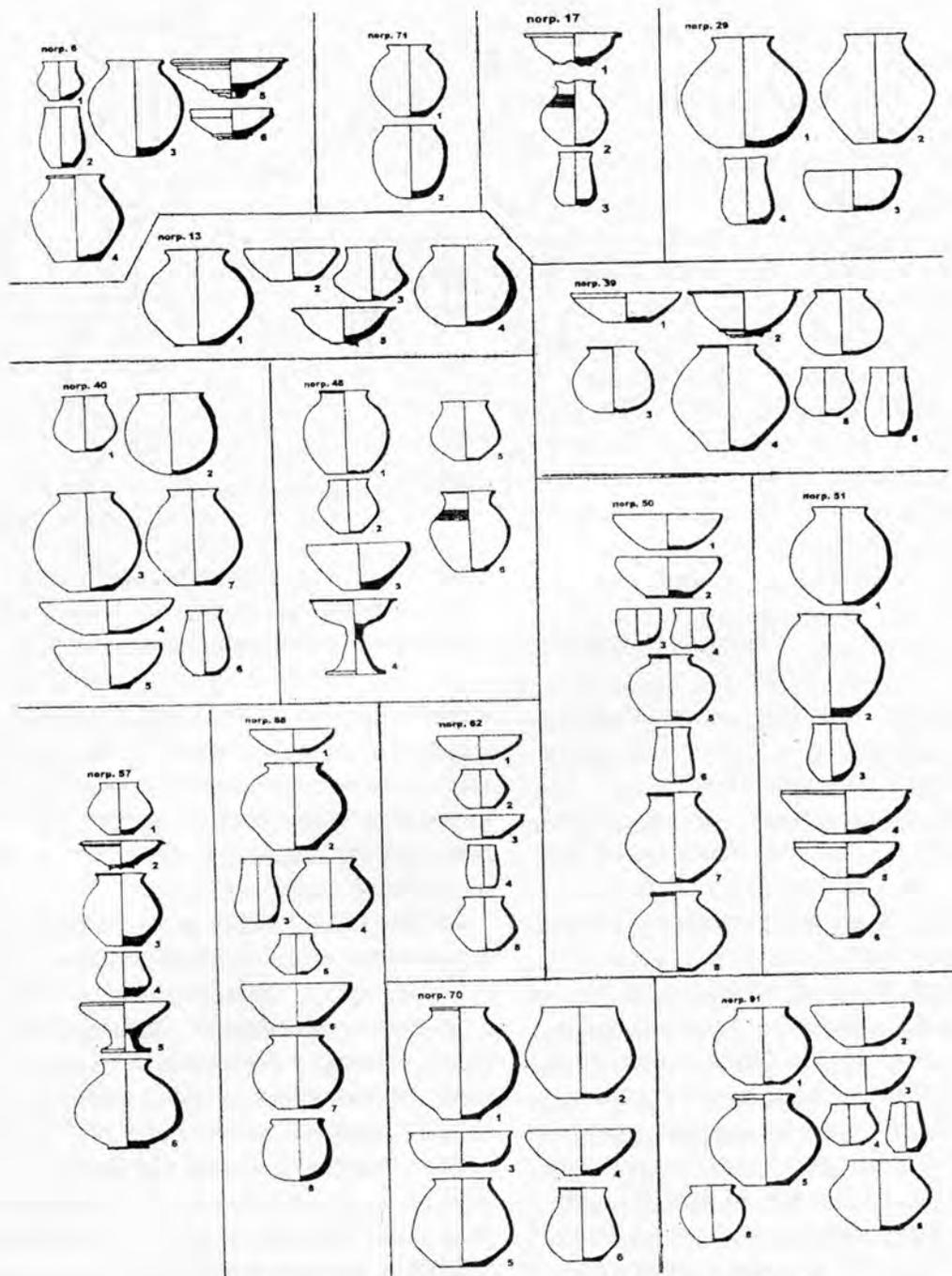

Рисунок 12. Формы посуды поздних погребений.

I. Чаши на ножке (вазы), табл. I:

- 1a1 – чаши на высокой полой ножке с диск-ковидным основанием, которая примерно в 2 раза выше самой чаши; резервуар конический с загибающимся внутрь венчиком; переход от него к ножке обозначен уступом (табл. I, 1);
- 1a2 – то же, что и 1a1, но с вертикальной формой венчика и ребром в верхней части сосуда (табл. I, 2);
- 1b1 – то же, что и 1a1, но с горизонтально отогнутым наружу венчиком (табл. I, 3);

- 1b2 – то же, что и 1b1, но с четко выраженными плечиками и ребром в верхней части чаши (табл. I, 4, 5);
- 2a – кубок биконической формы на высокой ножке (не сохранившейся) с рифленным верхним краем венчика (табл. I, 6); единственный экземпляр с красным ангобом;
- 2b – то же, что и 2a, но с вертикальной формой венчика, и ребром по центру (табл. I, 7);

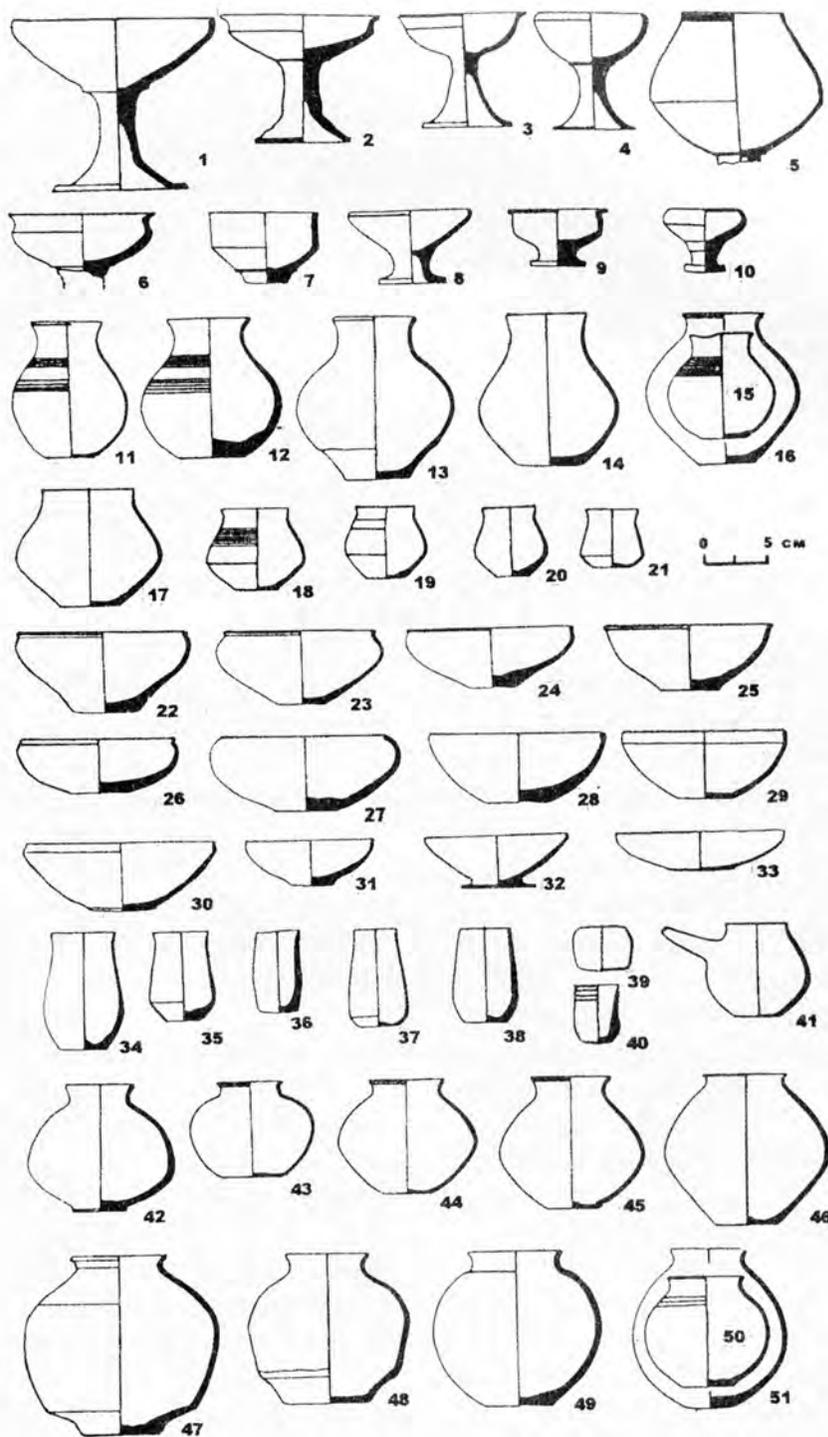

Рисунок 13. Формы гончарной керамики.

3а – чаши конической формы на полой низкой ножке; переход от резервуара к ножке уступом не обозначается (табл. I, 8);

3б1 – то же с загибающимся внутрь венчиком и на сплошной низкой ножке (табл. II, 9);

3б2 – то же, что и 3б1, но с горизонтально отогнутым наружу венчиком и четко выраженными плечиками (табл. I, 10);

3с – то же, что 3б2, но цилиндрической формы (табл. II, 11).

II. Кувшины

1а – сосуды с высоким узким выделенным горлом, отогнутым наружу венчиком и сферическим туловом; часто горло и тулово кувшинов в верхней части орнаментированы горизонтальными углубленными линиями (табл. I, 12, 13, 14).

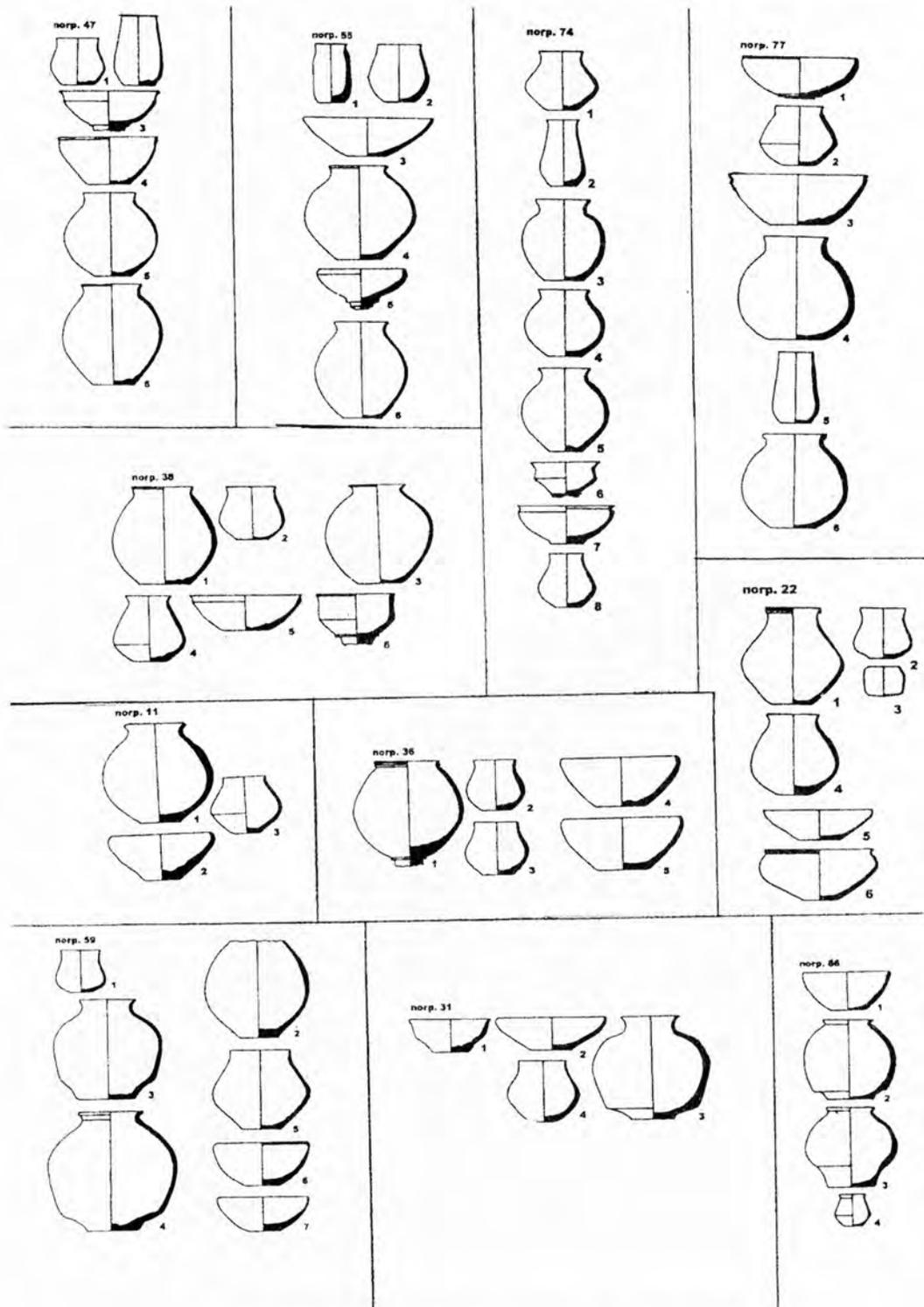

Рисунок 14. Формы посуды ранних погребений.

1b – то же, что и 1a, но с туловом биконической формы и усеченной конической придонной частью (табл. I, 15);

1c – то же, что 1b, но без подкоса;

2 – то же, что и 1a, но более низкие ($h = d \max$) (табл. I, 17);

3a – то же, что и 2, но тулово биконической формы и $d \max > h$ (табл. I, 18);

3b – то же, что и 3a, но со сферическим туловом (табл. I, 19);

III. «Кубки»

1 – сосуды с биконической формой тулова и отгибающимся наружу острым венчиком (табл. I, 20, 21);

2a – плечики тулова располагаются в нижней части сосуда. Иногда орнаменти-

руются горизонтальными углубленными линиями (табл. I, 22, 23);

2b – сосуды грушевидной формы с ребром в нижней части сосуда (табл. I, 24);

2c – отличается от 2b мягким переходом плечиков в тулово (табл. I, 25).

IV Стаканчики и банки

1a – стаканчики вытянутой формы, с отогнутым наружу острым венчиком и округлыми плечиками в нижней части сосуда (табл. I, 26–28);

1b – то же, что и 1a, но с вертикальным венчиком (табл. I, 29);

1c – то же, что и 1a, но с плечиками в средней части сосуда (табл. I, 30);

2a – сосуды с почти вертикальными стенками и слегка отогнутым наружу венчиком (табл. I, 31);

2b – то же, но меньших размеров и с орнаментом из углубленных горизонтальных линий (табл. I, 32);

4 – то же с отгибающимся наружу венчиком (табл. I, 34).

V Чаши и миски

1a1 – глубокие чаши с широким устьем, сильно загибающимся внутрь венчиком и конической нижней частью (табл. I, 35, 36);

1a2 – то же, но венчик слегка загнут внутрь (табл. I, 37);

1a3 – то же, но венчик отогнут наружу (табл. I, 38);

1a4 – то же, что и 1a3, но с прямым венчиком (табл. I, 39);

1b1 – глубокие чаши с широким устьем, выделенными плечиками и слегка отогнутым наружу венчиком (табл. I, 40, 41, 42);

1b2 – то же, что и 1b1, но с прямым венчиком (табл. I, 43);

1b3 – глубокие чаши с шаровидным туловом, слегка выделенными плечиками и отогнутым наружу венчиком (табл. I, 44);

1b4 – то же, что и 1b1, но с резким изломом плечиков и выделенным горлом (табл. I, 45);

2a – неглубокие чаши с конусовидным туловом и слегка отогнутым наружу венчиком (табл. I, 46, 47);

2b – то же, но с вертикальной формой венчика (табл. I, 49);

2c – то же, что и 2a, но с несколько загибающимся внутрь венчиком (табл. I, 51);

3 – небольшие чаши с конусовидным туловом на поддоне с дисковидным основанием (табл. I, 53);

4 – глубокие чаши с конусовидным туловом, выделенными плечиками и горизонтально отогнутым наружу венчиком (табл. I, 48);

5 – небольшие шаровидные чаши, с выделенными плечиками и слегка отогнутым наружу венчиком (табл. I, 50);

6 – миниатюрная чашечка конусовидной формы со срезанным венчиком (табл. I, 52).

VI Горшки

1 – сосуды шаровидные с подкосом в нижней части и отогнутым наружу венчиком; встречается клювовидный венчик (табл. I, 54, 55);

2a – сосуды шаровидные без подкоса и с выделенным горлом (табл. I, 56);

2b – сосуды шаровидные и со слегка отогнутым венчиком (табл. I, 57, 58);

2c – то же, что и 2b, но со слегка опущенными плечиками (табл. I, 59);

3a – сосуды биконической формы с отогнутым венчиком, при этом $d_{\max} > h$ (табл. I, 60);

3b – то же, но у них $d_{\max} = h$ (табл. I, 62);

4a – сосуды грушевидные с выделенным узким горлом, на низком поддоне (табл. I, 61);

4b – сосуды грушевидные с отогнутым наружу венчиком (табл. I, 63);

5a – сосуды шаровидные с выделенным горлом и плечиками в верхней части (табл. I, 64);

5b – сосуды с конической формой тулова и выделенными плечиками в верхней части (табл. I, 65);

6 – сосуды шаровидные со срезанным венчиком (табл. I, 66).

VII. Поильник (наподобие чайника с носиком) представлен единственным экземпляром (табл. I, 67).

Таблица I. Сравнительная таблица форм сосудов могильников Кангурттут, Нурек, Джаркутан 4с и Бустан 6.

МОГИЛЬНИКИ

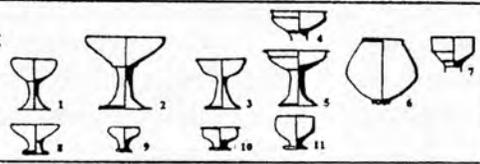
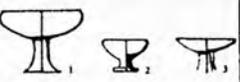
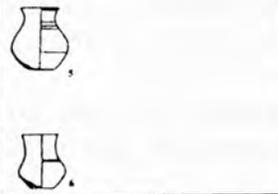
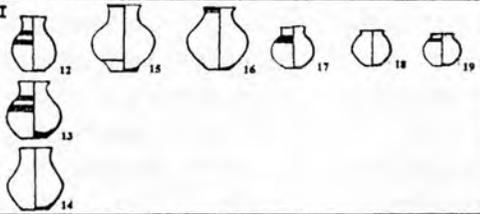
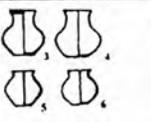
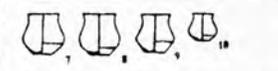
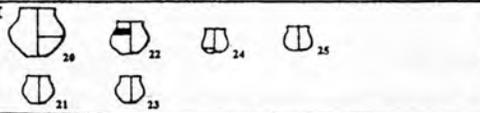
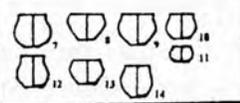
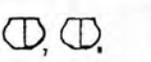
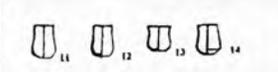
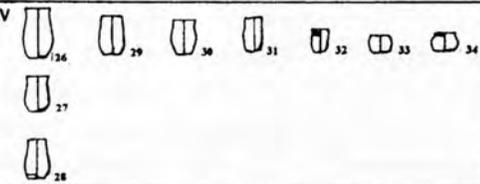
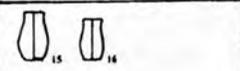
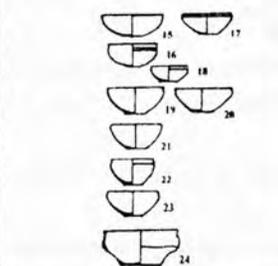
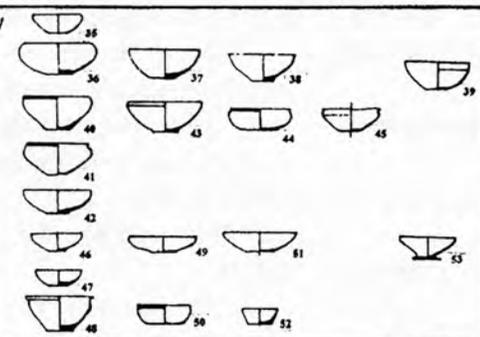
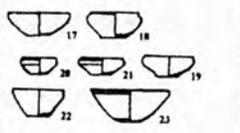
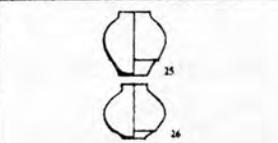
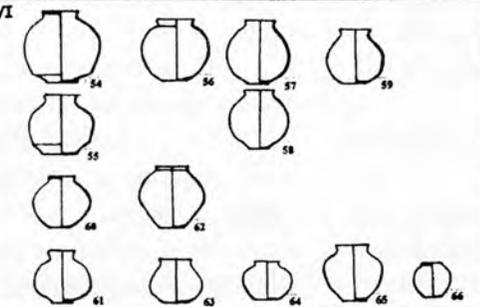
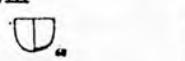
Нурек	Кангурттут	Джаркутан 4с (этап Бустан)	Бустан 6 (этап Бустан)
	I 		
	II 		
	III 		
	IV 		
	V 		
	VI 		
	VII 	IX 	X
	VIII 	XI 	
			

Таблица II.

Частота встречаемости керамических типов в погребениях могильника Кангурттут.

№№ погребений	Тип (см: текст и табл. 1)	Число
01	III2a(1), IV1a (1)	2
02	III2a(1), V1a1(1), VI2c(1)	3
03	xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	
04	V2a(1), VI5b(1)	2
05	I1a(1), II1b(1), III2b(2)	4
06	I1b1(1), I2b(1), III2a(1), IV1a(1), VI2b(1), VI3b(1)	6
07	I3b1(1), III2a(1), V1a3(1), VI3a(1)	4
08	III2a(1), IV1a(1), V2a(1), VI3a(1), VI2c(1)	5
09	I1b1(1), III2a(1), IV2b(1)	3
10	III2a(1), VI2b(1)	2
11	III2a(1), V1a1(1), VI2c(1)	3
12	III2b(1), V1a2(1), V1b1(1), VI3a(2)	5
13	I1b1(1), III2a(1), V2c(1), VI3a(1), VI2c(1)	5
14	III2a(1), X (1)	2
15	III2a(1), V2a(1), V1a4(1), VI3a(1)	4
16	II3a(1), II3b(1), IV1b(1), V1a3(2)	5
17	I1b1(1), II2(1), IV1a(1)	3
18	IV1a(1), IV1c(1), V1b1(1), V2c(1), VI2c(1), VI3a(1)	6
19	III1a(1), IV1a(1), V1b1(1)	3
20	III2b(1), IV2a(1), V1b1(1), VI3a(1), VI2c(1)	5
21	II1c(1), III2a(1), IV1a(1), V1a2(1)	4
22	II1c(1), III2b(1), V1b1(1), V2c(1), IV3(1), VI3c(1)	6
23	III2a(1), IV 1a(1), V1a2(1) V1a3(1), V1b1(1), VI3a(3)	8
24	III2a(2), V1a4(1), V1b2(1), VI2a(1), VI2c(1)	6
25	III2a(1), IV1a(1), V1a2(2), VI5b(1), VI2c(1), VI3a(1)	7
26	V1a2(1), V1b1(1), VI2c(1), VI3a(1)	4
27	III2a(1), V1a1(1)	2
28	III2a(1), IV2a(1), V6?(1), VI3a(1), VI2a(1)	5
29	II1c(1), IV1a(1), V5(1), VI4b(1)	4
30	III2a(1), III2b(1), V1a2(2), VI2c(3)	7
31	III2a(1), V2c(1), V1a3(1), VI1(1)	4
32	I1b2(1), III2a(2), V1a3(1), VI3a(1), VI5b(1)	6
33	III2a(1), V1a2(2)	2
34	I1b1(1), III2a(1), II1a(1), IV1a(1)	4
35	III2a(1), V1a2(1), V1b2(1), VI2c(1)	4
36	I2a(1), III2a(2), V1a2(2)	5
37	III2a(1), V1a3(2), V1b3(1), VI3a(2), VI2b(1)	7
38	I2b(1), III2a(1), III2b(1), V1a3(1), VI3a(1), VI2c(1)	6
39	I1b1(1), III2a(1), IV1a(1), V2c(1), VI3b(1), VI4b(1)	6
40	III2a(1), IV 1a(1), V1a2(1), V2c(1), VI2b(2), IX(1)	7
41	II1a(1), III2a(1), IV1b(1), V1b1(1), VI2a(1)	5
42	I1a(1), II1a(1), III2a(2), VI3a(1)	5
43	II1a(1), III2a(2), V1a3(1), VI2c(1)	5
44	I1b1(1), II2a(1), IV1a(1), V1b4(1), VI2c(1), VI3a(1)	6
45	III2b(1), IV1a(1)	2
46	IV1a(1), V1a3(1), V1a4(1), VI3a(2)	5
47	III2b(1), IV1a(1), V1a3(1), VI3a(1), VI2b(1)	5
48	I1b1(1), II1c(1), III1(1), III2a(1), V1a2(1), VI2c(1)	6
49	III2a(1), IV1a(1), V1a3(2), VI2b(1), VI3a(1)	6
50	II1c(1), II2(1), III2b(1), IV1a(1), V1a1(1), V2c(1), VI5a(1), VIII(1)	8
51	III1(1), IV1a(1), V1a3(2), VI2b(2)	6
52	IV1a(1), V1a2(1)	2
53	III1(2), IV1a(1), V1a2(2), VI2b(2)	7
54	III2a(1), V1b4(1), VI2c(1)	3

Томасом Гётцельтом (Гётцельт, 2004, с. 267-274). В результате проведенного им исследования удалось выделить группу более ранних погребений - № 5, 19, 20, 24, 28, 32, 41, 42, 63, 67, 73, 80, 90 (рис. 9, 14) и более поздних - № 6, 13, 17, 29, 39, 40, 48, 50, 51, 53, 57, 62, 70, 71, 88, 91 (рис. 11, 12). Согласно этим выводам, к ранним образцам керамики могут быть отнесены следующие типы сосудов: I 1a1, I 1b2; II 1a, II 1b; IV 1b, IV 2a; V 1b1, V 6; VI 2a, VI 5b, а к поздним - I 1b1, II 1c, II 2; III 1, IV 5a, V 5, VI 2b, VI 3b. Анализ керамического материала на основании выделенных типов керамики и сопоставительного анализа с посудой уже выделенных хронологических групп позволяет заметно расширить список ранних и поздних захоронений на могильнике.

К первой, более ранней группе, могут быть отнесены также погребения № 11, 22, 31, 36, 38, 47, 55, 59, 74, 77, 86 (рис. 14) и к поздней - № 9, 44, 60, 61, 83 (рис. 11). В посуде ранних захоронений выделяется группа сосудов из погребений № 11, 22, 36 (рис. 14) с красным ангобом и несколько архаичными формами. Это «кубок» на высокой ножке, «кубки» грушевидные, горшки округлых очертаний (плечики мягко переходят в тулово), без подкоса в нижней части. Форме единственного «кубка» на ножке в Кангуртуте имеются параллели - подобные сосуды встречаются в могильнике Дашлы (Сарианиди, 1976, с. 34, рис. 23) и отмечены среди находок, относящихся к сапаллинской культуре жаркутанского этапа (Аскарлов, 1977, с. 65, рис. 32). На молалинском и бустанском этапах эта форма уже не существует. К ранним формам керамики могут быть также отнесены горшки с подкосом (тип VI 1), которые имеют параллели на памятниках молалинского этапа сапаллинской культуры (Виноградова, 2004, с. 186-187, табл. III).

В 13 погребениях встречаются предметы из бронзы на дне входной ямы, в камере или в сосудах, главным образом чашах. Число металлических миниатюрных изделий колеблется от 1 до 26, часто они имитируют настоящие, применявшиеся в быту вещи. В трех погребениях (№ 37, 60, 74) эти предметы помещались в не-

большой металлической чашечке, причем иногда в одинаковом наборе: ножевидные пластины, бритвы, вилы, серьги или височные подвески, наконечники, «змейки» и т.д. (рис. 6, 10)⁹

Рассмотрим эти три комплекса вместе.

1. Чашечки представляют собой круглодонные мелкие сосудики без венчика, с рваными неровными краями. Диаметр - около 5 см, глубина чаши - от 1 до 2 см. Сделаны из тонкого листа бронзы (рис. 6, 1, 12, 10, 7).

2. Бритвы. В погребении № 37 их найдено 11, в № 60 - 4, в № 74 - тоже 4. Некоторые сохранились в обломках. Изготовлены из тонких пластин. Клинок широкий, короткий, подтреугольной формы, лезвие прямое; рукоять длинная, сужающаяся в верхней части. Длина пластин - около 4 см, наибольшая ширина клинка - 1 см (рис. 6, 2-5, 13, 14; 10, 13-16).

3. Вилы с втульчатым черешком и двумя прямыми зубцами, иногда слегка согнутыми. Длина - от 2,4 до 3,5 см (рис. 6, 6, 19, 10, 17). Кроме того, в погребении № 37 найдено бронзовое орудие с втулкой и тремя отходящими от нее лентами, длинными, изготовленными из тонкого бронзового листа; длина их вместе с втулкой около 3 см (рис. 6, 18).

4. Лопаточка (погр. № 37) с небольшим черенком и уплощенной, несколько вогнутой рабочей частью с округлым лезвием. Сделана из одной пластинки, длина около 3,5 см, ширина лезвия - 1,3 см (рис. 6, 16).

5. Наконечники долот или копий с втулкой по три в каждом погребении. Размеры 1,5-2 см, диаметр втулки 0,3-0,4 см (рис. 10, 9-11, 23-25). Изготовлены из пластины, в некоторых случаях между концом ее остается зазор.

6. Серьги или височные подвески изготовлены из тонкого листа бронзы (рис. 10, 8). Их форма - ромбический вытянутый листик со свернутыми краями и небольшим крюковидным черешком. Общая длина - от 3 до 3,8 см, диаметр - 0,7-1 см

⁹ Функциональное назначение некоторых предметов неясно и названия их условны.

7. Бронзовые зеркала округлой формы, слегка вогнутые, плоские без ручки (погр. № 37). Диаметр – от 1,5 до 2 см (рис. 6, 15).

8. Пластинки волнообразной формы – «змейки», длиной от 3,5 до 4 см, шириной – 0,8–1 см (рис. 6, 41, 10, 18).

9 Бусы мелкие бочонкообразные без ребра с несомкнутыми концами (только в погр. № 37). Диаметр 0,8–0,9 см. Изготовлены из тонкой пластинки (рис. 6, 21, 22).

Кроме описанных выше изделий, в погребениях найдены и другие бронзовые предметы.

10. Тесло (погр. № 30) со слегка расширяющимися гранями, прямой пяткой и слабо вогнутым лезвием. В разрезе прямоугольное. Длина 3 см, ширина лезвия – 0,3, толщина – 0,2 (рис. 6, 30);

11 Зеркало круглое, плоское, с выступающей ручкой (погр. № 6). Длина зеркала с ручкой 6,3 см, диаметр диска – 3,5. Изготовлено из листа пластины (рис. 6, 40).

И.Р Равич провела технологический и спектральный анализы металлических вещей из погребений (Равич, 2004, с. 200 сл.). По ее заключению, толщина предметов из тонких пластин колеблется от 0,3 до 0,4 мм, а вес составляет 0,1–5 г. Пластины изготовлены путемковки металла с большой степенью обжата,ковка сопровождалась промежуточными отжигами. Вещи сделаны из бронзы, основной легирующий элемент которой – олово, в пределах от 1 до 5%, т.е. преобладают низкооловянные и среднеоловянные сплавы. Содержание других элементов следующее: висмут – 0,01–0,04%, сурьма – 0,1–0,4%, мышьяк – 0,1–0,7%, никель – 0,001–0,007%, серебро – 0,01–0,07%. Кобальта и цинка почти нет.

Особую категорию погребального инвентаря составляет **скульптура** из необожженной глины. Одна из женских фигурок происходит из погребения № 26 (рис. 8, 2). Статуэтка объемная, высотой 27,5 см, глаза щелевидные, нос передан зашипом (отбит), рот – прорезью. Сильно выделены плечи и бедра, руки изображены схематично. Обозначены пупок и грудь. Ноги кривые, левая нога длиннее правой; стопа левой ноги повернута назад. Другие две (рис. 7, 2), найденные в погребении

№73, слеплены так же схематично. Одна из фигурок предположительно мужская, другая – женская, и между ними непонятный предмет, скорее всего изображающий ребенка. Мужская статуэтка высотой 33 см лежит на спине, голова повернута вбок и наклонена к голове второй фигурки. Руки не сохранились, ноги подогнуты в коленях. По плечам, груди и животу выделены мышцы. Голова – со скошенным черепом и выступающей нижней челюстью, хорошо моделированы уши. Глаза и рот обозначены схематично. Другая, женская статуэтка, высотой 27 см, также лежит на спине с подогнутыми в коленях ногами; руки прижаты к груди, голова – со скошенным черепом, выступающей челюстью, выделены надбровные дуги и нос. Глиняные фигурки со сложенными на груди руками и согнутыми в коленях ногами могли передавать положение умершего в могиле. Аналогии кангуртутским фигуркам имеются на могильниках Джаркутан 4с (Širinov, Baratov, 1997, p. 85, fig. 13) и Бустан 6 (Avanesova, 1997, p. 167, fig. 11, 2). Они также очень примитивны. Иногда скульптурные изображения имеют украшения и они одеты в платье. На могильнике Джаркутан 4b была найдена фигурка в «длинном до пят наряде» (Ионесов, 1990а, с. 72).

Подводя итоги раскопкам на могильнике Кангуртут, следует отметить, что по конструкции погребальных сооружений и обряду захоронения он не отличается от других подобных памятников Северной Бактрии. Конструкции погребальных сооружений с подбоем или катакомбой характерны для родственных памятников земледельческой культуры в соседней Сурхандарьинской долине – Сапаллитепе, Джаркутане, Бустане (Аскарлов, 1977), в Туркмении – Сумбар (Хлопин, 1983), а также в Афганистане – Дашлы (Сарианиди, 1976, 1977). Вход в погребальную камеру на этих могильниках закладывался в большинстве случаев сырцовыми кирпичами и очень редко камнем. По причине разрушенности погребений и невозможности проследить их конструкцию не всегда можно сказать о процентном соотношении катакомбных и подбойных захоронений. На могильнике Кангуртут подбойная кон-

струкция доминирует. Интересные подсчеты на некрополе Джаркутан 4с приводятся узбекскими исследователями. В период Джаркутан Ша (могалинский этап) большинство захоронений катакомбного типа (25 погребений) и только два – подбойного; на следующей, бустанской, фазе (Джаркутан Шв) подбойная конструкция уже не встречается (Širinov, Baratov, 1997, p. 117).

В могильнике Кангурттут обращают на себя внимание т.н. «детские» могилы. Они располагаются группами и выкопаны на небольшой глубине. На некрополе зафиксировано два основных типа захоронения. труположение или кенотаф с сопровождающим инвентарем и глиняными антропоморфными или зооморфными фигурками из необожженной глины. Следов кремации не наблюдается. В кенотафных погребениях Кангурттута на дне камеры часто лежат большие бесформенные комья глины; возможно, они символически заменяли скульптурные изображения.

На поздних этапах сапаллинской культуры, особенно на бустанском, бросается в глаза «бедность» погребального инвентаря – в могилы кладутся модели бронзовых вещей, нет печатей и каких-либо художественных изделий. В погребальной практике появляется множество кенотафов – на некрополях Южного Узбекистана их около 40% (Ионесов, 1990, с. 27, рис. 22); на могильнике Кангурттут – более 90%. Эти данные позволяют сделать заключение, что в конце бронзового века в Северной Бактрии происходят изменения в религиозно-ритуальной концепции погребения умерших.

Ближайшие аналогии могильника Кангурттут по обряду захоронения, сопровождающему погребальному инвентарю (керамика, votивные бронзовые предметы, глиняная пластинка) встречаются на памятниках бустанской фазы (Джаркутан Шв) сапаллинской культуры. Это погребения периода Джаркутан Шв на могильниках Джаркутан 4с, Джаркутан 4а (Širinov, Baratov, 1997, p. 105, 117), бустанские захоронения на могильнике Бустан 6 (Avanesova, 1997, p. 164, fig. 10; p. 171, fig. 14).

Поселение и могильник Кангурттут – финальные памятники эпохи поздней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. Имеется несколько дат по C^{14} . 1500 + 60 гг до н.э. (Тигровая Балка) и три даты с поселения Кангурттут (Виноградова, 2004, с. 30, 290). Последние находятся в хронологическом интервале между 1976/1756 и 1594/1291 гг до н.э.. Недавно немецкими учеными были опубликованы радиоуглеродные даты с поселения Джаркутан (холм VI - раскопки храма). Начало существования храма датируется около 1800 г до н.э., конец 1600-1450 до н.э. (Görsdorf, Huff. 2001, p. 85). При этом следует учитывать, что для памятников Юго-Западного Таджикистана возможен «эффект» запаздывания (Масон, 1982, с. 13), и поэтому их возможно датировать второй половиной II тыс. до н.э. Поселение и могильник Кангурттут могут быть отнесены к концу II тыс. до н.э., что частично подтверждается находками керамики раннего периода железного века (Яз I) в верхних слоях поселения (Виноградова, 2004, с. 124, рис. 35-38).

Литература

- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977
- Виноградова Н.М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978) // АРТ Вып. XVIII. Душанбе, 1984. С. 74–83.
- Виноградова Н.М. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г // АРТ Вып. XIX. Душанбе, 1986. С. 77–85.
- Виноградова Н.М. Новые памятники эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987 С. 76–91
- Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Гётцельт Т. Сообщение о статистическом исследовании керамики некрополя Кангурттут // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004. С. 267–273.

- Ионесов В.И.* Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.
- Пьянкова Л.Т.* Отчет о работе Нурекского археологического отряда // АРТ. Вып. XIV (1974). Душанбе, 1979. С. 78–92.
- Пьянкова Л.Т.* О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 году // АРТ. Вып. XX (1980). Душанбе, 1987. С. 117–125.
- Пьянкова Л.Т.* Работа Байпазинского отряда на поселении бронзового века Дахана (1985) // АРТ. Вып. XXV. Душанбе, 1994. С. 151–161
- Равич И.Г.* Особенности состава и технологии изготовления металлических изделий, найденных на поселении Кангурттут // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004. С. 200–224.
- Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М., 1976.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Хлюпин И.Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.
- Avanesova N.* Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flüssoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6 // AMIT Bd. 29. Berlin, 1997. P. 147–148.
- Görsdorf J., Huff D.* C¹⁴ – Datierungen von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan // AMIT. Bd. 33. Berlin, 2001. S. 75–87.
- Širinov T., Baratov S.* Bronzezeitliche Grabstätten aus der Nekropole Džarkutan 4 C (Süd-Uzbekistan) // AMIT. Bd. 29. Berlin, 1997. S. 65–120.
- Vinogradova N.* The Farming Settlement of Kangurtut in the Late Bronze Age // AMI. Bd. 27 Berlin, 1994. S. 29–47
- Vinogradova N.* Kangurtut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan // Inform. Bulletin IASCCA. № 20. M., 1996. S. 171–194.
- Vinogradova N.* Südtadžikistan in der Spätbronze – und Früheisenzeit // Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23-26 November, 1999. Bonn, 2001. S. 199–219.

G. Lombardo
(Italy, Rome)

**THE METALLURGY OF SOUTHERN TAJIKISTAN FARMING SITES
IN THE LATE BRONZE –EARLY IRON AGE
AND ITS RELATIONS WITH THE NAMAZGA VI
AND ANDRONOVO CULTURES**

The metallurgy of the explored farming sites of Southern Tadjikistan is characterized by the presence of two main industries: one belongs to the Molali phase of the Sapalli culture of Southern Uzbekistan, a North Bactrian variant of the Namazga VI culture of Southern Turkmenistan, also widespread in Southern Tajikistan, the other is the industry of the nomadic tribes of the Andronovo and related «steppe» cultures living in Northern Bactria between the second half of the II and the beginning of the I millennium B.C. The presence of these two great traditions in the whole Southern Central Asia but particularly in Southern Tadjikistan, has originated an extremely varied and diversified picture of the metallurgy of the area, as part of the production belongs to one, part to the other industry. In the Southern Tadjik metallurgy, in fact, beside the typologies of the two distinct industries, there are some mixed types or, rather, in each of the two productions there are imitations or influences of the other. An example of this is the metallurgy of the «steppe» Beshkent-Vakhsh culture which, in part, is in relation with the Andronovo tradition but is also strongly influenced by the metallurgy of the farming culture (Ruzanov, 1987, p. 201-202).

The available documentation from Southern Tadjikistan farming sites is not much: it consists of objects of daily use from the settlement of Kangurtut and of some other object, part of burial furniture, from the necropolis of Nurek, in the upper Vakhsh valley, and of isolated or stray finds from the south Tadjik territory; besides, there are two assemblages of votive miniature objects from the necropolis of Kangurtut and from that of Tandyriul, in the Hissar valley, near the Uz-

bek border and the Surkhandarja valley (figs. 1-2)¹.

The votive metal miniature objects are a category of ritual funerary items often found in the burials of the Sapalli culture from the Kuzali phase onwards. They are miniature reproductions of life size prototypes of various implements, such as knives, spatulas, chisels, forks or pitchforks, razors, of shallow bowls and of ornaments or toilet objects. Such objects have been also found in the Kuzali, Molali and Bustan phases of the necropolis of Djarkutan (Аскаров, 1977, p. 230, Pl. LXVII, 10-14, Molali phase; Аскаров, Абдуллаев, 1983, Pl. XLV, 2-16, Pl. XLVI, 4-9, 11-13, Kuzali phase; Pl. LIV, 4-7, Pl. LV, 6, 8, 10, Molali phase); and in the Molali and Bustan phases of those of Molali itself and Bustan VI (Avanesova, 1995, p. 39, fig. 9, 12); in the cemeteries of the Uzbek area of the Sapalli culture in general (Юнессов, 1990, p. 243, fig. 38, votive objects, Kuzali, Molali and Bustan, the second square from the left).

These miniature reproductions are made of moulded bronze plate, with regard to the implements, their functional sides are carefully worked as if they were real implements, having been forged and hammered, with many intermediate burnings and pressings and, in the final phase, worked at the cold forge and strongly pressed (20 to 40%); their remaining

¹ The miniature objects from Kangurtut and Tandyriul have been already published by N.M. Vinogradova (Vinogradova, 1991, 1994, 1996), however I refer to our joint publication (Vinogradova, Lombardo, 2002, figs 7, Tandyriul, fig. 26, Kangurtut). I thank N.M. Vinogradova for having let me freely use the material of her expedition.

parts were only slightly forged, as they were not functional parts (Ravič, forthcoming). The sizes of these implements and, in general, of the miniature objects are between 1,5 to 4 cm of length, while the diameter of the bowl is about 5 cm.

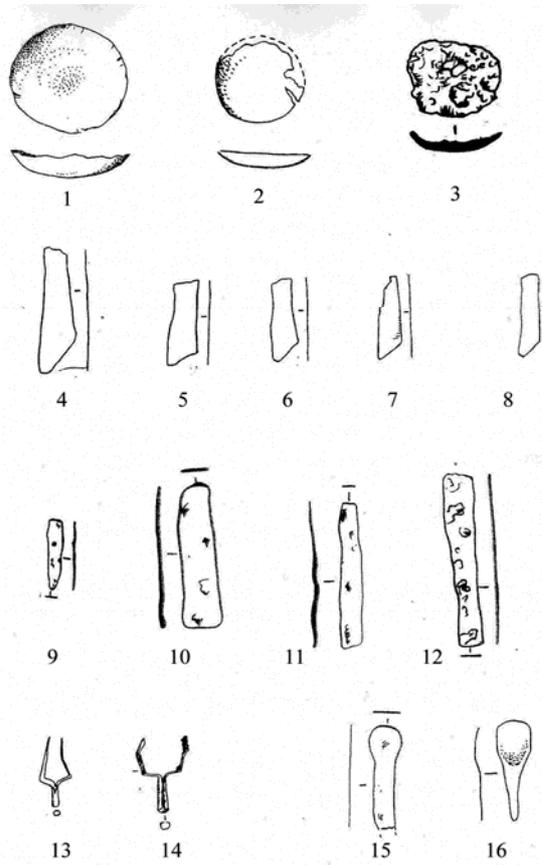

Figure 1. Miniature bronze objects from Southern Tajikistan. 1,2, 4-8, 13, 14, 16 - necropolis of Kangurttut; 3, 9-12, 15 - necropolis of Tandyriul.

This kind of objects, which very probably must have had a ritual meaning and, perhaps, also a social value of «status symbol», is present, as we have told before, in the cemeteries of the whole area of the Sapalli culture, beginning from the Kuzali phase onwards. In the Tadjik necropolis the votive objects have been generally found laid on the floor of the burial chamber or, at least in one case, at the bottom of the entrance *dromos*, often they were contained in the shallow miniature bowls (Vinogradova, 1996, p. 179). They are absent, instead, in the cemeteries of Namazga VI in Southern Turkmenia, either in the Kopet Dağ or in Margiana, being a characteristic element of the burial furniture and, consequent-

ly of the funerary cult, of the Sapalli culture and of its Southern Tadjik aspect only.

Most of the reproduced typologies belong to the Namazga VI farming tradition; they have many comparisons in the life size prototypes of this metallurgy. For example, the shallow bowls from the cemeteries of Tandyriul and Kangurttut (fig.1, 1-2, from Kangurttut, N 3 from Tandyriul) can be compared to the miniature bowls from the Uzbek sites (Юнессов, 1990, p. 243, fig. 38, votive bronzes, Molali phase, first row, the penultimate from the left, Bustan phase, last row, the first one from the left); they have also analogies with life size specimen from Sapalli Tepe, Sapalli phase (Аскаров, 1977, p. 1091, Pl. XXVII, 7, grave 82).

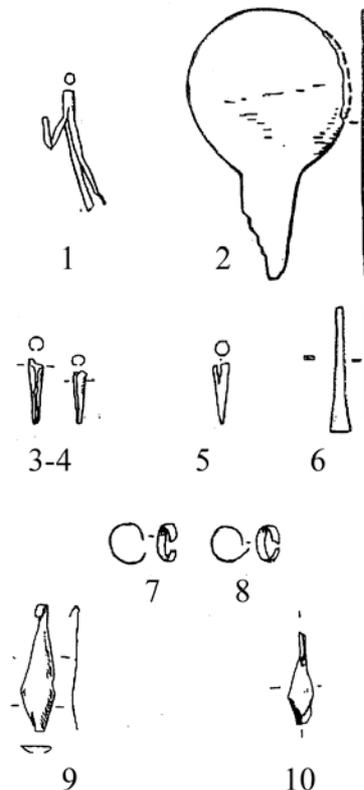

Figure 2. Miniature bronze objects from the necropolis of Kangurttut

Other implements, such as the knives (fig. 1, 4-8 from Kangurttut, 9-12 from Tandyriul), consisting in an irregular parallelogram with one or two oblique short sides, only one of which is sharpened (the working side), can be compared with the other miniature knives from Uzbekistan (Юнессов, 1990, p. 243, fig. 38, votive bronzes, Molali phase, second row, the fourth from the left) and with

the life size knives, also from the main centres of the Sapalli culture, even since the first phase: Sapalli Tepe (Аскаров, 1977, p. 195, Pl. XXXI, 7, grave 85), Djarkutan necropolis, Molali/Bustan phases (Аскаров, 1977, Pl. XLVII, 11, grave 122; Аскаров, Абдуллаев, 1983, Pl. LV, 2, grave 62). As we have told before, however, the miniature objects can have some comparisons even among the life size prototypes of the Andronovo culture, so these small knives can be compared to Andronovo specimen (Аванесова, 1991, Fig. 6, 44, from Chernoser'1, Fedorov culture).

The miniature forks (fig. 1, 13-14) have also parallels in life size forks or pitchforks most belonging to the farming culture, first of all in Southern Bactria, in the plundered graves of Northern Afghanistan (Сарианиди, 1977, p. 78, fig. 37, 2,3; Pottier, 1984, 25, 197, Pl. XV, 103). It must be said that the use itself of putting forks or pitchforks in burials is very widespread among the sedentary populations, being documented not only in Southern Bactria but also in North eastern Iran, at Tepe Hissar III C, between the end of the III and the beginning of the II millennium B.C (Schmidt, 1933, Pl. CXX, H 166, H 775); in Northern central Iran, in the B necropolis of Tepe Sialk, at the beginning of the I millennium B.C. (Ghirshman, 1939, Pl. XXIV, 10, Pl. LVII, s. 843 b, Pl. LIX, S. 622, Pl. LXXVIII, s. 711 a-b, Pl. LXXIII, S. 932, Pl. LXXVII, s. 965). More westwards this usage is also well documented in the Caucasus since the second half of the III millennium, in the Majkop culture, till the end of the II millennium B.C. in the cemeteries of Georgia and Armenia: there are again life size comparisons for our miniature specimen (Ильюков, 1979, fig. 2, 6; Пичеллаури, 1997, 26 and Pl. 89, 1708 from the cemetery of Tzali, near Tblisi, 1711 from Patordzernli Mlasov, 1712, 1713 from Semina-ken and Kirovakan in Armenia). Other comparable specimen, also coming from a funerary context, even more westwards, are in the Royal Cemetery of Ur of the second half of the III mill. in Southern Mesopotamia (Woolley, 1934, I: 309, II: Pl. 230, U 15313, U 9005).

Again in the tradition of the farming culture is a miniature implement in the shape of a spoon, which could reproduce perhaps a stick

for the application of cosmetics (fig. 2, 15-16). There are several comparisons for this implement, both among the miniature and the life size objects: in the Sapalli culture, in the necropolis of Djarkutan (Аскаров, Абдуллаев, 1983, p. 114, Pl. XLVI, 7, burial 368, Kuzali phase, Pl. LV, 10, burial 55, Molali/Bustan phases), from the Southern Uzbek territory (Ионесов, 1990, p. 243, fig. 38, votive bronzes, Molali phase, last row, the last two on the right). Among the life size prototypes there are many analogies in Central Asia, at Kara Depe, in Southern Turkmenia and at Zamam Baba in Uzbekistan (Кузьмина, 1966, Pl. XVI, 16-18, 20-22).

A sort of miniature sceptre(?), with a group of ribbons or stripes departing from a trunk, belongs also to the Namazga VI – Sapalli metallurgy (fig. 2, 1), a similar object, also in miniature, was in the necropolis of Bustan VI (Аванесова, 1995, p. 39, fig. 9, 12). Among the life size objects a comparable specimen could be a pin or wand from the necropolis of Gonur, with a head and ribbons, very similar to the miniature “sceptre” from Kangurtut (Sarianidi, 2001, p. 161, Pl. 26, 10, Namazga V period).

A miniature mirror (fig. 2, 2) is the reproduction of a very common type of mirror in the Namazga VI area and also in other regions: among the miniature objects from the Sapalli culture area in Southern Uzbekistan (Ионесов, 1990, p. 243, fig. 38, votive bronzes, Kuzali phase, first row, the last from the left). Among the life size mirrors, comparable specimen but with a more narrow and short handle, are documented in the Bactrian area at Karapichok, in the Hissar valley, in Southern Tadjikistan and, in Northern Afghanistan, in the Dashly oasis, at Dashly 3 (Сарианиди, 1976, p. 80, fig. 50, 1) and in the plundered graves (Pottier, 1984, fig. 38, 265). A strict similarity with our specimen, which has a longer and wider handle, can be observed in a mirror from the necropolis of Gonur (Sarianidi, 2001, Pl. 26, 13). Finally, this type, with shorter and more narrow handle, is documented also in the Beshkent-Vakhsh culture of Southern Tadjikistan, in the cemetery of Ranni Tulkhari (Мандельштам, 1968, p. 149, Pl. VIII, 1)

Beside the miniature objects which reproduce types definitely belonging to the farming metallurgy, there are other types more linked to the Andronovo industry or having parallels in both the traditions. Among the first objects there are some implements, like the conical chisels, made of folded metal sheet (fig. 2, 3-5), which have the most of comparisons with life size chisels from Northern Kazakhstan, in the settlement of Sargary, in Siberia, in the settlements of Alakul, Visovaja Griya, Besh Tjube (Аванесова, 1991, fig. 37 b, 1, 2, 9, 10); they are also documented at Sukuluk (Кузьмина, 1966, Pl. III, 8).

Another implement, an adze has many comparisons in both the traditions (fig. 2, 6). It is documented in a vast area: from East to West there are life size specimen of this type in Uzbekistan, at Sapalli Tepe, Sapalli phase (Аскарлов, 1977, p. 194, Pl. XXX, 10) and in the oasis of Tashkent (Кузьмина, 1966, p. 125, Pl. III, 13), in Northern Afghanistan (Amiet, 1977, p. 107, fig. 15, 2; Pottier, 1984, p. 150, 94); in North eastern Iran, at Tepe Hissar I (Schmidt, 1937, Pl. XVI, H 4176); in the Caucasus, at Sakkhere, Privolnoe (Schaeffer, 1948, fig. 293; Deshayes, 1960, Pl. V, 5, beginning of the II mil. BC), in Northern Mesopotamia, at Tell Brak and Tepe Gawra VI, around the middle-third quarter of the III millennium B.C. (Schaeffer, 1948, figs 89 – 90), and in Southern Mesopotamia, in the Royal Cemetery of Ur (Woolley, 1934, II, Pl. 226, U. 12016, U 7877), the same type is documented in the metallurgy of the nomadic Andronovo and Srubnaja cultures in Northern Kazakhstan, in the settlements of Mirnj and Malo Krasnojarsk (Аванесова, 1991, fig. 36, ns. 7,8,10, fig. 6, 45), in Southern Russia: in the middle Volga region, in a context probably belonging to the Srubnaja culture (around the XVI/XV cent. B.C.), the Tsarev Kurgan near Kuibishev (Chernykh, 1992, fig. 72, 2-3) and in the Myndresti hoard (Chernykh, 1992, fig. 87, 16), a hoard of metal objects, in part belonging to an Eastern European tradition but also linked to the Srubnaja culture; in the Don basin, probably again in a Srubnaja context, the settlement of Mosolovka, a working area has been discovered, with a group of casting moulds, among which one with an

adze shape very similar to our miniature adze (Chernykh, 1992, p. 208, 210, Pl. 21d).

Other objects with parallels in both the farming and nomadic industries, is the circle earring (fig. 2, 7-8) which are of a very common type, widespread in several areas and cultures. For what concerns the farming culture, in Central Asia it is documented in Southern Tajikistan, in the necropolis of Zar Kamar (Vinogradova, P'jankova, 1983); in Southern Uzbekistan, in the necropolis of Djarkutan, in the Kuzali and Molali phases (Аскарлов, 1977, Pl. LXVII, 8-9; Аскарлов, Абдуллаев, 1983, p. 105, Pl. XXXV, 17-18, 23-25), in the settlement of Djarkutan (Аскарлов, Ширинов, 1993, fig. 62, 7), in the necropolis of Bustan VI, Molali/Bustan phases (Аванесова, 1997, p. 164, fig. 10, 2); in the Dashly oasis in Northern Afghanistan (Сарианиди, 1976, fig. 51, 6, 7, 13); outside the area of the Sapalli culture, in the broader Namazga VI area, there are many life size specimen of these ear rings in Southern Turkmenia, in Ashkhabad, in Margiana at Elkem Dere, Takhirbai 3, Togolok 21 between the end of Namazga V and Namazga VI Period (Кузьмина, 1966, p. 145, Pl. XIV, 30 from Takhirbai 3, 58 from Ashkhabad, 68 from Elken Dere; Сарианиди, 1990, Pl. LVII, 11-12) and also in the cemetery of Sumbar I in the valley of Sumbar (Khlopin, 1986, fig. 78, 7-8, fig. 81, 6-7). This type of ear ring is documented also in the Andronovo culture, in the necropolis of Kumsai, in Southern Tadjikistan (Vinogradova, P'jankova, 1990, p. 136, fig. 4, 13, 15, 18, burial 3) and, in general, in various other sites in the whole Andronovo area (Аванесова, 1991, fig. 46, 49-71).

Lastly, there is in the Kangurtut miniature assemblage a type of pendant or temple pendant for which there are only two comparisons in the real prototypes (fig. 2, 9-10): one is in the Andronovo tradition (Аванесова, 1991, fig. 57, 4 from Malia Koitas), the other instead comes from Tepe Hissar III (Schmidt, 1937, Pl. LVI, H 3218). The life size Andronovo pendant, however, looks more similar to our miniature specimen, which probably should be considered belonging to the Andronovo culture.

The Kangurtut assemblage of miniature objects looks in some way different from that of the necropolis of Tandyriul, which is composed, for the most part, of reproductions of knives, spatulae, razors and other implements (fig. 1-2) but not of personal objects, like ornaments, except for one which could be the reproduction of a mirror (fig. 1, 15 from Tandyriul). There is also the possibility that the miniature ornaments or toilet objects simply have not been found, as many of the Tandyriul burials were in a very bad state.

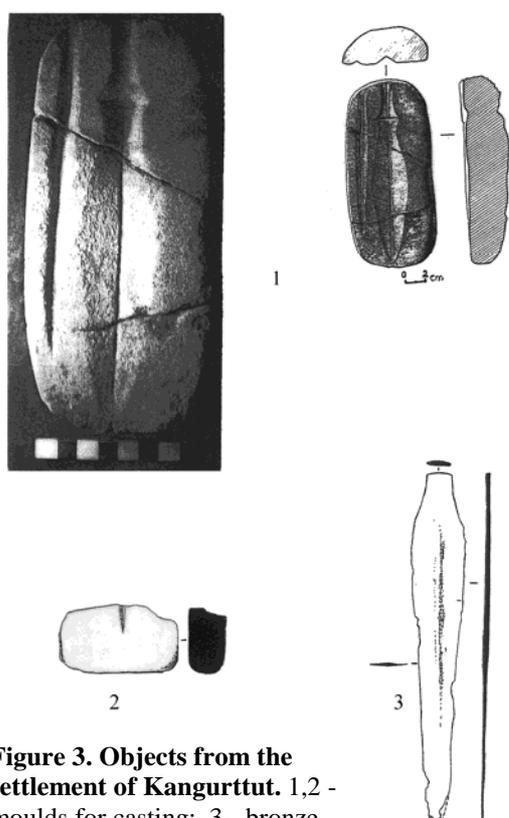

Figure 3. Objects from the settlement of Kangurtut. 1,2 - moulds for casting; 3- bronze dagger.

In any case, in the necropolis of Tandyriul we can observe the presence of both miniature and life size ornaments or other personal objects. In Kangurtut necropolis, instead, the miniature objects were the only item, besides pottery, which have been found in the burials (Lombardo, 2002, p. 113) and, moreover, only in a few of the 90 burials of the cemetery: perhaps the presence of the miniature ornaments and toilet objects was meant to balance the absence of their real prototypes in the burials of Kangurtut necropolis. In the two cemeteries of Nurek, near the Nurek dam in the upper Vakhsh valley, only a few metal life size objects have been found: a golden

pendant or ear ring with turquoises, a bronze plate, or fragment of a beaker (?), incised with a step pattern (fig. 6, 1-2; P'jankova, 1981a, p. 309; Vinogradova, 2001, fig. 8, 1-2), and a bent knife of the «tail» type (Vinogradova, Lombardo, 2002, p. 83). There is no news about miniature objects in the two cemeteries of Nurek.

In so far as the life size objects of daily use are concerned, some bronze tools have been found in the farming settlements of Teguzak and Dakhana, in the Vakhsh valley, North of Kangurtut, among the finds from Dakhana comes a bronze knife in the nomadic tradition and at Teguzak some casting moulds too have been found (Vinogradova, Lombardo, 2002, p. 83).

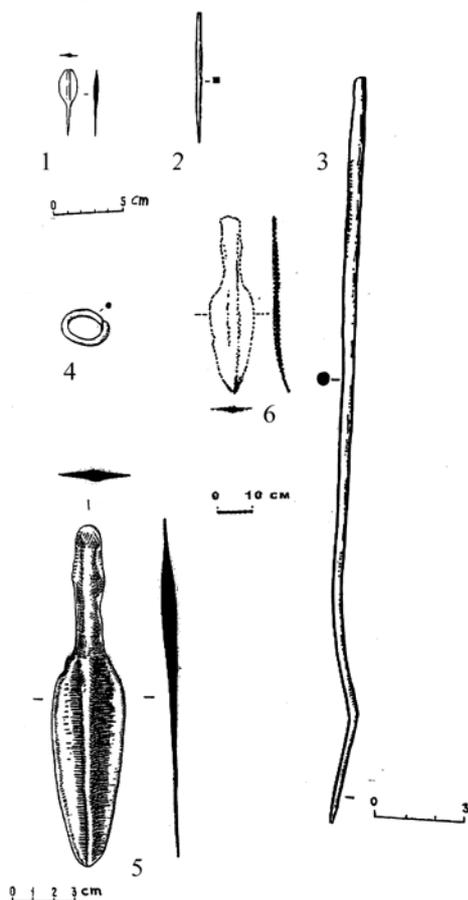

Figure 4. Bronze objects from the settlement of Kangurtut.

In the settlement of Kangurtut also a group of life size objects of daily use, weapons and ornaments has been found (figs. 3, 4, 5)². Part of these belongs to the farming cul-

² The illustrations of the metal objects from the settlement of Kangurtut and of the various objects from the South Tadjik territory have been

ture industry but another consistent number finds comparisons in the production of Andronovo and of the other «steppe» cultures. The presence of the Andronovo metallurgy seems to be very strong in a small assemblage such as that of the Kangurtut settlement where, moreover, besides the objects of nomad industry, two casting moulds, one of which bearing the shape of an Andronovo dagger, have been discovered. The moulds found at Kangurtut and those from Teguzak are the evidence of the existence of a local metallurgy, also documented by other technological elements (see further), and of the close interaction between farming sedentary populations and pastoral nomad tribes: the shape of a dagger of Andronovo type in a mould could also mean that there were perhaps founders belonging to the Andronovo groups in the settlement, working the metal on the place.

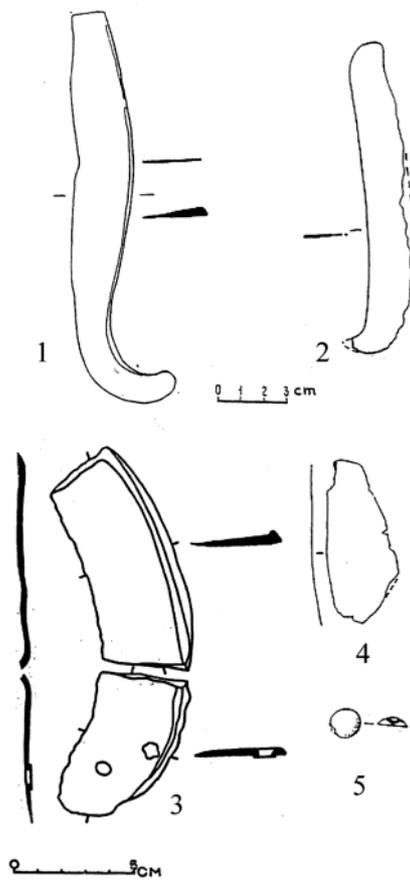

Figure 5. Bronze objects from the settlement of Kangurtut.

taken from Vinogradova, Lombardo, 2002, fig. 15; Vinogradova, 2001, fig. 8.

One of the two moulds is only a fragment where the point of a tool, perhaps of a chisel or of a knife is left (fig. 3, 2); the other mould (fig. 3, 1) is complete, rectangular, with rounded angles and it is composed by two valves, there are no channels for the pouring of the metal. Comparisons for the shape of the mould are in the Andronovo industry, in the settlements of Petrovka II (Chernykh, 1992, fig. 81, 45, in clay) and Minchumk, in Kazakhstan and (Аванесова, 1991, fig. 29, 4) and in another South eastern European metallurgy, which is in part linked to the Srubnaja culture, in part to industries of Moldavia and Ukraine regions, the Ingul-Krasny Mayak industry of the Northern Black sea area, one of the most important centres is the work shop of Krasny Mayak itself (Chernykh, 1992, fig. 88, 14, in steatite, a little more elongated than the mould from Kangurtut, XIV-XII cc. BC).

In the mould are engraved the shapes of two daggers, one smaller and thinner, perhaps a stilet, with a narrow sharp blade, with central rib and a fan shaped hilt. The type can be compared with some specimen in relation with it but not exactly similar, from Sapalli Tepe, Sapalli phase, and Djarkutan settlement, Djarkutan I phase (Аскаров, 1977, Pl. XXXIII, 16; Shirinov 2002: fig. 59, 9); however, nearer to this shape of small knife or stilet are some daggers from the Artik burial ground in Transcaucasia and from the area of the Kayakent-Khorochoi culture in Dagestan, Eastern Caucasus, site of Madzhali (Chernykh, 1992, fig. 99, 12, fig. 101, 7-8, from Artik, XIV-IX cc. BC; fig. 105, 3 from Madzhali, XVI-XV cc. BC). The other shape in the mould belongs to a type of dagger of the Andronovo metallurgy, widespread in a vast area, from Siberia to Central Asia and South eastern Europe. In central Asia it is documented in Uzbekistan, in the oasis of Tashkent (Кузьмина, 1966, Pl. VIII, 14), at Uzun Ahmat (Аванесова, 1991, fig. 27 B, n. 6); in Siberia, in the region beyond the Urals, at Putilovskaja Zaimka II, Fedorov phase (Аванесова, 1991, fig. 6, n. 40). There are specimen of this type also in the Namazga culture at Tekkem Depe, Namazga VI Period (Щетенко, 1999, p. 330, fig. 4, n. 19) and even a miniature reproduction comes from the assemblage of votive metal objects of South-

ern Uzbekistan (Ионесов, 1990, p. 243, fig. 38, votive bronzes, Molali phase, first row, the fourth from the left).

Among the metal objects belonging to the Namazga VI - Sapalli farming culture we can mention a dagger (fig. 3, 3) characterized by a long blade with central rib, a short broad tang which looks as an extension of the blade and the hilt guard with sloping sides. There are various comparisons for this type of dagger: in the Bactrian culture itself, in the finds from the plundered graves of Northern Afghanistan, between the end of the III and the beginning of the II millennium B.C. (Pottier, 1984, p. 138, fig. 4, 20); in Kirghizstan (Кузьмина, 1966, Pl. VIII, 12). In Southern Uzbekistan there are a comparable miniature reproductions among the votive objects (Ионесов, 1990, p. 243, fig. 38, votive bronzes, Molali phase, first row, the second from the left, second row, the first from the left). Another similar dagger is documented in the Caucasus, in the cemetery of Faskau, Digoria region, in a context belonging to the Catacomb grave culture, 2000-1400 BC (Motzenbaecker, 1996, p. 206, Pl. 6, 6)

The type is also documented in the Andronovo culture, in the settlement of Новый Восход, Fedorov phase (Аванесова, 1991, fig. 5, 47).

The arrow point (fig. 4, n. 1) can also be ascribed to the farming production, as most of its comparisons are in the farming culture area, in the settlement of Djarkutan (Huff, 1997, p. 90, fig. 7 b); in the cemetery of Sumbar I, in the Sumbar valley (Khlopin, 1986, fig. 62, 4; 90, fig. 72A, 3; fig. 77, 5). Outside Central Asia, similar arrows come from Yorgan Tepe, the Ancien Nuzi, in Northern Mesopotamia (Schaeffer, 1948, fig. 312, 14, XVI-XV cc. B.C.). Some comparisons can also be found in the Andronovo metallurgy from Northern Kazakhstan, in the assemblage of the settlement of Alekseevka, which belongs to a variant of Andronovo, the Sargary-Alekseevka culture of the last centuries of the II millennium B.C. (Аванесова, 1991, fig. 7, 10, fig. 40, VIII, 103, 105-106, 109).

A type of small square section chisel probably with a point at each end (fig. 4, 2), is documented in a huge area, from Siberia to North eastern Iran. The type seems to have

more comparisons in the metallurgy of the sedentary farming culture, although there are also specimen of it in the Andronovo industry of Northern Kazakhstan and Western Siberia. In the area of the farming culture it is documented at Sapalli Tepe, Sapalli phase (Аскаров, 1977, Pl. XXXIII, 14-15); in the settlement of Djarkutan (Shirinov, 2002, fig. 59, 2, 6, 7, 9); in Fergana, in the settlements of Dalverzin and Chust (Chernykh, 1992, fig. 83B, 26-27); at Dashly 3 in Northern Afghanistan, Sapalli-Djarkutan phases (Сарианиди, 1976, Fig. 49, n. 77); in the Namazga culture area, at Altyn Depe (Masson, 1988, Pl. XV, 8), at Kara Depe (Кузьмина, 1966, Pl. XII, 59, 68), Gonur I (Сарианиди, 1990, Pl. XXXV, 19); in North eastern Iran, in the Gorgan plain at Tepe Hissar IB and C, second half of the IV-beginning of the III mil. BC (Schmidt, 1937, Pl. XV, H 3379, H3658) and Tepe Hissar III (Schmidt, 1933, Pl. CXXI, H 110). In the Andronovo culture similar specimen are in the settlement of Sargary, in Northern Kazakhstan (Chernykh, 1992, fig. 82, n. 2) and in the site of Ust Kamenogorskaja, in the Ob-Irtis-Ul'ba area in Western Siberia (Аванесова, 1991, Fig. 38, n. 2).

Among the other metal objects from the settlement of Kangurtut belonging to the Namazga-Sapalli tradition there is a long pin with straight head, not very thicker than the tip (fig. 4, 3), which can be compared to many pins in the Sapalli metallurgy. Some specimen come from Sapalli Tepe, Sapalli phase (Аскаров, 1977, Pl. XXXIII, 5, 25, Pl. XL, 12), from the necropolis of Djarkutan, Djarkutan I phase (Аскаров, Абдуллаев, 1983, Pl. XXXIII, 17); from the settlement of Djarkutan (Аскаров, Ширинов, 1993, fig. 63, II, 1-3; Shirinov, 2002, fig. 59B, 3). Others were found at Dashly 3, in Northern Afghanistan (Сарианиди, 1976, fig. 49, 76) and in Margiana, at Gonur I, Namazga V period, and Togolok 24, Namazga VI (Сарианиди, 1990, Pl. XXXIV, 2, Pl. LVIII, 23); in the valley of Sumbar, cemetery of Sumbar I (Khlopin, 1986, fig. 10, 11, fig. 49, 1).

A type of tubular open ring (fig. 4, 4) is very widespread in the metallurgy of the Sapalli and Namazga cultures. There are similar rings in Southern Uzbekistan, in the assemblage from the necropolis and settlement of

Djarkutan, Djarkutan I phase (Аскарлов, Абудллаев, 1983, Pl. XXII, 2; Shirinov, 2002, fig. 58B, 7) in Margiana, at Gonur I, surface, Namazga V Period (Сарианиди, 1990, Pl. XXXVI, 30); at Yaz Теpe, Yaz I Period (Кузьмина, 1966, Pl. XIV, 58); outside the area of the Namazga culture the type is documented in the cemetery of Parkhai II, in the valley of Sumbar, Early Bronze Age (Khlopin, 1986, fig. 78, 9, fig. 116, 5); in North eastern Iran at Теpe Hissar III (Schmidt, 1933, Pl. CXXI, H 619, Pl. CXXII, H 784); in the necropolis of Katelai I, North western Pakistan, in the area of the Protohistoric Swat culture, which has some relation with the Gorgan grey and red ware culture, in the valley of the Swat river (Müller-Karpe, 1981, fig. 31, 2, last centuries of the II – beginning of the I mill. BC). There is at last a comparison for this ring also in the Beshkent-Vakhsh culture of Southern Tadjikistan (Мандельштам, 1968, p. 161, Pl. XXII, 8).

As I told before a part of the objects from the settlement have many comparisons in the Andronovo metallurgy: in particular, we can mention two daggers, or spear points, with leaf shaped blades with central rib and strong tubular tangs (fig. 4, 5-6). These daggers have some analogies in products of the nomadic metallurgy of the Beshkent-Vakhsh culture (P'jankova, 1998, p. 172, the second from the left), in the Andronovo industry of Northern Kazakhstan, in the settlement of Petrovka II (Аванесова, 1991, fig. 4, 39), even in the site of Shakhovka, in the environment of the Srubnaja culture, the middle-lower Volga and Poltava regions, (Chernikh, 1992, fig. 70, 29, stray find). There is however a comparison in the farming culture also, in the cemetery of Sumbar I (Khlopin, 1986, fig. 77, 6, fig. 79B, 2).

Some bent knives of the «tail» type are also a product of the nomadic metallurgy (fig. 5, 1-2): there are similar specimens in the cemetery of Ranni Tulchar of the Beshkent-Vakhsh culture (Мандельштам, 1968, Pl. III, 3, 5, 8, 9). In the Andronovo culture comparable bent knives are documented at Preobradzenskoe in Kirghizia (Кузьмина, 1966, Pl. X, 21), in the Fergana valley, in Uzbekistan, at Dalverzin settlement, where the metallurgy is of Andronovo influence, alt-

hough the Chust culture, between the end of the II and the beginning of the I, is part of the painted ware community of the Yaz Period (Chernykh, 1992, p. 246-247). Although the «tail» knife is mostly an Andronovian type, there are some imitations (or perhaps imported specimen) in the area of the Namazga culture, at Togolok 1 (Сарианиди, 1990, Pl. XXXV, 12) and in the necropolis of Gonur (Sarianidi, 2001, Pl. 20, 7), in the Namazga V Period; bent knives are also in the metallurgy of the Sapalli culture, at Djarkutan settlement (Аскарлов, Ширинов, 1993: fig. 67, IV; Shirinov, 2002, fig. 58, 2): In any case the presence of this Andronovo type of knife, or of its imitation, is a further evidence of the live exchange of typologies and technological elements in the area of the Namazga and Bactrian cultures between sedentary populations and nomad tribes in the Late Bronze-Early Iron Ages. Again Andronovo typology is a fragmentary sickle (fig. 5, 3), the blade of which is broad, has only one cutting side and is thicker in the outer side. There are two holes for the fastening of the handle. The sickle is broken in two fragments. As we have said, the comparisons for it belong mostly to the Andronovo culture or to the other cultures in relation with Andronovo in Central Asia and in the Urals: there are similar specimen in Kirghizia, in the Shamsha Hoard (Chernykh, 1992, fig. 83, 18-20; Аванесова, 1991, fig. 21, 56), at ВСНК and Ivanovka (Кузьмина, 1966, Pl. XI, 18-20, 22, 24); in Siberia, at Visokaja Griza, Fedorov phase, in Central Asia and in the Semirechi region, in the cemetery of Sukuluk (Аванесова, 1991, fig. 6, 54, fig. 21, 59).

A trapezoidal razor (fig. 5, 4) has a comparison in a razor belonging to the Beshkent-Vakhsh culture, from the cemetery of Ranni Tulchar (Мандельштам, 1968, Pl. IV, 9). There is also a miniature reproduction in the assemblage of votive objects from Southern Tadjikistan (Ионесов, 1990, 243, fig. 38, votive bronzes, Bustan phase, second row, the second from the left).

The last objects from the assemblage from the settlement of Kangurtut are two hemispherical buttons with a loop (fig. 5, 5), of Andronovo type, imitated in the Namazga culture. Comparisons for this type of button

are in Kirghizia, in the Shamsha Hoard (Chernikh, 1992, fig. 83, 2), in the Fedorov culture (Аванесова, 1991, fig. 5, 29, fig. 49b, 4). At Tekkem Depe, in Margiana, the moulds of the buttons, beside the buttons themselves have been found, Namazga V-VI Period (Щетенко, 1999, 381, fig. 4, 5); these buttons are also documented at Yaz Tepe, Yaz I Period, and at Анау, in Southern Turkmenia (Кузьмина, 1966, fig. 14, 2, 5). Lastly, the type has a far ancestor at Tepe Hissar IIIB, last centuries of the III mill. (Schmidt, 1937, Pl. LV, H 2631).

The Kangurtut assemblage of metal objects, both from necropolis and settlement, is one of the largest for the farming sites of Southern Tajikistan. Except the smaller assemblages from the necropolis of Tandyriul, the other finds of metal objects of the farming culture are somehow rare and sporadic, even when they come from huge cemeteries like the two of Nurek, the burials of which were so damaged that most of their furniture had got lost. Besides, a systematic archaeological exploration of Southern Tajikistan has not been completed, too few settlements have been discovered up till now.

In any case, besides those that I have just illustrated, there are some other important objects coming from various sites: a golden pendant or ear ring with turquoise insets from one of the Nurek cemeteries Fig. 6, 1, the finding of which lets us hypothesize that there must have been some burials richer than others, a beginning of social differentiation, the same that must have been in the burials of Tandyriul (Виноградова, 1991, p. 68-88). There is besides a bronze mirror in the tradition of the farming metallurgy from the site of Kara Pichok, in the Hissar valley (fig. 6, n. 6; Vinogradova, 2001, fig. 8, 3), for which there are the same comparisons as for the miniature mirror from the necropolis of Kangurtut: in Northern Afghanistan at Dashly 3 (Сарианиди, 1976, 80, fig. 50, 1) and in the plundered graves (Pottier, 1984, fig. 38, 265); in Margiana, in the necropolis of Gonur (Sarianidi, 2001, Pl. 26, 13); in the Beshkent-Vakhsh culture, in the cemetery of Ranni Tulkhar (Мандельштам, 1968, с. 149, Pl. VIII, 1). Also from the Hissar valley, from the site of Ramit comes a beautiful dagger fig. 6, 3) with a tri-

angular blade with central rib, long cylindrical hilt ending in a broad conical pommel. The hilt and the guard are decorated with geometric designs, consisting in triangles and lozenges, and with ribs under the pommel. It is difficult to find comparisons for this object in the metallurgy of Central Asia. There are rather some related types, although they are not exactly similar, in the Caucasus industry, in the cemetery of Faskau, in the Digoria region, three daggers have a similar decoration with a stripe of lozenges, and show the same full metal cylindrical hilt with conical pommel, their date should be around the beginning of the first millennium B.C., in the Early Iron Age of the Caucasus (Motzenbaecker, 1996, Pl. 8, 1, 3, 4a). Other comparable daggers come from the site of Veri, in the Russian Talish and from Luristan (Schaeffer, 1948, fig. 227, 10, of the end of the II-beginning of the I mill. BC, fig. 265, 14, 15, two specimen in relation with the Tadjik one but not exactly similar, beginning of I mill. BC).

Other finds from the Hissar valley are two axes from the sites of Šaršar and Arakchin (fig. 6, 4-5). There are some axe in relation with that from Šaršar at Sarazm (Исаков, 1991, fig. 78, 2), Iori-sai, near Piandjikent, Sapalli Tepe, Sapalli phase (Аскарпов, 1977, Pl. XXVIII, 2; Sarianidi, 1986, fig. 79), in the Bactrian territory in general (Сарианиди, 1990, fig. 93, the second and third specimen). There are also some comparable axes in the metallurgy of the Majkop culture in Northern Caucasus between the end of the III and the beginning of the II mill. BC, in the necropolis of Lechinkai and at Piatigorsk (Chernykh, 1992, fig. 24, 24; kurgan 7, burial 5, 25, stray find). The difference with our axe is that these two from Caucasus have both the ends with a point while in ours one end is broader and more flat). The other axe from Arakchin has a comparison at Sangvor (Кузьмина, 1966, Pl. I, 1) and some again in the Northern Caucasus, in the Majkop metallurgy at Malaia Laba and Kelermeskaja, in the Kuban basin and in Transcaucasia, at Ialbus (Deshayes, 1960, I, 197, 200, 207; II, Pls. XXIV, 7, 1564, Pl. XXV, 2, 1557, 6, 1581; for another comparable specimen in the Majkop culture see Chernykh, 1992, fig. 24, 28, a stray find from Khashi). About these Caucasian specimen, be-

longing to various typologies related to each other, J. Deshayes says that they are of Iranian origin: there is indeed a type of axe, appeared in the metallurgy of Susa in the III mil. BC, that could have generated our axe and the Caucasian types (Deshayes, 1960, 192, Pl. XXIII, 2, 1536).

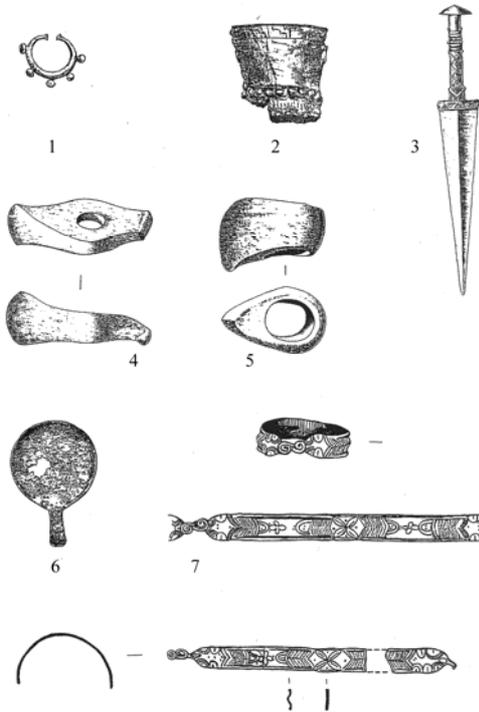

Figure 6. Metal objects from Southern Tajikistan. 1-2 – Nurek; 3 – Ramit; 4 – Šaršar; 5 – Arakchin; 6 – Kara Pichok, Hissar Valley; 7-8 – Parkhar, Kyzylsu Valley.

Lastly, in the necropolis of Parkhar, in the Kyzylsu valley, two decorated silver bracelets have been found in a child burial (fig. 6, 7-8). One of the two, № 8, is fragmentary. Both of them consist in a narrow band incised with rosettes, chevrons, semicircle and are the evidence of a developed and refined jewellery, and, in any case, of relations with other areas like Iran and Mesopotamia, besides this, of the existence, like at Nurek, of burials which are differentiated for the presence of luxury items. There are no exact comparisons for the two bracelets and for the incised designs but the rosette pattern is very common in Mesopotamian and Iranian art since the IV mill. BC. There are several examples of rosettes in the glyptic art of Mesopotamia and Susiana (Amiet, 1961, Pl.25, 411, Pl. 27, 432, Pl. 30, 478-479, 489, Pl. 51,

707; Amiet, 1972, Pl. 26, 1121, 1133-1134); in the compartmented seals from Shahr-i Sokhta and Shahdad in Eastern and South eastern Iran (Baghestani, 1997, p. 121, 194-196, fig. 34, 94-98); in Northern Bactria, in a seal from the settlement of Djarkutan (Аскаров, Ширинов, 1993, fig. 24, 12). Particularly in the Bactrian objects the rosette can also be found incised on the small steatite flagons (Pottier, 1984, fig. 20, 149, fig. 21, fifth row, the penultimate from the left), as some geometric patterns as hatchings, chevrons and arches (Pottier, 1984, figs. 18-21, fig. 42, last row, the first and the second from the left).

As we can see from this exposition of several types of metal objects from Southern Tajikistan, the influences and the analogies with typologies of farther areas are numerous and make the metallurgy of Southern Tadjik farming sites, at the same time, on one side a metallurgy which is definitely part of the Namazga V-VI - Sapalli Central Asian horizon and, on the other side, a rich industry, full of hints from other traditions and in a continuous relation with the second great metallurgy, that of the Andronovo and «steppe» cultures present in South Tadjikistan at the end of the Bronze Age.

In the various aspects of the metal industry of these Southern Tadjik farming sites there is, in fact, always a mutual exchange with the Andronovo metallurgy: in the assemblage from the settlement of Kangurtut there are objects from both the metal industries but although they definitely belong to one of the two traditions, they often show some influence of the other. Just to mention some examples, Andronovo types of daggers or ornaments are reproduced among the miniature votive objects which are a peculiar production of the Sapalli tradition. Types of knives or daggers (fig. 3, 3), or of other implements of the Sapalli culture are found in the assemblages of the Andronovo or of the Beshkent-Vakhsh culture, the same as for a mirror of Bactrian type (fig. 2, 2, fig. 6, 6), which is in the Ranni Tulkhar finds (Мандельштам, 1968, Pl. VIII, 1). The buttons of the Andronovo industry (fig. 5, 5) are imitated in the Namazga V-VI farming metallurgy (Щетенко, 1999, p. 331, 5). An arrow point belonging to the farming industry, of type

which is widespread from Central Asia to Northern Mesopotamia is documented also in the Andronovo settlement of Alekseevka in Northern Kazakhstan (Аванесова, 1991, fig. 7, 10, fig. 40, VIII, 105-106, 109).

This continuous and deep interaction, which does not regard only the Bactrian culture of Sapalli but is reflected also in the Namazga civilization itself, is also testified by the presence of the stone casting mould (fig. 3, 1) where the two shapes, one for a stylet or small knife of Caucasian type, probably belonging to a farming tradition, and the other for a dagger of the Andronovo culture appear one beside the other. This fact and the kind of assemblage of metal objects in the Kangurtut settlement, partly belonging to the Sapalli metallurgy, partly to the Andronovo and «steppe» industry tell us that the relations between sedentary population and nomad tribes were not limited to an exchange of resources and products but consisted in a closer collaboration. Besides, the presence of moulds for casting is evidence of an autonomous local metal industry, also documented by the analyses, according to which the bronzes from Kangurtut are different from those from Kazakhstan and Kirghizia for the temperature conditions, and for the metal source itself (Аванесова, 1991, c. 80; Ravič, forthcoming).

The greatest difference between the two main metallurgic traditions in Southern Tadjikistan consists in the different alloys used to obtain bronze. In the Namazga VI metallurgy the bronze objects were made of alloys of copper and arsenic, of copper, lead and arsenic or copper, tin and arsenic, sometimes with the add of small percentages of zinc, bismuth, nickel; in some other cases the objects were of pure copper, as in the earlier periods, in the III mill. and in the first half of the II mill/ BC (Ruzanov, 1987, p. 195-197, 199). There are two important exceptions to the use of these alloys: in the Murghab basin and, above all, in the Sapalli culture there is a great amount of tin bronzes. The same can be said for another culture, that of Sumbar, where also there is a prevalence of tin bronzes (Ruzanov, 1987, p. 199).

The Andronovo metallurgy used instead, mostly tin bronzes i.e. bronzes made with an alloy of copper and tin as first add and in the highest percentage. The sources of copper

were in the Turkmenian Chorasán mountains, used in the IV-III mill BC (Ruzanov, 1987, p. 194), in Kazakhstan, in the Eastern Urals and in the Altai (Chernykh, 1992, p. 193). Tin mines were in Eastern Kazakhstan (Ravič, forthcoming) and in the Kalba and Naryn ranges of the western Rudny Altai mountains (Chernykh, 1992, p. 194, 200). Other tin sources were in the Zeravshan area, the cassiterite mines of the Zirabulak-Karatjube-Zeravshan zone and, perhaps, in the Aminzatau mountains (Ruzanov, 1987, p. 201; Ravič, forthcoming). Again in the Zeravshan valley, other tin mines, with evidence of use in the Bronze age by Andronovo people, were discovered in the area between Pjandjikent, Samarkand and Bukhara, in the sites of Karnab, Lapas and Changali in Uzbekistan, and of Musišton in Tadjikistan (Litvinsky, 1950, p. 51-62). In particular, at Musišton, Andronovo pottery of the Bronze Age has been found (Alimov et al, 1998, p. 159-161, 174-175).

The analyses made on the metal objects from Tandyriul and Kangurtut have revealed that they are tin bronzes, similar in the metal composition to those from the Fergana valley, in particular from the settlements of Dal'verzín and Chust, to those of the Burgulyuk culture of the oasis of Tashkent, of the Chaka Hoard and Muminabad necropolis of the Andronovo culture in central Uzbekistan and the Beshkent-Vakhsh cemeteries of Ranni Tulkhar and Araktau (Ravič, forthcoming). At the same time the bronzes from these sites and cultures have shown to be different from those found in Kazakhstan and Kirghizia, in some aspects, such as the tin source and its much smaller percentage, although there are affinities in the working methods (Ravič, forthcoming). According to Ruzanov (Ruzanov, 1987, p. 199-200), in fact, the populations of the Fergana valley, of the Burgulyuk culture, of the Surkhandarja region and of the Hissar and Vakhsh valleys used a different source of tin. This tin source could have been not only the mentioned cassiterite mines in the Zirabulak-Karatjube, Bukan-Tamdi-Aminzatau region and in the Chatka-Kuram area, but also the tin mines among Samarkand, Pjandjikent and Bukhara, also in the Zeravshan valley (see before).

The mixed presence of farming and Andronovo types of metal objects in several sites of the Sapalli culture in Northern Bactria is an evidence of the interaction between sedentary populations and nomads, which starts from the exchange of agricultural products of the farming people with the metals, especially copper and tin, of the Andronovo groups of the Zeravshan valley. The nomads were so intermediaries in the metal trade (Аванесова, 1991, p. 80). The exchange brought to the passage of technological and typological elements in the two cultures and to the formation of a metallurgy in which two different and distinct traditions are alive, visible in the reciprocal influences inevitably affecting the technologies of the alloys and the typologies of the objects. This is said with respect to Southern Tadjik metallurgy but could also be said about the industry of the Sapalli centres in Southern Uzbekistan and, in a wider scale, about the metallurgy of the Namazga VI culture itself, because the whole Central Asia was a territory of exchange and interaction between sedentary and nomadic populations.

The nomads, beside their metal, brought cultural and technological elements from farther regions, collected in their route and through their contacts with other populations. An example of this is constituted by the number of comparisons that a certain amount of metal objects, not only from the Kangurttut assemblage but also among the various finds from the South Tadjik territory, have in the Caucasus, in Transcaucasia and in Southern Russia, in the middle and lower Volga basin. Beside these, there are other analogies with the metallurgy of several areas of the Iranian Plateau, as the Gorgan plain, in North eastern Iran, the region of Tepe Sialk, in Northern central Iran, the Susiana and the Luristan in Southwestern and Western Iran, the Persian Talysh, in North western Iran. As we have seen, some typologies of the Tadjik objects have analogies that go as far as Mesopotamia (fig. 1, 13-14, fig. 2, 6). All these analogies with so far regions could be the result of indirect contacts promoted by the nomad tribes of Andronovo acting their role of trade intermediaries.

The Andronovo culture, documented at the beginning of the II millennium B.C., had

spread from Siberia, its original region, into a vast area, which included the Southern Urals and lower Volga zone Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan and Tajikistan. In the course of these movements it had come in contact with the other important nomadic culture, the Srubnaja, in numerous areas: in Southern Russia, in the zone between the Volga and Ural rivers, in Western Kazakhstan and in Choresmia, in the area of the Tazabagyab culture, a variant of Andronovo (Kohl, 1984, p. 183-184; Chernykh, 1992, p. 206,208). The Srubnaja, being also widespread in a huge area which from South eastern Europe and Western Caucasus reached eastwards Southern Turkestan, could receive influxes, cultural and technological elements from the more western regions of the Near East and also transmit westwards, in its turn, other elements from South eastern Europe, Siberia and Central Asia. In this way, the nomads could have played an important role in the transmission of the influences in both the directions, to the East and to the West. This is, in any case, only an hypothesis to try to explain the numerous comparisons that we find between some central Asian typologies of metal objects and typologies in South eastern Europe, Northern and Western Caucasus, Transcaucasia, and North western and Western Iran.

Another agent of transmission of cultural and technological elements, inside Central Asia, have been the Namazga populations themselves, in the course of their migration from the Kopet Dağ and Margiana regions, eastwards to the Surkhandarja valley in Southern Uzbekistan at the end of the III-beginning of the II mill. BC, giving birth to the Sapalli culture, which is a North Bactrian variant of Namazga VI and, later, approximately in the middle of the II mill. BC, again eastwards to Southern Tajikistan (Vinogradova, Lombardo, 2002, p. 71-72). During this slow migration the farming populations of the Namazga-Sapalli civilization came in contact with the Andronovo tribes of the Zeravshan valley, which were also present in Northern Bactria in the same period, establishing trade relations with them, above all for the metal supply. In this way they received from the nomads also cultural elements, some of which of western origin and, in the same time, they

transmitted in return to the Andronovo tribes elements from the Namazga-Sapalli culture and, perhaps still other impulses that they had collected in their slow movements from the Kopet Dağ area.

This exposition of the metallurgy of some South Tadjik farming sites is not complete, due also to the small amount of availa-

ble documentation. To have a broader picture of the metallurgy of Southern Tadjikistan we must wait for further excavations, especially for what regards the farming settlements and burial grounds, so the considerations I have made are only a suggestion for a possible trend of the studies.

Bibliography

- Аскарлов А.А.* Древняя земледельческая культура эпохи бронзы Южного Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы на юге Центральной Азии. Самарканд, 1993.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
- Виноградова Н.М.* Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // МАИКЦА. № 18. 1991.
- Ионесов В.И.* Развитие раннеклассовых отношений в земледельческих обществах Северной Бактрии. Дис. ... канд. истор. наук. Самарканд, 1990.
- Исаков А.И.* Саразм. Душанбе, 1991.
- Ильюков Л.С.* Металлические «вилки» в Майкопской культуре // СА. 1979. № 4. С. 138-146.
- Кузьмина Е.Е.* Металлические объекты неолита и эпохи бронзы в Средней Азии // САИ. №№ 4-9. М., 1966.
- Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968.
- Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Т. 1. М., 1976. С. 21-86.
- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Пьянкова Л.Т.* Энеолит и эпоха бронзы // История таджикского народа. Душанбе, 1998.
- Щетенко А.И.* Контакты между степью и земледельческими культурами в Южной Туркмении // Stratum. №2. СПб-Кишинев-Одесса, 1999.
- Alimov K. et al.* Prähistorisches Zinnbergbau in Mittelasien. Vorbericht der Kampagne 1997 // Eurasia Antiqua. 1998. N 4. P. 137-199.
- Amiet P.* La glyptique Mésopotamienne archaïque. Paris, 1961
- Amiet P.* La Glyptique Susienne // Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. Vol. 43. Paris, 1972.
- Amiet P.* Bactriane Protohistorique // Syria. LIV. 1977. P. 89-121.
- Avanesova N.* Bustan VI, une nécropole de l'Age du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbekistan méridional): témoignage des cultes du Feu // Arts Asiatiques. Vol. 50. 1991. P. 31-46
- Avanesova N.* Späetbronzeitliche Kulturkontakte in den Baktrischen Flussoase nach den befunden der nekropole Bustan VI // AMIT. Vol. 29. 1997. P.147-178.
- Baghestani S.* Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord China. Rahden, 1997.
- Chernykh E.N.* Ancient metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge 1992.
- Deshayes J.* Les outils de bronze de l'Indus au Danube (IV-e – II-e millénaire). Paris, 1960.
- Ghirshman R.* Fouilles de Sialk, près de Kashan. Paris, 1939.
- Goetzelt T., P'iankova L., Vinogradova N.* Neue bronzezeitliche Fundorte in Kyzyl Su Tal (Sud – Tadjikistan) // AMIT Vol. 30. 1998. P. 115-170
- Hiebert F.T.* Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.
- Huff D.* Deutsche-Uzbekische Ausgrabungen auf dem Djandaulattepe und in Džarkutan, Süduzbekistan 1993-1995 // Milleilungen den Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. N 18. 1997. P. 83-95.
- Khlopin I.N.* Jung Bronzezeitliche Graeberfelder in Sumbar –Tal, Sudwest Turkmenistan // AVA Materialien. Vol. 35. München 1986.

- Kohl Ph. L.* The Namazga civilization. An Overview // The Bronze Age civilization of Central Asia. Recent Soviet discoveries \ Ph. L. Kohl (Ed.). New York, 1981 P. vii-xxxix.
- Kohl Ph.L.* Central Asia. Palaeolithic beginnings to the Iron Age // Synthesis. Vol. 14. Paris, 1984.
- Masson V.M.* Altyn Depe. Philadelphia, 1988.
- Motzembaker I.* Sammlung Kossnierska – Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit. B., 1996.
- Müller-Karpe H.* Jungbronzezeitliche - früheisenzeitliche Gräberfelder der Swat-Kultur in Nord Pakistan // AVA Materialien. Vol. 20. München, 1983.
- P'jankova L.* The Bronze Age settlement in Southern Tajikistan // The Bronze Age civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries \ Ph. L. Kohl (Ed.). N.Y., 1981. P. 287-310.
- P'iankova L.T.* Jungbronzezeitliche Graeberfelder in Vachsh Tal, Sud-Tadjikistan // AVA Materialien. Vol. 36. München 1986.
- Picchelaury V.* Waffen der Bronzezeit Ostgeorgien. Espelkamp, 1997.
- Ravich I.G.* Peculiarities in composition and production technology of the metal objects found in the site of Kangurtut // Goetzelt Th., Lombardo G., Vinogradova N.M. The excavations at Kangurtut 1978-1996 (forthcoming).
- Ruzanov V.D.* Ancient alloys of Central Asia // History of material culture of Uzbekistan \ Askarov A.A. (Ed.). Vol. 21. Tashkent, 1987. P. 192-203.
- Sarianidi V.I.* Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig, 1986
- Sarianidi V.I.* Necropolis of Gonur and Iranian paganizm. M., 2001
- Schaeffer C.* Stratigraphie comparée de l'Asie occidentale. Oxford, 1948.
- Schmidt E.F.* Tepe Hissar Excavation 1931 // Museum Journal. Vol. XXIII. N. 4. Philadelphia, 1933.
- Schmidt E.F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia 1937.
- Shirinov, T., Baratov S.* Bronzezeitliche Grabstaetten aus der Necropole Dzarkutan 4c (Süd Uzbekistan) // AMIT. Vol. 29. 1997. P. 65-120.
- Shirinov T.S.* Die frühurbane Kultur der Bronzezeit im südlichen Mittelasien. Die vorgeschichtliche Siedlung Džarkutan // AMIT. Vol. 34. 2002. P. 1-170.
- Vinogradova N.M.* The farming Settlement of Kangurtut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age // AMIT. Vol. 27. 1994. P. 29-47.
- Vinogradova N.M.* Kangurtut: the Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan // Information Bulletin. M., 1996. № 20. P. 171-194.
- Vinogradova N.M.* Südtadžikistan in der Spätbronze-Früheisenzeit // Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23 bis 26 November 1999 \ Eichmann R., Parzinger H. (Eds). Bonn, 2001. P. 199-219.
- Vinogradova N.M., Lombardo G.* Farming Sites of the Late Bronze and Early Iron Ages in Southern Tadjikistan // EW. Vol. 52. 2002. N 1-4. P. 71-125.
- Vinogradova N.M., P'jankova L.* Works in the Hissar Valley in 1977 // ART. № XVII, 1977. Dushanbe, 1983.
- Vinogradova N.M., P'jankova L.* Kumsai Cemetery in South Tadjikistan // Information Bulletin. № 17. M., 1990. P. 121-138
- Woolley C.L.* Ur Excavations. The Royal Cemetery. Vol. II. London-Philadelphia, 1934.

Н.А. Аванесова
(Узбекистан, г. Самарканд)

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ФОНДОВ ГОСМУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА САМАРКАНДА

Полвека назад Виктор Иванович Сарианиди в Докладной записке (15.03.1954 г.) на имя заместителя директора Самаркандского музея К.М. Михайлова отметил, что случайные находки археологического фонда музея как специфический вид археологического источника требуют особых методов анализа, который должен начинаться с картографирования и систематизации, ибо многие из этих изделий представляют немалую научную ценность (Сарианиди, 1953). Необходимо напомнить, что непродолжительные, но успешные археологические поиски Виктора Ивановича связаны с Республиканским музеем истории культуры и искусства узбекского народа города Самарканда, куда он – выпускник кафедры археологии Средней Азии Ташкентского Среднеазиатского госуниверситета был направлен в связи с потребностью в специалисте-археологе.¹

Полагаю, что мое сообщение будет уместным к юбилею В.И. Сарианиди.

Ежегодно в Самаркандский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник от разных людей поступают древние предметы из случайных находок. Они являются одним из источников, существенно расширяющих наши представления о характере материальной, духовной культуры и хозяйства населения Зерафшанской долины. Материал чрезвычайно разнороден, многообразен,

и трудно предсказать, когда он будет достойно изучен во всей полноте.

Летом 1996 г., во время работы в археологических фондах указанного музея, автор обнаружил ряд предметов эпохи бронзы, полезных для воссоздания археологической топографии и истории доурбанистического Согда.² Находки, на которые хотелось бы обратить внимание, выточены из камня, изготовлены в технике шлифовки и известны в научной литературе как песты-скипетры, клиновидный топор и наверхие «жезла». Несмотря на значительную депаспортизованность предметов, культурно-хронологическое и типологическое определение комплекса в целом не вызывает особых сомнений и стало возможным в результате работ на раннеандроновском горнометаллургическом поселении Тугайном. Памятник относится к числу специализированных культурных образований, может быть включен в состав петровской культуры андроновской культурно-исторической общности, вместе с тем, принадлежит к числу ранних синкретических образований эпохи бронзы Зерафшанской долины (Аванесова, 1995, с. 82-86; 1996, с. 117-131). Этот период в Средней Азии менее известен (что во многом объясняется временной трансформацией антропогенных ландшафтов), поэтому данные предметы особенно значимы, так как дополняют наши сведения о ранних степных обществах, чем и объясняется обращение к этим материалам.

Коллекция незначительна, она насчитывает шесть единиц. Наибольший интерес

¹ Приказ № 9 от 29 января 1953. Сарианиди В.И., направленного в распоряжение музея Комитетом по делам культурно - просветительных учреждений при Совете Министров Уз.ССР Согласно удостоверения №11 САГУ с 1 февраля назначить на должность зав.отделом археологии //Архив Республиканского Госмузея г. Самарканда. Ед. хран. 108, л. 6.

² Пользуясь, случаем, хочу выразить глубокую признательность заведующей отделом фондов археологии Госмузея Е.В. Лушниковой за представленную возможность изучения коллекций и помощь в работе.

среди них представляют *пестообразные предметы*. Зона распространения их крайне обширна – 3 предмета происходят из Самарканда и области, один из Красноводской области. При всей вариации деталей общей чертой является наличие под-

цилиндрического корпуса (основная часть формообразующей конструкции) и небольшого навершия фаллического облика. Различия заключаются в оригинальном фигурном оформлении навершия и в размерах артефактов.

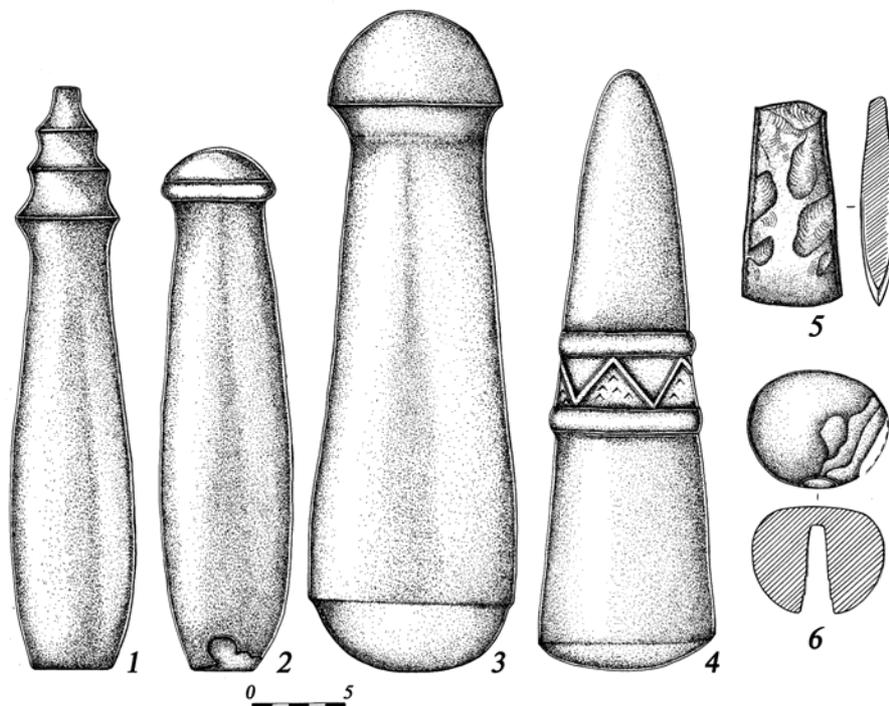

Рисунок 1. Случайные находки Самаркандского музея. 1 – окрестности селения Сары-Урак; 2 – с территорий городища Кульдортепа и Коштепа; 3 – школа № 6 г. Самарканда, 4 – окрестность городища Мазау; 5-6 старые археологические сборы Музея.

Приведем их краткие описания.

1. Пест с пирамидальным навершием. Имеет вид вытянутого усеченного конуса. Навершие оформлено двумя широкими поясообразными каннелюрами, которые моделируют три рельефных валика в форме ступенчатого конуса. На уплощенной поверхности основания имеются трещины. Сечение округлое. Размеры: высота 30,5 см, диаметр по основанию 4,4 см. Изготовлен из темно-серого габбро³, отличается тщательностью обработки, отполирован, навершие залощено (рис. 1,1). Происходит из подъемного материала экспедиции музея (городище Дунье-тепе) в окрестностях селения Сары-Урак, Булунгурского района

³ Минерало-петрографическое определение каменным изделиям дано заведующей Минералогической лабораторией при объединении «Самгеология» О.К. Карповой, за что выражаю ей искреннюю признательность.

Самаркандской обл. Поступил в фонды в 1987 г. Шифр А-527-7/ КП 4866.

2. Пест с грибовидным навершием. Корпус вытянут, подцилиндрической формы, с небольшим моделирующим пояском в виде валика под полусферическим навершием. Основание имеет уплощенную поверхность со следами выбоинок, в поперечном сечении круглое. Размеры: высота 28 см, диаметр по основанию 5,6 см. Изготовлен из диабазовой породы камня темно-серого цвета, зашлифован. Происходит из коллекции краеведа Эшбоя Гафарова. Сбор с территорий городищ Кульдор-тепе и Кош-тепе Ургутского района. Поступил в фонды в 1989 г. Шифр А-533-40/КП 5122 (рис. 1, 2).

3. Массивный с грибовидным навершием пест. Имеет цилиндрическо - коническую форму, расширяется к основанию.

Последнее полусферической формы, покрыто выщерблинами. Сечение в поперечнике верхней части округлое с плавным увеличением в средней части, со значительным в основании. Изготовлен из серого плотного кварцитового песчаника, отполирован. Размеры: высота 34,5 см, диаметр по основанию 10,5 см. Обнаружен Р.Я. Сучковым в овраге, где протекал канал Новадон (к северо-западу от Регистана) в районе школы № 6 г. Самарканда. Поступил в фонды в 1964 г. Шифр А-448-6/КП3067 (рис. 1,3).

4. Пест вытянуто-конической формы с орнаментом. Верхняя часть оформлена сужающимся конусом. Корпус подцилиндрический, имеет слегка выпуклое основание со следами забитости. Орнаментальный пояс служил своеобразной зоной, отделяющей «рукоять» от основного корпуса. По центру проходят два опоясывающих валика, между которыми выбита широкая лента зигзаговидных углублений, формирующая равнобедренные треугольники. На некоторых из них просматриваются разреженные угловые вертикальные насечки, по технике нанесения орнамента отмеченные у андроновцев. Сечение в поперечнике округлое, диаметр которого увеличивается в проксимальной части. Изготовлен из серо-молочного тонкозернистого песчаника. Тщательно зашлифован, верхняя часть залощена. Размеры: высота 30,8 см, диаметр по основанию 9,0 см. Найден вблизи городища Мазау, в 55 км. от г. Кызыл-Арык Красноводской обл. Поступил в фонды в 1944 году от лейтенанта Кипарисова. Шифр А-372-1 (рис. 1,4).

Подобные изделия принадлежат к т.н. пестам фаллической формы. Данные артефакты широко известны как в погребальных комплексах, так и на поселениях, и имеют очень широкий культурно - хронологический диапазон бытования: от хассунской культуры (VI тыс. до н.э.) Месопотамии до гамаюнской культуры (начало I тыс. до н.э.) Зауралья (Афанасьева, 1983, с. 67, рис.15; Борзунов, 1993, с. 116, рис 2-6), т.е. они использовались многими невзаимосвязанными по культуре общностями. Вместе с тем, уместно отметить, что описываемые находки становятся традиционными предметами для памятников эпохи бронзы Евразии. В

специальном обобщающем исследовании Н. Бороффка и Е. Сава включили их в число андроновских древностей и определили им место в ряду формальной типологии как тип V с разными вариантами (Boroffka, Sava, 1998, tab. 1, s. 113). Предложенная авторами аргументация принадлежности к андроновским комплексам может быть подтверждена дополнительными свидетельствами, прежде всего параллелями из Зерафшанской долины. Существенным представляется, что две находки из публикуемой коллекции музея (рис. 1, 2, 3) обнаруживают поразительное сходство (особенно вторая - из Ургутского района) с аналогичными предметами из Тугайного (рис. 2, 7).

В сравнительном плане представляет интерес и такой факт: в фондах Археологического музея Самаркандского университета хранятся несколько фрагментов андроновской керамики и кремневый наконечник стрелы. Обнаружены они на берегу древнего русла Новадон с территории, прилегающей к школе № 6, откуда происходит и описанный выше пест (рис.1,3)⁴.

Настоящее сообщение посвящено публикации случайных находок и не позволяет осветить целый ряд вопросов (генезис, назначение, семантика и др.), возникающих в связи с описанием коллекции. Отметим лишь, что особое значение в данном случае имеет то обстоятельство, что серия однотипных предметов имеет непосредственное отношение к проблеме активизации пастушеских обществ в среднеазиатских оазисах, вызванной поиском новых рудных источников. Показательно присутствие подобных артефактов в комплексах, чаще всего связанных с горно-металлургическим и металлообработывающим производством. Ярким примером служат материалы поселения Тугайного. Сходные обстоятельства находок засвидетельствованы севернее – в степном Казах-

⁴ Сведения о том, где и при каких обстоятельствах были найдены указанные находки, имеют исключительно важное значение, т.к. могут позволить атрибутировать пест за счет керамики (Архив кафедры археологии СамГУ, Ф. № 41). Эти взаимосвязанные находки позволяют предполагать, что территория была обжита в эпоху бронзы.

стане: в Алексеевском поселении (Кривцова-Гракова, 1948, с. 121-122, рис. 46), на поселениях Каргалы I, II (Маргулан, 1979, с. 215, 217, рис.165, 1,3,4), Атасу, Мыржике и др. (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.132, рис. 96, 2; 101, 8.10). Видимо, такое же происхождение имеет жертвенный комплекс поселения Камышное I (лесостепное Притоболье), в известной степени также связанный с металлургическим производством (Потемкина, 1985, с. 121-124). Характер их взаимосвязи может быть уточнен после историко-культурной атрибуции нескольких экземпляров пестов периода ранней бронзы из поселения Саразм, которое считается одним из основных центров металлообработки Средней и Южной Азии (Исаков, 1991, с. 132, рис. 29,6,7; 54, 4; 1991а, с. 18, таблица-вкладыш; Раззоков, 1994, с. 18, 19). Они демонстрируют типологическую близость с экземпляром, найденным в районе школы № 6. В экспозиции музея им А.Рудаки г. Пенджикента представлена серия близких пестов как из Саразма, так и из случайных находок, но их культурная атрибуция требует уточнения, т.к. за исключением 3-х изделий их стратиграфическое положение не вполне безупречно. Богатый по количественным показателям материал Саразма и его окрестностей, к сожалению, не представлен в каталоге Н. Бороффки и Е. Савы. Из поля зрения авторов выпала работа А.И. Исакова «Саразм».

Характер отмеченных параллелей, скорее всего, говорит о том, что важную роль играет хозяйственно-культурная близость их носителей.

По уровню информативности материал из Саразма очень важен для решения вопроса о времени использования пестов типа V и его вариантов. Дата, предложенная для них Н. Бороффкой (1800-1400 гг. до н.э.), в целом справедлива, но ее нижнюю границу можно уточнить в сторону удревнения, прежде всего параллелями из Саразма, где слой, содержащий пест фаллической формы, занимает III период Саразма и датирован временем 2900-2700/2600-2300 (Исаков, 1991а, с. 22). Показательны в этом плане также находки из поселения Тугайное, материал которого

мы частично синхронизируем с IV периодом Саразма. По Исакову, это соответствует 2700-2000/2300-2000 гг. до н.э. Результаты обработки серии дат по методу C^{14} из Тугайного дают наиболее вероятные календарные интервалы в пределах 2250-1950 гг. до н.э.⁵, что соответствует археологическому функционированию поселения. Здесь надо оговорить, что истоки пестов-скипетров типа V могут быть не связаны с Саразмским комплексом, тем более, что пока не вполне ясны обстоятельства их появления в пределах Зерафшанского пояса. Без учета предметов случайного происхождения из Пенджикентского музея, здесь сконцентрировано 9 пестов с навершием фаллической формы, в то время как в сводке, проводимой авторами, огромного ареала андроновских памятников учтено всего 12 таких экземпляров (Boroffka, Sava, 1968, Abb.38). На основании изложенного целесообразно расширить географию охарактеризованных изделий и ввести в хронологическую таблицу колонку с комплексами Зерафшана.

На общем культурном фоне Евразии Зерафшанскую долину можно выделить в особую самостоятельную зону, где песты имеют глубокие местные корни, которые на андроновских комплексах уловить сложно.

В более северных (степных и лесостепных) памятниках синташтинско - петровского типа, роль которых в сложении культур андроновской общности не вызывает сомнения, такие изделия (возможно, за исключением жертвенного комплекса Камышное I) отсутствуют. Это склоняет нас к мысли, что, во-первых, саразмские песты могли быть одной из подоснов сложения исследуемых предметов на данной территории, во-вторых, они не являются показателем принадлежности к одной культуре.

Рассматриваемые каменные песты, получившие в рамках Зерафшанского региона своеобразное «фаллическое» оформление, явились результатом социально - экономических изменений, которые произошли в эпоху бронзы в связи с развитием металлургического производства. Это положение

⁵ Калиброванные даты C^{14} были получены благодаря содействию Б.Лионет, за что выражаю искреннюю признательность.

представляется тем более вероятным по устойчивости ситуации их нахождения, а именно в поселениях, имеющих отношение к металлургии и металлообработке. Добавим, что трасологический анализ демонстрирует ту же связь функционального применения исследуемых артефактов. По заключению Г.Ф. Коробковой⁶, фиксируемые следы утилизированы, и это позволяет считать, что они использовались как специализированные орудия для растирания и измельчения руды, производившейся в ступках или на терочных плитках. Думается, что это вторичная функция пестов, так как в качестве последних на поселении Тугайное использовались и песты простых форм, без фигурных наверший.

Изобразительные особенности наверший этой категории артефактов предполагают какой-то символическо-знаковый подтекст, связанный не столько с производственной эффективностью, сколько с принадлежностью к миру сакрально-знаковых предметов, и в этом плане они скорее скипетры (предметы культа) чем орудия. В сложном вопросе о сфере применения данных изделий ещё много неясного. Однако можно считать, что семантическая нагрузка их однозначно была связана с магико-религиозной силой огня, о чем свидетельствуют археологический контекст и этнографические примеры, но это тема специального исследования.

Существенный интерес представляют и две другие категории находок из музейного фонда: кремневые – топор-тесло и навершие «жезла». К сожалению, точное местонахождение этих изделий установить нельзя, однако, есть веские основания считать, что они связаны с единым комплексом, так как надежно засвидетельствованы среди материалов поселения Тугайное. Тут важна не столько

идентичность формы топора и «жезла», сколько сочетание последних с пестом-скипетром. Поэтому принадлежность к одному культурно - хронологическому комплексу не вызывает сомнений.

Топор-тесло или клиновидный топор - в плане подтрапециевидный с прямоугольным сечением и обушком, плоский, широколезвийный с симметрично заточенным лезвием. Имеет тщательно отшлифованную и заполированную поверхность (обе стороны и боковые грани) с многочисленными остаточными следами первичной обработки в виде фасеток, идущих в разных направлениях. Изготовлен из серого полосчатого (с волнистыми прожилками) непрозрачного кремня. Размеры: длина 10,5 см, ширина в рабочей части 5,2 см. Шифр А-448-10. Место находки неизвестно. Происходит из старых археологических сборов музея Самарканда (рис. 1, 5).

Для нашего региона описанный топор необычен, не имеет явных параллелей и среди степных культур Евразии. Особенно удивительным представляется, что идентичные по форме и технике обработки кремневые клиновидные топоры характерны для памятников фатьяновско - балановских племен лесостепной полосы Восточной Европы. По классификации, разработанной Д.А. Крайновым, публикуемый топор может быть отнесен к широкому среднеобушковому типу с прямоугольным сечением (Крайнов, 1972, с. 63, рис. 24, 11; 1987, с. 182, рис. 26, 11,12). Он, по Д.А. Крайнову и А.Х. Халикову, относится к ранним формам клиновидных топоров верхневолжской и средневолжской группы памятников (Крайнов, 1987, с. 73; Бадер, Халиков, 1987, с. 81, 82). Аргументировать фатьяновскую принадлежность топора позволяют яркие, хотя и немногочисленные примеры фатьяновских каменных сверленных топоров ранних типов (молотковидный, клиновидный и с грибовидным обушком), обнаруженные вместе с вышеописанным типом в Тугайном (рис. 2, 1-3). Они характеризуются рядом архаических черт, отмеченных в материалах ранних типов сверленных и кремневых топо-

⁶ Трасологический анализ каменных изделий из поселения Тугайное позволил определить полный набор орудий, связанных с циклом горно-металлургических производственных операций. Анализ произведен заведующей экспериментально-трасологической лабораторией ИИМК РАН Г.Ф.Коробковой, за что выражаю огромную благодарность.

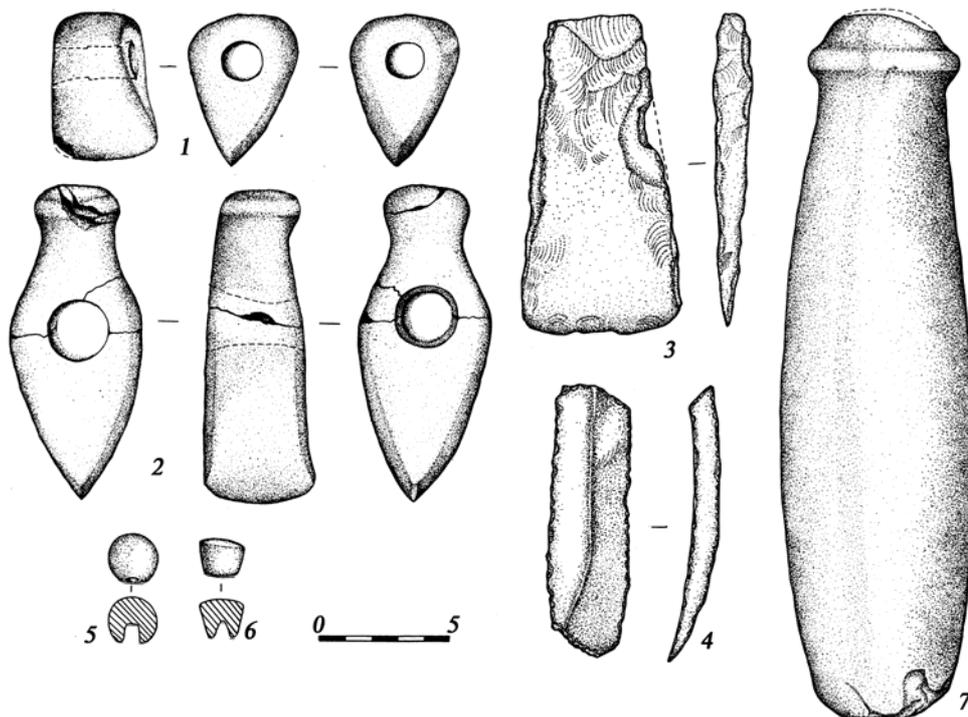

Рисунок 2. Поселение Тугайное. Каменные изделия. 1, 2, 3 – топоры фатьяновского типа; 4 – пластинчатый нож; 5, 6 – наконечники «булавок»; 7 – пест-«скипетр» фаллической формы.

ров Волго-Окского междуречья (Крайнов, 1972, с. 39-40, 61, рис. 15, 2; 16, 7).⁷

Видимо, такое же происхождение имеет кремневый пластинчатый нож с ретушью, идентичный по материалу кремневному топору (из Тугайного), совместное нахождение которых является особым хронологическим индикатором ранних фатьяновских памятников Поволжья (Крайнов, 1987, с. 73) (рис. 2, 3, 4). Ценность этих находок, к тому же найденных в культурном слое с раннеандроновским материалом, не вызывает сомнений, так как обосновывает необходимость удревнения петровских комплексов.

Вопрос о происхождении фатьяновских древностей в Зерафшанской долине может быть решен только в самой общей форме. Появление в указанном регионе

каменных сверленных и кремневых топоров на столь значительном удалении от их основного ареала мы не связываем с прямыми носителями, хотя наличие кремневого ножа, обломков сверленного топора позволяет полагать, что нельзя полностью исключить такую возможность. Есть неоспоримые свидетельства, что фатьяновцы, в поисках металлургического сырья уходили далеко на восток, в Приуралье (Сальников, 1967, с. 118-121, рис 2; Крайнов, 1987, с. 62-64). В Зерафшанскую долину фатьяновские древности могли попасть опосредованно, через третью культурную общность – при посредстве полтавкинцев или абашевцев Поволжья и Приуралья. С первыми фатьяновцы находились в непосредственной близости (на юго-востоке они сосуществовали), со вторыми были генетически связаны (в районе Волго-Уралья одна из подоснов). В керамическом материале поселения Тугайное, наряду с петровской посудой (доминирующий компонент), фиксируются трансформированные признаки полтавкинских и абашевских культурных традиций (Avanessova, 1996, fig. 43, 44). Эти опосредованные влияния на становление комплекса Тугайное дают основание

⁷ Никакой особой специфичности, позволяющей относить указанные предметы к фатьяновской (балановской) культуре, не выявляется. Их можно соотносить с материалами культур шнуровой керамики, амфор и боевых топоров Восточной и Центральной Европы в целом. Отдельные подобные находки стали появляться в западных андроновских памятниках. Атрибуция кремневой пластины вообще подлежит обсуждению. – Прим. ред.

определить, откуда исходил первоначальный импульс в период формирования транзитных связей, и ставят проблему источников этих контактов.

Фатьяновские аналогии, засвидетельствованные в Зерафшанском оазисе, свидетельствуют о направлении связей андроновцев и исходной территории первоначального их появления в Средней Азии. Продвижение андроновцев имеет вполне определенную экономическую основу, заключающуюся в богатстве природными и минеральными ресурсами бассейна долины Зерафшана, который входил в сферу коммерческих интересов не только Евразии, но и Среднего Востока (Саразм, Тугайное, Сиаб, Зерафшанский вариант БМАК).

Предметом нашего рассмотрения является, как указывалось выше, и *каменное навершие «жезла-скипетра»*. Обратимся к описанию.

Навершие сферической формы выточено из черно-зеленого пикрита-базальта. Поверхность заполирована до зеркального блеска, частично отбита. Отверстие в центральной части не сквозное, коническое сверление проведено штифтом с помощью абразива (канал со следами от действий последних). Размеры: 7,2 x 6,2 см, диаметр отверстия 1,7 см, глубина отверстия 4,6 см. Шифр А-448/7. Место находки неизвестно. Происходит из старых археологических сборов музея Самарканда (рис. 1, б).

Полные аналогии описанному предмету мне неизвестны. Можно указать лишь, что прослеживается не типологическое, а сырьевое сходство с навершием в виде булавы из Тугайного. Достоин внимания, что в последнем известны миниатюрные каменные и керамические экземпляры артефактов, внешний вид которых демонстрирует определенную близость к публикуемому «жезлу» (рис. 2, 5, 6). В памятниках Средней Азии эпохи палеометалла, небольшие предметы подобной формы (из камня и глины разной пропорции) с несквозным отверстием на основании конструктивных, формально морфологических признаков относят обычно к категории наверший. Они имеют сферическую, сфероконическую, биконическую,

усеченно-коническую формы. В особый тип могут быть выделены экземпляры наперстковидной формы (Зерафшанский регион). Сырьем для изготовления каменных наверший служили в основном поделочные породы⁸. Популярностью пользовались мраморовидный оникс, агат, халцедон, розовый алебастр с горизонтальными прожилками и др. Поверхность поделок тщательно заполирована. Известны тождественные или очень близкие по форме глиняные артефакты. В большинстве случаев они изготовлены из такой же поделочной массы, что и сосуды, несут следы лощения, охры, имеют хороший обжиг, изредка встречаются необожженные.

В этом ряду выделяются навершия, снабженные прочерченными знаками, скорее всего, неорнаментального характера (Сарианиди, 1961, табл. XIII, 11; Массон, 1961, табл. XIV, 10). Керамические изделия часто встречаются со слегка уплощенным или лункообразным верхом (Бердыев, 1976, рис. 17, 25; Исаков, 1991, рис. 74, 7, 10, 11). Обращает на себя внимание, что вылепленные из глины и выточенные из камня навершия имеют не только нестандартные формы, но и размеры – от небольших, высотой 1,2-2 см, до относительно крупных, высотой 2,5-3 см. Диаметр их соответственно колеблется от 1,5 до 3 см, высота часто не превышает диаметр навершия. Величина и глубина канала отверстия также отличаются. Диаметр отверстий не более 0,6 см, по вертикальному сечению они имеют цилиндрический канал, но известны экземпляры с V-образным и U-образным каналом.⁹ Проведенный ана-

⁸ К сожалению, не все сведения о находках наверший сопровождаются определением сырья и иллюстрациями, а если и есть рисунки, то они часто без масштаба. Не существует и системы единого описания и фиксации местоположения (особенно в могилах), что приводит к потере важной информации. Разработка типологии этой интересной категории артефактов, не нашедших пока своего места в научной литературе, заслуживает отдельного исследования.

⁹ Морфологические и метрические характеристики даны в основном по рисункам в публикациях.

лиз свидетельствует о внутренней неоднородности этой специфической категории наверший в комплексах. Выразительные серии разнообразных форм наверший демонстрируют находки из Алтын-депе, Саразма и Заманбаба.

Несмотря на интенсивное накопление памятников, где представлены рассматриваемые поделки, сфера их применения и вопрос о назначении остаются пока не совсем ясными. Их называют по-разному: пряслицами (Хлопин, 1961, с. 181; Сарияниди, 1961, с. 256; Массон, 1982, с. 15), напряслами для веретена (Массон, 1964, с. 107, Кирчо, 1991, с. 11,12; Березкин, 2001, с. 52), булавами, жезлами (Кузьмина, 1958, с. 31; Исаков, 1991, с. 97, рис. 22; Кирчо, 2000, с. 72, рис. 2, II, 3, 4), навершиями булавок (Гулямов и др., 1966, с. 156; Бердыев, 1976, с. 50). Не обсуждая правомерность приведенных мнений, ответ, на наш взгляд, следует искать в трасологическом анализе, верифицируемом экспериментами, что позволит обнаружить следы утилизации.¹⁰

Результаты сравнительного анализа дают возможность уточнить ареал и время бытования наверший. Показательна гео-

¹⁰ При всей ограниченности имеющихся данных, миниатюрные размеры этих предметов более склоняют нас считать их навершиями для булавок или головных шпилек. Косвенным подтверждением этому является система размещения их в могилах. Так, в непотревоженных элитных погребениях они находились в головах женских скелетов (Кирчо, 1991, с. 16, рис. 11; Исаков, 1994, с. 92). Известны навершия с остатками окислившейся меди и даже с тонким куском металла в отверстиях - из могильника Заманбаба (Гулямов и др., с. 157). Находки такого рода немногочисленны, в первую очередь, вероятно, потому, что стержень делали из органических материалов. Следует также отметить, что функциональное определение наверший без сквозного отверстия в качестве булавок весьма условно, поскольку неглубокие отверстия и сами навершия очень маленькие (Исаков, 1991, рис. 22, 5, 6, 11-13 и др.). К сожалению, терминологические неточности, которые имеются в публикациях, иногда служат основанием для далеко идущих заключений (см: Зданович, 1997, с. 56). Пока к функциональной характеристике следует относиться с известной осторожностью.

графия находок: они представлены в памятниках северной подгорной равнины Копетдага и в Геоксюрском оазисе с эпохи энеолита (Сарияниди, 1961, 1964; Хлопин, 1961, 1963; Массон, 1961, 1982; Бердыев, 1972; Кирчо, 1991, 1999).

Большая концентрация их фиксируется и в Зерафшанском оазисе (Гулямов и др., 1966; Исаков, 1991). Наблюдаются прямые связи между двумя культурными провинциями, в то время как в памятниках Юго-Западного Туркменистана, культуры которых развивались параллельно (Пархайские и Сумбарские комплексы выросли на общем субстрате), их нет¹¹. Объяснить этот феномен в данной публикации не представляется возможным. Небезынтересно отсутствие подобных находок в памятниках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса.¹² Таким образом, рассматриваемые артефакты, вероятно, являются локальной особенностью памятников подгорной полосы Копетдага (в том числе и Геоксюра) и памятников Зерафшана. За пределами указанных регионов они пока более нигде нам неизвестны.¹³ Картографирование находок рисует картину особенностей территориально-культурных типов, ставит вопрос о вероятном месте появления наверший без сквозного отверстия и уточняет время появления подобных изделий. По южнотуркменской периодизации (Массон, 1982, Массон, Кирчо, 1999), навершия с односторонним отверстием появляются в период раннего энеолита или Намазга-I и до-

¹¹ И.Н. Хлопиным исследовано несколько сот погребений в Сумбарской долине эпохи энеолита и бронзы и только в одной могиле (№ 262) некрополя Пархай II они найдены (Хлопин, 2002. 1.65, Табл. 103, 5.6).

¹² К числу немногих исключений относятся единичные подъемные образцы из Шортугая (холм А) и Дашлы 3 (Frankfort, 1983, pl. 83, 3; Сарияниди, 1976, рис. 50, 15, рис. 51, 8).

¹³ Авторы, исследовавшие Заманбабу, допускают неточности (из-за отсутствия чертежа разреза), указывая, что, подобные навершия распространены в слоях Гиссар III (Гулямов и др., 1966, с. 157). Э. Шмидт описывает находку (Табл. LXIII, Н 2748) как каменное навершие булавы с цилиндрическим двусторонним отверстием (Schmidt, 1937, p.221).

живают до среднего этапа бронзового века или Намазга-V. Пик популярности этих изделий приходится на период Намазга III-IV, что соответствует позднему энеолиту и ранней бронзе. Таким образом, они являются не только показателем принадлежности к определенному ареалу, но и хронологическим репером определенных культурных комплексов.

В целом, с учетом приведенных данных, несмотря на яркую индивидуальность, навершие «жезла» из коллекции музея соотносимо с кругом древнеземледельческих древностей Средней Азии. При всей неясности происхождения этого «жезла», учитывая его материал, можно полагать, что он изготовлен в Зерафшанской долине. Месторождения такой геологической породы как пикрито-базальт известны в Кизылкумах (Тамды-тау), в рай-

оне Нураты (Дарбаза) а также в Тезкудукском пикритовом массиве (Любезное сообщение О.К. Карповой, за что выражаю огромную благодарность). Напомним, что из аналогичной породы выточена булава из поселения Тугайное. По-видимому, оба навершия изготовлены носителями близких по времени культур. Публикуемые материалы в общих чертах вписываются в комплекс поселения Тугайное, где наблюдается интеграция разнокультурных элементов.

В заключение следует заметить, что случайные находки из фондов Самаркандского музея не только существенно подтвердили наши суждения о самобытности Зерафшанского региона, но и в соединении с другими материалами позволяют прогнозировать появление новых объектов.

Литература

- Аванесова Н.А.* Новое о проникновении пастушеских племён эпохи бронзы в земледельческие оазисы // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия \ Массон В.М. (Ред.). С-Пб., 1995. С.82-86.
- Афанасьева В.К.* Первые земледельцы Нижней Месопотамии и Элама // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. М., 1983. С. 66-75.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987. С. 76-84.
- Бердиев О.* Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С. 14-81.
- Березкин Ю.Е.* Квартальный центр эпохи бронзы на Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеолита. С-Пб, 2001. С. 40-56.
- Борзунов В.А.* Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири \ Матюшенко В.И. (Ред.). Екатеринбург, 1993. С.111-134.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966. С. 5-265.
- Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: Социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. С. 3-91.
- Исаков А.И.* Саразм. Душанбе, 1991. С.3-158.
- Исаков А.И.* Верховья Зерафшана в эпоху энеолита и бронзы. Автореф. дисс. д-ра истор. наук. Л, 1991а. С. 1-37.
- Исаков А.И.* О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ 1985. Вып. XXV. Литвинский Б.А. (Ред.). Душанбе. 1994. С. 85-99.
- Кадырбаев М.М., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. С.5-245.
- Кирчо Л.Б.* Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-Депе в 1984-1989 гг. // Новые археологические открытия. Вып.1. С-Пб, 1991. С.3-40.
- Кирчо Л.Б.* К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана // Археологические изыскания Вып. № 60. \ Алекшин В.А. (Ред.). С-Пб., 1999. С.3-120.
- Кирчо Л.Б.* Богатое погребение эпохи средней бронзы на Алтын – депе // АВ. С-Пб, 2000. С. 70-80.

- Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. Вып. XVII. М, 1947. С. 59-172.
- Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М, 1972. С.5-272.
- Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М, 1987. С.58-76.
- Кузьмина Е.Е.* Могильник Заман-Баба // СЭ. 1958. №2. С.24-33.
- Массон В.М.* Кара-депе у Артыка // Труды ЮТАКЭ. Том X. Ашхабад, 1961. С. 36-128.
- Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964. С. 3-465.
- Массон В.М.* Алтын-депе // Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. М, 1981. С.5-175.
- Массон В.М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. М, 1982. С.10-92.
- Массон В.М., Кирчо Л.Б.* Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ // РА. 1999. №2. С.61-76.
- Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. С.5-360.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М, 1985. С.3-375.
- Раззоков А.Р.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма // Автореф. дисс. канд. ист. наук. С-Пб, 1994. С.1-19.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М, 1967. С. 5-405.
- Сарианиди В.И.* Краткий полевой отчет о маршрутной экспедиции Самаркандского музея в августе 1953 г. // Архив Республиканского госмузея г. Самарканда. Ед. хран. № 897, л.10.
- Сарианиди В.И.* Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад. 1961. С. 225-318.
- Сарианиди В.И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып.98. С.60-65.
- Сарианиди В.И.* Южный Туркменистан в эпоху бронзы // Первобытный Туркменистан. Ашхабад, 1976. С. 82-112.
- Сарианиди В.И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М, 1976. С. 21-86.
- Хлопин И.Н.* Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1961. С. 134-224.
- Хлопин И.Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении // Свод археологических источников. Часть I. М.-Л., 1963. С. 3-27.
- Хлопин И.Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. С-Пб., 2002. С. 7-334.
- Avanesova N.* Pasturse et agriculteurs de la vallée du Zeravshan au début de l'âge du bronze: relations et influences mutuelles // Lyonnet B., Isakov A. Sarazm (Tadjikistan). Ceramiques. Paris, 1996. S. 117-131.
- Boroffka N., Sava E.* Zu den steinernen «Zeptern / Stössel-Zeptern», «Miniatursälen» und «Phalli» det Bronzezeit Eurasiens // AMIT. Bd.30. Berlin, 1998. S. 17-113.
- Francfort H.-P.* Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. T. I-II. Paris, 1998. S. 10-512.
- Schmidt E.* Excavations at Tepe Hissar. Damghan. Philadelphia, 1937.

МАЙКОПСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 3 МОГИЛЬНИКА ИНОЗЕМЦЕВО – 1

Курганный могильник Иноземцево-1 раскапывался в 2000 г. Ставропольской экспедицией Государственного унитарного предприятия «Наследие». Держателем открытого листа был Я.Б. Березин (Корневский, Березин, 2002). Руководство раскопками погребений бронзового века осуществлялось мной. Могильник представлял собою обширное курганное поле. Он начал сооружаться в эпоху раннего периода бронзового века и функционировал вплоть до позднего средневековья. Погребения раннего периода бронзового века были обнаружены в курганах 1 и 3. Основное погребение в кургане 1 относится к галюгаевско-серегинскому варианту майкопско-новосвободненской общности (МНО). Настоящая статья посвящена вводу в научный оборот двух наиболее молодых погребений майкопской культуры кургана 3 и обнаруженных вместе с ними любопытных каменных конструкций.

Курган 3 группы Иноземцево – 1 находился в центральной части могильника, на расстоянии 140 м по азимуту 290° от кургана 1 (расстояние дано между центрами курганов) (рис. 1). Поверхность насыпи сильно распахана, на ней встречались достаточно крупные камни. Нарушений насыпи на поверхности не отмечено, впрочем, они могли быть нивелированы вспашкой.

Расположение насыпи на склоне и распашка привели к тому, что она имела в плане грушевидную форму, вытянутую в направлении север-юг. Длина насыпи в пределах горизонтали – 0,80 м с севера на юг 34 м, с востока на запад 27 м. Вершина уплощена, северный склон гораздо более крутой, чем южный. Соответственно высота насыпи с севера превышала 1,20 м, с юга не достигала 0,80 м.

За РЦ¹ была принята наиболее высокая точка в центральной части кургана. Для исследования его стратиграфии было оставлено три бровки шириной 1 м, расположенные по линии север – юг. Центральная бровка проведена через РЦ, параллельно ей с востока и запада, на расстоянии 5 м (расстояние между осями бровок), оставлены ещё две бровки.

Верхний уровень погребенной почвы в профилях кургана отмечен в виде слоя мелкого гравия. В центральной части профиля под точкой репера он залегает на уровне 0,8 - 0,95 м. Ниже идет слой гумусированной почвы-чернозема, который плавно переходит в чернозем, насыщенный беловатой каменной крошкой, примерно, на глубине (-)1,1 м. С этого уровня начинаются уже материковые отложения.

Слой глубинного желтого материкового суглинка, насыщенный мелкими камнями или гравием, в центральной части кургана залегает на глубине 1,26 м.

С ранним периодом бронзового века в кургане связано основное погребение 8, могила 26, ритуальный комплекс РК-1² и кромлех 1. Остальные 23 погребения и кромлехи относятся к среднему периоду бронзового века, 2 – к эпохе поздней бронзы. Две могилы принадлежат сарматской эпохе (рис. 1).

Стратиграфические ситуации раннего периода бронзового века отражены в основном в профилях западной, центральной и восточной бровок (рис. 2, 1, 2, 3, 4), которые на иллюстрациях представлены фрагментами центральных участков. Чертежи и фотографии с кромлехом 1 показаны на рисунках 3-7.

¹ РЦ – репер - центр

² РК – ритуальный комплекс

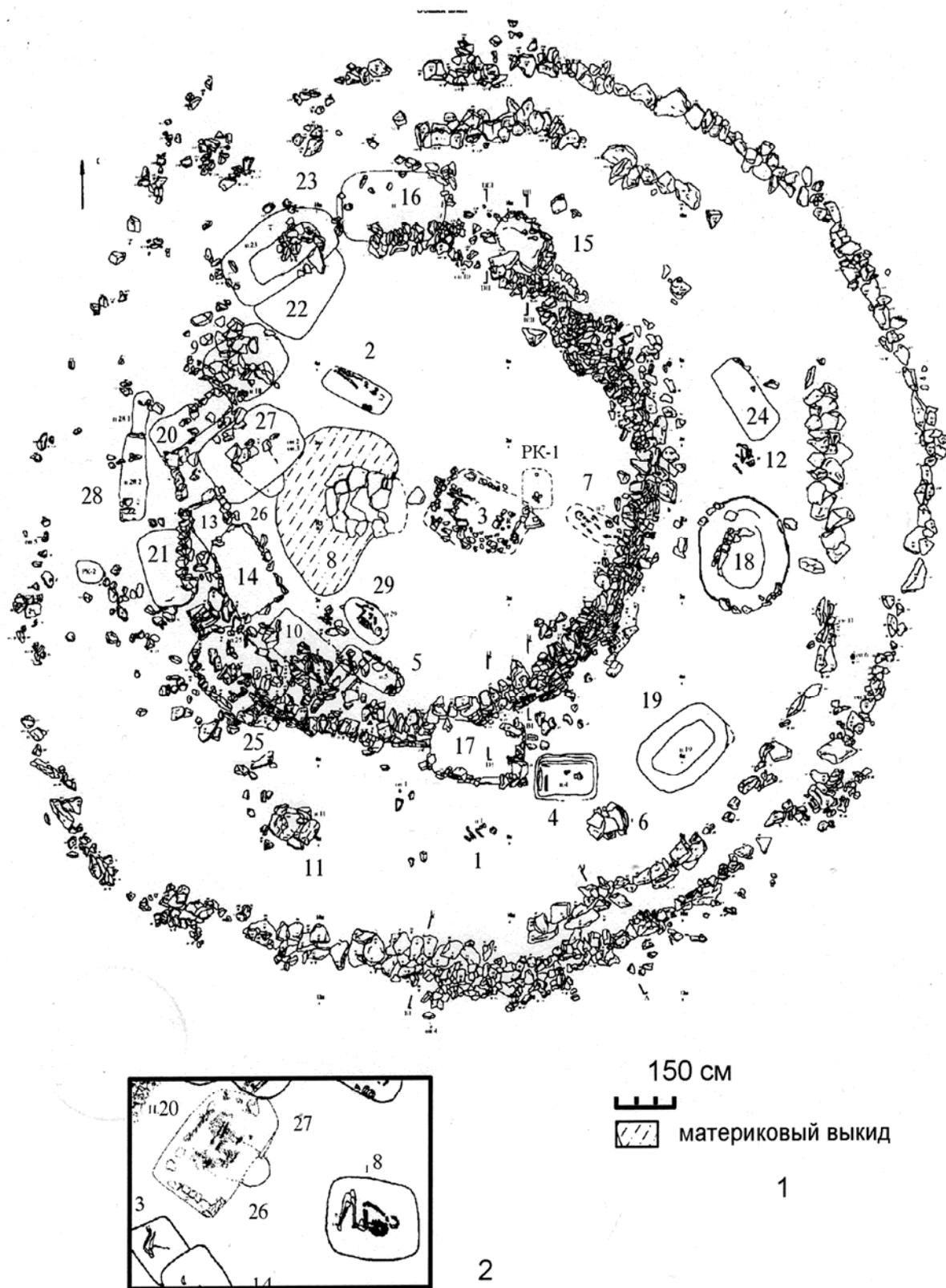

Рисунок 1. Могильник Иноземцево-1. Курган 3. 1 – общий план; 2 – погребения 8 и 26.

Камни кромлеха 1 хорошо прослеживаются в западной и центральной бровках в виде наклонно стоящих плит. На западном профиле западной бровки и восточном фасе

центральной бровки отмечен слой земли (1а), на который опирались наклонно расположенные плиты кромлеха. Скорей всего это свидетельство вала – подпорки.

охватывает дугу около 180°. Она занимает главным образом северо-восточную, восточную и южную части сооружения от точки ЦС - 5,5 м, ЦВ - 1,5 м до точки ЦЮ - 4,5 м, ЦЗ - 6 м. Северная, северо-западная, юго-западная части кромлеха, как отмечалось выше, подверглись разрушению или реконструкции (рис. 3).

Уже при визуальном осмотре стало ясно, что кромлех состоит из плит песчаника, на которые были положены валуны – бештауниты. Конструкция была сложной и нестандартной. Поэтому исследование кромлеха проходило в два этапа. На первом этапе сооружение было расчищено и зачерчено. На втором этапе кромлех был разобран, и с песчаниковых плит сняты камни – бештауниты. Ниже приводим описание кромлеха 1 уже с учетом данных обоих этапов работ.

Песчаниковые плиты основания кромлеха.

Непотревоженная часть конструкции имеет определенные особенности, которые можно было выявить уже при визуальном осмотре. Прежде всего, обращало на себя внимание, что на всем протяжении сохранившейся дуги кромлеха из-под бештаунитовой кладки проступали торцы или верхние части плит из желтого глинистого песчаника. Дуга из этих камней на юго-западе сохранилась в виде скопления из трех наклонных песчаниковых плит на участке ЦЮ 2 – 2,7 м – ЦЗ – 8 м. Ряд плит, идущих с юго-запада по дуге на север, начинался на точке ЦЮ – 4 м, ЦЗ - 6,2 м. На северо-востоке дуга плит песчаника заканчивалась на точке ЦС - 3,2 м, ЦВ - 3 м (рис. 4-6).

Плиты песчаника представляли собой, в основном, трапеции со строго параллельными широкими плоскостями и длинными боковыми гранями. Верхние и нижние стороны плиты редко перпендикулярны длинной осевой линии. Как правило, они закошены. Явно антропоморфных плит в кромлехе нет.

Правильные очертания плит во многом были связаны с естественными особенностями залегания этих плит в месторождении. При их использовании требовалось только выломать их из пласта и оформить короткие боковые стороны. Плита-заготовка получалась ровной, напо-

миная хорошо обработанную строительную доску.

Наибольшие из плит длиной 1,1 – 1 м, наименьшие 0,6 - 0,7 м. Ширина плит колебалась от 1 м до 0,25 м, но, в основном, плиты имели в ширину от 0,8 м до 0,4 м. Толщина плит 0,1- 0,2 м.

Песчаниковые плиты в большинстве случаев зафиксированы в наклонном положении со скатами плоских сторон во внутреннюю часть кургана. Угол наклона плит колебался от 70° до 85° к горизонту. Местами есть и полулежащие плиты с углом наклона до 15°-30°. Плит, стоящих строго вертикально, зафиксировано не было.

Плиты располагаются в кромлехе в основном плотно в ряд. Промежутки более 0,05 м между плитами можно объяснить за счет последующих разрушений конструкции.

Редки случаи, когда одна песчаниковая плита налегала на другую. В юго-восточной части кромлеха был отмечен участок, в котором плиты лежали в 6 рядов. Наклон плит был близок к углу 15°, но это скорее исключение, чем правило. Плиты, стоящие более вертикально, такого наслоения не образуют.

Глубины оснований плит находились на отметках 0,71 - 0,92 м, но в основном на глубинах порядка 0,73 - 0,85 м. Верх плит был зафиксирован на высоте от (+) 0,3 м до (-) 0,52 м. В сохранившемся состоянии они не образовывали по верху ровной горизонтальной линии. У основания некоторых плит были расчищены мелкие плитки, которые могли служить забутовкой основания.

В целом, можно предположить, что плиты местами были слегка вкопаны в почву и укреплены с внутренней стороны тонкими песчаниковыми плитами.

Мы предполагаем, что внешние стороны плит могли опираться на невысокий, специально возведенный земляной вал - опору из грунта погребенной почвы. Некое подобие подсыпки с внешней стороны кромлеха 1 удавалось фиксировать в профилях бровок в нескольких случаях.

В северо-восточной части сооружения плиты кромлеха (в зоне восточной бровки) своими верхними окончаниями опирались на очень крупные камни – валуны. Последние явно служили им опорой.

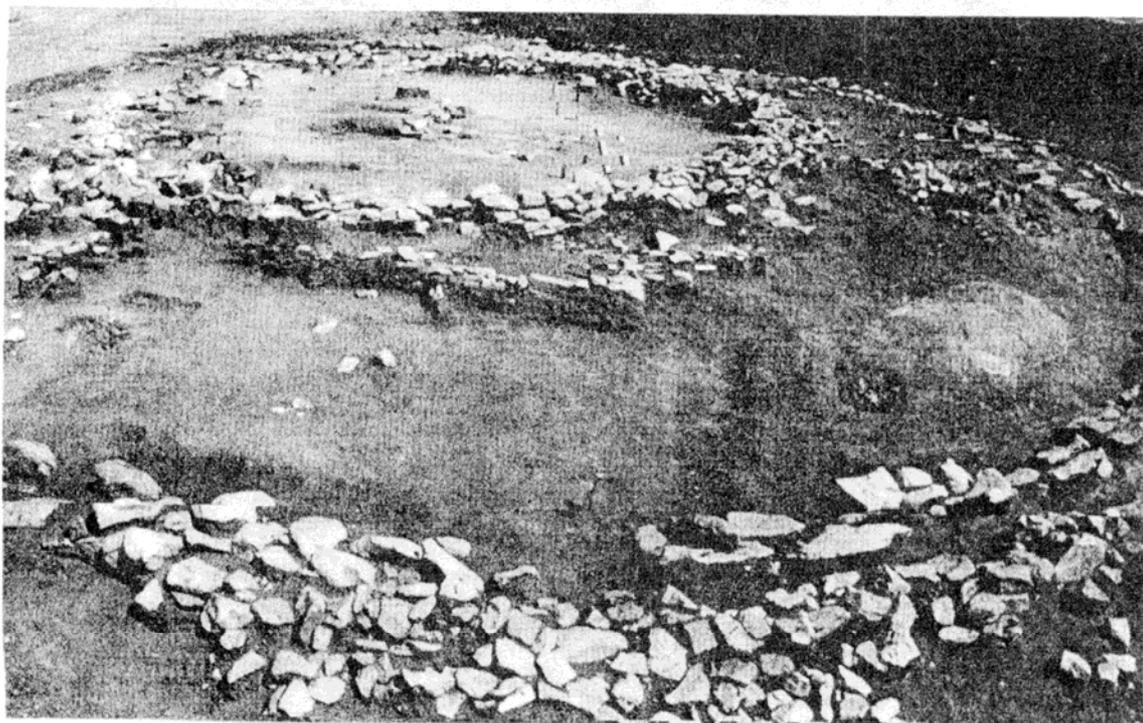

Рисунок 3. Верхний уровень расчистки плит кромлеха 1 и вид на погребение 8.

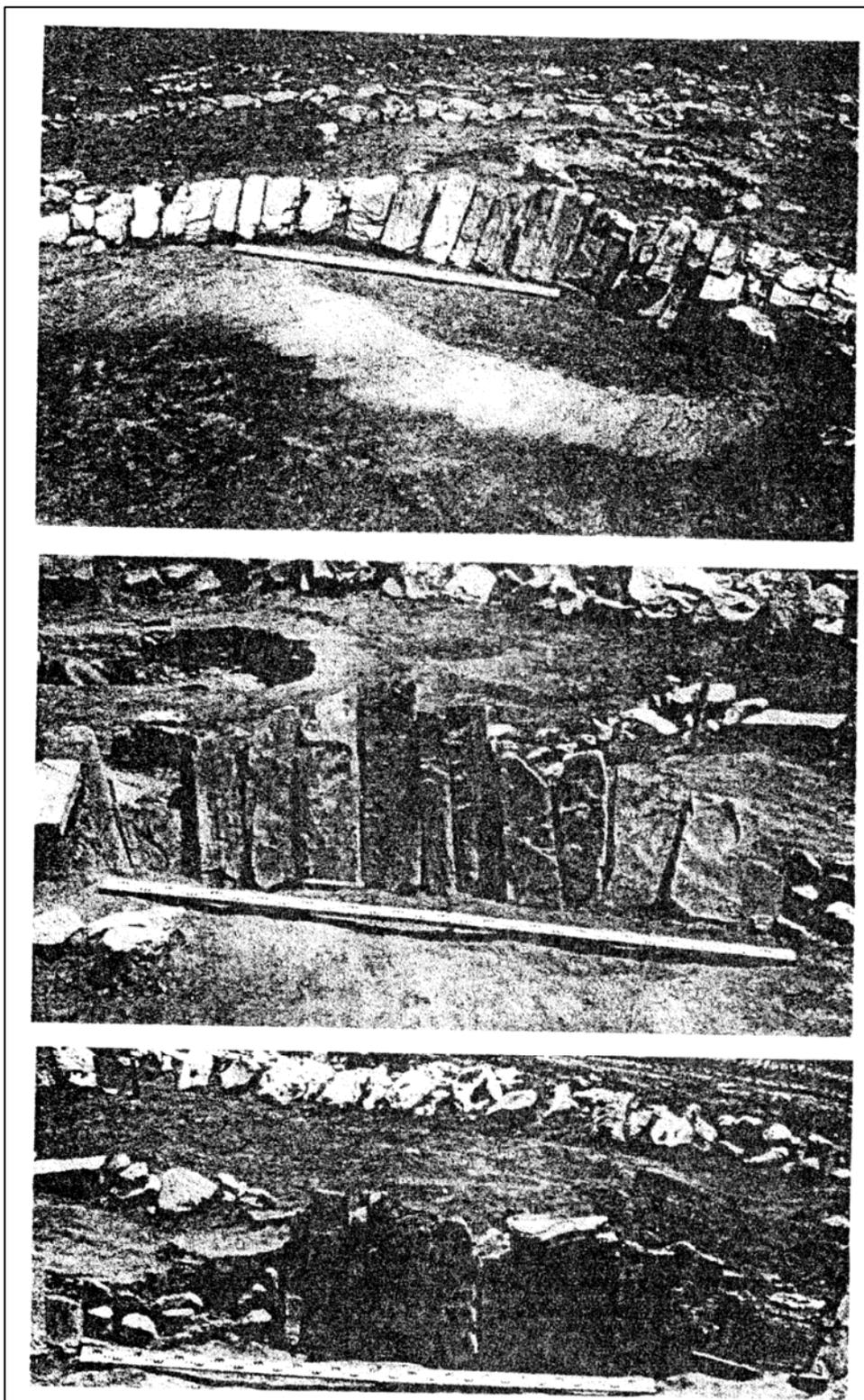

Рисунок 4. Могильник Иноземцево-1. Курган 3, кромlex 1.

Размеры этих валунов доходили до 0,7 x 0,5 x 0,3 м и 0,5 x 0,4 x 0,3 м. Эти валуны лежали на слое предматериковой почвы, на глубине 0,72 - 0,83 м.

При расчистке кромлеха 1 неоднократно отмечался особый, насыщенный каменной крошкой грунт с внешней стороны плит кромлеха 1. В состав крошки вхо-

дил мелкий гравий и осколки от песчаниковых плит. Возможно, песчаниковые плиты подрабатывались на месте, уже при конструировании кромлеха.

Каменный навал на песчаниковых плитах.

С внутренней стороны песчаниковые плиты были перекрыты навалом в один, два

или три ряда. Навал состоял из камней – бештаунитов. Редки случаи укладки песчанниковой плиты в горизонтальном положении на вертикально стоящую плиту. Бештауниты–валуны имеют в основном средние размеры, но есть и крупные камни. Особенность этого навала в том, что довольно бессистемная кладка бештаунитов все же показывает наклон их во внутреннюю часть кургана. Камней, упавших наружу, за пределы круга песчанниковых плит, мало. В основном они отмечены в северо-восточной части кромлеха. Высота кладки кромлеха, в целом, неодинакова.

Это во многом обусловлено наклоном поверхности, на которой был сооружен памятник. В юго-восточной части кромлеха оказался выше, в северо-восточной – ниже. Так, отдельные камни кромлеха в юго-восточной части находились на глубине 0,05 – 0,11 м. В северо-восточной части верх камней зафиксирован на отметке 0,45 м. Ширина кладки камней колеблется около 1 м.

Следующей важной деталью расположения камней бештаунитов в кромлехе является то, что их основание покоилось существенно выше уровня погребенного чернозема. Так, отметки глубин нижних камней–валунов во внутренней части кромлеха колеблются от 0,07 до 0,24 м. От уровня погребенной почвы их отделяло около 0,40–0,60 м. Естественно, что бештауниты не могли висеть без опоры. Последней для них могла быть только земля насыпи 1.

Исключение составлял лишь один участок в северо-восточной части кромлеха, находящийся примерно в зоне ЦС – 2–4 м, ЦВ – около 3 м. Здесь валуны-бештауниты плотной кладкой спускаются во внутреннюю часть сооружения, и нижние камни лежат на глубине около - 0,67 м.

Интересной деталью являлась выявленная в юго-восточной части кромлеха с внутренней стороны узкая (около 0,4 - 0,6 м в ширину) полоса черноземного грунта, перекрытая сиреневым растительным тленом. Глубина залегания этой полосы тлена 0,48 - 0,61 м. Расположенные над ней камни бештауниты внутреннего контура кромлеха находятся на глубине около 0,21 - 0,24 м.

Уровень погребенной почвы имеет отметку на этом участке 0,7 м.

С внешней стороны кромлеха 1, в юго-восточном секторе, на глубине 0,5 м, находился слой мелкого гравия. На нем лежало несколько небольших, смещенных с кромлеха песчанниковых плит.

Зона разрушения и частичной реконструкции кромлеха.

Зона разрушения кромлеха 1 охватывает северную и западную часть каменного кольца.

Плотный ряд каменных песчанниковых плит обрывался на точке ЦС – 3 м, ЦВ – 3 м, далее структура конструкции резко менялась, она состояла из навала бештаунитов. Песчанниковых, наклонно стоящих плит уже нет, но камни кромлеха лежали по-прежнему плотно. Более того, именно здесь была зафиксирована наибольшая ширина кромлеха, доходившая до 2 м.

Низ описываемой кладки был связан с крупными валунами бештаунитами, четко продолжающими линию наклонных песчанниковых плит. На участке ЦС – 3,75 – 4,5 м ЦВ – 2 м была отмечена особая кладка валунов средних размеров. Длина ее по линии дуги 0,75 м, а ширина – около 1 м. С внутренней части кольца камни этой кладки лежали сплошным навалом до глубины 1,01 м. Связан ли этот участок с изменением особенностей первоначальной конструкции кромлеха или является более поздней пристройкой – не вполне ясно. Первое предположение предпочтительнее.

Явный сбой в порядке каменной кладки кромлеха был виден дальше, на участке ЦС – 5,5 м, ЦВ – 2 м. Здесь до участка ЦС – 7,5 м, ЦЗ – 3,5 м бештауниты лежали менее плотно, с небольшим отрывом от предыдущих камней, но строго по дуге, заданной первоначальной конструкцией кромлеха 1.

Камни кромлеха нависали над погребениями 15 и 16 среднего периода бронзового века и частично перекрывали их. Нет сомнений, что этот участок дуги кромлеха 1 уже был построен после разрушения первоначальной кладки и впуска могил 15 и 16. Впуск этих захоронений четко фиксируется в профилях кургана.

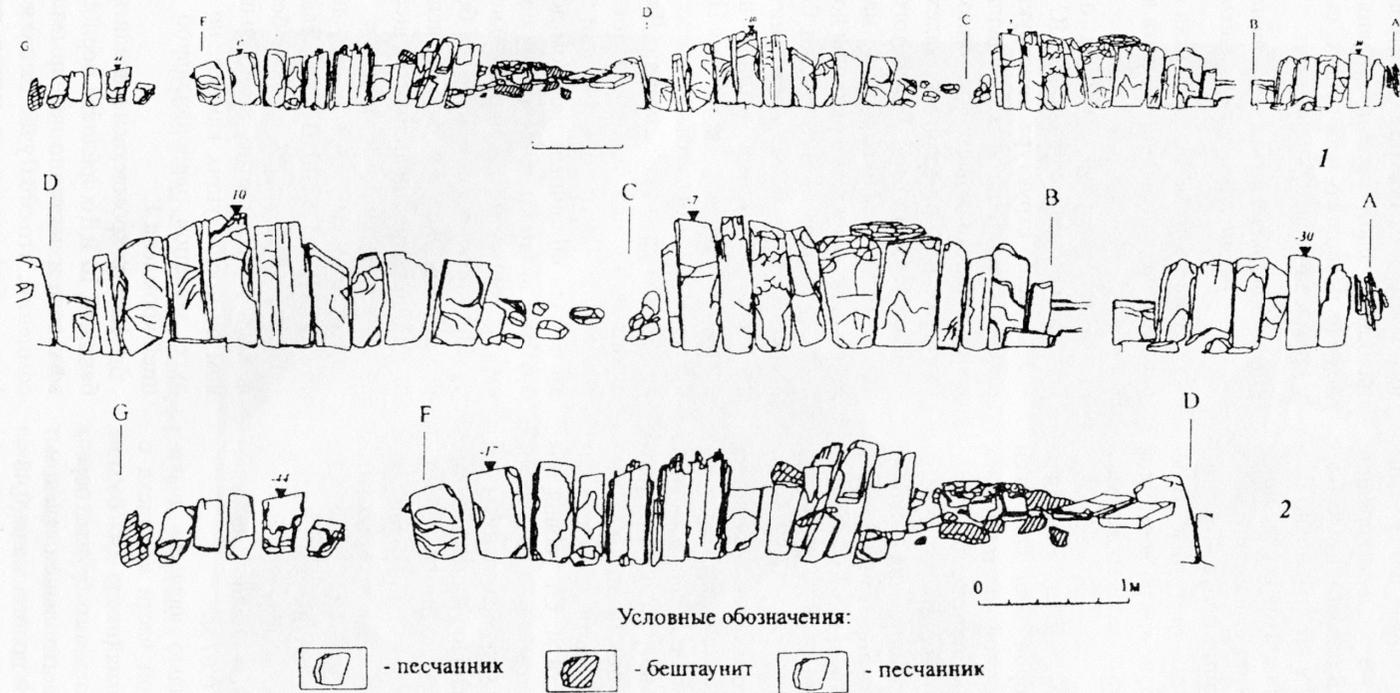

Рисунок 5. Могильник Иноземцево-1. Курган 3. Чертеж плит кромлеха 1.

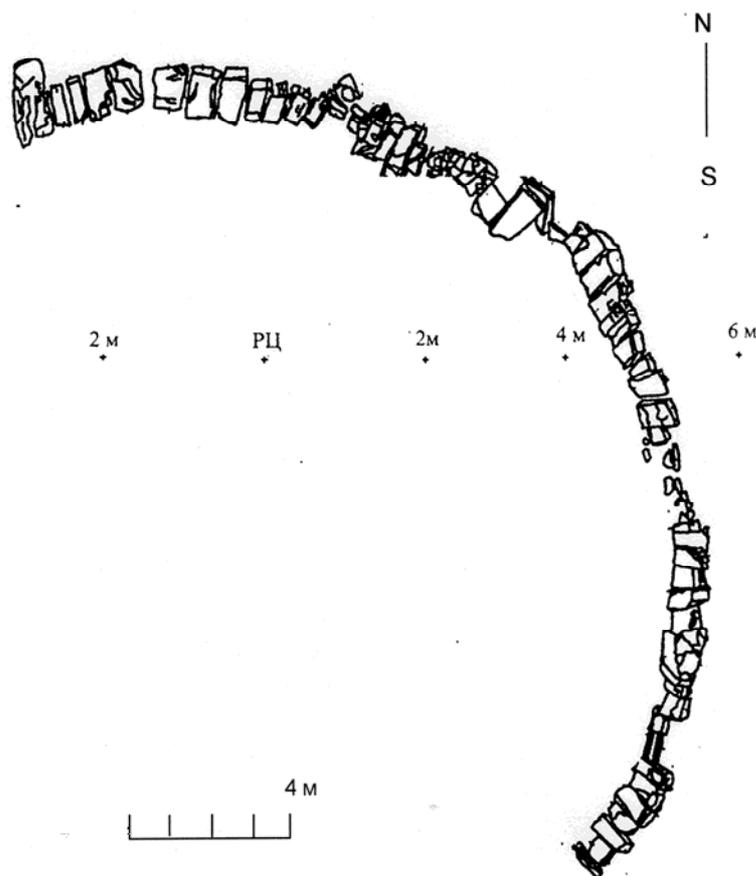

Рисунок 6. Могильник Иноземцево. Курган 3, кромlex 1. Колебания глубин оснований плит – 71-90 см; верхнего уровня плит – (+)3 – (-)30 см

За пределами погребения 16 кромlex 1 уже теряет какие-либо черты упорядоченной кладки. Ниже мы перечислим захоронения, впущенные в зону кромlexа 1, без какого либо намека на хронологию захоронений. Все они относятся к среднему периоду бронзового века. Над ними отмечались разрозненные камни бештауниты, лежавшие то в беспорядке, то включенными в каменные конструкции погребений.

Имитация кладки кромlexа отмечена над погребениями 22 и 23. Здесь бештауниты оказались брошенными в верхнюю часть заполнения этих могил. Глубина их залегания и местоположение вполне соответствуют дуге каменной кладки кромlexа 1.

Далее с севера на юг в зону кромlexа впущено погребение 9. Оно было перекрыто каменными плитами, но над ними фиксировался разброс камней бештаунитов. За погребением 9 к югу следуют погребения 20 и 27. Над ними также были отмечены брошенные в заполнение ям камни-бештауниты. С запада от погребения 20 зафиксированы могилы 28/1 и 28/2, над ними

также фиксировались отдельно лежащие камни.

Южнее погребения 20 и 27 располагаются могилы 21, 18 и 14. Над погребением 21 в направлении погребения 20 был сооружен ряд камней.

Длина его по линии север – юг 3,5 м. Погребение 21 впущено с севера в непосредственной близости от трех наклонных песчаных плит кромlexа 1 на участке ЦЮ – 2 -2,7 м, ЦЗ – 8 м.

С юго-востока от этих плит расположилось погребение 25. Его впуск в зону кромlexа 1 явно прорезал первоначальный ряд наклонных песчаных плит. Первоначальная дуга этих плит фиксируется непосредственно у юго-восточной короткой стенки ямы погребения 25.

Плоские плиты из кладки кромlexа 1, в том числе и песчаные плиты, были включены в оформление длинной западной стенки погребения 25. Площадь же этой могилы была затем забросана камнями из кромlexа 1.

С внутренней стороны к кромlexу 1 в юго-западной части были впущены могилы

10 и 5. Камни кромлеха 1 использовались для заброса их могильных ям. С внешней стороны кромлеха 1 в его южной части было впущено погребение 17. Для обкладки краев его ямы использовался тот же материал – камни кромлеха 1.

Ритуальный комплекс 1.

Ритуальный комплекс 1 (рис. 8, 2) находился в центральной части кургана. Уровень его фиксации – 0,52 – 0,54 м.

Комплекс состоял из керамического сосуда, костей и нескольких камней. Он был обнаружен при выемке грунта из центральной части кургана. Контуры какой-либо ямы в насыпи кургана, сделанной для выпуска этого сосуда, не фиксировались. Насыпь в этом месте представляла однородный темно-серый гумусированный грунт с известняковой щебенкой,

Венчик сосуда зафиксирован на глубине – 0,54 м. Дно на глубине 0,75 м. Вокруг сосуда расчищено 4 узких полосы пепельно-черного тлена шириной 0,02 – 0,05 м. Три из них находились южнее сосуда на расстоянии 0,05 м и 0,45 м и одна северо-западнее на расстоянии 0,07 м.

Южнее сосуда, в 0,7 м от него, на глубине 0,61 – 0,73 м, расчищены две кости. Они столь сильно истлели, что определить, кому они принадлежали (человеку или животному) затруднительно. Тлен верхней кости имел длину 0,40 м, толщину 0,03 – 0,035 м. Кость ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ниже нее лежал тлен другой плоской кости длиной 0,25 м, шириной 0,10 м.

В 0,1 м к югу от этого скопления костей находились два камня. Верхний камень-бештаунит обнаружен на глубине – 0,51 м, под ним лежала наклонно плоская плита известняка. Она находилась на глубине 0,64 м. Оба этих камня входили в зону стенки погребения 3.

Керамический сосуд (рис. 8, 2). Имеет закрытую форму и плоское дно. Лепной и строгой симметрией тулова не обладает. Допустимо предположение о применении поворотного столика при его изготовлении, так как на дне горшка намечается след от подставки.

Венчик имеет плавный, «S»-видный, отгиб наружу. Толщина тулова около 3 - 4

мм. Внешняя поверхность тулова имеет охристую расцветку, во многих местах проступает сизая поверхность более глубоких слоев, так как в изломе черепок имеет именно сизый тон. Внешняя поверхность заглажена. На ней в изобилии проступают мелкие выбоины – поры. Внутренняя поверхность практически вся покрыта беловатым налетом и также содержит массу мелких выбоин – каверн. Сосуд, судя по незначительным выбоинам на венчике, употреблялся в быту.

Высота сосуда 16 см. Диаметр венчика 13 см. Диаметр дна 6,2 см. Высота тулова до перехода к венчику различна и колеблется в разных местах тулова от 13 до 14 см.

Погребение 8.

Погребение 8 (рис. 7, рис. 8, 1) было основным для первой курганной насыпи. Оно находилось в центральной части кургана и представляло собой грунтовую яму с каменным перекрытием. Обнаружено во время расчистки погребения 3 среднего периода бронзового века, которое вплотную примыкало к нему с востока. При сооружении погребения 3 был разрушен восточный край каменного перекрытия погребения 8, однако само погребение задето не было.

Признаками захоронения стали выступающие из земли на глубине 0,72-0,73 м камни и окружающий их сиреневый тлен.

Первый этап расчистки. На первом этапе (рис. 7) был прослежен выкид из погребения, конкретизирована зона сиреневого тлена вокруг камней и расчищен верхний слой плит перекрытия. В ходе расчистки установлено, что западное окончание каменного перекрытия входит в восточный профиль западной бровки, так же как расположенный над ним сиреневый тлен и выкид. Для полной расчистки оформления погребения в бровке, после предварительной фиксации данного участка, была сделана вырезка.

Каменный навал на первом этапе расчистки представлен послойно лежащими плитами из белого известняка. Камня других пород в навале не встречено.

Навал имеет подпрямоугольную форму и ориентирован по длинной оси восток-запад с небольшим отклонением.

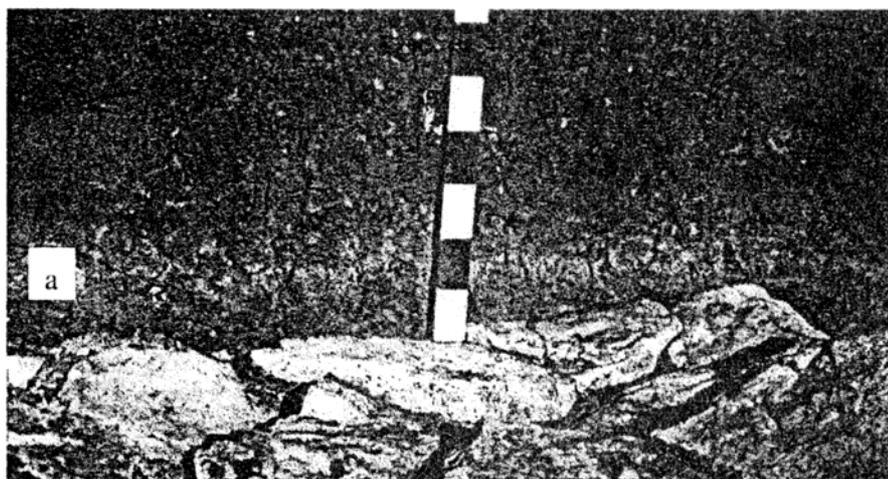
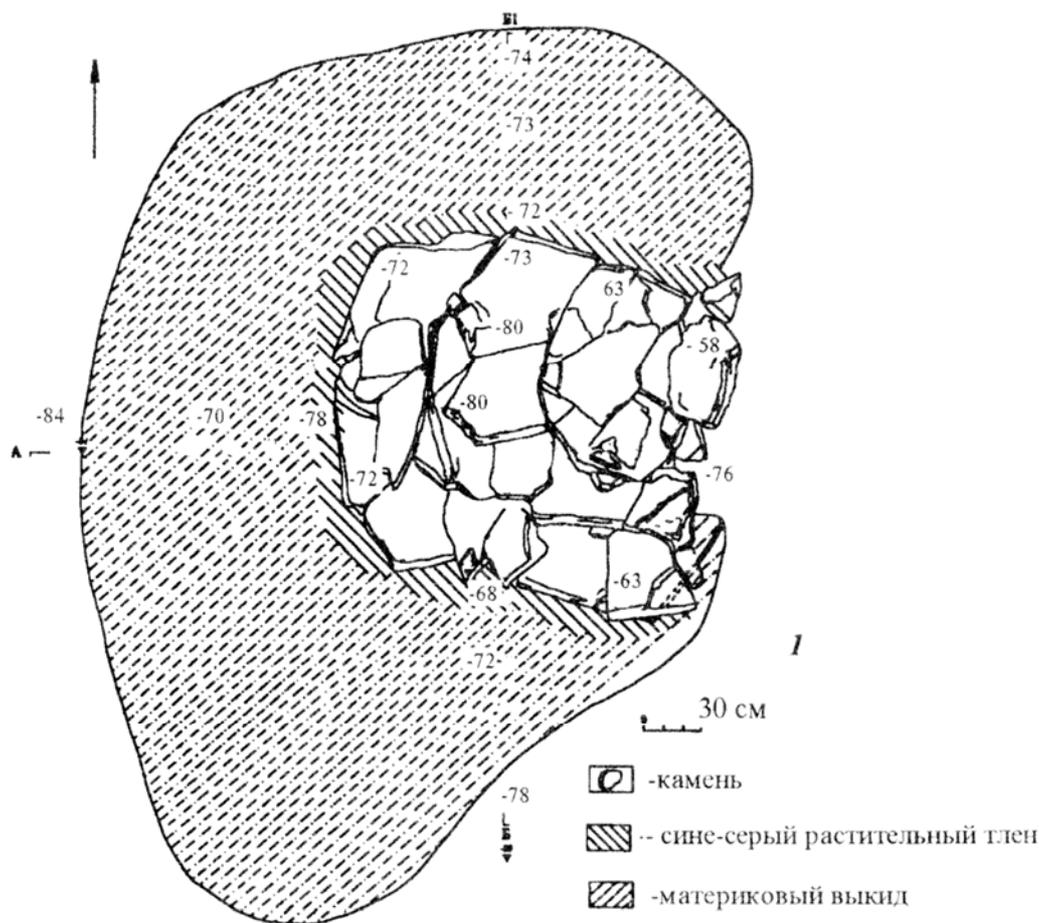

Рисунок 7. Могильник Иноземцево-1. Курган 3, погребение 8. Плиты перекрытия и выкид из погребения 8. а) – прослойка выкида в проиле бровки на подсыпанной подушке земли.

Длина навала по оси восток-запад – 1,8 м, ширина – 1,62 м. Навал имеет выраженную просадку в центральной части (рис. 7). Верхняя часть камней по периметру находилась на глубине 0,58-0,75 м. В центральной части они опускались до глубины 0,87-0,93 м. В результате проседания часть плит потрескалась, и поэтому трудно судить об их первоначальных размерах в

деталях. Можно только отметить, что сохранившиеся камни имеют довольно крупные размеры – до 0,8-0,7 м в длину и до 0,5 м в ширину при толщине до 0,05-0,06 м. Есть и менее крупные плиты размером 0,3 x 0,2 м.

Выкид из погребения 8 расчищен с северной, западной и южной сторон могилы. Он представлен слоем желтого материкового суглинка с известняковой щебенкой.

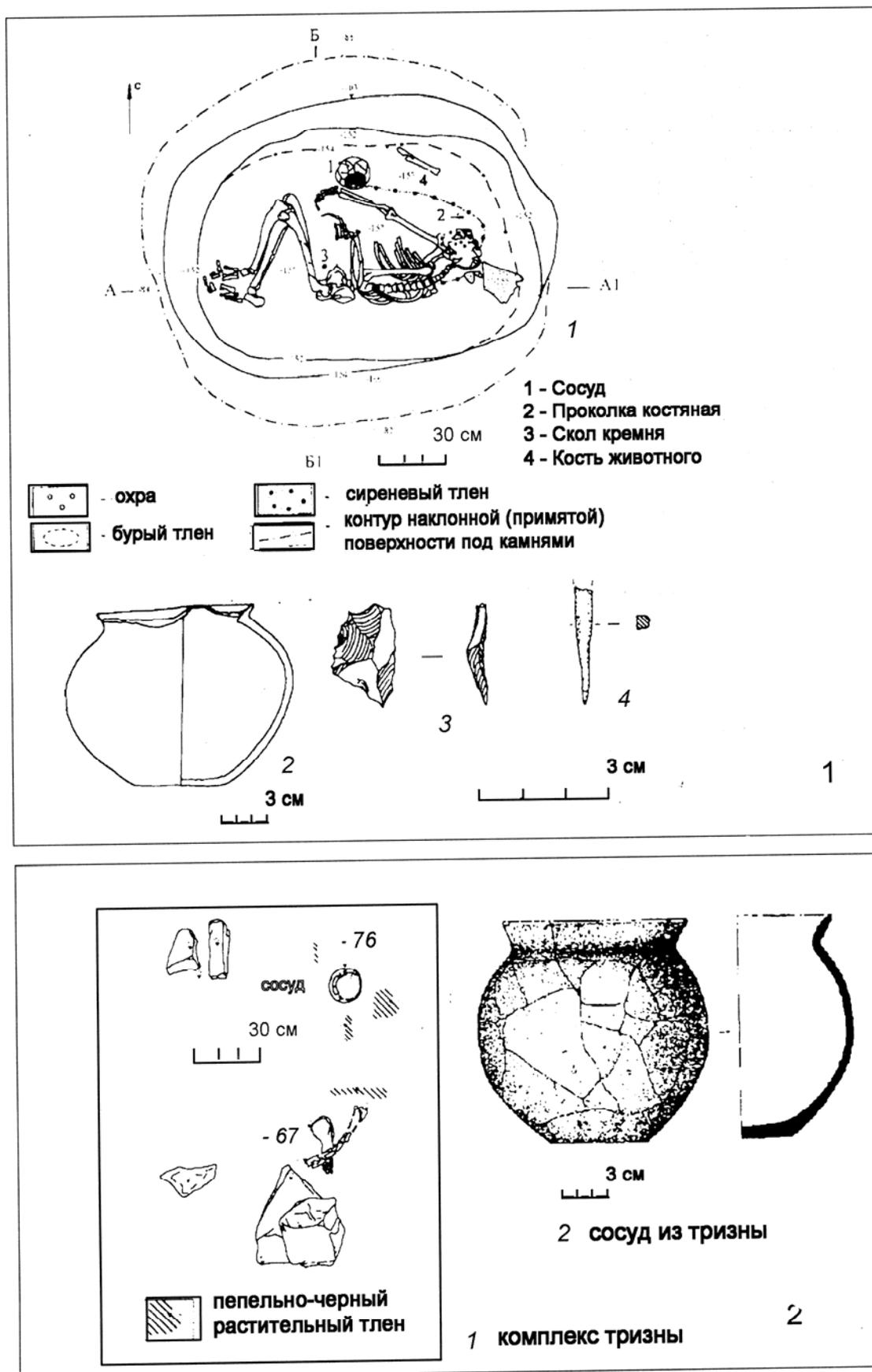

Рисунок 8. Погребение 8 кургана 3 и комплекс «тризны». 1 – погребение 8; 2 – находки в «тризне».

Позже удалось установить, что этот слой грунта находится в материке на глубине 1,27 м. Выкид был разложен вокруг ямы в виде «С»-видной фигуры. С западной стороны он поднимался невысоким холмиком до высоты 0,66 м, уходя вниз к камням перекрытия на глубине 0,78 м. Северная и южная части выкида были уплощены. Они находились на глубинах 0,71 - 0,78 м.

Выкид лег на слой древней дневной поверхности в диапазоне глубин 0,79 м - 0,86 м. Верхняя точка выкида находилась с западной стороны ямы на глубине - 0,66 м, с северной - 0,73 м, с южной - 0,72 м. Максимальная длина выкида в западной части по линии север-юг 4 м, максимальная ширина в южной части по линии восток-запад 2,70 м.

Материковая земля выкида частично перекрывала крайние камни плит перекрытия. Это позволяет предполагать, что превращение кучи земли, выброшенной из могилы в «С»-видную форму выкида, произведено намеренно и после того, как камни плит закрыли могильное пространство.

Сиреневый тлен охватывал каменный заклад полосой, которая имеет ширину около 0,30 м. Он располагался на слое черноземной земли толщиной до 0,05 м, которая перекрывала слой выкида вокруг могилы и края камней плит перекрытия. Именно такая ситуация была зафиксирована в восточном профиле западной бровки. При расчистке плит навала также был отмечен сиреневый тлен. Он явно перекрывал всю могилу. Уровень фиксации тлена по краям ямы около 0,7 м.

Описанная ситуация показывает, что над плитами перекрытия и выкидом был насыпан невысокий слой чернозема, который затем был перекрыт растительным слоем, оставившим сиреневый тлен (рис. 9).

Второй этап расчистки был связан с удалением верхнего слоя плит перекрытия и выходом на контуры могильной ямы. Под верхними плитами центрального участка навала перекрытия обнажились подстилающие их крупные плиты белого известняка. Они также были наклонены вовнутрь могилы. Второй ряд плит составляли две лопнувшие на две части плиты, лежавшие в центральной части ямы. Одна из них имела

размеры 1,1 м в длину и 0,45 - 0,5 м в ширину, другая 1,1 м в длину и до 0,9 м в ширину. Между плитами имеется зазор до 0,1 м. Глубина нижних частей этих плит 1,09 - 1,15 м.

Ниже располагались еще три крупных плиты, лежавшие одним концом на краю ямы, а другим - в заполнении могилы. Размеры этих плит колеблются от 0,6 до 0,9 м в длину и от 0,5 до 0,8 м в ширину. Толщина их составляет от 0,07 до 0,11 м.

После удаления этих плит выявились контуры собственно могильной ямы.

Могильная яма была вырыта с уровня погребенной почвы (0,79 - 0,88 м), на котором лежали нижние плиты перекрытия. Но ее контуры обозначились только с глубины 1-1,03 м. Дело в том, что определить стенки ямы на более высоком уровне в слое чернозема при ее таком же черноземном заполнении не представлялось возможным. Стенки стали четко фиксироваться, когда глубина расчистки ямы достигла слоя желтого суглинка на глубине 1,27 м. Затем они были выявлены и выше, на уровне 1-1,03 м.

Могильная яма (рис. 8,1; 9) имела вид овала, вытянутого с запада-северо-запада на восток-юго-восток с отклонением длинной оси от линии восток-запад в 10°. Длина ямы по верхнему контуру 1,85 м, ширина 1,3 м. Грунт под камнями перекрытия с северной, южной и западной сторон вокруг ямы имеет наклон к ее границам. Этот наклон произошел в результате просадки крупных плит вниз и деформации подлинного очертания захоронения на уровне погребенной почвы.

Верхняя часть заполнения представляла собой чернозем, слабо насыщенный включениями желтого материкового суглинка. Черноземное заполнение шло практически до самого дна ямы, местами отмечались прослойки мешаного материкового грунта. В итоге можно прийти к заключению, что материковый выкид желтого суглинка практически не использовался для засыпки ямы. На это шел, главным образом, черноземный слой. Непосредственно выше костяка в заполнении встретились некрупные камни. Они прикрывали область таза и правой руки покойного. Стенки были неровными, с буграми и выемками. Яма несколько сужалась ко дну, на уровне которого её размеры 1,6 x 1,1 м.

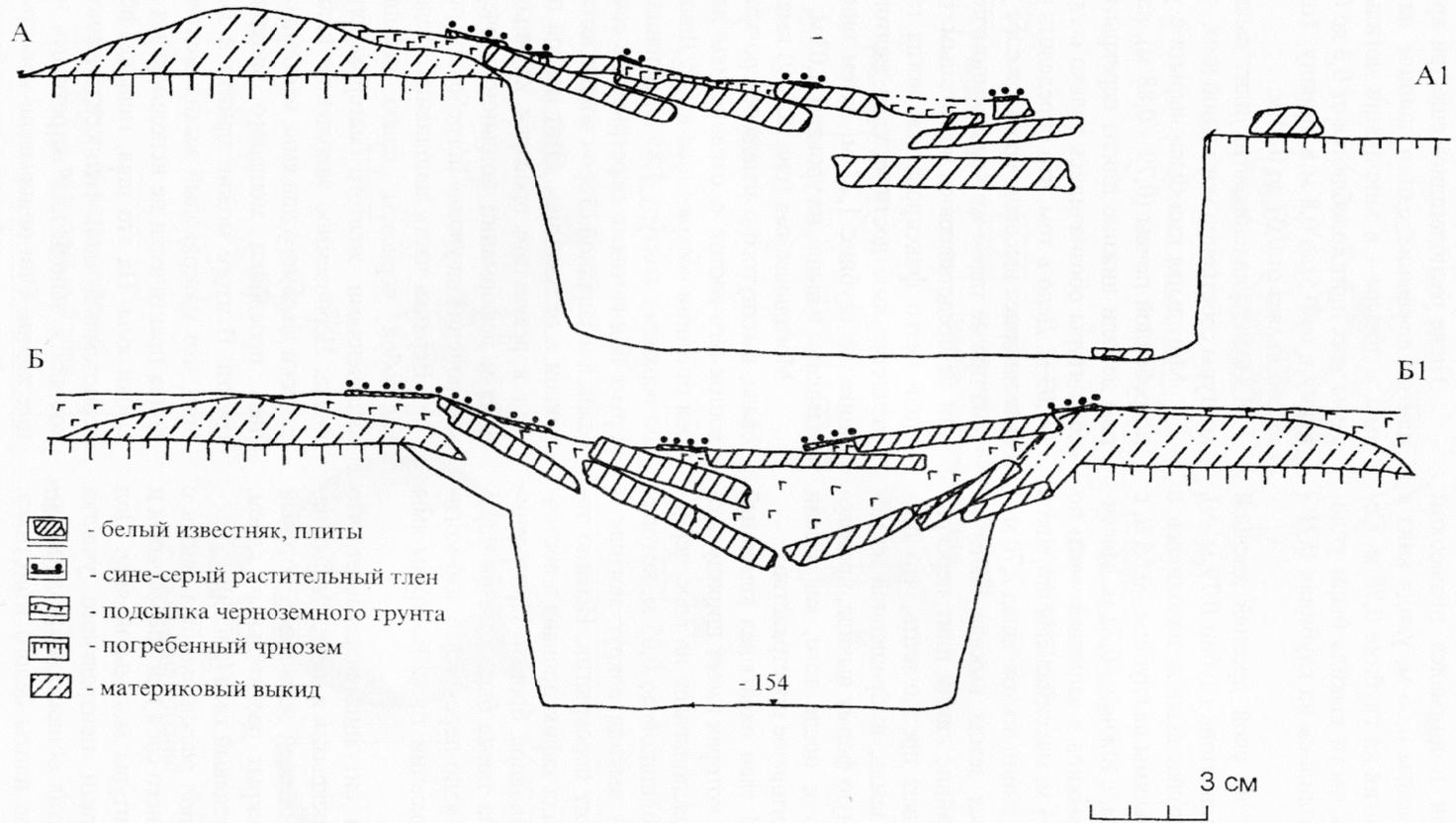

Рисунок 9. Разрезы погребения 8 кургана 3.

Дно ровное, практически горизонтальное, располагалось на глубине 1,57-1,6 м. С уровня погребенной почвы яма была вырыта на глубину 0,87–0,9 м.

Погребение одиночное. Сохранность костяка неудовлетворительная. Часть костей раздавлена, в том числе череп. Пол погребенного неопределим, кости на антропологическое определение взять не удалось.

Покойный был положен на правый бок, скорченно, головой на восток. Череп лежал на правом виске. Кости грудной клетки, позвоночника и, особенно, тазовые кости хорошо демонстрировали положение «на боку». Вплотную к черепу с юго-востока находились три положенных на дно камня. Один из них – это небольшая плита мелового известняка.

Лобная часть черепа, скуловые кости и часть нижней челюсти обильно окрашены охрой. На лице умершего явно была охристая маска красного цвета.

В области черепа и правой руки отмечен сиреневый растительный тлен. Под ним практически по всему дну фиксируется коричневатобурый органический тлен.

Инвентарь.

1. У правой руки, вплотную с севера к запястью, лежал на боку, горловиной на юг, керамический сосуд (рис. 8, 1).

Сосуд имеет шаровидно-грушевидное тулово, плоское дно и небольшой, отогнутый наружу венчик. Высота сосуда 12,5 см; высота тулова до венчика 11,5 см; диаметр дна 6 см; диаметр венчика 10,8 см. Форма сосуда не обладает строгой симметрией. Внешняя поверхность залощена. Лощение захватывает зону венчика также и с внутренней стороны. Имеет кирпичный цвет. Внутренняя поверхность такого же цвета.

На пять сантиметров севернее черепа найден небольшой четырехугольный в сечении костяной предмет, обломанный еще в древности. Он напоминает окончание проколки (рис. 8, 1-4). Длина предмета 2,8 см.

3. В области таза обнаружен скол кремня 2,5 x 1,8 см. Один из краев вытянут и заострен. Ретуши на сколе нет (рис. 8, 1-3).

4. В 0,20 м восточнее сосуда найдены две кости животного (мелкий рогатый скот?). Они лежали под углом к северной

стенке погребения, по линии северо-запад – юго-восток.

Погребение 26.

Погребение 26 было впускным (рис. 10). Оно находилось в северо-западном секторе кургана (рис. 1) и представляло собой, вероятно, грунтовую яму. Заполнение ямы составлял черный, достаточно рыхлый гумусированный грунт.

Могильная яма имела форму, близкую к овальной, ориентирована длинной стороной по линии северо-запад – юго-восток с отклонением от линии восток-запад в 30°. Стенки ямы на выявленном участке вертикальные. Дно ровное, практически горизонтальное, находилось на глубине 1,72-1,7 м. В северо-западном краю ямы, на глубине 1,68 м, зафиксирована ступенька шириной до 0,15 м. Не исключено, что она образовалась в результате разрушения стенки погребения на этом участке норой.

Погребение одиночное. Сохранность костей плохая, многие представлены фрагментами и тленом. Костяк располагался скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. Череп находился на правой височной части, лицевой частью на юг. Левое крыло таза лежало на правом. Положение костей грудной клетки и позвоночника не устанавливается. Кости рук практически истлели. Ясно лишь, что кости левой руки согнуты в локте под острым углом, кисть должна была находиться перед лицевой частью черепа.

Бедренные кости образовывали с линией позвоночника тупой угол, ноги согнуты в коленях под острым углом. Кости правой ноги перекрывались костями левой. Ступни сведены вместе, в положении «на боку».

Дно погребения, за исключением небольших зон у северо-западной стенки (0,20 м от нее) и юго-восточной стенки (0,35 м от нее), было покрыто сплошным слоем серо-коричневого органического тлена. Под верхней частью костяка фиксировался слой желто-зеленоватого пигмента (сера?).

Инвентарь

1. В северо-западном углу погребения, вдоль стенки, обнаружены кости животного.

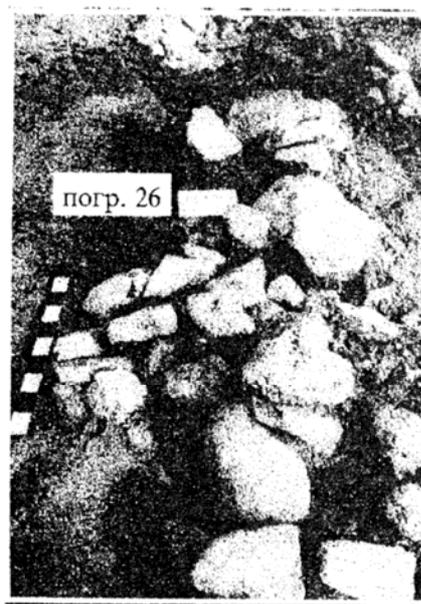
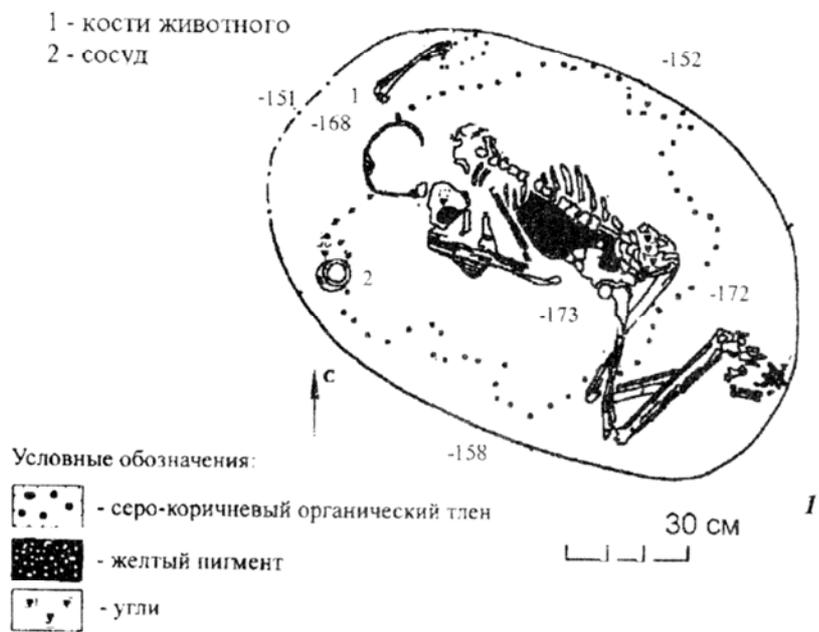

Рисунок 10. Погребение 26 кургана 3. 1 - план погребения; 2 – каменный навал над погребением 26; 3 - сосуд из погребения

Кости плохой сохранности, видовая принадлежность неясна. Возможно, принадлежали мелкому рогатому скоту.

2. В 0,25 м на юго-запад от лицевых костей черепа стоял вертикально, на дне, плоскодонный керамический сосуд (рис. 10, 3). Высота сосуда 6,8 см, диаметр венчика 6,8 см, диаметр дна 3,8 - 4,1 см.

На верхней части тулова сделаны две маленьких ушкообразных налепных ручки с вертикальными отверстиями. Тулово имеет грушевидную форму. Оно плавно расширяется вверх от плоского дна и переходит в невысокую вертикальную горловину. Венчик отогнут наружу по дуге. Маленькие ручки-ушки со сквозным отверстием закреплены парно в верхней части корпуса. Диаметр отверстий на ручках около 3 мм.

По сырому тесту горшка в верхней части тулова нанесен орнамент в стиле паркетной композиции из пересекающихся, заходящих друг на друга треугольников.

Орнамент выполнялся твердым инструментом, оставляющим после себя бороздки шириной до 3 мм. Фигуры треугольников накладываются друг на друга, что позволяет проследить последовательность создания орнаментации. Перед нанесением орнамента горловина сосуда была очерчена тонкой линией, ограничивающей сверху зону орнамента. Затем был намечен верхний ряд треугольников. Он состоит из 5 фигур. У одной из ручек (ушка) полосы образуют не треугольник, а скопление параллельных опущенных вниз линий. Линии треугольников прочерчивались от дна к горловине. На верхней части заметны наплывы глины на окончаниях линий. Затем были прочерчены линии нижних треугольников.

Цвет теста сосуда в изломе охристый. Внешняя поверхность горшка имеет темно-серый тон с переходом к черному цвету. Местами на ней видны серые пятна. Можно так же заметить, что сначала по сырому тесту внешняя поверхность горшка была заглажена травой, а затем тщательно залощена (доведена до черного зеркального отсвета). Залощенными оказались также венчик и горловина с внутренней стороны. В тесте сосуда различимы минеральные примеси.

Для определения возраста погребения 8 была получена дата С14 по костям скелета ГИН-10956 4150 ± 90 н.э. (2916 –2469 до н.э., калиброван. дата). Она является самой молодой для всех известных на сегодняшний день радиоуглеродных дат майкопско-новосвободненской общности (Кореневский, 2004, с. 123, табл. XI). Естественно, возникает вопрос, насколько такое определение корректно. Однозначно ответить на него сейчас невозможно. Но есть ли аргументы ставить под сомнение эту дату? Дело в том, что круг аналогий погребениям 8 и 26 кургана 13 связан с поздними деталями погребальной практики МНО.

Так, перекрытие в виде ложного свода из плит над грунтовой могилой ранее отмечено в кургане у ст. Костромской в Закубанье, содержащем далеко не самый ранний комплекс майкопско-новосвободненской общности (Мунчаев, 1975, с. 258). Другая конструкция в виде перекрытия из плит, уложенных аналогичным образом, встречена в протосреднебронзовом комплексе 1/14 I Нежинской группы у г. Кисловодска. Это уникальное захоронение включало набор вещей, состоящий, в том числе из характерного майкопского сосуда с уплощенным дном и двумя ушками. Скелет в нем лежал вытянуто на спине. Могильная конструкция была сооружена в виде каменного ящика, поставленного в материковую яму (Кореневский, 1990, с. 142, 143, рис. 18, 19). Погребение 1/14 явно датируется временем финала раннего периода бронзового века и зарождения на Кавминводах обычаев погребальной практики среднего периода бронзового века. Учитывая такие аналогии комплекса погребения 3/8 могильника Иноземцево, можно лишь подтвердить суждение об его очень позднем возрасте в рамках существования племен майкопско – новосвободненской общности.

Если ориентировать дату погребения 3/8 в хронологии схемы Блитта – Сернандера, то мы можем отметить, что она связана не с атлантическим периодом голоцена, в котором существовали племена МНО, а с ранней фазой суббореального периода голоцена (Sb1), которая датируется в диапазоне

4500 – 4200 н.э. (или точнее – с ее концом и переходом к фазе Sb2; Спиридонова, Аleshинская, 1999). В это время уже можно предполагать существование племен кавминводской группы среднего периода бронзового века. Одно из ее захоронений (5/3 в кургане 5 II Нежинской группы) имеет дату Le-4597 4190 ± 50 н.э. или 2882 – 2577 до н.э. (1σ; калиброван. дата).

Открытые комплексы майкопской культуры в кургане 3 могильника Иноземцево-1 относится к долинскому варианту майкопско-новосвободненской общности. Об этом можно судить по формам плоскодонной керамики из захоронений 3/8 и 3/26. Сосуд из первого захоронения входит в группу посуды долинского варианта МНО, включающей горшки шаровидно-грушевидной формы с низким горлом (группа 1 по работе 1993 год) (Кореневский, 1993, с. 66, 67). Другой небольшой чернolощенный сосуд с паркетным орнаментом оригинален, поскольку имеет две ручки-ушка с вертикальными отверстиями. Но по форме корпуса он сближается с керамикой группы 3 долинского варианта МНО (по работе 1993 г.) (Кореневский, 1993, с. 67, с. 149, рис. 41, б). Небольшие чернolощенные сосуды с шаровидно-грушевидным туловом (без ручек) и плоским дном, украшенные паркетным орнаментом, известны, в комплексе 5/13 II Нежинской группы (Кореневский, 2003, с. 281, рис. 5, 6, 7), в погребении кургана у Лермонтовской скалы в г. Кисловодске (Кореневский, 1990, с. 141, рис. 17, 5). В Кабардино-Балкарии похожий сосуд происходит из собрания Нальчикского краеведческого музея (Кореневский, 1993, с. 149, рис. 41, б). Сосуды с шаровидно-грушевидным туловом более крупных размеров и охристых тонов, украшенные по тулову элементами паркетного пролощенного орнамента, встречаются в одном из погребений могильника Горячеводский (Кореневский, Атабиев, Батчаев, 2004), а также в погребении Иноземцево кургана 1976 года (Кореневский, Петренко, 1982).

В бассейне Кубани такие формы плоскодонных сосудов неизвестны. Здесь изредка обнаруживаются сосуды с паркетным орнаментом, который нанесен на ша-

ровидно уплощенное тулово горшка с округлым дном. Например, они встречаются в комплексе новосвободненской группы кургана 11 погребения F20 могильника Клады (Rezerkin, 2000, Таfl. 11, 4), погребении 13, видимо, псекупского варианта могильника Уашхиту (Кореневский, Днепровский, 2003, с. 89, рис. 4, 4). Поэтому находку из погребения 3/26 могильника Иноземцево-1 можно рассматривать как вещь локального производства, характерного для долинского варианта МНО в Центральном Предкавказье.

В целом в круг захоронений долинского варианта на Кавминводах входят такие памятники как Иноземцевский курган (1976 г.) захоронения Горячеводского могильника 3/4 – 6 (Батчаев, 2000), курган у Госпиталя инвалидов в Пятигорске из раскопок Симаккина, разрушенный курган у Автозаправки в г. Кисловодске, погребение в каменном ящике у Лермонтовской скалы в г. Кисловодске (Кореневский, 2001).

Другие аналогии происходят из курганов с погребениями долинского варианта МНО в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечне и Ингушетии (Кореневский, 1993). На Кавминводах памятники долинского варианта МНО датируются второй половиной IV – возможно, началом первой половиной III тыс. до н.э. [Иноземцево, 1976 Grп-21372 4630 ± 50 н.э. (3499 – 3349 до н.э., калиброван. дата). Горячеводский 1 3/6 ГИН-11151 4420 ± 40 н.э. (3255-2925 до н.э. калиброван. дата). Иноземцево 1 3/8 ГИН-10956 4150 ± 90 н.э. (2882-2578 до н.э., калиброван. дата)] (Шишлина и др., 2003; Кореневский, Атабиев, Батчаев, 2004.; Кореневский 2004). При этом, установление более точной их хронологии в рамках первой половины III тыс. до н.э. – это вопрос будущих исследований. В Северном Причерноморье с ними сближаются памятники Животиловской группы (Кореневский, 2001).

Погребения в грунтовых ямах 3/8 и 3/26 кургана могильника Иноземцево-1, как и погребения 3-6 в кургане 3 Горячеводского могильника, не содержат золотых предметов или наборов бронзового оружия и инструментов, как например захоронение в Иноземцевском кургане 1976 г. Они раз-

личны по устройству, подчеркивая тем самым большую вариабельность форм майкопской погребальной практики в сооружении захоронения и принадлежность, а так же их причастность к не ранжированному золотом и бронзовыми вещами погребениям МНО.

Но, с другой стороны, курган 3 могильника Иноземцево-1 иллюстрирует большие трудозатраты и сложные ритуалы в возведении погребального памятника для майкопца, которого хоронили без золота, бронзового оружия и инструментов.

Прежде всего, интересен сам факт сооружения грунтовой черноземной подушки вокруг захоронения, а так же кромлеха из вертикальных плит. Плиты были подобраны специально из желтого песчанка. Не исключено, что это отражало некую культовую идею с символикой плодородия и желтого (солнечного) цвета. Кольцо плит вокруг могилы достигало в диаметре 19 м. К сожалению, уничтожение насыпи в ходе многолетней распашки поля, лишило возможности исследовать самую древнейшую насыпь кургана.

Вертикально стоящие вокруг кургана плиты – не частый элемент курганного строительства в МНО. Он был известен и на юге Восточной Европы (в Северном Причерноморье) – например, курган с вертикальными плитами по периметру у с. Вербовка (Формозов, 1969, с. 159, рис. 57).

Вертикальные плиты кромлеха отмечаются и в реконструкции кургана 2 у с. Новый Свет (ДИУ..., 1997, с. 359, рис. 142). Эти параллели говорят об общих принципах подхода к сооружению кромлехов из вертикальных плит в бронзовом веке у степных племен Юга Восточной Европы и Предкавказья, связанной с ними символики, но не обязательно одинакового содержания.

В погребальной практике МНО кромлех из вертикальных плит, как и уникальный кромлех вокруг майкопского погребения 5/13 II Нежинской группы в виде стены из плит, положенных плашмя, – это поздние явления развивающейся майкопской традиции мегалитизма.

По наличию полученной информации можно предположить, что район КМВ был активно освоен племенами долинского варианта МНО. Здесь развивались традиции майкопского мегалитизма, которые привели к сооружениям курганов со сложными кромлехами, погребениям с каменными ящиками (Лермонтовская скала) и вероятно с каменными гробницами (курган у Автозаправки в г. Киловодске). Не исключено, что своеобразие природных условий долины предгорного течения р. Подкумок способствовало сложению «оазисных» условий для существования племен МНО и некоторой задержке бытования здесь племен долинского варианта МНО уже сосуществовавших с племенами среднего периода эпохи бронзы.

Литература

- Батчаев В.М.* Отчет о новостроечной археологической экспедиции 1999 года Института археологии Кавказа в Предгорном районе Ставропольского края. Нальчик, 2000.
- ДИУ - Давня Історія України.* Т.1. Київ, 1997.
- Корневский С.Н., Петренко В.Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. 1982. № 2.
- Корневский С.Н.* Памятники населения бронзового века центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корневский С.Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. 2001.
- Корневский С.Н., Березин Я.Б.* Курганный могильник Иноземцево-1 // Тезисы конференции «Крупновские чтения». Ставрополь, 2002.
- Корневский С.Н., Днепровский К.А.* Погребения эпохи раннего бронзового века кургана 1 могильника Уашхиту 1 // КСИА. Вып. 124. 2003.
- Корневский С.Н.* Новые сведения о погребениях майкопской культуры из Кисловодской котловины // Горизонты антропологии. М., 2003.

- Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Батчаев В.М.* Погребения майкопско-новосвободненской общности могильника Горячеводский // Проблемы древней истории Северного Кавказа. 2004.
- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М., 2004.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Формозов А.А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
- Шишлина Н.И.* К вопросу о начале бронзового века в Северо-Западном Прикаспии // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.
- Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Заговская Э.П., Й ван дер Плихт.* Радиоуглеродная хронология майкопских памятников Южный Ергеней // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее Василия Алексеевича Городцова. Тезисы конференции. М., 2003.
- Rezerkin A.D.* Das frühbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkavkasien // Archäologie in Eurasien. Bd. 10. 2000.

**ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
МОНАРХИЙ ВОСТОКА И
РЕСТАВРАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ
ИХ КУЛЬТУРЫ**

THE SALJUQIDS AND THE SULTAN'S POWER

The history of the people of Near and Middle East in the Middle ages had had the closest link to Saljuq Empire. The Saljuqs assisted of the establishment on the territory of Central and Western Asia such state foundations, as The Empire of Great Saljuqids (1038-1157), as well as sultanates: of Kirman (1041-1186), of Iraq (1118-1194), of Syria (1078-1117), of Rum (1077-1307). The Saljuq movement provided significant influence not only on history of the most countries of Eastern Caliphate but on the whole world history of the Middle ages. That influence founded its reflection in many aspects of economic, social, political and cultural life of the countries exposed to Saljuq conquest (Bosworth 1968, p. 68-70; Агаджанов, 1991, с. 3; Наумкин, Пиатровский, 1981, с. 3; Курпалидис, 1992, с. 3,4). A number of public institutions established in the time of Saljuqids, existed for quite a long time and essentially influenced on social and political situation in the countries of the East. Most of these forms of public construction had religious-philosophical basis. One of these forms is the theme of supreme power. One may get a picture of sultan's power in the Saljuqid state mainly from the data contained in the official documents issued by the chancelleries (*divan al-insha*) of Saljuq sultans. The study of these collections of Letters patent, first of all the one coming from the chancellery of sultan Sanjar (1118-1157), titled «Atabat al-kataba» (Kitab-i Atabat al-kataba majmu'ay-i..., 1329 H. Sh. – here and below: Atabat al-kataba), as well as the critical analysis of information derived from other historical sources of the XI-XIII cc. allow us to reconstruct the prerogatives characteristic of the concept of power of the Saljuqid rulers.

In the «narrative» and so-called «intitulation» sections of the majority of Saljuqid documents we encounter particular formulae, clauses, including those defining a Saljuq sul-

tan as the supreme ruler. It is clear that these data relate in particular to outward signs of power. At the same time, Saljuq sultans called themselves «Shadow of Allah on the Earth» (*zill-i Allah fi-l-ard*), while the Abbasid caliphs had the same claims. It is worth noting that in this respect the Saljuqids forestalled the Idrisids of Magrib and Fatimids of Egypt.

The formulae «Shadow of Allah on the Earth» can be found in a number of edicts of «Atabat al-kataba». In addition to this formulae, the Saljuq sultan Sanjar in certain documents is called «The Ruler of the World» (*hudayegan-i ruy-i zamin*), «The Lord of the universe» (*hudavand-i alam*) (Atabat al-kataba, p. 14), «The King of the sons of Adam» (*padishah-i bani adam*), «The King of the Orient and Occident» (*padishah-i sharg wa garb*) (Atabat al-kataba, p. 42), «The greatest sultan» (*as-sultan al-azam*). The latter title being confined to the appellatives of the Great Saljuqids. In a Persian historical work «*Mujmal at-tavarikh wa-l-kisas*» (1318 H. Sh., p. 429-430) dated to the XI c., the names, *laqabs*, *tugra* and *tauqi* of the Saljuq kings are mentioned. According to Heribert Horst, the sequence of the *laqabs* of the last three Great Saljuqids in the «*Mujmal at-tavarikh wa-l-kisas*» is shifted (Horst, 1964). We consider it necessary to add in this connection that in this source is used the title «*as-sultan al-muazzam*» instead of a standard title of the Great Saljuqids running as «*as-sultan al-azam*»¹.

The edict nominating emir *isfahsalsr Suwa-bek Abu-l-wafa*, an outstanding commander and governor of province of Mazandaran, calls sultan Sanjar «The second Alexander the Great» (*Iskandar-i Sani*) (Atabat al-kataba, p. 14). Only two sultans in the Orient, namely the Seljuqid Sanjar and Khora-

¹ About the titles of Saljuq sultans also see : Ходжаниязов, 1979.

zmshah Ala ad-din Muhammad (1200-1220), assumed the name of the great war-lord of antiquity.

The Saljuq rulers were seeking to convince their subjects that they had been invested with power «in the Allah's will». It is not a mere coincidence that «narrative» sections of the majority of Saljuq documents contain a formula designed to express the concern of the ruler for his subjects (rayyat), allegedly entrusted to him by the Almighty (Atabat al-kataba, p. 15, 28, 71). Encouraging this idea of sultan's power, vazir Nizam al-mulk writes in his «Siasat-name»: «The Almighty in every epoch chooses a man, glorifies him and decorates him with the merits of the ruler. He connects the prosperity of the universe and the tranquility of slaves with this man» (Сиасет-намэ, 1949). The Saljuq monarchs from the first days of their rule supported this idea in every way possible. Under sultan Alp-Arslan (1063-1072) it became the official view all over the empire.

The collection of historical documents selected by Ev ogly Khaidar-beg contains the edict of sultan Alp-Arslan nominating Nizam al-mulk as vazir of the sultan's son, Malik-shah. Sultan Alp-Arslan reminds in the chart that «The blessing of reigning over the world is due to God's grace» (Asnad va namekhay-i tarikhi., 1347 H. Sh., p. 20). The cited quotations from Nizam al-mulk's memoirs and the edict of the second Great Saljuqid give information on Saljuq doctrine of supreme power. Alp-Arslan says bluntly that Allah invested Saljuq sultans with power, while the vazir states that the Almighty had chosen the sultan and placed him over his slaves. The elaboration of this idea apparently should have helped to legalize sultan's power, acquiring certain traits of religious dignity.

This thesis can also be found in certain works of medieval authors. According to Muhammad ar-Rawandi, who wrote in the late XII c. his «*Rahat as-sudur wa ayat as-surur*» depicting the activity of first Saljuq ruler, sultan Togrul-bek (1052-1063) as well as that of his successors, pointed out that «in due course their might strengthened, their dignity and power augmented, tokens of victory emerged on the pages of the annals of their deeds due to God's grace» (Rahat-us-sudur wa Ayat-us-

surur, 1921, p. 96). Elsewhere the same author calls a sultan «minister of God on the Earth», «Shadow of Allah on the Earth» (Rahat-us-sudur wa Ayat-us-surur, 1921, p. 125).

V. Barthold in his essay «Caliph and Sultan» notes that the following khadith: «Sultan is the shadow of God on the Earth, and every ill-fated seeks refuge near him» was ascribed to Muhammad the Prophet (Бартольд, 1966, с. 31). George Macdisi holds that in Saljuq times the necessity of combining the sultan's power and the authority of Caliph led to re-evaluation of the notion of «sultan». A custom to proclaim the bearer of this title «shadow of Allah on Earth» emerged (Makdisi, 1975, p. 232).

Elsewhere in the documents of the «Atabat al-kataba» issued on behalf of sultan Sanjar, services rendered by his ancestors to the world of Islam, their might and splendour are mentioned. It is stated that «rulers in all the Seven climates of the Universe are either sultan's ministers or his tributaries and slaves, and he himself is towering over them thanks to God» (Atabat al-kataba, p.9).

Abu Hamid Ahmad al-Gazali (died 1111), the contemporary of sultan Sanjar, though accepting the sultan as «the ruler of the world» on the basis of the Qoranic dogma of divine predestination and supporting the mighty power of sultans, did not admit the formulae «The Sultan is the Shadow of Allah on the Earth». He dedicated to the Saljuq ruler his tract «*Nasihah al-muluk*» («Admonition of Lords») where he, like al-Mawardi, besides the discussion of certain religious and legal themes, had tried to outline the scope of problems pertaining to the power of the sultan and his relations with the Caliph (Lambton, 1968, p. 208-209).

A.K.S. Lambton notes that the conception of the ruler being minister of the Almighty on the Earth is of Iranian origin and can be attested in Persian written sources up to the fourteenth century (Lambton, 1988, p. 36).

Every Saljuq sultan had to apply to the Caliph for an investiture. It is worth noting that the Turkish tradition of power (for instance, in the Khazar khaqanat) allowed a certain diarchy. The Great Khagan was a nominal ruler, while the real power belonged to his «deputy in affairs», Khaqan-bek who had

been rendering to the Great Khaqan various honours bordering on self-humiliation. Yet it did not in the least altered the position of Khaqan-bek, invested with real power (Новосельцев, 1990, с. 141,142). Apparently, in the first years of the ruler of the Great Saljuqids the relations between the Caliph and the Sultan were arranged with Turkish traditions taken into account and with considerable Iranian influence.

Eventually, however granting of an investiture by the Caliph ceased to depend entirely on the Saljuq pretender. It became perfectly clear in the middle twelfth century when the decline of the real power of the Saljuq monarchs had begun. Numerous strifes, mutinies of mighty iqtadars and governors of the provinces undermined considerably the once absolute power of the Saljuq ruler. At the same time, «narrative» section of many documents from «Atabat al-kataba» contain a particular formula saying «The supreme opinion considered it necessary to take a final decision» (Atabat al-kataba. p. 15, 58). It confirms the finality of sultan Sanjar's decisions, the unswerving execution of his orders and admits his authority as the highest instance. Judging from the data of written sources, the *vazir* or *naib* reported to the sultan the information about all important events pertaining to the internal and foreign policy of the state. As Commander-in-Chief, the sultan personally led his troops in major campaigns (Atabat al-kataba, p. 4,7). The allotment of *iqta* to military and civil officers was a privilege of the supreme ruler. All estates seized as war booty (one of the documents calls them «mahlul») had to be registered in the *divan-i khass* (Atabat al-kataba, p. 69).

Indirect evidence is indicative of the fact that the ruler was able to interfere in the affairs in all spheres and instances of administration. He probably presided occasionally at the supreme government body, the «*divan-I ala*». According to Heribert Horst, the supreme ruler presided at the supreme civil court, «*divan-i mazalim*» (Horst, 1964, p. 16) as well, though sometimes he probably transferred this function to somebody else.

There were hostages at court of every Saljuq ruler, offsprings of vassal princes, mighty iqtadars and war-lords. The «Atabat

al-kataba» contains an interesting document, informing us that the son of the amir Muin ad-din, the vazir of a Karakhanid ruler, once an official of the Saljuq sovereign, stayed as hostage at court of sultan Sanjar. The text runs as follows: «During the absence of Muin ad-din the *sadr* (read – *vazir*) of Turan, from our *divan* and court ... his son, may the Almighty save him, constantly was coming to serve us, confirming his fidelity. We wished him not to refrain from our service and be among our suite...» (Atabat al-kataba, p. 62-63). The court (*dargah*, *bargah*) as well as the treasury invariably accompanied the sultan, be it at the capital or in the field camp. Apparently it accounts for frequent changes of capitals under the Saljuqids. A documents from the «Atabat al-kataba» mention as the capitals (*dar al-mulk*, *mustakarr-i sarir-i mamlakat*, *maqarr-i alam-i daulat*) under sultan Sanjar Marv, Nishapur, Sarakhs. Marv was the principal capital of empire. A chart issued in connection with the nomination of the *naib* of *divan-i isti-fa* of Marv narrates: «Marv is the place where the throne of the realm is situated, the center where the banner of the state is flapping in the wind, where the aid and support of God descended upon the kin of Saljuq» (Atabat al-kataba, p. 46).

There the residence of the sultan, government institutions, palaces of high officials and nobility, public buildings, rows of traders and artisans stalls were situated (Жуковский, 1894). There was a military garrison in the city, consisting mainly of cavalry detachments. The results of archaeological excavations within the limits of the site *Shayin-kalah* are indicative of the existence of a fortified camp of Saljuq troops in Marv (Гаврюшенко, 1969, с. 172 – 193).

Thus, historical sources, particularly official documents, show that the power of Saljuq sultans rested upon ancient Turkish traditions and local concepts of the realm kept by Abu Nasr al-Kunduri and Nizam al-Mulk, vazirs of the mightiest Saljuq sultans. Under Saljuqs outward forms of supreme power in the Middle East had taken shape which were to exist almost without alterations for a relatively long time.

Bibliography

- Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. М., 1991.
- Бартольд В.В.* Халиф и султан. Сочинения. Т. 6. М., 1966.
- Гаврюшенко П.П.* Городище Шаин-кала старого Мерва (лагерь сельджукских войск) // Труды ЮТАКЭ. Т. 14. Ашхабад, 1969. С. 172 – 193.
- Жуковский В.А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб. 1894.
- Курпалидис Г.М.* Государство Великих Сельджукидов. Официальные документы об административном управлении и социально-экономических отношениях. М., 1992.
- Наумкин В.В., Пиотровский М.Б.* X-XII вв. в истории народов Ближнего и Среднего Востока. «Эпоха трансформации» // Мусульманский мир (950 – 1150). М., 1981.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Сиасет-намэ.* Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-Мулка. Перевод с персидского, введение в изучение памятника и примечания Б.Н. Заходера. М. –Л., 1949.
- Ходжаниязов Т.Д.* Каталог монет государства Великих Сельджуков. Ашхабад, 1979.
- Bosworth C.E.* The Political and Dynastic history of the Iranian World (A.D. 1000- 1217) // The Cambridge history of Iran. Vol. 5. L., 1968.
- Horst H.* Die Staatsverwaltung der Grosselguquen und Horazmshahs (1038-1231). Wiesbaden, 1964.
- Kitab-i Atabat al-kataba* majmuay-i murasilat-I divan-I sultan-I Sanjar bi qalam-I Muayyid ad-daula Muntajab ad-din Badi Atabak al-Djuvayni bi say va ihtimam-I Muhammad Qazvini va Abbas Iqbal. [Tehran], 1329 H. Sh.
- Mujmal at-tavarikh va-l-qisas.* Tehran, 1318 H.Sh.
- Asnad va namekhay-i tarikhi.* Talif sayyid Ali Muayyid Ssbiti. Tehran, 1347 H. Sh.
- The Rahat-us-sudur wa Ayat-us-surur,* being a history of the Saljuqs by Muhammad ibn Ali ibn Sulayman ar-Rawandi \ Iqbal M. (Ed.). Leyden-London, 1921 (GMS NS, II).
- Makdisi G.* Les rapports entre Calif et Sultan a l' époque Seljuqide // International Journal of Middle East Studies. T. 6. N 3. L., 1975.
- Lambton A.K.S.* The Internal structure of the Saljuq Empire // The Cambridge history of Iran. Vol. 5. Cambridge, 1968.
- Lambton A.K.S.* Changing concepts of justice and injustice from the 5/11 to 8/14 centuries in Persia // Studia Islamica. Vol. 68. 1988.

М.А. Мамедов
(Туркменистан, Ашхабад)

О ВНЕШНЕЙ ОТДЕЛКЕ ЧЕТВЕРИКА МАВЗОЛЕЯ СУЛТАНА САНДЖАРА

Мавзолей последнего властелина из династии «Великих Сельджуков» - султана Санджара, расположенный на территории Мерва (рис.1), на протяжении вот уже более ста лет является предметом исследований, сопровождаемых дискуссиями о его первоначальном облике. Поднимались проблемы надгалерейного объема, подкуполь-

ного барабана, формы внешнего купола и даже атрибутики здания. Но вопрос о внешней отделке четверика серьезно не изучался, и, как нам теперь представляется, это связано было с тем, что многие исследователи еще в 30-е годы прошлого столетия пошли по ошибочному следу.

Рисунок 1. Мавзолей Султана Санджара (фото Р. Джапбарова, 2004).

Дело в том, что еще В.А. Жуковский высказал предположение о примыкании некогда вплотную к мавзолею соседних сооружений¹, затем это же утверждал немецкий исследователь Э.Кон-Винер (Cohn-Wiener, 1925). Впоследствии данная мысль была подробно развита Б.Н. Засыпкиным (1928), с ней полностью соглашаются А.М. Прибыткова (1957), А.К. Богодухов (1989), С.Г. Хмельницкий (1997) и другие исследователи, утверждающие, что мавзолей султана Санджара до

уровня галереи вплотную был обхвачен окружавшей застройкой. И якобы именно поэтому нижние участки четверика не имеют никаких признаков декорации, а художественной обработке была подвергнута лишь верхняя, видимая, часть здания. Автор этих строк, также заблуждаясь, ранее высказывал ошибочное предположение, что возможно следы от примыкания соседних зданий в ходе многовековых ремонтов были заложены кирпичами от разрушавшихся построек, снивелировав тем самым грани четверика (Мамедов, 2001, с. 81).

Причинами возникновения такого устоявшегося предположения, которое впоследствии как аксиома перекочевывало из публикации в публикацию, послужили следующие факты. На восточном фасаде стена четверика несет следы впадин и вы-

¹ В.А. Жуковский (1894, с. 123) отмечает, что на западном фасаде по бокам от входа «были накладные ниши». Хотя, возможно, он имел ввиду лепные ниши, но последующими исследователями эти слова Жуковского трактуются именно как следы примыкания другого сооружения.

емок (рис. 2). На южном фасаде единственный входной проем на галерею расположен на отметке около 7 м, из чего делается вывод, что в него можно было попасть с крыши соседней постройки.

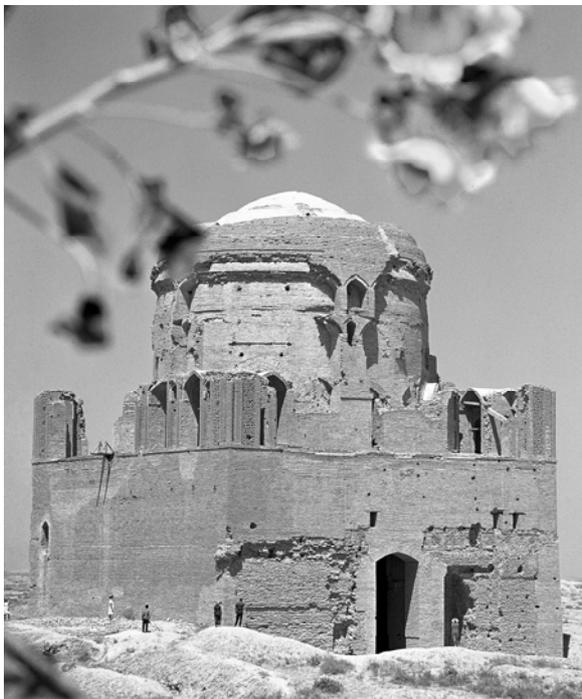

Рисунок 2. Мавзолей султана Санджара. Юго-восточный угол (фото Корытникова, 1971 г.).

На западном фасаде сохранившиеся фрагменты штукатурки, имеющие арочный силуэт, приняты за отделку интерьера иного здания. На северном фасаде оштукатуренные спускающиеся вниз полосы выемок заканчиваются на значительном расстоянии от земли (рис. 3). В них якобы располагались керамические трубы, служившие водостоком, по которому вода с мавзолея сбрасывалась на крышу соседнего здания и с нее отводилась в специальный колодец. Такое предположение впервые высказал Б.Н. Засыпкин. Существует также мнение, что это следы от вентиляционных каналов (Хмельницкий, 1997, с. 56)².

² Хмельницкий С.Г. (1997, с. 46) необоснованно и голословно критикует инженера Трипольского, руководившего ремонтами 1914 года, за то, что будто тот «уничтожил почти все следы примыкания к фасадам капитальных стен». При этом автор не указывает конкретно, каких следов и на каких фасадах. Эти заблуждения С.Г. Хмельницкого цитирует и Р.Г. Мурадов (1999, с. 173).

Однако более внимательный анализ старых фотографий, увеличенных при помощи современной компьютерной техники, и детальное изучение фасадных плоскостей четверика (такая возможность появилась только после устройства реставраторами вокруг мавзолея строительных лесов) натолкнули на мысль о совершенно ином первоначальном облике этой уникальной постройки.

Дело в том, что на фасадных плоскостях четверика, за исключением восточного фасада, не выявлено никаких следов от явно примыкавших стен других сооружений. Напротив, стены четверика были тщательно оштукатурены, о чем свидетельствуют фрагменты штукатурки, сохранившиеся на западном, северном и восточном фасадах мавзолея.

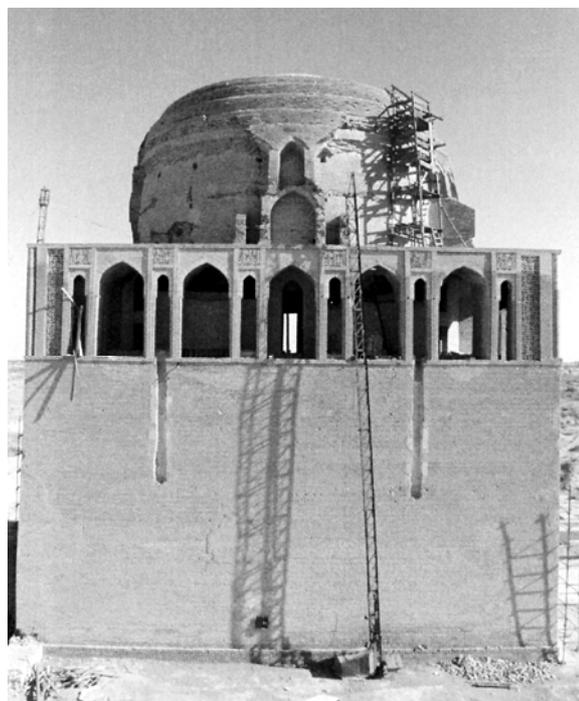

Рисунок 3. Мавзолей султана Санджара. Северный фасад (фото Гентес-Пекерлер, 2003 г.).

Высказанное ранее исследователями предположение о том, что фрагменты штукатурки на западном фасаде являются остатками оформления интерьера соседнего сооружения, которое якобы своей сводчатой конструкцией примыкало к фасаду мавзолея, явное заблуждение. На поверхности западного фасада мавзолея не выявлено никаких следов от примыкания другой постройки, а сводчатое очертание

фрагментов штукатурного покрытия, по нашему мнению говорит лишь о характере декоративной обработки поверхности стен четверика, как и галереи, резным штукатуром. Эту мысль высказал еще А.А. Семенов (1928, с. 28), затем Н.М. Бачинский (1939, с. 17) и В.И. Пилявский (1950, с. 116) усилили ее, отмечая, что по резному штукатуру, возможно, была нанесена позолота. При этом последние два автора не опровергают предположения о пристройках к мавзолею других сооружений.

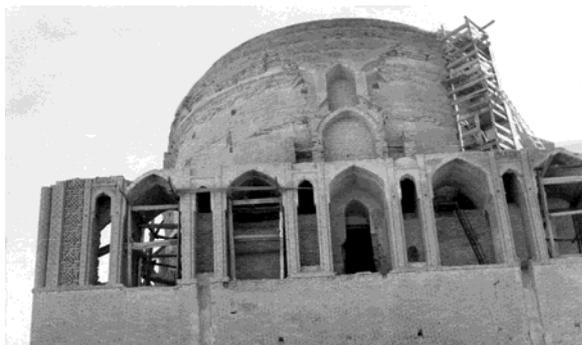

Рисунок 4. Мавзолей султана Санджара. Северная галерея (фото из архива ЮТАКЭ, 1954 г.).

К сожалению, догадка о покрытии поверхностей фасадов мавзолея резной декорацией в дальнейшем не нашла своего развития. Б.Н. Засыпкин в эти же годы, сохраняя старые взгляды и не принимая во внимание иные соображения других исследователей, отмечает: «мавзолей входил в ансамбль построек, и поэтому, вероятно, нижние части его стен оставлены без обработки» (Засыпкин, 1948, с. 58)³. Вслед за Б.Н. Засыпкиным Г.А. Пугаченкова (1958, с. 327), подвергнув сомнению предположения Н.М. Бачинского о покрытии поверхностей фасадов позолотой (по ее мнению найденные позолоченные фрагменты штукатурки отпали от панели интерьера),⁴ сняла и вопрос об оштукатуренных фасадах мавзолея. Последующие исследователи так и не возвращались к этой проблеме. Правда, М.С. Буллатов (1988, с. 121-122), затрагивая ее вскользь, отмечает, что на выступ фундамента с внешней стороны

³ Прибыткова (1973, с.143) также продолжает придерживаться этого мнения.

⁴ Кстати, Г.А. Пугаченкова, возможно из-за отсутствия стопроцентного фактического материала, не затрагивает тему примыкания вплотную к мавзолею соседних сооружений.

стены «опиралась наружная облицовка мавзолея». Но не конкретизирует, какая. На наш взгляд, вероятнее всего, это был резной штукатур.

Так как фактический материал – не только фрагменты ганчевой штукатурки на фасадах, но и характер кирпичной кладки самих стен – свидетельствуют о том, что эти поверхности были оштукатурены, не исключено, что они были покрыты декоративной резьбой. Если взять, к примеру, устои аркады галереи (рис. 4), то их наружная (фасадная) сторона выложена по краям со специальной вертикальной полочкой, сворачивая на которую с внутренней стороны галереи, резной штукатур (рис. 5) упирался в вертикальную планку.

Рисунок 5. Мавзолей султана Санджара. Фрагмент резного штукатурка на боковой стене пилона галереи (фото Э. Кон-Винера, 1924).

Это было необходимо из практических соображений, так как при всем мастерстве очень сложно идеально ровно завершить штукатурку строго по вертикальной грани пилона. Учитывая ту скрупулезность, с которой обработан каждый декоративный узел мавзолея, думается, что и на этих участках края штукатурки были соответствующим образом прикрыты. И по-

этому, скорее всего, штукатурный слой, огибая угол пилона, доходил до специального кирпичного выступа (вертикальная полоса П-образной рамы). Кстати, кирпичная кладка, предназначенная под штукатурку, имеет обычную перевязку, а полоса устоя, задуманная мастером оставаться в оголенной кирпичной фактуре, выложена спаренными рядами. Возможно, все арки галереи снаружи также имели резную декорацию по ганчу, которой были покрыты и поля тимпанов, и лишь обрамляющие арки П-образные рамы оставались в кирпичной фактуре. Фон кирпичной надписи над узкими нишами также имел ганчевое покрытие, ее фрагменты сохранились на северной галерее.

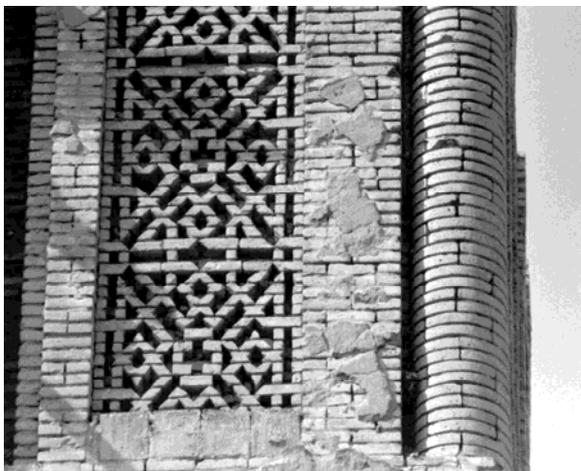

Рисунок 6. Мавзолей султана Санджара. Фрагменты штукатурки в верхнем северном углу восточного фасада (фото из архива Международного Мервского проекта, 1997 г.).

Что касается догалерейных плоскостей четверика, то характер их кладки также явно предназначался под облицовку. Скорее всего, и здесь было покрытие из резного, возможно, крашенного штука. Резная декорация со временем смылась, и поэтому швы кладки кажутся «зализанными».

Проходящая под низом галереи выступающая за нынешнюю плоскость четверика горизонтальная полоса имела защитное предназначение, прикрывая верхний шов штукатурной декорации. Круглые гнезда от деревянных лесов, которые С.Г. Хмельницкий ошибочно принимает за конструкцию перекрытия соседних зданий (1997, с. 56), также позитивно играли конструктивную роль в поддержании штукатурного слоя.

По истечении времени штукатурная декорация фасада под воздействием атмосферных осадков, естественно, начала отслаиваться. Видимо, этот процесс особенно усилился после монгольских погромов, когда в результате физических разрушений образовались многочисленные щели, в которые без препятствий проникали атмосферные осадки. При последующих ремонтах уже смытую, нечитаемую резьбу просто затирали новым слоем штукатурки. Иногда, видимо, по незнанию, покрывали штукатуркой и те участки фасада, которые никогда не были оштукатурены и предназначались для художественного восприятия именно в кирпичной фактуре. Фрагменты подобных ремонтов сохранились в северном углу восточного фасада (рис. 6).

Рисунок 7. Мавзолей султана Санджара. Фрагменты резьбы по ганчу на западном фасаде (фото Э. Кон-Винера, 1924 г.).

Теперь, к сожалению, невозможно установить ни характер былой резьбы, ни тем более рисунок орнамента фасадной декорации. О том, что в орнаменте фигурировали растительные и геометрические мотивы, можно угадать по едва читаемым следам на штукатурном фрагменте западного фасада (рис. 7). Но все попытки установить точный рисунок этого орнамента оказались безрезультатными.

Само же существование резного штука на наружных стенах средневековой постройки не является исключительным случаем. Сохранилось немало количество памятников средневековой архитектуры, наружные фасады которых покрыты резьбой по ганчу. Одним из самых ранних архитектурных свидетельств является,

например, мавзолей Араб-ата (X в.) в Мавераннахре, портал которого богато декорирован резным ганчем. Неплохой сохранности резьба по ганчу имеется и на портале современника мавзолея султана Санджара - северного мавзолея Узгена (рис. 8).

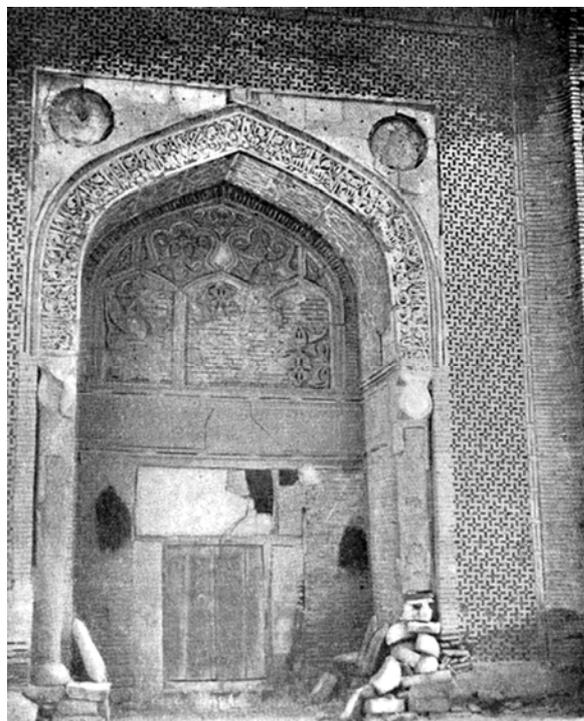

Рисунок 8. Северный мавзолей Узгена. Фрагмент портала (фото Б.Н. Засыпкина, 1948 г.).

Резной ганчевый штук служит фоном для крупного кирпичного декора на портале караван-сарая Рабат-и-Малик (XI в.) под Бухарой, а также бухарской мечети Магоки-Аттори (XII в.). И, конечно же, не права была А.М. Прибыткова, утверждавшая, что если бы на четверике мавзолея Санджара существовало декоративное оформление, «то им являлось бы узорная кладка как единственный вид наружного декора в архитектуре Туркмении XI-XII веков» (1957, с. 161). Узорная кирпичная кладка, действительно, была характерной декорацией фасадов в архитектуре того периода, но отнюдь не единственной. Помимо вышеуказанных памятников, о этом свидетельствует и прекрасная резная терракота на фасаде мавзолея Иль-Арслана в Куняургенче. Что касается конкретно резного штука на памятниках непосредственно мервского региона, то его фрагменты можно видеть в Данданаканской мечети (XI в.) или на фаса-

де (рис. 9) мавзолея Абдуллы ибн-Бурейды (XI в.) (Пугаченкова, 1963, с. 241).

Традиция покрытия фасадов зданий ганчевой штукатуркой на Востоке имеет очень древние корни. От чисто утилитарного предназначения (предохранения от разрушения сырцовый стены) этот прием постепенно переходит и в декоративно-оформительскую сферу. Эта традиция, видимо, настолько укоренилась среди строителей, что даже при возведении сооружений из жженого кирпича фасады наравне с интерьерами подвергались отделке резным штуком, который постепенно вытесняется сначала резной терракотой, а затем, уже окончательно, поливной керамической плиткой.

Рисунок 9. Мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды. Резьба по ганчу на фасаде (фото из архива ЮТАКЭ, 1958 г.).

Итак, если стены подгалерейной части четверика мавзолея султана Санджара были художественно декорированы, то вопрос о примыкании соседних построек отпадает. Однако это касается лишь трех (за исключением восточной) сторон памятника. К восточной же стороне действительно примыкало другое сооружение и, скорее всего, это была та самая мечеть, через решетчатое окно которой, по сообщениям средневекового автора, была видна могила великого султана. Даже на южной стороне, где археологические раскопки выявили очень плотную застройку, между мавзолеем и соседними постройками оставлен узкий коридор. И, видимо, в проем, ведущий на галерею, действительно, попадали с крыши соседнего здания, но по перекиданному мостику.

Литература

- Бачинский Н.М.* Архитектурные памятники Туркмении. Вып.1. М.-Ашхабад, 1939.
- Богодухов А.К.* Мавзолей Султана Санджара в Мерве. Исследование и проект реставрации. 1978-1986 гг. // Памятники Туркменистана. №2(48). Ашхабад, 1989.
- Булатов М.С.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. М.,1988.
- Жуковский В.А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. С-Пб.,1894.
- Засыпкин Б.Н.* Архитектурные памятники Средней Азии: проблемы исследования и реставрации // Вопросы реставрации. II Сборник центральных государственных реставрационных мастерских. М., 1928. С. 234, 237-238.
- Засыпкин Б.Н.* Архитектура Средней Азии. М., 1948.
- Мамедов М.А.* Усыпальницы суфийских шейхов в Серахсе и Мехне // Культурные ценности. 1999. СПб., 2001.
- Мурадов Р.Г.* Комментарии к русскому переводу статьи Э. Кон-Винера «Руины сельджукского города Мерва и мавзолей султана Санджара» (перевод С.М. Демидова) // КЦ 1997-1998. СПб, 1999.
- Пилявский В.И.* Архитектура древнего Мерва // Научные труды Ленинградского инженерно-строительного института. Вып. 10. М.-Л., 1950.
- Прибыткова А.М.* Материалы по зодчеству Туркмении // Архитектурное наследство. № 8. М., 1957.
- Прибыткова А.М.* Строительная культура Средней Азии IX-XII вв. М., 1973.
- Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958.
- Пугаченкова Г.А.* Новое по архитектуре Средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
- Семенов А.А.* По Закаспийским развалинам. Ташкент, 1928.
- Хмельницкий С.Г.* Между саманидами и монголами. Памятники архитектуры Средней Азии XI – начала XIII вв. Ч. II. Берлин-Рига, 1997.
- Cohn-Wiener E.* Die Ruinen der Sedschurtstadt von Merv und Mausoleum Sultans Sandschars // Jahrbuch der Asiatischen Kunst. Berlin, 1925.

Р. Джепбаров
(Туркменистан, Байрамали)

КОНСЕРВАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НА СЫРЦОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕГО МЕРВА

Традиционные строительные материалы в виде сырцовых кирпичей и пахсы применялись, начиная с древнейших времен. Они оптимальны в климатических условиях Туркменистана и поэтому являются составной частью системы жизнеобеспечения проживающего здесь населения. Искусство возведения крепостных стен, замков, жилых построек и инженерных сооружений было тесно увязано с разными факторами, в том числе с относительной долговечностью этих материалов и простотой процесса их приготовления даже для крупномасштабного строительства. К сожалению, при всех положительных характеристиках сырцовых материалов, становится все актуальней необходимость решения вопросов сохранения исторических памятников, построенных из них, хотя сегодня имеются различные методы защиты фрагментов сырцовой архитектуры.

Большая часть сооружений Мервского оазиса, построенных из сырца, можно отнести к группе древнейших шедевров, являющихся наследием местной строительной культуры, складывавшейся веками. Ярчайший представитель данной группы – раннесредневековый замок Большая Кыз-Кала, расположенный в пригороде Султан-Калы, вблизи древнего канала Хурмузафарра. Это - прямоугольное двухэтажное сооружение размером 44 x 38 м, относящееся к ранним, относительно хорошо сохранившимся памятником Туркменистана.

Верхний этаж Большой Кыз-Калы практически разрушен, сохранились только гофрированные внешние стены с промоинами в нижней части и повреждениями на разных уровнях. Для предотвращения дальнейшего разрушения стен в 1997 г. были предприняты некоторые мероприя-

тия по консервации памятника. Данная работа положила начало новым поискам в данной сфере. Начатые консервационные работы проводились в два этапа. Прежде всего, часть промоин была расчищена в глубину до древней кладки (в некоторых участках до 2,5 м), чтобы лучше понять традиционные правила и приемы ремонтной кладки из родного сырцового кирпича. При этом были использованы так называемые «подзахватывающие» подпорки. Указанные работы в целом (сделаны только небольшие замечания) были одобрены международными специалистами, вместе с которыми в дальнейшем развивалась совместная деятельность по консервации на основе международного опыта и с учетом местных условий.

Каждый памятник имеет собственную специфику и собственную определенную среду. Для разработки наиболее рациональных способов консервации разрушающегося объекта, сначала необходимо исследовать его, затем на небольшом фрагменте провести экспериментальные работы, проверить различные параметры, которые должны быть сохранены, чтобы отличить эффективное устройство защиты от неэффективных или опасных методов. В результате можно выбрать метод консервации, наиболее адаптированный к данному памятнику.

Начиная с 2001 г., на таких сырцовых памятниках как Большая и Малая Кыз-Кала и административное здание в Шахрияр Арке, ежегодно проводятся экспериментальные работы с участием специалистов ЮНЕСКО по консервации. В настоящее время начато проведение широкомасштабного мероприятия на археологическом памятнике эпохи бронзы Гонур-депе.

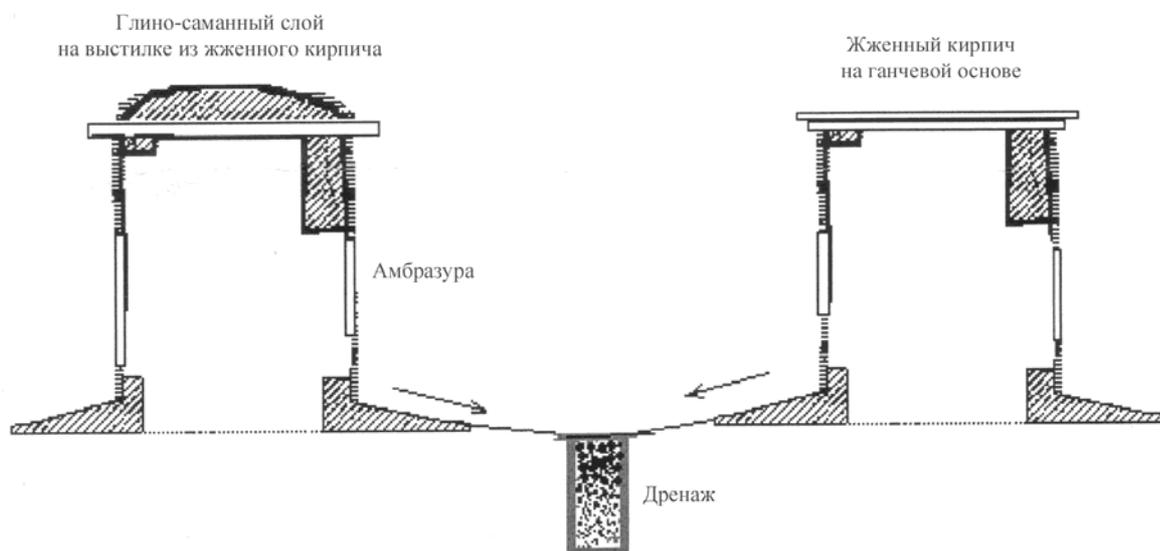
Одной из первоочередных задач со-

хранения уникальной архитектуры Гонур-депе является организация временного его ограждения и регулярная охрана городища зрителем. Ограждение городища могло бы избежать неуправляемого вторжения посетителей и нарушения ими охранного режима памятника. Сооружение специального верхнего перекрытия над комплексом было бы действительно эффективным, но, огромные размеры памятника и высокая стоимость данного мероприятия осложняется тем, что это решает только часть проблем по сохранению древних стен. Более приемлемое решение: осуществить консервацию стен и стабилизировать их хрупкие части, используя разные варианты дренажа. Такой способ консервации обеспечит эффективный водосток по стенам зданий и даст возможность создания нормальной подземной влажности. Соответственно необходимо установить программу текущего ремонта памятника, чтобы гарантировать длительную эффективность его защиты не только от атмосферных воздействий, но и от вред-

ных последствий посещения памятника посетителями.

Но в первую очередь необходимо провести ряд испытаний с целью разработать оптимальный вариант укрепления стен и предотвращения их дальнейшей эрозии. Данные исследования предполагают применение разных вариантов защитных методов на отрезке стен и оставление этого отрезка открытым к дождю в течение одного сезона, затем будет проведен выбор одного из примененных методов. Регулярные ежегодные (или каждые два года) посещения памятника строительной бригадой и архитектором будут всегда гарантировать управления профилактическими работами и охраной.

Приведу несколько предлагаемых вариантов методики консервации, известных по международному опыту, на Гонур-депе. После проведения соответствующих тестов будет необходимо из нижеуказанных вариантов консервации выбрать оптимальный для данной местности.

1. Частичная реконструкция верха стены в круглой форме, чтобы гарантировать регулярное распределение дождевых вод с обеих сторон стенки. Включение геотекстиля между старым и новым слоем. Один материал используется для старой и новой части. Вариант требует текущего ремонта.
2. Частичная реконструкция верха стены в

- круглой форме. Включение геотекстиля между старым и новым слоем. Защита новой части геотекстилем, вставленным с помощью глиняного раствора. Вариант требует текущего ремонта.
3. Частичная реконструкция верха стены в круглой форме, чтобы гарантировать регулярное распределение скоростного напора. Включает подачу промывоч-

ной воды по обе стороны стенки. Включение геотекстиля между старым и новым слоем. Защита новой части геотекстилем, вставленным с помощью глиняного слоя. Собственная стена памятника сохраняется. Образуется полная защита стен, которая будет регулярно поддерживаться.

4. Частичная реконструкция верха стен в круглой форме, но с использованием кирпичей. Способ осуществим быстрее, чем вариант № 2. Основные проблемы - связь между оригинальным слоем и кирпичной кладкой.
5. Реконструкция верха стены в форме «яйца», который соответствует естественной форме при эрозии сырцовых

стен. Вариант более стойкий, чем плоская вершина. Эта форма должна препятствовать людям ходить по стенам памятника. Дает возможность следить за состоянием памятника намного проще, чем другие методы, но изменяет форму стен и требует текущего ремонта поверхности.

6. Реконструкция верха стен в выпуклой форме с намерением сохранить влажность и предотвратить эрозию обеих сторон стен. В верхнюю часть стены помещается специальный абсорбент воды. Вариант позволяет отводить воду далеко от зеркал цилиндра, но возникает риск увлажнения в определенных точках.

МЕЧЕТЬ АНАУ: НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ И КОНСЕРВАЦИЯ ОСТАТКОВ ТИМПАНА С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ДРАКОНОВ

Первые стационарные исследования средневекового городища Анау (Южный Туркменистан) и мечети Джамал-ад-Дина (1456 г.), расположенной на нем, осуществили в 1947 г. 6 и 7 отряды ЮТАКЭ. При всей скоротечности этих работ (всего около двух месяцев) удалось сделать не только глазомерный план крепости вместе с прилегающей территорией, который корректировался аэрофотоснимками, но и провести стратиграфические исследования

городища, собрать огромное количество подъемного материала, изучить структуру и топографию памятника, а также осуществить детальное археолого-архитектурное изучение мечети и подготовить массу обмерной документации по ней. Результатом этих исследований стали несколько основательных публикаций (Пугаченкова, 1956; 1958, с.408 сл.; 1959; Левина, 1951, с. 344, 378-379, 395).

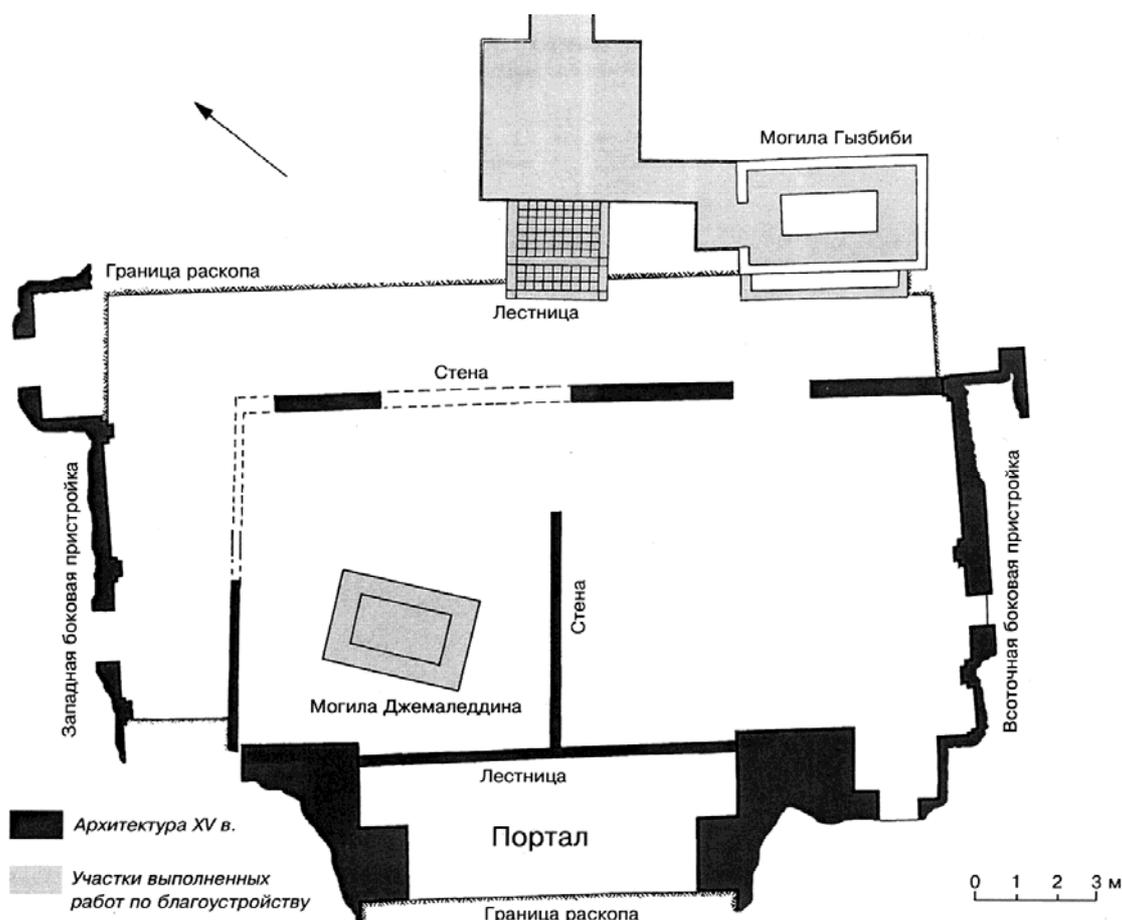

Рисунок 1. Площадь перед порталом. План раскопок 2001 г. и благоустройства территории.

Работы ЮТАКЭ были проведены очень вовремя: через несколько месяцев никакие консервационно-реставрационные мероприятия 20-х – 30-х гг. XX в. не смогли предотвратить разрушение мечети в результате мощного землетрясения 6 октября 1948 г. Вместе со зданием уничтоженной оказалась и знаменитая майоликовая мозаика с изображениями драконов, украшавшая тимпаны над порталной аркой. Но если архитектурный ансамбль мечети, учитывая степень утрат, уже не подлежит восстановлению, то остатки мозаичного декора еще можно было спасти, хотя бы и фрагментарно. Именно это обстоятельство являлось главной целью наших исследований, осуществленных с сентября по декабрь 2001 г. благодаря финансовой поддержке в рамках программы Госдепартамента США «Сохранение культурного наследия».

За 53 года, минувшие со дня обрушения здания мечети, вокруг него образовался в среднем двухметровый слой завалов, состоящий из крупных и мелких кусков стеновых блоков кирпичной кладки на прочном ганчевом растворе, огромного количества целого и битого кирпича, алебастровой штукатурки интерьера, фрагментов деревянных балок и песка, навеянного за десятилетия. В результате сверху (особенно в местах, которые утрамбованы ногами бесчисленных паломников) сложилось достаточно плотное по массе аморфное грунтовое покрытие.

Новые раскопки, предпринятые, прежде всего, с целью извлечения всех сохранившихся кусков облицовочной майолики, проводились исключительно перед порталом и с двух сторон ограничивались контурами стен боковых построек дворовой части мечети (рис. 1). В результате удалось полностью расчистить выстилку пола молитвенной площади XV в. на расстоянии 12 м от ступени портала, изучить строение могилы шейха, провести частичные консервационно-реставрационные работы боковых пристроек к мечети, а главное – извлечь максимум сохранившихся фрагментов мозаики с изображениями драконов и подготовить их для экспонирования в музее.

Общая площадь раскопа составила около 300 кв. м. При этом площадь всей

территории перед порталом, где проводилась расчистка завалов, охватывала около 850 м². За пределы крепостных стен в результате проведенных работ вынесено 750-800 кубометров битого кирпича и грунта. До разборки завалов была осуществлена инструментальная съемка будущего раскопа с фиксацией высотных отметок и крупных кирпичных блоков, располагавшихся в его пределах, а также детальная фотосъемка объекта. Мощность завалов на различных участках раскопа варьировала в пределах от 20 до 245 см.

Как порталная часть мечети, так и ее боковые пристройки возведены из жженого кирпича формата 21-24x21-24x4,5-6 см с применением зольно-гипсового раствора и ганча (Пугаченкова, 1959, с. 17, 19). Такой же кирпич использовался и для выстилки пола в порталной и дворовой части, которая частично сохранилась на удалении до 10-12 м от фасада. Местами кирпичная выстилка вдавлена в грунт на глубину от 10 до 80 см, что явилось следствием падения крупных кирпичных блоков во время землетрясения, объемы которых достигали 1-3 кубометров, а вес от 0,5 и более тонн.

Поскольку основные работы были направлены на извлечение майоликовой мозаики, кратко охарактеризуем ее технологические качества. В свое время исследователи установили, что мозаика мечети Анау представляет собой кашин, состоящий, главным образом, из кварца (Безбородов, 1949, с. 81-87; Гражданкина, 1958, с. 58, сл). В то же время красящие глазури, по их же утверждению, содержали окислы кобальта, меди, марганца и железа. Благодаря этому в мозаичных панно анауской мечети представлено пять различных цветов – белый, темно-синий, голубой, желтый и, наконец, темно-бардовый.

В ходе наших работ далеко не всегда представлялось возможным определить принадлежность фрагментов к левому или правому тимпану. Лишь в результате длительного лабораторного изучения каждого пронумерованного куса удалось найти его место в общей композиции обоих тимпанов. Наиболее хорошо представлена мозаика правой части панно (около 60% от об-

щей массы найденных фрагментов). Кроме того, значительная часть осколков (около 35%) собрана с различных участков поверхности крепости, причем отдельные

фрагменты обнаружены на удалении до 100 м от портала мечети, что, естественно, говорит об их переотложенном положении.

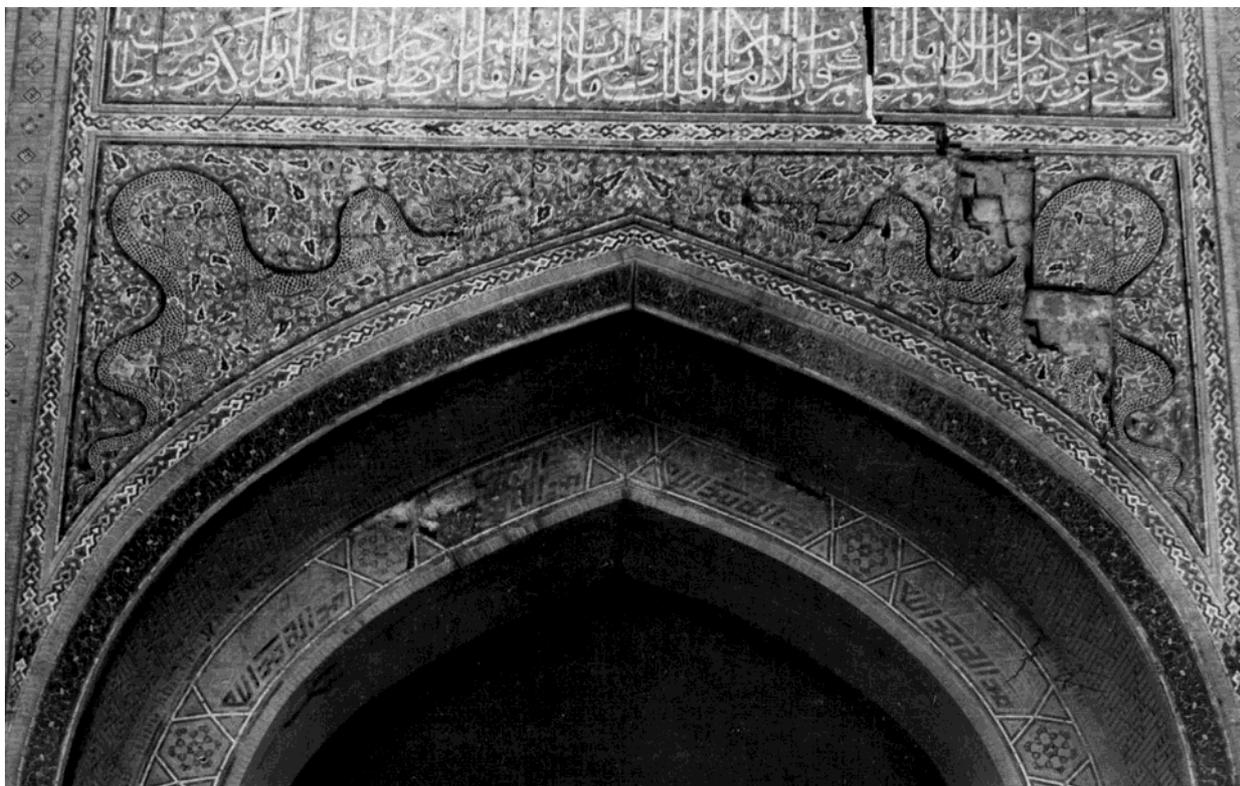

Рисунок 2. Тимпаны с драконами (фото из архива ЮТАКЭ, 1947 г.)

Фрагменты мозаики «с драконами» при разборке завалов встречались на удалении не более 10 м от портала и, главным образом, с внутренней стороны левого пилона, а также с правой (внешней) стороны правого пилона. Незначительная часть этой майолики (всего около 100 мелких фрагментов) обнаружена под поздним коробом сооружения над могилой шейха Джамал-ад-Дина. В основной своей массе они являлись фрагментами мозаики с изображением тулова и обрамляющего его узора. В свою очередь изображения голов драконов сохранились очень плохо: лишь на 10-15%.

Какова сохранность мозаики с тимпанов в целом? Если их общая площадь (левого и правого) составляла в оригинале около 20 кв.м (рис. 2), то нам удалось обнаружить лишь около 6,5 кв.м, или примерно 32% мозаичного поля в виде 987 фрагментов разной величины. Не исключено, что определенная часть орнаментальной майолики с драконами находится

внутри мечети, куда она могла попасть во время землетрясения при падении портала. Однако, эта часть памятника нами не раскапывалась из-за существующей угрозы устойчивости западного пилона, имеющего сильно выраженный крен. Другая часть фрагментов, судя по всему, расхищена на сувениры многочисленными визитерами, которые все эти годы в большом количестве посещали руины мечети.

Геометрическая и эпиграфическая орнаментация, равно как и элементы обрамления основных композиций майоликовой облицовки портала, встречались почти на всем пространстве раскопной площадки. Все они собраны и переданы на хранение в Государственный историко-культурный заповедник «Ниса», в чьем ведении находится территория городища Анау.

В процессе реконструкции мозаики тимпанов все фрагменты были смонтированы на специально изготовленных гипсовых панелях, армированных металлической

решеткой. Форма этих панелей примерно соответствует тем монтажным плитам, которые применялись мастерами XV в. при создании панно с драконами. Когда портал был еще цел, на облицовке тимпанов к XX в. образовались трещины, точно пролежавшие по швам между технологическими плитами. Это хорошо видно на фотографии 1947 г. (рис. 2). Вся композиция размещалась на 41 плите. В результате реконструкции панно собранные фрагменты укреплены на своих местах, а оставшиеся лакуны заполнены контурной прорисовкой отсутствующих частей композиции.

Рисунок 3. Начало разборки ограды вокруг намогильника, существовавшего до 2001 г.

После предварительной расчистки завалов и извлечения фрагментов мозаики представлялось целесообразным приступить к установлению точных границ и конкретного местонахождения могилы Джамал-ад-Дина. Это обстоятельство диктовалось тем, что под современной оградой вокруг надгробия и под ним самим четко фиксировались мусорные слои в виде кирпичных завалов 1948 г., что со всей очевидностью подтверждало их позднее происхождение.

К сожалению, раскопки 2001 г. носили крайне ограниченный характер как по времени, так и по территориальному охвату. Причиной тому был не только недостаток средств. Большое число паломников, регулярно посещающих это святое место, а также корректное уважение к чувствам верующих явились объективными обстоятельствами, препятствовавшими проведению широкомасштабных и детальных археологических исследований как самого захоронения, так и превращенной в кладбище территории к северу от пештака.

Этот участок никогда не раскапывался и вполне может скрывать остатки сооружений, составлявших часть единого ансамбля тимуридского времени.

Тем не менее, проведенные работы позволили установить наличие пяти различных по хронологии намогильных сооружений, которые последовательно перекрывали друг друга в виде «матрешки». Как правило, все они располагались справа у входа, рядом с правым пилоном портала мечети, варьируя лишь по размерам, внешнему оформлению и, отчасти, по ориентации.¹ В целях удобства изложения материала приведем их описание сверху вниз, начиная от самой поздней и завершая наиболее древней, т. е. действительной гробницей шейха, умершего в середине XV в.

Верхнее, наиболее позднее намогильное сооружение, возведенное из квадратного кирпича уже разрушенной мечети, представляло собою прямоугольную конструкцию (418-420 x 178-188 см) высотой 90-118 см. По всему периметру она была обведена забором (530-535 x 722-772 см), высота которого достигала 150 см (рис. 3). Основание, как намогильника, так и забора находилось на 15-60 см выше условного репера. Проход в ограду шириною 65 см располагался с восточной стороны, а ориентация намогильника соответствовала линии СЗ-ЮВ. При его возведении использовался древний кирпич формата 21-24 x 21-24 x 4,5-6 см с применением обыч-

¹ Еще одно захоронение расположено в северо-восточной части двора мечети. Оно представляет собой небольшую земляную насыпь, окруженную современной прямоугольной оградкой (280x465 см), высотой не более 35 см. Она никак не связана с историей мечети и отражает лишь специфику среднеазиатских погребальных традиций, когда реальная могила почитаемого человека (гонамбаши) становится центром разрастающегося кладбища. Вот почему в пределах дворовой части мечети в ходе раскопок обнаружено множество поздних захоронений XIX-начала XX вв. Одной из последних по времени на этом участке и является эта по сути анонимная могила, ныне называемая Гыз-Биби, которая также стала теперь объектом поклонения, особенно среди женщин-туркменок.

ного глиняного раствора. Внешняя поверхность сооружения была оштукатурена тонким цементным раствором. Возведение этого саркофага относится ко второй половине XX в., а ее последний ремонт, по словам местных жителей, сделан в 1994 г.

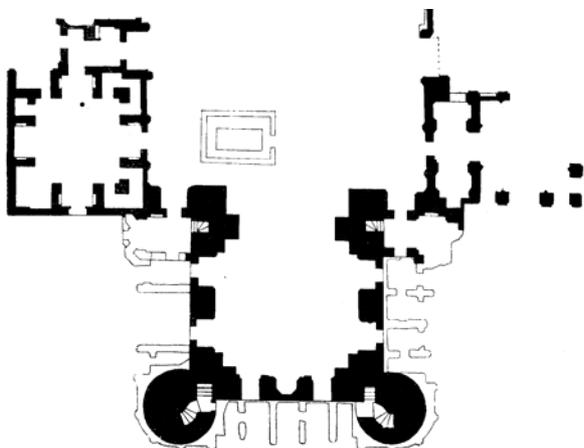

Рисунок 4. План мечети с указанием формы намогильного сооружения, существовавшего до 1948 г. (по Г.А. Пугаченковой).

Второе намогильное сооружение следует датировать временем, предшествующим землетрясению, т.е. приблизительно 1927-1948 гг. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют сохранившиеся чертежи и фотографии того периода (рис. 4). По своей конфигурации, ориентации и конструктивно-строительным приемам оно абсолютно аналогично первой. Как ограда, так и намогильник были сложены из жженого кирпича (23-24 x 23-24 x 5-6 см) на ганчевом растворе. Размеры ограды по внешнему периметру составляли 412-414 x 540-580 см при толщине стен 36-39 см. Размеры саркофага не превышали 146 x 350 см, а его высотная сохранность варьировала от 7 до 52 см. Пол между оградой и намогильником был выложен в виде вымостки из кирпичей, среди которых встречено и три современных, имевших размеры 26x13x6,5 см. Местами на полу сохранилась ганчевая обмазка, которая при переходе от пола к саркофагу оформлена в виде выкружки толщиной до 2 см. Основание ограды соответствовало отметке 10-25 см выше условного репера.

Третий намогильник представлял собой так же прямоугольное надгробие (164x347 см), высотой 25 см. Он возведен из жженого кирпича (23-24 x 23-24 x 5-6

см) (рис. 5). Его ориентация по углам почти соответствовала сторонам света. Мощная ограда вокруг могилы размером 670-672 x 720-750 см сохранилась очень плохо и ее высота не превышала 7-52 см. Между тем, как следует из описания надгробия, приведенного А.А. Семеновым по результатам его исследований 1906 г., высота кирпичной ограды составляла 249 см, а высота саркофага 62 см (Семенов, 1910, с.7). Как свидетельствуют архивные материалы, в том числе и сохранившиеся фотографии, сооружение и функционирование третьего намогильника следует относить ко второй половине XIX в. - первой четверти XX в.

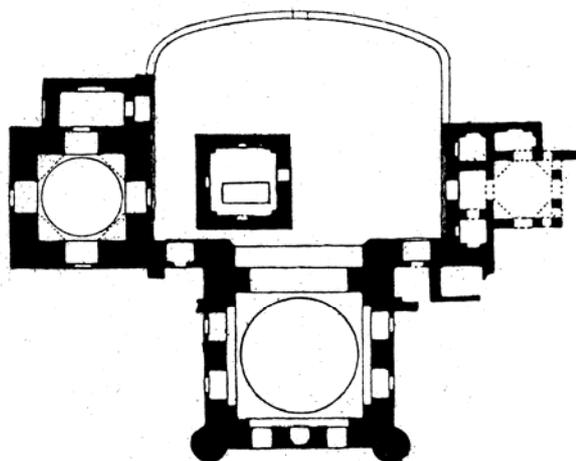

Рисунок 5. План мечети с намогильником (по А.А. Семенову, 1910 г.).

Четвертая конструкция погребально-го сооружения на основании этнографических параллелей и археологических данных уверенно может датироваться концом XVIII – началом XIX вв. Она имела форму двухступенчатой прямоугольной пирамиды в виде земляной насыпи, обложенной по верху бутовыми камнями (рис. 6). Размеры нижнего прямоугольника насыпи 266 x 385 см, при высоте 10 см, а размеры верхнего, соответственно 119 x 248 см, при такой же высоте. Намогильник находился внутри прямоугольной ограды (349-375 x 557-563 см), максимальная высотная сохранность которой составляла 42 см. Она была сложена из жженого кирпича (24-24,3 x 24-24,3 x 6-6,2 см), скрепленного на алебастровом растворе. Пол ограды фиксировался на уровне -44 см от условного репера и представлял собою площадку, устланную половинчатым кирпичом по всей поверх-

ности пола. Нам не удалось установить точное расположение прохода, в связи с незначительной сохранностью ограды по высоте. Ориентация надгильного сооружения соответствовала линии СЗ-ЮВ (321° - 141°).

Рисунок 6. Намогильник конца XVIII-начала XIX вв. после раскопок 2001 г.

Наконец, пятое, наиболее древнее надгробие представляло собою типичную сагану, построенную из квадратного обожженного кирпича формата $20\text{-}21 \times 20\text{-}21 \times 3,7\text{-}4,5$ см на глиняном растворе. В отличие от всех вышеописанных надгробий здесь использовался совершенно иной по размерам кирпич, отличающийся также и от кирпича, из которого построена сама мечеть. В фундамент стен этого сооружения были уложены бутовые камни на высоту около 10-15 см, поверх которых осуществлялась кладка. По завершении кладочных работ поверхность саганы была обмазана тонким (от 1 до 6 см) слоем глины. Ориентация могилы соответствовала линии ССЗ – ЮЮВ (333° - 153°). При этом вход в нее был оформлен с юго-восточной стороны, в виде арочного проема высотой 88-90 см, глубиной до 48 см и шириною 68 см. Передняя часть саганы шириной 218 см (рис. 7) представляет собой обычный дромос, который был закрыт почти прямоугольной в плане каменной плитой (68×74 см), толщиной 7-13 см. На ней не отмечено никаких надписей или рисунков. Одна из ее сторон с ровной и гладкой поверхностью, в то время как противоположная имеет следы инструмента, которым она была слегка подправлена. Общие размеры саганы по внешнему периметру 220×346 см, а максимальная высота

90-115 см. Дело в том, что пол саганы внутри на 15-20 см глубже, чем снаружи. Верх этого намогильника оформлен в виде сводчатого перекрытия из кирпичей, уложенных на ребро и скрепленных глиняным раствором. Ни снаружи, ни внутри склепа не удалось обнаружить каких-либо элементов орнаментации или архитектурного декора.

Простота исполнения и бедность внешнего оформления саганы являет поразительный контраст как самой мечети, так и ее блестяще исполненному portalу. Раскопочные работы внутри саганы в силу известных обстоятельств не проводились и ограничились лишь тем, что внутри нее был зафиксирован реальный остеологический материал, частичное вскрытие которого позволило определить, что усопший был погребен на спине, в вытянутом положении, ногами к выходу. Стратиграфически основание этой могилы находилось на отметке – 140-145 см от уровня условного репера и почти настолько же ниже уровня дворовой вымостки XV в.

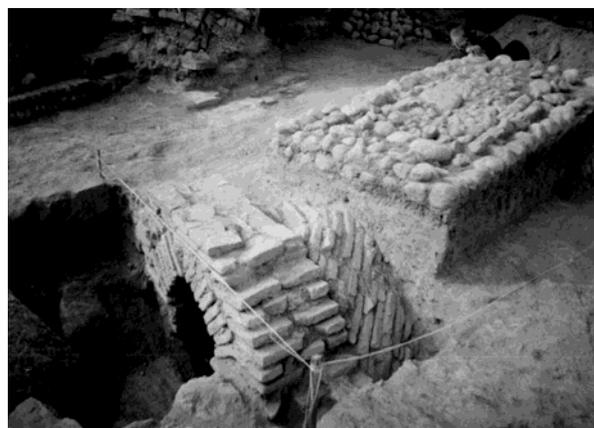

Рисунок 7. Сагана XV в. (слева) с дромосом после раскопок 2001 г.

Это обстоятельство дает основания выдвинуть два совершенно очевидных предположения. Первое заключается в том, что перекрытие могилы по своему горизонтальному положению практически соответствовало основанию стен боковых пристроек мечети и, следовательно, могло предшествовать их строительству. Второе заключение сводится к версии о том, что предportalная площадь мечети могла иметь два уровня. Один из них (восточная половина двора), как это показали еще исследования

Г.А. Пугаченковой, соответствовал уровню пола XV в. Другой (западная половина двора) располагался почти на полтора метра ниже предыдущего и представлял своего рода котлован, архитектурное обрамление которого зафиксировано (но не полностью) нашими исследованиями.

Археологический материал из заполнения могилы и культурных слоев вокруг нее представлен главным образом фрагментами керамики тимуридского времени. Наиболее интересна в этом отношении кашинная керамика розоватого цвета с преобладанием растительного орнамента синего цвета по белому фону. Не менее выразительны и фрагменты кольцевых поддонов того же времени.

Описываемая могила уверенно может быть датирована серединой XV в., что полностью согласуется также и с результатами предшествующих стратиграфических исследований.

Конструктивные особенности саркофага шейха Джамал-ад-Дина почти не имеют аналогий в материалах тимуридского времени, если не считать отчасти похожий склеп под безымянным мавзолеем в округе Шахрисабза (Усманова, Грошев, 1991, с. 10-12). С одной стороны, хорошо известны гробницы правителей и знатных вельмож этого периода, но внешняя пышность и парадность их оформления не идет ни в какое сравнение с последней обителью анауского шейха из-за простоты исполнения и более чем скромного убранства. С другой стороны, аскетичность могилы можно объяснить религиозными и социальными мотивами, связанными с жизнью суфийского шейха. Судя по всему, Мухаммед Худайдат, инициатор строительства и патрон мечети, не посмел перестроить саркофаг покойного отца, тем самым, видимо, отдавая должное традиционному аскетизму последнего. Тем не менее, он воплотил свое стремление увековечить его память путем постройки монументальной мечети, не уступающей в своем величии лучшим образцам тимуридской архитектуры.

Археологические исследования 2001 г. в пределах дворовой части мечети позволили выявить остатки новых строительных

конструкций в виде стен XV в., которые не были известны ранее. Около 40% этих стен было разрушено в XIX-XX вв., когда здесь функционировало кладбище. Они были возведены из жженого кирпича размером 22-25 x 22-25 x 5-5,5 см на ганчевом растворе. Толщина стен составляла 24-25 см (южная, центральная и западная) и 39-40 см (северная). По крайней мере их верхняя часть на глубину до 25 см состоит из кирпичей, уложенных на ребро. Верхний край отмечался на уровне 50 см от условного репера и, таким образом, находился почти на одном уровне с дворовой вымосткой XV в. или даже на 5-7 см ниже ее. В то же время Г.А. Пугаченкова полагала, что уровень двора этого времени был искусственно поднят на 1-1,5 м путем его засыпки строительным мусором.

Однако, западная половина двора, где находится могила Джамал-ад-Дина, вообще не содержит остатков строительного мусора – она заполнена чистым грунтом со значительным содержанием песка. Более того, основание могилы точно соответствует тому уровню, с которого началась забутовка в восточной половине двора. Стало быть, выявленные нами стены XV в. (образующие прямоугольник, разделенный надвое в центре двора) могли служить своего рода обрамлением надгробия Джамал-ад-Дина, по крайней мере в западной половине. К сожалению, учитывая задачи и цели нашего проекта, эти работы не были завершены, и потому вопрос о функциональном назначении данных стен требует дополнительных археологических исследований.

Работы по благоустройству предпортальной части мечети Анау проводились как в пределах раскопа, так и за его границами. Прежде всего, на всей площади раскопа (около 250 м²) была произведена выстилка жженым кирпичом на уровне пола XV в. За пределами раскопа выложено более 100 м кирпичного тротуара, ведущего от мечети к древним воротам крепости. Кроме того, учитывая большое количество паломников, приходящих к почитаемой могиле, а также аварийное состояние древней гробницы, было решено в целях ее консервации возвести над ней новый двух-

ступенчатый саркофаг, гарантирующий сохранность древнего захоронения, с одной стороны, и придающий ей более эстетичный вид – с другой. Это откровенно современная конструкция, не имитирующая ни один из прежних надгробников, но продолжающая многовековую традицию их возведения на этом месте. При ее строительстве использован старый кирпич, в изобилии имеющийся вокруг развалин мечети, а для облицовки отобраны наиболее качественные экземпляры, предварительно обработанные на шлифовальном станке.

Частичные реставрационные работы с применением старого кирпича и очень близкого по составу ганчевого раствора затронули западную и восточную боковые пристройки мечети, которые со стороны двора реконструированы на высоту от 1,1 до 2 м. Подвергнута реставрации и давно исчезнувшая облицовка части основания левого (восточного) пилона: на площади

чуть более 4 м² восстановлена панель из кирпичей, уложенных торцовой стороной «в елку», аналогичная хорошо сохранившейся на правом пилоне. Разрушенная нижняя панель бокового устоя левого пилона временно законсервирована кирпичом на глиняном растворе.

Представляется чрезвычайно важным будущие консервационно-реставрационные работы на этом уникальном памятнике предварить тщательным археологическим исследованием как северного участка бывшего ансамбля, так и подполья центрального зала, после расчистки завалов от рухнувших стен и купола. Комплекс Джамал-Дина, несмотря на его известность, до сих пор остается слабоизученным и оставляет немало вопросов, касающихся и его истории, и его функции, и его планировочной идеи. Ответы на них дадут только дальнейшие раскопки.

Литература

- Безбородов М.А.* Строительные материалы средневековых зодчих мавзолея Анау // Изв. Туркменского филиала АН СССР. 1949, №1.
- Гражданкина Н.С.* Древние строительные материалы Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VIII. Ашхабад, 1958.
- Левина В.А.* Позднее городище Анау // Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1951.
- Пугаченкова Г.А.* Драконы мечети Анау // СЭ, 1956, № 2.
- Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. М., 1958.
- Пугаченкова Г.А.* Мечеть Анау. Ашхабад, 1959.
- Семенов А.А.* Развалины мечети близ селения «Аноу». Ташкент, 1910.
- Усманова З.И., Грошев А.Е.* Мавзолей XIV – начала XV вв. в округе Шахрисабза // Архитектура и строительство Узбекистана. 1991. № 6.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОДОХРАНИЛИЩА В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

В условиях засушливого климата Средней Азии городское население использовало любую возможность для обеспечения города водой. Помимо основных водных источников – каналов, в микрорельефе средневековых городищ и сегодня читаются впадины водосборных бассейнов.

По своим размерам и функциональным особенностям среднеазиатские водохранилища делятся на несколько групп.

К *первой группе* относятся бассейны-хаузы. В основном они выполняли функцию водосбора питьевой воды, которые устраивались в городских кварталах в расчете на определенное количество домов. В большинстве случаев берега хаузов обкладывались жженным кирпичем, а вокруг сажались деревья. Обычно городские власти, да и сами горожане строго следили за состоянием бассейнов и за тем, чтобы хауз не использовался для купания и стирки белья.

При рекогносцировочном выяснении вопроса водоснабжения сельджукского Мерва (Султан-кала) в северной половине основного квадрата городища нами были выявлены 12 впадин бассейнов-хаузов. Какой-либо определенной системы в их расположении не установлено. Здесь они располагались через каждые 100-150 м, то есть приблизительно на каждые 5-10 дворов.

Для выяснения характера устройства и размеров бассейнов был осуществлен частичный разрез одного из них. Бассейн располагался между мавзолеем султана Санджара и северными воротами, в 25 м к востоку от русла канала Маджан. Разрез представляет собой шурф-траншею размером 16,5 x 1,5 м, охватившую почти половину резервуара. Уровень современной поверхности над чашей водоема находится на

глубине 11,5 м от репера, расположенного наверху крепостной стены Султан-калы.

На глубине 11,5 м от точки репера обнаружен уровень площадки, частично сохранившей вымостку из жженного кирпича. Ширина ее до края 7,6 м. Верхний край резервуара отмечен стеной из жженного кирпича размером 20 x 20 x 3 см, а также 22 x 22 x 4 см. Толщина стенки не превышает 0,4 м; высота – 0,7 м. Диаметр резервуара поверху – 20 м. Глубина бассейна от уровня площадки – 3 м до чистого песка (рис. 1).

Это типичный пример городского бассейна-хауза. Другие впадины чаш этих сооружений не превышают в диаметре 20-30 м. Хаузы наполнялись водой по мере необходимости, так как объем воды в бассейне за сутки функционирования использовался горожанами почти полностью. В данном случае, хауз питался водой канала Маджан, подведенной к нему посредством крытых, стреловидной формы узких канавок из жженного кирпича (Ходжаниязов, 1992, с. 27).

Два хауза обнаружены на городище Шехр-Ислам. Обе впадины располагались по сторонам от въезда, внутри шахристана. Восточный бассейн вытянут в широтном направлении, имеет размеры 30 x 20 м. Второй, размером 100 x 35 м, вытянут по линии север-юг (Литвинский, 1952, с. 257).

Вторая группа объединяет водохранилища, выполнявшие роль водоемов-распределителей. Талая и дождевая вода, а также вода из каналов, подводившаяся к распределителю посредством арыков или трубопроводов – *кубуров*, собиралась в чаше данного типа водоема до определенного момента, и тогда она распространялась по арычной сети во дворы горожан.

После этого весь цикл повторялся. Диаметр таких водосборов обычно колеблется от 50 до 100 м.

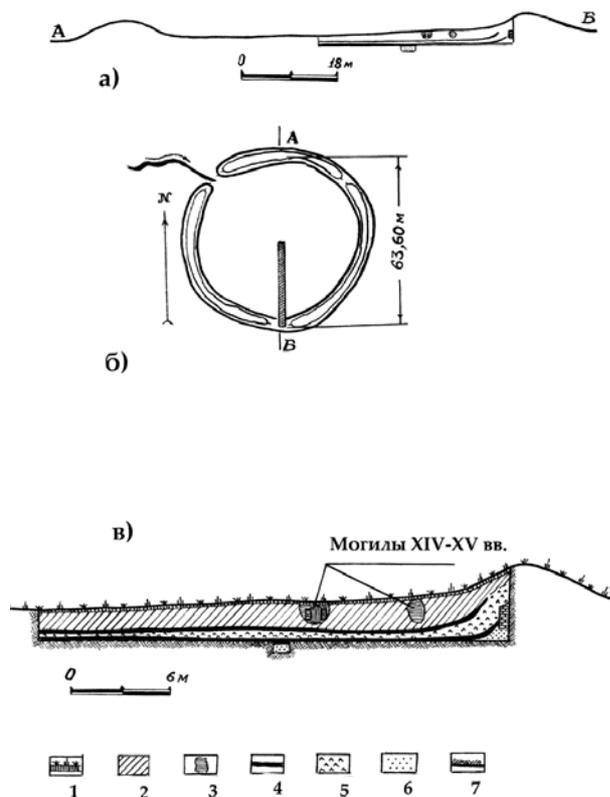

Рисунок 1. Раскоп бассейна-хауза в северо-восточной четверти городища Султан-кала. Условные обозначения: 1 – дерновый слой; 2 – рыхлый грунт; 3 – плотный осадочный слой глины; 4 – мелкозернистый песок; 5 – кирпичная кладка; 6 – реперная точка; 7 – границы раскопа.

Два разноразмерных водоема-распределителя были выявлены, благодаря аэрофотосъемке и рекогносцировке микрорельефа южного обвода Султан-Калы. Они располагаются в 300 м северо-восточнее мавзолея асхабов и в 70-75 м к западу от крепостной стены южного обвода. Был исследован северный водоем, имеющий больший диаметр по поверхности.

Шурф-траншея длиной 28,5 м и шириной 2 м прорезал чашу водосбора до ее середины и был углублен до уровня 2,8 м. Исследования показали, что диаметр первоначального водоема достигал приблизительно 64 м. Линза (I) его дна располагается на глубине 2,5 м от дневной поверхности и представляет собой плотный осадоч-

ный слой глины насыщенного коричневого цвета. На одном из участков разрез был углублен еще на 1 м, что позволило выявить толщину первоначальной линзы, которая составляет 30-35 см, а также структуру нижележащего слоя, который состоит преимущественно из чистого мелкозернистого песка (рис. 2).

Южный край линзы в зоне разреза упирается в кладку из жженного кирпича размером 20 x 20 x 4; 20 x 21 x 5; 21 x 21 x 4,5 см. Скорее всего, это была своеобразная береговая обкладка бассейна. Судя по мельчайшим фрагментам керамики, вкрапленным в осадочный слой водоема, эта линза (I) может быть датирована IX-X вв. Над этой чашей располагается слой чистого песка толщиной 20 см, выше которого находится дно последующего функционирования водосбора. Линза (II) представляет собой слой в 18 см структуры, аналогичной линзе (I).

Располагая данными шурфа-разреза, можно утверждать, что диаметр линзы (II) приближается к 52,5 м. Преобладание в слое фрагментов керамики XI в., в т.ч. и поливной, позволяет датировать данную линзу именно этим периодом.

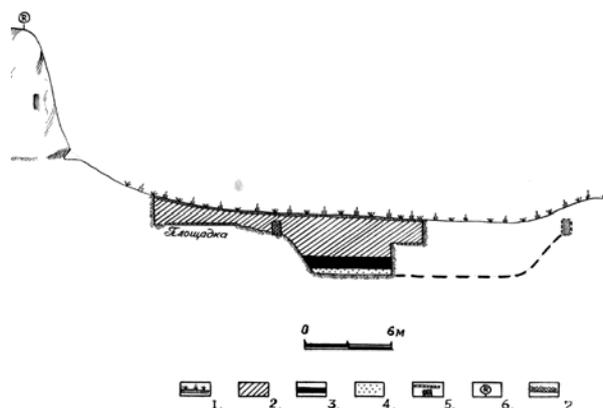

Рисунок 2. Водораспределитель южного обвода Султан-Калы. а) рельеф чаши водораспределителя по линии А-Б; б) схематический план водоема (по аэрофотосъемке 1979 г.); в) разрез шурфа-траншеи. Условные обозначения: 1 – дерновый слой; 2 – рыхлый грунт зеленовато-серого цвета; 3 – могильные ямы; 4 – плотный осадочный слой глины темно-коричневого цвета; 5 – наносный песок; 6 – чистый мелкозернистый песок; 7 – границы шурфа-траншеи.

Питался бассейн водами левого рукава канала ар-Разик, что хорошо видно в

микрорельефе городища и на аэрофото-снимках (съемка 1979 г.), где читается арык (водопровод), соединяющий водоем-распределитель с левым отводом.

Водосбор прекратил свое существование, видимо, в конце XI – начале XII в. Над линзой XI в. располагается рыхлый грунт зеленовато-серого цвета с некоторым количеством битых кирпичей и керамики, преимущественно XIV-XV вв. В этом же слое находились два погребения, одно из которых представляет собой простую могильную яму, а другое – с футляром из жженого кирпича.

Следовательно, если принимать во внимание исключительную слабость обживания этой части города в XII в., на что указывает ас-Сам'ани, говоря, что здесь находился квартал Джассин, который к XII в. опустел и превратился в кладбище Танургеран (Материалы..., 1939, с. 329; Лунина, 1966, с.78), следствием чего явилась запущенность гидротехнических сооружений, а также учитывая срок ингумирования двух могил, прекращение функционирования водоема-распределителя следует отнести к концу XI – началу XII в.

К таким же сооружениям относится водоем, расположенный в непосредственной близости от цистерны-сардобы на средневековом городище Анау. Этот водоем собирал талую и дождевую воду и направлял ее по крытым желобам-водостокам внутрь резервуара (Мерциев, 1952, с. 398-399.).

И, наконец, к *третьей группе* относятся водохранилища-накопители. Вода в таких водоемах сохранялась до критического момента (осада города, засуха), а сами они имели довольно внушительные размеры. На городище Шехр-Ислам было исследовано водохранилище, имевшее размеры 250 x 300 м. Оно обнесено стеной из сырцового кирпича; сохранившаяся высота ее 1-1,5 м, а толщина около 2 м. Вдоль стены построены башни, в некоторых местах прослеживаются стены домов. Вероятно, водонакопитель охранялся. Остатки водопровода, подходящего к водохранилищу, прослежены в его восточной стороне (Атагарриев, Нурбердыев, 1966, с. 84). Этот водопровод по праву признан исследователями явлением перво-

разрядным на фоне других подобных гидротехнических сооружений всего Среднего Востока домонгольского времени (Литвинский, 1979, с. 84).

Объем накопителя настолько велик, что он мог бы долгое время питать город водой. Однако, помимо преимуществ, эта категория сооружений имеет ряд недостатков, среди которых основным является то, что огромные размеры зеркала накопителя, естественно, вызывали большое испарение. Поэтому такие сооружения устраивались только в тех местах, куда вода подводилась проточным способом. Периодически наполняя водохранилище. Водонакопители были сооружениями, принадлежавшими городским властям, и тщательно охранялись, что видно по описанному выше объекту со стеной и башнями.

Все средневековые города Южного Туркменистана имели водоемы того или иного назначения, а в крупных городах встречались все типы водохранилищ. Об этом есть прямые указания средневековых письменных источников. Например, описывая Мерв X века, ал-Истахри пишет: «...из канала (Разик) берут воду жители (внутреннего) города (медины), отводя ее в хаузы (бассейны) в ней» (Материалы..., 1939, с. 173). Другой ученый того же столетия указывает на наличие в Мерве «немногих, но глубоких хаузов» (Материалы..., 1939, с. 204). Уроженец Мерва ас-Сам'ани (XII в.), отмечая кварталы своего родного города, говорит о том, что существовал даже целый квартал под названием «Хауз-Ризам» с бассейном во дворе мечети (Материалы..., 1939, с. 332). А Тартуси в своем романе об Абу-Муслиме упоминает мечеть и бассейн с водой (Бартольд, 1966, с. 192).

Несмотря на немногословность письменных источников о водохранилищах, следует отметить, что средневековые авторы не разделяли водоемы по их функциональному назначению и называли все сооружения бассейнами-хаузами.

Для устройства водохранилищ рассмотренных типов специально выбиралось место, где толщина почвенного покрова в виде лессовых и других глинистых масс была бы достаточной для максимального

устранения фильтрации воды в этих водоемах (Билалов, 1980, с. 98).

Все эти гидротехнические сооружения играли весьма важную роль в жизни средневековых городов. Устройство их требовалось по нескольким причинам. Во-первых, бассейны-хаузы прибавляли количество питьевой воды; распределители снабжали водой и ремесленные кварталы, прежде всего, керамистов. Во-вторых, все сооружения были крайне необходимы в засушливое время, когда резко снижался дебит воды каналов. И, наконец, в-третьих, со стратегической целью: водохранилища сооружались с учетом возможной осады города неприятелем, который, как извест-

но, прежде чем начать осаду, перекрывал основные водные артерии городского организма – каналы. Поэтому, как и за содержанием других гидротехнических сооружений (цистернами-сардobaми, каналами, кяризами, снегохранилищами - яхтангами, колодцами), тщательно следили: периодически проводилась чистка чаш водоемов; вода в накопителях также периодически обновлялась; в бассейнах-хаузах категорически запрещалось купаться, стирать белье и т.д. Нарушение этих норм жестоко каралось не только городской администрацией, но и самой жизнью в суровых климатических условиях Южного Туркменистана.

Литература

- Атагарриев Е., Нурбердыев К.* К вопросу о водоснабжении средневекового города Шехр-Ислама и орошения его окрестностей // Изв. АН ТССР, серия обществ. наук. 1966. №2.
- Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IV. М., 1966.
- Билалов А.И.* Из истории ирригации Уструшаны // Материальная культура Уструшаны. Душанбе, 1980.
- Литвинский Б.А.* Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. // Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1952.
- Литвинский Б.А.* Водопровод Так-Языра // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.
- Лунина С.Б.* Раскоп и стратиграфический шурф в южном обводе Султан-Калы в старом Мерве // Изв. АН ТССР, серия обществ. наук. 1966, №2.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.* Т. I. М.-Л., 1939.
- Мерциев М.С.* Сардoba городища Анау // Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1952.
- Ходжаниязов Т.* Мерв в сельджукскую эпоху // Изв. АН Туркменистана. 1992. №5.

Список сокращений

АВ	Археологические вести (Санкт-Петербург)
АО	Археологические открытия (Москва)
АРТ	Археологические работы в Таджикистане (Душанбе)
ВАУ	Вопросы археологии Урала
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВСОИРГО	Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического Общества
ГИМ	Государственный Исторический музей (Москва)
ЗЖ	Земледельческий Журнал
Изв.	Известия
ИРГО	Императорское Русское Географическое Общество
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана (Ташкент)
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры (Москва, Ленинград)
КЦ	Культурные ценности. Международный ежегодник (Санкт-Петербург)
МАИКЦА	Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва)
МОИП	Московское общество испытателей природы
МЮТАКЭ	Материалы Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (Санкт-Петербург)
РА	Российская археология (Москва)
РГО	Русское Географическое Общество
СА	Советская археология (Москва)
САГУ	Среднеазиатский государственный университет (Ташкент)
САИ	Свод археологических источников (Москва).
Сб. МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии (Москва-Ленинград)
СЭ	Советская этнографии (Москва)
ТЗС	Труды по знаковым системам (Тарту)
ТИИАЭ	Труды института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР (Ашхабад)
ТЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (Ашхабад)
УСА	Успехи советской археологии (Ленинград)
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ААН	<i>Acta Archaeologica Hungarica</i>
АМИ	<i>Archäologische Mitteilugen aus Iran</i> (Berlin)
АМИТ	<i>Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Deutsches Archaeologisches Institut</i> (Berlin)
AVA Materialien	<i>Materialen zur Allgemeinen Vergleichenden Archaeologie</i> (München)
AfO	<i>Archiv für Orientforschung</i> (Wien)
BAOC	<i>Bactria and Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan</i> (Venezia).
CASS	<i>Centre for Advanced Study in Sanskrit, University of Poona</i>
DIuP	<i>Die Indogermanen und das Pferd. Akten der Internationalen interdisziplinären Colloquiums. Bernhardt Schlerath zum 70 Geburtstag gewidmet \ Hänsel B., Zimmer S. (Hrsg.) Budapest, 1994. (Berlin)</i>
EAZ	<i>Ethnographisch-archaologische Zeitschrift</i> (Berlin)
EA	<i>Eurasia antiqua</i>
EW	<i>East and West</i> (Roma)
IASCCA	<i>International Association for the Study of the Cultures of Central Asia.</i>
ICIAIW	<i>Haerinck E. (Ed.) Proceedings of the International Conference The Iron Age in Iranian World. Gent, November 17-20, 2003.</i>
ИИ	<i>Indo-Iranian Journal</i>
IOS	<i>Israel Oriental Studies</i> (Winona Lake)

JAOS	Journal of the American Oriental Society.
JIES	Journal of Indo European Studies (Ann Arbor)
IsMEO	Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente (Roma)
JNES	Journal of Near Eastern Studies (Chicago)
LIV	Lexikon der indogermanischen Verben \ <i>Rix H.</i> (Ed.). Wiesbaden, 1998.
NABU	Nouvelles Assyriologiques Brèves et Utilitaires (Paris)
NRV	<i>M. San Nicolò, A. Ungnad.</i> Neubabylonische Rechts und Verwaltungsurkunden. Bd I. 1929-1935 (Leipzig)
PPS	Proceedings of the Prehistoric Society (London)
PSAH	Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse (Cambridge)
RA	Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale (Paris)
SAA	South Asian Archaeology
TEBR	<i>Joannès F.</i> Textes économiques de la Babylonie récente (Paris)
TMH	Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection. Bd 2/3, 1933 (Leipzig)
VS	Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin. Bd III-VI. 1907-1908 (Berlin)
ZA	Zeitschrift für Assyriologie (Berlin)

У истоков цивилизации

Сборник статей к 75-летию
Виктора Ивановича Сарияниди

Редакционная коллегия

Косарев Михаил Федорович
Кожин Павел Михайлович
Дубова Надежда Анатольевна

Научное издание

470 с.

Москва, 2004 г.

ISBN 5 – 89930 –081-7
ООО Старый сад
101000 Москва, Старосадский пер., д.9

Формат 60x84 1/8 Уч-изд л. 58,1
Усл. печ. л. 44,2 л. Заказ № 239 Тираж 300 экз.

Типография ООО Оргсервис-2000
117419 Москва, ул. Орджоникидзе , д.3